

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Star 176.25

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ВЪСТАНКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛЮБИНЪ.

ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ.— КНИГА 10-я.

ОКТАВРЬ, 1874.

3-3

ПЕТЕРБУРГЪ.

Издательство

№ 21/618

КНИГА 10-я. — ОКТЯБРЬ, 1874.

	Стр
I.—КОНЕЦЪ СТАРАГО РОМАНА.—I-V.—II. Альминскаго	441
II.—В. Г. БЪЛИНСКІЙ.—Опытъ биографіи.—IV. Гегеліанство; развитіе мнѣній Бѣлинскаго и его отношенія въ средѣ московскаго кружка. 1837-39.—А. И. Пыпина	469
III.—ГРИБОѢДОВСКАЯ МОСКВА ВЪ ПИСЬМАХЪ М. А. ВОЛКОВОЙ КЪ В. И. ЛАНСКОЙ.—1812-1818 гг.—1814 г., январь-июль.—М. Свистуновой	542
IV.—СЪВЕРЕРО-АМЕРИКАНСКІЯ ОКРАИНЫ.—Поездка русскаго рабочаго въ Индіанъ-Территорию.—I-II.—А. С. Курбскаго	590
V.—ДЖОНЪ СТЮАРТЪ МИЛЛЬ и ЕГО ШКОЛА.—Статья восьмая.—Юр. Росселя	654
VI.—ВТОРАЯ ИМПЕРІЯ ВЪ РОМАНѢ ЭМИЛЯ ЗОЛЯ. — Статья четвертая.—Les Hongrois-Macquet, par Em. Zola. T. IV: La conquête de Plassans.—А. Э.	635
VII.—ДВА ПИСЬМА ВОЕННАГО ТУРИСТА. — Севастополь - Константинополь. — М. И. Богдановича	792
VIII.—РАЗДѢЛЪ ЗЕМЛИ.—Изъ Шиллера.—В. С. Соловьева	803
IX.—ХРОНИКА.—Вопросъ объ улучшеніи судьбы незаконнорожденных.—А. И.	805
X.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Преобразование мѣстныхъ учреждений по крестьянскимъ дѣламъ.—Учрежденіе мировыхъ посредниковъ и ихъ дѣятельность.—Поземельныя дѣла и крестьянское управленіе. — Характеръ новаго устройства.—Идержки земства. — Проектъ закона о работѣ малолѣтнихъ на фабрикахъ. — Преобразование квартирной повинности.	817
XI.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Кн. Бисмаркъ и испанскія дѣла.—Интересы германской политики.—Вопросъ о Шлезвигѣ. — Ходъ карлистской войны. — Поездка маршала Макъ-Магона. — Вопросы выборов.—Политика партій во Франціи.	841
XII.—КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.—Министерскія исторіи въ Пруссіи.—К.	857
XIII.—ЗАМѢТКА.—Первыя реальныя гимназіи во Франціи.—М. С.	874
XIV.—ИЗВѢСТІЯ.—Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ	883
XV.—БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.	

ОБЪЯВЛЕНІЯ и ПРИЛОЖЕНІЯ см. ниже: I—VIII стр.

Объявленіе объ изданіи журнала «Вѣстникъ Европы» въ 1875 г., и о продолженіи изданія той же редакціей «Года», истор.-полит. обзорнаго 1873—74 гг., см. ниже.

Объявленіе о трехъ первыхъ книгахъ «Русской Библиотеки»; избранныя сочиненія А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и Н. В. Гоголя—см. въ отдѣлѣ объявленій, стр. VIII.

1879, Oct. 6.
Gift of
Wagner Schuyler,
U. S. Consul at
Birmingham, Ala.

P Slav 176.25
121.84
Starzoz

КОНЕЦЪ СТАРАГО РОМАНА

Посвящено В. Д. Спасовичу.

— Какъ хотите, прежде романы оканчивались лучше. Сама жизнь, какъ материалъ, была пригоднѣе, законченнѣе.

— А чѣмъ же теперь хуже?

— Да помните, — какіе у насъ идеалы? Какіе герои? — Самые-то интересные романы теперь оканчиваются на сценѣ подсудимыхъ.... Это — ампутація, а не развязка.

— Ваша правда, уголокъ не особенно поэтический... За то ужъ тутъ, если торжествуетъ добродѣтель, то — самая настоящая; наказывается порокъ, такъ ужъ порокъ тоже самый несомнѣнный. Наконецъ, если хотите, въ наказаніи лежитъ идея примиренія, за которую въ старину такъ гонялись поэты и философы....

— Вонъ вы куда метнули! Съ этой точки зрѣнія вы, пожалуй, лорда Байрона лишили бы правъ состоянія и сослали бы на примиреніе — только не въ Грецію.... Fiat justitia!... Но вѣдь наше дѣло партикулярное: намъ хотѣлось бы просто *помять* живой фактъ, не по уголовному кодексу. Одинъ умный человекъ сказалъ: понимать и обвинять — это почти такъ же нелѣпо, какъ не понимать и осуждать.

Изъ разговора двухъ любителей словесности.

I.

Нашъ глазъ уже привыкъ встрѣчать при въѣздѣ въ каждый благоустроенный городъ одно неуклюжее зданіе какой-то самодѣльно-готической архитектуры, стоящее особнякомъ, обнесенное стѣною и охраняемое кругомъ часовыми. Оно воздвигается обыкновенно въ самомъ невеселомъ сосѣдствѣ — гдѣ-ни-

будь неподалеку отъ кладбища, выгона, или пустыря, на который обыватели свозятъ все, что ужъ черезъ-чуръ нарушаетъ привычное неряшество ихъ дворовъ и улицъ.

Все въ нашемъ прекрасномъ мѣрѣ ровнымъ образомъ измѣняется, все ищетъ и хотя ошущью находить возможность приспособиться къ нарастающимъ и осложняющимся условіямъ земного существованія... Одно лишь это зданіе споконъ-вѣку стоитъ все то же—оковенѣлое, замкнутое, озлобленно-угрюмое, какъ будто оно оглохло для какихъ бы то ни было требованій жизни, и даже самое время будто остановилось и повисло надъ нимъ своимъ тяжелымъ, мертвымъ крыломъ...

И не мудрено, если мы сообразимъ, что это зданіе имѣетъ всемірно-историческое значеніе, что оно цѣлые вѣка стоитъ на стражѣ всеобщей безопасности... Ясно, что тамъ вовсе не мѣсто филантропическимъ затѣямъ, гдѣ должна хозяйничать одна лишь суровая забота объ охранѣ общественной безопасности. Но все же забота эта весьма непривлекательна и весьма тяжела, а потому и принимаетъ всегда нѣкоторую филантропическую окраску. Благоустройство помнутаго зданія ввѣряется попеченіямъ самыхъ почтенныхъ гражданъ, объ улучшеніи его хлопчатъ самые гуманые люди, но всѣ ихъ благородныя усилія разбиваются о какую-то рововую невозможность, и не идутъ далѣе подмазки старыхъ стѣнъ и поддержанія исеони заведенныхъ порядковъ...

Существуютъ на свѣтѣ прекрасные чудаки (мы ихъ искренно любимъ), которые утверждаютъ, что и безсиліе филантропическихъ затѣй, и неудачи новаторскихъ попытокъ по тюремному вопросу весьма утѣшительны: онѣ будто-бы несомнѣнно доказываютъ, что обществу не слѣдуетъ тратить силъ на улучшеніе того, что рано или поздно въ слѣдствіе успѣховъ нравственности должно неминуемо само собою упраздниться... Счастливые оптимисты, они вѣруютъ въ лучшія времена!..

Между тѣмъ для зданія, о которомъ идетъ рѣчь, кажется, съ каждымъ годомъ времена становятся хуже, труднѣе: людей, одержимыхъ злою волей, какъ будто все прибываетъ, такъ что, наконецъ, мрачная утроба старой тюрьмы переполняется, и общественное самоохраненіе вынуждено изыскать немедленно средства отвратить грозную бѣду.

Надъ этимъ вопросомъ, конечно, можно призадуматься, и поискать его рѣшенія не въ однѣхъ только тѣсныхъ стѣнахъ древняго зданія, а скорѣе за ихъ оградой на вольномъ воздухѣ...

Но обыкновенно бѣда поправляется очень просто: построй-

кою новаго болѣе обширнаго помѣщенія, а если для этого нѣтъ подъ рукою готовыхъ средствъ, то нанимается одинъ изъ сосѣднихъ обывательскихъ домовъ, приспособляется для требуемой цѣли, и тамъ отърывается, такъ сказать, филиальная тюрьма, въ которую переводятъ изъ главной субъектовъ менѣе опасныхъ—женщины, дѣтей, неисправныхъ должниковъ, непомнящихъ родства и другихъ какихъ-нибудь болѣе смиренныхъ.

По крайней мѣрѣ такъ именно случилось въ городѣ Абв., гдѣ для этого былъ нанятъ домъ кладбищенскаго дьячка, недавно построенный, саженахъ въ пятидесяти отъ тюремнаго замка. Домикъ этотъ полутора-этажный, каменный, несмотря на заложеныя въ окна желѣзныя рѣшетки, на полосатую будку у калитки и на военный караулъ, помѣщенный въ особой пристройкѣ сбоку,—явно предназначенной хозяиномъ для заведенія «распивно и навынось»,—сохранилъ свой партикулярный характеръ. Парадный подъѣздъ съ улицы хотя былъ заволочень наглухо, однако его затѣйливая дверь съ бронзовою скобкой какъ будто приглашала прохожаго зайти въ гостепріимную квартиру средней руки чиновника. Небольшой дворъ, обнесенный досчатымъ заборомъ, былъ перегороженъ на-двое; въ одной его половинѣ смотрительша женскаго отдѣленія вскопала (конечно, руками заключенныхъ женщинъ) нѣсколько грядокъ и насадила душистаго горошка, подсолнечниковъ, мака и укропа. Женское отдѣленіе помѣщалось въ верхнемъ этажѣ съ стеклянною галлереею по длинѣ всего дома; оттуда постоянно слышались мѣрные удары валька, катавшаго бѣлье, и зазорное бабское судаченье, разроставшееся иногда до бури, но мигомъ затихавшее подъ строгимъ окрикомъ смотрительши.

Нижній, вросшій въ землю, этажъ былъ степеннѣе и мрачнѣе; спустившись ступенекъ на шесть и наклонивъ въ дверяхъ голову, вошедшій пробирался черезъ полутемныя сѣни въ низенькія и сырыя каморы; изъ нихъ первыя были наполнены разнымъ народомъ, а въ послѣдней обрѣтался всего одинъ жилецъ, какъ видно, привилегированный и не общительный, всегда плотно затворявшій свою дверь.

Въ первой каморкѣ въ углу на скамеечкѣ точно приросъ сѣдой, хромоногий солдатъ въ грязномъ фартукѣ, вѣчно чинившій казенные арестантскіе коты и любившій иногда, выползая на дворъ, побалагурить сквозь щели забора съ прекраснымъ поломъ; около него торчалъ самодѣльный костыль и валялись атрибуты сапожнаго мастерства, распространявшіе кислый запахъ. Тутъ же у входа, на стѣнѣ, висѣла пашка на ременной пор-

тушеѣ, шинель и прочіе форменные доспѣхи надзирателя Разнобалова, совершенно краснорожаго унтеръ-офицера. Въ доспѣхи эти онъ облевался тогда только, когда шелъ съ «лепортомъ» къ смотрителю зѣмба, или ожидалъ посѣщенія начальства, а обыкновенно не любилъ стѣснять себя формою. Спать онъ ужасно много и все кряхтѣлъ, какъ человекъ, обремененный обширною властью и громадною отвѣтственностью; чрезвычайно добродушно важничалъ передъ заключенными и любилъ, когда его угощали чаемъ, причемъ не прочь былъ услужить каждому по части покупки такихъ вещей, которыя, какъ онъ выражался, «не больно строги».

— Вамъ чего? — сахарцу, икры, али молочка? — Это ничего, можно; ну, тамъ малость табачку тоже, только съ уговоромъ — въ камерахъ не курить. У насъ вотъ, въ примѣру, напитки — ну это строжайше! Карты тоже вещь строгая, а прочее ничего. Оно точно, за всякую малость съ насъ взскакивается, а потому, господа, чтобы отнюдь безъ вѣдома не было. Мы довольно понимаемъ, что опасно и опять же что допускается. У насъ тоже инструкторы, — взскакивается строжайше.

Однако, не смотря на краснорѣчіе Разнобалова, самые «строжайшіе предметы» проникали также въ эту укромную обитель.

Больше всего ломался Разнобаловъ надъ двумя заключенными, обязанными исполнять разныя работы: ходить за пищей, по-воду, топить печи, мыть полы и т. д. Одинъ былъ красивый и чрезвычайно тихій деревенскій парень, Иванъ, мечтавшій о томъ, какъ бы ему послѣ высылки непременно поступить въ солдаты, лишь бы не вернуться въ родную деревню, гдѣ онъ имѣлъ романтическую исторію съ дочерью волостного писаря, на которой былъ не прочь и жениться, да «батька» не велѣлъ, потому что состоялъ съ писаремъ въ смертельной враждѣ. По прояскамъ писаря затѣялось какое-то уголовное дѣло, и попалъ нашъ бѣдный Иванъ въ тюрьму на цѣлый годъ и четыре мѣсяца. Любопытнѣе всего то, что сельскій Донъ-Жуанъ никакъ не могъ себѣ уяснить ни сущности своей вины, ни процедуры судебной: «сѣхались господа, — говорилъ онъ съ грустною усмѣшкой, — свидѣтелей спрашивали, а свидѣтели какіе же тутъ могутъ быть?» — ткнули на сторону писаря, извѣстно, брехали.... Потомъ господа промежь себя говорили — говорили, а все молчалъ, слушала, ничего не разобралъ, такъ, ровно сонъ, — а потомъ говорятъ: въ тюрьму... Теперь дѣло прошлое, только чѣмъ же я виноватъ? — Оно бы все ничего, только какъ изъ тюрьмы опять домой въ деревню вернуться, — срамъ это у насъ считается очень

великій, — прохода не дадутъ; а кабы въ солдаты, такъ я еще честь себѣ заслужу».

Другой рабочій былъ такое странное существо, что даже осторожное начальство затруднялось, къ какой категоріи его причислить. Взять онъ былъ въ одномъ селеніи послѣ ярмарки, взять только потому, что никто не призналъ своимъ этого несчастнаго парня лѣтъ 16-ти; откуда и какимъ образомъ попалъ онъ въ незнакомое село, кто его сюда завезъ и бросилъ, или убѣжалъ онъ отъ сладкаго житья, — осталось тайною: бѣднякъ оказался глухонѣмымъ... Взяли его какъ бродягу, пересылали, таскали по всему уѣзду, ничего не открылось, всюду отъ него отрезаются, а онъ только мычить и плачетъ. Наконецъ, порѣшили, — что съ нимъ попусту нянчиться! — отправить его въ губернскую тюрьму впредь до разясненія дѣла. Этимъ рѣшеніемъ глухонѣмой остался повидимому очень доволенъ, исполнялъ всякую работу съ воловьимъ усердіемъ и обнаруживалъ какую-то трогательную привязанность къ мѣсту, такъ странно его пріютившему. Удивительно, зачѣмъ брошена эта здоровая рабочая сила, и какъ наши деревенскіе хозяева, вѣчно жалующіеся на недостатокъ рабочихъ рукъ, не воспользовались удобнымъ случаемъ пріобрѣсти дароваго работника? Кажется, тому причиною его глухонѣмота; въ деревняхъ глухонѣмого не считаютъ даже настоящимъ человѣкомъ: «какъ съ нимъ разговаривать? — да и хлопотъ не оберешься!» — Между тѣмъ нашъ глухонѣмой былъ малый работящій: по собственной охотѣ раза три на день вымететъ тюремный дворъ и потомъ долго любитъ его чистотою; караульнымъ солдатамъ уважаетъ, гдѣ стоитъ вода, и проситъ знаками, чтобы кюбочку накрывали и воду зря не расплескивали; каждаго вновь поступившаго арестанта онъ водилъ по всѣмъ завоуламъ тюрьмы и какъ-то ободрительно гладилъ по спинѣ, дескать: «у насъ тутъ хорошо; я радъ, что ты къ намъ попалъ, не робѣй!» Силень онъ былъ необычайно; мускулистый, нескладный, сутулый, онъ, кажется — еслибъ на тюрьму было сдѣлано нападеніе, защищалъ бы ее съ яростью медвѣжонка, одинъ противъ десяти. Ходилъ онъ всюду одинъ свободно; мысль о побѣгѣ, какъ о дѣлѣ очень невыгодномъ, вѣроятно, ему и въ голову не приходила. Ласковый со всѣми, онъ ненавидѣлъ только одного надзирателя Разнобалова, который по своей командирской фантазіи любилъ въ свободное время надъ нимъ потѣшаться, дразнилъ какъ звѣрка, и если звѣрекъ оцетинивался, запиралъ его для смѣха въ темный чуланъ, для чего приходилось призывать на помощь челоувѣка четыре караульныхъ, — или грозилъ отнять сапоги, кѣмъ-то

ему подаренные, которые глухонѣмой носилъ только по праздни-камъ и считалъ величайшимъ сокровищемъ.

Въ слѣдующихъ камерахъ помѣщался народъ «почище». Замѣчательнѣе другихъ были два субъекта: маленькій, сѣденькій купецъ-краснорядецъ Авдѣй Авдѣичъ Богачовъ, гладко обстриженный, выбритый, носившій нѣмецкое платье. Содержался онъ за долгъ государственному банку и отсиживалъ второй и послѣд-ный годъ положеннаго срока. Человѣкъ степенный, крайне щепетильный въ обращеніи и домовитый, Богачовъ обрядилъ свой уголокъ весьма уютно: у него была собственная кровать, столикъ, чайникъ и сундучокъ; въ-головахъ онъ повѣсилъ икону и за-клеилъ всю стѣну суздальскими картинками божественнаго содер-жанія. По праздникамъ ходилъ въ тюремную церковь и читалъ святцы; иногда являлась къ нему жена съ пятилѣтнею дочкой; ребенокъ гащивалъ у отца по нѣскольку дней и былъ истинной утѣхой всѣхъ заключенныхъ; особенно глухо-нѣмой возился съ нею, носилъ на рукахъ, смѣялся и рычалъ пронвительно; дѣвочка сначала боялась его, а потомъ привыкла и какъ будто забавля-лась его звѣрообразіемъ. Какъ-то жутко становилось, глядя на эту хорошенькую и веселенькую дѣвочку: первымъ ея воспоми-наніемъ въ жизни будетъ тюрьма и въ ней старичокъ-отецъ...

Сосѣдъ Богачова былъ тоже давнишній обитатель казенной квартиры, крупный, воренастый старецъ лѣтъ 70-ти, съ изжелта-бѣлою окладистою бородой, съ виду ужасно похожій на попа-разстригу, даже для полноты сходства носившій балахонъ осо-баго покроя, смахивавшій на рясу, и низкую рыжую шляпенку съ широкими полями. Женщины верхняго этажа всегда привѣт-ствовали его изъ оконъ галлерей: «здравствуйте, батюшка!», а онъ съ нѣкоторою важностью откликался: «миръ вамъ!» или «помо-гай Боже!» Настоящее свое имя, званіе и происхожденіе онъ скрывалъ, прибавляя таинственно, что все это откроется высшему начальству, когда приспѣетъ время... а теперь именовалъ себя «странникъ Бѣлинскій»...

Какими путями имя знаменитаго критика достигло до свѣдѣ-нія этого странника—неизвѣстно; но очевидно было, что не безъ какой-то задней мысли онъ присвоилъ себѣ это имя, ибо часто говорилъ: «охъ, въ былыя времена лють я былъ перомъ, весьма лють! да и теперь еще моего пера боятся, какъ бритвы, потому самому и рѣшили держать въ вѣчномъ заточеніи». Бѣлинскій по-стоянно носилъ за голенищемъ письменныя принадлежности—ка-рандашъ, пузырекъ чернилъ, гусиное перо и свертокъ сѣрой бумаги, предметы все «строжайшіе»; украдкой отъ Разнобалова

онъ строчилъ какія-то записки и прошенія, прочитывалъ ихъ своему пріятелю Авдѣю Авдѣичу, а этотъ, прослушавъ сочиненіе, всегда замѣчалъ:

— Не совѣтую я вамъ, господинъ Бѣлинскій, оставьте втугѣ, какъ бы вамъ хуже не было, потому это больше ничего, какъ одна строптивость.

— Ни въ жисть не оставлю!—горячо возражалъ странникъ: Мы вѣрноподанные все равно, какъ и прочіе, и долгъ нашъ есть доходить до правды. Я пять лѣтъ тому назадъ описалъ всѣ злоупотребленія и подалъ въ видѣ проекта,—отчего-жъ не даютъ никакого хода? Почему? Я очень прекрасно знаю, что и г. начальникъ губерніи и всѣ предержавшія власти противъ меня ополчились: Бѣлинскій имъ солонъ пришелся! Однако я, Авдѣй Авдѣичъ, не впадаю въ малодушіе.

— А по-моему плюнуть на все это. Только начальство безпокойте. По вашему званію оно даже непристойно. Чтѣ про это въ писаніи связано?

— А чтѣ сказано?—Ну-те-ка, ну-те!

— Извѣстно чтѣ... не одобряется,—заминался Богачовъ.

— Вотъ и не знаете: писаніе, писаніе! эхъ вы, міряне!

— А, напримѣръ, вотъ это: «ему же честь—честь, ему же судъ—судъ»... Вы какъ полагаете?

— Хорошо, и все это я знаю превосходно. Только къ чему оно связано-то? Вы, въ примѣру, видите, что слово стойтъ; а зачѣмъ оно тутъ поставлено, къ чему клонится—вотъ и загвоздка! Оно и изъ нашего-то званія не всякому дано...

За отсутствіемъ насущныхъ практическихъ интересовъ, разговоры заключенныхъ всегда почти принимали направленіе метафизическое; особенно часто рѣчь заходила о человеческой душѣ и загробной жизни: это были любимыя темы ихъ споровъ, причемъ Бѣлинскій, въ общему изумленію, оказывался страшнымъ вольнодумцемъ; онъ какъ будто нарочно подзадоривалъ благочестиваго Авдѣя Авдѣича, озадачивалъ его текстами, которые самъ перевиралъ, старался показать, что принадлежитъ къ кастѣ тѣхъ мудрецовъ, которые, обладая глубокими тайнами знанія, легко могутъ морочить простодушныхъ людей — и вообще хваталъ черезъ край...

— Позвольте, позвольте!—деликатно останавливалъ его Богачовъ:—ну, а какъ же по вашему это: связано, что по кончинѣ человѣка душа сорокъ дней странствуетъ по мытарствамъ; вы, пожалуй, и въ это не вѣрите?

— Опять же и это правило я достаточно знаю; только какъ

надлежить понимать? Извѣстное дѣло, міряне обязаны справлять сорововину, собственно для соблюденія правила, это такъ! А на счетъ пребыванія души въ точности еще не доказано; а ужъ коли хотите знать, такъ вонъ нонѣ есть такіа книжки, что еще и о самой-то душѣ толкуютъ разно:—изъ чего она составлена, какимъ манеромъ... кто говоритъ — парь, а кто и нѣтъ ничего... Вонъ хошь бы у нашего глухонѣмого, какая можетъ быть у него душа?— Ужъ одно то, что у исповѣди бывать не можетъ, а все же онѣ человѣкъ, какъ и прочіе.

— Послѣ этакихъ вашихъ словъ я и говорить-то съ вами не хочу!

Богачевъ отплевывался и уходилъ гулять по двору. Но и послѣ такихъ рѣшительныхъ размолвокъ, пріятели мирно изъ одного горшечка хлебали кашу, а подъ вечеръ непременно пѣли что-нибудь изъ великопостнаго служенія. Особенно хорошо у нихъ выходило: «Поклоняемся страстемъ твоимъ, Христе»,—причемъ сладенькій теноръ Богачова забиралъ необыкновенно высоко и забѣгалъ впередъ противъ густого, основательнаго баса странника.

Бѣлинскій пользовался нѣеоторою свободою; кромѣ постояннаго хожденія въ тюремную церковь, часто онѣ, подъ надзоромъ караульнаго солдата (безъ ружья), уходилъ на базаръ. Всѣ заключенные пользовались экскурсіями странника: съ вечера давали ему деньги для разныхъ порученій. Покупалъ онѣ все очень хорошо и экономно, только не для себя; базарные лавочники это знали и къ покупателямъ всегда доброхотно прибавляли какое-либо даяніе бѣдному старикѣ, не имѣвшему, конечно, нѣеогда мѣдной копѣйки. Возвращался онѣ, обремененный разными увелками и горшечками, всегда веселый, разговорчивый, и озадачивалъ всю тюрьму самыми свѣжими и удивительными новостями.

— Ну, господа, шабашъ! Одинъ купецъ мнѣ завѣрное сказывалъ, что на-дняхъ все начальство наше смѣняють, всѣхъ до одинаго, чтобы и духу не пахло. Вотъ какъ!

И всѣ на него глядятъ съ недоумѣніемъ, даже съ испугомъ, а онѣ еще пуще харахорится и огорошиваетъ публику:

— Такъ-то-съ, государи вы мои! Значить, выходитъ, и мы не въ забвеніи. Толкуютъ еще въ народѣ, что скоро милостивый манифестъ выйдетъ: только тѣхъ оставить, кто человѣческую кровь пролилъ; ну, тѣхъ, извѣстно, ослобонить трудновато, а прочіихъ всѣхъ обратить по прежнему, чтобы, значить, по своимъ домамъ разошлись и молили Господа Бога...

Какъ ни смѣлы были подобныа новости, однако онѣ произ-

водили сильное возбужденіе между заключенными. Разумѣется, никто имъ не вѣрилъ, а видно было, что вѣрить-то ужасно хотѣлось... Между тѣмъ, если бы взаправду предложить этимъ бѣднякамъ идти на всѣ четыре стороны, то они не сумѣли бы отвѣтить, куда пойдутъ, гдѣ преклонять голову...

— Ну, ужъ вы всегда нанесете газетъ!—свѣптически замѣчалъ Богачовъ:—это ужъ мы слыхали; а вотъ не слыхали ли вы, что васъ въ генераль-аншефы велѣно произвести?

— Каки-таки аншефы? Это васъ, можетъ, въ пѣшу кавалерію опредѣлять,—отшучивался странникъ, а мы отслужили: насъ пора на покой по нашему смиренству.

Иногда Бѣлинскій являлся скромнѣе, и газеты его были ближе къ настоящему дѣлу...

— Сегодня его высокопреосвященство къ намъ пожалуетъ. Хочу, говорить, благословить моихъ узничковъ, давно ужъ не видался съ ними, соскучился.

Подобная новость возбуждала удовольствіе всей публики и усиленное крихтѣнье Разнобалова, который сейчасъ же облевался въ свою аммуницію, заставляя глухонѣмого посыпать песочкомъ всѣ дорожки, протоптанныя отъ крыльца по двору, а самъ шагаль къ смотрителю узнать дѣло въ точности.

Вообще походы странника на базаръ будили эту сонную жизнь, и вранье его не только никому не надоѣдало, но если бы оно прекратилось, всѣ почувствовали бы себя вдвое несчастными.

На Разнобалова Бѣлинскій смотрѣлъ нѣсколько свысока; признавая, что надзиратель—персона официальная, старикъ однакоже не допускалъ, чтобы краснорожій простой ундеръ могъ быть облеченъ какою-нибудь властью, а приставленъ онъ больше для того, чтобы состоять въ распоряженіи самихъ же заключенныхъ и даже угождать имъ.

— Ежели онъ намъ въ чемъ не уважить, я его сейчасъ же смѣню, у меня это не долго! Были у насъ и попрытче его, видали мы! Я ужъ трехъ такихъ-то смѣнилъ; меня тутъ довольно знаютъ!

Съ этимъ мнѣніемъ соглашался и Богачовъ. Дѣйствительно, если пожаловаться самому смотрителю—и пожаловаться половчѣе, такъ чтобы его благородіе почувствовалъ себя отцемъ и благодѣтелемъ, денно и ночью радѣющимъ о благополучіи арестантовъ: «мы-де вами не нахвалимся»,--то надзиратель непременно будетъ смѣненъ; на это мѣсто охотниковъ пропасть, мѣсто самое покойное.

Да и все-то это заведеніе, соединявшее въ себѣ женскую тюрьму, смирительный домъ и долговое отдѣленіе, было самымъ покойнымъ и мирнымъ уголкемъ; никогда никакихъ исторій тутъ не случалось, ни буйства, ни дисциплинарныхъ нарушеній, а о побѣгахъ даже не было и слышно, хотя ничего не могло быть легче, какъ убѣжать изъ таковой партикулярной тюрьмы. Но куда и зачѣмъ бѣжать этимъ жалкимъ бѣднякамъ? Въ стѣнахъ заточенія они обрѣли себѣ пріютъ уготованный: ни о чемъ тутъ заботиться не надо, работы у нихъ никакой нѣтъ; Иванъ, солдатъ и глухонѣмой только и работали, остальные слонялись, какъ шальные трутни. Смыслъ этой жизни совершенно потерявъ; они просто облѣнились, зависли и съ каждымъ днемъ становились все менѣе и менѣе способными жить на волѣ, то-есть, кормиться своими руками. Насколько они были опасны обществу до своего заточенія, — сказать трудно; но несомнѣнно, что общество, тратясь на ихъ содержаніе, приготовляло особенные экземпляры людей ни къ чему не пригодныхъ, нищихъ тѣломъ и духомъ...

II.

Въ самой отдаленной камерѣ, какъ мы сказали, помѣщался «привилегированный» и необщительный господинъ. Это былъ послѣдственный арестантъ и содержался онъ прежде въ главной тюрьмѣ, а какъ-то недавно переведенъ сюда. Поздно вечеромъ онъ явился въ сопровожденіи полиціймейстера и смотрителя замка, отъ которыхъ даны были Разнобалову разныя наставленія въ томъ смыслѣ, чтобы не стѣснять; затѣмъ, полиціймейстеръ, пожавъ арестанту руку и пожелавъ покойной ночи, удалился. Смотритель еще долго оставался, пока явился камердинеръ, привезшій складную кровать, коверъ, столъ, чайный сервизъ, туалетныя принадлежности, нѣсколько книгъ и проч., и все это размѣстилъ по комнатамъ. Смотритель заговаривалъ вѣжливымъ, даже заискивающимъ тономъ, но едва удостоивался отвѣтовъ короткихъ и сухихъ. Обитатели другихъ камеръ долго шептались о необычномъ явленіи; всѣ догадки сводились къ тому, что этотъ баринъ — лицо значительное, потому и даны ему особенныя льготы. Онъ всю ночь не спалъ, ходилъ по камерѣ, курилъ папиросы, а утромъ самъ великій Разнобаловъ подаль ему самоваръ. Въ полдень опять явился камердинеръ, привезъ заутракъ. На другой или на третій день Бѣлинскій дерзнулъ остановить щеголеватого барскаго лакея на дворѣ и очень тонко завести рѣчь о баринѣ,

но узналъ только, что это помѣщикъ Валеріанъ Николаевичъ Махнатовъ; а на вопросы какъ, за что, по какому случаю его сюда упртали, получилъ обидный отвѣтъ: «это не вашего ума дѣло».

Загадочный арестантъ былъ молодой, весьма красивый господинъ, съ черными усами и съ горделивой, особенной осанкой отставного кавалериста; на синевато-блѣдномъ лицѣ его лежало насмѣшливое спокойствіе; говорилъ онъ отрывисто, неохотно, нѣсколько картава по-парижски; изрѣдка ложился на кровать, читалъ книгу, но книга видно мало занимала его: онъ бросалъ ее и по часамъ шагалъ изъ угла въ уголъ своей коморки, навистывая игривыя шансонетки. Кромѣ слуги, долгое время никто не навѣщалъ его: уже спустя дней десять въ тюремной калитѣ подъѣхала карета, раздався крикъ: «послать старшаго!» — Засуетившійся Разноболовъ надѣлъ аммуницію, растолкалъ спящихъ арестантовъ, выбѣжалъ и скоро воротился, сопровождая весьма элегантную барыню подъ густою вуалью. Бѣлинскій и Богачовъ почли долгомъ степенно поклониться этой госпожѣ, промелькнувшей въ камеру барина, и когда дверь затворилась, приняли на себя обязанность водворить между арестантами благопристойность, приличную случаю.

— Bon jour, Catherine, — сказалъ Махнатовъ такимъ ровнымъ голосомъ, будто свиданіе ихъ было самое обыкновенное и они вчера только разстались весьма благополучно.

Вошедшая, не поднимая вуали, припала лицомъ къ его плечу. Едва было слышно, что она глотаетъ слезы. Онъ молчалъ. Разговоръ между ними (на французскомъ языкѣ) долго не могъ найти настоящей колеи; отрывочныя, недоконченныя фразы вспыхивали и обрывались. Оба они точно старались размотать спутанный клубокъ шерсти и все не могли поймать настоящей конецъ нитки.

— Ты когда воротилась?

— Вчера съ вечернимъ поѣздомъ.

— Ну, а тамъ какъ: почтовые лошади были, или своихъ выслали?

— Своихъ.

— Хорошо теперь въ деревнѣ... хлѣбъ еще не убираютъ?

— Скоро начнутъ... недѣли черезъ двѣ-три...

— Мм... да... а я вотъ тутъ запертъ... смѣшно даже какъ-то... Извини мою убогую обитель, Катя. Здѣсь еще хорошо; говорить, это мнѣ облегченіе сдѣлали... Нѣтъ, а вонъ туда не

угодно ли заглянуть — въ настоящую... Право, здѣсь не совсѣмъ дурно; дивана нѣтъ, садись хоть на кровать.

— Валеріанъ!—вѣдь это ужасно... ужасно!

— Ничего ужаснаго: мѣра пресѣченія способовъ, или способъ пресѣченія... такъ, кажется?.. Совершенно легально!

— Могли бы безъ этого обойтись; развѣ ты убѣжишь?

— Должно быть, убѣгу... ха, ха! Нынѣ такъ изловчились, что самыя легальнѣйшія вещи умѣютъ обратить въ орудіе личныхъ побужденій. Ты вѣрно забыла мои милыя отношенія къ нашимъ губернскимъ идиотамъ? Теперь я въ ихъ рукахъ, пускай тѣшатся! А все-таки они идиоты.

— Судебный слѣдователь говорить, что это не онъ...

— Знаю, что не онъ. Юноша хоть и недалекій, но пока еще стыдливый... только что-жъ онъ значить? Вѣдь онъ не настоящій *juge d'instruction*, а, какъ они сами называютъ, и. д., то-есть исправляющій должность; ну и дѣлай, что прикажутъ.

— Однако объявилъ, что залогъ приметъ.

— Да, очень благодаренъ! ужъ это я слышалъ: двадцать тысячъ. Нѣтъ, ужъ пожалуйста не надо.

Долгое молчаніе.

— Катя, твой отецъ... (голосъ его дрогнулъ). Ничего не объяснялъ тебѣ?.. Какъ вы встрѣтились?

— Неумолимъ...—отвѣтила она, не смѣя поднять глазъ.

— Я не о томъ... Милости его не приму... Надѣюсь, ты объ этомъ и не упоминала... Желательно знать, что съ тобой будетъ потомъ, безъ меня... Если бы ты и пожелала раздѣлить участь мужа, то откровенно скажу, —я не хочу отъ тебя никакой жертвы...—процѣдилъ онъ, грызя ногти.

— Можетъ быть еще не такъ дурно кончится... Зачѣмъ отчаяваться?

— Ахъ, Боже мой!—когда же мы перестанемъ ребячиться?.. Я ужъ вамъ сказалъ, Catherine, что я радъ этой развязкѣ... Не заставляйте меня снова перетраживать старый хламъ...

Глубокая досада зашипѣла въ голосъ мужа и сообщила ядовитый тонъ всему послѣдующему разговору. Это говорили уже не супруги, не близкіе люди, а враги смертельные...

— Успокойтесь, Валеріанъ: въ этомъ городѣ я ни за что не останусь...

— Зачѣмъ оставаться! У васъ есть средства къ жизни.

— Какія-жъ у меня средства! — удивилась она и едва не сказала: да вѣдь всѣ мои деньги въ твоихъ рукахъ!.. Но загнулась и продолжала спокойно: у отца я ничего просить не

стану. Гдѣ-нибудь найду себѣ мѣсто; дѣтей у насъ нѣтъ; пова-
силы будутъ, стану работать, въ гувернантки пойду, только бы
подальше уѣхать, — подальше отъ этого ненавистнаго города,
гдѣ я столько...

— Изъ кареты-то, изъ кружевъ и шалей—въ гувернантки!—
рѣзко перебилъ онъ.

— Скажите, какая нѣжная заботливость! Послѣ всего, что
между нами было... смѣшно даже!... Несчастье, говорить, сбли-
жаетъ людей тѣснѣе, а мы...

— Мы были гораздо несчастнѣе, чѣмъ въ эту минуту — и
не сблизились; стало быть, теперь горевать не слѣдуетъ...

— Радоваться, что-ли? Радуйтесь, никто вамъ не мѣшаетъ...
Опять молчаніе. Махнатовъ закурилъ папирску и шагаль
по комнатамъ.

— Я привезла тебѣ сигаръ, Валеріанъ; вели принести ихъ
изъ кареты.

— Благодарю.

— Къ слѣдователю тебя еще не потребуютъ?..

— Зачѣмъ?—отозвался онъ какъ-то испуганно:—я все ска-
залъ, что было нужно...

— Мнѣ дали записку на всегдашній къ тебѣ пропускъ...
Ты молчишь... Можетъ быть, мои визиты будутъ тебѣ въ тягость?

— Н-нѣтъ, но... ты лучше бы уѣхала къ отцу въ деревню.
Мнѣ необходимо остаться совершенно одному... да и тебѣ, что
за радость жить въ городѣ! Я думаю, на тебя пальцами указы-
ваютъ, или—еще хуже—наносятъ фарисейскіе визиты... de condole-
léance... ха, ха!.. сочувствуютъ, сожалѣютъ... Оно и справедливо,
потому что я настоящій «извергъ естества»... въ этомъ нѣтъ ни-
какого сомнѣнія... и ты, пожалуй, принимаешь этихъ идиотовъ?

— Ты забылъ, что со дня твоего ареста и до вчерашняго
вечера я была въ деревнѣ.

— Да, да, виноватъ! Ну, такъ поѣзжай опять туда, къ отцу.
Надѣюсь, его гнѣвъ дальше меня не поидетъ. Только, ради Бога,
вычеркните мое имя изъ вашихъ семейныхъ діалоговъ. Теперь
я здѣсь для всѣхъ мертвецъ... Оживу послѣ, гдѣ-нибудь тамъ—
въ Енисейской губерніи...

— Ты этого требуешь, и я постараюсь исполнить твою
волю. Намъ не привыкать къ разлукѣ-то...

— Вотъ видишь — все имѣетъ свою хорошую сторону! —
усмѣхнулся онъ.

Въ эту минуту изъ окна верхняго этажа раздалось пѣніе.
Слабый, неровный, какъ потухающій огонекъ, женскій голосъ тихо

затянулъ народную мелодію, исполненную глубокой гѣжности и жалобы на лихую долю. Эта пѣсня такимъ рѣжущимъ диссонансомъ раздалась въ этотъ часъ среди тюремной обстановки: іюньскій полдень накаливала желѣзныя рѣшетки оконъ, тяжелая духота врывалась въ комнату; на улицѣ мимо оконъ маршировала часовой, побрякивая ружьемъ, изъ города доносилось дребезжанье дрожежь, а пѣсня эта гѣла про темно-синій весенній вечеръ, про садочикъ, заросшій душистыми черешнями, да про горькія слезы обманутой, кругомъ обиженной женщины...

Махнатовъ останулся посреди комнаты; жена его закрыла глаза рукою. Пѣсня унесла ихъ далеко... Въ иное время они тысячу разъ слышали эту самую пѣсню и не замѣчали ея правдивой, выстраданной красоты...

— Какъ хорошо поеть...—прошепталъ онъ.

— Да... знаемая пѣсня... Однако прощай, Валеріанъ. Завтра заѣду къ тебѣ проститься ужъ совсѣмъ... Ты правъ, мнѣ лучше уѣхать...

Она встала, выпрямилась и протянула ему руку. Онъ разсѣяннo сжималъ эту руку: ему, какъ будто, хотѣлось что-то сказать, но онъ не рѣшался, или не могъ найти слова, и исподлобья заглянулъ ей въ лицо, ища на немъ сочувственнаго выраженія, или, можетъ быть, разгадки того неяснаго внутренняго ощущенія, которое имъ овладѣло... Но это было все то же знакомое ему лицо — лицо больное, страдальческое, едва оживленное воспаленными, много плакавшими глазами... Онъ не замѣтилъ, что лицо это было прекрасно своею осмысленною печалью, однако поцѣловалъ жену, и странный вышелъ поцѣлуй: торопливый, заказанный, — такъ провинціальный актерикъ на сценѣ цѣлуетъ «первую любовницу», съ которою только-что чуть не подрался за кулисами...

Проводивъ жену до калитки, Махнатовъ спросилъ надзирателя, кто это наверху такъ хорошо поеть.

— А это наша «голубка», — отвѣтилъ, вмѣсто Разнобалова, подвернувшійся странникъ.

— Чтo это за «голубка»: фамилія такая?

— Нѣтъ, сударь, такъ ее тутъ прозвали, потому баба оченно душевная и веселая. Она ужъ давно содержится: судъ, кажись, на два года ее зарѣшилъ.

— Не знаете, за чтo?

— Сказываютъ, будто мужа топоромъ зарубила, какъ-то, слышь, не намѣренно, Христось ее вѣдаетъ... Извѣстно, грѣхъ попуталъ. А тотъ возьми, да и умри. Неладно жили.

Махнатовъ невольно вздрогнулъ и поскорѣе прошелъ въ свою камеру.

III.

На слѣдующій день Махнатовъ все утро провелъ въ художественномъ безпокойствѣ, нетерпѣливо поглядывалъ въ окно и насвистывалъ громче обыкновеннаго. Въ 12-мъ часу камердинеръ принесъ ему завтракъ.

— Катерина Ивановна скоро пріѣдетъ?—спросилъ баринъ.

— Не знаю-съ, онѣ ничего не приказывали.

— Въ деревню собирается? Вещи укладываютъ?..

— Нѣтъ-съ. Изъ деревни барина сюда ждутъ.

За обѣдомъ, въ 4 часа, тѣ же вопросы и тѣ же неудовлетворительные отвѣты.

На другой день онъ узналъ, что баринъ изъ деревни (тестъ Махнатова) пріѣхалъ, а барыня куда-то выѣзжала.

— Не знаешь куда?

— Сказывали, въ прокурору.

Махнатова передернуло. Онъ закусилъ губу и бросилъ неоконченный обѣдъ. Въ этихъ обстоятельствахъ, т.-е., что пріѣхалъ тестъ, а жена была у прокурора,—онъ, вѣроятно, усматривалъ очень важное и дурное для себя значеніе...

Протянулось еще два дня. Онъ уже не спрашивалъ лавка; должно быть слишкомъ тяжелыя мысли его совсѣмъ одолѣли; онъ и не пробовалъ съ ними бороться. Возьметъ книгу, всматривается въ страницу упорно, а черезъ нѣсколько минутъ лицевыя мускулы его какъ-то самовольно задержаются, книга летитъ подъ столъ, онъ грохнется на кровать и въ ребяческомъ бѣшенствѣ грызетъ подушку.

Наконецъ, знакомая карета подъѣхала къ калиткѣ. Въ одинъ мигъ замерла нервная раздраженность Махнатова, точно его кто-нибудь холодной водой окатилъ.

— Здравствуй, Катя!—встрѣтилъ онъ жену повойно.

— Не сердись, Валеріанъ,—эти дни я не могла быть у тебя... Папа пріѣхалъ... Потомъ встрѣтилось одно очень важное обстоятельство... по твоему дѣлу...

— Важное?!—взоръ какой-нибудь... пробормоталъ онъ небрежно.

— Баронъ Т. далъ новыя показанія: ты вовсе не имѣлъ намѣренія... даже и не стрѣлялъ въ него... Вырывая у тебя револьверъ, онъ самъ былъ неостороженъ и не знаетъ, какъ произо-

шелъ выстрѣлъ... Все это не больше, какъ несчастная случайность... Больной, разстроенный, онъ самъ не помнитъ, что показывалъ прежде, теперь жизнь его внѣ всякой опасности... Словомъ, дѣло совершенно измѣняется...

Махнатовъ засмѣялся.

— А мое-то сознание куда спрячуть? Какой же идиотъ этому повѣрить! И хотѣлъ бы я знать, для чего вся эта комедія?...

— Онъ... на ней... женится... — прошептали ея поблѣднѣвшія губы.

— Что? на комъ?

— На комъ же? Разумѣется, на Ольгѣ Андреевнѣ...

Махнатовъ остановилъ на женѣ тусклый, растерянный взглядъ; потомъ не скоро и какъ-то тяжело всталъ и зашагалъ по комнатѣ.

— Это отлично! Великолѣпно! Что и требовалось доказать! — повторялъ онъ вполголоса, будто вникая все глубже и глубже въ смыслъ изумительной новости.

— Ну, что-жъ, продолжайте, — началъ онъ, овладѣвъ собою: — я вижу, что всѣ ужасно стараются о моемъ спасеніи... Оно очень удобно: я тутъ запертъ, какъ звѣрь въ клѣткѣ, меня и спрашивать не нужно, чего я хочу... Дѣлайте, какъ знаете!..

— Ты, конечно, повѣришь, Валеріанъ, что я въ это дѣло вовсе не мѣшаюсь.

— Знаю, знаю!

— Я ужъ давно отвыкла вмѣшиваться въ твои дѣла... прибавила она тономъ глубокаго упрека.

Махнатовъ не слышалъ этого упрека.

Долгое молчаніе, изрѣдка прерываемое банальными фразами о здоровьѣ, о погодѣ, о вещахъ безынтересныхъ, было обоимъ слишкомъ мучительно. Махнатовъ вдругъ, поймавъ руку жены, началъ тихимъ, нерѣшительнымъ голосомъ:

— Катенька, прости мнѣ одинъ вопросъ... Знаю, что онъ слишкомъ безцеремоненъ, грубъ; но теперь ужъ намъ все равно... а ты одна можешь сказать мнѣ сушую правду...

Жена подняла на него прямой, спокойный взглядъ.

— Ольга Андреевна добровольно согласилась выдти за него?.. Не было тутъ ничего посторонняго давленія?..

Большое лицо Катерины Ивановны вспыхнуло пятнами яркой краски, но она отвѣчала спокойно:

— Ее никто не принуждалъ. Ты знаешь, она не изъ такихъ... Ужъ если пошло на откровенность, такъ позволю высказать тебѣ то, что давно слѣдовало... Но я боялась, чтобы мои слова не были приняты за выраженіе мелкаго чувства ревности, за-

висти... Теперь ты самъ говоришь, что намъ все равно: дѣла зашли слишкомъ далеко... Эта Ольга Андреевна, которую ты любишь любовью не кузена, а любовника,—для которой ты надѣлалъ столько сумасбродствъ,—очень красивая, но самая обыкновенная барышня. Она тебя тоже, вѣроятно, любитъ, и, будь ты человѣкъ свободный, съ восторгомъ отдала бы тебѣ свою руку... Дальнее родство не помѣха. Твое угодничество вскружило ей голову; я не знаю, до чего дошли ваши отношенія: ты два года держалъ меня вдалькѣ, за-границей... но эти отношенія, однако, не помѣшали ей высматривать выгоднаго жениха. Баронъ богатъ, хорошо поставленъ въ обществѣ, ухаживаетъ за нею, какъ и всякій другой свѣтскій человѣкъ; ты начинаешь преслѣдовать его насмѣшками, оскорбленіями, наконецъ, затѣваешь самую нелѣпую ссору, и когда онъ не принялъ твоего бреттѣрскаго вызова, ты стрѣляешь въ него, какъ бѣшеный... Симпатіи общества на его сторонѣ: онъ жертва...

Махнатовъ презрительно усмѣхнулся.

— Да, онъ жертва. Ты обвинялъ его въ безчестныхъ намѣреніяхъ относительно твоей кузины,—ты лгалъ: вотъ теперь, когда онъ на ней женится,—тебѣ это острый ножъ въ сердце... Видишь, какъ все это фальшиво. Вѣроятно, Ольга поняла все и охотно идетъ за него замужъ, тѣмъ болѣе, что ея роль въ этой исторіи не совсѣмъ пріятная; замужество ей необходимо, ее тоже вѣдь не щадятъ наши городскія сплетни... Тебѣ, я вижу, нестерпимо досадно меня слушать, но вѣдь это все правда. Теперь позволь же тебя спросить, въ какое положеніе ты меня поставилъ? Отчего ты прямо не сказалъ мнѣ, что любишь другую? Мы могли бы разойтись; положимъ, развода достичь невозможно,—ну, мы могли бы полюбовно такъ устроиться, чтобы не мѣшать и не портить жизни другъ другу. Это было бы и честнѣе, и практичнѣе, и не довело бы тебя до настоящей бѣды.

— Но ты не знаешь...—началь-было Махнатовъ.

— Погоди, позволь ужъ высказать все,—перебила жена:—на меня теперь нашла минута необыкновенной храбрости; потому я опять спрячусь въ себя—и навсегда... Я скажу тебѣ и то, почему ты не поступилъ прямо. Хоть Ольга Андреевна и считаетъ себя передовой женщиной, свободной отъ всѣхъ предрассудковъ,—но это опять фальшь,—она сама себя обманываетъ: играетъ въ швейныя мастерскія, въ бесплатныя шьолы, да, именно играетъ, потому что это въ модѣ, потому что это наполняетъ ея праздную жизнь... вотъ она и съ тобой поиграла въ любовь, но ни въ какомъ случаѣ не захотѣла бы жить съ

тобою такъ... Это очень ясно. Чтѣ ты такъ на меня смотришь? Не ожидалъ, что я въ такомъ тонѣ заговорю... Да, другъ мой, два года принудительной разлуки многому меня научили... Тамъ встрѣчала я женщинъ и чужихъ, и нашихъ, которыя на самомъ дѣлѣ поставили себя самостоятельно,—но передъ такими женщинами тебѣ бы даже стыдно было куртизанить: въ ихъ глазахъ ты на первомъ бы шагѣ провалился...

Махнатовъ пораженъ: онъ не ожидалъ услышать такую рѣчь отъ своей вялой и—какъ ему всегда казалось—безличной супруги. Онъ еще не вѣрилъ и не могъ сообразить, насколько правды въ ея словахъ; но въ ошеломленной головѣ его вспыхнула какая-то фантастическая, сумасшедшая потребность: вотъ, дескать, ты меня хотѣла зарѣзать твоею бабьей правдой, такъ вѣтъ, постой же, я тебя срѣжу такъ, что вся твоя правда разлетится въ дребезги... Это не была потребность больной, обезсиленной натуры подѣлиться горемъ, рассказать близкому человѣку свое несчастье, а какое-то демоническое, мстительное злорадство, желаніе раздавить близкое существо, доконать неожиданнымъ ударомъ.

— Положимъ, все это такъ,—началь онъ, потирая лобъ,—но ты не все знаешь...

— Не все? Такъ за мою откровенность заплати тѣмъ же: говори все, меня ничто не испугаетъ.

— Я не могъ, не смѣлъ связать мою судьбу ни съ Ольгой, ни съ Егъмъ... Я человѣкъ погибшій: моя дорога прямо въ Сибирь...

— Но вѣдь я сказала, что дѣло можетъ принять оборотъ хорошій.

— Да не то, не то! Чтѣ это дѣло: пустяки!.. есть кое-что въ тысячу разъ мерзвѣе...

Онъ сталъ къ окну и, не глядя на жену, проговорилъ съ насмѣшливою жестокостью:

— Я—мошенникъ... этого вы не знали? Я обокралъ, я обманулъ многихъ и въ томъ числѣ вашего отца...

— Чтѣ такое?

— Онъ ничего тебѣ не говорилъ? — Но ему все извѣстно... Разъ онъ далъ мнѣ ясно понять, что ему извѣстно все... и онъ держитъ меня въ рукахъ, можетъ погубить всякую минуту... и я убѣжденъ, что эта минута будетъ та, когда я съ тобой окончательно разойдусь... Что же я могъ предложить Ольгѣ? Провалиться со мною по Владимірскому тракту?

— Рѣшительно ничего не понимаю..

— Это скучно рассказывать... я тебѣ въ короткихъ словахъ... Когда ты отправилась за-границу, я рѣшилъ, что расстаемся мы навсегда. Задавшись этой мыслью, я считалъ подлостью жить на твой счетъ, и тогда же все твое приданое, твои банковые билеты возвратилъ отцу. Онъ тебѣ не сообщилъ объ этомъ?

— Нѣтъ. Я ничего не знаю...

— Странно! Помню, что это его удивило и обрадовало; онъ поглядѣлъ на меня тогда, какъ на дурака или сумасшедшаго... Но я былъ счастливъ этимъ поступкомъ, я уважалъ себя, даже написалъ къ тебѣ объ этомъ, чтобы не вышло пустое фанфаронство... Ну, потомъ... мои средства не велики, истощились скоро; я занималъ деньги, все заложилъ, кое-какъ изворачивался, наконецъ, кредит мой лопнулъ. Ростовщики всегда умѣютъ изобрѣсти какое-нибудь условіе, въ родѣ Шейлоковскаго «фунта мяса»: — отъ меня потребовали поручительства твоего отца... Скрѣпя сердце, я просилъ Ивана Васильевича поручиться на моихъ векселяхъ; онъ замаялся, однако полу-обѣщалъ, какъ обыкновенно поступаютъ дрянные людишки: сважутъ нѣчто среднее между да и нѣтъ, видать, что толкаютъ человѣка на скверность, а потомъ и отойдутъ къ сторонкѣ, умывая руки, точно святые праведники. Сгоряча я понадѣялся, что уломаю его, обнадежилъ кредиторовъ — и вдругъ онъ отказался, будто и рѣчи объ этомъ не было... Положеніе мое было отчаянное, — съ петлей на шеѣ чего не совершишь! — и въ самую отвратительнѣйшую минуту моей скверной жизни я подмахнулъ на векселяхъ его подпись...

— Неужели?! Ты, Валеріанъ!

— Да, я. И упражнялся въ этой каллиграфіи до сихъ поръ, мѣняя старые векселя на новые. Въ будущемъ мѣсяцѣ наступятъ сроки платежей, все откроется — и я опозоренъ... Повторяю, отецъ все знаетъ; вѣдь онъ самъ крупный ростовщикъ, то-есть финансистъ, хотѣлъ я сказать... Положимъ, я сотворилъ великую гадость, но онъ... онъ поступилъ предательски. Меня, конечно, это не оправдываетъ; тѣмъ могу я доказать, что онъ, зная все, молчалъ, далъ мнѣ запутаться окончательно? Однако это вѣрно. Чѣмъ больше я соображаю всѣ подробности дѣла, тѣмъ яснѣе для меня, что тутъ его дьявольская ловушка. Не безпокойся, я не надѣлаю ему хлопотъ на судъ... но не могу молчать, когда во мнѣ работаетъ жгучая ненависть ко всему и ко всѣмъ... и больше всѣхъ — къ самому себѣ...

Эта исповѣдь однако не произвела на жену такого впечатлѣнія, какого ожидалъ Махнатовъ, потому что тутъ много было недосказаннаго, много пробѣловъ. Катерина Ивановна сидѣла спо-

койная, задумчивая и, навѣрное, дорисовывала некрасивую картину.

— И много ты долженъ?

— Тысячъ тридцать. Добрая душа, ты даже не спрашиваешь, куда дѣвалъ я эти деньги!

— Зачѣмъ мнѣ это!

— Да, промоталъ, милая, промоталъ! — усмѣхнулся Махнатовъ: — тебѣ высылалъ, чтобы не очень торопилась воротиться сюда... Видишь, какъ я откровененъ!..

— Я тебѣ все возвращу.

— Это, впрочемъ, очень немного. Главное, здѣсь было нужно много... Э, да что рассказывать! Въ томъ положеніи, въ какомъ былъ я, денегъ не считаютъ... Да вотъ этому самому прилизанному барону я проигралъ чортъ знаетъ сколько. Его глупое счастье доводило меня до изступленія... Жилъ я очертя голову, со дня на день; ждалъ какого-то чуда, которое перевернетъ все по моему хотѣнію... И вотъ тебѣ это чудо—я въ тюрьмѣ!..

— Катя, не прошу у тебя прощенія, — началъ онъ, помолчавъ съ минуту, тономъ уже совсѣмъ мягкимъ: — это было бы ребячествомъ, нелѣпостью; но прошу, пойми мое отчаяніе, пойми, что я перестрадалъ въ эти два года... Судягъ поступки—отрывки жизни, ну и пусть ихъ судягъ: я плюю на все... Не суда мнѣ нужно, а пониманія! Ты одна можешь понять меня,—ты, которой я сдѣлалъ такъ много зла...

При послѣднихъ словахъ онъ, рыдая, упалъ на подушку. Катерина Ивановна глядѣла на него безъ слезъ, безъ муки; она просто задумалась. Съ медленнымъ вздохомъ она проговорила: «бѣдный, бѣдный!..»

Онъ поймалъ ея руку и прижалъ къ губамъ. Катерина Ивановна вдругъ почувствовала, что самообладаніе ея уплываетъ, что все вокругъ нея зашаталось... Она испугалась, чтобы не вышла какая-нибудь сцена, которая могла бы выдать тайну мужа.

— До свиданья, Валеріанъ. Голова болитъ... скоро я у тебя буду, — скороговоркой бросила она и почти выбѣжала изъ душевой коморки.

Онъ не могъ подняться проводить ее; лежалъ разбитый, уничтоженный. Должно быть его состояніе было замѣчено арестантами: они притихли, перешептывались, а Разнобаловъ нѣсколько разъ заглядывалъ однимъ глазомъ въ непритворенную дверь; потомъ на цыпочкахъ вошелъ въ камеру, взялъ со стола коробочку спичекъ и проворно утащилъ къ себѣ. Смѣтливый надзиратель сообразилъ, что спички тоже предметъ хоть и «не больно

строгий, однако все же сумнительный. Бывали примѣры, — долго ли до грѣха, — наглотается иной этого самого фосфору, а тамъ шабашь! — и отвѣчай за него передъ начальствомъ».

IV.

Какая тяжелая, исковерканная жизнь могла привести къ такому объясненію, какое произошло въ тюрьмѣ между супругами Махнатовыми! Кто жилъ, не хлопая глазами, а наблюдалъ и мыслялъ, тому хорошо знакомъ этотъ старый романъ прошлой барской жизни. Въ настоящее время намъ приходится присутствовать при развязкѣ болѣе части романовъ, которые возникли и выросли еще на почвѣ, такъ-сказать, до-реформенной. Въ изображеніи всѣхъ перипетій, всѣхъ подробностей «старого романа» теперь нѣтъ никакой надобности, потому что смыслъ его намъ слишкомъ извѣстенъ.

Для насъ ясно, что этотъ несчастный Махнатовъ долгое время жилъ въ чаду, въ угарѣ, въ заколдованномъ кругу призраковъ, которые принималъ за реальности, вслѣдствіе чего умо-заключенія его выходили ложны, а поступки нелѣпы. Но вѣдь онъ жилъ не на пустынномъ островѣ, а въ обществѣ людей, съ которыми встрѣчался каждый день, становился въ различныя и очень близкія отношенія, — какъ же эти-то люди не замѣчали его болѣзненнаго состоянія и — *bona fide* — принимали его за человѣка вполне нормального? Это можно допустить только подъ условіемъ, что окружавшіе его жили въ томъ же мірѣ нелѣпыхъ призраковъ, что они тоже болѣе или менѣе были поражены тою же психическою болѣзнію, только въ немъ, по особеннымъ индивидуальнымъ условіямъ, болѣзнь приняла острый характеръ, а они — эти люди, вчерашніе друзья и единомышленники больного, какъ натуры болѣе тупыя, пассивныя, способны были понять нравственный недугъ тогда только, когда онъ подведенъ подъ статью уголовного кодекса; тогда они отскакиваютъ, отрекаются отъ всякой солидарности — не съ самымъ недугомъ, а лишь съ тою формою, въ которой онъ вырѣзался наружу...

Тестъ Махнатова, Иванъ Васильевичъ Горбицей, повидимому, не принималъ никакого участія въ семейныхъ и другихъ дѣлахъ своего зятя, а теперь совершенно отъ него отвернулся; твердилъ всюду тономъ оскорбленной добродѣтели, что «какъ дворянинъ, онъ считаетъ невозможнымъ протянуть руку преступленію; онъ ужасается и не понимаетъ, какимъ образомъ молодой чело-

вѣкъ, положимъ, пустой, легкомысленный, вдругъ могъ сдѣлаться преступникомъ», и т. д. Горбицкій особенно напиралъ на слова «преступленіе, преступникъ», повторялъ ихъ часто и совѣмъ не встать, и вообще черезчуръ ужасался, какъ самая слабоумная барышня, точно и въ самомъ дѣлѣ фаетъ былъ невиданный и неслыханный на святой Руси. Притомъ замѣтимъ, дѣлошло пока о покушеніи на убійство, а о продѣлкѣ съ векселями Горбицкій умалчивалъ... Во всемъ этомъ звучала сильно фальшивая нота. Что же такое былъ этотъ Горбицкій?

Въ давнія времена Горбицкій былъ маленькимъ, оборваннымъ чиновникомъ губернаторской канцеляріи, умѣлъ втереться въ милость своего начальника, съ которымъ и сыгралъ очень комическую штуку. Въ губерніи продавалось съ публичныхъ торговъ большое отличное имѣніе какого-то прогорѣвшаго помѣщика; начальникъ послалъ своего преданнаго подчиненнаго купить *подъ рукою* это имѣніе на имя ея превосходительства, снабдивъ приличную суммою для взноса задатка. Расторопный чиновникъ, разумѣется, могъ легко устранить конкурентовъ: и кто же изъ благонамѣренныхъ гражданъ захочетъ сдѣлать неприятность начальству? Великолѣпное имѣніе было приобретено за безцѣнокъ. Но Горбицкій не только ловко разыгралъ комедію торговъ, а какъ-то такъ твердо вошелъ въ роль покупателя (видно понравилось), что потомъ смѣло объявилъ во всеуслышаніе, что купилъ имѣніе собственно для себя, его превосходительство тутъ ни причемъ, ибо «возможно ли допустить даже мысль, чтобы высокопоставленное лицо рѣшилось такъ злоупотребить своимъ вліяніемъ?» Уже и тогда Горбицкій питалъ ужасъ ко всему, что могло пахнуть «преступленіемъ». Въ этотъ рѣшительный моментъ своей карьеры Горбицкій высоко сталъ во мнѣніи общества: люди смѣются надъ тѣмъ, кто проигрываетъ игру, а выигравшій—хоть и подтасованными картами—все-таки молодецъ. Горбицкому съ радостью открыли кредитъ для уплаты всей покупной суммы за имѣніе (оно стоило вдесятеро больше), провозгласили чуть не геніемъ; вчерашній бѣднякъ вдругъ сталъ почтеннымъ помѣщикомъ и неумолимымъ защитникомъ священнаго права собственности. Первымъ долгомъ онъ почелъ доставить обратно деньги его превосходительству: «Боже сохрани! чужого мнѣ не надо!»—и подалъ прошеніе объ отставкѣ. Озадаченный губернаторъ только руками развелъ и поспѣшилъ какъ можно скорѣе отдѣлаться отъ такого ловкаго подчиненнаго, даже почелъ приличнымъ отзываться о немъ съ самой лучшей стороны. Горбицкій удалился въ барское помѣстье и втихомолку обрабатывалъ дѣлишки: лѣтъ

черезъ десять онъ не только очистилъ свое имѣніе отъ долговъ, но еще округлилъ его хозяйственно: нѣсколько мелкопомѣстныхъ сосѣдей пошло по міру, а въ ихъ усадьбахъ Горбицкій водворилъ своихъ приказчиковъ.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ онъ очутился, что называется, въ черномъ тѣлѣ, его третировали какъ злостнаго крѣпостника и ретрограда, сочиняли на него язвительныя каррикатуры и обличительныя статейки, обзывали паукомъ, высасывающимъ кровь изъ своихъ ближнихъ, даже наконецъ, придравшись къ какому-то неважному случаю, со скандаломъ вытѣснили его изъ клуба. Ужъ извѣстно, что это были сумасбродные, скандальные годы!.. Горбицкій ступевался, перенесъ невзгоду съ геройскимъ смиреніемъ, не обижаясь и выжидая, что будетъ дальше. Время и обстоятельства вознаградили его смиреніе: пошла какая-то перетасовка, пронеслось нѣсколько бурановъ, Горбицкій опять вынырнулъ изъ мрака неизвѣстности, оглянулся кругомъ, увидѣлъ не безъ тайнаго удовольствія, что стало какъ-то просторно... и онъ возникъ обновленный, раскланиваясь направо и налево, и развязно пожимая руки старымъ своимъ гонителямъ, которые тоже остепенились, вылиняли и приняли его радушно, какъ человѣка, весьма подходящаго къ требованіямъ текущей минуты. Всѣ были безъ денегъ и съ самыми раздраженными аппетитами... А тутъ еще эти непрерывныя обжорства въ клубѣ по случаю разныхъ «введеній, открытій, заявленій сочувствія» — и даже просто потому, что эконому привезли саженаго осетра, — надо же къ чему-нибудь придаться, опомниться некогда, а счета растутъ, послѣднее выкупное свидѣтельство исчезаетъ, яко дымъ. Сдѣлать заемъ было самымъ руководящимъ помысломъ тогдашняго человѣка; но такъ какъ человѣкъ займа внутренняго, т. е. изъ своей собственной пустой шкатулки, сдѣлать не можетъ, то вынужденъ прибѣгать къ займамъ вѣшнымъ; съ этою-то услугою и явился Горбицкій. Хотя реализація займовъ у него была тяжеленька, но дѣло въ томъ, что, разбуди его среди ночи, у него деньги всегда готовы, вслѣдствіе этого онъ и получилъ особое спеціальное прозвище «нашъ мѣстный богачъ»... Въ этомъ почтенномъ рангѣ онъ совершенно примирился съ обществомъ города Абв., за исключеніемъ, впрочемъ, небольшого кружка губернской молодежи, не имѣвшей съ нимъ никакихъ денежныхъ счетовъ, и относившейся къ нему хотя и не враждебно, но съ нѣкоторою брезгливостью. Къ этой молодежи принадлежалъ и Махнатовъ.

Кто жила въ любой изъ нашихъ губерній, тотъ хорошо

знаетъ эту молодежь: птенцы, не пристроившіеся ни въ какому дѣлу, кромѣ дѣла влюбнаго, сынки захудалыхъ дворянскихъ и облагородившихся мѣщанскихъ фамилій, съ тощимъ кошелью и дешевенькимъ либерализмомъ, съ демократическими фразами на языкѣ и палевыми перчатками на рукахъ, въ сущности, праздные шелопаи, охотники до маленькихъ скандаловъ, enfans terribles въ глазахъ мѣстной администраціи, но отнюдь не опасные ребята... и все это до извѣстнаго момента. Пробьетъ моментъ— и милый шелопай вдругъ объявляется ревностнымъ другомъ порядка, глубокомысленнымъ дѣятелемъ, излюбленнымъ человекомъ своей губерніи. Эта необычная метаморфоза совпадаетъ обыкновенно съ полученіемъ какого-нибудь мѣстечка, съ женитьбой, съ выборомъ въ общественную должность. Всѣ три случая представляютъ чистую лотерею, но самый замѣчательный — третій. Тутъ ужъ не личный произволь, не капризь одного лица, а свободная воля сотни избирателей производитъ непостижимый фокусъ-покусъ. Любая провинціальная хроника можетъ представить множество подобныхъ примѣровъ. Если и бывають они плодомъ недоразумѣній, то и тогда не особенно озадачивають избирателей. «Да что-жь, господа», обыкновенно слышится послѣ выборовъ, «чѣмъ онъ не хорошъ? Человѣкъ столько лѣтъ ѣсть, пьетъ съ нами, постоянно видимъ его въ клубѣ; ничѣмъ себя не замаралъ; играетъ по маленькой и расплачивается чисто. Еще, пожалуй, выйдетъ лучше иного умнаго, потому что постарается оправдать неожиданную честь. Не боги горшки обжигаютъ!» и т. д.

Махнаговъ, однако, никакъ не могъ рассчитывать на эту «неожиданную честь»; онъ былъ господинъ задорный, безпкойный и не имѣлъ за собою даже необходимаго ценза, чтобъ быть излюбленнымъ человекомъ. Фамилія Махнатовыхъ была когда-то богатою и вліятельною въ губерніи; теперь Валеріанъ Николанчъ остался единственнымъ представителемъ этой фамиліи: отецъ умеръ, мать съ сестрами переселилась въ Москву въ богатой теткѣ. Отъ большихъ двухъ имѣній остался клочокъ земли, отданный въ аренду бывшимъ своимъ же крестьянамъ. Валеринька выросла на обломкахъ прежняго величія, онъ видѣлъ безобразный семейный разладъ, порожденный разореніемъ исконнаго порядка вещей, обезпеченнаго готовымъ хлѣбомъ. Въ семействѣ малѣйшій, такъ сказать, кулинарный недостатокъ принимался какъ величайшее несчастье: отецъ раздражался и тералъ голову, мать плакала, дѣти прятались, не смѣли говорить громко; всѣ въ домѣ ссорились и во всякой нечаянно-разбитой грошовой чашкѣ ви-

дѣли причину всѣхъ бѣдствій... Валеринька все это примѣчаль, но не могъ понять причины семейной неурядицы. Съ голоса старшихъ и по естественному чувству, онъ думаль, что разстроенное положеніе отца есть дѣло людской вражды и злобы. Годы дѣтства слились для него въ одномъ впечатлѣннн смутномъ, но полномъ горечи и раздраженія. Сбросивъ бархатную курточку и кружевные воротнички, Валеринька, вмѣсто учебнаго заведенія, дающаго съ воспитаніемъ и хорошую карьеру, попалъ просто въ губернскую гимназію.

V.

Семья Махнатова вынуждена была жить въ деревнѣ, а сына помѣстили на квартирѣ у казого-то отставнаго учителя, который содержаль такъ-называемую «гимназическую квартиру». Плохое житье на чужихъ хлѣбахъ, отсутствіе нравственныхъ помочей и разношерстное общество товарищей сильно повліяли на барченка: онъ сталъ бодрѣе глядѣть въ лицо обыденной жизни, часто приходилось раскидывать своимъ умишкомъ. Наперекоръ всѣмъ инстинктамъ, вынесеннымъ изъ дворянскаго гнѣзда, Валеріанъ подружился съ одноклассникомъ, сыномъ мѣщанина-сапожника, Мартыномъ Супруненко. Мартынъ былъ честный малый, не блестящихъ, но солидныхъ способностей; учился онъ, если судить по отгѣткамъ, посредственно, но былъ развитѣе сверстниковъ и естественный глѣнтый; занимался только тѣми предметами, которые ему нравились, и за то зналь ихъ настолько основательно, что могъ, какъ онъ выражался, «изловить на брехнѣ» самаго преподавателя. Языки ему совершенно не давались, въ нихъ помогаль ему Махнатовъ; онъ же, Махнатовъ, исправляль слогъ его сочиненій, испещренный вульгарными малороссійскими оборотами.

Супруненко былъ силенъ въ одной только математикѣ и тщетно старался довести пріятеля до любви въ этой наукѣ. Главное дѣло было въ томъ, что Мартынъ Федоровичъ былъ оригинальнѣйшій юмористъ въ жизни, юмористъ бессознательный и самобытный, глѣкихъ производить у насъ только Малороссія. Сынъ сапожника, в иравшій спокойно и на отцовскій ремень, стегавшій его зря, и в частую голодовку, и на ободранные свои локти, — какъ на в ци, любопытныя объективно, — онъ не даваль закиснуть юному в нищу, умѣль мирить его со всякою невзгодой. Онъ не пропов дываль и не полемизироваль, а одною силою своего здороваго в юра успѣваль заставить Мохнатого (такъ онъ его называль),

стыдиться тряпичной извѣженности, съ веселымъ хохотомъ надѣвать дырявый сапогъ. Супруненко лѣтъ съ 15-ти былъ уже характеръ; его ровная сила подчинила нервную, порывистую натуру товарища, къ которому онъ привязался, какъ очень часто сила привязывается къ слабости; и что всего замѣчательнѣе — силой-то считалъ онъ не себя, а Махнатова, и готовъ былъ послужить ему всякую службу, подѣлаться съ нимъ послѣдней булкой. Валеріанъ раздражался скорѣе и сильнѣе его, и только въ минуты раздражительности казался неукротимымъ, а потомъ изъ него хоть веревки вей.

Добрались они вмѣстѣ до 7-го класса; тутъ случилась исторія, имѣвшая большое вліяніе на всю послѣдующую жизнь Махнатова, а главное — послужившая пробой его нравственнаго закала. Одинъ молодой педагогъ, плоховато читавшій свой предметъ и черезчуръ высокоомѣрно относившійся къ седьмокласникамъ, получилъ по городской почтѣ анонимное письмо, увѣщавшее его заняться посерьѣзнѣе своимъ дѣломъ, не воображать, что онъ читаетъ лекціи золотушнымъ свѣтскимъ барышнямъ, не лаять передъ начальствомъ, и т. д., и т. д. Письмо было ядовито. Обиженный педагогъ представилъ его директору, поднялась исторія. Виновный долженъ былъ отыскаться непременно между учениками 7-го класса. Директоръ объявилъ классу, чтобы въ 24 часа авторъ письма былъ найденъ и выданъ; между тѣмъ вечеромъ сдѣланъ обыскъ въ квартирахъ нѣкоторыхъ учениковъ, казавшихся болѣе подозрительными, въ томъ числѣ у Супруненко и Махнатова. Не найдено ничего, имѣющаго какую-нибудь связь съ анонимнымъ письмомъ, отобраны только книги, хотя и дозволенные цензурой, но обличившія превратное направленіе умовъ читателей, а у Супруненко оказалась пожелтѣвшая, затасканная, старенькая книжонка заграничной печати. Дѣло усложнилось.

— Итаетъ, господа, виновнаго найти вы не желаете. Скажите, Супруненко, откуда вы взяли вотъ *это*?

Мартынъ Федоровичъ улыбнулся во весь ротъ.

— Это... Э! да это-жъ мнѣ подарилъ одинъ квартальный надзиратель.

Общій смѣхъ усугубилъ эффектъ продерзости Мартына. Махнатовъ выступилъ впередъ и объявилъ, что это принадлежитъ ему, а нашель онъ книжку въ шапу покойнаго отца.

Оба они отведены были въ карцеръ, причемъ объявлено, что пасквильное письмо несомнѣнно ихъ дѣло: упорное заpiresательство въ уваженіе принято быть не можетъ; а если хотять оправдаться, то пусть докажутъ, что они *не писали* этого письма.

— Оттакъ!—вырвалось у Супруненко какъ-то радостно:—да тутъ того — логики нема! Таковська ужъ юриспруденція! Благодаримъ покорно!

Онъ все отшучивался безъ горечи и злобы; Махнатовъ же вспыхнулъ и наговорилъ грубостей, а затѣмъ... совершенно упалъ духомъ.

Разумѣется, на другой день они оба были исключены изъ гимназіи.

— Ну что, Мохнатый: что мы съ той будемъ робить?

— Не знаю. Я написалъ къ маменькѣ.

— Меня вечеръ батько ремнемъ дуже попоштовалъ. Не умѣлъ, говорить, въ люди выйти, такъ садись за отцовское ремесло. Только я не согласенъ. Пойду въ Питеръ: попробую, не удастся ли тамъ пристроиться гдѣ-нибудь...

— Пойдемъ, Мартышка: что тутъ думать!—я съ тобой...

— Добре! Такъ черезъ недѣлю соберусь,—и гайда!

Пріятели порѣшили. Но въ эту недѣлю маменька Махнатова пріѣхала въ городъ, забила тревогу, успѣла снести, по телеграфу, съ московской теткой, и семейнымъ совѣтомъ рѣшено было опредѣлить Валериньку юнкеромъ въ гусарскій полкъ, на иждивеніи доброй родственницы. Онъ не выразилъ положительнаго согласія, но и не упирался: чего-то выжидалъ...

По уговору, Мартынь зашелъ за нимъ утромъ еще до разсвѣта. Дѣло было въ октябрѣ; стояли солнечные, съ холодкомъ, прекрасные дни южной осени. Супруненко въ сѣрой свитѣѣ, высокихъ сапогахъ, ранецъ за спиной, на головѣ смушковая шапочка, легкій батожокъ въ рукѣ — казался молодецъ-молодцомъ, точно живой водой sprysnutъ. Онъ снарядился совсѣмъ основательно: запасся годовымъ паспортомъ, денегъ несъ видимо-невидимо: цѣлую четвертную мать зашила въ ладонку, да въ варманѣ звенѣло рубля три мелочи.

— Въ пять-шесть дней дойдемъ до чугунки, а тамъ лихо вальнемъ съ товарнымъ поѣздомъ: оно дешевле, а все же скорѣе, чѣмъ на конякѣ, или пѣшедраломъ.

Оказалось, что Махнатовъ во всемъ встрѣтилъ неодолимыя затрудненія. Супруненко доказалъ ему, что, вмѣсто паспорта, онъ можетъ взять метрическое свидѣтельство и другія бумаги, полученные изъ гимназіи; одежда у него есть, «а денегъ не надо: одѣлимся, послѣ отдашь. Ужлижъ изъ-за этой дрянни отказываться отъ настоящаго дѣла?» Но Махнатовъ просилъ отложить все на недѣлку.

— Э, да ты, братику, вередуешь! — Ты, можетъ, думалъ, что я въ двухъ каретахъ за тобой заѣду, съ конхвортомъ?

Махнатовъ вынужденъ былъ признаться ему насчетъ гусарства...

— Ну, вотъ, давно бы ты сказалъ! Это резонъ настоящій. Оно, конечно, для тебя пристойнѣе... Ну, помогай тебѣ Богъ! Прощай, другъ! Когда-нибудь встрѣтимся. Не забывай.

Супруненко горячо обнялъ пріятеля; ни словомъ, ни взглядомъ не укорилъ его и пошелъ своей дорбгой, полной грудью вдыхая, вмѣстѣ съ дымомъ папироски, утренній холодочекъ.

Гораздо тяжелѣе было Махнатову оставаться въ своей теплой постелѣ... Онъ даже заплакалъ со злости, но на кого же ему было злиться?

П. Альминскій.

В. Г. БѢЛИНСКІЙ

ОПЫТЪ БІОГРАФІИ.

IV *).

Гегеліянство. — Развитие мнѣній Бѣлинскаго, и его отношенія въ средѣ московскаго кружка. 1837—1839.

Время, въ которое образовывались у Бѣлинскаго примирительные и консервативные взгляды, было временемъ крайняго разстройства его матеріальныхъ обстоятельствъ, такого разстройства, каковаго ему никогда уже не случалось испытывать въ подобной степени и которое приводило его въ крайнее уныніе, почти отчаяніе. Это хронологическое сопоставленіе, быть можетъ, не излишне въ его біографіи; оно можетъ показать, до какой степени его мнѣнія были независимы отъ личныхъ соображеній, и что очень ошибочно было бы опредѣлять развитіе его понятій внѣшними обстоятельствами, — какъ то дѣлали и его враги, готовые объяснять его позднѣйшій демократизмъ рутиннымъ аргументомъ низкаго происхожденія и бѣдности, и самые поклонники, которымъ матеріальныя бѣдствія его жизни казались достаточнымъ мотивомъ для его отрицаній. Но, какъ ни естественно бываетъ для человека исходить, въ своихъ взглядахъ на общество, изъ тѣхъ непосредственныхъ впечатлѣній и опытовъ, какіе даются его личнымъ ненормальнымъ положеніемъ въ этомъ обществѣ, незаслуживнымъ утѣсненіемъ и т. д., — въ Бѣлинскомъ былъ иной внутрен-

*) См. выше: мартъ, 205; апр., 602; июнь, 573 стр.

ній мотивъ, опредѣлявшій развитіе его мнѣній, мотивъ, вслѣдствіе котораго его внѣшнія отношенія теряли всякое вліяніе на его мнѣнія, и онъ не давалъ этимъ отношеніямъ никакого мѣста въ развитіи идей, которымъ хотѣлъ служить.

Дальше мы скажемъ подробнѣе о внѣшнихъ обстоятельствахъ Бѣлинскаго по запрещеніи «Телескопа», а теперь обозначимъ ихъ только коротко. Закрытіе журнала оставило его въ концѣ 1836 г. буквально безъ всякихъ средствъ въ жизни, — когда у него на рукахъ были еще братъ и племянникъ; всѣ попытки найти работу оставались безуспѣшны; изданная имъ въ серединѣ 1837 г. «Грамматика» почти не продавалась; наконецъ, съ нимъ случилась болѣзнь, очень его напугавшая, и онъ долженъ былъ отправиться на воды на Кавказъ, гдѣ провелъ три мѣсяца 1837 г. (съ іюня до сентября). Въ этомъ безвыходномъ положеніи онъ могъ существовать только помощью друзей и долгами, которые были для него источникомъ мучительнаго безпокойства. Нѣсколько улучшились дѣла Бѣлинскаго уже только въ 1838 году, когда онъ взялъ на себя редакцію «Московского Наблюдателя» и получилъ нѣкоторые уроки, — но и это не избавило его отъ матеріальной нужды, которая продолжала его преслѣдовать до конца его московской жизни.

Въ такихъ внѣшнихъ условіяхъ совершалось то внутреннее развитіе, образчикъ котораго мы указали въ концѣ предыдущей главы. Трудно прослѣдить шагъ за шагомъ исторію мнѣній Бѣлинскаго; но для общаго знакомства съ этой исторіей могутъ служить любопытные намеки въ сохранившихся остаткахъ его тогдашней переписки съ своими друзьями. Этотъ матеріалъ, разумѣется, не полонъ: во-первыхъ, письма относятся, конечно, къ тому времени, когда друзья не были вмѣстѣ, и только отрывочно указываютъ на то, что происходило въ промежуткахъ переписки; во-вторыхъ, въ самой перепискѣ есть пробѣлы и недостаетъ отвѣтныхъ писемъ. Словомъ, эта переписка можетъ служить только какъ отрывочный дневникъ, въ которомъ остаются большіе пробѣлы, иногда по нѣскольку мѣсяцевъ. Но несмотря на неполноту матеріала и на трудность изложенія нѣкоторыхъ личныхъ частныхъ исторій, внутренняя исторія Бѣлинскаго, какъ она здѣсь представляется, исполнена интереса, который не ограничивается его личной характеристикой. Его исторія даетъ образчикъ развитія, происходившаго въ цѣломъ кружкѣ, которому онъ принадлежалъ, и о значеніи котораго мы уже говорили. И письма Бѣлинскаго тѣмъ болѣе интересны, что рѣдко кто высказывался съ друзьями съ такою совершенной прямою о своихъ мысляхъ и душевныхъ

движеніяхъ, рѣдко кто принималъ такъ горячо къ сердцу свои убѣжденія. И Бѣлинскій любилъ высказываться: потребность дѣлиться своей мыслью, отвѣтить на чужую мысль была выраженіемъ его подвижнаго ума и волнующагося чувства. «Привычка — вторая натура: вся жизнь моя въ письмахъ», — писалъ онъ гораздо позже въ одному изъ своихъ друзей (отъ 6 апр., 1841) — и эти слова очень справедливы. Полное собраніе переписки Бѣлинскаго было бы его биографіей; и въ настоящемъ трудѣ мы постараемся, насколько возможно, познакомить читателя съ фактами его внутренней жизни — въ той формѣ, въ какой они высказывались имъ самимъ, въ формѣ его непосредственныхъ впечатлѣній и размышленій ¹⁾).

Бѣлинскій не занималъ въ кружкѣ перваго мѣста: онъ уступалъ однимъ — въ силѣ теоретической мысли, другимъ — въ объемѣ свѣдѣній, но конечно превышалъ всѣхъ энергіей чувства, искренностью и полнотою убѣжденія, съ какими онъ въ каждомъ данномъ моментѣ отдавался своимъ идеямъ и которыя сдѣлали то, что именно онъ изъ цѣлаго кружка и явился въ литературѣ представителемъ его содержанія и исторической заслуги.

Все время начальной дѣятельности Бѣлинскаго до начала сороковыхъ годовъ, когда его личный и литературный характеръ сталъ окончательно опредѣляться, есть время постоянного броженія идей и направленій, послѣдовательно имъ принимаемыхъ и отвергаемыхъ; но періодъ 1836—1839 былъ по преимуществу временемъ такого броженія и внутренней борьбы, овладѣвавшихъ всѣмъ его существомъ. Въ настоящее время довольно трудно себѣ представить умственное и душевное состояніе, въ какое приведены были члены кружка, и больше всѣхъ Бѣлинскій, наплывомъ идей, въ которыхъ они видѣли и свое личное моральное достоинство и спасеніе, и общественное благо, и которымъ, поэтому, предавались со всѣмъ увлеченіемъ, на какое были способны. Въ исторіи этого кружка и другого, нами прежде упомянутаго, совершалось цѣлое явленіе въ развитіи нашей образованности: въ нихъ сошлись люди съ глубокой потребностью сознательныхъ идей и нравственныхъ принциповъ. Станкевичъ и его друзья, скоро понявши слишкомъ ограниченный объемъ нашей школьной науки, съ жаромъ бросились на философію, обѣщавшую всеобъемлющія истины, и охвачены были потокомъ отвлеченныхъ идей, которыя они

¹⁾ Мы должны были предпочесть этотъ способъ изложенія и потому еще, что матеріалъ писемъ, которымъ мы пользовались, — почти безъ исключенія неизданный, и едва ли можетъ быть скоро изданъ; поэтому было необходимо указывать и самыя источники биографіи.

готовы были принять какъ догматъ, внести ихъ въ свою жизнь со всѣми ихъ послѣдствіями. Увлечение было вполне законно, потому что господство абстрактной философіи было фактомъ самой тогдашней европейской науки, и въ этомъ увлеченіи новаго университетскаго поколѣнія наша образованность переживала необходимую ступень въ ея усвоеніи содержанія европейской мысли. Историческая заслуга кружка въ томъ и состояла, что онъ понималъ свою философію не какъ школьную теорію, непрічастную жизни, а напротивъ, переживалъ ее какъ догматъ, какъ жизненную истину, въ полномъ ея примѣненіи. Естественно, что при этомъ не могло не встрѣтиться рѣзкихъ столкновений отвлеченной идеи съ обычными понятіями и съ непосредственнымъ чувствомъ — и жизнь кружка дѣйствительно преисполнена была разнообразныхъ волненій, между прочимъ и такихъ, гдѣ различное пониманіе производило раздоръ и несогласіе между друзьями; всѣ, болѣе или менѣе, впадали въ «раздвоеніе» и «разорванность», обозначавшія именно это столкновеніе отвлеченности съ привычнымъ образомъ мыслей и жизни, — и у Бѣлинскаго въ особенности это раздвоеніе господствовало какъ хроническая болѣзнь, причинявшая самое дѣйствительное душевное страданіе...

Въ 1837 г. составъ кружка нѣсколько измѣнился. Станкевичъ, и ранѣе надолго уѣзжавшій изъ Москвы, на Кавказъ, въ деревню, въ этомъ году уѣхалъ за-границу. Бѣлинскій только изрѣдка мѣнялся письмами со Станкевичемъ, но между ними продолжалось близкое дружество; Бѣлинскій навсегда сохранилъ величайшее уваженіе къ его уму и дарованіямъ, вспоминалъ о немъ въ минуты душевныхъ тревоженій, и когда пережилъ одинъ критическій періодъ своего развитія, то нашелъ нужнымъ подробно разсказать свою внутреннюю исторію другу, мнѣнія и судъ котораго продолжали имѣть для него большое значеніе. Въ письмахъ Бѣлинскаго къ его друзьямъ не одинъ разъ упоминается имя Станкевича, и каждый разъ въ выраженіяхъ, свидѣтельствующихъ о глубокомъ уваженіи Бѣлинскаго къ его личности. «Нѣтъ, я лучше тебя понимаю этого человѣка, — пишетъ Бѣлинскій къ одному пріятелю, который осуждалъ Станкевича по поводу одной сердечной исторіи его:—онъ не нашъ, и его нельзя мѣрять на нашу мѣрку... И этого-то человѣка ты обвиняешь за паденіе, не зная того, что если ему суждено встать, то намъ надо будетъ смотрѣть на него, высоко поднимая голову; иначе мы не разсмотримъ и не узнаемъ его» (16 авг., 1837). Въ другомъ письмѣ Бѣлинскій прямо говоритъ о Станкевичѣ, какъ о человѣкѣ гениальномъ, призванномъ на великое дѣло (1 ноября, 1837). Авторитетъ

Станкевича былъ всѣми и свободно признаваемый авторитетъ, и БѢлинскій указывалъ въ этомъ истинное превосходство, когда впоследствии одинъ изъ членовъ кружка вызвалъ въ немъ сопротивленіе исключительностью своихъ мнѣній и притязаніями на господство: «Станкевичъ никогда и ни на кого не налагалъ авторитета, а всегда и для всѣхъ былъ авторитетомъ, потому что всѣ добровольно и невольно сознавали превосходство его натуры надъ своею»... Нѣсколько позднѣе, когда БѢлинскій дѣлалъ первыя попытки выйти изъ теоретическихъ запутанностей, онъ опять вспоминаетъ «великую, гениальную душу» Станкевича, давно искавшаго той простоты, къ которой БѢлинскій теперь только началъ приближаться (10 сент., 1838). Считая его своимъ учителемъ, БѢлинскій однако не всегда съ нимъ сходился, но всегда высоко цѣнилъ его мнѣнія, въ которыхъ между прочимъ искалъ и находилъ опору въ своей борьбѣ съ философскими утонченностями другого члена кружка, съ которымъ теперь сошелся.

Послѣ отъѣзда Станкевича, кружокъ его друзей остался столь же тѣсно сплоченнымъ, какъ и прежде. Здѣсь по прежнему сосредоточивались умственные интересы, шла мѣна и объясненіе понятій, эстетическихъ впечатлѣній, чтенія. Для БѢлинскаго тѣсный кружокъ друзей былъ въ особенности необходимой сферой: отъ природы нелюдимый, здѣсь онъ чувствовалъ себя дома, здѣсь онъ былъ открытъ друзьямъ со всѣми своими мыслями и душевными настроеніями, здѣсь дѣлилъ горе и радости. «Въ біографіи Гофмана, — рассказываетъ онъ въ письмѣ 20 іюня 1838, — я вычиталъ, что Гофманъ не читалъ критикъ и рецензій на свои сочиненія и былъ къ нимъ совершенно равнодушенъ. Написать сочиненіе, онъ читалъ его своимъ друзьямъ; если оно нравилось имъ, его весь міръ не могъ переувѣрить, что оно дурно. Не то же ли и въ нашемъ кругу? У насъ нѣтъ пристрастія другъ къ другу — мы говоримъ другъ о другѣ, что чувствуемъ, и потому цѣнимъ взаимнымъ судомъ и мало заботимся, что о насъ думаютъ другіе. Когда я вамъ читаю мои статьи, мнѣ бываетъ страшно — я трепещу за участь написаннаго мною: вы хвалите — я въ восторгѣ; вамъ не нравится, и я преспокойно отношу мое сочиненіе къ неудавшейся попыткѣ. Вы ко мнѣ находите въ такомъ же отношеніи»... Ему казалось, что они тоже своего рода Серапионовы братья, — и это было похоже на правду. И эти Серапионовы братья не были однообразной группой людей, повторяющихъ однѣ и тѣ же мысли; — напротивъ, кружокъ представлялъ собраніе людей довольно различнаго общественнаго положенія, воспитанія, вкусовъ, и вмѣстѣ людей, стремившихся каждый къ

самостоятельной выработкѣ своихъ мнѣній. Мы назвали прежде главныя лица. Наибольшимъ авторитетомъ въ философскихъ вопросахъ сталъ пользоваться, послѣ Станкевича, упомянутый выше любитель философіи М. Б., сближеніе съ которымъ Бѣлинскаго относится къ описываемому времени. Въ это же время установилась, съ нѣкоторыми перерывами, тѣсная дружба Бѣлинскаго съ Василиемъ Боткинымъ, имѣвшимъ свою спеціальность: его вкусы были по преимуществу направлены къ искусству. Въ разнообразное чтеніе Боткина входили и философскіе предметы, но особенно эстетическіе съ тѣхъ поръ уже онъ началъ изучать Шекспира и пропагандировать Гёте; онъ считался авторитетомъ въ критикѣ и истолкованіи музыки. Бѣлинскій, никогда не успѣвшій овладѣть вполнѣ нѣмецкимъ языкомъ (надъ чѣмъ онъ самъ шутилъ, а иногда и сокрушался), черезъ Боткина знакомился съ новостями нѣмецкой литературы. Одинъ изъ прежнихъ друзей Станкевича, Кн—въ, оставался и теперь въ кружкѣ (хотя не былъ вполнѣ съ нимъ близокъ), который имѣлъ въ немъ своего поэта, съ романтико-философскими темами. Стихотворенія этого поэта, писавшаго подъ бузвой—ø—, одно время пользовались въ средѣ друзей большою репутаціей, и впоследствии Бѣлинскій вспоминалъ, какъ эти стихотворенія бывали для нихъ событіемъ, предметомъ разсужденій и споровъ. Самъ поэтъ являлся въ кружкѣ въ различныхъ настроеніяхъ, отъ философской рефлексіи до ѣдваго сатирическаго остроумія и наконецъ до крайняго мистицизма... Въ тѣ же годы, кажется еще при Станкевичѣ, является въ средѣ кружкѣ К.—въ, только-что окончившій курсъ въ университетѣ въ 1838, съ тѣми же опредѣленными философскими вкусами. Бѣлинскій въ это первое время очень высоко цѣнилъ этого новаго члена кружкѣ, который, какъ Боткинъ, бывалъ для него посредникомъ въ знакомствѣ съ «нѣмцами», напр. въ особенности съ Гегелемъ и Рётперомъ, и кромѣ того, привлекалъ его своимъ талантомъ поэтическаго переводчика (изъ Шекспира—«Ромео и Юлія», изъ Гейне)... Далѣе, былъ здѣсь Константинъ Аксаковъ, о личности котораго мы находимъ въ перепискѣ Бѣлинскаго самыя теплыя отзывы, хотя уже въ это время Бѣлинскій видѣлъ особенности его ума, предвѣщавшія ихъ позднѣйшее отдаленіе другъ отъ друга. «К. Аксакова я чѣмъ болѣе узнаю, тѣмъ болѣе люблю, — пишетъ Бѣлинскій въ ноябрѣ 1837 года: — это одинъ изъ малолюдной семьи сыновъ божіихъ. Онъ еще дитя... а главное дѣло, еще не искушень внѣшнею жизнію, внѣшнею борьбою, которыя потому необходимы человѣку, что, какъ толчки, пробуждаютъ въ немъ жизнь и борьбу внутреннюю».

Въ письмѣ къ Станкевичу, въ сентябрѣ 1839, БѢлинскій говоритъ объ Аксаковѣ: «Ты его знаешь; онъ, воли хочешь, много переѣнился, но впрочемъ все тотъ же. Въ немъ есть и сила, и глубокость, и энергія; онъ человѣкъ даровитый, теплый, въ высшей степени благородный, но, благодаря своему китайскому элементу, лишающему его движенія впередъ путемъ отрицаній, онъ все еще обрѣтается въ мірѣ призраковъ и фантазій, и даже и не пониоухалъ до сихъ поръ дѣйствительности»¹⁾... Аксаковъ, искони наклонный къ тому, что стало потомъ славянофильствомъ, почти съ дѣтства поклонникъ Москвы и русской (особенно московской) старины, въ эти годы проходилъ ту же философскую школу и увлекался до восторга поэзіей Шиллера и Гёте, которыхъ прекрасно и переводилъ въ «Моск. Наблюдателѣ». Къ концу пребыванія въ Москвѣ БѢлинскій сблизился еще съ двумя лицами, которыя собственно не принадлежали къ первоначальному кружкѣ Станкевича, это были — П. Н. Кудрявцевъ и Грановскій, впоследствии столь извѣстные и нравственно вліятельные профессора московскаго университета. Первый, кажется, вовсе не былъ извѣстенъ лично Станкевичу; второй, какъ извѣстно, былъ близкимъ другомъ Станкевича, съ которымъ жилъ вмѣстѣ за-границей, и въ Москвѣ встрѣтилъ уже готовые симпатіи. Дальше мы упомянемъ нѣкоторыя подробности отношеній БѢлинскаго къ этимъ лицамъ. Наконецъ, въ послѣднемъ времени московской жизни БѢлинскаго относится, повидимому, и первое его знакомство съ другой группой новаго литературнаго поколѣнія, развивавшейся въ московскомъ университетѣ въ одно время съ кружкомъ Станкевича, но въ другомъ направленіи. Это были Герценъ и его друзья. Но мнѣнія БѢлинскаго до сихъ поръ были еще слишкомъ противоположны общественно-политическимъ интересамъ этого второго кружка, чтобы могло состояться сближеніе, тѣмъ больше, что только въ концѣ 1839 года, наканунѣ отъѣзда БѢлинскаго въ Петербургъ, могли произойти первыя личныя встрѣчи.

Среди этихъ различныхъ характеровъ, БѢлинскій выдѣлялся своей особенностью — пламеннымъ увлеченіемъ во всемъ, что въ данную минуту было для него истиной; постояннымъ доискиваніемъ

¹⁾ Въ письмѣ 19-го авг. 1839, напечатанномъ въ „Воспоминаніяхъ“ Панаева (Соврем. 1860, № 1, стр. 348—350), БѢлинскій говоритъ также объ этомъ „китайскомъ элементѣ“ Аксакова: „если онъ во что засядетъ, такъ, во-первыхъ, засядетъ по уши, а во-вторыхъ, во сто лѣтъ не вытащите вы его и за уши изъ того ощущенія, или того понятія, которое отъ праздности забредетъ въ его впрочемъ необыкновенно умную голову... Да, славное дитя Константины; жаль только, что движенія въ немъ маловато“.

этой истины, которую онъ часто и вообще угадывалъ скорѣе непосредственнымъ чувствомъ, нежели отвлеченной аргументаціей, въ которую вдавалась большая часть его друзей. Онъ самъ способенъ былъ увлекаться отвлеченностями и вѣрять въ нихъ, но какъ скоро истина мелькнула ему гдѣ-нибудь не тамъ, куда ему указывали, то уже ничто не могло его остановить, и никакіе авторитеты не имѣли надъ нимъ силы. Въ кружкѣ онъ издавна имѣлъ репутацію «неистоваго Виссаріона» и, конечно, оправдывалъ это прозваніе: онъ обладалъ особеннымъ бурнымъ краснорѣчіемъ, отличавшимся энергіей выраженій. Обвиняя себя однажды въ разныхъ своихъ недостаткахъ, между прочимъ въ излишней привычкѣ говорить, Бѣлинскій замѣчаетъ, что начинаетъ исправляться отъ этого недостатка и дорожить словомъ, «какъ выраженіемъ разума»:— «но когда, одушевленный негодованіемъ,—замѣчаетъ онъ,—я съ обычною моею энергіею выражаюсь сравненіями, которыя беру гдѣ ни попало и которыя не пропустила бы никакая общественная цензура, то Боткинъ отъ меня въ восторгѣ... Тоже и Станкевичъ» (письмо отъ 20 іюня, 1838). А такимъ образомъ онъ говорилъ всегда, когда заходила рѣчь о предметахъ, живо затрогивавшихъ его чувство или убѣжденіе.

Бѣлинскій сильно⁴ былъ привязанъ къ своему кружкѣ, который занималъ такое существенное мѣсто въ его развитіи. Только впоследствии, когда самый кружокъ распался, онъ сталъ хладнокровнѣе судить о немъ и видѣть темныя стороны, неизбѣжныя во всякой исключительной жизни кружковъ... «Я отъ души радъ,—говоритъ онъ въ одномъ письмѣ 1840 года,— что нѣтъ уже этого кружка, въ которомъ много было прекраснаго, но мало прочнаго; въ которомъ нѣсколько человѣкъ взаимно дѣлали счастье другъ друга и взаимно мучили другъ друга». Последнее дѣйствительно случилось очень нерѣдко, какъ увидимъ. Друзья доходили до полнаго разрыва, и съ нѣкоторыми изъ членовъ кружка Бѣлинскій впоследствии не только разошелся, но и становился почти во враждебное отношеніе, какъ, напр., къ лицу, которое послѣ Станкевича было его главнымъ руководителемъ въ философіи. Наболѣе прочными остались его отношенія къ Боткину. Въ предыдущей главѣ мы привели любящій отзывъ о немъ Бѣлинскаго, отзывъ, подобнаго которому можно бы указать еще не одинъ изъ его переписки. Начало дружбы было чисто романтическое. Въ концѣ 1836,—«у меня завязывался узелъ новой дружбы съ Б. (рассказываетъ Бѣлинскій въ письмѣ 12 окт., 1838), къ которому я старался приходить такъ, чтобы намъ можно было только вдвоемъ, къ которому я всегда шелъ, какъ на свиданіе любви,

съ какимъ-то мистическимъ волненіемъ. Я не замѣчалъ въ немъ ни одного поступка, ни одной выходки, которые обнаружили бы въ немъ (по тогдашнимъ моимъ понятіямъ) огромную и глубокую душу, но въ которомъ я почему-то чувствовалъ ее и былъ въ ней увѣренъ». Чувство было взаимное, и нѣтъ сомнѣнія, что Боткинъ, тогда только-что вступавшій въ кружокъ, привязался къ БѢлинскому въ меньшей степени, находя въ немъ поддержку для своихъ личныхъ стремленій. Разъ онъ ночевалъ у Боткина. «Послушай, Боткинъ,—сказалъ я ему шутя:—посмотри, какъ я тебя люблю: остался ли бы я у кого-нибудь другого ночевать? И мой Боткинъ, въ отвѣтъ на это, началъ не шутя доказывать, самымъ наивнымъ и достолюбезнымъ образомъ, что онъ меня не меньше любитъ и чувствуетъ себя счастливымъ, когда бываетъ вмѣстѣ со мною. Я чуть не до слезъ хохоталъ» (ноябрь, 1837). «Добрѣйшій Василій Боткинъ, — говоритъ БѢлинскій въ другомъ письмѣ того же времени,—съ каждымъ днемъ дѣлается добрѣе, хотя повидимому это и невозможно». Личный характеръ Боткина былъ для него предметомъ зависти. Жалуюсь на тягостный ходъ своего развитія, гдѣ все — новая мысль, любовь и вражда, страданіе и блаженство—достаются ему «трудно и горестно», БѢлинскій изображаетъ характеръ Боткина, какъ совершенную противоположность: «онъ всегда въ гармоніи и всегда въ интересахъ духа: ко всѣмъ внимателенъ, со всѣми ласковъ, всѣми интересуется; читаетъ Шекспира, нѣмецкія книги, хлопочетъ о судьбѣ и положеніи книжекъ «Наблюдателя» часто больше меня, покупаетъ очерки въ драматъ Шекспира, по субботамъ и воскресеньямъ задаетъ квартеты, въ которыхъ участвуетъ собственною персоною, со скрипкою подъ подбородкомъ, ѣздитъ въ театръ, русскій и французскій, — словомъ, живетъ рѣшительно внѣ своего конечнаго я, въ свободномъ элементѣ бытія, всегда веселый, ясный, свѣтлый, доступный мысли, чувству; ежели грустить временемъ, то все-таки безъ подавляющаго духъ страданія. Смотрю на него и дивлюсь»... (окт. 12, 1838).

Но и эти отношенія были однажды рѣзко порваны. БѢлинскій имѣлъ въ Боткинѣ преданнаго друга, оказывавшаго ему не разъ самыя существенныя услуги въ его трудныхъ матеріальныхъ обстоятельствахъ, но—именно вслѣдствіе исключительныхъ условий кружка — попадалъ и въ такія столкновенія, гдѣ чувствовались въ его другѣ черты суровости и раздражительной ѣдкости, далеко не отвѣчавшія нарисованному выше характеру, составлявшему нормальное настроеніе. Но ихъ взаимная привязанность дѣлала и въ этомъ испытаніи.

Мы замѣтили прежде, что люди, знавшіе Боткина только въ его послѣдніе годы, не могутъ по нимъ судить объ этой прежней порѣ, когда онъ былъ такъ открытъ всѣмъ впечатлѣніямъ нравственной истины и поэзіи... Такой же ошибкой было бы дѣлать подобныя выводы отъ прошедшаго къ настоящему, или обратно, и о нѣкоторыхъ другихъ лицахъ, дѣйствовавшихъ въ послѣдствіи или дѣйствующихъ и теперь. Не всѣ люди кружка остались вѣрны старымъ идеальнымъ стремленіямъ любви къ истинѣ, къ широкому свободному просвѣщенію, какъ навсегда остались имъ вѣрны самъ Бѣлинскій, Кудрявцевъ, Грановскій, Аксаковъ (хотя въ другомъ направленіи) и еще нѣкоторые другіе, позднѣйшіе друзья Бѣлинскаго. Не многіе выдерживаютъ испытаніе жизни, — и мы не удивились бы, еслибы встрѣтили, въ нынѣшней литературѣ, отрицаніе отъ Бѣлинскаго въ людяхъ, жившихъ нѣкогда одними съ нимъ идеалами...

Возвращаемся къ нашему изложенію. Направленіе кружка, намѣченное въ условіяхъ тогдашней нашей образованности, всего болѣе личнымъ вліяніемъ Станкевича, сохранилось и тогда, когда это вліяніе устранилось. Вопросы философіи и искусства стояли по прежнему на первомъ планѣ и господствовали надъ всѣми понятіями друзей. За отсутствіемъ Станкевича, особеннымъ авторитетомъ въ отвлеченныхъ вопросахъ сталъ М. Б., тотъ новый членъ кружка, о которомъ мы выше упомянули. Роль этого дилеттанта философіи въ отвлеченныхъ изученіяхъ кружка, вѣрно была указана П. В. Анненковымъ ¹⁾, имѣвшимъ, по времени, болѣе близкія свѣдѣнія, чѣмъ напи.

«Дилеттантъ философіи» скоро сдѣлался однимъ изъ самыхъ жаркихъ ея поклонниковъ; она стала его признанной спеціальностью, и онъ проповѣдывалъ ее съ исключительностью, каковой никогда не было у Станкевича, занятого и другими интересами жизни, общества и науки. «Дилеттантъ, обратившійся въ ревностнаго изслѣдователя, — говоритъ г. Анненковъ, — вскорѣ приобрѣлъ даръ блестящаго изложенія, который сообщалъ ему нѣчто похожее на роль провозвѣстника философскихъ истинъ. Къ нему прибѣгали при всякомъ недоумѣніи, затруднительномъ вопросѣ, случайномъ перерывѣ идей, и пояснительная рѣчь его текла блестящею импровизаціей. Разумѣется, тутъ не могло быть какого-либо самобытнаго ученія, да и никто не думалъ о томъ, но онъ обладалъ особеннымъ даромъ, похожимъ на творчество, именно даромъ переработывать все вычитанное и узнанное въ собствен-

¹⁾ Биографія Станкевича, Москва; 1857, въ тп. Каткова и К^о, стр. 184 и др.

ную мысль, такъ что онъ самъ казался почти изобрѣтателемъ и родоначальникомъ поясняемаго имъ метода. Роль зодчаго, воторую человекъ этотъ игралъ въ отношеніи каждаго, такъ или иначе накопившаго сырой, необдѣланный матеріалъ, имѣла своего рода неизбежныя и тяжкія условія. Вся жизнь являлась предъ нимъ сквозь призму отвлеченія, и только тогда говорилъ онъ о ней съ поразительнымъ увлеченіемъ, когда она была переведена въ идею. Все случайное, мгновенное, самобытное жизни было ему гораздо менѣе доступно, хотя усиліями обширнаго, дѣйствительно необыкновеннаго ума онъ успѣвалъ возводить до понятія убѣгающія поэтическія черты жизни и такимъ образомъ овладѣвать ими, но при этомъ они уже многое теряли, и иногда то самое, что составляетъ ихъ существенную особенность». «Дилеттантъ философіи» производилъ тогда извѣстное впечатлѣніе на самого Станкевича; тѣмъ больше еще было его влияніе на БѢлинскаго, который по необходимости принималъ философскія ученія изъ вторыхъ рукъ и становился на первое время въ зависимость отъ истолкователя.

Отношенія БѢлинскаго къ этому лицу, длившіяся — отъ перваго знакомства до разрыва — около трехъ-четырехъ лѣтъ, представляютъ длинный рядъ колебаній, отъ самаго энтузіастическаго поклоненія до совершенной вражды. Трудно изложить вполне эти отношенія, которыя усложнялись другими личными обстоятельствами обоихъ лицъ; но во всякомъ случаѣ крайняя неровность ихъ отношеній опредѣлялась не одними личными столкновеніями, несходствомъ характеровъ (дѣйствительно весьма различныхъ), несходствомъ понятій о практической жизни, — но и болѣе существеннымъ несходствомъ цѣлаго теоретическаго образа мыслей. При первомъ знакомствѣ они не сошлись, и новое лицо просто не понравилось БѢлинскому, но уже вскорѣ это впечатлѣніе стало смѣняться другимъ: крайне идеалистическое настроеніе БѢлинскаго помогло ему увидѣть въ новомъ другѣ высокія совершенства, и БѢлинскій увлекся его философскою проповѣдью. Въ одномъ изъ писемъ конца 1838 года — когда эти отношенія были близки къ полному разрыву — БѢлинскій съ подробностями рассказываетъ, какъ послѣ перваго отчужденія его «плѣнило (въ новомъ другѣ) кипѣніе жизни, безпокойный духъ, живое стремленіе къ истинѣ»; онъ думалъ тогда, что узелъ дружбы завязывается не личность человека, а сходство понятій, и ихъ «общія стремленія къ высокому» показались БѢлинскому достаточнымъ ручательствомъ за дружбу. Въ 1836 году новый членъ кружка принялъ извѣстное участіе въ «Телескопѣ»: имъ переведены были, изъ

Фихте, четыре «Лекціи о назначеніи ученыхъ», и Бѣлинскій увидѣлъ въ самомъ переводѣ какое-то инстинктивное, но сильное знаніе языка, увидѣлъ энергію и способность передавать другимъ свои сильныя впечатлѣнія. Нѣкоторые поступки новаго друга пріятно подѣйствовали на него съ идеалистической точки зрѣнія. Наконецъ, въ ихъ кружкѣ «глухо и таинственно носилось» представленіе о той особенной идеальной сферѣ, какую заключало въ себѣ семейство Б—хъ, и на которую было нами отчасти указано въ предыдущей главѣ, и Бѣлинскій исполненъ былъ идеальными ожиданіями увидѣть и узнать эту сферу. Около этого времени у Бѣлинскаго шла сердечная исторія, которая его чрезвычайно волновала. Въ другое время она и ему самому показалась бы довольно проста, какова она и была на самомъ дѣлѣ, но въ то время онъ примѣнилъ къ ней весь запасъ своихъ теоретическихъ увлеченій, и такъ какъ примѣненіе не соотвѣтствовало сущности дѣла, то эта исторія сдѣлалась для него предметомъ истиннаго страданія. Ближайшихъ друзей, которые могли бы помочь ему въ этомъ трудномъ случаѣ, тогда съ нимъ не было. «Станкевичъ былъ тогда на Кавказѣ, — рассказывалъ впоследствии Бѣлинскій, — и переписка съ нимъ шла бы медленно, а мои раны требовали скорого леченія... и если я не впалъ въ бѣшеное, изступленное отчаяніе, или въ мертвую апатію», то этимъ былъ обязанъ участію и вмѣшательству новаго друга. По его приглашенію, Бѣлинскій отправился въ деревню Б—хъ, гдѣ прожилъ около трехъ мѣсяцевъ 1836 года (съ конца іюля или съ августа до конца октября): это была та поѣздка, о которой мы привели уже отзывъ Станкевича ¹⁾. Здѣсь окончательно завязались тѣсныя дружескія отношенія.

Въ тогдашней перепискѣ Бѣлинскаго можно встрѣтить самое восторженное удивленіе его новому другу, «огромному запасу его внутренней жизни», «могуществу его мыслей», «безконечности его созерцанія» и т. д. Бѣлинскій, при всей врожденной независимости своей мысли и чувства, — независимости, которую признавалъ самъ глава кружка, Станкевичъ, — въ это время какъ-будто не проявляетъ ея. Повидимому, философское увлеченіе кружка, приступавшаго теперь къ Гегелю, именно и подчинило его теперь авторитетамъ по этой части, Станкевичу и М. Б., отнявъ у него точку опоры его прежнихъ мнѣній. Съ лѣта 1836 г. онъ въ особенности подчиняется вліянію новаго друга, которое всего сильнѣе было именно въ это первое время. Бѣлинскій прямо

¹⁾ Переписка, стр. 189.

говорилъ, что послѣ Станкевича онъ всего больше обязанъ своимъ развитіемъ именно ему (письмо 20-го іюня, 1838 г., и друг.).

Впослѣдствіи, когда эти отношенія приходили къ своей развязкѣ,—именно къ разрыву,—когда Бѣлинскому уже ясно было различіе характеровъ, онъ продолжалъ цѣнить умственное вліяніе М. Б. Онъ находилъ, что ихъ натуры совершенно несходны, даже враждебно-противоположны, хотя это самое несходство и привлекало ихъ другъ къ другу; но что въ нихъ была одна общая черта, которая и связывала ихъ, это—критическія требованія, смѣлое отрицаніе теоретическихъ положеній, какъ скоро они не выдерживали критическаго испытанія... «Дикая мощь, безпокойное, тревожное и глубокое движеніе духа, безпрестанное стремленіе въ даль, безъ удовлетворенія настоящимъ моментомъ, — даже ненависть и къ настоящему моменту и къ себѣ самому въ настоящемъ моментѣ, порываніе къ общему отъ частныхъ явленій», — такъ характеризуетъ Бѣлинскій тѣ отвлеченныя свойства ума, которыми новый авторитетъ пріобрѣлъ для него свое значеніе (письмо 12-го окт., 1838 г.).

Жизнь въ деревнѣ, въ 1836, по различнымъ обстоятельствамъ, осталась для Бѣлинскаго памятнымъ временемъ; эта жизнь не одинъ разъ вспоминается въ его перепискѣ, то въ свѣтлыхъ и ясныхъ чертахъ, когда онъ представляетъ себѣ гармоническую сферу, которую онъ здѣсь нашелъ и которая благотворно на него дѣйствовала, то въ чертахъ самыхъ мрачныхъ и тяжелыхъ, когда онъ вспоминалъ свой собственный внутренній разладъ, свои тогдашнія идеалистическія крайности, и наконецъ свои бѣдственныя внѣшнія обстоятельства. Вспоминая о томъ времени, Бѣлинскій замѣчаетъ: «...Скажу только, что мнѣ было хорошо, такъ хорошо, какъ и не мечталось до того времени: событіе превзошло мѣру и глубину моего созерцанія и моихъ предощушеній». Бѣлинскій разумѣлъ въ послѣднихъ словахъ характеръ узнанной имъ теперь «идеальной сферы», которая подѣйствовала на него именно въ томъ направленіи, какъ предполагалъ это и Станкевичъ, въ письмѣ, приведенномъ прежде. Бѣлинскій вспоминаетъ потомъ свои тогдашнія идеалистическія крайности и романтическое ребячество и заключаетъ: «...Несмотря на все, эти три мѣсяца 1836 года, всѣ до одного дня и часа, хотя они были для меня адомъ, но и теперь отъ одного воспоминанія о нихъ — я глумлюсь вѣяніе райа. Что дѣлать?—такова натура человѣка: *есть* — проклинаешь, *было* — жалѣешь, *зачѣмъ не есть*» (письмо 12 окт., 1838).

Постараемся объяснить эти отзывы собственными воспомина- ниями Бѣлинскаго. Онъ оставлялъ Москву въ самомъ мрачномъ и возбужденномъ состояніи духа. Теперь, новая жизнь отвлекла его отъ этого состоянія: «душа моя смягчилась,—пишетъ Бѣлин- скій: — ея ожесточеніе миновало, и она сдѣлалась способною къ воспринятію благихъ истинъ» (письмо отъ 16 авг., 1837, изъ Пятигорска). Та гармонія, которую онъ встрѣтилъ въ этой жизни, была одной и главной причиной того, что онъ называлъ своимъ пробужденіемъ; другой причиной были философскія теоріи, услы- шанныя отъ новаго друга. «Я ощутилъ себя въ новой сферѣ, увидѣлъ себя въ новомъ мірѣ; окрестъ меня все дышало гармо- ніей и блаженствомъ, и эта гармонія и блаженство частію про- никли и въ мою душу. Я увидѣлъ осуществленіе моихъ понятій о женщинѣ; опытъ утвердилъ мою вѣру». Но несмотря на то, онъ уѣхалъ отъ Б—хъ еще не тѣмъ, чѣмъ тогда почиталъ себя: «я былъ только взволнованъ, но еще не перерожденъ; благодать Божія стала только доступна мнѣ, но еще не сдѣлалась полнымъ моимъ достояніемъ... Я хотѣлъ успокоиться, забыться—и до нѣ- которой степени успѣлъ въ этомъ; но грозный призракъ вѣшней жизни (т.-е. его крайне разстроенныхъ матеріальныхъ обстоя- тельствъ) отравлялъ мои лучшія минуты». Съ другой стороны,—го- воритъ онъ,—«мои недостатки нравственные терзали меня: срав- нивая свои мгновенные порывы восторга съ этою жизнію ровною, гармоническою, безъ пробѣловъ, безъ пустотъ, безъ паденія и воз- станія, съ этимъ прогрессивнымъ ходомъ впередъ по безконеч- ному совершенству—я ужасался своего ничтожества. Иногда было истиннымъ бальзамомъ больной душѣ моей то уваженіе, которое доставляли мнѣ мои мгновенные, но энергическіе порывы въ любви къ истинѣ, эти мои рѣдкія, но сильныя вспышки чувства; но иногда я видѣлъ во всемъ этомъ слишкомъ большое участіе самолюбія, видѣлъ во всемъ этомъ какую-то одежду блестящую, но безъ подкладки, какое-то зданіе великолѣпное, но безъ фун- дамента, какое-то дерево вѣтвистое и пышное, но безъ корня— и я становился гадою самому себѣ... Полною жизнію я жилъ только въ тѣ минуты, когда увлекался сильнымъ жаромъ въ спо- рахъ и, забывая себя, видѣлъ одну истину, которая меня зани- мала; еще тогда, когда всѣ собирались въ гостиной, толпились около рояля и пѣли хоромъ. Въ этихъ хорахъ я думалъ слы- шать гимнъ восторга и блаженства усовершенствованнаго челове- чества, и душа моя замирала, можно сказать, въ мукахъ бла- женства, потому что въ моемъ блаженствѣ, отъ непривычки ли къ нему, отъ недостатка ли гармоніи въ душѣ, было что-то тяж-

кое, невыносимое, такъ что я боялся моими дивными движеніями обратить на себя общее вниманіе»...

БѢлинскій съ увлеченіемъ говорить о томъ, какъ благотворно и отрадно дѣйствовало на него женское общество, встрѣченное здѣсь имъ: это было для него нѣчто новое, доселѣ неизвѣстное: «я былъ вполнѣ блаженъ тѣмъ, что вѣрилъ въ существованіе на землѣ безконечно прекраснаго и высокаго, потому что видѣлъ своими глазами, видѣлъ передъ собою то, что доселѣ почиталъ мечтою, что давно почиталъ долженствовавшимъ существовать, но въ чему доселѣ не имѣлъ живой и сильной вѣры». Именно, онъ увидѣлъ здѣсь проявленія той идеальной женственности, которая до тѣхъ поръ была знакома только его фантазіи и какой онъ еще не встрѣчалъ въ дѣйствительности.

Приведенныя выдержки даютъ понятіе о тогдашнемъ настроеніи БѢлинскаго. Это была крайняя экзальтація, которая уже давно въ немъ готовилась и въ это время достигала, кажется, своего высшаго пункта. Къ тому нравственному возбужденію, которое было произведено упомянутой сердечной исторіей и которое теперь продолжалось, только въ другомъ направленіи, присоединилось увлекающее вліяніе философскихъ теорій, которыя подѣйствовали на БѢлинскаго тѣмъ сильнѣе, что его мысль уже давно занята была исканіемъ прочнаго міровоззрѣнія, на которомъ онъ могъ бы основать свою нравственную жизнь. Его другъ въ это время занимался ученіемъ Фихте, и БѢлинскій, какъ нерѣдко съ нимъ бывало, увлекся новыми взглядами до полной вѣры. «Жизнь идеальная и жизнь дѣйствительная всегда двоились въ моихъ понятіяхъ»,—говоритъ онъ въ томъ же письмѣ;—по теперь, нравственная гармонія, какую онъ видѣлъ въ новой средѣ, и знакомство съ идеями Фихте, пріобрѣтенное черезъ посредство новаго друга, убѣдили его, что «идеальная-то жизнь есть именно жизнь дѣйствительная, положительная, конкретная, а такъ-называемая дѣйствительная жизнь есть отрицаніе, призракъ, ничтожество, пустота». Для него открылся новый міръ — міръ мысли: «я былъ взумленъ, подобно Мольерову «Мѣщанину во дворянствѣ», который удивился, когда онъ узналъ отъ учителя, что онъ говорилъ прозою; я написалъ нѣсколько статей, обратившихъ на меня вниманіе, и никакъ не подозрѣвалъ, чтобы развитія въ нихъ идеи были—идеи à priori» (письмо 21 ноября, 1837). Онъ узналъ теперь, что «мышленіе есть нѣчто цѣлое, нѣчто одно, что въ немъ нѣтъ ничего особеннаго и случайнаго, но все выходитъ изъ одного общаго лона, которое есть Богъ, самъ себѣ открывающійся въ твореніи. Тогда я самъ собою отбросилъ въ моихъ

понятіяхъ многое, что не вязалось съ цѣлымъ и потому было ложнымъ, было остаткомъ прежнихъ убѣжденій, сдѣлавшихся теперь предубѣжденіями». Естественно, что, убѣдившись въ достоинствѣ идеальной жизни, Бѣлинскій, всегда горячо отдававшійся тому, что казалось ему найденной истиной, подвергался опасности еще больше уйти въ чистую отвлеченность и—запутаться въ ней, какъ это и случилось. Прежде всего новое убѣжденіе усилило его сомнѣніе въ самомъ себѣ. «И я узналъ о существованіи этой конкретной жизни для того, чтобы узнать свое безсиліе усвоить ее себѣ; я узналъ рай, для того, чтобы удостовѣриться, что только приближеніе къ его воротамъ, не наслажденіе, но только предощеніе его гармоніи и его ароматовъ—есть единственно возможная моя жизнь» (письмо 16 авг., 1837).

Нѣсколько позднее, Бѣлинскій, уже значительно измѣнившій свои взгляды съ 1836 года, говорить о своемъ тогдашнемъ состояніи въ такихъ выраженіяхъ. «Для меня истина существуетъ какъ созерцаніе въ минуту вдохновенія, или совсѣмъ не существуетъ», т.-е. по свойству его ума и характера, истина обыкновенно представляется ему и дѣйствуетъ на него не какъ отвлеченность, а какъ живое представленіе; но его новый другъ познакомилъ его тогда съ мыслию чисто отвлеченной:—онъ «внесъ въ мою жизнь мысль, которой я не люблю, но безъ которой нельзя жить, безъ которой чувство переходитъ въ хаосъ противорѣчивый, пожираетъ само себя». Но отвлеченная мысль, которой онъ «не любилъ», требовала особой, новой для него внутренней работы, ставивалась съ влеченіями его личной природы, и отсюда происходила мучительная внутренняя борьба. «Результатомъ этой борьбы должно было быть отчаяніе, оскудѣніе жизни, судорожное проявленіе жизни, въ проблескахъ, восторгахъ мгновенныхъ и дней, недѣляхъ апатіи смертельной... Я лицомъ къ лицу, въ первый разъ, столкнулся съ мыслию — и ужаснулся своей пустоты. Это былъ ужасный періодъ моей жизни, но я теперь понимаю его необходимость... Я страдалъ, потому что... принесъ въ жертву моимъ конечнымъ опредѣленіямъ всѣ мои чувства, вѣрованія, надежды, свое самолюбіе, свою личность. Это было нужно: тотъ не любитъ истины, кто не хочетъ для нея заблуждаться и приносить ей въ жертву, какъ Молоху, все, чѣмъ живешь и радуешься»... (письмо 20 іюня, 1838).

Въ другомъ письмѣ (10 сент., 1838), Бѣлинскій говорить: «я мало принесъ жертвъ для мысли, или, лучше сказать, только одну принесъ для нея жертву — готовность лишаться самыхъ задушевныхъ субъективныхъ чувствъ для нея», — и приписы-

ваетъ возбужденіямъ своего друга что сдѣлать большое движеніе въ области мысли; но изъ слѣдующихъ словъ видно, какии процессомъ Бѣлинскій усвоивалъ себѣ новое содержаніе. «Я бралъ мысли готовыя, какъ подарокъ; но этимъ не все оканчивалось, и при одномъ этомъ я ничего бы не выигралъ, ничего бы не приобрѣлъ: жизнію моею, цѣною слезъ, воплей души, усвоилъ я себѣ эти мысли, и онѣ вошли глубоко въ мое существо»...

Такъ тяжело доставались ему внутренніе процессы его мысли; и мы будемъ имѣть случай видѣть, что эти выраженія Бѣлинскаго были совершенно справедливы. Въ письмахъ этого времени, какъ ни отрывочны они, встрѣчается не мало примѣровъ той тяжелой душевной борьбы и страданія, которыхъ стоили Бѣлинскому приобретаемыя имъ убѣжденія. Такова дѣйствительно была его натура: это былъ безъ сомнѣнія твердый и логическій умъ, но Бѣлинскій былъ правъ, говоря, что онъ «не любитъ мысли», т.-е. не любитъ отвлеченности, формальной діалектики и чисто логическихъ построеній. «Истина» представлялась ему въ живомъ образѣ, въ опредѣленномъ воззрѣніи, нравственномъ правилѣ; въ его мышленіе всегда вторгалось горячее, иной разъ необузданное чувство,—и понятно, что если ему внушалось, или представлялось само теоретическое сомнѣніе, если противъ его принятаго взгляда возставало противорѣчіе, вооруженное сильными и принудительными аргументами,—для него начиналась тягостная борьба: теоретическая уступка была не переменѣю алгебраической формулы, но влекла за собой отказъ отъ самыхъ кровныхъ убѣжденій, съ которыми онъ сжился, съ которыми прочно связано было его восторженное чувство,—естественно, что этотъ отказъ былъ для него слишкѣмъ труденъ, и онъ успокоивался только тогда, когда это броженіе и борьба противорѣчій разрѣшались паденіемъ одной системы и торжествомъ другой.

Трудно съ опредѣленностью связать, въ какомъ именно ученіи открылся Бѣлинскому въ 1836 году тотъ «міръ мысли», о которомъ онъ говоритъ. Всего вѣроятнѣе, что здѣсь и не было какой-нибудь рѣзко опредѣленной системы; но источникомъ и основаніемъ этихъ философскихъ разсужденій были вообще Фихте и Гегель. Бѣлинскій въ письмахъ нѣсколько разъ упоминаетъ о своемъ тогдашнемъ увлеченіи «фихтианствомъ»: «я уцѣпился за фихтианскій взглядъ съ энергіею, съ фанатизмомъ». М. Б.—«первый уничтожилъ въ моемъ понятіи цѣну опыта и дѣйствительности, втащивъ меня въ фихтианскую отвлеченность» и т. д. (письма 16-го августа, 1837; 14-го августа, 10-го сентября, 1838 г.).

Намъ рассказывали изъ тогдашней жизни Бѣлинскаго случай,

гдѣ онъ однажды, въ большомъ обществѣ, ему несовершенно близкомъ, въ разговорѣ о французскихъ событіяхъ конца прошлаго столѣтія, высказалъ мнѣнія, смутившія хозяина своей крайней рѣзвостью. Этотъ эпизодъ, какъ видно по письмамъ, относится именно въ 1836 году, къ «фихтианскому» періоду его мнѣній. «Ты помнишь,—пишетъ онъ впоследствии къ одному приятелю (отъ 12-го окт., 1838),—какую фразу отпустилъ я за столомъ, и какъ подѣйствовала она на А. М.; но знаешь ли что?—я нисколько не раскаяваюсь въ этой фразѣ и нисколько не смущаюсь воспоминаніемъ о ней: ею выразилъ я совершенно добросовѣстно и со всею полнотою моей нестойкой природы тогдашнее состояніе моего духа. Да, я такъ думалъ тогда»,—говоритъ онъ, объясняя, что фихтианизмъ онъ понялъ тогда именно въ радикальномъ политическомъ значеніи:—«что было, то должно было быть, и если было необходимо, то было и хорошо, и благо. Повторяю: искренно и добросовѣстно выразилъ я эту фразу напряженное состояніе моего духа, черезъ которое необходимо долженъ былъ пройти». Бѣлинскій считалъ, что это было «моментомъ развитія», какъ это у нихъ называлось, признавая притомъ, что эти его взгляды были его собственнымъ толкованіемъ «фихтианизма»; но, оправдывая «моментъ», Бѣлинскій жестоко винитъ себя за другое—именно за то, что, кромѣ своихъ дѣйствительныхъ убѣжденій, онъ увлекался тогда фразой, желаніемъ проповѣдовать и рисоваться. Съ своей обычной правдивостью онъ не скрываетъ ничего и даже съ особеннымъ удареніемъ говоритъ о томъ, что впоследствии находилъ въ своихъ тогдашнихъ словахъ и поступкахъ натянутого и пошлаго. По словамъ его, здравый смыслъ и тогда указывалъ ему неумѣстность многихъ вещей, имъ высказываемыхъ,—«но я былъ философъ,—говоритъ Бѣлинскій,—и даже совѣсть и здравый смыслъ принесли въ жертву философіи фразѣрства»... «Это моя исторія того времени и причина большей части тогдашнихъ моихъ мученій»...

Эти самоосужденія показываютъ, какъ строгъ былъ Бѣлинскій къ самому себѣ; но что онѣ были преувеличены, и что увлеченія, имъ послѣ такъ осуждаемыя, были въ свое время очень искренни, это видно уже изъ того, что весь этотъ «моментъ» его развитія былъ для него мучителенъ: мы имѣемъ его собственные рассказы о тѣхъ тяжелыхъ «дняхъ и недѣляхъ апатіи», которыми у него смѣнялись минуты восторга и которыя были именно слѣдствіемъ очень серьезнаго внутренняго раздора.

Самъ Бѣлинскій называетъ свое тогдашнее настроеніе—«распаденіемъ», терминъ, которымъ обозначалась внутренняя борьба

человѣка, при столкновѣніи рутины съ сознательной мыслью, непосредственныхъ взглядовъ и чувства съ критическимъ анализомъ. «Но это распаденіе и эта отвлеченность,—замѣчаетъ онъ,— были ужаснымъ зломъ и страшною мукою для меня только въ настоящемъ, а въ будущемъ они принесли благодарные плоды, заставивъ меня серьезно подумать и передумать обо всемъ, о чемъ я прежде думалъ только слегка, и стремиться дать моему образу мыслей логическую, полноту и цѣлостъ». Примираясь, такимъ образомъ, съ этой прошедшей точкой зрѣнія, Бѣлинскій вспоминаетъ и другую точку зрѣнія: «Я даже примирился и съ католическимъ періодомъ моей жизни,—говоритъ онъ въ письмѣ 12-го октября, 1838 г.,—когда я былъ убѣжденъ отъ всей души, что у меня нѣтъ ни чувства, ни ума, ни таланта, никакой и ни къ чему способности, ни жизни, ни огня, ни горячей крови, ни благородства, ни чести, что хуже меня не было никого у Бога, что я пошлѣйшее и ничтожнѣйшее созданіе въ мірѣ... Да, я призналъ и созналъ и необходимость, и великую пользу для меня этого періода: теперешняя моя увѣренность въ себѣ и все, что теперь есть во мнѣ хорошаго, всѣмъ этимъ я обязанъ этому періоду, и безъ него ничего хорошаго во мнѣ не было бы».

Какимъ образомъ окончился у Бѣлинскаго его «фихтианскій» періодъ, къ которому относились и упомянутыя крайности его мнѣній,—мы не находимъ о томъ ясныхъ указаній въ нашемъ матеріалѣ. По всей вѣроятности «фихтианство»¹⁾ было довольно кратковременно, и отвлеченность его послужила только удобнымъ переходомъ къ гегелианству, къ которому приступилъ его наставникъ.

Это послѣднее также началось, по всей вѣроятности, только постепенно, усвоеніемъ нѣкоторыхъ гегелианскихъ темъ; самого Гегеля Бѣлинскій узналъ нѣсколько позднѣе. Къ половинѣ 1837 г. мнѣнія Бѣлинскаго приняли уже тотъ характеръ, который выражается въ длинномъ письмѣ, помѣщенномъ въ предыдущей главѣ. Къ концу этого года Бѣлинскій познакомился, черезъ своихъ друзей, съ новымъ запасомъ гегелевскихъ ученій.

Подъ этими философскими вліяніями, въ кружкѣ сталъ складываться болѣе опредѣленный взглядъ на жизнь. Личная жизнь становилась теоретической задачей, разрѣшеніе которой производилось съ большими усиліями мысли, съ поправками и критикой друзей. Цѣлью стремленій была «полная жизнь духа», жизнь

¹⁾ Къ его періоду относятся статья Бѣлинскаго о „Системѣ нравственной философіи“ Дровцова, писанная въ сентябрѣ 1836 г. Сочин., т. II.

«абсолютная», т.-е. заключающая въ себѣ удовлетвореніе всѣхъ высшихъ нравственныхъ интересовъ человѣка, растолкованныхъ философіей. «Абсолютная жизнь» была равнозначительна пребыванію въ любви, благодати, царствѣ божіемъ,—такъ что философскій идеализмъ совпадалъ съ религіознымъ. Такъ какъ, очевидно, только немногіе могли достигать абсолютной жизни, то люди дѣлились на двѣ различныя категоріи: людей, осѣненныхъ благодатью и потому способныхъ къ абсолютной жизни, и на людей, ведущихъ только внѣшнюю, почти животную жизнь. «Тебѣ извѣстны мои понятія о людяхъ,—пишетъ Бѣлинскій въ одному пріятелю въ августѣ 1837 г.:—ты знаешь, что я раздѣляю ихъ на два класса—на людей съ зародышемъ любви и людей, лишенныхъ этого зародыша. Послѣдніе для меня—скоты, и я почитаю слабостью всякое снисхожденіе къ нимъ». Но за то, какъ бы ни заблуждался, ни палъ человѣкъ съ зародышемъ чувства и инстинктомъ истины, онъ всегда считалъ его своимъ братомъ.

Свое понятіе о благодати, отрывающей путь къ абсолютной жизни, Бѣлинскій опредѣляетъ въ письмѣ такимъ образомъ:

„Благодать Божія не дается намъ свыше, но лежитъ, какъ зародышъ, въ насъ самихъ; но не въ нашей волѣ вызывать ея дѣйствіе, и въ этомъ отношеніи она намъ дается. Человѣкъ ничего не можетъ сдѣлать для своего совершенства, дѣйствуя своею волею *положительно*, но много можетъ для него сдѣлать, дѣйствуя ею *отрицательно*. Я не могу возбудить въ себѣ чувства, когда оно замерло во мнѣ, не могу наполнить блаженствомъ мою душу, убитую и истощенную порокомъ, словомъ, я не могу взять себѣ добродѣтель, но могу бросить порокъ. Тогда во мнѣ не останется ничего, потому что не быть порочнымъ еще не значитъ быть добродѣтельнымъ; я буду пусть совершенно. Но для человѣка съ потребностію жизни нельзя долго оставаться въ состояніи пустоты: сильнѣйшее начало его натуры скоро должно взять верхъ, если только онъ не вздумаетъ удовольствоваться отрицательнымъ совершенствомъ; но такъ какъ для послѣдняго случая надо родиться подлецомъ, пошлякомъ, ввакеромъ, сектантомъ и не имѣть никакого зародыша человѣческой жизни, то, повторяю, добро должно въ немъ восторжествовать. Противъ этого нельзя спорить“.

Въ другомъ письмѣ Бѣлинскій такъ высказываетъ свое понятіе о «долгѣ», какъ вещи чисто принудительной и узкой, и о «любви», какъ мотивѣ непосредственнымъ, свободномъ и широкимъ. «Я понимаю долгъ какъ необходимый переходъ, какъ неизбежную степень сознанія, но не какъ абсолютную истину, и знаю, что конкретная жизнь—только въ блаженствѣ абсолютнаго знанія, и что человѣкъ—самъ себѣ цѣль... Только благодать есть основа и условіе истинной жизни. Безъ любви жизнь можетъ быть

только благоразумна, но не разумна, а благоразумная жизнь ¹⁾ для меня тождественна съ подлою жизнію» (21 ноября, 1837).

Такъ какъ огромное большинство общества показывало очень малую способность къ «вышей жизни духа», то естественно, что кружокъ относился недověрчиво, и даже враждебно къ господствующимъ понятіямъ большинства. Походить на это большинство было позорно: заслужить въ «обществѣ» титуло «солиднаго», «почтеннаго» человѣка (по обычнымъ понятіямъ) въ глазахъ кружка, и особенно Бѣлинскаго, значило совсѣмъ уронить себя; термины «добрый малый», *bon vivant*, *bon samarite* — считались почти бранными словами, синонимомъ безнадежной и жалкой пустоты и ничтожества. «Я на этотъ счетъ очень чувствителенъ, — говорить Бѣлинскій въ письмѣ къ одному пріятелю въ 1837 г.: — для меня дышать однимъ воздухомъ съ пошлякомъ и бездушникомъ все равно, что лежать съ связанными руками и ногами».

Нравственные вопросы рѣшались съ абсолютной точки зрѣнія, и внутреннее чувство правды, искренность ставилась надъ внѣшними требованіями и рутинными понятіями долга; лицемеріе, внѣшняя формальная нравственность, добродѣтель изъ расчета возбуждали здѣсь ожесточенную ненависть. Бѣлинскій съ обычнымъ увлеченіемъ и жаромъ, отличавшими его бесѣды съ друзьями, выражался объ этомъ, напимѣръ, такими рѣзкими словами:

„Я презираю и ненавижу добродѣтель безъ любви, и скорѣе рѣшусь стремглавъ броситься въ бездну порока и разврата, съ ножомъ въ рукахъ на большихъ дорогахъ добывать свой насущный кусокъ хлѣба, нежели, затоптавъ свое чувство и разумъ ногами въ грязь, быть добрымъ квакеромъ, пошлымъ резонеромъ, пуританиномъ, раскольникомъ, добрымъ по расчету, честнымъ по эгоизму, не воровать у другихъ, чтобы другимъ не дать права воровать у себя, не рѣзать ближняго, чтобы ближній не рѣзалъ меня. Ты знаешь, что, въ моихъ глазахъ, женщина, принадлежавшая многимъ по побужденію чувственности, есть женщина развратная... но гораздо менѣе развратная... нежели женщина, которая одному отдала себя на всю жизнь, по расчету или по чувству долга, или женщина, которая, любивъ одного, вышла за другого изъ уваженія къ родительской волѣ и общественному мнѣнію, боролась съ своимъ чувствомъ, какъ съ преступленіемъ, и, побѣдивъ его..., убила въ себѣ всѣ человѣческія искры“...

Въ томъ же письмѣ Бѣлинскій еще въ болѣе рѣшительныхъ выраженіяхъ высказываетъ свое отвращеніе къ отсутствію выс-

¹⁾ Т.-е. „отрицательное совершенство“, о которомъ сейчасъ упомянуто, жизнь по обычнымъ грубо-благоразумнымъ понятіямъ людей внѣшней жизни.

пихъ нравственныхъ интересовъ чувства и мысли. «Живя въ Пятигорскѣ,—разсказываетъ онъ,—я перечелъ множество романовъ и между ними нѣсколько Куперовыхъ, изъ которыхъ вполне понялъ стихіи сѣверо-американскихъ обществъ: моя застоявшаяся, стусившаяся отъ тины и паутины, но еще не охладѣвшая кровь кипѣла отъ негодованія на это гнусно-добродѣтельное и честное общество торгашей, новыхъ жидовъ, отвергнувшихъ отъ Евангелія и признавшихъ старый Заветъ. Нѣтъ, лучше Турція, нежели Америка; нѣтъ—лучше быть падшимъ ангеломъ, т.-е. дьяволомъ, нежели невинною, безгрѣшною, но холодною и сливистою лягушкою! Лучше вѣчно валяться въ грязи и болотѣ, нежели опрятно одѣться, причесаться и думать, что въ этомъ-то состоитъ все совершенство человѣческое».

Разумѣется само собою, что въ абсолютной жизни или полной жизни духа любовь и женщина играли чрезвычайно важную роль; отъ нихъ могла зависѣть самая возможность абсолютной жизни. Любовь объяснялась, какъ и вообще личное нравственное развитіе, съ помощью отвлеченныхъ хитросплетеній. Почти о всѣхъ друзьяхъ вкругъ упоминаются въ перепискѣ Бѣлинскаго факты этого рода, подвергаемые обсужденію съ философской точки зрѣнія. Отрывокъ изъ одного подобнаго разсужденія Бѣлинскаго (ноябрь, 1837) дастъ понятіе о тонѣ, въ какомъ разбирался этотъ вопросъ:

„Любовь есть гармонія, а гармонія во взаимности... Потребность любви выходитъ изъ потребности осуществленія, обособленія... истинны въ идеѣ—въ истинѣ въ явленіи. Истина сама по себѣ есть нѣчто отвлеченное, есть Sein, но не Daseyn: нуженъ извѣстный образъ для осуществленія этой истины, а этотъ образъ долженъ быть человѣческій, потому что человѣкъ есть по преимуществу истина въ явленіи. Почему же нуженъ человѣкъ другого пола, это я объясняю моею теоріею гармоніи въ противоположности (!)... Моментъ сознанія любви есть моментъ вдохновенія, а вдохновеніе, по Гегелю, есть внезапная способность оцѣнить истину. Истина (отношу сюда и благо, и красоту) одна, но проявленія ея различны, точно также какъ поэзія одна, но есть поэзія Шекспира, есть поэзія Гёте, есть поэзія Шиллера. Всякому нужна истина въ извѣстномъ образѣ. Вотъ почему изъ двадцати женщинъ, равно прекрасныхъ и лицомъ и душою, можно не колеблясь полюбить и избрать одну. Родственность душъ, а слѣдовательно и самыхъ организмовъ, рѣшаетъ выборъ. Итакъ, когда мужчина встрѣчаетъ въ женщинѣ свою истину, или, вѣрнѣе, свою форму истины, то онъ приходитъ въ состояніе вдохновенія или находить въ себѣ внезапно силу сознать эту истину. Эта теорія вѣрна. Прежде наша ошибка состояла въ томъ, что мы думали, что для каждой души есть только одна родная ей душа, и потому сблизись на фатализмъ. Нѣтъ, у міродержавнаго промысла нѣтъ лабо-

раторій для подобныхъ двойчатокъ, нѣтъ этой аккуратной и отчетливой экономіи. Для каждаго изъ насъ существуетъ множество родныхъ душъ, стоящихъ, въ отношеніи къ намъ, на болѣе или меньшей степени родства; скажу болѣе, для каждаго изъ насъ можетъ существовать не одна душа въ равной степени родства. Первая встрѣча рѣшаетъ нашу судьбу, и счастливая, раздѣленная любовь есть встрѣча съ *родною тою* душой, а несчастная, нераздѣленная, — съ душой, которая стоитъ, въ отношеніи къ нашей душѣ, только на нѣкоторой степени родства, и которая только тревожитъ насъ, но не удовлетворяетъ. Такого рода любовь продолжается только до встрѣчи съ вполне родною душой, безъ этой же встрѣчи, она можетъ не оставлять насъ во всю жизнь, давая намъ какое-то грустное и неполное блаженство. Меня всегда смущала любовь Татьяны къ Онѣгину, какъ любовь глубокая и возвышенная, но не раздѣленная: теперь я увѣрился, что она не была нераздѣленною. Онѣгинъ человѣкъ не пошлый, но опошленный, и потому не узналъ своей родной души; Татьяна же узнала въ немъ свою родную душу, не какъ въ полномъ ея проявленіи, но какъ въ возможности. Онѣгинъ презиралъ женщинъ; побѣда безъ борьбы для него не имѣла цѣны. Онъ полюбилъ Татьяну, какъ скоро для его чувства предстало препятствіе, борьба. И его любовь была глубока“...

Бѣлинскій прибавляетъ, что нѣчто подобное случилось съ однимъ человѣкомъ, извѣстнымъ въ ихъ кругѣ, и замѣчаетъ: «пріятно, когда факты подтверждаютъ умозрѣніе».

Въ приведенномъ отрывкѣ Бѣлинскій упоминаетъ прежнее ошибочное понятіе друзей о родствѣ душъ (что «для каждой души есть только *одна* родная ей душа»), приводившее ихъ къ фатализму. Въ другомъ письмѣ Бѣлинскаго мы находимъ нѣкоторыя подробности объ этомъ, болѣе раннемъ взглядѣ кружка: онѣ изложены, впрочемъ, съ такою простотою выраженія, вообще отличавшей бесѣды друзей и оставшейся отъ студенческой открытости, — что ихъ трудно здѣсь привести. Довольно сказать, что это былъ изысканный и чисто юношескій романтизмъ, столь буквально понимаемый, что, по теоріи полного и исключительно *парнаго* родства душъ, въ практическомъ отношеніи для друзей оставался выходъ — или въ идеальнѣйшія отношенія къ женщинѣ или въ общепринятая вульгарныя отношенія: но такъ какъ подлинная парная родственность душъ отыскивалась не легко, то сама философская теорія и приводила къ послѣднимъ...

Въ томъ дружескомъ кругѣ (въ деревнѣ), который показался Бѣлинскому столь новой и благотворной атмосферой, его идеалистическое настроеніе получило обильную пищу тѣмъ болѣе, что здѣсь не осталось незатронутымъ и его чувство. Это чувство не было глубокое и вполне увлекающее; самъ Бѣлинскій долго не могъ опредѣлить себѣ его степень (по приведенной сейчасъ теоріи) — это

и былъ признакъ, что это чувство не владѣло имъ вполне и возникло только благодаря условіямъ его тогдашней жизни, открывавшимъ его сердце для идеальныхъ ощущеній; притомъ его чувство не встрѣтило отвѣта, который бы могъ поддержать его. При всемъ томъ, это чувство долго занимало Бѣлинскаго, и онъ приписывалъ ему большую цѣну для своего нравственнаго существованія. Въ такихъ выраженіяхъ онъ говоритъ объ этомъ въ ноябрѣ 1837 года.

„... Теперь... должно разстаться съ прекрасною мечтою, хотя это и больно для моего прекраснодушія ¹⁾... Конечно, я срѣзался, и срѣзался жестоко, не столько передъ другими, сколько передъ самимъ собою, и самолюбіе мое очень страждетъ; но ошибка, какъ ошибка, оскорбленное самолюбіе, разныя глупости, фарсы и претензіи (а ихъ было довольно) пройдутъ и изгладятся изъ памяти, какъ все призрачное; но всегда останутся со мною прекрасные порывы прекраснаго чувства, и святая грусть, и святая радость, и все, что было тутъ истиннаго и потому прекраснаго (а его было тоже довольно). Я никогда не забуду, что этотъ случай открылъ мнѣ глаза для созерцанія истины, для которой я прежде былъ слѣпъ, и если я теперь замѣчаю въ себѣ отъ времени до времени значительныя прогрессы, то ими обязанъ все этому же событію въ моей жизни“.

Увлечение Бѣлинскаго было тѣмъ естественнѣе, что новый кругъ, въ который онъ вступилъ, со многихъ сторонъ располагалъ къ идеальности. Слово «абсолютъ» слышалось даже изъ женскихъ устъ ²⁾; молодое женское поколѣніе занималось отвлеченными предметами поэзіи и искусства; здѣсь были извѣстны Гёте и Беттина, и для послѣдней почти готовы были подражанія...

Въ столь же «абсолютномъ» смыслѣ понимались и отношенія дружбы — важный вопросъ, который потомъ долго служилъ предметомъ споровъ между друзьями. Отношенія Бѣлинскаго почти со всѣми членами кружка безъ исключенія были самыя близкія и тѣсныя. Между ними, можно сказать, не было тайнъ. Вопросы жизни поставлены были у нихъ такъ возвышенно и съ такою солидарностью одной школы, что личные интересы и дѣйствія каждаго становились дѣломъ всѣхъ. Права дружбы были самыя широкія. Бѣлинскій (въ ноябрѣ 1837) высказываетъ, что «истинная дружба можетъ существовать только при условіи безконечной довѣренности и совершенной откровенности». Понятно,

1) Терминъ очень употребительный въ то время между друзьями и означавшій, въ буквальной переводѣ съ нѣмецкаго—Schönseeligkeit, особую ступень развитія, гдѣ пониманіе высшаго содержанія оставалось неполнымъ и не входило въ самую жизнь, вслѣдствіе недостатка воли или сильнаго чувства истиннаго и прекраснаго.

2) Ср. цитированныя выше воспоминанія Лажечникова.

какъ трудно однако было бы удерживаться дружбѣ при этомъ условіи, во-первыхъ, тамъ, гдѣ «совершенная откровенность» догровивалась до самыхъ чувствительныхъ струнъ другого, и гдѣ, во-вторыхъ, права дружбы понимались друзьями не всегда одинаково. М. Б., одинъ изъ друзей, получившій теперь авторитетъ въ рѣшеніи философскихъ вопросовъ, пользовался имъ съ нетерпимостью, которая наконецъ стала казаться отяготительною и вызвала со стороны БѢлинскаго сопротивленіе... Дружба, а тѣмъ болѣе «абсолютная», стала очень затруднительна при большомъ различіи характеровъ и другихъ личныхъ обстоятельствахъ, которыя, съ одной стороны, тѣсно связывали этихъ людей, съ другой—умножали поводы къ столкновеніямъ, и со временемъ эти столкновенія принимали уже враждебный характеръ... Неполнота свѣдѣній и условія нашего труда не даютъ намъ возможности изложить вполнѣ эти отношенія, гдѣ дружба слишкомъ часто стала мѣняться съ враждой. Довольно сказать, что эти смутныя отношенія, объясняемыя обѣими сторонами съ помощью философской аргументаціи, были для БѢлинскаго, въ теченіе 1837—39 годовъ и даже позднѣе, предметомъ большого интереса, хлопотъ и тревоги. БѢлинскій признавалъ все вліяніе своего друга на развитіе своихъ теоретическихъ понятій, считалъ себя обязаннымъ ему въ этомъ отношеніи всѣхъ болѣе послѣ Станкевича, но не хотѣлъ ни уступить ему своей самостоятельности, ни оставить безъ возраженій его мнѣній и дѣйствій, которымъ не сочувствовалъ; наконецъ, выступилъ полемически противъ него и кончилъ «сверженіемъ авторитета», какъ самъ объ этомъ выражался.

«Дружба» подверглась испытаніямъ и съ другой стороны: «безконечная довѣренность» и «совершенная откровенность» привели потомъ къ ожесточенному раздору и въ его отношеніяхъ съ Боткинымъ.

Вопросъ дружбы такимъ образомъ обошелся очень дорого БѢлинскому, но въ концѣ-концовъ эти споры помогли ему разъяснить личные отношенія и избавиться отъ лишнихъ романтическихъ преувеличеній и фантазій. Въ его тогдашнемъ, до послѣдней степени идеалистическомъ настроеніи, это возвращало его съ облаковъ къ дѣйствительности и къ жизни.

Встрѣчались наконецъ и такіе трудные моральные вопросы, для разрѣшенія которыхъ друзья чувствовали себя бессильными. БѢлинскій говоритъ однажды полу-шутя, но и полу-серьезно объ одномъ подобномъ вопросѣ: «это могъ бы рѣшить только одинъ Гегель, а не мы, находящіеся подъ вліяніемъ внѣшности, и даже преданія»...

Искусство, среди отвлеченностей «фиктианства» и гегелевой философии, оставалось господствующимъ интересомъ, потому что всѣ вопросы сводились къ нему такъ или иначе. Бѣлинскій предпочиталъ особыя работы, чтобы выяснитъ значеніе искусства, которое наконецъ раскрылось ему въ эстетическихъ понятіяхъ Гегеля и его школы. Живя въ Пятигорскѣ, Бѣлинскій писалъ къ одному изъ друзей о своихъ занятіяхъ этимъ предметомъ, и, жалуясь на разстройство дѣлъ, его сильно тогда смущавшее, замѣтилъ:...

„За то кое-что обдумалъ—и не худое, лишь бы вопросъ—быть или не быть, рѣшился въ мою пользу. Много думалъ объ искусствѣ и, наконецъ, вполне постигъ его значеніе, вопросъ о которомъ давно мучилъ меня. Лишь бы благодать Божія снова проникла въ мою завядую и засохшую душу, а то я составилъ планъ хорошаго сочиненія, гдѣ, въ формѣ писемъ или переписки друзей, хочу изложить всѣ истины, какъ постигъ я ихъ, *о цѣли человеческого бытія или счастья*. Я дамъ этимъ истинамъ практической характеръ, доступный всякому, у кого есть въ груди простое и живое чувство бытія; объ мои статьи...¹⁾ войдутъ сюда, передѣланныя въ своей формѣ, очищенные отъ многословія и противорѣчій. Здѣсь я разовью, какъ можно подробнѣе и картиннѣе, идею творчества, которая у насъ такъ мало понята; словомъ, здѣсь я надѣюсь выразить всю основу нашей внутренней жизни“.

Къ концу 1837 года Бѣлинскій началъ уже исполнять этотъ планъ, и такъ рассказываетъ содержаніе труда, который, если бы былъ исполненъ, имѣлъ бы любопытное автобиографическое значеніе.

„Теперь я началъ „Переписку двухъ друзей“,—говоритъ онъ въ письмѣ ноября 1837,—большое сочиненіе, гдѣ въ формѣ переписки и въ формѣ какого-то полу-романа будутъ высказаны всѣ тѣ идеи о жизни, которыя даютъ жизнь и которыя, безъ полемики²⁾, должны разоблачить Шевыревыхъ и подобныхъ ему. Это будетъ собственно переписка прекрасной души съ духомъ³⁾; первое лицо, какъ разумѣется, будетъ моимъ субъективнымъ произведеніемъ, а второе — чисто объективнымъ. Въ лицѣ перваго я поражу прекраснодушіе, такъ что оно устыдится самого себя; впрочемъ, въ представителѣ прекраснодушія я выведу лицо не пошлое, но полное жизни истинной, кипучей; придамъ ему не фразы и возгласы, но слово живое,

¹⁾ Упомянутыя здѣсь статьи были писаны Бѣлинскимъ въ 1836 г., въ деревнѣ у Б—хъ, гдѣ онъ и читалъ ихъ въ дружескомъ кругу. Это была, слѣдовательно, старая тема.

²⁾ Въ это время, Бѣлинскій, какъ будетъ объяснено далѣе, былъ противъ полемики, которая казалась ему не нужной и даже вредной. Это настроеніе, конечно, длилось не долго.

³⁾ Выше упомянуто объ этихъ терминахъ, выражавшихъ различныя степени духовнаго развитія, преодоленіе которыхъ было цѣлью всѣхъ стремленій и въ средѣ друзей.

увлекательное, картинное и поэтическое; словомъ, я изображу въ немъ одного изъ тѣхъ людей, доступныхъ всему истинному, но лишенныхъ силы воли для полнаго достиженія высшей истины, одного изъ тѣхъ людей, которые понимаютъ истину, но хотятъ, чтобы она досталась имъ безъ труда, безъ жертвованій, безъ борьбы и страданія; какъ цыгане, которые лучше хотятъ сносить всѣ неудобства непогоды, всѣ невыгоды бродяжнической жизни, нежели пожертвовать частію своей дикой свободы гражданскому порядку, такъ и эти люди хотятъ лучше всю жизнь свою жить рѣдкими и немногими минутами восторга, а остальную часть жизни валаться въ грязи, нежели путемъ труда и усилій перейти въ полную жизнь. Короче сказать, въ этой прекрасной душѣ я изображу себя и, надѣюсь, очень вѣрно; и въ этомъ портретѣ я напишу на самого себя и опишу самого себя. Я изображу себя въ двухъ эпохахъ жизни: въ той, въ которую я жилъ въ одномъ чувствѣ и пряталъ свое чувство отъ разума, какъ цвѣтокъ отъ мороза; и въ той, въ которую я созналъ тождество чувства съ разумомъ, любви съ сознаниемъ, но приобрѣлъ черезъ это не полное блаженство жизни, а только объективное сознание его. Что же касается до представителя жизни духа, то это не будетъ ни чей портретъ: это будутъ мои... статьи ¹⁾, но только глубже пережитыя и лучше понятыя, потому что съ тѣхъ поръ, какъ я ихъ написалъ, я немного подросъ въ моихъ понятіяхъ. Первое письмо почти уже написано: въ немъ „прекрасная душа“ описываетъ свой отъѣздъ изъ Москвы, свои путевыя впечатлѣнія, жалуется на людей и жизнь, въ которыхъ она разочаровалась; доказываетъ, что истинная жизнь въ чувствѣ, что разумнѣе есть смерть чувства; упрекаетъ своего друга за любовь къ философіи, за холодность сужденій и предрекаетъ ему конечную гибель за довѣренность къ *холодному уму* и пр. и пр. Отвѣтъ на это письмо будетъ содержать изложеніе понятія о разумѣ и чувствѣ, ихъ взаимныхъ отношеніяхъ; объ истинѣ въ созерцаніи, какъ основѣ нашего сознанія; объ ошибочномъ понятіи, вслѣдствіе котораго чувство смѣшивалось съ истинною въ созерцаніи, почему и думаютъ несправедливо, что чувствомъ можно узнать какою бы то ни было истину, тогда какъ оно, по существу своему, не можетъ давать намъ никакихъ идей, но, такъ сказать, подкрѣпляетъ всякую истинную, или почитаемую нами за истинную, идею, пробуждаясь въ насъ какъ стремленіе къ безконечному, или какъ любовь, что одно и то же, потому что высшая степень любви есть ощущеніе безконечнаго; о достоинствѣ разума, живущаго въ природѣ, какъ явленіе, и въ человѣкѣ, какъ сознаніе; о достоинствѣ способа изслѣдованія истины *à priori*. Однимъ словомъ, это должно быть чѣмъ-то порядочнымъ, потому что я ни мало не сомнѣваюсь выразить эти идеи языкомъ увлекательнымъ, живописнымъ, пламеннымъ. Несмотря на мою апатическую жизнь, я еще ощущаю въ себѣ столько внутренняго жара, сколько нужно его для десяти такихъ сочиненій. Скоро примусь за статью о Пушкинѣ: это должно быть лучшею моею критическою статью“.

¹⁾ Прежнія статьи 1836 г.

Статьи о Пушкинѣ осуществились уже гораздо поздне и съ иной точки зрѣнія; но эти давнѣе сборы любопытны, какъ лучшее свидѣтельство его энтузіазма въ Пушкинскую поэзію. «Переписка двухъ друзей», повидимому, также не была исполнена, — по крайней мѣрѣ дальше уже ничего о ней не упоминается. Между тѣмъ въ самыхъ понятіяхъ Бѣлинскаго совершался новый поворотъ, вслѣдствіе ближайшаго знакомства съ Гегелемъ. Его главнаго собесѣдника и учителя въ философіи въ Москвѣ тогда не было, и посредниками съ нѣмецкой философіей были теперь въ особенности Боткинъ и К—въ. Оба послѣдніе также заняты были въ это время вопросами философской эстетики (съ К—вымъ Бѣлинскій сблизился очень тѣсно, въ особенности по возвращеніи съ Кавказа въ сентябрѣ 1837), и Бѣлинскій жадно воспринималъ результаты чтенія. «К—въ читаетъ эстетику Гегеля и въ восторгѣ отъ нея... Боткинъ переводитъ Марбаха и въ упоеніи отъ него», — пишетъ онъ въ ноябрѣ 1837 года, и затѣмъ въ томъ же письмѣ (очень длинномъ и писанномъ вѣроятно въ нѣсколько приемовъ) черезъ нѣсколько страницъ оказываются и слѣды чтенія эстетики. Бѣлинскій въ томъ шуточно-грубомъ тонѣ, о какомъ мы уже упоминали, извѣщаетъ одного своего пріятеля, что хочетъ писать ему большое письмо о творчествѣ—тема, которая такъ давно его занимала... «Я было на Кавказѣ растолковалъ его себѣ удовлетворительно и окончательно, но —

О, коль судьба удруга!

«...К—въ, ставнувшись съ... Егоромъ Ѳедоровичемъ ¹⁾, — разбилъ въ прахъ мою прекрасную теорію». Обѣ теоріи Бѣлинскій и хотѣлъ изложить въ своемъ письмѣ. Дальше мы увидимъ и другія, не менѣе сильныя впечатлѣнія отъ Гегелевой философіи.

Театръ продолжалъ быть страстью Бѣлинскаго—хотя уже не въ той крайней степени, какая выразилась въ его извѣстной тирадѣ «Литературныхъ Мечтаній», гдѣ онъ хотѣлъ «жить и умереть въ театрѣ». Въ 1837 году интересъ его къ драмѣ и драматическому исполненію въ особенности возбуждала постановка «Гамлета» и появленіе въ этой роли знаменитаго Мочалова. Бѣлинскій въ это время и лично познакомился съ Мочаловымъ и Щепкинымъ: первый, почти всегда, былъ для него предметомъ удивленія, и вмѣстѣ негодованія, которыя возбуждало крайне неровное исполненіе Мочалова; Щепкинъ съ

¹⁾ Подъ этимъ наименованіемъ друзья кружка разумѣли Гегеля. Ср. въ Перепискѣ Станкевича, стр. 230.

этихъ поръ былъ для БѢлинскаго любимымъ и вѣрнымъ представителемъ русской комедіи, — и лично БѢлинскій былъ очень привязанъ къ нему и къ его семейству...

Музыка БѢлинскому вообще не давалась; онъ зналъ за собой этотъ недостатокъ и иногда очень имъ огорчался. Вотъ образчикъ его музыкальныхъ впечатлѣній изъ письма 1837 г. Осенью этого года БѢлинскій слышалъ «Роберта-Дьявола»... «нѣкоторыми мѣстами, которыя я, *разумеется, забылъ и не узнаю впередъ*, онъ потрясъ меня, но вообще произвелъ тягостное впечатлѣніе *скуки*». Въ другой разъ онъ былъ на музыкальномъ вечерѣ у В. П. Боткина, — какъ мы упоминали, страстнаго дилеттанта. «Одно мѣсто изъ одной сонаты Бетховена, — пишетъ БѢлинскій, — произвело на меня такое же *могущественное дѣйствіе*, какъ многія мѣста изъ игры Мочалова въ роли «Гамлета». Но несмотря на то, я *не помню* хорошо этого мѣста и *едва ли узнаю* эту сонату. Вас. ¹⁾ походилъ въ этотъ вечеръ на Писю на треножникѣ и былъ на небѣ отъ одного адажіо, лучшаго, какъ говорить онъ, какое только написалъ Бетховенъ». БѢлинскій сокрушался своимъ непониманіемъ музыки, разумнѣе которой входило въ составъ эстетическаго развитія, необходимаго для «высшей жизни».

Переписка БѢлинскаго, которая такъ исключительно занята моральными и отвлеченными вопросами, любопытна не только для исторіи его отвлеченныхъ понятій, но имѣть и прямой автобіографическій интересъ. Вопросы отвлеченные всегда связывались съ личнымъ вопросомъ; стремленіе къ истинѣ всегда сопровождалось у него другимъ стремленіемъ — примѣнить и осуществить ее въ личномъ развитіи; отсюда — постоянное самонаблюденіе, постоянное стараніе опредѣлить свою собственную натуру, взглянуть на свой характеръ критически и «объективно». Эпизоды этого рода довольно многочисленны въ его письмахъ, и нечего говорить о томъ, какъ они любопытны въ психологическомъ и біографическомъ смыслѣ. Для правильнаго пониманія ихъ необходимо однако имѣть въ виду обстоятельства, при которыхъ они были писаны.

Первое, что ярво отличаетъ эти разсужденія БѢлинскаго о самомъ себѣ, это — удивительная правдивость, чрезвычайная строгость къ самому себѣ, безпощадное порицаніе своихъ слабыхъ

¹⁾ Боткинъ, который самъ отчасти былъ музыкантъ — на скрипкѣ или на виолончели.

сторонѣ, какъ скоро онъ ихъ замѣчаетъ. Бывали у него настроенія, когда онъ даже преувеличивалъ свое самоосужденіе, но и это бывало совершенно искренно, когда имъ слишкомъ сильно овладѣвало недовольство самимъ собой; но въ другое время эта душевная подавленность уступала мѣсто сознанию своего достоинства и превосходства, и онъ также открыто выставлялъ то, что считалъ своими лучшими сторонами, открыто выказывалъ гордое чувство своей силы и значенія. Въ слѣдующихъ выпискахъ, читатель сумѣетъ отличить то и другое теченіе его мыслей, и, отдѣливъ крайности, увидитъ и его недостатки, имъ самимъ указываемые, и его нравственные достоинства, какихъ немного можетъ указать наша литературная и общественная біографія.

Собирая эти отзывы Бѣлинскаго о самомъ себѣ, по возможности въ ихъ хронологической послѣдовательности, замѣтимъ еще, что его сужденія объ одномъ и томъ же предметѣ или чертѣ своего характера необходимо видоизмѣняются по времени, съ ходомъ цѣлаго развитія. Иногда онъ бывалъ къ себѣ справедливей только впоследствии, когда хладнокровнѣе судилъ и себя, и обстоятельства. Въ одномъ изъ писемъ середины 1837 года, въ періодъ его крайнихъ отвлеченностей и философско-религіознаго смиренія, онъ споритъ противъ одного пріятели, который осуждалъ его недостатки, и говоритъ потомъ о своемъ характерѣ:

... Можетъ быть, я не правъ; но не оскорбленное самолюбіе скрываетъ отъ меня истину. *Я гордъ, самолюбивъ, тщеславенъ* до того, что всякая похвала, даже со стороны глупца, вызываетъ краску удовольствія на мое лицо и ускоряетъ обращеніе крови; но никогда горькая правда, высказанная другомъ съ участіемъ, въ какихъ бы то ни было рѣзкихъ или, если угодно, ругательныхъ выраженіяхъ, не возбуждала во мнѣ отвращенія къ другу или малѣйшаго неудовольствія. Похвала скорѣе можетъ повредить мнѣ, нежели горькая истина, и нигдѣ, и ни въ чемъ я не бываю такъ свято добросовѣстенъ, и нигдѣ, и ни въ чемъ я не возвышаюсь до такого совершеннаго самоотверженія, какъ въ сознаніи своего ничтожества, когда мнѣ на него указываютъ. Это я всегда могу сказать о себѣ смѣло и утвердительно, это есть моя лучшая сторона. Въ самомъ глубочайшемъ моемъ паденіи я всегда сохранялъ уваженіе къ истинѣ и теперь особенно мнѣ чуждо всякое сомнѣніе въ ней, тогда какъ сомнѣніе въ самомъ себѣ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе терзаетъ меня и лишаетъ послѣднихъ силъ...

... Я самъ,—говоритъ онъ далѣе въ томъ же направленіи,—начинаю увѣряться, что нѣтъ ничего мизернѣе и скучнѣе, какъ человекъ, который, утопая въ грязи, понимаетъ всю гадость своего положенія, а не имѣетъ силы вырваться изъ него, который имѣетъ прямыя и свѣтлыя идеи о цѣли жизни и не можетъ перенести ихъ

въ свою жизнь, который безпрестанно раскаивается, жалуется на себя друзьямъ своимъ, обвиняетъ себя въ животности, слабодушіи, пошлости и ограничивается только однимъ раскаяніемъ, самообвиненіемъ и жалобами. Да,—я чувствую, что долженъ казаться слишкомъ пошлымъ всякому, кто знаетъ меня вблизи, а не издали“...

Онъ говорить дальше, что въ это же время онъ писалъ письмо къ Станкевичу, гдѣ «обвинялъ себя въ такихъ грѣхахъ, что лучше бы не родиться на свѣтъ, какъ говорить Гамлетъ», и продолжаетъ:

„Во мнѣ два главныхъ недостатка: самолюбіе и чувственность. Остановимся на первомъ, потому что второй совершенно ничтоженъ, какъ покажутъ... результаты моихъ доводовъ. Ты знаешь, что я имѣю похвальную привычку краснѣть безъ всякой причины, какъ думаютъ всѣ, но въ самомъ-то дѣлѣ очень не безъ причины. Эта похвальная привычка составляетъ несчастье моей жизни... Самолюбіе—вотъ причина этого явленія. Конечно, здѣсь принимаетъ большое участіе какая-то природная робость характера и еще одно обстоятельство въ моемъ воспитаніи, о чемъ теперь мнѣ некогда распространяться, но главная причина все-таки самолюбіе. Я краснѣю оттого, что мнѣ не отдали должной справедливости, слѣдовательно, отъ оскорбленнаго самолюбія; я краснѣю оттого, что мнѣ отдали справедливость, слѣдовательно, отъ удовлетвореннаго самолюбія; къ чести своей скажу, что еще чаще краснѣю я вслѣдствіе сознанія своего недостатка, отъ того вниманія, которое оказываютъ мнѣ хорошіе люди, знающіе меня издалека. Я понимаю самое малѣйшее движеніе моего самолюбія—и все-таки не могу убитъ въ себѣ этого пошлаго чувства. Оно овладѣло мною совершенно, сдѣлало меня своимъ рабомъ... Я не написалъ ни одной статьи съ полнымъ samozабвеніемъ въ своей идѣ: бессознательное предчувствіе неуспѣха и, еще болѣе того, успѣха, всегда волновало мою кровь, усиливало и напрягало мои умственныя силы, какъ пріемъ опиума. И между тѣмъ, я унился бы до самого пошлаго смиренія, оклеветалъ бы себя самымъ фарисейскимъ образомъ, еслибы сталъ отрицать въ себѣ живое и плодотворное зерно любви къ истинѣ; всѣ мои статьи были плодомъ этой любви; только самолюбіе всегда тутъ вмѣшивалось и играло большую или меньшую роль. Даже въ дружескомъ кругу, рассуждая о чемъ-нибудь, я вдругъ краснѣлъ оттого, что не хорошо выразилъ мою мысль, или, что бывало всего чаще, неловко сострилъ, или отъ противной причины (Боже мой!—какая мелочность); но какъ скоро дѣло касается до моихъ задушевныхъ убѣжденій, я тотчасъ забываю себя, выхожу изъ себя, и тутъ давай мнѣ кафедру и толпу народа: я отшучу въ себѣ присутствіе Божіе, мое маленькое я исчезнетъ и слова, полныя жара и силы, рѣкою польются съ языка моего“...

Другое обвиненіе, вводимое на себя БѢлинскимъ, относится къ тому періоду его философскаго броженія, когда друзья выработали себѣ особую, немного аскетическую мораль. «Чувственность», которой слишкомъ естественно требовала молодость, прорывалась

периодически изъ подъ гнета этой морали; случалось, что разстройство вѣшнихъ дѣлъ и душевнаго спокойствія, неудачи практическія и моральныя совершенно выбивали Бѣлинскаго изъ колеи, и тогда «чувственность» являлась какъ средство заглушить внутренне страданіе... Но Бѣлинскій, признавая недостатокъ, защищается, однако, отъ порицаній и утверждаетъ, что чувственность никакъ не могла мѣшать его развитію. «Пустьяки,—говорить онъ,—я давно созналъ ея гадость, а сознаніе недостатка убиваетъ недостатокъ. Да и можетъ ли быть, чтобы человѣкъ, который такъ вѣрно понимаетъ назначеніе женщины, какъ я; который питаетъ ко всякой достойной женщинѣ такое святое, такое робкое чувство благоговѣнія; душа котораго такъ жаждетъ любви чистой и высокой и, можетъ быть, уже не разъ трепетала и замирала отъ предчувствія этого блаженства, можетъ ли быть, чтобы такой человѣкъ не имѣлъ силы побѣдить низкія, чувственныя побужденія и возгнущаться ими?»

Разсуждая о своей внутренней жизни, Бѣлинскій часто жалуется на то, что каждый успѣхъ, каждый новый шагъ въ этой жизни дается ему тяжело и горестно. Когда кончались эти переходные моменты, онъ смотрѣлъ на нихъ спокойнѣе, критиковалъ ихъ, даже подшучивалъ надъ ними, но въ данную минуту они были несомнѣнно тяжелы для него. Въ письмѣ отъ сентября 1837 (по возвращеніи съ Кавказа), онъ приписываетъ многое въ своихъ прежнихъ тревогахъ—болѣзни; теперь онъ чувствовалъ себя спокойнѣе: «я здоровѣе тѣломъ, слѣдовательно бодрѣе и духомъ. Вижу въ себѣ много гадскаго, но это гадское заключается во вѣшнихъ обстоятельствахъ, и само собою уничтожится съ ихъ переменою. Лучше и яснѣе созерцаю тайну абсолютной жизни, вижу себя далекимъ отъ нея, но не отчаиваюсь приблизиться къ ней». Въ письмѣ отъ 1-го ноября 1837 г. онъ опять продолжаетъ мрачный взглядъ на свою жизнь. Онъ находитъ, что жизнь улыбнулась ему только однимъ—дружбой:

„И теперь,—говоритъ онъ,—въ горестной и мертвой жизни моей одна мысль, какъ добрый гений, какъ ангель-хранитель, согрѣваетъ мой изнемогающій духъ, мысль, что какъ бы глубоко ни палъ я, мнѣ всегда есть пристанище въ минуты сознанія—сердце друзей моихъ, всегда готовое простить меня, оплакать мое заблужденіе и согрѣть меня своимъ огнемъ“...

Онъ приводитъ затѣмъ извѣстные стихи Пушкина и скорбитъ о томъ, что ему все еще не дается «абсолютная жизнь», совершенство и полнота духовнаго развитія, и что онъ остается на бѣдной степени «прекраснодушія», на степени сантименталь-

ныхъ стремленій, которымъ недостаетъ твердой воли и энергіи для ихъ осуществленія.

„А я,—продолжаетъ онъ,—я могу утѣшать себя только вотъ чѣмъ—

Мой путь уныль, сулятъ мнѣ трудъ и горе
Грядущаго волнуемое море.
Но не хочу, о други, умирать,
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать.
И вѣдаю: мнѣ будутъ утѣшенья
Межъ горестей, труда и тревоженій.

„Это голосъ не жизни духа; нѣтъ—это вопль прекрасной души, которая живетъ жизнью духа только въ минутахъ, только въ непрерывныхъ восстаніяхъ, послѣ безпрерывныхъ паденій. Жизнь въ минутахъ — она моя, и всегда будетъ моею, но это грустная жизнь и не она должна быть удѣломъ человѣка. Такъ жилъ Пушкинъ—и я понимаю его. Но онъ былъ гений—и въ его минутахъ жизни замкнулись цѣлыя вѣка; онъ былъ поэтъ—и способность высказывать себя и, какъ даніи, требовать и получать сочувствія отъ ближнихъ вознаграждала его за минуты, внѣ вѣчнаго духа проведенныя. Въ немъ былъ неистощимый рудникъ любви, который не могъ иссякнуть ни отъ какихъ причинъ, и отъ колыбели до гроба ему улыбалась любовь. Я только *понимаю* такую жизнь, и если живу иногда подобно (какъ подобно отраженіе солнца въ рѣкѣ самому солнцу), то не въ дѣйствительности, а въ фантазіяхъ. Я прячусь въ фантазіи отъ дѣйствительной жизни, и мое возвращеніе къ дѣйствительной жизни изъ области фантазіи есть горькое пробужденіе. Въ этой жизни есть свое прекрасное, но я понимаю, что такая жизнь есть призракъ, потому что истинная жизнь конкретна съ дѣйствительностію. Иногда мнѣ становится досадно, зачѣмъ я знаю слишкомъ много, зачѣмъ слишкомъ хорошо понимаю значеніе и цѣль жизни; мнѣ кажется, что я былъ бы счастливѣе, если бы кругозоръ моего ума былъ ограниченнѣе, а требованія чувства умѣреннѣе; мнѣ кажется, что тогда бы я нашелъ все, чѣмъ могъ бы быть счастливъ... Я знаю, что это минуты борьбы, нравственной болѣзни, что такая мысль безбожна и недостойна просвѣтленнаго человѣка, что откровеніе истины есть единственное благо, за которое человѣкъ умиленно долженъ молиться вѣчному духу жизни“.

Затѣмъ БѢлинскій старается опредѣлить теоретически свое настроеніе и излагаетъ теорію, которая покажется теперь странной и болѣзненной, но которая тогда была очень извѣстна въ кружкѣ. Теорія говорила о необходимости «страданія» и утверждала, что страданіе не только есть непремѣнный удѣлъ нравственнаго совершенства, но что оно само есть уже духовное блаженство. Въ слѣдующемъ здѣсь отрывекъ БѢлинскій соглашается, что это блаженство низшее,—но въ другихъ случаяхъ и ему казалось, что оно можетъ быть единственной и завидной наградой

высшаго моральнаго развитія. Едва ли это эзальтированное представленіе о жизни не соединялось у Бѣлинскаго съ физической болѣзненностью: «божественный недугъ», которымъ отзывались его душевныя волненія, вѣроятно предвѣщаль и физическій недугъ, впоследствии его сломившій.

„Всякая грусть есть страданіе; никакое блаженство не можетъ быть безконечно и высоко безъ этого страданія; но при полной гармоніи духа, при совершенномъ его блаженствѣ грусть или страданіе есть только характеръ, условіе необходимое, форма, такъ-сказать, самаго блаженства, но не самое блаженство: это понятно, и мы давно уже согласились съ тобою въ этомъ. Но страданіе, какъ единственная и исключительная форма жизни духа и какъ конечное и возможное его блаженство, есть тоже жизнь человѣческая и прекрасная, но низшая, неполная, ступень въ истинной жизни духа, но не истинная жизнь духа. Вотъ эта-то жизнь, это-то блаженство доступно мнѣ... Это страданіе есть недугъ души, но недугъ сладкій, есть одна изъ священнѣйшихъ способностей нашего духа, есть признакъ присутствія высшей жизни, есть залогъ дальнѣйшаго и безконечнаго развитія, ручательство въ возможности (близкой или далекой—нѣтъ нужды) перехода въ полную жизнь духа. Какъ-то недавно ощутилъ я въ моей груди это сладостное болѣзненное стѣсненіе, этотъ божественный недугъ—и вмѣстѣ съ нимъ ощутилъ и вѣру, и силу, и жизнь... По временамъ я живу этимъ страданіемъ, и теперь... я чувствую въ груди моей это болѣзненное стѣсненіе, этотъ недугъ выше всякаго здоровья и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствую, что я живу, а не прозябаю, что я человѣкъ, а не животное. Да,—уже не счастья, не блаженства, какъ прежде, а страданія прощу, желаю и ищу я себѣ. *Мыслить и страдать*—вотъ грустная и неполная жизнь, до какой только я способенъ возвыситься. Но я вѣрю, что эту жизнь я *омстрадаю* себѣ полную и истинную жизнь духа. Боже мой, какъ бы громко я сталъ смѣяться, какъ бы горячо сталъ оспаривать, еслибы года за два передъ симъ ¹⁾ кто-нибудь сталъ меня увѣрять, что моя жизнь не въ свѣтломъ веселіи, не въ радостномъ ликованіи! Гадка моя жизнь, но не прогрессъ ли это?...”

Заслугу этого «прогресса» Бѣлинскій приписываетъ своему новому другу М. Б., который въ особенности познакомилъ его съ высшимъ философскимъ пониманіемъ и требованіями «абсолютной жизни». Въ письмѣ того же времени (15-го ноября, 1837) Бѣлинскій опять задаетъ себѣ мучившіе его вопросы, и ждетъ лучшаго существованія отъ перемѣны жизни, которую онъ собирался въ это время сдѣлать (отъ переѣзда въ Петербургъ). Онъ чувствовалъ, что его внутренняя жизнь слишкомъ наполнена отвлеченностью. На опасеніе, что Петербургъ имѣетъ свойство развращать людей приманкою денегъ и подобныхъ вѣщныхъ соблазновъ,—

¹⁾ Письмо это писано ноября 1-го 1837.

Вѣлинскій рѣзко отвѣчаетъ, что нивакимъ пошlostямъ вѣйшней жизни онъ не можетъ жертвовать своимъ человѣческимъ достоинствомъ: «съ этой стороны я спокоенъ, и потому увѣренъ, что, переѣхавши въ Петербургъ, или буду жить въ какой бы то ни было степени, но только конкретной жизнью, а не въ призрагѣ, или разрушусь постепенно, какъ разрушаются всѣ призраки». Онъ хочетъ собрать всю свою нравственную энергію для достиженія полной жизни, но потомъ снова чувствуетъ свою безпомощность.

«Къ чорту жалобы, немощь, отчаяніе;—надежда, смѣлость, твердость, сила—вотъ что долженъ я ощущать въ себѣ, и, въ самомъ дѣлѣ, если я ихъ еще и не ощущаю въ себѣ теперь, то увѣренъ, что ощущу, а эта самая увѣренность за будущее есть уже признакъ улучшенія въ настоящемъ. Борьбы, страданія, слезы, затаенныхъ мукъ сердца—вотъ чего прошу я теперь у судьбы, и вотъ черезъ что надѣюсь я очиститься и перейти въ жизнь духа... Я теперь, во вѣйшности моей, не много лучше прежняго, но начинаю яснѣе понимать многое. Вѣда только въ томъ, что идея не проникаетъ, не вѣдается, такъ сказать, въ сокровенные тайники моего бытія, не овладѣваетъ всѣмъ существомъ моимъ. Я все понимаю какъ-то объективно, какъ будто отдѣляя сознаніе отъ себя. Можетъ быть, это необходимый переходъ, можетъ быть, такъ оно нужно; но боюсь собственный произволь принять за необходимость и вліаніемъ судьбы оправдать свое безсиліе».

Еще въ одномъ изъ ноябрьскихъ писемъ 1837 г., Вѣлинскій опять сокрушается о неполнотѣ своей духовной жизни, и рассказываетъ о своихъ страданіяхъ вслѣдствіе нераздѣленной любви, о которой мы выше упоминали. Одинъ случай живо напомнилъ ему объ этомъ чувствѣ—самомъ идеальномъ и возвышенномъ, «святомъ»,—и онъ былъ болѣзненно потрясенъ. «Дня три я былъ сосредоточенъ, грустенъ, носилъ въ душѣ своей страданіе и, вмѣстѣ съ нимъ, вѣру, силу, мощь какую-то, а на четвертый почувствовалъ припадокъ чувственности»... Онъ пришелъ потомъ въ отчаяніе. «Боже мой, неужели душа моя неспособна къ глубокимъ и долговременнымъ впечатлѣніямъ? Или—и это еще хуже—неужели я такъ ужасно загрязненъ, развращенъ, обезсиленъ ненормальной жизнью, неестественнымъ развитіемъ, что не способенъ къ истинному чувству? Или, можетъ быть, необходимое слѣдствіе любви безъ взаимности, это—колебаніе между небомъ и землею? Но въ такомъ случаѣ осталось страданіе, а страданіе есть путь къ блаженству, есть блаженство въ сравненіи съ жизнью покая». Его сомнѣнія въ себѣ еще усилились, когда за первымъ его «паденіемъ» послѣдовало новое, и еще

большее: онъ усумнился даже въ своей способности къ высшей жизни. «Чтобы докончить мою исповѣдь, скажу еще, что не только моя пошлая жизнь, но и высшая-то призрачна, потому что я создалъ себѣ какой-то фантастическій міръ и живу въ немъ. Міръ этотъ прекрасенъ: входя въ него, я чувствую себя человекомъ, ощущаю въ себѣ любовь и энергію; по выходѣ изъ него я съ отвращеніемъ смотрю на дѣйствительность, и вижу, что это жизнь ложная, призрачная, что въ истинной жизни духа есть одна только прекрасная дѣйствительность и что для самонаслажденія духа не нужно ставить себя въ разныя невозможныя положенія»... Но въ послѣднемъ результатѣ своихъ сомнѣній онъ предвидѣлъ однако конецъ своихъ колебаній, и видѣлъ успѣхъ въ своемъ развитіи: «я глубже понимаю истину, живѣе чувствую необходимость и потребность труда, какъ единственнаго выхода, предчувствую скорую перемѣну своей жизни, больше нахожу въ себѣ вѣры и силы».

Бѣлинскій не совсѣмъ ошибался, предвидя конецъ своему тогдашнему настроенію, т.-е. крайне отвлеченной идеальности; но онъ еще не скоро отъ нея ~~отбавился~~ отбавился. Въ письмѣ 20-го іюня 1838, когда его внѣшняя жизнь шла уже значительно иначе, была наполнена трудомъ, на который онъ надѣялся, какъ на средство успокоенія, онъ продолжаетъ жаловаться, что не можетъ удержаться на высотѣ «жизни духа». Вотъ отрывокъ изъ этого письма, гдѣ Бѣлинскій опять говоритъ отчасти подъ влияніемъ того же нераздѣленнаго чувства, о которомъ выше упоминалось:

„Я рѣшительно въ ложномъ положеніи: или въ состояніи равнодушія, очень похожаго на бездушіе, или въ тоскѣ безотрадной, въ какомъ-то плаксивомъ созерцаніи своего дряннаго я. Надо выдти изъ этого состоянія—но какъ?»

Словесемъ зачетнымъ
Молодецъ засвищетъ,
Безъ пути, безъ свѣта
Свою долю снѣдетъ!

„Хорошо бы такъ! истинное блаженство состоитъ въ умѣннн все имѣть, всѣмъ обладать, ничего не имѣя, ничѣмъ не обладая. Какъ ничѣмъ? А развѣ не мое — это прекрасное небо, это лучезарное солнце, эта живая природа? Развѣ не мое все, что ни написалъ Пушкинъ, развѣ не мой „Гамлетъ“? Только надо умѣть сдѣлать это все своимъ. Вотъ тутъ-то и запятая. Вчера, напримѣръ, я, варваръ и профанъ въ музыкѣ, слушалъ septuor Бетховена съ слезами восторга на глазахъ, трепеталъ отъ звуковъ, которые такъ неожиданно и такъ сильно заговорили моей душѣ; а въ иное время въ Пушкинѣ и „Гамлетѣ“ вижу однѣ буквы—и больше ничего. Охъ, эти проклятыя интервалы! Минуты созерцанія и промежутки одреветвенія!

Долго ли еще продолжится это?... Возстань моя воля и возьми сама собою то, что не дается, какъ благодать! Буду работать—примусь за *объективное наполненіе* ¹⁾, какъ другіе принимаются за пьянство, за разгулъ, чтобы найти какой-нибудь выходъ. Если это будетъ безплодно, если я въ *последній разъ* удостовѣрюсь, что воля—призракъ, то буду жить какъ-нибудь, утѣшая себя мыслию, что когда-нибудь не буду же жить“...

Были еще обстоятельства, которыя, совершенно независимо отъ всѣхъ отвлеченныхъ соображеній, разстроивали у Бѣлинскаго «внутреннюю жизнь духа» и оказывали на нее гораздо больше вліянія, чѣмъ хотѣлъ бы допускать его идеализмъ. Это были его обстоятельства матеріальныя. Они были очень плохи, и въ 1836 году, когда существовалъ «Телескопъ»; они страшно смущали его еще въ то время, когда, живя въ деревнѣ у Б—хъ (въ осеніе мѣсяцы этого года), онъ стремился къ «абсолютной жизни,» и когда одна мысль объ его «внѣшнихъ» дѣлахъ уничтожала всѣ его прекрасные порывы. Матеріальныя бѣдствія продолжались и въ 1837 году, и, оглянувшись на нихъ, Бѣлинскій наконецъ убѣдился, что вся причина безуспѣшности его стремленій къ «полной жизни духа» заключается въ беспорядочности его внѣшней жизни. Письма его съ 1837 года не разъ возвращаются къ этой темѣ, и необходимость заботиться о внѣшней жизни становилась наконецъ противодіемъ, очень горькимъ, крайнему идеализму. Письма Бѣлинскаго наполняются суровыми самообличеніями. Мы не усумнились привести далѣе нѣсколько отрывковъ подобнаго рода, потому что эти обличенія, отчасти не лишеныя справедливости, даютъ примѣръ очень серьезной, беспощадной строгости Бѣлинскаго къ самому себѣ, источникомъ которой была прямота и нравственная сила этого характера.

Разыскивая причины безплодности своихъ порывовъ къ высшей жизни, Бѣлинскій нашелъ ее въ беспорядочности своей внѣшней жизни. Вспоминая (въ письмѣ отъ августа 1837) о своемъ пребываніи въ деревнѣ Б—хъ, которому онъ вообще придавалъ большое значеніе въ своемъ умственномъ и моральномъ развитіи, онъ находитъ, что результаты этого времени были не такъ полны, какъ онъ тогда думалъ: «я былъ только взволнованъ, но еще не перерожденъ; благодать Божія стала только доступна мнѣ, но еще не сдѣлалась полнымъ моимъ достояніемъ»...

1) Этимъ терминномъ обозначалось, кажется, просто занятіе какимъ-либо фактическимъ изученіемъ—въ противоположность и въ дополненіе отвѣченной рефлексіи.

„И этому опять та же причина: разстройство внѣшней жизни. Я хотѣлъ (въ деревнѣ В—хъ) успокоиться, забыться—и до нѣкоторой степени успѣлъ въ этомъ; но грозный призракъ внѣшней жизни отравлялъ мои лучшія минуты. Я не хотѣлъ думать о будущемъ; отъѣздъ мой представлялся мнѣ въ какомъ-то туманѣ, какъ будто бы въ — нѣ¹⁾ я долженъ былъ провести всю жизнь мою. Всѣ житейскія попеченія, всѣ тревоги внѣшней жизни я старался давить въ моей душѣ, и хотя повидимому успѣвалъ въ этомъ, но мое спокойствіе было обманчиво: въ душѣ моей была страшная борьба. Во-первыхъ, мысль о братѣ и племянникѣ, о томъ, что я для нихъ ничего не сдѣлалъ, что въ то время, когда я живу такою прекрасною жизнью, они оставлены безъ пристрастія и борятся съ нуждою; потомъ мысль о томъ, что ожидаетъ меня по возвращеніи въ Москву, гдѣ всѣ мои способы были уже истощены и гдѣ якоремъ спасенія оставался одинъ „Телескопъ“ и тотъ ненадежный. Во-вторыхъ, мои недостатки нравственные терзали меня“...

По запрещеніи «Телескопа» у Бѣлинскаго совершенно исчезли всякія средства къ существованію. Въ началѣ 1837 года онъ искалъ и надѣялся найти литературную работу въ петербургскихъ изданіяхъ, но надежда не осуществилась. Онъ принялся потомъ за окончаніе, повидимому, давно имъ начатой «Грамматики», и представилъ ее начальству московскаго учебнаго округа, вѣроятно въ надеждѣ, что она можетъ быть принята за учебникъ и напечатана на казенный счетъ. По его собственнымъ словамъ, это былъ «якорь спасенія». Но книга его не была принята, и Бѣлинскій очутился «на краю бездны». Онъ напечаталъ «Грамматику» на свой счетъ, полагая, что распродажа книги полезной можетъ поправить его обстоятельства; но обманулъ и въ этомъ. Грамматика шла крайне туго; а между тѣмъ болѣзнь вынуждала его ѣхать на Кавказъ. «Дома я жить не могъ,—пишетъ Бѣлинскій объ этомъ времени,—потому что видѣлъ тамъ нужду. Заниматься не могъ, потому что червь подтачивалъ во мнѣ корень жизни». Его здоровье разстроилось; физическія излишества, въ которыя бросило его тяжелое нравственное состояніе, привели болѣзнь: она явилась съ тревожными признаками (которыя, впрочемъ, оказались потомъ менѣе опасными, чѣмъ думалъ Бѣлинскій)—и поѣздка найдена была необходимой. Онъ былъ совершенно безъ всякихъ средствъ, и съ братомъ и племянникомъ на рукахъ. Въ это тяжелое время нѣсколько разъ выручалъ его Боткинъ; съ конца 1836 г. онъ сдѣлалъ еще займы у Ефр., у Аксаковыхъ и другихъ знакомыхъ. Еще къ большому огорченію его, Бѣлинскому приходилось пользоваться помощью и такихъ

¹⁾ Названіе деревни.

людей, которыхъ онъ мало или вовсе не уважалъ. «Я не только потонулъ въ долгахъ,—пишетъ онъ въ это время изъ Пятигорска:—я живу на чужой счетъ, вспоможеніями друзей, подаваніями людей, презираемыхъ мною... Какой-нибудь Н. Ф. П. кричитъ во всеуслышаніе, что я не имѣю права хулить его литературныхъ заслугъ, ибо-де онъ одолжилъ меня деньгами. Какой-нибудь Сел... можетъ, если захочетъ, заставить меня и покраснѣть, и поблѣднѣть однимъ намекомъ объ извѣстныхъ ему и мнѣ 250 рублѣхъ... И между тѣмъ (предполагаетъ Бѣлинскій) я всегда могъ бы жить безбѣдно, если не богато, и тѣмъ избавиться отъ лютыхъ душевныхъ мукъ и бездны паденія»... На Кавказѣ онъ усердно лечился, здоровье его укрѣплялось, но возвращеніе въ Москву пугало его... «Я бы выздоровѣлъ и душевно, и тѣлесно,—пишетъ онъ,—еслибы будущее не стояло передо мною въ грозномъ видѣ, еслибы пріѣздъ мой въ Москву былъ обезпеченъ. Вотъ чтó меня убиваетъ и иссушаетъ во мнѣ источникъ жизни. Едва родится во мнѣ сознаніе силы, едва почувствую я теплоту вѣры, какъ квартира, *авошная* лавочка, скуртуки, штаны, долги и вся эта мерзость жизни тотчасъ убиваютъ силу и вѣру, и тогда я могу только играть въ свои козыри или въ шахеи. Эти пошлыя удовольствія доставляютъ мнѣ много пользы: они заставляютъ меня забываться въ какой-то пустотѣ, которая все-таки лучше отчаянія»... «Я былъ бы погибшій человѣкъ,—пишетъ Бѣлинскій тамъ же,—еслибы всѣ эти займы не убили меня. Да, они должны убивать меня... Мучимый каждую минуту мыслию о долгахъ, о нищенствѣ, о попрошайствѣ, о моихъ лѣтахъ, въ которыхъ уже пора пріобрѣсти какую-нибудь нравственную самостоятельность, о погибшей безплодно юности, о бѣдности моихъ познаній, могъ ли я забыться въ чистой идеѣ? Прикованный желѣзными цѣпями къ внѣшней жизни, могъ ли я возвыситься до абсолютной? Я увидѣлъ себя безчестнымъ, подлымъ, лѣнивымъ, ни къ чему неспособнымъ, какимъ-то жалкимъ недоноскомъ, и только въ моей внѣшней жизни видѣлъ причину всего этого. Эта мысль обрадовала меня: я нашелъ причину болѣзни—лекарство было не трудно найти»...

Въ концѣ 1837 года положеніе вещей не поправлялось. Бѣлинскій приходилъ въ совершенное отчаяніе отъ гнетущей нужды, отъ которой не имѣлъ средствъ избавиться. «Знаешь ли ты,—пишетъ онъ къ одному пріятелю въ ноябрѣ 1837 года,—что иногда, принимаясь съ жаромъ за какое-нибудь хорошее дѣло... я бросаю его съ отчаяніемъ, когда мнѣ говорятъ о пришедшемъ кредиторѣ, или о томъ, что хлѣба нѣтъ, и бѣгу куда-нибудь,

какъ будто бы надѣясь убѣжать отъ самого себя? Знаешь ли ты, что, пиша къ тебѣ эти строки, я безпрестанно бросаю перо, чтобы у печки отогрѣвать мои заочечѣвшія руки, потому что въ комнатѣ хоть волковъ морозъ, а въ карманѣ хоть выспись»...

Подъ вліяніемъ двухъ условій—трудной внутренней жизни, мирный ходъ которой нарушался броженіемъ неудовлетвореннаго чувства и невозможными крайностями идеализма,—и послѣднимъ разстройствомъ матеріальныхъ обстоятельствъ, у Бѣлинскаго сталъ составляться планъ переселенія въ Петербургъ. Мысль объ этомъ появилась у него впервые, кажется, весной 1837 года. Еще въ началѣ года онъ искалъ себѣ литературной работы въ Петербургѣ; теперь онъ сталъ думать о совершенномъ переселеніи въ Петербургъ. Въ письмѣ 16-го августа 1837 года, описывая свое нравственное разстройство по возвращеніи въ Москву изъ деревни Б—хъ, Бѣлинскій говоритъ: «наволонецъ я рѣшился ѣхать въ Петербургъ: это было лучшее время моей жизни. Я ощутилъ въ себѣ тройную силу, я возымѣлъ какую-то благородную рѣшимость похоронить въ сердцѣ всѣ надежды, жить жизнію страданія, оторваться отъ друзей, отъ всего, что мило, и строгою жизнію, тяжкимъ трудомъ, выкупить прошедшія заблужденія и помириться съ жизнію... Я сталъ свободенъ, гордъ, несчастенъ, и въ первый разъ узналъ счастье, потому что моя рѣшимость родила во мнѣ довѣренность и уваженіе къ самому себѣ. Словомъ, я страдалъ,—но былъ счастливъ. Но вскорѣ увидѣлъ, что отъ меня требуютъ невозможнаго и что, поэтому, поѣздка должна не состояться». Въ сентябрѣ 1837 года Бѣлинскій думалъ найти работу въ Москвѣ, потому что одинъ изъ его московскихъ знакомцевъ рассчитывалъ приобрести «Московского Наблюдателя», гдѣ и хотѣлъ предоставить критическій отдѣлъ Бѣлинскому: «тогда бы уже меня не стала мучить мысль о необходимости переѣхать въ Петербургъ»,—замѣчаетъ онъ. Когда и это не состоялось, ему опять было «нечего дѣлать въ Москвѣ», и онъ снова думаетъ о переселеніи. «Я хочу существовать и матеріально, и нравственно,—пишетъ Бѣлинскій отъ 15-го ноября, 1837 г.,—и почему-то, не знаю самъ, думаю, что только въ Петербургѣ могу жить тѣмъ и другимъ образомъ. Въ мысли о Петербургѣ для меня есть что-то горькое, сжимающее грудь тоскою, но вмѣстѣ съ тѣмъ и что-то, дающее силу, возбуждающее дѣятельность и гордость духа. Сверхъ того, я нуждаюсь, для поддержанія моей дѣятельности, во внѣшнихъ возбужденіяхъ». Онъ думаетъ, что и до тѣхъ поръ всѣ его статьи «не были бы написаны безъ понуканій типографскихъ наборщиковъ и разныхъ внѣшнихъ при-

нужденій». Но рядомъ съ этимъ онъ говоритъ: «я знаю себя: мнѣ не надо спать, а московская жизнь, даря меня прекрасными минутами, усыпляетъ на остальное время. Мнѣ надоѣло это». Онъ думаетъ, что Петербургъ долженъ измѣнить его жизнь. «Петербургъ раздѣлитъ мою жизнь на двѣ половины, и если вторая будетъ не лучше первой, если она останется такимъ же призракомъ, то лучше... молча истаять и исчезнуть, подобно призраку». «Въ Петербургъ, въ Петербургъ—тамъ мое спасеніе», восклицаетъ онъ въ другомъ письмѣ того же времени.

Въ Петербургѣ БѢлинскій надѣялся найти работу и найти исцѣленіе отъ своихъ нравственныхъ тревогъ. Онъ не ошибся въ своихъ предположеніяхъ—хотя не предвидѣлъ тогда, какимъ путемъ совершится его исцѣленіе, да не совсѣмъ избавился отъ нужды. Какое-то неясное предчувствіе заставляло его видѣть въ переселеніи въ Петербургъ тягостный переломъ; петербургская жизнь его пугала и въ то же время тянула къ себѣ, и въ самомъ дѣлѣ, въ Москвѣ уже не предвидѣлось удобныхъ условій для его работы, и Петербургъ несравненно болѣе могъ удовлетворить той жаждѣ дѣятельности, которая начинаетъ все больше и больше имъ овладѣвать, и съ другой стороны, Петербургъ могъ извлечь его изъ исключительной атмосферы кружкѣ, и реальными свойствами своего быта избавить его отъ туманныхъ идеалистическихъ крайностей, и въ концѣ-концовъ сообщить болѣе свободный и широкій взглядъ на дѣйствительность и на русскую жизнь. Но этотъ-то ожидаемый поворотъ и пугалъ БѢлинскаго, потому что не могъ обойтись безъ разрыва съ прошедшимъ, который у БѢлинскаго всегда совершался болѣзненно, — его убѣжденіе всегда такъ глубоко съ нимъ срослось, что отказаться отъ него онъ могъ только съ болью...

Но еще до переѣзда въ Петербургъ, въ московскій періодъ жизни БѢлинскаго, въ его мнѣніяхъ сталъ совершаться поворотъ, — правда, еще далекій отъ тѣхъ позднѣйшихъ взглядовъ, которые можно считать его нормальными, окончательными взглядами, но во всякомъ случаѣ представлявшій развитіе, успѣхъ въ сравненіи съ прежнимъ отвлеченнымъ идеализмомъ.

Дѣлая попытку обозначить различные переходы его мнѣній, опять считаемъ необходимой оговорку о трудности сдѣлать это съ какой-нибудь полнотой и опредѣленностью. Не говоря о томъ, что составъ нашего матеріала—болѣе или менѣе случайный; этотъ матеріалъ, еслибъ даже былъ полнѣе, не далъ бы точнаго представленія о занимающемъ насъ предметѣ, — просто потому, что не весь процессъ развитія взглядовъ БѢлинскаго перешелъ въ

его письма. Послѣдніе годы его пребыванія въ Москвѣ, 1838—1839 г., были не менѣе 1836—1837 г. отмѣчены постоянной работой его мысли, которая рѣдко останавливалась на долго на томъ или другомъ воззрѣніи, а напротивъ, была въ постоянномъ безпокойномъ броженіи. Случалось, что, начавъ письмо, онъ самъ торопился его кончить, чтобы высказать свою мысль, которая послѣ могла явиться у него уже въ иномъ видѣ, или могла быть совсѣмъ покинута. «Чудное дѣло письмо,—говоритъ однажды Бѣлинскій, принимаясь за продолженіе письма, начатаго наканунѣ:—его надо или кончить за одинъ разъ, или совсѣмъ за него не приниматься. Теперь надо мнѣ продолжать начало, а начало-то и не годится»... Въ другой разъ, онъ пишетъ къ пріятелю, съ которымъ временно разошелся: «неужели ты повѣришь мнѣ, моимъ письмамъ, когда я себѣ ни въ чемъ не вѣрю, когда я безпрестанно перехожу изъ одного состоянія въ другое»... «Это мое письмо», пишетъ онъ въ третій разъ, «есть окончаніе предшествовавшаго, въ которомъ я далеко не все высказалъ, что хотѣлъ высказать. Постараюсь это сдѣлать какъ можно полнѣе... Тѣмъ болѣе почитаю это нужнымъ сдѣлать, что не увѣренъ — буду ли, по полученіи отъ тебя отвѣта, писать къ тебѣ въ этомъ духѣ»¹⁾. И въ указанныхъ случаяхъ дѣло шло не о какихъ-нибудь случайныхъ настроеніяхъ минуты, а даже о предметахъ, составлявшихъ его насущный душевный интересъ.

Причиной этого тревожнаго волнованія мысли — безсознательно для самого Бѣлинскаго — было, безъ сомнѣнія, то, что его мысль и чувство не находили удовлетворенія въ содержаніи, какимъ владѣлъ оружіемъ въ ту минуту. Этимъ содержаніемъ съ конца 1836 года былъ «фихтианскій» и потомъ «тегеліанскій» идеализмъ, образчики котораго мы видѣли выше, и одной изъ существенныхъ особенностей котораго было страстное стремленіе къ мнимо-«абсолютной» жизни, — жизни, освященной «благодатью», исполненной одними высшими духовными интересами, знанія, искусства, возвышенной любви, и сколько возможно удаленной отъ всякаго общенія съ житейской «пошлостью». Сомнѣивши собой настроенія, не лишенные либеральной окраски и считавшіяся теперь мелкой ограниченностью, этотъ идеализмъ сталъ теперь для Бѣлинскаго высшимъ кодексомъ истины, и надолго, до самого поселенія въ Петербургѣ, овладѣлъ его мыслями, какъ высшая цѣль для человѣчныхъ стремленій: въ немъ была заключена возможность нравственнаго совершенствованія и

¹⁾ Письма 20-го іюня, 13-го авг., 10 сент. 1838 г.

достиженія истиннаго человѣческаго развитія и достоинства. Чисто личный интерес воспитанія въ себѣ «абсолютной» человѣческой личности здѣсь господствовалъ и ему подчинялось отношеніе человѣка къ обществу: общество и государство были особый міръ, исполнявшій свои законы, существовавшій по нимъ совершенно правильно и рационально—и какъ-будто не нуждаясь въ личности или же опредѣляя ея внѣшнія условія съ такой фаталистической необходимостью и неизбѣжностью, которая исключала самую возможность вмѣшательства личности въ устройство этихъ внѣшнихъ условій. Отсюда возникало то, чисто-консервативное отношеніе къ общественнымъ предметамъ, на которое мы указали въ предыдущей главѣ, и которое похоже было на совершенный индифферентизмъ, или безсознательное бѣгство отъ общества, отъ котораго не предвидѣлось ни малѣйшаго отвѣта и сочувствія высшимъ стремленіямъ личности. Человѣку, осѣненному «благодатью», нѣтъ дѣла до внѣшнихъ интересовъ общества—они устроены наилучшимъ образомъ, какъ имъ слѣдуетъ быть устроенными по всѣмъ обстоятельствамъ дѣла; этотъ человѣкъ есть, конечно, гражданинъ общества, и долженъ ему служить,—но для послѣдняго ему достаточно заботиться о своемъ личномъ совершенствованіи, а остальное произойдетъ само собою.

Но какъ ни высоко ставилъ Бѣлинскій свой новый философскій символъ, этотъ символъ уже съ самаго начала представлялъ неразрѣшимыя задачи. Въ самомъ дѣлѣ, «абсолютная жизнь» была, конечно, недостижима, и Бѣлинскій твердо и пламенно увѣровавшій въ ея необходимость и едино-спасающую разумность, и съ удивительнымъ простодушіемъ, свойственнымъ искреннимъ и серьезнымъ натурамъ, вѣрившій, что эта абсолютная жизнь достигнута тѣмъ его пріателемъ, который былъ здѣсь его наставникомъ, — Бѣлинскій приходилъ въ величайшее сокрушеніе, что абсолютная жизнь никакъ не дается ему самому (какъ-будто она для кого-нибудь возможна), что онъ возвышается до нея только въ отдѣльные моменты, за которыми слѣдуютъ ненавистные ему «интервалы» апатіи (какъ-будто для человѣка вообще возможно состояніе непрерывнаго наслажденія или восторга—безъ утомленія, отдыха и даже пресыщенія). Мы указывали примѣры подобныхъ смущеній Бѣлинскаго; еще одинъ подобный эпизодъ можетъ для насъ послужить образчикомъ крайнихъ недоумѣній и сомнѣній Бѣлинскаго въ самомъ себѣ, съ которыхъ начиналось у него исцваніе лучшаго опредѣленія самой системы.

„Когда-жъ и я одѣнусь въ одежду свѣтлую и нетлѣнную?... (спрашиваетъ онъ, въ письмѣ 21-го ноября, 1837 г.). Право, мнѣ въ инныя

апатическія минуты бываетъ досадно на природу, что она дала мнѣ такія превосходныя начала, что я уже не могу удовлетвориться грязью жизни, въ которой валяюсь; а не дала столько силы воли, чтобъ я могъ вырваться изъ нея. Иногда приходитъ мнѣ мысль, очень подлая, если она есть глухой голосъ моего эгоизма, мысль, что такъ какъ развитіе человѣка во времени и обстоятельствахъ общественныхъ, то ужъ не должно ли мнѣ быть именно такою дрянью, каковъ я есть, чтобъ жить не даромъ для общества, среди котораго я рожденъ? Вѣдь все, что ни есть, есть вслѣдствіе законовъ необходимости и должно быть такъ, какъ есть? Но для чего же я знаю настоящую истину? Развѣ она не должна-бъ была освободить меня? Чортъ знаетъ, что такое! Вотъ ужъ именно такое, что только поплевать на него, да и бросить“...

Въ другой разъ, Бѣлинскій, разсуждая о внутренней борьбѣ и неурядицѣ, въ немъ происходившей, приходитъ къ убѣжденію, что онъ «ненавидитъ мысль» (письмо 20 іюня, 1838). «Да, я ненавижу ее, какъ отвлеченіе. Но развѣ можетъ она приобрѣтаться, не будучи отвлеченною, развѣ мыслить должно всегда только въ минуты откровенія, а въ остальное время ни о чемъ не мыслить? Я понимаю всю нелѣпость подобнаго предположенія, но моя природа враждебна мышленію». По словамъ Бѣлинскаго, только его другъ, учившій его философіи, могъ какъ-то овладѣть имъ и заставить его о многомъ подумать. Это было для него необходимо и благотѣльно; многое онъ понималъ теперь глубоко, и именно черезъ этого друга, въ чемъ и состояло его вліяніе... Очевидно, что «вражда къ мышленію», открытая въ себѣ Бѣлинскимъ, обозначала именно противодѣйствіе его природы той крайней отвлеченности, которую хотѣла наложить на него теорія «абсолютной жизни». Бѣлинскій былъ еще подъ ея вліяніемъ, но уже смутно чувствовалъ необходимость какого-то исправленія теоріи, какого-то новаго содержанія, котораго онъ еще не можетъ опредѣлить: среди «абсолютныхъ» мечтаній онъ ощущаетъ потребность и необходимость труда, предчувствуетъ скорую перемѣну въ своей жизни. Впослѣдствіи онъ говоритъ, что къ концу 1837 года онъ «утомился отвлеченностью» и «жаждалъ сближенія съ дѣйствительностью»;—на первый разъ этой жаждѣ удовлетворилъ сначала К.—въ Гегелемъ, потомъ М. Б. тѣмъ же Гегелемъ и своими истолкованіями его.

Сближеніе «съ дѣйствительностью», совершаемое подъ вліяніями Гегеля,—при всей своей отвлеченности, было уже шагомъ впередъ, въ сравненіи съ прежними уклоненіями отъ всякаго подобнаго сближенія. Новый взглядъ былъ принятъ Бѣлинскимъ тѣмъ охотнѣе, что онъ, собственными усиліями, приходилъ къ

необходимости признать дѣйствительность и дать мѣсто ея требованіямъ въ личной жизни.

Въ этомъ отыскиваніи правъ дѣйствительной жизни было, если угодно, нѣсколько наивнаго; вопросъ былъ бы просто страненъ во всякомъ другомъ случаѣ и былъ возможенъ только въ послѣднемъ идеалистическомъ самообольщеніи... Живя въ Пятигорскѣ, БѢлинскій, подавленный своими бѣдственными обстоятельствами, старается розыскать ихъ причины, и наконецъ находитъ (какъ выше упомянуто) — въ беспорядкѣ своей внѣшней жизни, въ недостаткѣ вниманія къ ней; съ отысканіемъ причины «болѣзни», нашлось и лекарство — вниманіе къ внѣшнимъ дѣламъ и «аккуратность». Среди самоосужденій и обличеній прежней беспорядочности, БѢлинскій извѣщаетъ своего пріятеля о найденной имъ панацее, которую рекомендовалъ и ему (такъ какъ онъ, по мнѣнію БѢлинскаго, тоже въ ней нуждался). Между друзьями завязывается горячій споръ. Пріятель, горячій адептъ теоріи абсолютнаго, обвинилъ БѢлинскаго въ «измѣнѣ идеальности», что равнялось «измѣнѣ Богу»;—но БѢлинскій стоялъ на своемъ, принималъ благія рѣшенія относительно будущаго устройства своей внѣшней жизни, и когда, несмотря на старанія, внѣшняя жизнь все-таки не устраивалась, а во внутренней продолжалось тревожное волненіе,—онъ впадалъ въ отчаяніе о самомъ себѣ... Но съ тѣхъ поръ въ немъ осталось представленіе о необходимомъ дополненіи абсолютной жизни вниманіемъ къ реальнымъ интересамъ «внѣшности».

Между тѣмъ самое ученіе кружкѣ дополнилось новыми теоріями изъ Гегелевой системы. Къ первому изученію, начатому еще Станкевичемъ, прибавилось теперь знакомство съ философійю религіи, философійю права и наконецъ съ эстетикой. Хронологію этихъ изученій намъ трудно опредѣлить — по отсутствію въ нашемъ матеріалѣ нѣкоторыхъ писемъ, по совершенному перерыву въ перепискѣ друзей съ ноября 1837 до половины 1838. Но объ эффектѣ новаго знакомства съ Гегелемъ можно судить по собственному свидѣтельству БѢлинскаго въ его нѣсколько позднѣйшемъ письмѣ къ Станкевичу (отъ конца сентября 1839 года). Рассказывая въ длинномъ письмѣ различные переходы своихъ мнѣній и внутренней жизни, БѢлинскій вспоминаетъ 1837 годъ:

„Пріѣзжаю въ Москву съ Кавказа, пріѣзжаетъ Б. — мы живемъ вмѣстѣ. Лѣтомъ просмотрѣлъ онъ философію религіи и права Гегеля. Новый міръ намъ открылся. Сила есть право и право есть сила:—нѣтъ, не могу описать тебѣ, съ какимъ чувствомъ услышалъ эти слова—это было освобожденіе. Я понялъ идею паденія царствъ,

законность завоевателей; я понялъ, что нѣтъ дикой матеріальной силы, нѣтъ владычества штыка и меча, нѣтъ произвола, нѣтъ случайности — и кончилась моя опека надъ родомъ человѣческимъ, и значеніе моего отечества предстало мнѣ въ новомъ видѣ. Я раскланялся съ французами. Передъ этимъ еще К—въ передалъ мнѣ, какъ умѣлъ, а я принялъ въ себя, какъ могъ, нѣсколько результатовъ Эстетика—Боже мой! какой новый, свѣтлый, безконечный міръ! Я вспомнилъ тогда твое недовольство собою, твои хлопоты о побіеніи фантазій, твою тоску о нормальности. Слово „дѣйствительность“ сдѣлалось для меня равнозначительно слову „Богъ“. И ты напрасно совѣтуешь мнѣ чаще смотрѣть на синее небо—образъ безконечнаго, чтобы не впасть въ кухонную дѣйствительность: другъ, блаженъ, кто можетъ видѣть въ образѣ неба символъ безконечнаго, но вѣдь небо часто застигается сѣрыми тучами, и потому тотъ блаженнѣе, кто и кухню умѣетъ просвѣтлить мыслию безконечнаго“.

Теперь Бѣлинскій еще болѣе утвердился въ той примирительной точкѣ зрѣнія, которая высказывалась у него уже весьма положительно (письмо середины 1837 г., приведенное въ предыдущей главѣ). Слово «дѣйствительность» въ самомъ дѣлѣ стало господствующей его темой — до тѣхъ поръ, пока ему удалось дойти до его настоящаго смысла, — не совсѣмъ предполагаемаго самимъ Гегелемъ.

«Примирительность» начинаетъ сказываться во взглядахъ Бѣлинскаго въ разныхъ отношеніяхъ; онъ уже не выдѣляетъ, напр., людей, одаренныхъ «благодатью», въ привилегированную касту, и не надѣляетъ презрѣніемъ всю неодаренную массу и общество, какъ прежде. Онъ по прежнему убѣжденъ, что человѣкъ долженъ стремиться къ освобожденію отъ субъективности, къ абсолютной истинѣ,—но мирится съ тѣми, у кого нѣтъ этого стремленія.

„Теперь,—говоритъ онъ (въ письмѣ авг. 14, 1838),—когда я захожусь въ созерцаніи безконечнаго, теперь я глубоко понимаю, что всякій правъ, и никто не виноватъ; что нѣтъ ложныхъ, ошибочныхъ мнѣній, а есть моменты духа. Кто развивается, тотъ интересенъ каждую минуту, даже во всѣхъ своихъ уклоненіяхъ отъ истины. Пошли только тѣ, которыхъ мнѣнія и мысли не есть цвѣтки, плоды ихъ жизни, а грибы, нарастающіе на деревьяхъ. Но и эти люди мнѣ теперь не пошли, даже не жалки, въ презрительномъ смыслѣ этого слова. Имъ не дано жить въ духѣ: и не скажу, чтобы ихъ должно было жалѣть, но смѣло скажу, что ихъ не должно ни ненавидѣть, ни презирать. Когда въ душѣ любовь, то и ихъ любишь объективно, какъ необходимыя явленія жизни“.

Уже изъ этого отрывка можно видѣть, какъ далеко шла прежняя точка зрѣнія, если теперь надо было рѣшать, что не слѣдуетъ «ненавидѣть» людей, живущихъ «въ духѣ». Въ слѣ-

дующихъ далѣе цитатахъ, еще ярче высказывается перемѣна мнѣній, совершившихся въ БѢлинскомъ подъ вліяніемъ новыхъ теорій. Прежняя вражда къ «пошлой вѣшности», уже сдѣлавшая уступку по личнымъ размышленіямъ БѢлинскаго, теперь окончательно смѣняется примиреніемъ съ дѣйствительностью, смыслъ которой БѢлинскій считалъ найденнымъ. Мы не знаемъ промежуточныхъ ступеней этой перемѣны, но по результату можно судить, какъ она была велика, и повѣрить, что она не вдругъ и дорого далась БѢлинскому, всегда упорному и страстному въ своихъ мнѣніяхъ.

Въ письмѣ отъ 10 сентября 1838 г., онъ признаетъ, что сдѣлалъ великое движеніе въ сферѣ мысли, всего болѣе благодаря своему другу, который нѣкогда первый уничтожилъ въ его понятіи цѣну опыта и дѣйствительности, втянувъ въ фикціанскую отвлеченность; теперь БѢлинскій узналъ отъ него значеніе (гегелианской) дѣйствительности. Мысли, услышанныя отъ него, цѣной борьбы и усилій переработались въ БѢлинскомъ въ убѣжденіе.

Такова моя натура,—продолжаетъ БѢлинскій:—съ напряженіемъ, *юрестно и трудно*, принимаетъ мой духъ въ себя и любовь, и вражду, и знаніе, и всякую мысль, всякое чувство; но, принявъ, весь проникается ими, до сокровенныхъ и глубокихъ изгибовъ своихъ. Такъ въ горнилѣ моего духа выработалось самобытно значеніе великаго слова *дѣйствительность*. Я бы сказалъ ложь и глупость, сказавъ, что я дѣйствителенъ и постигъ дѣйствительность; но я скажу правду, сказавъ, что сдѣлалъ новый великій шагъ въ томъ и другомъ... Я гляжу на дѣйствительность, столь презираемую прежде мною, и трепещу таинственнымъ восторгомъ, сознавая ея разумность, видя, что изъ нея ничего нельзя выкинуть, и въ ней ничего нельзя похудить и отвергнуть. Я думаю *точно также* о жизни, о бракѣ, о службѣ, словомъ—о всѣхъ человѣческихъ и общественныхъ отношеніяхъ, какъ и всѣ практическіе люди, столько еще недавно презираемые и ненавидимые мною, и, въ то же время, я думаю обо всемъ этомъ *совершенно не такъ*, какъ они. Да—такъ и не такъ! Долгъ, нравственная точка зрѣнія, самоотверженіе, пожертвованіе собою, благодать, воля, свобода въ благодати, прямота дѣйствій, политика, бракъ по любви, бракъ по расчету, чувство въ изящномъ, вкусъ въ изящномъ, чувство, приличіе—словомъ, всѣ самыя противоположныя понятія получали для меня какой-то цѣлостный смыслъ и уже не дѣрутся между собою, но образуютъ цѣлое знаніе со многими сторонами, одну общую картину изъ разныхъ красокъ, жизнь изъ безконечно разнообразныхъ элементовъ. Теперь я понимаю, что искусственное (отвлеченное) сознаніе есть просвѣтлѣніе естественнаго, но что результаты ихъ одни и тѣ же, потому что истинное сознаніе есть естественное, просвѣтлѣнное искусственнымъ...

„*Дѣйствительность!*“ твержу я, вставая и ложась спать, днемъ и

ночью,—и дѣйствительность окружаетъ меня, я чувствую ее вездѣ и во всемъ, даже въ себѣ, въ той *новой* переменѣ, которая становится замѣтнѣе со дня на день. Давно ли я спорилъ....., что не хочу и не обязанъ терять времени и принуждать себя съ людьми чуждаго мнѣ міра?... И что же? Я теперь каждый день сталкиваюсь съ людьми практическими, и мнѣ уже не душно въ ихъ кругу, они уже интересны для меня объективно, и я не въ тягость имъ. Захочу ли я высказать горькую правду человѣку, мнѣ чуждому, то чѣмъ я враждебнѣе ему по моей натурѣ и моей сформировкѣ, чѣмъ болѣе заслуживаетъ онъ горькой и рѣзкой правды, — тѣмъ голосъ мой тише, трепетнѣй, но отъ любви къ нему на эту минуту, тѣмъ слова мои деликатнѣе, полнѣе любви и потому дѣйствительнѣе... Это переменна — и большая. Дикость моей природы со дня на день исчезаетъ: грусть смягчила и просвѣтлила ее. Я конь рьяный, горячій, но выѣзженный. Мои сношенія съ людьми только одно дѣлаетъ еще тягостными, но именно потому, что это одно есть болѣзнь, отъ которой я еще только хочу начать выздоравливать. Это то горькое, мучительное, какъ раскаленнымъ желѣзомъ прожигающее душу чувство, которое наслано на меня судьбою, какъ посылаются бури на засохшую почву, чтобы увлажилась и принесла плодъ свой сторицею. Да, я *снова* начинаю вѣрить, что и моя буря пройдетъ мимо, чтобы ярче засіяло солнце моего духа“...

Не совсѣмъ ясно, что разумѣлъ Бѣлинскій въ этихъ послѣднихъ словахъ,—но повидному и въ настоящемъ примиреніи съ дѣйствительностью его безпокойное исканіе истины не успокоивалось на томъ, что ему хотѣлось бы теперь считать послѣднимъ предѣломъ своихъ стремленій.

Въ это время (въ 1838) Бѣлинскій получилъ учительское мѣсто въ межевомъ институтѣ, и онъ, еще недавно пугавшійся необходимости давать уроки, что дѣйствительно вовсе не было по его характеру, въ своемъ новомъ настроеніи совершенно доволенъ своей дѣятельностью или хочеть себя увѣрить въ этомъ, даже находить въ своихъ новыхъ отношеніяхъ «безконечныя слѣдствія въ постиженіи дѣйствительности».

„Съ ненасытимымъ любопытствомъ вглядываюсь я въ эти группы, въ эти средства, по наружности столь грубыя, пошлыя и *прозаическія*, которыми создается эта польза, не блестящая, не замѣтная, если не слѣдить за ея развитіемъ во времени, неуловимая для поверхностнаго взгляда, но великая и благодатная своими слѣдствіями для общества. Пока есть сила, я самъ рѣшаюсь на все, чтобы принести на алтарь общественнаго блага и свою лепту. Къ намъ пріѣхалъ попечитель, назначилъ у себя въ комнатахъ экзамены выпускнымъ ученикамъ; я ожидалъ своего экзамена безъ робости, безъ безпокойства, сдѣлалъ его со всѣмъ присутствіемъ духа, смѣло, хорошо; попечитель меня обласкалъ, я говорилъ съ нимъ и — не узнавалъ самого себя... Да, дѣйствительность вводитъ въ дѣйствительность. Смотри на cadaго не по ранѣе заготовленной теоріи,

а по даннымъ, имъ же самимъ представленнымъ, я начинаю умѣть становиться въ нему въ настоящія отношенія, и потому мною всѣ довольны, и я всѣми доволенъ. Я начинаю находить въ разговорѣ общіе интересы съ такими людьми, съ какими никогда не думалъ имѣть чего-либо общаго. Требуя отъ каждаго именно только того, чего отъ него можно требовать, я получаю отъ него одно хорошее и ничего худого. Нѣтъ ничего идеальнѣе (т.-е. пошлѣе), какъ сосредоточеніе въ какомъ-то кругѣ, похожемъ на тайное общество, и не похожемъ ни на что остальное и враждебное всему остальному ¹⁾. Всякая форма, поражающая людей своею рѣзкостію и странностію, и пробуждающая о себѣ толки и пересуды, — пошла, т.-е. идеальна. Надо во внѣшности своей походить на всѣхъ. Кто удивляетъ своею оригинальнію (разумѣется, такою, которая большинству не нравится), тотъ похожъ на человѣка, который пріѣхалъ на балъ въ платьѣ страннаго или стариннаго покроя, для показанія своего полнаго презрѣнія къ условіямъ общества и приличію. Недаромъ общество заклемило такихъ людей именемъ *опасныхъ* и *безнормальныхъ*; впрочемъ, еслибы оно назвало ихъ *пустыми*, то было бы правдѣ (!). Теперь единственное мое стараніе, чтобы всякій, знающій меня по литературѣ и увидѣвшій въ первый и во сто-первый разъ, сказалъ: „Это-то Б—ій; да онъ какъ *всѣ!*“ Простота, и если сила и достоинство, то все-таки въ простотѣ—вотъ главное.“

Еще далѣе идетъ разсужденіе о «дѣйствительности», которую БѢлинскій разумѣетъ въ самомъ примирительно-консервативномъ смыслѣ. Главной цѣлью должна быть простота и согласіе съ дѣйствительностію; страсть рисоваться бываетъ свойственна даже людямъ, сильнымъ духомъ, но только въ періодъ идеальности. «Такъ Шиллеръ въ большей части своихъ произведеній фразѣръ, не будучи фразѣромъ». БѢлинскій узналъ недавно вещь, которая прежде для него была тайной, именно, что «нѣтъ людей падшихъ, измѣнившихъ своему призванію», потому что это просто люди, увлекаемые за собой или одолаваемые дѣйствительностію. «Дѣйствительность есть чудовище, вооруженное желѣзными когтями и желѣзными челюстями: кто охотно не отдается ей, того она насильно схватываетъ и пожираетъ». Оттого бываетъ, что и прекраснѣйшіе люди опошляются. «Иной всю жизнь мечталъ о какой-то небесной женщинѣ, а женится на тряпкѣ; иной всю жизнь мечталъ о благѣ общественномъ, а потомъ пресповойно, добившись тепленькаго мѣстечка, беретъ взятки». Происходить это отъ коллизіи съ дѣйствительностію: эта коллизія, родъ смиренного дома судьбы или ея полиціи, «наказываетъ за отпаденіе

¹⁾ Очевидно, что такъ стала ему теперь представляться отдаленность и исключительность ихъ кружка, которую въ прежнее время (и послѣ) онъ понималъ совсѣмъ иначе.

отъ господствующей идеи общества». — «Чѣмъ выше были мечты человѣка, чѣмъ важнѣе былъ бунтъ человѣка противъ общества, къ которому онъ принадлежитъ, — тѣмъ ужаснѣе смиреніе и наказаніе за это. Да, вмѣсто женщины — трапка, вмѣсто подвизанія на поприщѣ общаго блага — взяточничество. Дѣйствительность мститъ за себя насмѣшливо, ядовито, и мы безпрестанно встрѣчаемъ жертвы ея мести. Личное свободное стремленіе, не примиренное съ виѣшнею необходимостію, вытекающею изъ жизни общества, производитъ коллизіи». Кромѣ коллизіи бываетъ въ этомъ виновата идеальность. «Человѣкъ мечталъ о небесной женщинѣ, но эта женщина была идея, а не живой образъ, одностороннее отвлеченіе въ родѣ шиллеровскихъ женщинъ. Онъ мечталъ объ общемъ благѣ и личномъ своемъ участіи въ немъ; но это благо было мечтательное, а не дѣйствительное». «Изъ крайностей переходятъ въ крайности», замѣчаетъ Бѣлинскій, и припоминаетъ, какъ злѣйшіе испанскіе инквизиторы бывали съ молодю отчаянными вольнодумцами и какъ иногда отъ изувѣрства переходятъ въ невѣріе. «Идеальный человѣкъ, не встрѣчая нигдѣ своей *идеальной* женщины, потому что ея нигдѣ нѣтъ, приходитъ въ отчаяніе и увѣряется, что грязная и пошлая дѣйствительность есть истинная дѣйствительность. Вотъ тутъ-то судьба и ставитъ свою ловушку»... «Идеальный человѣкъ не понимаетъ, что выходомъ изъ этого положенія вовсе не должна быть противоположность; что, кромѣ разсчета пошлаго, есть разсчетъ человѣческой, что разсудокъ не есть противоположность чувству, но что они могутъ дѣйствовать вмѣстѣ и въ ладу. Если же онъ останется упрямо при своихъ мечтахъ, даже не вѣря имъ, — тогда дѣйствительность казнитъ его иначе, но только все-таки отнимая, сокрушая его силу, его достоинство. Обманутый въ своихъ стремленіяхъ, онъ скажетъ, что *здѣсь* юдоль плача и испытанія, но что все — *тамъ*, и самый лучший его выходъ будетъ — *мистицизмъ*... Повторяю: дѣйствительность есть чудовище, вооруженное желѣзными когтями и огромною пастью съ желѣзными челюстями. Рано или поздно, но пожретъ она всякаго, кто живетъ съ ней въ разладѣ и идетъ ей наперекорь. Чтобы освободиться отъ нея и, вмѣсто ужаснаго чудовища, увидѣть въ ней источникъ блаженства, для этого одно средство — *сознать* ее».

Но среди этого изложенія, Бѣлинскій признаетъ, что мысль его объ отношеніи идеальнаго представленія къ дѣйствительности еще только находится у него «въ созерцаніи» (понимается больше непосредственнымъ чувствомъ), но еще не «сознана» имъ (не опредѣлилась для него логически), хотя онъ глубоко чувствуетъ ея

истинность... Бѣлинскій обсуживаетъ потомъ, съ своей новой точки зрѣнія, различные факты и отношенія своего дружескаго круга, и между прочимъ вспоминаетъ и свое прошедшее: онъ находитъ причину своихъ прежнихъ страданій и апатіи — въ своей отвлеченности, идеальности, и «пошломъ шиллеризмѣ», боязни быть «простымъ добрымъ малымъ». Теперь онъ думаетъ о вещахъ и чувствуетъ себя иначе... онъ «хватился за умъ» и теперь прежде всего онъ ищетъ «ощущеній, волнованія, жизни—это главное, а тамъ можно и пофилософствовать»; теперь за «попалуй, за улыбку» онъ охотно промѣняетъ и философію и все... «Знаніе дѣйствительности состоитъ въ какомъ-то инстинктѣ, тактѣ, вслѣдствіе которыхъ всякій шагъ человѣка вѣренъ, всякое положеніе истинно, всѣ отношенія къ людямъ безошибочны, не натянута... Разумѣется, кто къ этому инстинктуальному проникновенію присоединитъ сознательное, черезъ мысль, тотъ вдвойнѣ овладѣетъ дѣйствительностію; но главное—знать ее, какъ бы ни знать»...

Возвращаясь опять къ «простотѣ», Бѣлинскій вспоминаетъ о Станкевичѣ:

„Кто снова не приобрѣлъ простоты, утраченной идеальностію, тотъ не живетъ и не знаетъ жизни, и жизнь того не знаетъ. Вся его жизнь — парадъ и рисованіе; содержаніе само по себѣ, а форма сама по себѣ. Послѣ этого нашему брату не мудрено увидѣть во снѣ свою отвлеченность. Понимаю Николая ¹⁾, понимаю эту великую, гениальную душу: онъ давно тосковалъ по этой простотѣ, онъ первый объявилъ гоненіе претензіямъ и, въ этомъ отношеніи, я безконечно обязанъ ему: при немъ я всегда былъ *проце*. Онъ чувствовалъ себя не довольно простымъ, а жаждалъ простоты: вотъ почему онъ такъ завидуетъ людямъ, можетъ быть, не далекимъ, но дѣйствительнымъ, которые, поэтому, въ самомъ дѣлѣ лучше и выше его. Вотъ почему онъ и мнѣ отдавалъ преимущество передъ собою. Если однажды, когда я ему сказалъ, что сѣсть подлѣ любимой женщины и преклониться головою къ ея плечу есть блаженство, онъ отвѣтилъ мнѣ, что его блаженство выше, и я не въ состояніи понять его; — то какъ часто послѣ онъ говорилъ мнѣ чуть не со слезами, что я нормальнѣе, простѣе его въ понятіяхъ о любви. Онъ готовъ былъ всегда и написать и перевести статью для журнала, но не терпѣлъ, чтобъ его и въ шутку называли *литераторомъ*. Это означаетъ глубокое чувство простоты. Я—литераторъ, потому что это мое призваніе и мое ремесло вмѣстѣ“...

Теперь онъ будетъ преслѣдовать въ себѣ безъ милосердія всякую претензію. Онъ чувствуетъ, что съ каждымъ днемъ глубже входитъ въ дѣйствительность, и не заботится о томъ, когда до-

¹⁾ Станкевича.

стигнуть ея совершенно, — онъ предоставитъ ей выработаться самой и не хочетъ «дѣлать изъ жизни урока къ сроку». «Но что меня всего болѣе радуеть, — замѣчаетъ Бѣлинскій, — это какая-то само-бытность, спокойная и твердая увѣренность въ себя, которая выражается не въ однихъ словахъ, но и въ дѣлахъ». Еще остается, по его выраженію, «много старинки, по преданію, по привычкѣ», т.-е. идеальности, но это преслѣдуется безъ пощады, за то каждый день онъ замѣчалъ въ себя и «что-нибудь новое и хорошее»...

Новые взгляды Бѣлинскаго, гдѣ онъ сталъ самостоятельно развивать и примѣнять положенія о дѣйствительности, встрѣтили у его друзей возраженія, на которыя онъ отвѣчаетъ въ другомъ длинномъ посланіи, отъ 12-го октября 1838. Это посланіе представляетъ еще нѣсколько любопытныхъ подробностей его мнѣній за это время и его отношенія къ тогдашнимъ нѣмецкимъ авторитетамъ кружка.

Въ самомъ началѣ находится эпизодическое разсужденіе о Шиллерѣ. Прежде было указано, что Шиллеръ былъ тогда пробнымъ камнемъ мнѣній Бѣлинскаго. Въ первомъ періодѣ своей «идеальности», Бѣлинскій восторгался Шиллеромъ, который увлекъ его въ «опеку надъ родомъ человѣческимъ». Во-второмъ періодѣ его идеальности, когда онъ убѣдился въ разумности существующаго, онъ отвергъ Шиллера, чуть не возненавидѣлъ его — за то самое, чѣмъ прежде увлекался: притомъ, съ его нынѣшней эстетической точки зрѣнія, истинная поэзія отвергаетъ всякую субъективность и тенденціозность, которыя отличали Шиллера, по мнѣнію Бѣлинскаго. Теперь его упрекнули въ непониманіи Шиллера. Бѣлинскій, указавши на возможность различныхъ мнѣній объ одномъ предметѣ, вѣрить «уваженію» своихъ друзей къ Шиллеру, но и смѣло заявляетъ свое «неуваженіе» къ нему, и продолжаетъ:

„Можетъ быть, я и ошибаюсь (человѣку сродно ошибаться, говоритъ евангеліе — и *то же* говоритъ толпа, руководствуемая простымъ эмпирическимъ опытомъ); можетъ быть, я и ошибаюсь, но — право — слесарша Пошлепкина, какъ художественное созданіе, для меня выше Теклы, этого десятаго, послѣдняго, улучшеннаго, просмотрѣннаго и исправленнаго изданія одной и той же женщины Шиллера. А Орлеанка — что же мнѣ дѣлать съ самимъ собою! Орлеанка, за исключеніемъ нѣсколькихъ чисто-лирическихъ мѣстъ, имѣющихъ особое, свое собственное значеніе, для меня — пузырь бараній — не больше! Повторяю, можетъ быть, я и ошибаюсь и, понимая Шекспира и Пушкина, еще не возвысился до пониманія Шиллера; но..... когда дѣло идетъ объ искусствѣ и особенно о его непосредственномъ пониманіи, или о томъ, что называется эстети-

ческимъ чувствомъ, или восприимлемостію ¹⁾ изящнаго,—я смѣлъ и дерзокъ, и моя смѣлость и дерзость, въ этомъ отношеніи, простирается до того, что и авторитетъ самого Гегеля имъ не предѣль. Да, пусть Гегель признаетъ Мольера художникомъ: я не хочу для него отречься отъ здраваго смысла и чувства, даннаго мнѣ Богомъ. Понимаю мистическое уваженіе ученика къ своему учителю, но не почитаю себя обязаннымъ, не будучи ученикомъ въ полномъ смыслѣ этого слова, играть роль Сеида. Глубоко уважаю Гегеля и его философію, но это мнѣ не мѣшаетъ думать (можетъ быть, ошибочно: чтó до этого?), что еще не всѣ приговоры во имя ея неприкосновенно-святы и непреложны. Гегель ни слова не сказалъ о личномъ безсмертіи, а ученикъ его Гёшель эту великую задачу, безъ удовольствительнаго разрѣшенія которой еще далеко не кончено дѣло философіи, избралъ предметомъ особеннаго разрѣшенія. Рётшперъ философски, съ абсолютной точки зрѣнія, разобралъ „Лира“, а Бауманъ кинулъ на это гигантское созданіе царя поэтовъ, Христа искусства, нѣсколько своихъ собственныхъ взглядовъ, уничтожившихъ взгляды Рётшпера (именно на характеръ Корделии). Слѣд. промахи и непониманіе возможны и для людей абсолютныхъ, гражданъ спекулятивной области, а слѣдовательно всему вѣрять безусловно не годится ²⁾. Глубоко уважаю и люблю Марбаха, этого философа-поэта въ области мысли, но его прекрасныя объясненія второй части „Фауста“ мнѣ кажутся логическими натяжками, мыслями, взятыми мимо непосредственнаго чувства, безъ всякаго его участія. Опять повторяю—понимаю возможность ошибки съ моей стороны и въ этомъ случаѣ; но символы и аллегоріи для меня—не поэзія, но совершенное отрицаніе поэзіи, униженіе ея... Я не одинъ такой еретикъ. Кудрявцевъ, котораго эстетическое чувство и художественный инстинктъ имѣютъ *тоже* свою цѣну, и котораго свѣтлая голова больше моей доступна мысли, Кудрявцевъ, недавно прочетшій Марбаха и восхитившійся имъ, обрадовался, когда услышалъ отъ меня эту мысль, потому что и самъ думалъ *тоже*“...

На замѣчанія друзей о томъ, что БѢлинскій считаетъ слишкомъ легкимъ уразумѣніе дѣйствительности, онъ отвѣчаетъ, что понималъ дѣйствительность не въ ея общемъ значеніи, а въ отношеніяхъ людей между собою; что всякій понимаетъ дѣйствительность, сколько можетъ, но что во многимъ вещамъ очень примѣняется басня Крылова о ларчикѣ. «Я уважаю мысль,—замѣчаетъ онъ при этомъ,—и знаю ей цѣну, но только *отвлеченная* мысль въ моихъ глазахъ ниже, бесполезнѣе, дряннѣе эмпирическаго опыта, а недопеченный философъ хуже добраго малаго». Выше было объяснено, что «добрый малый» въ терминологіи вружбѣ равнялся бранному слову.

¹⁾ Такъ говорили они тогда вмѣсто: восприимчивость.

²⁾ Эти ссылки даютъ образчикъ того, какимъ однако великимъ уваженіемъ пользовались у друзей БѢлинскаго „граждане спекулятивной области“.

На обвиненіе, что, увлекаясь дѣйствительностью, онъ отложилъ мысль въ сторону, отрекся отъ нея, Бѣлинскій отвѣчаетъ, что онъ уважаетъ мысль, но мысль конкретную, и притомъ уважаетъ мысль вообще, а не именно его собственную;—«но чувство мое вполне уважаю, и вотъ почему: мое созерцаніе ¹⁾ всегда было огромнѣе, истинныя мои предположенія и мое непосредственное ощущеніе всегда было вѣрнѣ *моей мысли*». Онъ передаетъ свой взглядъ въ слѣдующемъ афоризмѣ: «человѣкъ, который живетъ чувствомъ въ дѣйствительности, выше того, кто живетъ мыслию въ призрочности (т.-е. внѣ дѣйствительности); но человѣкъ, который живетъ (конкретною) мыслию въ дѣйствительности, выше того, кто живетъ въ ней только своею непосредственностію». Въ объясненіе, онъ приводитъ такой примѣръ («безъ примѣровъ и фактовъ у меня ничего не дѣлается, потому что безъ нихъ я ровно ничего не понимаю»): «Петръ Великій—который былъ очень плохой философъ—понималъ дѣйствительность больше и лучше, нежели Фихте. Всякій историческій дѣятель понималъ ее лучше его. По моему мнѣнію, если понимать дѣйствительность сознательно, такъ понимать ее, какъ понималъ Гегель; но много ли *такъ* понимаютъ ее?—пятьдесятъ человѣкъ въ цѣломъ свѣтѣ; такъ неужели же всѣ остальные—не люди?»

Бѣлинскій не соглашается, что его новый взглядъ есть только эмпирический опытъ (что, по старому преданію, считалось вещью почти унизительной), но замѣчаетъ: «я мыслю (сколько въ силахъ), но уже если моя мысль не подходитъ подъ мое созерцаніе или стучается о факты—я велю ее мальчику вымести вмѣстѣ съ соромъ. Объясню это фактомъ: нѣкогда я думалъ, что поэтъ не можетъ перемѣнить ни стиха, ни слова; мнѣ говорили, что черновыя тетради Пушкина доказываютъ противное, а я отвѣчалъ: еслибы самъ Пушкинъ увѣрялъ меня въ этомъ—я бы не повѣрилъ. *Такой* мысли я теперь не хочу и не ставлю ее ни въ грошъ».

Нѣкоторые изъ друзей опасались даже, что развитіе Бѣлинскаго остановится, что онъ окажется только «добрымъ малькомъ» и успокоится на своемъ внѣшнемъ пониманіи дѣйствительности. Бѣлинскій спорить противъ всего этого самымъ рѣшительнымъ образомъ: «не бойся,—пишетъ онъ къ одному пріятелю,—что я сдѣлаюсь III—мъ или II—мъ... для меня это совершенно невозможно... Я не буду ни любителемъ буквы, ни книжнымъ спекулянткомъ... Не боюсь за мою будущую участь, потому что знаю,

¹⁾ Непосредственное, интуитивное пониманіе.

что буду тѣмъ, чѣмъ буду, а не тѣмъ, совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ бы самъ захотѣлъ быть». Въ силу его понятій о дѣйствительности, онъ впадаетъ какъ будто въ фатализмъ, сливающийся у него съ философскою необходимостью; онъ предоставляетъ свою участь Божьей волѣ: «воля Божія есть *предопредѣленіе* Востока, *fatum* древнихъ, *провидѣніе* христіанства, *необходимость* философіи, наконецъ *дѣйствительность*. Я признаю личную, самостоятельную свободу, но признаю и высшую волю. *Коллизія* есть результатъ враждебнаго столкновенія этихъ двухъ волей. Поэтому— все бываетъ и будетъ такъ, какъ бываетъ и будетъ. Устою—хорошо; паду—дѣлать нечего»... Но несмотря на то, Бѣлинскій и теперь сознавалъ уже приобретенное имъ значеніе и предчувствовалъ дальнѣйшую трудовую жизнь, которая еще увеличить это значеніе...

„У меня нѣтъ охоты смотрѣть на будущее,—говоритъ онъ:—вся работа—что-нибудь дѣлать, быть полезнымъ членомъ общества. А я дѣлаю, что могу. Я много принесъ жертвъ для этой потребности дѣлать. Для нея я хожу въ рублицѣ, терплю нужду, тогда какъ всегда въ моей возможности имѣть десять тысячъ годового дохода съ моей деревни—неутомимаго пера. Говорю это не для хвастовства, а потому что... меня задѣли за слишкомъ живую струну, не отдали мнѣ справедливости въ томъ, въ чемъ я имѣю несомнѣнное и не совсѣмъ незначительное значеніе. Я уже не кандидатъ въ члены общества, а членъ его, чувствую себя въ немъ и его въ себѣ, приросъ къ его интересамъ, впился въ его жизнь, слилъ съ нею мою жизнь и принесъ ей въ дань всего самого себя... Почетнаго имени въ гражданствѣ я не желаю, потому что не сомнѣваюсь его имѣть и даже *теперь* его имѣю въ извѣстной степени...“

Онъ жаждетъ скромнаго личнаго счастья, но ежели-бъ и того ему не досталось, онъ будетъ имѣть минуты блаженства.

„Да, я по прежнему буду *дѣлать*, буду жить, *чтобы мыслить и страдать*; многимъ, можетъ быть, укажу на возможность блаженства, многимъ помогу дойти до него, многихъ заставлю не зная меня лично любить, уважать себя, и признавать ихъ обязанными мнѣ своимъ развитіемъ, минутами своего блаженства; но самъ, кромѣ минутъ, буду знать одно страданіе... Не всѣмъ одна дорога, не всѣмъ одна участь... У меня надежда на выходъ не въ мысли (исключительно), а въ жизни ¹⁾, какъ въ большемъ или меньшемъ участіи въ дѣйствительности не *созерцательно*, а *дѣлательно*... Что же касается до моего развитія... оно идетъ, какъ шло, и *также* будетъ идти... Мои отношенія къ *мысли* останутся тѣми же, какими были всегда.

¹⁾ По идеалистически-отвлеченной теоріи кружкѣ — для всякаго есть выходъ въ мысли и всякій можетъ достигнуть абсолютнаго, полнаго, безъ перерывовъ, блаженства посредствомъ мысли.

По прежнему, меня будетъ интересовать всякое явленіе жизни — и въ исторіи, и въ искусствѣ, и въ дѣйствительности; по прежнему буду я о всемъ этомъ разсуждать, судить, спорить и хлопотать, какъ о своихъ собственныхъ дѣлахъ. Только уже *никогда* не буду предпочитать конечной логики своей своему безконечному созерцанію, выводовъ своей конечной логики безконечнымъ явленіямъ дѣйствительности...“

Наконецъ, нѣкоторые изъ друзей Бѣлинскаго опасаясь, по новому повороту его мыслей, увидѣть въ немъ столь пренебрегаемаго ими человѣка *bon vivant* и *bon camarade* и, въ признакъ полного отчужденія его отъ глубоко-отвлеченной мысли, приписали ему «религію Беранже». Все французское: жизнь, поэзія, литература, философія для увлеченнаго гегеліанствомъ кружка было предметомъ величайшаго презрѣнія, за отсутствіе абсолютнаго пониманія, и, слѣдовательно, за пустоту. Бѣлинскій въ своемъ отвѣтѣ говорить, что можетъ отнести подобныя обвиненія только къ дурному расположенію духа или къ злости своихъ друзей. «Противъ этого не почитаю за нужное и оправдываться: не только моими письмами не подалъ я повода къ подобному заключенію, но одной уже моей инстинктуальной, непосредственной и фанатической ненависти къ французамъ и всему французскому (!) достаточно для того, чтобы защитить меня отъ подобныхъ комментариевъ».

Бѣлинскій возвращается и къ собственной характеристикѣ и даетъ слѣдующее опредѣленіе своей особенности, въ которомъ дѣйствительно указано одно изъ существенныхъ отличій его нравственной личности: «отвлечение—не моя сфера, и мнѣ душно и гадко въ этой сферѣ, и въ мысли, какъ мысли собственно, я играю роль слишкомъ не блестящую; моя сфера—огненные слова и живые образы—тутъ только мнѣ и просторно, и хорошо. Моя сила, мощь—въ моемъ непосредственномъ чувствѣ, и потому никогда не откажусь я отъ него, потому что не имѣю охоты отказаться отъ самого себя»...

Чтобы завершить эту внутреннюю исторію Бѣлинскаго, въ средѣ его кружка, до конца пребыванія его въ Москвѣ (октябрь, 1839 года), мы имѣемъ только довольно отрывочный матеріалъ—въ нѣсколькихъ письмахъ Бѣлинскаго къ отсутствовавшему другу, его первому учителю. Послѣ отъѣзда Станкевича за-границу, въ 1837 г., Бѣлинскій уже не видалъ его. Переписка его со Станкевичемъ за это время сохранилась, вѣроятно, не вполне: именно,

намъ извѣстно только четыре письма, съ октября 1838 до сентября 1839 г., и послѣднее письмо, очень длинное, не имѣетъ окончанія.

Письмо отъ октября 1838 г., посвящено печальной обязанности. БѢлинскій извѣщаетъ Станкевича о смерти особы, которая была одно время предметомъ увлеченія Станкевича; потомъ, когда, съ его стороны, чувство охладѣло, а съ другой стороны сохранилось, эти отношенія, усложнившіяся потомъ еще болѣе, оставались для Станкевича тягостнымъ испытаніемъ, и, по мнѣнію друзей кружка, заключали въ себѣ какъ бы извѣстный упрекъ. Самъ БѢлинскій былъ преисполненъ восторженнымъ поклоненіемъ этой дѣвушкѣ, и ея смерть (въ августѣ 1838 г.), внушила ему письмо къ одному изъ друзей, проникнутое глубоко возбужденнымъ чувствомъ и поэтической грустью, и къ которому, быть можетъ, мы впослѣдствіи возвратимся. БѢлинскій исполняетъ «тяжелый долгъ», потому что «кромѣ его, этого сдѣлать некому», — т.-е. никто изъ друзей не зналъ этихъ отношеній такъ близко, какъ БѢлинскій, хотя вѣроятно всѣ знали, что для Станкевича это извѣстіе будетъ слишкомъ тяжело.

Личныя отношенія БѢлинскаго къ Станкевичу нѣсколько спутались въ это время. БѢлинскій былъ въ мрачномъ и тяжеломъ «распаденіи» въ то время, когда Станкевичъ уѣзжалъ за-границу. БѢлинскій, по его собственнымъ словамъ, холодно простился съ нимъ, за что послѣ строго осудилъ себя, и начиная теперь письмо къ Станкевичу, прежде всего объясняетъ свое собственное состояніе (въ концѣ 1838 года) и свои отношенія къ Станкевичу. ...«Я былъ въ себѣ, въ своихъ личныхъ интересахъ, своихъ радостяхъ, своихъ страданіяхъ, я пережилъ великую эпоху моей жизни, получилъ отъ судьбы самый важный урокъ»... БѢлинскій винить себя, что становился въ фальшивое положеніе относительно Станкевича—осуждалъ его, брался его поучать, и приписываетъ это чуждому вліянію, отъ котораго теперь освободился: «это обыкновенное слѣдствіе добровольнаго отреченія отъ своей сущности, своей самостоятельности, по причинѣ разныхъ философскихъ вліяній. Кто пляшетъ подъ чужую дудку, тотъ всегда дуракъ. Прости, братъ, — это послѣдняя глупость». Онъ сообщаетъ Станкевичу о своемъ окончательномъ разрывѣ съ тѣмъ другомъ, который былъ въ эти послѣдніе годы его главнѣйшимъ руководителемъ въ философіи: БѢлинскій открываетъ теперь, что ихъ дружба «была призракъ, потому что не выработалась изъ жизни, а вышла изъ отвлеченныхъ понятій объ *общемъ*». Въ себѣ самомъ, онъ указываетъ великую перемѣну: «я, наконецъ, понялъ, что ты назы-

ваешь (и такъ давно называлъ) *простотою* и *нормальностію*. Станкевичъ, по его словамъ, былъ идеаленъ такъ же, какъ и они всѣ, но всегда носилъ сознание пошлой идеальности и живую потребность выхода въ простую нормальную дѣйствительность, — Бѣлинскій приходилъ къ этому только теперь.

Получивъ отвѣтъ Станкевича, Бѣлинскій, 8-го ноября 1838, снова пишетъ ему. Письмо любознательно новыми выраженіями того настроенія, въ какомъ онъ теперь находился. Станкевичъ сообщалъ ему, что печаль о смерти упомянутой особы раздѣлялъ съ нимъ и Вердеръ, тотъ берлинскій профессоръ, съ которымъ Станкевичъ изучалъ тогда философію Гегеля и съ которымъ былъ въ теплыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Самъ Вердеръ былъ идеалистъ въ томъ же «разумно»-примирительномъ и чувствительномъ родѣ, какъ московскіе друзья, и для нихъ авторитетъ, — и сочувствіе съ его стороны тѣмъ больше должно было произвести впечатлѣнія.

„Если бы ты зналъ, какъ подѣйствовали на меня слова Вердера, переданныя тобою въ письмѣ. Какъ глубоко понялъ я ихъ! Новый свѣтъ, новое откровеніе озарило меня при чтеніи ихъ. Вотъ *такую* философію я уважаю, хотъ и никогда философомъ не буду. Она не отрицаетъ мистическихъ вѣрованій сердца, но разумомъ оправдываетъ ихъ, она не превращаетъ жизни въ сухое понятіе, въ мертвый скелетъ. Меня напугали философіею, во имя ея меня хотѣли увѣрить, что я пошлякъ, ничтожный человѣкъ, потому только, что моя кровь горяча, а сердце требуетъ любви и сочувствія. И я повѣрилъ добродушно. Но... (теперь)... я узналъ, что или философія вздоръ, или ее не понимаютъ. Разумѣется, философія отстояла себя въ душѣ моей, а нѣкоторые авторитеты плепнулись ¹⁾. Теперь дышу свободнѣе. Слова Вердера озарили меня еще больше и еще болѣе утвердили мою вѣру въ философію. Какой это долженъ быть человѣкъ! И какъ много должно значить его участіе къ тебѣ! „Въ ея письмахъ ²⁾», — говорилъ онъ, — вѣялъ ему духъ другой жизни“; — не умѣю объяснить тебѣ, что вѣетъ мнѣ въ этихъ словахъ: тутъ и мысль глубокая, и музыка, и поэтической образъ. Есть же на свѣтѣ такіе люди, которые однимъ выраженіемъ умѣютъ передать весь благоухающій букетъ своей непосредственности, всю сущность свою. Вердеръ для меня теперь не понятіе, но живой образъ... Чудный, святой человѣкъ! О, еслибы я узналъ еще, что онъ съ грустцою отъ какихъ-нибудь воспоминаній, сердечныхъ мистерій, что міръ Божій хотя и такъ хорошъ для него, что онъ не находитъ въ немъ ничего, что бы требовало его поправки, а между тѣмъ *собственно для себя* желалъ бы поправить что-нибудь, въ то же время сознавая разумную

¹⁾ Бѣлинскій разумѣетъ авторитеты своего кружка (особенно М. Б.), которымъ до своихъ споровъ о „простотѣ“ и „дѣйствительности“ онъ вполне подчинялся.

²⁾ Т.-е. въ письмахъ упомянутой особы къ Станкевичу, который теперь, вѣроятно, сообщилъ отрывки ихъ Вердеру.

необходимость всего и такъ, какъ оно есть... Прекраснодушіе! Но къ чему философскія маски:—будь всякій тѣмъ, что есть...

Любопытно наблюдать, здѣсь, и во многихъ другихъ случаяхъ, какъ въ пору наибольшей «примирительности», наибольшихъ стараній отыскать и утвердить полное согласіе дѣйствительности съ разумомъ, у БѢлинскаго тѣмъ не менѣе проходить черта совсѣмъ иного рода, въ которой можно уже угадывать позднѣйшій его выходъ изъ этой точки зрѣнія. Онъ вѣрить въ разумную дѣйствительность, но ему все-таки нужны какія-то оговорки, изъ которыхъ видно, что его непосредственное чувство (подавляемое теперь ради философскаго принципа), возставало въ немъ противъ отвлеченно выведенныхъ положеній. БѢлинскій и здѣсь говоритъ опять о своемъ освобожденіи отъ идеальности; считаетъ, что съ весны 1838 г. «пробудился къ новой жизни», рѣшилъ, что онъ—«самъ по себѣ»; но очевидно, что онъ и теперь остается въ самой явной «идеальности», что «простота» и настоящая «дѣйствительность» еще далеки отъ него...

Рядомъ съ новымъ понятіемъ объ общихъ началахъ, продолжается у БѢлинскаго развитіе его представленій объ искусствѣ. Въ письмѣ 8-го ноября находимъ, на примѣръ, слѣдующія объясненія:

„Помнишь ли, Н., мои дикіе вопли противъ скульптуры и вообще греческаго искусства? Порадуйся—я поуинѣлъ. Новый свѣтъ озарилъ меня, и греки предстали мнѣ въ лучезарномъ блескѣ, какъ народъ, который больше евреевъ имѣетъ права на названіе божьяго народа. Скульптура для меня теперь—божественное искусство. Съ Шиллеромъ я совсѣмъ разсорился. Богъ съ нимъ—потѣшился онъ надо мною, а теперь я не подь закономъ, а подь благодатію. Женщинъ его очень не жажду. Вообще, какъ поэтъ—онъ потерялъ для меня всякое значеніе. Можетъ быть, тутъ проявляется дикость моей натуры,—такъ и быть: буду самъ по себѣ“.

Дальше увидимъ, что помирило его съ греческимъ искусствомъ.

Въ письмѣ отъ апрѣля 1839 г. БѢлинскій винится, что долго не писалъ, проситъ не приписывать своего молчанія холодности къ нему, которую считаетъ совершенной невозможностью, и объясняетъ, что онъ все собирался писать Станкевичу большее письмо, чтобы познакомить его съ своимъ «настоящимъ моментомъ», его причинами и слѣдствіями,—но въ этомъ то и была трудность: «... Я теперь мчусь на почтовыхъ по дорогѣ (пока все еще по проселочной) жизни, и настоящій мой моментъ едва ли продолжается мѣсяць. Перейдя же въ другое состояніе духа, я уже не

сержусь на прежнее (какъ это всегда бывало со мною прежде), потому что понимаю его необходимость, и еще потому, что я становлюсь все менѣе и менѣе неистовъ»...

Бѣлинскій упоминаетъ въ нѣсколькихъ словахъ о послѣднихъ событіяхъ его личной жизни и въ отношеніяхъ съ друзьями кружка. «Процессы моего духа,—говоритъ онъ,—всегда осуществляются въ жизни и отражаются въ обстоятельствахъ, болѣею частію потрясающихъ и ужасныхъ. Напримѣръ, недавно (мѣсяца два назадъ) со мною повторилась—было твоя исторія ¹⁾, да такъ, что я хватился за голову, боясь—ужь не сошелъ ли я съ ума, и подходилъ безпрестанно къ зеркалу, чтобы посмотрѣть, не посѣдѣли ли мои волосы. Слава Богу, все кончилось хорошо, и я за глупую фантазію заплатилъ только мѣсяцами двумя глупостей и пошлостей, да недѣлями двумя-тремя адскихъ мучь...»

«Глупая фантазія», подробно рассказанная Бѣлинскимъ въ другомъ мѣстѣ, была для него источникомъ тяжелаго страданія, какъ видно и изъ приведенныхъ сейчасъ выраженій. Это было опять увлеченіе, въ сущности не глубокое, въ чемъ и самъ Бѣлинскій скоро убѣдился, но въ первую пору показавшееся ему настоящей «любовью», въ томъ мистическомъ смыслѣ, какъ тогда понималъ ее кружокъ. На бѣду, Бѣлинскому пришлось встрѣтить соперника въ одномъ изъ новыхъ друзей, и это соперничество, повлекшее за собой и другія столкновенія въ самомъ кружкѣ, произвело цѣлую запутанную исторію, навлекшую Бѣлинскому не мало нравственныхъ страданій. Любовь не состоялась; дружба подверглась очень трудному испытанію,—это были нравственные интересы первой важности, и Бѣлинскій, съ своей тогдашней точки зрѣнія, пришелъ объ этихъ предметахъ къ такому выводу: «Да, братъ,—пишетъ онъ къ Станкевичу,—наконецъ, пришлось расчесться за всякую ложь—и въ любви, и въ дружбѣ. Діалектика жизни довела до сознанія многихъ истинъ, казавшихся прежде неразрѣшимыми. Я теперь понимаю, что такое любовь и что такое дружба: то и другое есть воспринятіе въ себя однимъ существомъ другого существа, вслѣдствіе необъяснимаго мистическаго средства ихъ натуръ. То и другое дается человѣку Богомъ, и если человѣкъ, наскучивши ждать, вздумаетъ взять это самъ, то жестоко сръжнется». Но при всемъ разочарованіи Бѣлинскій, по его словамъ, тѣмъ болѣе вѣрить въ любовь и дружбу и цѣнить эти два великія чувства,—несмотря на все, ему живется теперь лучше.

¹⁾ Бѣлинскій понимаетъ здѣсь тѣ сердечныя отношенія Станкевича, о которыхъ выше было упомянуто.

«Я ужасаюсь моей прошлой жизни, такъ хорошо тебѣ извѣстной, сравнивая ее съ нынѣшнею», и въ особенности онъ радуется расширенію своего пониманія изящнаго.

„Больше всего даетъ мнѣ счастья и внутренней жизни расширеніе моей способности воспріимлемости изящнаго. Пушкинъ предсталъ мнѣ въ новомъ свѣтѣ, какъ одинъ изъ мировыхъ исполиновъ искусства, какъ Гомеръ, Шекспиръ и Гёте. Тебѣ, знающему только его „Цыганъ“, „Полтаву“ и „Онѣгина“, но не знающему его посмертныхъ сочиненій, можетъ показаться мое мнѣніе страннымъ, экзальтированнымъ. Иліада, переведенная Гнѣдичемъ, для меня есть второй источникъ такого наслажденія, отъ силы котораго я иногда изнемогаю въ какомъ-то сладостномъ мученіи. О грѣкахъ (разумѣется, древнихъ) не могу думать безъ слезъ на глазахъ. Мнѣ доступна и сфера религіи, но болѣе родная мнѣ сфера—искусство“...

Вѣлинскій при этомъ письмѣ послалъ Станкевичу листки изъ «Наблюдателя», который онъ тогда издавалъ, и повѣсть «Флейта», А. Н. (Кудрявцева), отъ котораго въ то время онъ былъ въ восторгѣ. Все это посылалось «вмѣсто длиннаго письма», давно предположеннаго; но наконецъ Вѣлинскій написалъ и длинное письмо, которое писалось съ 29 сентября до 8 октября 1839, а можетъ быть и дольше,—потому что окончанія его мы не имѣемъ.

Длинное письмо было вызвано письмомъ Станкевича и приѣздомъ въ Москву Грановскаго, который привезъ о Станкевичѣ живые рассказы очевидца и друга и встрѣченъ былъ Вѣлинскимъ съ величайшей симпатіей. Вѣлинскій съ большимъ чувствомъ обращается къ Станкевичу; онъ опять долго не писалъ къ нему, но причиною молчанія были новыя тревоженія въ его внутренней жизни: онъ осуждалъ-было себя за свое молчаніе, ему показалося-было, что онъ пересталъ любить Станкевича, но вскорѣ онъ успокоился отъ своего «прекраснодушнаго» опасенія... «Я понимаю, что у всякаго человѣка своя жизнь и свои личные интересы, а я, сверхъ того, во все это время находился въ ужасныхъ внутреннихъ передѣлкахъ, въ мучительныхъ процессахъ выхода изъ дѣтства въ мужество, со всѣми переруганьями, былъ истерзанъ, изколесованъ такъ, что на душѣ моей не осталось ни одной цѣлой струны, ни одного здороваго мѣста». Вѣлинскій думаетъ, что можетъ безъ самолюбія сказать, что изъ этого экзамена жизни онъ выходитъ съ честью, — тѣмъ не менѣе повтореніе «экзаменовъ» не говорило о спокойномъ, установившемся развитіи...

Вѣлинскій въ это время завязалъ свое первое знакомство съ Грановскимъ. Станкевичъ, въ письмѣ своемъ, знакомя съ нимъ Вѣлинскаго, высказывалъ опасеніе, что они не сойдутся—опасе-

ніе не совсѣмъ ошибочное, потому что въ самомъ дѣлѣ это были природы слишкомъ различныя, и впослѣдствіи это различіе успѣло выразиться. Бѣлинскій разувѣряетъ его, хотя самъ тотчасъ замѣчаетъ разницу характеровъ и еще больше разницу понятій, по крайней мѣрѣ въ предметахъ поэтическаго вкуса: Бѣлинскій тутъ же, со студенчески-безцеремонной шутовскою, которая была въ обычаѣ кружка, говорить о нѣкоторыхъ мнѣніяхъ Грановскаго, приводившихъ его въ ужасъ.

„Портретъ Грановскаго вѣренъ какъ нельзя больше ¹⁾,—пишетъ Бѣлинскій: — ты великій живописецъ! Но опасеніе, что мы не сойдемся, которое невольно высказывается въ твоихъ словахъ, оказалось совершенно ложнымъ: мы сошлись какъ нельзя лучше и ближе, и безъ всякихъ прекраснодушныхъ восторговъ и натяжекъ, а совершенно свободно. Грановскій есть первый и единственный человѣкъ, котораго я полюбилъ отъ всей души, несмотря на то, что сферы нашей дѣйствительности, наши убѣжденія (самыя кровныя) — диаметрально противоположны, такъ что — бѣлое для него, черно для меня, и наоборотъ... Да, это одинъ изъ тѣхъ людей, съ которыми мнѣ всегда и тепло и свѣтло, и которые никогда не могутъ придти ко мнѣ не во время, но всегда — дорогіе гости. Но Боже мой! Можно ли быть противоположнымъ въ своихъ убѣжденіяхъ, какъ мы и онъ. Чтѣ за сужденія объ искусствѣ, что за вкусъ — верхъ идиотства! Уландъ выше Гейне, Шиллеръ... но погоди...

За Шиллера, говорить онъ, достанется имъ обоимъ, и Грановскому, и Станкевичу. «На Руси явилось новое могучее дарованіе — Лермонтовъ» — продолжаетъ Бѣлинскій, и, приводя стихотвореніе «Три пальмы», съ восторгомъ высказываетъ свои впечатлѣнія:

„Какая образность! — такъ все и видишь передъ собой, а увидѣвъ разъ, никогда ужъ не забудешь! Дивная картина — такъ и блеститъ всею яркостью восточныхъ красокъ! Какая живописность, мужественность, сила и крѣпость въ каждомъ стихѣ, отдѣльно взятомъ! Идя къ Грановскому, нарочно захватываю новый № О. З. („Отечественныхъ Записокъ“), чтобы подѣлиться съ нимъ наслажденіемъ — и чтѣ же? — онъ предупредилъ меня: какой чудакъ Лермонтовъ — стихи гладкіе, а въ стихахъ чортъ знаетъ чтѣ — вотъ хоть его „Три Пальмы“ — чтѣ за дичь! — Что на это было отвѣчать? Спорить? — но я потерялъ уже охоту спорить, когда нѣтъ точекъ соприкосновенія съ человѣкомъ. Я не спорилъ, но, какъ майоръ Ковалевъ частному приставу, сказалъ Грановскому, разставивъ руки: „Признаюсь — послѣ такихъ съ вашей стороны поступковъ, я ничего не нахожу“ — и вышелъ вонъ. А между тѣмъ, этотъ человѣкъ, со слезами восторга на

¹⁾ Къ сожалѣнію, въ письмахъ Станкевича къ Бѣлинскому, у насъ находившихся, мы не встрѣтили этого письма.

глазахъ, слушалъ „О царѣ И. В., молодомъ опричникѣ и удаломъ купцѣ Калашниковѣ“. Не значить ли это то, что у него, для искусства, есть только непосредственное чувство, не развившееся и не возвысившееся до *вкуса*? А какъ онъ понимаетъ Пушкина—да здравствуетъ идиотизмъ! Куда Пушкину до Шиллера! А по нашему такъ Шиллеру до Пушкина—далеко кулику до Петрова дня. Какая полная *художественная* натура! Небось, онъ не впасть бы въ аллегорію, не написалъ бы галиматы аллегорико-символической, извѣстной подъ именемъ 2-й части „Фауста“ и не былъ способенъ писать рефлексированныхъ романовъ въ родѣ Вертера или Вильгельма Мейстера. Буда ему! Его натура *художественная* была такъ полна, что, въ произведеніяхъ искусства, казнила безпощадно его же рефлексію: въ лицѣ Алеко... Пушкинъ безсознательно бичевалъ самого себя, свой образъ мыслей и, какъ поэтъ, чрезъ это *художественное* объективированіе, освободился отъ него навсегда... А „Модартъ и Сальери“, „Полтава“, „Борисъ Годуновъ“, „Скупой Рыцарь“ и наконецъ—перлъ всемірно-человѣческой литературы—„Каменный Гость“! Нѣтъ, пріятель, убирайтесь къ чорту съ вашими нѣмцами—тутъ пахнетъ Шекспиромъ новаго міра!.. А между тѣмъ, не забудь, что онъ умеръ съ небольшимъ какихъ-нибудь 35 лѣтъ, въ самой порѣ своего созрѣваго гениа: чтó бы онъ еще сдѣлалъ!..“¹⁾

¹⁾ Въ параллель къ этому приведемъ отрывокъ изъ письма Бѣлинскаго къ Панаеву отъ августа 1839 г. (напечатаннаго въ „Воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ“, Соврем. 1860, № 1, стр. 349—350).

„Еще давно, прошлой осенью (т.-е. осенью 1838 года), узнавши нѣчто изъ содержанія 2 ч. „Фауста“, я съ свойственной мнѣ откровенностію и громогласностію провозгласилъ, что она 2 ч. не поэзія, а сухая, мертвая, гнилая символика и аллегорика. Сперва на меня смотрѣли, какъ на богохульника, а потомъ какъ на безумца, который вретъ, чтó ему взбрѣдетъ въ праздную голову. Новое поколѣніе гегелистовъ основало журналъ въ pendant къ берлинскому „Jahrbücher“, основанному Гегелемъ, — „Hallische Jahrbücher“, и въ этомъ журналѣ появилась статья нѣкоего *кельмиста* Фишера о Гёте, въ которой онъ доказываетъ, что 2 ч. „Фауста“ мертвая, пошлая символика, а не поэзія, но что 1 ч. — великое произведеніе, хотя и въ ней есть непонятныя, а потому и не поэтическія мѣста, ибо (это же самое говорить и я) поэзія доступна непосредственному эстетическому чувству и отнюдь не требуется для уразумѣнія художественныхъ произведеній посвященія въ таинства философіи, и что все непонятное въ ней принадлежитъ къ области символизма и аллегоріи. Фишеръ разбираетъ всѣ разборы Фауста и нещадно издѣвается надъ ними; достается отъ него и *первому* поколѣнію гегелистовъ, которые, говоритъ, ослѣпленные яркимъ свѣтомъ Гегелевой философіи, пустились сгоряча все подводить подъ нее и во 2 ч. „Фауста“ особенно мнили видѣть полное осуществленіе системы Гегеля въ сферѣ искусства. Больше всѣхъ срѣзался Марбахъ, который, въ своей дѣйствительно прекрасной *популярной* книгѣ, напорокъ о 2 ч. „Фауста“ таковой дичи, что Воткинъ, прекрасно переведшій изъ нея большой отрывокъ, ничего не помыслъ, и когда хотѣлъ помѣстять этотъ отрывокъ въ „Наблюдателѣ“, то принужденъ былъ вычеркнуть большую часть того, чтó сказано тамъ о 2 ч. „Фауста“, которую Марбахъ называетъ „Книгою съ семью печатами“ для непосвященныхъ. Каково срѣзался ребята-то? И каковъ я молодецъ!..

„Въ этомъ же „Hallische Jahrbücher“ есть статья о Данте, въ которой доказыв-

Въ этихъ и подобныхъ мнѣнiяхъ Бѣлинскiй расходился и спорилъ не съ однимъ Грановскимъ, но и съ прежними друзьями кружка. Вторая часть «Фауста», вслѣдъ за нѣмецкими авторитетами, пользовалась въ кружкѣ великимъ уваженiемъ, какъ гениальное произведенiе, соединившее возвышенную поэзiю съ глубокой философiей. Бѣлинскiй возсталъ рѣшительно противъ этого поклоненiя, напереворъ всѣмъ своимъ друзьямъ, вѣровавшимъ во 2-ю часть «Фауста»: чувство къ поэтическому и художественному давало ему смѣлость спорить даже противъ самыхъ сильныхъ авторитетовъ,—противъ нѣмецкихъ критиковъ гегелианской школы, пока наконецъ онъ имѣлъ удовольствiе увидѣть, что сами нѣмецкiе критики новаго поколѣнiя гегелианцевъ подтвердили его мнѣнiя.

Мы увидимъ послѣ, что Бѣлинскiй впослѣдствiи оставилъ и ту точку зрѣнiя, на которой онъ стоялъ теперь, точку зрѣнiя чистой художественности, гдѣ художественной формѣ онъ придавалъ господствующее, почти исключительное значенiе. Доставивши ему свои цѣнные результаты въ оцѣнкѣ нѣкоторыхъ произведенiй европейской и русской литературы, она вводила его и въ крайности—когда преувеличенная оцѣнка формы закрывала отъ него даже и достоинства содержанiя.

Возвращаемся къ письму. Отвѣчая на отзывы Станкевича о «Наблюдателѣ», Бѣлинскiй высказываетъ именно это восхищенiе художественной формой. Онъ старался давать мѣсто въ «Наблюдателѣ» только такимъ произведенiямъ, которыя имѣли дѣйствительныя достоинства, и въ письмѣ, указывая «превосходные» переводы К. Аксакова изъ Гёте, г. Каткова изъ Гейне и «Ромео и Юлиа» Шекспира, стихотворенiя Кольцова, беретъ подъ свою защиту, отъ строгихъ сужденiй Станкевича повѣсть «Флейта», своего друга Кудрявцева — «произведенiе, въ которомъ исчерпана вся его идея и воспроизведена въ такихъ чудныхъ граціозныхъ формахъ»... Повѣсти Кудрявцева приводили Бѣлинскаго въ восторгъ, конечно превышавшiй дѣйствительное ихъ достоинство, — когда притомъ лучшiя повѣсти Кудрявцева еще не были тогда написаны. Бѣлинскiй зналъ ихъ автора, и личность послѣдняго въ большой мѣрѣ подкупала его мнѣнiя. Этотъ характеръ мягкiй, но сосредоточенный, серьезный, по справедливости могъ производить подобное впечатлѣнiе; Бѣлинскiй, занятый вопро-

вается, что сей мужъ совсѣмъ не поэтъ, а его Divina Comedia — просто символическая. Я тоже и давно думалъ и говорилъ, ну, и послѣ этого вы еще не станете на колѣни передъ моимъ эстетическимъ гениемъ?..“

сами объ опредѣленіи внутренней жизни, именно находилъ у Кудрявцева то, что впослѣдствіи вошло въ моду подъ именемъ психологическаго анализа, находилъ то серьезное отношеніе къ чувству, къ любви, соединенное съ немного грустной, мечтательной сантиментальностью, которыя владѣли имъ самимъ, — и естественно было, что онъ въ чтеніе Кудрявцева вносилъ много своего личнаго и преувеличивалъ значеніе его произведеній. Станкевичъ, не имѣвшій этихъ личныхъ отношеній, не раздѣлялъ восторговъ Бѣлинскаго: «Флейта», съ которою тогда носился Бѣлинскій, не произвела на Станкевича большого впечатлѣнія, онъ нашелъ повѣсть легонькой (что и близко къ истинѣ), полагалъ, что авторъ вѣроятно принадлежитъ къ тѣмъ людямъ, у которыхъ гораздо больше поэтическаго чувства, чѣмъ творческаго дара (что также было близко къ истинѣ), и наконецъ, что вѣроятно дружеская связь съ Кудрявцевымъ оказала вліяніе на сужденія Бѣлинскаго. Послѣдній, конечно, не подозревалъ своего пристрастія, сталъ рѣшительно оспаривать все это, и при этомъ такъ объяснялъ свои личные отношенія къ Кудрявцеву:

„Этотъ человекъ вообще очень не разговорчивъ, и ни о чемъ не говорить съ такою неохотою, краткостію и такъ отрывисто, какъ о своихъ сочиненіяхъ, потому что очень мало даетъ имъ цѣны... Мы сошлись съ нимъ только на искусствѣ: что ему кажется художественнымъ, то и мнѣ, и наоборотъ—разногласіе между нами поэтому невозможно, если исключить его собственныя произведенія, какъ я уже говорилъ... У этого человека чудная непосредственность ¹⁾, а въ отношеніи къ болтливости, онъ—живая противоположность мнѣ. Нашъ разговоръ состоитъ всегда изъ потока моихъ рѣчей, изрѣдка прерываемыхъ его короткими фразами. Для меня высочайшее наслажденіе прочесть ему новую пѣсню Кольцова, новый переводъ К—ва, новое стихотвореніе Кд—ва; прочти, я не спрашиваю его — каково?... Если ему что не нравится, онъ молчитъ, не улыбаясь, и что хочешь дѣлай, спорить не станетъ, а только разъ скажетъ, что или „онъ не понимаетъ“ или „ему не нравится“. Вообще, онъ совершенно неспособенъ къ виѣшнему выраженію восторга, и его наслажденіе можно прочесть только на просіявшемъ лицѣ и довольной улыбкѣ“...

Бѣлинскій рассказываетъ, съ какимъ наслажденіемъ читаетъ онъ съ Кудрявцевымъ Иліаду, «Бородинскую годовщину» Пупкина, «Изъ Ксенофана Колофонскаго» его же...

¹⁾ Терминъ, означавшій естественный, врожденный складъ личности, ума и характера.

„Чтобы окончательно характеризовать тебѣ Кудрявцева, а вмѣстѣ показать и мою теперешнюю точку зрѣнія на искусство, скажу тебѣ, что для него было предметомъ безконечно-глубокаго наслажденія, эстетическаго блаженства, вотъ это стихотвореніе Пушкина:

„Въ крови горитъ огонь желанья“ (приводится стихотвореніе...)

„Послѣдній стихъ („и двинется ночная тѣнь“), по нашему, даетъ художественный колоритъ всей пьесѣ и принадлежитъ къ немногому числу такихъ стиховъ, которые, повидимому ничего не заключая въ себѣ, заключаютъ въ себѣ цѣлыя міры. Шекспира и все прочее для меня наслажденіе читать со всякимъ; но Гомера и Пушкина—высочайшее наслажденіе читать съ Кудрявцевымъ. Пластическая красота древнихъ, особливо Гомера, съ его простодушными, упоительными до опьяненія эпитетами, въ высшей степени родственна художническому духу Кудрявцева... Изъ Пушкина съ нимъ особенно пріятно читать мелкія стихотворенія и „Каменнаго гостя“, а изъ мелкихъ—чуждыя увлекающей прелести содержанія, но обаяющія художественною формою. Да, люблю, глубоко люблю этого человѣка, за его художественную натуру, за его въ высшей степени художественный тактъ, который въ немъ доходитъ даже до крайности, такъ что самое обаятельное могущество содержанія, возвышающагося до поэтическаго пафоса, но чуждое или недостаточное по художественной формѣ, почти не трогаетъ его“...

Здѣсь былъ вѣроятно высшій пунктъ, какого достигло у Бѣлинскаго исключительное пониманіе художественности, увлеченіе формою даже на счетъ содержанія,—потому что, хотя Бѣлинскій и укоряетъ за подобную крайность Кудрявцева, самъ онъ очевидно къ ней склоненъ не меньше. Бѣлинскій проклинаетъ теперь свою такъ-называемую «нравственную» точку зрѣнія, т.-е. ту, гдѣ нравственный смыслъ произведенія казался его главнымъ правомъ и заслонялъ форму, въ которой Бѣлинскій и видитъ теперь самую поэзію—двѣ односторонности, которыя, сгладивъ потомъ свои крайности, доставили Бѣлинскому тѣмъ большую широту эстетическаго пониманія... Перебирая отзывы Станкевича о «Наблюдателѣ», Бѣлинскій отвѣчаетъ и на то, что Станкевичъ говорилъ противъ его нападокъ на Шиллера. Мы отчасти приводили объясненія Бѣлинскаго объ этомъ предметѣ, и считаемъ нелишнимъ напомнить ихъ здѣсь въ связи съ другими тогдашними мнѣніями Бѣлинскаго.

Станкевичъ не одобрялъ этого ожесточенія противъ Шиллера, и Бѣлинскій объясняетъ, что это было если не ожесточеніе, то «дикая радость», что онъ можетъ «законно» нападать на Шиллера. Въ этотъ вопросъ вмѣшались «личности»: Шиллеръ,—гово-

рять Бѣлинскій, — «тогда ¹⁾ былъ мой личный врагъ, и мнѣ стоило труда обуздывать мою къ нему ненависть и держаться въ предѣлахъ возможнаго для меня приличія». Ненависть эта была за (упомянутую сейчасъ) «субъективно-нравственную точку зрѣнія, за страшную идею долга, за абстрактный героизмъ, за прекраснодушную войну съ дѣйствительностію». — Бѣлинскій понялъ, что поэзія должна стремиться не къ субъективной нравственной цѣли и не къ выполненію какой бы то ни было тенденціи, а къ объективной художественной красотѣ, что война съ дѣйствительностію есть прекраснодушіе, т.-е. идеальность, которая низлагается и устраняется (гегелианскимъ) разумнымъ пониманіемъ дѣйствительности; онъ увидѣлъ въ поэзіи Шиллера изложеніе абстрактныхъ идей въ абстрактныхъ, не живыхъ и, слѣд., не поэтическихъ олицетвореніяхъ. Выше были приведены его отзывы о «Разбойникахъ», «Коварствѣ и Любви», «Донъ Карлосъ», «Орлеанской Дѣвственницѣ». Онъ вспоминаетъ, куда завелъ ихъ идеальный Шиллеръ, когда имъ представлялся «вопросъ» о любви и отношеніяхъ къ женщинѣ...

„И куда самъ онъ заходилъ, — продолжалъ Бѣлинскій, — запутываясь своими противорѣчіями! Влюбившись въ дѣвушку и женившись на ней, онъ скоро охладѣлъ къ ней, дурно съ нею обращался и написалъ свои *Die Ideale* ²⁾, гдѣ распрощался со всѣми *призраками* жизни — поэзію, знаніемъ, славою, любовію, и остался только съ дружбою и трудомъ. Въ „*Resignation*“ онъ принесъ въ жертву общему все частное — и вышелъ въ пустоту, потому что его общее было Молохомъ, пожирающимъ собственныхъ чадъ своихъ, а не вѣчною любовію, которая открываетъ себя во всемъ, въ чемъ только есть жизнь. Въ своемъ „*Der Kampf*“ онъ прощается съ гнетущею его добродѣтелью, посылаетъ ее къ чорту и, въ дикомъ изступленіи, говоритъ — *хочу тръщить!* Что это за жизнь, гдѣ рефлексія отравляетъ всякую блаженную минуту, вышедшую изъ полноты жизни, гдѣ общее ³⁾ велитъ смотрѣть, какъ на грѣхъ, на всякое человѣческое наслажденіе, гдѣ религія является католицизмомъ среднихъ вѣбовъ, стоицизмъ катоновскій — искупленіемъ!.. Вотъ почему я возненавидѣлъ Шиллера: чаша переполнилась — духъ рвался на свободу изъ душевной тѣсноты“...

Бѣлинскій припоминаетъ (что было уже нами указано), какъ этому освобожденію содѣйствовало болѣе близкое знакомство съ положеніями гегелевской философіи. Онъ окончательно увѣрился въ ошибочности своихъ прежнихъ взглядовъ, и отступился отъ

¹⁾ Ранѣе этого письма, но не очень еще давно: теперь вражда еще не прошла, но уже потеряла свою остроту.

²⁾ „*Идеалы*“ были переведены въ „*Наблюдателѣ*“ К. Аксаковымъ.

³⁾ Философскій терминъ, какъ выше.

Шиллера. «Слово дѣйствительность сдѣлалось для меня равнозначительно слову Богъ». Рядомъ съ этимъ послѣдовалъ и переворотъ въ его эстетическихъ понятіяхъ.

„Но буду продолжать тебѣ мою внутреннюю исторію. Б. первый (тогда же) провозгласилъ, что истина только въ объективности, и что въ поэзіи—субъективность есть отрицаніе поэзіи; что безконечнаго должно искать въ каждой точкѣ, что въ искусствѣ оно открывается черезъ форму, а не чрезъ содержаніе, потому что само содержаніе высказывается черезъ форму, а гдѣ наоборотъ—тамъ нѣтъ искусства. Я освирѣпѣлъ, опьянѣлъ отъ этихъ идей—и неистовыя проклятія посыпались на благороднаго адвоката человечества у людей—Шиллера. Учитель мой возмутился духомъ, увидѣвъ слишкомъ скорые и слишкомъ обильные и сочные плоды своего ученія, хотѣлъ меня остановить, но поздно: я уже сорвался съ цѣпи и побѣждалъ благимъ матомъ. Извѣстно, что Шиллеръ совѣтовалъ Гёте поставить въ углу герцога Альбу, когда его сынъ говорилъ съ Эгмонтомъ, дабы онъ злодѣй или умиллся и покаялся, или востерзался отъ своего неистовства—верхъ прекраснодушія, образецъ драматическаго безсилья! М. хотѣлъ отъ меня скрыть этотъ фактъ и, по обыкновенію, самъ же проболталъ мнѣ его — я взревѣлъ отъ радости. Въ это же время начались гоненія на прекраснодушіе во имя дѣйствительности. Въ это же время пошли толки о Гёте ¹⁾—и что со мною стало, когда я прочелъ „Утреннія Жалобы“, а потомъ—

Лежу я въ потокѣ на камняхъ.. какъ радъ я!
Идущей волнѣ простираю объятія, и пр. ²⁾

„Новый міръ! новая жизнь! Долой ярмо долга, ... гнилой морализмъ и идеальное резонёрство! Человѣкъ можетъ жить — все его, всякій моментъ жизни великъ, истиненъ и святъ! Тутъ подоспѣли для меня переводы милаго Гейне, и скоро мы прочли „Ромео и Юлію“, чтобы узнать, что такое женщина... Бѣдный Шиллеръ!“..

Такъ связывались у Бѣлинскаго его отвлеченныя представленія, его эстетическія понятія и его личная жизнь. Теоретическіе вопросы всегда предполагали у него практическое нравственное примѣненіе, и потому-то каждый новый «моментъ» его развитія былъ для него тяжелъ и мучителенъ, — чтобы дать мѣсто новому убѣжденію, надо было очистить для него мѣсто, т.-е. удалить старое, которое можно было отнять у него только съ болью.

До самаго конца его московской жизни продолжалась у него эта внутренняя борьба развитія. Нѣсколько разъ ему казалось,

¹⁾ Извѣстно, что отличительную черту Гёте видѣли въ объективности (въ противоположность субъективности Шиллера), а это именно и стало теперь считаться главнѣйшимъ условіемъ и признакомъ истинной художественности и поэзіи.

²⁾ Это стихотвореніе Гёте напечатано было въ „М. Наблюд.“ 1838, июль, 1-я кн., стр. 55

что она приходит наконецъ къ искомому разрѣшенію, къ спокойному уразумѣнію жизни и искусства, что идеальное «прекраснодушіе» кончилось, — и вслѣдъ затѣмъ новыя испытанія показывали ему, что искомое еще не было найдено. Въ 1839 году ему пришлось испытать и еще одинъ раздоръ — личныя столкновения и ссору съ своими ближайшими друзьями.

Продолженіе письма къ Станкевичу занято подробнымъ разсказомъ объ этомъ столкновеніи, которое связано было отчасти съ упомянутой любовью и соперничествомъ. Мы замѣтили, что эта любовь не была чувствомъ глубокимъ, но такъ какъ потребность въ такомъ чувствѣ была, то Бѣлинскому и показалось, что здѣсь именно находить она свой отвѣтъ; ему трудно было прервать возникшія отношенія, когда это стало необходимо и потому, что онъ успѣлъ вѣрнѣе оцѣнить свое увлеченіе и по другимъ обстоятельствамъ. Отчасти въ связи съ этой исторіей, отчасти вслѣдствіе другихъ личныхъ отношеній, Бѣлинскій сталъ въ натянутыя отношенія къ своимъ друзьямъ. Онъ еще раньше нѣсколько разъ почти разрывалъ свою дружбу съ тѣмъ членомъ кружка, который былъ съ 1836 года его философскимъ авторитетомъ, — къ концу 1839-го, они отдалились другъ отъ друга настолько, что впослѣдствіи временныя сближенія, повторявшіяся два-три раза въ Москвѣ и въ Петербургѣ (гдѣ они встрѣчались въ 1840-мъ году) не могли возстановить прежней дружбы. Теперь Бѣлинскій разошелся съ К—вымъ и съ Боткинымъ. Личныя недоразумѣнія, которыя такъ возможны именно въ тѣсномъ соединеніи кружка, гдѣ каждый шагъ другого извѣстенъ и подвергается (по абсолютному праву дружбы) разбору и пересудамъ, — эти недоразумѣнія, раздуваемые притомъ, безсознательно, другими пріятелями, привели къ совершенному разрыву. Обѣ стороны были и правы, и неправы: Бѣлинскій чувствовалъ себя оскорбленнымъ, но рядомъ съ этимъ онъ никогда не скрывалъ отъ себя и собственныхъ ошибокъ; въ концѣ-концовъ раздраженіе уступало мѣсто разсудительности и прежняя дружба его съ Боткинымъ возстановилась, хотя и не равнѣе переѣзда Бѣлинскаго въ Петербургъ. Возстановились мало-по-малу и отношенія съ К—вымъ. Въ образчикъ того, какъ злѣйшее, повидимому, раздраженіе смѣнялось возвращеніемъ прежняго дружескаго тона, можетъ служить слѣдующій разсказъ:

„Разъ сажу у Р—го въ кабинетъ, — пишетъ Бѣлинскій; — входитъ Б. (Боткинъ) и безъ всякихъ вычуръ начинаетъ со мною дружески разговаривать о прочитанной имъ недавно драмѣ Шекспира „Ричардъ II“. Несмотря на все мое желаніе держать камень за пазухой

и быть какъ можно холоднѣе, а съ досадою замѣчалъ, что увлекся разговоромъ до одушевленія и никакъ не могъ удержаться отъ спокойно-дружественнаго тона. Мы пошли ходить, Б. заговорилъ о ссорѣ съ такимъ спокойствіемъ, какъ будто бы дѣло шло о чьей-то чужой ссорѣ; я невольно впалъ въ тотъ же тонъ, и Б. заключилъ, что мы наконецъ такъ поносили другъ друга, что сквернѣе другъ о другѣ говорить уже не можемъ, слѣдовательно, новой ссоры опасаться нечего,—и оба начали смѣяться. Вражда пожрала самое себя—и кончилась: все гадкое и дѣтское въ прежнихъ отношеніяхъ всплыло наверхъ. Оно-то и было причиною вражды“...

Но, какъ мы сказали, настоящее примиреніе совершилось только по отъѣздѣ Бѣлинскаго въ Петербургъ, когда они оба, не имѣя передъ собою поводовъ къ раздраженію, лучше оцѣнивали благія стороны своихъ отношеній и оба одновременно возобновили связь, къ которой и привела ихъ прежде общность ихъ взглядовъ и стремленій.

Разсказавъ Станкевичу эти и другія исторіи, Бѣлинскій приходилъ снова къ такимъ выводамъ:

„Гадка вся эта исторія, но велики для меня ея результаты — я выросъ и возмужалъ ею, навсегда отрѣшился отъ многихъ темныхъ сторонъ своей личности... Во первыхъ, я понялъ теперь, что дружескія отношенія не только не отрицаютъ деликатности, какъ лишней для себя вещи, но болѣе нежели какія-нибудь другія требуютъ ея; что онѣ должны быть совершенно свободны въ своемъ развитіи и своихъ проявленіяхъ, что имъ мѣркою должна быть дѣйствительность, а не построенія ¹⁾. Вслѣдствіе этого, я въ правѣ скрыть отъ друга всякую тайну, если не почитаю ее нужнымъ открыть ему; я не имѣю права сердиться за охлажденіе его во мнѣ дружбы ни на себя, если нѣтъ никакой видимой и предосудительной для той или другой стороны причины. Хорошъ онъ во мнѣ—спасибо, хорошъ я къ нему — очень радъ; не клеятся наши отношенія — значить они вышли не изъ субстанціального зерна, а извнѣ, и значить ихъ не нужно... Дружескія отношенія должны быть непосредственнымъ явленіемъ, должны чувствоваться, а не сознаваться. Слова и опредѣленія собственнаго чувства, въ минуту его присутствія, профанируютъ его“...

Къ подобнымъ заключеніямъ пришелъ Бѣлинскій и въ вопросѣ о любви... «Я не зналъ,—говоритъ онъ, — что въ любви дѣйствительное есть возможность чувства, лежащая во святая святыхъ духа нашего..., но что осуществленіе возможности любить, встрѣча съ родною душою есть чистѣйшая случайность, и что отъ этой случайности блаженство не только не ниже, но еще выше, потому что въ противномъ случаѣ это была бы мертвя-

¹⁾ Т.-е. не прежнія понятія его объ „абсолютной дружбѣ“.

шая душу невольническая неизбѣжность». Кто не хочет дожидаться свершенія таинства, потому ли, что въ ожиданіи ббльшаго счастья не хочет лишиться меньшаго, но вѣрнаго, или потому, что не вѣрить въ «таинство», тотъ пусть довольствуется болѣе спокойнымъ отношеніемъ къ женщинѣ: если онъ можетъ «безъ рефлексій», изъ полноты натуры удовольствоваться этимъ, онъ можетъ вступить въ эти болѣе прозаическія отношенія; если нѣтъ — пусть лучше откажется отъ незаконнаго счастья, которое должно сдѣлаться несчастіемъ и отравить жизнь.

„Такимъ точно образомъ,—продолжаетъ БѢлинскій,—встрѣтилъ ¹⁾ —бери, хватай, не упусти, истощи всѣ силы, всю энергію для достиженія блаженства; *барышня* еще не показывается—не трать жизни въ пустыхъ жалобахъ, идеальныхъ ожиданіяхъ при лунѣ и салныхъ свѣчахъ. Нашель—твое; не нашель — и не ищи. Вообще, я только теперь—странное дѣло! и вѣдь, кажись, малый очень неглупый—понялъ, что только тотъ достоинъ блаженства, кто довольно силенъ духомъ, чтобы отказаться отъ него (resignation), когда его нѣтъ, или когда это велитъ не дѣтскій экстазъ, не идеальная выспренность, не резонерство, но разумность. Я все это и прежде еще и думалъ и даже говорилъ, но не вѣрилъ этому, а повѣрилъ только тогда, какъ надѣлалъ тьму глупостей, отъ которыхъ сердце то судорожно сжималось, то хотѣло разорваться, и текли слезы и бѣшенства, и отчаянія, и оскорбленнаго самолюбія, и чортъ знаетъ еще чего. Чтѣ дѣлать — у всякаго свой путь къ истинѣ и свое развитіе“...

Такъ, несмотря на обращеніе къ «дѣйствительности», на страстное, по обыкновенію, стремленіе къ простотѣ, желаніе ничѣмъ не отдѣляться отъ обычнаго порядка жизни, — несмотря на всѣ эти усилія, которыя явились у БѢлинскаго и которыя самъ онъ вызывалъ какъ реакцію противъ отвлеченнаго идеализма, — онъ продолжалъ быть идеалистомъ и волноваться.

Между тѣмъ, близился новый періодъ жизни БѢлинскаго. Московская жизнь, въ разныхъ отношеніяхъ, утомляла его и переставала его удовлетворять. Матеріальныя обстоятельства были въ плачевномъ состояніи; «Московскій Наблюдатель», по независящимъ отъ него условіямъ, шелъ плохо и не избавлялъ БѢлинскаго отъ нужды. Кружокъ разстроивался. Еще съ 1838 года БѢлинскій сталъ рѣшительно расходиться съ человѣкомъ, составившимъ для него философскій авторитетъ, — расходиться потому, что не могъ помириться ни съ чистой отвлеченностью его построеній, въ которыхъ не находилъ отвѣта на живыя требованія сво-

¹⁾ То-есть встрѣтилъ „родную душу“.

его ума и сердца или даже встрѣчалъ имъ совершенное и вопиющее противорѣчіе,—ни съ его нравомъ. Этотъ раздоръ, начавшись случайными поводами, еще съ 1837 года, мало-по-малу усиливался; Бѣлинскій, дорожа памятью первой ихъ дружбы и связанный съ нимъ и другими отношеніями, нѣсколько разъ возвращался къ прежнему, оживлялъ свое горячее чувство, потомъ охладѣвалъ снова, и въ срединѣ 1838 года уже извѣщалъ Станкевича объ окончателномъ разрывѣ. Правда, и послѣ этого возобновлялись дружескіе порывы, особенно со стороны Бѣлинскаго, но философскій авторитетъ потерялъ уже свою силу: Бѣлинскій шелъ впередъ уже на свои собственные средства и на свой страхъ. Когда кое-какъ уладился другой разрывъ, съ К—вымъ и Боткинымъ, К—въ оставилъ «Наблюдатель» и уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ вступилъ въ другія журнальныя отношенія,—для Бѣлинскаго это было прискорбно. Отношенія съ Кл—вымъ, идеально-мистическимъ поэтомъ кружка, не были особенно тѣсны и прежде; теперь раздоръ съ друзьями свелъ съ нимъ Бѣлинскаго въ нѣсколько странное сближеніе, которое не могло однако установиться по нѣкоторой фантастичности этихъ отношеній. Съ К. Аксаковымъ Бѣлинскій былъ все это время въ дружескихъ отношеніяхъ, очень любилъ его за чистоту характера, за благородство его увлеченій; но уже съ этихъ поръ, съ 1838 года, есть въ письмахъ Бѣлинскаго замѣчанія объ одной чертѣ характера, которая должна была уже вскорѣ раздѣлить ихъ. Онъ видѣлъ въ Аксаковѣ «китайскій элементъ», нами упомянутый: «сдѣлавши опредѣленіе, Аксаковъ умереть и не разстанется съ нимъ, боясь упасть въ собственныхъ глазахъ»; Бѣлинскій былъ совсѣмъ противоположнаго склада, и, несмотря на личную дружбу, уже тогда можно было предвидѣть, что ихъ дороги должны были разойтись... Кудрявцевъ былъ новое лицо въ кружкѣ, и, по словамъ самого Бѣлинскаго, у нихъ былъ одинъ общій интересъ—чисто эстетическій; Бѣлинскій высоко цѣнилъ его какъ писателя, но затѣмъ они оставались довольно далеки, и ихъ внутренняя жизнь, хотя и имѣла свои точки соприкосновенія, совершалась въ различныхъ сферахъ, какъ и самые характеры были различны. Грановскій только-что основался въ Москвѣ въ концѣ 1839 года.

Но среди этого разложенія стараго кружка, которое могло побуждать Бѣлинскаго искать другого круга жизни, въ немъ развилась наконецъ и страшная жажда дѣятельности. Эта дѣятельность, съ одной стороны, должна была заглушать для него тревожную неурядицу его личныхъ раздоровъ и тягостную внутреннюю борьбу разнородныхъ идей, не перестававшихъ волно-

вать его,—эта дѣятельность, съ другой стороны, должна была удовлетворить глубочайшей потребности его природы: мы видѣли, что онъ уже вскорѣ послѣ своего выступленія въ литературѣ созналъ въ себѣ силу, способную дать значеніе его дѣятельности; теперь, когда результатъ уже значительно оправдалъ его предчувствія, въ немъ еще сильнѣе выростаетъ какъ это сознаніе, такъ и стремленіе дать своимъ идеямъ господство въ литературѣ.

Мы расскажем въ своемъ мѣстѣ подробности его переезда въ Петербургъ; но теперь намъ предстоитъ еще остановиться на другой сторонѣ его московской жизни. Въ настоящей главѣ мы старались собрать факты для опредѣленія его тогдашней «внутренней жизни», почти не касаясь внѣшнихъ событій его біографіи. Въ слѣдующей главѣ обратимся къ фактическимъ подробностямъ его литературной дѣятельности, въ 1837—39 годахъ, и къ его отношеніямъ съ литературными партіями и людьми, стоявшими внѣ его дружескаго круга.

А. Пыпинъ.

ГРИБОЋДОВСКАЯ МОСКВА

ВЪ

ПИСЬМАХЪ М. А. ВОЛКОВОЙ КЪ В. И. ЛАНСКОЙ

1812 — 1818 гг.

III.

1814-ЫЙ ГОДЪ.

ЯНВАРЬ — ЮНЬ *).

Москва, 4-го января.—Милый другъ, послѣднее письмо твое я получила недѣлей позже, чѣмъ слѣдовало. Управляющій нашъ взялся разузнать, почему письмо это залежалось на почтѣ. Оказалось, что оно прислано было въ пакетѣ, адресованномъ на имя почтмейстера: его и не легко было достать. Пожалуйста, впередъ не посылай твоихъ писемъ такимъ образомъ. Еслибы я получила въ-время твое посланіе, у тебя были бы теперь калачи, которыхъ ты просишь. Іосифъ Віельгорскій уѣхалъ въ четвергъ и охотно взялся бы тебѣ ихъ доставить. Къ счастью, въ настоящее время здѣсь находится Татищевъ: черезъ каждые три или четыре дня онъ посылаетъ курьера въ Петербургъ, въ военное министерство, я вижу съ нимъ очень часто, знаю, когда онъ отправляетъ нарочнаго, и, благодаря ему, я могу препроводить къ

*) См. выше: авг. 572; сент. 115 стр.

тебѣ коробокъ съ нашими вкусными калачами съ Тверской. Такии же способомъ пошлю я тебѣ и 20 фунтовъ чаю.

Напрасно ты такъ усердно извиняешься въ томъ, что забыла отдать мнѣ 100 рублей. Объ одномъ попрошу тебя: прикажи своему управляющему приносить мнѣ крупныя бумажки. Прошлый разъ онъ вздумалъ отсчитать мнѣ 215 руб. синенькими, что составило громадную пачку и просилъ меня тщательно пересчитать деньги. Мнѣ пришлось разъ десять пересчитывать, потому что меня безпрестанно прерывали. Потомъ понадобилось накинуть по 15 коп. лажу на каждую бумажку, словомъ—пошли безконечныя дробы, тогда какъ съ 50-ти-рублевыми бумажками расчетъ бы въ мигъ кончился. Вѣдь странно не любить считать пѣльковые, но повѣришь ли, я не знаю дѣла скучнѣе этого, я желала бы избавиться отъ этого занятія на всю жизнь.

Поздравляю тебя съ полученіемъ извѣстій отъ брата и вполне раздѣляю твою радость. Я слышала, что онъ въ арміи на хорошемъ счету, спѣшу сообщить тебѣ эту вѣсть, зная, что она доставитъ тебѣ удовольствіе. О своихъ мы ничего не слыхали со времени полученія письма отъ 2-го ноября. Меня это не мало тревожитъ. Не понимаю, что мѣшаетъ имъ писать; всѣ получаютъ письма, кромѣ насъ. Правда твоя, что не знать намъ спокойствія, пока будетъ продолжаться эта несчастная война. Каждый день или слышишь о жертвахъ ея, или встрѣчаешь лицъ, потерпѣвшихъ тяжкія потери. Въ день новаго года, у обѣдни, пришлось мнѣ стоять рядомъ съ одной дамой: такихъ худыхъ и блѣдныхъ, какъ она, я не видывала. Ей сдѣлалось дурно во время службы, я этимъ воспользовалась, чтобы спросить у ней—не больна ли она.— «Нѣтъ», отвѣтила она, и потомъ сказала такимъ голосомъ, котораго я въ жизнь не забуду: «тѣло у меня не страдаетъ, но изнемогаетъ душа; не всегда могутъ слабые люди переносить печали, выпадающія на ихъ долю. Не жалуясь, потому что согрѣшила противъ первой заповѣди, въ которой сказано, что Господа должны мы любить больше всего на свѣтѣ, а я дѣтей моихъ любила больше Бога. У меня было три сына и я потеряла ихъ всѣхъ въ теченіи года». Дѣйствительно, эти молодые люди были всѣ убиты въ разныхъ сраженіяхъ. Надо взглянуть на ихъ несчастную мать, чтобы имѣть понятіе объ истинномъ горѣ. Всего поразительнѣе ея спокойствіе и покорность волѣ Божіей. Бѣдная женщина не плачетъ, она точно мраморная. Нынче я слышала, что одни наши знакомые, у которыхъ единственнаго сына убили подъ Бауценомъ, получили вчера извѣстіе о смерти генерала Невѣровскаго, который женатъ былъ на ихъ единственной до-

чери; умеръ онъ вслѣдствіе раны, полученной подъ Лейпцигомъ. Слѣдовательно, всѣ члены этой семьи кого-нибудь да оплакиваютъ; трудно рѣшить, чья потеря тяжеле. Одна, г-жа Безобразова, съ ума сошла вслѣдствіе потери единственного сына. Конца не будетъ, если станешь перебирать всѣ рассказы подобнаго рода. Понятно, что нѣтъ охоты веселиться; я увѣрена, что до окончанія войны въ Москвѣ не будетъ ни одного частнаго бала: не станетъ она веселиться, пока не вернутся наши воины; въ настоящее время они лишь все отдаляются отъ насъ.

Публичные балы начались, въ собраніи танцуютъ по вторникамъ, публичные маскарады тоже возобновились съ перваго января. Послѣдніе посѣщаются потому, что они доступны для всѣхъ безъ разбора.

Вяземскій не пропускаетъ ни одного маскарада и удивляется, что насъ эти удовольствія не соблазняютъ. Онъ очень похожъ на г-на Роха: вездѣ бываетъ, всѣхъ знаетъ, почтителенъ къ старушкамъ, любезенъ съ молодыми, на все у него хватаетъ времени, однако и онъ подчасъ жалуется, что ему некогда; бываетъ въ отчаяніи, когда ему приходится уѣзжать изъ одного мѣста, потому что въ другомъ его ждутъ, но лишь только онъ туда явится—сейчасъ же утѣшится.

Частные кружки довольно быстро растутъ. Наканунѣ и въ самый день новаго года, вечеромъ, у насъ собралось такъ много гостей, что мы не знали, куда ихъ дѣвать; парадныя гостинныя заперты обыкновенно, мы принимаемъ въ большомъ кабинетѣ, въ эти же два дня у насъ было препорядочно тѣсно. Нынче вечеромъ соберутся у насъ Оболенскіе и Вяземскіе, значить, будетъ человѣкъ десять, да кромѣ ихъ могутъ явиться неожиданныя гости. Постоянно, каждую недѣлю два раза, я обѣдаю у кухни Sophie, къ тому же у меня есть свои занятія, такъ что я рѣшительно не вижу, какъ идетъ время.

Благодарю тебя за желаніе, чтобы въ теченіи 14-го года я превратилась въ титулованную особу. Не будемъ такъ далеко загадывать, прежде всего станемъ молить Бога о заключеніи мира, а тамъ чтб будетъ, то будетъ. Встрѣчая безпрестанно людей, которыхъ постигло несчастье, совѣстишься и не осмѣливаешься рассчитывать на счастье въ будущемъ. Не настала еще пора радости, дружокъ, и не извѣстно, дождемся ли мы ея. Не слыхали ли вы о Гераклѣ? Я совсѣмъ потеряла его изъ вида. Боясь, что письмо матушки попадетъ не къ нему, а въ чужія руки.

Отъ послѣдняго манифеста государя императора здѣсь всѣ въ восторгѣ; его стоитъ сберечь для потомства. Немногіе изъ мо-

нарховъ говорили въ такомъ духѣ. Рѣдко коронованныя лица подають такой поразительный примѣръ смиренія и умѣренности.

Дай Богъ, чтобы государь нашъ пребывалъ въ такомъ настроеніи, а намъ помощи Господи искренно послѣдовать его примѣру. Будемъ желать, чтобы императоръ Александръ постоянно подавалъ примѣръ добродѣтелей, которыя важутся еще болѣе блестящими, когда украшаютъ тронъ. Кстати, что это былъ за спектакль, для котораго Марья Антоновна нашла столько зрителей и дамъ, и кавалеровъ, а на другой день по прибытіи курьера, посланнаго для приглашенія императрицы Елисаветы въ Карльсруэ, театр оказался пустъ. Одинъ прѣзжій изъ Петербурга рассказываетъ, что одинаково забавны были и поспѣшность, съ которой подписывались на спектакль, и потомъ одиночество, въ которомъ очутилась Филісъ съ своими повровителями. Что до меня касается, я въ этомъ не вижу ничего смѣшного, а напротивъ, нѣчто отвратительное; еслибы я имѣла несчастье что-либо сдѣлать для прелестныхъ глазъ Марьи Антоновны, я бы по крайней мѣрѣ до конца выдержала роль, иначе выходить двѣ низости, вмѣсто одной. Прощай, милый другъ, надѣюсь, что ты скоро приплешь мнѣ вивьеты. Привѣтствую твоего мужа, Шаховскихъ и кухню твою, Лизу. Сегодня у обѣдни я видѣла двоюродную сестру твоей кухни, ту самую, которая однажды вечеромъ такъ потѣшала насъ у Архаровыхъ. Она держится прямѣе, чѣмъ когда-либо. Цѣлую тебя.

12-го января.—Никогда не была я такъ угрюма, какъ въ настоящее время, милый другъ, а между тѣмъ почти два года не приходилось мнѣ выѣзжать такъ много, какъ въ эти дни. Теперь Москва напоминаетъ веселое прошлое время, особенно лицамъ, которыя имѣютъ охоту и досугъ пользоваться развлечениями. Я не принадлежу къ числу такихъ особъ; меня насильно тащатъ и заставляютъ принимать участіе въ увеселеніяхъ. За то есть такіе люди, какъ другъ нашъ Вяземскій, которые вездѣ бывають, такъ что частные кружки имъ некогда посѣщать. Кажется, я говорила тебѣ о любительскомъ спектаклѣ, который намъ обѣщали; я про него совсѣмъ забыла, полагая, что онъ разстроился; вышло, что я ошиблась. Вчера намъ прислали билеты на нынѣшній вечеръ, и мы, конечно, отправимся, чтобы отвѣтить на любезность актеровъ и сдѣлать удовольствіе Апраксину: играть будутъ въ его домѣ. Нѣкто, присутствовавшій на репетиціяхъ, говорилъ мнѣ, что спектакль выйдетъ очень удачный; я этому вѣрю, потому что въ числѣ играющихъ есть отличные актеры,

которыхъ я прежде видала. Завтра я намѣреваюсь показаться въ большой свѣтъ: ѣду на балъ въ собраніе. Оболенскіе тащатъ насъ туда ради именинъ императрицы. Вообрази, въ прошлый вторникъ въ собраніи было 400 человѣкъ и тысяча въ публичномъ маскарадѣ. Вѣрно и завтра будетъ много народа. На нынѣшній вечеръ роздано 500 билетовъ. Не могу я этому удивиться; еслибы мнѣ въ прошлую зиму сказали, что въ январѣ 14-го года будутъ происходить такія собранія въ Москвѣ, я сочла бы эти слова совершенно безумными. Нынѣшній годъ очень много начинающихъ выѣзжать въ свѣтъ: двѣ дѣвицы Алмазовы, прелесть какія хорошенькія, Пушкина, младшая сестра нашей красавицы, княжна Оболенская, дочь кн. Андрея отъ первой его жены; у нея очень пріятная наружность и притомъ 5,000 душъ и нѣсколько сотъ тысячъ дохода, которымъ она будетъ пользоваться со дня свадьбы; изъ этого ты можешь заключить, что у нея не будетъ недостатка въ женихахъ. Есть еще нѣсколько дѣвицъ, долго всѣхъ перебирать. Могу сказать тебѣ навѣрное, что въ прошлый вторникъ экоссеэ состоялъ изъ двадцати молодыхъ дѣвушекъ, которыя одна другой лучше; всѣ онѣ танцовали съ англичанами, которыхъ у насъ былъ цѣлый полкъ на прошлой недѣлѣ. Они околесили Москву по всѣмъ направленіямъ и потомъ отправились осматривать Бородино, Тарутино, Красное и т. д. Какъ и всѣ ихъ соотечественники, англичане эти остались въ восторгѣ отъ нашей милой древней столицы, хотя она еще не вполне оправилась отъ пожара. Они не воображали найти здѣсь такое оживленіе и были въ полной увѣренности, что имъ придется расхаживать посреди развалинъ и мусора, и потому заранѣе рѣшили пробыть здѣсь лишь нѣсколько дней, о чемъ весьма сожалѣли впоследствии, когда пришлось имъ уѣзжать. Они побывали во всѣхъ лавкахъ; въ одной изъ нихъ я встрѣтила ихъ четверо; всѣ они такіе красивые мужчины. Въ обществѣ я съ ними не встрѣчалась, потому что мнѣ нездоровилось всю прошлую недѣлю и я нигдѣ не была, только ходила гулять. Говорятъ, два дня тому назадъ пріѣхали сюда еще какіе-то англичане.

Вашъ г. де-Брюжъ здѣсь; онъ хвораетъ и поручилъ Кульману передать мнѣ письмо, которое ты просила его доставить. Отъ Кульмана я никакъ не могла добиться, когда пріѣхалъ сюда г. де-Брюжъ и сколько времени намѣренъ пробыть въ Москвѣ, такъ что я рѣшительно не знаю, гдѣ мы съ нимъ встрѣтимся и познакомимся. Пожалуй, мы и вовсе не увидимся.

Скажи Шаховскимъ, что я не разъ имѣла извѣстія о Павлѣ Голицынкѣ. Во-первыхъ, я сама видѣла его въ Саратовѣ, когда

онъ ѣхалъ на Кавказъ; тогда онъ себя довольно хорошо чувствовалъ, потомъ былъ при смерти, тамъ опять поправился, однако, нельзя рассчитывать на выздоровленіе; по всей вѣроятности, бѣдный молодой человѣкъ не доживетъ до весны.

Удовольствіе, котораго ты ожидаешь отъ бала кн. Щербатовой, потомъ стараніе твое оправдать передо мной твою дочку, все какъ-то кажется мнѣ подозрительнымъ. Не надѣнешься ли ты въ скоромъ времени имѣть еще ребенка? Отвѣть мнѣ поскорѣе, ошиблась я или нѣтъ? Третьяго дня мы получили первый номеръ «Инвалида».

Твоя путешественница—шведка, навѣрное какая-нибудь авантюристка; если предположеніе мое вѣрно, то она, я думаю, немало дивится, что попала въ порядочное общество. Красивый кузень твой, кн. Трубецкой, которымъ ты такъ гордилась (помнишь, разъ въ театрѣ онъ былъ въ ложѣ рядомъ съ нами) далъ балъ на прошлой недѣлѣ для развлеченія своихъ дочерей, двухъ очень бѣловурыхъ дѣвицъ, которыхъ онъ вывозитъ въ свѣтъ. Я не была на балѣ, но многія лица, между прочимъ Вяземскій, говорили мнѣ, что у твоего знатнаго родственника очень веселились. Я часто вижу съ Оболенскими (съ Вѣрой и ея мужемъ): она да еще двое или трое знакомыхъ составляютъ ежедневное наше общество; другія лица бывають у насъ гораздо рѣже. Прощай, добрый мой другъ. Помолись, чтобъ я успокоилась. Я такъ часто молюсь о твоёмъ счастьи. Передай мой привѣтъ мужу. Нѣжно тебя обнимаю.

17-го января.—Благодаря Татищеву, милый другъ, я имѣю возможность переслать тебѣ 20 фунтовъ чаю. Предполагаю, что ты уже получила калачи и, кушая ихъ, невольно вспомнишь обо мнѣ.

Надѣюсь, что завтра мнѣ принесутъ отъ тебя письмо, вѣроятно ты написала ко мнѣ въ понедѣльникъ. Жду описанія бала Шаховскихъ. Въ прошлый понедѣльникъ была я на спектаклѣ, о которомъ я тебѣ писала; онъ вышелъ очень плохъ; а во вторникъ—въ собраніи, гдѣ весело провела время, чѣмъ обязана Вяземскому и Пушкину, моимъ усерднымъ поклонникамъ. У Апраксинныхъ, вмѣсто того, чтобъ смотрѣть на сцену, я разсматривала окружавшія меня лица. Рѣдко можно встрѣтить такое множество хорошенькихъ женщинъ съ одной стороны и большое количество старыхъ и безобразныхъ особъ съ другой. По правую сторону отъ меня сидѣли: двѣ дѣвицы Алмазовы (отъ одной я въ восторгѣ), г-жа Арсеньева и сестра ея Аннета Бибикова, Натали Корсакова, кн. Гагарина, кузина моя, Валуева, и много другихъ, всѣхъ

не скоро перечтешь. Съ лѣвой стороны—г-жа Глѣбова, кн. Долгорукая (сестра Пушкиной, жены фельдмаршала), г-жа Спиридова и т. д., составлявшія совершеннѣйшій контрастъ съ вышеупомянутыми особами. Я смотрѣла то на тѣхъ, то на другихъ, и мысленно сожалѣла, что время такъ беспощадно уродуетъ насъ, бѣдныхъ смертныхъ; вѣдь всѣ эти старухи были очень красивы въ своей молодости, особенно Спиридова. Я вообразила себѣ, какovy будутъ красивыя и молодыя женщины лѣтъ черезъ сорокъ, и улыбулась, представивъ Арсеньеву въ лицѣ Глѣбовой, сестру ея—похожей на г-жу Циммерманъ, сидѣвшую около меня и т. д. Пушкину наскучило представленіе и въ концѣ перваго акта онъ усѣлся рядомъ со мной, чтобъ поболтать. Я сообщила ему свои мысли, онъ ужасно смѣялся и сказалъ, что ему было бы очень любопытно взглянуть на всѣхъ насъ, когда намъ будетъ лѣтъ по шестидесяти, и что ежели онъ доживетъ до той поры, то припомнить мнѣ нашъ разговоръ.

Нынче мы ѣдемъ на ужинъ въ достопочтенной матушкѣ его, вдовѣ Авраама, которая задаетъ пиръ на всю Москву съ предметами въ честь дня рожденія зятя своего Гагарина. Вѣрно всѣ разрядятся и тоска будетъ препорядочная. Что касается до нашихъ вечеровъ, то они до того напоминаютъ бывшіе въ прежнее счастливое время, что мы часто сами дивимся, какъ быстро все попало въ прежнюю колею. Оболенскіе, Андрей Гагаринъ съ женой, Вяземскіе, чета Соймоновыхъ, Левашевъ, Гусятниковъ,— вотъ молодые люди, съ которыми мы видимся аккуратно каждый день. По вечерамъ они собираются у насъ, потомъ я раза два въ недѣлю обѣдаю у Sophie. Иногда кружокъ нашъ увеличивается; еще человекѣтъ двадцать являются на наши вечера...

Женѣ Гагаринъ привезъ цѣлую лавку, и сравнительно съ здѣшними цѣнами онъ купилъ все просто за-даромъ. Кстати скажу тебѣ, что всѣ мы носимъ лишь наряды, привезенные изъ Вѣны, Франкфурта, Лейпцига, вообще изъ-за-границы. Не шутя, здѣсь постоянно получаютъ громадныя посылки съ нарядами, такъ какъ у всѣхъ въ Москвѣ есть родственники въ арміи. Вообрази, что аршинъ лучшаго меринуса обходится въ 5 рублей, а похуже—въ три съ полтиной. Ленты тоже прекрасныя и дешевы. Гагарину нужно послать камердинера въ Варшаву; мы этимъ воспользуемся, чтобъ запастись полотномъ, сукномъ и другими предметами, которые тамъ вполонину дешевле, чѣмъ въ Россіи. Дядя Кошелевъ прислалъ намъ братнино письмо отъ 4-го декабря. Николинъка говоритъ ему, что часто пишетъ намъ. Спрашивается, куда дѣваются его письма, до насъ они не дохо-

дять. Со стороны мы слышали, что зятя моего назначили генералъ-губернаторомъ въ Веймаръ; радуюсь этому извѣстiю, потому что если сестра точно беременна, то въ этомъ городѣ она найдеть всѣ необходимыя пособiя, тѣмъ болѣе, что сама великая княгиня Марiя Павловна тамъ находится. Благодаря присутствiю вел. княгини, Веймаръ долженъ быть очень прiятенъ для русскихъ: вел. княгиня добра, какъ ангель, и очень любитъ своихъ соотечественниковъ. Прощай; если я получу отъ тебя прiятное письмо, то, быть можетъ, напишу тебѣ и въ понедѣльникъ. Знаешь ли ты, что красивая прiятельница моя Давыдова хвораетъ уже мѣсяца полтора. Мнѣ пришлось слышать о ней вещи очень непрiятныя и весьма правдоподобныя; съ тѣхъ поръ я совершенно охладѣла къ ней. Что подѣлываетъ наша прелестная Мари Архарова на берегу Невы?

19-го января.—Сейчасъ вернулась изъ лавки Авраама; ѣдила къ нему за матерiей, которую ты желаешь имѣть; у насъ она называется камлотомъ. Хорошо, что ты прислала мнѣ образчикъ, иначе я была бы въ затрудненiи, не зная названiя, которое носить эта ткань въ Петербургѣ. Ты не ясно опредѣляешь цвѣтъ; я условилась съ купцомъ; если матерiя тебѣ не годится, пришли ее обратно, онъ перемѣнитъ. Прилагаю при семъ различныя образчики. Завтра съ тяжелой почтой отправлю матерiю; по-моему она не сѣрая, не зеленая и не желтая. Всего десять аршинъ, по пяти рублей.

Благодарю тебя за подробности, которыя ты сообщаемъ мнѣ въ письмѣ отъ 13-го числа. Напрасно полагаешь ты, дружокъ, что Апраксина ради меня прiвѣтливо тебя встрѣтила. Правда, она меня очень любитъ и знаетъ, какъ я дружна съ тобой, но, кромѣ этого, сама ты такъ мила, что всякiй расположенъ будетъ принять тебя крайне радушно.

Я хохотала, воображая: какой эффектъ можетъ произвести на балѣ *chevalier Merlini*. Впрочемъ, мы не богаче васъ: изъ танцующихъ всего четырехъ или пять человекъ знаютъ въ свѣтѣ; остальные все неуклюжiе офицерчики. Одинъ изъ нихъ неожиданно подвернулся мнѣ во вторникъ въ собранiи; протанцовать съ нимъ кадрили было настоящей жертвой съ моей стороны. Вѣроятно онъ танцевалъ контрадансъ первый разъ въ жизни, о вальсѣ онъ тоже не имѣетъ понятiя. Во время и послѣ кадрили я хохотала какъ сумасшедшая, воображая, что у меня была за рожа въ парѣ съ такимъ кавалеромъ. Всѣ мои знакомые, бывшiе въ залѣ, окружили меня, чтобъ полюбоваться на насъ. Здѣсь формируются

два армейскихъ полка: они-то и снабжаютъ насъ такими милыми танцорами. Вяземскій пересталъ играть въ азартныя игры; черезъ часъ по полученіи твоего письма мнѣ пришлось обѣдать съ нимъ и съ его женою, чѣмъ я воспользовалась, чтобъ передать имъ все, что ты мнѣ поручила имъ сказать. Мужъ въ особенности былъ тронутъ тѣмъ, что ты о немъ вспомнила и посылаетъ тебѣ свой низайшій поклонъ. Мы съ нимъ большіе друзья; онъ постоянно твердитъ мнѣ, что готовъ пожертвовать десятью годами жизни, чтобъ вскружить мнѣ голову, но съ моею неподвижностью ему этого не добиться, хотя, по его словамъ, рѣдкое должно быть наслажденіе покорить такое неприступное сердце. Онъ отличный малый, не по лѣтамъ: умѣетъ и себя вести и жену наставить. Я за тебя поцѣловала ихъ ребенка; бѣдный мальчикъ хворааетъ, у него прорѣзываются послѣдніе зубки, его щечки такія пухленькія и личико до того круглое, что многіе находятъ его похожимъ на меня. Василій Львовичъ вчера ужиналъ у насъ; я говорила ему о г-нѣ Мусарѣ, онъ знавалъ его еще въ Парижѣ и отзывался о немъ, какъ о сумасшедшемъ. Мнѣ передали, что онъ мной восторгается; скажи ему при случаѣ, что это мнѣ крайне польстило. Пушкинъ просто безцѣнный! Вчера онъ насъ очаровалъ. Мы за нимъ ухаживали и умоляли его прочесть свои стихи; онъ это очень любитъ, тотчасъ повеселѣлъ и весь вечеръ смѣшили насъ.

Не знаю, права ли Апраксина, находя, что я необходима въ Москвѣ для того, чтобъ устроить общество по прежнему; вѣрно лишь то, что намъ удалось поставить свой домъ на прежнюю ногу: каждый вечеръ собираются у насъ человѣкъ пятнадцать и между ними нѣтъ ни одного лишняго. Одна лишь жестокая война ежеминутно напоминаетъ намъ, что прошло то время, когда дышалось свободно. Съ нѣкоторыхъ поръ меня осаждаютъ мрачныя мысли. Тревожитъ меня переправа черезъ Рейнъ. Приходишь къ одному и тому же заключенію: да будетъ воля Божія!

Что это вздумалось тебѣ спрашивать о нашемъ «сокровищѣ»? Къ стыду моему должна я признаться, что чувствую къ нему глупое отвращеніе и рѣшила совсѣмъ не говорить о немъ, чтобы не слышомъ поддаваться ненависти. Смотрю на него какъ на бичъ, посланный Богомъ на Москву за наши грѣхи. Увѣряю тебя, что онъ хуже французовъ. Человѣкъ этотъ рожденъ былъ, чтобы служить Наполеону, а не такому доброму и умѣренному монарху, какъ нашъ государь, котораго онъ обманываетъ. Въ лицѣ Ван-дама онъ сыгралъ съ нами подлую штуку. Да проститъ ему Богъ! Онъ до того дошелъ, что слѣдуетъ сожалѣть о немъ, какъ

о человѣкѣ, способномъ на такія низости, которыя оскверняютъ его постъ и самую личность. Повторяю тебѣ: это Божіе наказаніе, на которое роптать бесполезно.

Я не писала тебѣ объ Іосифѣ Віельгорскомъ, предполагая, что ты его не знаешь. Мой маленькій племянникъ — премилый ребенокъ и всѣхъ насъ занимаетъ. Кажется, я отвѣтила на всѣ твои вопросы; новостей больше нѣтъ, одно могу тебѣ сказать: бѣдствія Москвы принесли мнѣ одну выгоду, а именно: избавили меня отъ пріятельницы моей Хомутовой. Какъ ни богатъ Петербургъ дѣвками, все-таки я не вѣрю, чтобы онъ былъ богаче Москвы, особенно красивыми лицами. Прощай, дружокъ; многое могла бы сообщить тебѣ о томъ, что вижу, слышу и о размышленіяхъ, къ которымъ все это меня приводитъ; но, если я поддамся желанію болтать, то до завтра не кончу, а теперь уже половина четвертаго — скоро будемъ обѣдать, затѣмъ сейчасъ же надо отправить письмо. Цѣлую тебя, кланяйся мужу и Шаховскимъ.

25-го января. — Очень сожалѣю, милый другъ, что не удалось мнѣ послать тебѣ другого коробка съ калачами, которые тебѣ такъ понравились. Винавать Татищевъ: у него страсть шутить, а я вѣчно принимаю за правду его шутки. На-дняхъ онъ мнѣ говорилъ, что посылаетъ въ Петербургъ молодого графа Апраксина; зная, что графъ тебѣ сродни, я спросила Татищева не могу ли я попросить его передать тебѣ посылку, а Татищевъ весьма серьезно отвѣтилъ, что это вещь невозможная. Я вообразила, что точно не слѣдуетъ обращаться съ этой просьбой къ графу. Потомъ встрѣчаю Татищева, онъ вдругъ у меня спрашиваетъ, почему я не послала своего ящичка, говоря, что онъ предупредилъ Апраксина о моемъ намѣреніи и тотъ охотно брался отвезти посылку. Я всплыла и успокоилась лишь, когда Татищевъ объявилъ мнѣ, что скоро отправить въ Петербургъ офицера, который явится ко мнѣ за порученіями.

Скажу тебѣ откровенно, по-моему ты крайне неловка: къ чему вздумала ты увеличивать свою семью именно теперь, когда это помѣшаетъ предполагаемой тобой лѣтней поѣздкѣ.

Напрасно ты думаешь, что г. де-Брюжъ жаждалъ видѣться съ нами. Онъ уѣхалъ недѣлю тому назадъ и я его въ глаза не видала. Мнѣ говорили, что онъ обѣдалъ у княгини Барятинской и даже былъ въ собраніи. Повидимому, ты болѣе заботилась о нашемъ знакомствѣ, нежели онъ самъ. Впрочемъ, Богъ съ нимъ: если онъ любезный господинъ, тѣмъ лучше — намъ не пришлось

о немъ сожалѣть; если же онъ неосенѣлъ, мы избавились тоски съ нимъ возиться. Лапкова съ племянницей вчера отправилась въ Петербургъ. Племянница увезла съ десятокъ моихъ книгъ, что для меня вовсе не пріятно. Она нѣсколько разъ повторяла мнѣ, что возвратитъ книги передъ отъѣздомъ, однако не прислала ихъ. Если ты можешь, то сдѣлай одолженіе, дня черезъ три-четыре по ихъ пріѣздѣ, узнай черезъ кого-нибудь, куда она дѣла мои книги. Я предполагаю, что онѣ долго будутъ въ дорогѣ, такъ что ты получишь письмо мое до ихъ пріѣзда. Здѣсь говорятъ, будто Магіе Архарова выходитъ замужъ за старика Посникова, который прокуроромъ въ сенатѣ. Ты объ этомъ молчишь, вотъ почему я предполагаю, что это выдумали въ насмѣшку надъ прелестной Мари, которая давно бредитъ о замужствѣ. Она такъ много трещала о своей поѣздкѣ въ Петербургъ, ожидая отъ нея чудесъ, потому вѣроятно ее и подняли на смѣхъ.

Наше «совровище» опять расхворалось. Кстати о немъ и о Вандамѣ. Знаешь ли, какъ Москвѣ удружили? наплась добрая душа, увѣрившая государя, будто въ Москвѣ въ лучшихъ домахъ принимаютъ Вандама и что онъ бываетъ во всѣхъ порядочныхъ кружкахъ. Государь написалъ о томъ Растопчину и отозвался весьма не лестно о Москвѣ и о дворянствѣ вообще, и закончилъ письмо, говоря, чтобы не срамили себя, принимая такую отвратительную личность, каковъ Вандамъ; онъ приказываетъ отправить его въ Вятку, гдѣ нѣтъ дворянства. Трудно передать тебѣ, до какой степени всѣхъ взволновала эта клевета. Всѣ негодуютъ на злодѣя, осмѣливагося оклеветать Москву передъ государемъ. Сначала подозрѣніе пало на Растопчина: предполагали, что онъ такъ удружилъ Москвѣ, желая отмстить москвичамъ за ненависть къ его особѣ, безпрестанно возбуждаемую его поведеніемъ; но теперь начинаютъ въ этомъ сомнѣваться, потому что Растопчинъ сильнѣе всѣхъ негодуетъ на клевету и всюду рассказываетъ, что онъ отправилъ къ государю донесеніе, въ которомъ сказано, какъ Вандамъ проводилъ время въ Москвѣ. Перебирая дома, въ которыхъ онъ бывалъ, Растопчинъ прежде всего упоминаетъ о своемъ домѣ, потомъ называетъ дома Волкова (полицейстера) и кн. Николая Гагарина. Точно это единственныя лица, съ которыми видался Вандамъ въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ, проведенныхъ имъ въ Москвѣ. Кузень мой, Волковъ, по своей должности обязанъ былъ его принимать, а кн. Гагаринъ принималъ его потому, что знавалъ въ Парижѣ всѣхъ негодаевъ, служившихъ при Наполеонѣ. Какъ бы ни былъ дурень Растопчинъ, все-таки нельзя допустить, чтобы, очернивъ Москву въ глазахъ государя, онъ сталъ гово-

рять и дѣйствовать, какъ поступаетъ въ настоящее время. Полагаютъ, что наклеветалъ на насъ кто-нибудь изъ вашихъ петербургскихъ. Москву не жалуютъ, однако ей это не мѣшаетъ оправляться и насмѣшливо посматривать на своихъ недоброжелателей. Растопчинъ считаетъ эту исторію проявленіемъ злобы къ его личности. Ему извѣстно болѣе чѣмъ кому-либо, какъ пренебрегали Вандамомъ. Я видѣла своими глазами одно письмо изъ Петербурга, въ которомъ спрашивали, точно ли у насъ Вандама носить на рукахъ изъ дома въ домъ. Значить, нашлись же люди, повѣрившіе такой нелѣпой баснѣ; не удивительно, что какой-нибудь мошенникъ этимъ воспользовался и оклеветалъ весь городъ вмѣстѣ съ Растопчинымъ, на мѣсто котораго, быть можетъ, самъ мѣтилъ. Насъ вся эта исторія очень огорчила; Москвѣ тяжело и грустно получать выговоры отъ государя, послѣ всѣхъ пожертвованій, которыя она принесла безъ ропота во время войны. Кто же можетъ болѣе насъ ненавидѣть французовъ? Здѣсь, что ни шагъ, встрѣчаешь слѣды ихъ грабительства. Надѣюсь, что правда возьметъ верхъ. На слетни петербургскихъ кумушекъ мы не обращали вниманія, но когда злая рѣчи достигаютъ до слуха императора, онѣ становятся важными. Дай Богъ, чтобы государь узналъ истину. Вотъ, милый другъ, чѣмъ цѣлую недѣлю интересуется Москва съ своими предмѣстями. Никогда столько не говорили о Вандамѣ въ бытность его въ Москвѣ, сколько толкуютъ въ настоящее время.

Мы не имѣемъ извѣстій ни отъ брата, ни отъ сестры; какъ ни говори, а къ такого рода лишеніямъ не легко привыкнуть. Сегодня свадьба Софи Бибицовой. Другихъ новостей здѣсь нѣтъ. Мнѣ очень жаль бѣдную жену испанскаго посланника. Стѣбало ей ѣхать издалека, чтобы умереть на чужой сторонѣ. Я слышала, какой былъ съ ней случай, но не знала, до чего важны оказались послѣдствія его. Въ четвергъ я ужинала у Валуевыхъ и очень много смѣялась, благодаря Вяземскому и двумъ Пушкинымъ. Когда они трое сойдутся, люблю ихъ послушать. Пушкины соперничаютъ между собой; Василій Львовичъ безпощадно нападаетъ на сочиненія Алексѣя Михайловича, который защищается весьма удачно, не горячась, безъ желчи, почему споры между ними бывають крайне интересны для присутствующихъ. Гагаринъ, какъ я уже писала тебѣ, въ восторгѣ отъ своей супруги.

2-го февраля.—Я нынче въ такой тревогѣ, что пишу тебѣ лишь потому только, что не желаю нарушать порядка, принятаго въ нашей перепискѣ. Во-первыхъ, нынче праздники, слѣ-

дуетъ идти къ обѣднѣ, потому я должна ѣхать по дѣлу къ Волкову. Да-съ, по дѣлу; видишь ли, я все вожусь съ дѣлами, того и смотри изъ меня всѣмъ на удивленіе выйдетъ г-жа Rimbesche. Тяжбы мнѣ начинаютъ нравиться, особенно когда дѣло касается не меня лично. Теперь я хлопочу о сестрѣ, она намъ прислала разныя вещи изъ Франефурга, прося мамà побережь ихъ до ея возвращенія, потому что онѣ ее стѣсняють. Мы должны были получить три огромныхъ ящика вмѣстѣ съ письмомъ Катеньки отъ 7-го ноября. Письмо доставилъ намъ г. Свѣчинъ, а ящичковъ нѣтъ, какъ нѣтъ. Матушка написала ему, спрашивая, куда дѣлись ящики. Онъ отвѣчалъ такъ безтолково, что никто изъ насъ не можетъ понять, что онъ хотѣлъ сказать. То говорить, что получилъ вещи, то опять будто не получалъ, наконецъ на третьей страницѣ своего длиннаго и мелко написаннаго письма онъ спрашиваетъ, во сколько цѣнимъ мы вещи, которыя ему были поручены, что онъ освѣдомляется объ этомъ изъ деликатности, будучи не прочь уплатить намъ ихъ стоимость. Матушкѣ эта деликатность показалась очень подозрительной, она и послала меня къ Волкову посовѣтоваться, какъ намъ поступить съ этимъ господиномъ, котораго никто не знаетъ изъ порядочнаго общества. Это какой-то офицерикъ, служащій по провіантской части. Покончивъ съ этимъ дѣломъ, я отправлюсь обѣдать къ Оболенскимъ. Какъ видишь, у меня все утро занято, свободнаго времени не много; но оно всегда найдется для тебя. Мнѣ придется писать урывками; быть можетъ, письмо мое покажется тебѣ нескладнымъ, но я вѣдь не имѣю претензіи щеголять своимъ слогомъ и заранѣе мирюсь съ мыслию, что посланіе мое не заслужитъ одобренія г-на Мусара. Кстати о Васильѣ Львовичѣ; общаю передать ему, что ты желаешь, чтобъ онъ пріѣхалъ въ Петербургъ; повѣрь, что изъ этихъ словъ онъ заключитъ, что вскружилъ тебѣ голову. Бѣдный человекъ, что ему ни скажи, онъ всему вѣритъ, оттого его очень часто мистифируютъ. Прошлый разъ Вяземскій, Алексѣй Пушкинъ и Левашевъ взяли въ увѣрить его, что, судя по нѣкоторымъ изъ моихъ рѣчей, я болѣе чѣмъ въ восторгѣ отъ его особы. Сначала онъ началъ самодовольно посмѣиваться съ видомъ, показывающимъ, что онъ отчасти вѣритъ ихъ словамъ, и наконецъ, благодаря старанію этихъ господъ, окончательно убѣдился въ справедливости ихъ разсказа. Всѣ эти шутки происходили за обѣдомъ у Левашева, гдѣ дамъ не было. Вечеромъ мы всѣ ужинали у Валуевыхъ и Вяземскій самъ пришелъ разсказать мнѣ про эти фарсы, убѣдительно прося меня поддержать ихъ, принявъ Пушкина благосклонно, говоря, что

мнѣ стоить сказать ему лишь нѣсколько любезностей, чтобъ окончательно вскружить ему голову. Я посмѣялась, но не рѣшилась быть съ ними за-одно. Мама взялась замѣнить меня, если имъ понадобится ея содѣйствіе. Однако торжество Василя Львовича продолжалась не долго. Говорятъ, у него страсть нравиться прекрасному полу. Теперь я его потѣшу: пусть онъ воображаетъ, что прельстилъ тебя. Мнѣ заранѣе представляется его сдержанный смѣхъ, сіяющая фізіономія и т. д. Онъ страшно растолстѣлъ и сдѣлался крайне безобразенъ. До іюня онъ пробудетъ здѣсь, а потомъ рѣшить, гдѣ ему поселиться: здѣсь или въ Петербургѣ. Гдѣ дешевле, тамъ онъ и будетъ жить. Онъ всѣхъ увѣряетъ, что лишился своей бібліотеки, фарфора, мебели, разныхъ рѣдкихъ вещицъ: но друзья его говорятъ, что всѣ эти вещи существовали лишь въ его воображеніи, а онъ сокрушается, какъ будто потерялъ ихъ на самомъ дѣлѣ. Книгъ онъ видѣть не можетъ безъ зависти: у нихъ бывають презабавныя сцены съ Левашевымъ, у котораго порядочная бібліотека.

Ты подстрекнула мое любопытство намеками на m-lle Ефимовичъ. Пожалуйста, расскажи въ чемъ дѣло. Я не могу придумать, что это можетъ быть; надъ чѣмъ придется мнѣ смѣяться до слезъ? 13-го января въ собраніи я встрѣтила эту крошечную фрейлину. Я не могла замѣтить, насколько она измѣнилась отъ времени и вслѣдствіе эмиграціи, потому что издали не могу отличить бѣлаго отъ чернаго, а близко не имѣю привычки подходить къ лицамъ, которыми не интересуюсь. Я бы не замѣтила и m-lle Мухановой въ этотъ вечеръ, еслибъ, вальсируя съ Вяземскимъ, не разлетѣлась почти къ ней на колѣни. О свадьбѣ Архаровой я уже слышала навѣрное: она состоится потому, что Понниковъ сватался за Мари еще четыре года тому назадъ. Въ ту пору она ему отказала, мѣтила на другого; но надежды ея не сбылись, навѣрное теперь она будетъ не такъ разборчива;— вотъ почему я и считаю свадьбу устроенной. У насъ множество баловъ, лучшіе бывають у Василя Сергѣевича Шереметева, по пятницамъ. Онъ занимаетъ домъ предводителя Салтыкова, на Мясницкой. Домъ великолѣпный; онъ былъ нарочно выстроенъ, чтобъ давать въ немъ праздники. Мы прежде не были знакомы съ Шереметевыми и теперь этого не ищемъ. Слѣдовательно, я у нихъ не бываю, но Оболенскіе, которые аккуратно посѣщаютъ ихъ балы и еще другія лица очень хвалятъ ихъ вечера. M-lle Шереметева находится въ числѣ дѣвицъ, начавшихъ выѣзжать въ нынѣшнемъ году. Я ее не видала, потому что мало показыв-

ваюсь въ свѣтъ; но говорятъ, что она очень мила и хорошо воспитана.

Ты вѣрно получила мое объясненіе насчетъ Вандама, также и письмо, которое будто бы читали у васъ; я переписала его слово въ слово. Здѣсь оно всѣмъ знакомо, о немъ говорятъ вездѣ, многія лица сами читали его. Выходитъ, что содержаніе письма не совсѣмъ таково, какъ тебѣ рассказывали.

Прелестная Давыдова навѣрное теперь въ Петербургѣ. Черезъ два дня по ея отъѣздѣ я получила мои книги вмѣстѣ съ письмецомъ, по ея словамъ, написанномъ передъ тѣмъ, какъ сѣсть въ дорожный экипажъ. Она говоритъ мнѣ кучу любезностей и умоляетъ писать ей изрѣдка, чего я дѣлать не намѣрена, развѣ если придется изъ вѣжливости отвѣтить на ея посланіе. Съ меня достаточно тѣхъ переписокъ, которыя я вела до сихъ поръ. Не имѣю охоты ломать себѣ голову для этой особы и прибѣгать къ общимъ мѣстамъ, не зная о чемъ ей писать.

Я слышала о будущемъ замуштвѣ младшей Шаховской съ Давыдовымъ еще до нашей эмиграціи. По возвращеніи сюда я опять слышала, будто молодые люди дали слово другъ другу, но свадьба отложена до заключенія мира, потому что Давыдовъ, какъ и вся молодежь, находится въ арміи. Представь, что онъ уже гвардіи полковникъ. Между тѣмъ здѣсь распустили слухъ, будто онъ женился въ Берлинѣ. Слухъ былъ не безъ основанія; меня таковой поступокъ нисколько не удивилъ бы при тѣхъ правилахъ, которыя приняты и проповѣдуются въ нашъ вѣкъ — обмануть молодую дѣвушку считается не только позволительнымъ, но даже служить доказательствомъ величайшей ловкости. Впрочемъ, я уже давно ничего о нихъ не слыхала. Княжны просили позволенія явиться къ мамѣ съ первымъ визитомъ. Матушка пригласила ихъ пріѣхать. Послѣ этого г-жа Рябинина заболѣла, тамъ захворалъ старикъ Шаховскій, такъ я и не знаю, что съ ними случилось.

Я получила вивьеты; онѣ очень красивы, мы тотчасъ пустили ихъ въ дѣло.

Здѣсь много толкуютъ о заключеніи мира. Дай намъ Богъ дожить до этого счастья! Отъ нашихъ все нѣтъ извѣстій. Какъ ты думаешь, куда могло дѣться знакомое тебѣ письмо? Что до меня касается, я представить себѣ не могу, какъ все это кончится. Мнѣ нравится такое крайне неопредѣленное положеніе: рѣшительно нечего тутъ разсчитывать, не знаешь чего ожидать. Какой бы ни былъ результатъ, онъ будетъ для меня сюрпризомъ.

Вчера я ужинала у Бахметевой (рожденной Нащокиной), она

скоро должна родить. Повидимому, она вполне довольна и счастлива. Скажи мнѣ пожалуйста, куда дѣлалась княгиня Трубецкая, которая нѣбогда выводила меня изъ терпѣнья? Моя Аннетъ сидитъ въ Костромѣ за неизвѣннмъ средствъ вернуться сюда. Прощай, дружокъ; вотъ уже и масляница пришла. Завтра именины матушки. У насъ будутъ гости цѣлый день. Я не намѣрена выѣзжать на этой недѣлѣ и отказалась отъ всѣхъ развлеченій, которыми меня подчивали. Не хочу веселиться до заключенія мира: успѣю тогда порадоваться.

9-го февраля. — Наконецъ-то насталъ постъ, милый другъ. Масляница была здѣсь очень бурная. До вчерашняго вечера была я только въ любительскомъ спектаклѣ у Апраксина. Давали двѣ пьесы: «Мизантропа», въ русскомъ переводѣ Коккошкина, который самъ исполнялъ роль Альсеста, потомъ «Адольфа и Клару»; въ этой пьесѣ тотъ же Коккошкинъ игралъ роль коменданта. Какъ видишь, семейство Архаровыхъ не только играетъ комедію, но даже выполняетъ всевозможныя роли. Я слышала, что предполагаемый праздникъ у Соллогуба не удался по случаю ея внезапной болѣзни. Все это рассказалъ мнѣ вчера Пушкинъ, умирая со смѣху и называя всѣ эти неудачи окончательнымъ поражениемъ m-lle Луниной. Кстати о вчерашнемъ днѣ: Ваземскій вздумалъ проводить масляницу такъ же, какъ два года тому назадъ и устроилъ у себя завтракъ съ танцами, который годился бы и въ прежнее счастливое время, — такъ былъ онъ удаченъ. Тутъ собрались самыя красивыя особы въ городѣ. Изъ тридцати дамъ и пяти нельзя было выкинуть. Пришлось мнѣ наконецъ видѣть рядомъ кузину Валуеву и кн. Гагарину. Кузина моя красотой своей затмѣваетъ Гагарину, хотя княгиня, кажется, очень хороша, когда ее видишь одну. Были тутъ наши лучшіе кавалеры — человекъ двадцать молодыхъ людей, съ которыми мы вездѣ танцуемъ, а именно: Лунинъ, Салтыковъ, Гусятниковъ, Пушкинъ, братья Валуевы, Бибиковъ, Андрей Гагаринъ, Ваземскій и другіе — все представители высшаго круга, какъ видишь. Плясали мы безъ отдыха съ 7 часовъ вечера до двухъ пополночи. Я до того отвыкла отъ танцевъ, что не чувствую себя отъ усталости, думала даже, что не въ силахъ буду писать. Мы обязаны этимъ праздникомъ г-жѣ Кологривовой, пріѣхавшей изъ Саратова въ прошлый понедѣльникъ; дочь ея, не выдавшаяся съ ней два года, хотѣла на славу отпраздновать ея пріѣздъ. Ты себѣ вообразить не можешь, чтó сдѣлалось съ кн. Гагаринными. Sophie такъ растолстѣла, что сзади ее можно принять за мать, которая въ свою

очередь не похудѣла во время эмиграціи. Любочка стала безобразна. Представь себѣ Вяземскаго въ женскомъ платьѣ, съ розовой гирляндой на головѣ. Она стала еще неуклюжѣе. За то семейство Бибиновыхъ такъ похорошѣло, что я удивилась. Г-жа Арсеньева прелестна, Аннета тоже очень красива. Молодая нашла способъ избавиться отъ чернаго пятнышка около носа, что ей очень въ лицу. Мужъ ея красивый малый, ему идутъ маленькіе усики и военный мундиръ. Словомъ, я вчера очень весело провела время: кромѣ самаго бала, мнѣ нравилось общество, посреди котораго я находилась и, наконецъ, усердный мой поклонникъ, Алексѣй Пушкинъ, съ которымъ я постоянно кокетничаю, ни на шагъ не отходилъ отъ меня во весь вечеръ и отчаянно любезничалъ. Онъ пляшетъ, какъ сумасшедшій. Вчера въ особенности онъ былъ неутомимъ, вслѣдствіе полученнаго имъ письма, въ которомъ ему сообщаютъ, что скоро миръ будетъ заключенъ; когда молодежь вернется изъ арміи, его причислятъ къ старикамъ.

Съ Васильемъ Львовичемъ я недавно видѣлась и передала ему твое привѣтствіе; онъ въ маѣ намѣренъ лично поблагодарить тебя за память. Пожалуйста, не подумай, что онъ ради тебя отправится въ Петербургъ. Мы открыли, что онъ въ большой дружбѣ съ однимъ юнымъ авторомъ, племянникомъ Титова; фамилію его я забыла. Этотъ молодой человекъ его совершенно околдовалъ и дѣлаетъ изъ него, что хочетъ. Теперь онъ вызываетъ его въ Петербургъ и объявилъ ему, что ежели онъ не явится, то потеряетъ всякую цѣну въ его глазахъ. Василій Львовичъ всюду таскаетъ его письмо и всѣмъ его показываетъ, хихикая и плюя на собесѣдниковъ, и все повторяетъ, что ему необходимо ѣхать. Рѣдко можно встрѣтить человека его лѣтъ безъ всякихъ личныхъ убѣжденій, который вѣчно плясалъ по чужой дудкѣ и притомъ легковѣренъ какъ пятилѣтній ребенокъ. Признаюсь, мнѣ съ нимъ вовсе не весело; еслибъ намъ пришлось часто видаться, онъ бы мнѣ надоѣлъ, какъ горькая рѣдка. Надо, чтобъ около него былъ Алексѣй Михайловичъ, Вяземскій или еще кто-нибудь въ родѣ этихъ господъ, тогда только бываетъ онъ забавенъ. Не всѣ способны его одушевить. Кстати объ Александрѣ Михайловичѣ и Вяземскомъ: знаешь ли, что они соперничаютъ; каждый собирается воспѣть меня въ стихахъ. Я навела ихъ на эту мысль случайно, сказавъ въ ихъ присутствіи, что никто и никогда не посвящалъ мнѣ ни строки. Въ будущій понедѣльникъ я пошлю тебѣ произведенія ихъ пера. Вообрази, что Вяземскій сталъ поэтомъ въ душѣ и шепчетъ очень мило. «Сокровище» онъ воспѣлъ въ стихахъ — и зло, и забавно и правдиво.

Спасибо за копию донесения. Наша не похожа была на ту, которую ты прислала, впрочем, оба вышли из одного источника, — не разберем, которая из них ближе к подлиннику. Одно верно: не граф доносчик, но кто же он — надо бы добиться. Больше всех провинился перед государем Николай Никитичъ Демидовъ, давший обедъ Вандаму в бытность его в Москвѣ. Примуру его послѣдовалъ одинъ только кн. Николай Гагаринъ. Дѣя эти личности, одна петербургская, другая московская, собственно не принадлежать ни къ какому государству: большей частью жили за границей, не хотая знать принятыхъ правилъ, смѣются надъ приличіями, Россіи только потому придерживаются, что здѣсь у нихъ огромныя богатства.

Вчера я встрѣтилась съ кн. Лобановой, отъ которой узнала, что гр. Витгенштейнъ пишетъ ей, что въ главной квартирѣ познакомилась съ г-жой Рахмановой, рожденной Волковой. Письмо отъ 12-го декабря и послано изъ какаго-то мѣстечка въ герцогствѣ Вюртембергскомъ. Значитъ, Катенька здорова и навѣрное пишетъ намъ; куда же дѣваются ея письма? Для меня это просто загадка. Офицеръ, съ которымъ я рассчитывала отправить тебѣ калачи, уѣхалъ безъ моего вѣдома: вѣрно Татищевъ съ своей неповоротливостью забылъ послать его ко мнѣ. Ты не говоришь, довольна ли ты камлотомъ. Авраамъ получилъ прелестную тафту по четыре съ половиной за аршинъ. Въ нѣсколько дней весь запасъ раскупили; точно, матерія была очень хороша.

Я начала говѣть, всегда стараюсь исполнить этотъ христіанскій долгъ на первой недѣлѣ — и камень съ плечъ долой. У насъ стоятъ сильныя морозы. Нынче 27°, вчера было 25°. Передъ этими холодами была оттепель, какъ въ мартѣ мѣсяцѣ: вездѣ вода и ледъ еле-держался.

Не встрѣчала ли ты «вопросительнаго знака», Баранова? Онъ пишетъ матери, что вездѣ бываетъ, даже на маленькихъ вечерахъ у жены кн. Бориса, ѣздитъ на большіе балы къ кн. Куракину и посѣщаетъ спектакли m-lle Луниной и ужинаетъ у нея. Я не могу удержаться отъ смѣха при мысли, что этотъ кривоногий «вопросчикъ», на котораго мы такъ презрительно смотрѣли, съ которымъ не вступали въ разговоръ и никогда не танцовали, принимаетъ участіе во всѣхъ петербургскихъ празднествахъ и увеселеніяхъ. Онъ вѣрно въ числѣ лицъ, желающихъ, чтобы война не прекращалась. Однако намъ сулятъ миръ: что-то не вѣрится; вѣдь всегда сомнѣваешься въ томъ, чего очень желаешь. Прощай, милый другъ. Я нынче совсѣмъ расклеилась, изнемогаю отъ усталости. Плохо я начинаю говѣнье, молитва мнѣ не дается,

кажется, будь въ моей власти, я не встала бы съ постели. Передай мой привѣтъ Шаховскимъ. Приѣдутъ ли они на лѣто въ наши края? Говорятъ, будто сестра г-жи Бартеневой, страшная замарашва, выходитъ за генерала Русакова, который здѣсь формируетъ полки. Вотъ уже не пара-то! Генераль прелюбезный; послѣ вчерашняго вечера я отъ него въ восторгѣ. Цѣлую тебя!

16-ю февраля.—Къ моему величайшему сожалѣнію, вчера я не получила письма отъ тебя. Я всегда радуюсь твоимъ письмамъ, а вчера съ особеннымъ нетерпѣніемъ ждала твоего посланія, надѣясь, что ты мнѣ сообщишь нѣкоторыя подробности о дѣлѣ 20-го января. Мы узнали о немъ дней пять тому назадъ изъ письма, отправленнаго съ эстафетой. Кто были жертвы этого, безъ сомнѣнія, блестящаго сраженія, но которое будетъ стоить слезъ многимъ лицамъ. Братъ не участвовалъ въ этомъ дѣлѣ. Дай Богъ, чтобъ онъ избавился отъ всѣхъ предстоящихъ сватокъ съ неприятелемъ. Будетъ съ насъ славы, пора пожелать мира и спокойствія. Наконецъ-то получили мы письма отъ сестры и по одному письму отъ Ниволинъи и отъ Сень-При. Последніе пишутъ въ концѣ ноября. Одно изъ писемъ сестры написано тоже въ ноябрѣ, другое же отъ 10-го января. По словамъ ея видно, что она не разъ къ намъ писала. Спрашивается, куда дѣлись ея письма? Видно, что и она не получала нашихъ посланій, потому что жалуется на молчаніе съ нашей стороны. Представь, что именно самыя важныя изъ моихъ писемъ не дошли до нея. Катенька получила письмо отъ мамы, отправленное послѣ того, знаешь, которое было самое интересное: оно-то и не попало къ сестрѣ. Что дѣлать! Всюду неудачи; но терпѣніе все преодолеваетъ; желала бы я быть настолько покойной, чтобъ не тревожиться и не раздражаться, когда дѣла идутъ не такъ, какъ желаешь. Изъ словъ сестры заключаю, что Рахмановъ скоро возьметъ отпускъ (быть можетъ уже и взялъ его); какъ только онъ повончитъ всѣ свои дѣла, сейчасъ же отправится въ Россію. Слѣдовательно, мы имѣемъ основанія надѣяться увидать лѣтомъ сестру. Не смѣю слишкомъ рассчитывать на эту радость. Пока пушки будутъ гремѣть, мнѣ кажется, никто спокойно не вздохнетъ. Горчаковъ пишетъ матушкѣ, что графъ д'Артуа теперь долженъ быть въ главной квартирѣ. Это можетъ подать надежду Бурбонамъ на возвращеніе имъ короны предковъ: это было бы не малое чудо изъ всѣхъ чудесъ, которыя совершаются на нашихъ глазахъ вотъ уже два года. Мы по всему видимъ, что

на свѣтъ нѣтъ ничего невозможнаго, слѣдовательно, ни въ чемъ не надо отчаиваться.

Потрудись спросить въ военномъ министерствѣ, въ чемъ измѣнить мундиръ Семеновскаго полка. Братъ просить меня заказать ему вышивку для мундира. Здѣсь я совѣтовалась съ разными лицами, какъ мнѣ быть; отъ Гагарина я узнала, что измѣнены многіе гвардейскіе мундиры, въ числѣ прочихъ и Семеновскій, который теперь вовсе не тотъ, что былъ два года тому назадъ. Я сбилась съ толку, надѣюсь, что ты поможешь мнѣ выбраться изъ бѣды. Когда я получу свѣдѣнія объ этомъ предметѣ, быть можетъ увижу, что здѣсь трудно достать вышивки, тогда попрошу тебя заказать ихъ въ Петербургѣ, гдѣ болѣе этимъ занимаются. Скажи откровенно, если тебѣ тяжело исполнить мое порученіе, я обращусь въ кому-нибудь другому. Мнѣ хочется порадовать Николинку: онъ желаетъ имѣть вышивку, мной заказанную. Сень-При имѣ вполне доволенъ. Меня очень обрадовало письмо Сень-При: похвала такого храбраго, прекраснаго человѣка, какъ Эммануиль, лестна для насъ не менѣе, чѣмъ для Николинки. Третьяго дня я приобщалась. Теперь у насъ погода чудесная, я каждый день гуляю пѣшкомъ и катаюсь въ саняхъ. Нынче я прошла версть шесть. Съ самаго начала поста у насъ настала тишина. По вечерамъ я совсѣмъ не выѣзжаю, у насъ каждый день ужинаетъ довольно много гостей. Вчера кн. Шаховскія сдѣлали намъ первый визитъ; полагаю, что завтра онѣ явятся въ намъ вечеромъ въ первый разъ. Онѣ прекрасно воспитаны и очень мнѣ нравятся, въ особенности старшая. Вяземскій просить передать тебѣ тысячу привѣтствій. Прощай, мой дорогой другъ. Я бы солгала, сказавъ тебѣ, что мнѣ весело и что я довольна. Стараюсь не имѣть своей воли, а вполне покоряться той, которая управляетъ нашей судьбой. Повлонись отъ меня мужу. Обнимаю тебя.

23-го февраля.— Вотъ стихи Пушкина и четверостишіе Вяземскаго. Я забыла отправить ихъ, въ послѣднемъ письмѣ. Есть еще романсъ Вяземскаго, но я не могу его списать, потому что онъ ходитъ по рукамъ. Подстрекнули самолюбіе Василя Львовича: теперь онъ хочетъ разбить въ прахъ этихъ господъ и поднести мнѣ свое сочиненіе. Пока онъ написалъ только куплеты о Наполеонѣ на музыку барона «Barbouillé-mouillé». Хотѣла списать ихъ для тебя, но найти не могла. Вчера ихъ читали да перечитывали и не знаю, куда запрятали. Вѣрно кто-нибудь изъ гостей захватилъ ихъ съ собой. Я розыщу ихъ непременно и до-

ставлю тебѣ. Не рассчитывай на удовольствіе видѣть Пушкина. Онъ остается въ Москвѣ и нанялъ квартиру на цѣлый годъ, о чемъ торжественно объявилъ намъ вчера. У насъ было множество гостей и онъ всѣхъ занималъ, декламируя стихи и прозу, и былъ чрезвычайно любезенъ. Княжны Шаховскія ужинали у насъ. Старшая очень пріятная особа, а младшая, кажется, весьма обыкновеннаго десятка, такъ себѣ—добрая дѣвочка. Когда онѣ вошли въ нашу пріемную, полную гостей, она до того растерялась, что даже вся задрожала, такъ что старшая сестра просила меня ободрить ее хотя немножко. Впрочемъ, хорошо разъ въ мѣсяцъ собрать къ себѣ столько гостей какъ вчера; но если каждый вечеръ пришлось бы мнѣ принимать по тридцати пяти человѣкъ, признаюсь, меня бы это ужасно утомляло, несмотря на то, что всѣ эти лица между собой знакомы. Съ г-жой Бартеновой я совсѣмъ почти не вижу, она вращается совсѣмъ въ другомъ кругу, чѣмъ я. Разъ зимой мы встрѣтились на улицѣ и обмѣнялись нѣсколькими пустыми фразами, которыя обыкновенно говорятъ при встрѣчахъ, на гуляньяхъ, въ театрѣ и т. п. Г-жу Арсеньеву я видѣла только разъ въ спектаклѣ и потомъ на балѣ у Вяземскихъ; у нихъ тоже свой кругъ знакомства. Изъ дамъ я постоянно выдаюсь съ Оболенскими, съ кн. Гагариной, съ Вѣрой, (которая уже проводила своихъ родныхъ); съ вдовой Авраама и ея семьей я тоже вижу, но не очень часто. Есть еще другія особы, напримѣръ, Корсаковы, которыя являются въ мѣсяцъ два. Изъ мужчинъ—Левашевъ и Гусятниковъ вѣчно торчатъ въ нашей гостиной и составляютъ какъ бы часть нашей мебели, затѣмъ мужья, братья и т. д. — дамъ, которыхъ я назвала, тоже часто насъ посѣщаютъ.

Погода чудесная, я цѣлый день на воздухѣ. Вотъ тебѣ пять аршинъ голубого камлота; я сама пѣшкомъ ходила за нимъ къ Аврааму. Въ настоящее время у него нѣтъ красивой тафты. Онъ получить товаръ черезъ двѣ недѣли, тогда, если желаешь, я куплю тебѣ на платье. Закончу письмо признаніемъ, что мнѣ вовсе не весело, хотя изъ моихъ рассказовъ можно заключить, что я очень пріятно провожу время. Многое меня заботитъ, такъ что я не вполнѣ принимаю участіе въ многочисленныхъ удовольствіяхъ, которыми имѣю возможность пользоваться.

Потрудишься, дружокъ, собрать всѣ свѣдѣнія, о которыхъ я просила тебя въ послѣднемъ письмѣ. Ахъ, отчего не можемъ мы передавать другъ другу наши мысли ивустно! Я не мирюсь съ необходимостью прибѣгать къ перу для бесѣды съ тобой. Вездѣ встрѣчаешь людей любезныхъ, находишь и краснобаевъ, вообще пріят-

ное общество—не рѣдкость; но не легко всегда имѣть около себя такого искренняго друга, какъ ты. Именно съ тобой-то мнѣ и приходится быть вѣчно въ разлукѣ. Прощай, моя дорогая. Я нынче поздно вернулась съ прогулки, едва успѣла нацарапать это писъмецо. Теперь половина четвертаго, садимся обѣдать. Цѣлую тебя.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

1.

Чтобъ всѣхъ плѣнять собою
Марія рождена.
Что такъ мила она,
Грозитъ мнѣ то бѣдою;
Мнѣ слишкомъ сорокъ лѣтъ,
Родился рано я на свѣтъ.

2.

Подобно Терпсихорѣ,
Летаетъ всѣхъ милѣй,
Мнѣ не поспѣтъ за ней.
Вотъ то-то мое горе—
Мнѣ слишкомъ сорокъ лѣтъ,
Родился рано я на свѣтъ.

3.

Орфеевымъ искусствомъ
Прельщаютъ и дивить;
Но голосъ мой дрожить.
Я молодъ только чувствомъ—
Мнѣ слишкомъ сорокъ лѣтъ,
Родился рано я на свѣтъ.

4.

Счастливъ, кого рѣшится
Она въ друзья избрать;
Кому съ рукою дать
И сердце согласится.
Мнѣ слишкомъ сорокъ лѣтъ,
Родился рано я на свѣтъ.

Ты, конечно, отгадываешь, что это Пушкинъ жалуется, что слишкомъ рано появился на свѣтъ божій. Меня особенно насмѣшили куплетъ о танцахъ, потому что я нарочно, елико возможно, ускорила темпъ въ экослезѣ, танцуя съ Пушкинымъ на балѣ у Вяземскихъ. Бѣдняжка такъ запыхался, до того усталъ, что мнѣ жалко было на него смотрѣть.

Вотъ четверостишіе Вяземскаго:

Что написать тебѣ?—рѣшиться не умѣю.
Скажу ли, что плѣненъ любовью твоею?
Ты не повѣришь мнѣ и стихъ отвергнешь мой;
Скажу ли я что—нѣтъ? Солгу передъ собой.

Куплетовъ о Растопчинѣ не могу добиться. Вяземскій не хочетъ прочесть ихъ мнѣ еще разъ, боясь, чтобъ я ихъ не запомнила; онъ на этотъ счетъ крайне остороженъ.

5-ю марта. — Я провинилась передъ тобой, милый другъ. Въ прошлый понедѣльникъ не писала я только потому, что у меня болѣла голова и была я ужасно не въ духѣ. Чувствуя, что не способна сказать тебѣ ничего хорошаго — я предпочла молчать. Вчера получила письмо твое отъ 26-го февраля... Сдѣлай одолженіе, закажи вышивку для мундира Семеновскаго полка и пришли мнѣ ее, какъ только она будетъ готова. Гагаринъ меня увѣряетъ, что мундиръ этотъ измѣненъ, о чемъ, быть можетъ, въ Петербургѣ еще не знаютъ. Признаюсь, я ему не очень довѣряю (онъ часто привираетъ), а совершенно полагаюсь на тебя. Спасибо за обѣщаніе собрать и передать мнѣ свѣдѣнія о Гераклѣ (Полиньякѣ). Ты крайне добра ко мнѣ. Прошу тебя вѣрить моей искренней признательности; съ каждымъ днемъ я все болѣе и болѣе цѣню твою дружбу. Очень жалѣю, что знакомые твои разбрелись. Мнѣ говорили, будто жена фельдмаршала Пушкина не намѣрена поселиться въ Петербургѣ. Дождавшись возвращенія государя и окончивъ свои дѣла, она обратно поѣдетъ въ Москву, а за ней и кн. Шаховскія. Отъ души желаю, чтобъ нашъ родной городъ оживился; но все-таки мнѣ жаль, что ты лишаешься хорошихъ знакомыхъ. Для себя лично — я ничего не ищу. Мое будущее крайне неопредѣленно. Однако нынѣшнюю зиму мы не можемъ пожаловаться на недостатокъ въ обществѣ. Правда, кавалеровъ у насъ меньше прежняго, но эта бѣда не велика, коль скоро имѣешь возможность составить себѣ пріятный дамскій кружокъ. Не замѣчаю большой разницы между моимъ теперешнимъ образомъ жизни и тѣмъ, который вела я здѣсь въ прошлое время. Намъ одного недостаетъ—хорошихъ артистовъ. Нѣсколько лѣтъ сряду слушали мы Фильда, Ромберга, Тарквиніо и многихъ другихъ—и слухъ нашъ такъ избаловался, что рѣшительно не выносить посредственной игры или пѣнія. Если Грибоѣдовы намѣрены вернуться сюда въ сентябрѣ, то навѣрное они строятъ себѣ домъ. Неужели опять за Москвой-рѣчкой? Прощай, моя дорогая; не могу болѣе писать, едва успѣла намарать это письмо: меня пре-

рывали разъ десять. Знаешь ли, что нашъ генералъ здѣсь? Я еще не видала его, хотя онъ къ намъ заѣзжалъ. Всѣмъ знакомымъ, съ которыми встрѣчается, онъ поручаетъ передать матушкинѣ тысячу привѣтствій. Вотъ уже два дня, какъ онъ въ Москвѣ. Увидѣвъ его, я вспомню наше милое прошлое времячко... Какъ жаль, что нельзя его вернуть! Подчасъ я глубоко объ этомъ сокрушаюсь. Кланяйся мужу. Нѣжно тебя обнимаю.

12-го марта.—Вполнѣ раздѣляю восторгъ герцога Полиньяка. Какъ ему не радоваться освобожденію своихъ дѣтей отъ вогтей чудовища. Года четыре тому назадъ мнѣ рассказывали очень подробно объ ихъ заключеніи въ тюрьму. Мнѣ помнится, что они имѣли неосторожность явиться во Францію. Надо надѣяться, что урокъ этотъ не пропадетъ даромъ и впередъ они будутъ умнѣе. Для нихъ самое лучшее было бы пріѣхать къ отцу. До сихъ поръ они на это не рѣшались. Между тѣмъ какъ вся семья ихъ жила въ Россіи, они оставались въ Англии, и въ ту пору мнѣ говорили, что они съ герцогомъ были не въ ладу. Все же они ему дѣти и навѣрное онъ радъ видѣть ихъ внѣ опасности. Что это вздумалось тебѣ толковать о возвращеніи Бурбоновъ на французскій престолъ и о томъ, что Полиньяки стали бы играть такую же роль, какъ при Лудовикѣ XVI? Знаешь ли, что я боюсь этого больше огня. Герцогъ не уѣхалъ бы одинъ, онъ бы потащилъ съ собою братьевъ. Предположимъ, что нашъ молодой человекъ не сталъ бы гордиться своимъ блестящимъ положеніемъ; но признаюсь, что я, мнѣ кажется, никогда не рѣшилась бы покинуть свою родину и въ особенности семью. Это единственная жертва, которой я не могла бы ему принести. Сдѣлай одолженіе, не сваряжай меня въ путь, не отправляй въ Парижъ. Мнѣ это вовсе не по вкусу. Лучше постарайся разузнать, какіе строить планы семейство Полиньякъ. Что они намѣрены предпринять, если Бурбоны вернутся на престолъ; впрочемъ, вѣдь это еще бабушка на-двое сказала. Г-жа Лапкива хорошо знакома съ Полиньяками. Во время своихъ поѣздокъ за-границу, лѣтъ 26 тому назадъ, она была въ ихъ замкѣ около Монпелье. Разъ какъ-то, вечеромъ, она разговаривалась съ нами о Полиньякахъ и разсказала, что они ни на что не рассчитываютъ въ будущемъ и что какой-бы оборотъ ни приняли дѣла во Франціи, имъ придется во всякомъ случаѣ остаться на житьѣ въ Россіи, потому что на родинѣ ихъ не долюбиваютъ и туда вернуться они не могутъ. Сестра Діана и невѣстка, жена Юлія, въ былое время возбудили къ себѣ общую ненависть: слѣдовательно, имъ не весело будетъ

жить въ своемъ отечествѣ. Признаюсь, что я не могу судить строго этихъ дамъ, потому что имъ я отчасти обязана увѣренностию, что Гераклій не оставитъ Россію. Однако послѣднее твое письмо нѣсколько встревожило меня. Лапкова почти каждый день выдаетъ Полиньявовъ въ Петербургѣ: ты также настолько съ ними знакома, что можешь знать ихъ взглядъ на событія. Кому же мнѣ вѣрить: тебѣ или ей? Пожалуйста, разьясни мои сомнѣнія; но не вздумай меня по-пусту утѣшать. Прошу тебя всегда говорить мнѣ правду касательно этого предмета и описывать мнѣ вещи въ томъ свѣтѣ, въ какомъ онѣ представляются твоимъ глазамъ. Тебѣ извѣстно, что я прошла чрезъ множество испытаній, слѣдовательно способна многое вытерпѣть. Уповаю на Бога, онъ посылаетъ намъ испытанія и даетъ силу ихъ перенести. Теперь я убѣдилась, что сестра не получала писемъ, въ которыхъ я говорила ей о Геракліѣ, и даже письмо съ приложеніемъ записки къ нему до нея не дошло. Въ первую минуту мнѣ было очень горько, но я сказала себѣ: вѣдь вздумать же Полиньякъ написать матушкѣ нынѣшнимъ лѣтомъ, никто его не заставлялъ; слѣдовательно, если Богу угодно, чтобъ мы сошлись, то Гераклій снова можетъ написать, а если Господь не назначилъ намъ быть вмѣстѣ, то къ чему поведутъ мои волненія? Грѣхъ сомнѣваться въ Божьей милости. Такъ разсудивъ, я успокоилась, хотя и не вполне. Еслибъ ты знала, какое сокровище для меня—мама. Въ тяжелыя минуты я обращаюсь къ ней за помощью, она имѣетъ на меня сильное вліяніе и настраиваетъ мой умъ какъ ей угодно; безъ ея помощи врядъ ли бы я такъ легко мирилась съ своей судьбой. Когда я молчу и стараюсь затаить свои мысли, она ихъ угадываетъ и умѣетъ заставить меня высказаться противъ моего желанія. Завладѣвъ моими думами, она даетъ имъ, какое хочетъ, направленіе и на меня это всегда дѣйствуетъ благотворно. Я удивилась, услышавъ отъ г-жи Лапковой, что Лудвигу Полиньякъ извѣстны самыя мельчайшія подробности о нашей семьѣ. Однажды вечеромъ, она начала перебирать все, что говорилъ онъ ей о насъ при разныхъ случаяхъ; я тотчасъ же поняла, что всѣ эти свѣдѣнія получены имъ отъ брата. Однако я слишкомъ распространяюсь, какъ бы ты не заснула надъ моимъ письмомъ... Тебѣ я обязана тѣмъ, что въ первый разъ въ жизни попала въ Чудовъ монастырь. Я, а равно и сопровождавшая меня Нимфа, — не знали, что женщины не пускаютъ туда, гдѣ главный престолъ. Увидя, что тамъ много народа, мы направили туда свои стопы; вдругъ на порогѣ какой-то мужичокъ дернулъ меня за руку, говоря: «барыня, сюда не ходятъ». Мнѣ

отыдно стало своего невѣдѣнія, я благодарна была за добрый совѣтъ и, не зная гдѣ встать, просила его указать мнѣ мѣсто. Онъ указалъ дверь налѣво; надо было кругомъ обойти. Я его послушалась и отыскала себѣ удобное мѣстечко, гдѣ и простояла всю обѣдню. Мнѣ хочется опять сходить къ обѣднѣ въ Кремль. Я всегда люблю Кремлемъ: онъ такъ величественъ, такъ хорошъ. Памятники, находящіеся въ его стѣнахъ, свидѣлствуютъ о древности нашей милой столицы. Въ теченіи столькихъ вѣковъ въ немъ жили наши цари. Мнѣ представляются ихъ тѣни расхаживающими по безчисленнымъ корридорамъ Кремля, въ которыхъ я вѣчно заблужусь. Эти-то почтенныя тѣни, какъ мнѣ кажется, уберегли его отъ конечнаго разрушенія. Все въ немъ осталось на прежнемъ мѣстѣ. Сгорѣлъ лишь одинъ дворецъ. Всѣ церкви цѣлы. Сенатъ, коловожня Ивана Великаго, теремъ,—словомъ, всѣ зданія, которыя стоятъ сотни лѣтъ, остались невредимы. Арсеналъ, выстроенный въ нынѣшнее царствованіе, нѣсколько поврежденъ съ одной стороны. Онъ примыкалъ къ Никольскимъ воротамъ, этой гордой старинной башнѣ, построенной при Борисѣ Годуновѣ; надо удивляться, что она сумѣла устоять противъ гнѣва Наполеона. Она-то и служила предѣломъ опустошенія; посреди ея находится образъ св. Николая чудотворца, даже стекло на рамѣ образа не разбилось во время паденія стѣны арсенала. Иванъ Великій даже не пошатнулся, между тѣмъ какъ гауптвахта, каменное зданіе, одной стѣной примыкавшее къ коловожнѣ, было взорвано, такъ что камни разлетѣлись во всѣ стороны.

Мнѣ хочется по порядку обойти всѣ соборы; вообрази, что я только разъ была въ Успенскомъ соборѣ и всего на минутку: гуляя, мы зашли въ церковь въ концѣ вечерни, я тогда была еще ребенкомъ. Грустныя происшествія 1812 года возбудили мое любопытство, и теперь я намѣреваюсь ознакомиться съ достопримѣчательностями Москвы.

Сестра писала намъ изъ Дрездена, слѣдовательно она находится на возвратномъ пути; въ апрѣлѣ вѣроятно она уже будетъ у свекрови въ Польшѣ, гдѣ мужъ ея долженъ окончить кое-какія дѣла. Нашъ образъ жизни нѣсколько измѣнился; два и даже три раза въ недѣлю мы ужинаемъ у Валуевыхъ. Дядя очень плохъ. Утверждаютъ, что нѣтъ опасности, а мнѣ кажется, что онъ не доживетъ до весны. У него собственно никакой болѣзни нѣтъ, но онъ чувствуетъ крайнюю слабость, а въ 73 года такой упадокъ силъ не предвѣщаетъ ничего добраго. Ревность В. болѣе не проявлялась. Посылаю тебѣ романсъ, котораго я не отыскала прошлый разъ, когда отправляла тебѣ стихи Пушкина. Бѣдный В. началъ увлекаться игрой

и вотъ уже двѣ недѣли, какъ мы видимся гораздо рѣже. Андрей Г. настоящая язва для молодежи: онъ устроилъ у себя вечера и играетъ до зарѣзу съ Л. и кн. Петромъ. Л. тридцать лѣтъ, онъ не мальчикъ и долженъ отдавать себѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Кн. Андрей — дрянь: еслибъ онъ проигралъ все свое состояніе, я пожалѣла бы о его женѣ и дочери, но не о немъ. Это человѣкъ ни на что негодный, между тѣмъ многихъ онъ губить и никто его терпѣть не можетъ. Кн. Петръ ненавидитъ его и встрѣчается съ нимъ только за карточнымъ столомъ, потому что жить не можетъ безъ игры. Навѣрное онъ будетъ жертвой своей страсти. Гдѣ же ему, юношѣ 21 года, устоять противъ двухъ опытныхъ игроковъ, каковы его партнеры. Изъ В. могъ бы выйти дѣльный малый; у него добрая натура и хорошія способности. Повредила ему глупая женитьба! Жена его добрая бабенка, но совершенная ничтожность во всѣхъ отношеніяхъ. У нея нѣтъ ни тавта, ни самостоятельности; да и чего же можно было ожидать отъ системы воспитанія, которой держится г-жа Кологривова.

Забыла сказать тебѣ, что нашъ генералъ два раза у насъ ужиналъ. Положеніе его незавидное, однако онъ сохранилъ веселое расположеніе духа и сталъ болѣе подвижнымъ, чѣмъ прежде, когда у него были обѣ ноги. Едва успѣлъ отдохнуть, а уже ѣдетъ дальше въ Симбирскъ, гдѣ его братъ поселился послѣ эмиграціи.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Вокругъ тебя лучъ радости свѣтлѣеть;
 Въ тебѣ дары ума и красоты,
 И если кто душой моею влаждеть,
 Ахъ! это—ты!
 Твой взоръ любви насъ покоряетъ волѣ,
 Тебя узнать—есть полюбить тебя;
 Но есть ли кто къ тебѣ всѣхъ страстенъ болѣ,
 Ахъ! это—я!
 Какъ мотылекъ я, вѣрный лишь веселью,
 Любилъ порхать съ измѣной на цвѣты:
 Теперь одна моихъ всѣхъ мыслей цѣлю—
 И это—ты!
 Тобой любимъ, на что мнѣ блага свѣта?
 Тобой любимъ: кто счастливѣй меня?
 Но есть ли кто страдаетъ безъ отвѣта—
 Ахъ! это—я!

Вотъ еще двѣ строки, которыя Вяземскій написалъ мнѣ эскиптомъ на моемъ канвовомъ узорѣ.

Не нужно много словъ для искреннихъ похвалъ:
 Сказавъ, что *ты мила*, не все ли я сказалъ?

16-го *апрѣля*.—Получивъ письмо твоего мужа, я тотчасъ же исполнила твое порученіе и съ завтрашней почтой отправлю тебѣ 10 аршинъ чернаго камлота; онъ подороже того, который я прежде покупала для тебя. Авраамъ захотѣлъ воспользоваться случаемъ нажить лишній рубль и сталъ продавать эту матерію дороже, потому что и въ Петербургъ выписываютъ въ большомъ количествѣ—и здѣсь раскупаютъ. Вчера при мнѣ онъ продалъ ее по 7 руб. аршинъ; такъ какъ я пользуюсь его особеннымъ расположеніемъ, то онъ съ меня взялъ по пяти съ полтиной за аршинъ.

Еслибъ ты знала, какъ меня обрадовалъ твой мужъ, сказавъ, что въ скоромъ времени ты сама мнѣ напишешь. Съ нетерпѣніемъ буду ждать твоего письма. Я премного обязана мужу твоему за то, что онъ постоянно извѣщалъ меня о твоёмъ здоровьѣ. Тебѣ извѣстны наши тревоги и волненія, хотя насъ и стараются успокоить. Кромѣ нашихъ общихъ семейныхъ безпокойствъ, у меня есть своя личная причина для тревоги и мнѣ очень мудроно получить какія-либо свѣдѣнія касательно моей собственной заботы. Право, не знаю, дружокъ, кто можетъ быть веселъ и спокоенъ въ настоящее время. Что до меня касается, никогда я такъ не мучилась, какъ теперь.

Передай мужу, что я не писала ему объ Іосифѣ Вильгорскомъ, предполагая, что онъ его не знаетъ и, слѣдовательно, не можетъ имъ интересоваться. Это такой странный молодой человекъ, что его не легко съ кѣмъ-нибудь познакомиться. Сужу по тому, какого труда намъ стоило его приручить. Теперь онъ находится въ имѣніи въ Рязанской губерніи, куда онъ отправился, по его словамъ—экономничать и приводить въ порядокъ свои дѣла, что врядъ ли ему удастся. Сестрѣ своей онъ часто пишетъ. Отъ Мишеля она еще не получала извѣстій и мы до сихъ поръ не знаемъ, какъ онъ доѣхалъ. Прощай, дружокъ; когда ты мнѣ позволишь болтать съ тобой по-прежнему? Сказавъ, что тебѣ не въ тягость мое разглагольствованіе, я съ удовольствіемъ стану больше съ тобой бесѣдовать. Дай Богъ, чтобъ и сама-то я была въ силахъ писать. Передай мое искреннее привѣтствіе мужу. Не отвѣчаю отдѣльно на его письмо, потому что чувствую себя до того безтолковой, что съ трудомъ могла написать вотъ эту записочку. Отъ души благодарна ему за извѣстія о тебѣ,—вотъ все, что могу сказать. Въ прошлый четвергъ я писала ему и извѣяла свою признательность. Крѣпко цѣлую маленькую Настеньку. Дорого дала бы, чтобы взглянуть на нее и на ея ма-

машу, которую люблю, насколько сердце мое способно любить. Повѣрь, что любить оно можетъ очень и очень горячо.

20-го апрѣля.—Какъ мнѣ благодарить тебя, мой милый другъ, за нѣсколько строчекъ, которыя тебѣ такъ тяжело было написать; по почерку я вижу, какого тебѣ стоило усилія взяться за перо. Вѣрь, что меня очень тронуло это новое доказательство твоей дружбы, а равно и то, что, посреди своего горя, ты не забываешь пожелать мнѣ спокойствія. У насъ не мало тревогъ. Насъ ужасно огорчила смерть храбраго Сень-При. Мы смотрѣли на него, какъ на члена семьи; это для насъ весьма чувствительная потеря; къ тому же мы находимся въ совершенномъ невѣдѣннн о Николинѣ. Судя по тѣмъ свѣдѣннямъ, которыя удалось намъ собрать со всѣхъ сторонъ — братъ уцѣлѣлъ въ дѣлѣ подъ Реймсомъ, которое стоило жизни его генералу. Но съ тѣхъ поръ гдѣ онъ находится? Мы не могли узнать. Въ 19-лѣтѣ онъ остался одинъ-одиношенекъ, лишившись любимаго начальника, который въ теченнн полутора года оказывалъ ему родительское попеченнн и былъ его покровителемъ и защитникомъ. Я убѣждена, что Николинѣа въ первыя минуты, когда постигло его горе, совершенно потерялъ голову, ему было и тяжело — и навѣрное тревожился онъ о своей службѣ. Все это до того меня огорчаетъ, что я даже ни минуты не порадовалась вступленнн нашего войска въ Парижъ. Мы узнали въ одно и то же время о занятнн Парижа союзными войсками, и о смерти Сень-При. Последнее извѣстнн давно уже разнеслось по Москвѣ; но отъ насъ его тщательно скрывали и услышали мы его совершенно случайно. Въ самомъ Парижѣ дрались. Никому не извѣстно, кто былъ убитъ въ этой стычкѣ. Всѣ боятся за своихъ. Уныннн почти общее. Однако толкуютъ объ увеселенняхъ. Расскажу тебѣ о похвальномъ поступкѣ купечества. Намѣревались три дня праздновать событнн столь важное для Росснн. 23-го апрѣля въ день св. Георгнн предполагали отслужить благодарственный молебенъ, потомъ долженъ былъ быть обѣдъ у Растопчина, а вечеромъ иллюминацнн въ городѣ. Въ пятницу назначенъ былъ отъ дворянства праздникъ въ собраннн, а въ субботу — большой маскарадъ отъ купечества. Вдругъ вчера купцы явились къ Растопчину и принесли ему 10 тысячъ, назначенныя на маскарадъ, прося его роздать ихъ на приданое шести бѣднымъ невѣстамъ, что находятъ гораздо болѣе полезнымъ употребить эти деньги на доброе дѣло, а не на танцы; что когда миръ заключатъ, тогда можно будетъ поплясать.

...Вотъ уже два мѣсяца, какъ мы не имѣемъ извѣстій отъ сестры. Словомъ, милый другъ, нашей семьѣ еще далеко до радости. Дай намъ Богъ дожить до веселой поры. Не слышно ли чего о Гераклѣ? Прости, я безпокою тебя; но вѣдь ты не разсердишься на меня? Ты такъ добра! Прощай, дружокъ. Я молюсь о тебѣ, а ты за меня помолись. Если меня ожидаетъ впереди испытаніе, попроси Бога, чтобъ далъ онъ мнѣ силу и твердость перенести его. Жизнь такъ коротка: я часто дивлюсь, что мы добиваемся счастья на землѣ. Счастью и горю— всему одинъ конецъ. Хорошо, еслибъ мы всегда объ этомъ помнили. Обнимаю тебя.

27-го апрѣля.—Послѣднее письмо твое, милый другъ, тронуло меня до глубины души. Искренно благодарю тебя за желаніе мнѣ счастья. Коль скоро ты требуешь, чтобъ я какъ можно подробнѣ писала тебѣ о предметахъ меня интересующихъ, охотно исполню твое желаніе, тѣмъ болѣе, что мнѣ доставляетъ громадное удовольствіе съ тобой бесѣдовать. Я боялась надоѣсть тебѣ, полагая, что въ теперешнемъ положеніи твоёмъ тебѣ некогда обо мнѣ думать. Когда насъ что-нибудь занимаетъ, хотѣлось бы говорить объ этомъ всему міру, а не только искреннимъ друзьямъ, принимающимъ въ насъ живое участіе. Ты спрашиваешь, какія имѣемъ мы извѣстія о братѣ. Увы! Мы ничего о немъ не знаемъ, равно и о другихъ близкихъ намъ лицахъ. Со смерти Сень-При мы потеряли изъ виду Николинку, и сколько ни стараемся, все-таки не можемъ узнать, при комъ онъ теперь служитъ. Извѣстно только, что онъ вышелъ цѣлымъ и невредимымъ изъ всѣхъ сраженій, бывшихъ до взятія Парижа, въ которыхъ погибло столько людей.

Три дня тому назадъ съ порученіемъ изъ арміи прѣзжалъ сюда кавалергардскій офицеръ Гревсъ. Онъ выѣхалъ изъ главной квартиры въ концѣ февраля, слѣдовательно всѣ важныя событія совершились по его отъѣздѣ и узналъ онъ объ нихъ дорогою отъ какого-то офицера (Гревсъ останавливался въ какомъ-то городѣ по случаю болѣзни). Будучи знакомъ со мной, съ сестрой и съ Николинкой, онъ тотчасъ же разспросилъ офицера о братѣ. Тотъ отвѣчалъ ему, что братъ совершенно здоровъ, а Сень-При умеръ. Прибывъ въ Москву, Гревсъ искалъ случая встрѣтиться со мной, такъ какъ мы познакомились на балѣ; матушка онъ не былъ представленъ, слѣдовательно къ намъ явиться не могъ; но мнѣ пришлось встрѣтить его у моего дяди Волконскаго: онъ сказалъ мнѣ, что я могу быть совершенно спокойна на

счетъ брата. Онъ также поручилъ кому-то передать удовлетворительныя вѣсти о Николинѣ сестрѣ моей, находящейся въ Дрезденѣ. При немъ какой-то незнакомецъ освѣдомился о Николаѣ у того же самаго офицера, который и ему повторилъ все то же, что передалъ Гревсу. Незнакомецъ былъ не кто иной, какъ австрійскій баронъ, котораго мы здѣсь часто видали два года тому назадъ; потомъ онъ познакомился съ сестрой въ главной квартирѣ, знаетъ всю нашу семью: онъ и спросилъ о Николаѣ. Про Гераклія я ровно ничего не знаю, самой спрашивать не удобно, другіе же о немъ не упоминають, не воображая, что я имъ интересуюсь. Надѣюсь, что ты сообщишь мнѣ о немъ какую-либо вѣсточку. Меня пугаетъ твое предположеніе, будто семейство его вернется во Францію. Онъ не получалъ матушкинаго письма, слѣдовательно не знаетъ нашего мнѣнія и можетъ быть предполагаетъ, что мы относимся къ нему неблагоклонно. Что, ежели я вдругъ узнаю, что онъ поступилъ на службу къ Людовику XVIII? Если это случится, я приму такое извѣстіе за новое испытаніе, которое посылаетъ мнѣ Господь; покорюсь волѣ Божьей и постараюсь не жалѣть о случившемся. Судьба моя странная, признаюсь, но Богъ вѣдь знаетъ, зачѣмъ онъ такъ ее устроилъ. Ахъ, еслибъ могла я всегда такъ рассуждать! Въ теченіи 25 лѣтъ не было надежды на возвращеніе Бурбоновъ на французскій престолъ. Четыре года тому назадъ не существовало препятствій для моего замужства съ Геракліемъ; матушка пожелала отложить свадьбу; тебѣ извѣстно, что изъ этого вышло. Теперь Гераклій снова началъ дѣло, а мы не можемъ добиться, чтобъ къ нему попало наше письмо. Бурбоны могутъ снова сѣсть на французскій престолъ, слѣдовательно будущность Полиньяковъ становится крайне неопредѣленной. Нисогда не думала я, что судьба моя будетъ связана съ исторіей Франціи. Вѣдь правда, что отъ незначительныхъ причинъ бывають важныя послѣдствія, а крупныя причины иногда вліяють на событія, незначительныя для большинства, но важныя для судьбы частныхъ лицъ.

Тебѣ понятно, что посреди всѣхъ этихъ сомнѣній я не могу думать о развлеченіяхъ и не принимаю въ нихъ участія. Здѣсь ихъ было довольно. Я видѣла только иллюминацію, которая повторалась три вечера сряду. Казенныя зданія и собраніе были прекрасно освѣщены. Растопчинъ изстратилъ 5,000; все, что онъ устроилъ, было хорошо; не понравились мнѣ только нѣкоторые эмблемы сомнительнаго вкуса. Впрочемъ, на этотъ разъ недостатокъ было немного и въ цѣломъ иллюминація была очень удачна.

Въ собраніи былъ большой праздникъ; купечество то же дало праздникъ и былъ публичный маскарадъ. Я нигуда не ѣздила: вотъ уже двѣ недѣли, что выхожу только гулять. Мнѣ нездоровится, нѣсколько разъ у меня показывалась лихорадка, но я не терплю докторовъ и обращаюсь къ Кульману, только ежели серьезно заболѣю. Встали о празднествахъ. Теперь готовится торжество. Нѣсколько молодыхъ людей задумали на славу отпраздновать взятіе Парижа. Они сдѣлали складчину и собрали двадцать тысячъ рублей, которые употребятъ на праздникъ, назначенный 9-го мая въ загородномъ домѣ Полторацкихъ. Домъ этотъ просто дворецъ. При немъ чудесный садъ. Все будетъ иллюминировано. Готовится прологъ и храмъ безсмертія; мнѣ столько рассказали, что я половину забыла. Ты, конечно, отгадываешь, что Вяземскій въ числѣ главныхъ участниковъ и весь погруженъ въ заботы о праздникѣ. Онъ сочинилъ на этотъ случай прекрасное четверостишіе къ бюсту Императора. Вотъ оно:

Мужъ твердый въ бѣдствіяхъ и скромный побѣдитель—
 Какой вѣнецъ ему! Какой ему алтарь!
 Вселенная! пади предъ нимъ: онъ твой спаситель!
 Россія, имъ гордись! Онъ сынъ твой, онъ твой царь.

Видишь, какъ я послушна: я рассказала тебѣ все до мельчайшихъ подробностей. Все, что готовится, займетъ меня, если сброшу я съ плечъ свое горе. Теперь пока мнѣ приходится выслушивать всѣ разговоры, но я очень мало ими интересуюсь. Объ отъѣздѣ въ деревню еще не говорятъ, однако я полагаю, что мы будемъ въ Высокомъ въ половинѣ мая. Федоръ Голицынъ намѣревается быть въ Москвѣ лѣтомъ, поэтому Мари Сумарокова обѣщаетъ мнѣ пріѣхать въ Высокое мѣсяца на два. Она у меня все спрашиваетъ о тебѣ. Бѣдняжка очень хворала постомъ и только недавно начала опять со мной переписываться. Последнее сестрино письмо было отъ 22-го февраля. Какъ видишь, очень давно. Богъ знаетъ, когда попадетъ она въ Россію и къ намъ. Прежде всего ей придется побѣхать къ свекрови. Не дождусь я, признаюсь, когда можно мнѣ будетъ побесѣдовать откровенно съ кѣмъ-нибудь изъ друзей. Есть вещи, о которыхъ я не могу говорить съ мамѣ изъ опасенія ее потревожить, а между тѣмъ трудно молчать, когда на сердцѣ тяжело: я буду вполне счастлива, когда увижусь съ братомъ или съ сестрой. Что касается до тебя, я не смѣю и надѣяться на свиданіе съ тобой. Къ тому же, что Катенькѣ или брату покажется интереснымъ, то не можетъ занять тебя. Есть вещи, о которыхъ можно толковать только въ семьѣ: я тебѣ объясню это впоследствии, ты со-

гласишься, что я права. Прощай, моя дорогая. Цѣлую тебя и твою «инфанту», какъ ты ее называешь.

4-го мая.—Дѣйствительно, мы имѣли счастье получить извѣстія о братѣ, мой милый другъ, и благодаримъ Бога за радостныя и утѣшительныя вѣсти. Николинъка вель себя преврасно. Еслибъ не онъ и нѣкоторые другіе офицеры Рязанскаго полка, то генералъ ихъ взять бы былъ французами при очищеніи Реймса. Бѣднаго раненаго Сень-При вдругъ окружили непріатели, Николинъка храбро отстаивалъ его, подвергая жизнь опасности; ему посчастливилось спасти его отъ плѣна, но не отъ ранъ, которыя и были причиной его смерти. Прострадалъ онъ лишь нѣсколько дней. Всѣ эти подробности сообщили намъ изъ Вѣны, гдѣ давно поселился старый графъ Сень-При съ племянницей своей г-ой Штапельбергъ. Послѣдняя писала дядошѣ Кошелеву, что ея дядя получилъ два письма отъ Эммануила послѣ: такъ онъ былъ раненъ. Не будучи въ состояніи писать самъ, Сень-При диктовалъ письма Николинъкѣ, котораго въ Вѣнѣ знаютъ, какъ тебѣ извѣстно. Письма эти исполнены похвалъ Николаю, котораго преданность очень тронула Сень-При. Этотъ достойный человѣкъ какъ будто забылъ о томъ, сколько братъ ему обязанъ. Что до насъ касается, мы рады, что братъ имѣлъ возможность и случай доказать свою признательность Сень-При, и хотя чѣмъ-нибудь отплатить ему за все добро, которое сдѣлалъ ему Эммануиль. Господь всегда вознаграждаетъ добрые поступки; вотъ почему братъ мой, исполнивъ свой долгъ, остался цѣлъ и невредимъ. Все, что сообщаю я тебѣ, узнали мы не отъ самого брата, а черезъ Горчакова, который тотчасъ написалъ объ этомъ мамѣ, и черезъ дядю Кошелева, приславшаго намъ подлинное письмо г-жи Штапельбергъ. За подвигъ свой Николинъка получилъ георгіевскій крестъ.

Теперь насъ тревожить, что мы не знаемъ, куда дѣлся братъ по смерти Эммануила. Здѣсь утверждаютъ, что Сень-При умеръ, хотя изъ Вѣны пишутъ, что, судя по послѣднему письму Эммануила, была надежда на выздоровленіе. Всѣ извѣстія скрываютъ, такъ что и отъ прѣзжихъ изъ арміи ничего нельзя добиться. Хотѣлось бы намъ знать, перешелъ ли Николай на службу къ другому генералу или вернулся въ свой полкъ, чего бы мы вовсе не желали. Быть можетъ, онъ обратился за совѣтомъ къ Милорадовичу, который принимаетъ въ немъ участіе; хорошо, если это предположеніе вѣрно. Брату на-дняхъ минуло девятнадцать лѣтъ. Каково же въ эти годы остаться одному безъ опоры, лишась по-

кровительства нашего добраго, честнаго друга. Все дѣлается по волѣ Божьей, на которую и должны мы полагаться.

Отъ души благодарю тебя за добрыя вѣсти о нѣкоторомъ лицѣ. Я еще не рассказала тебѣ, что матушкинѣ пришлось во второй разъ написать къ нему по просьбѣ г-жи Корсаковой, которой сынъ служилъ въ Литовскомъ полку, стоявшемъ въ Базенѣ. Григорій Корсаковъ предполагалъ, что не найдетъ въ этомъ городѣ ни одной знакомой души, вдругъ встрѣчаетъ Гераклія, съ которымъ видался въ Москвѣ. Полиньякъ принялъ его какъ родного и предложилъ ему жить въ своей квартирѣ. Молодого Корсакова очень тронулъ его дружескій приемъ. Онъ обо всемъ написалъ матери, которая явилась къ мамѣ и упрасивала ее поблагодарить Полиньяка въ письмѣ и попросить его не оставлять Григорія. Какъ матушка ни увѣряла Корсакову, что Гераклій уже вышелъ изъ этого полка, она все повторяла свою просьбу. Наконецъ мамѣ дала ей письмо; увидимъ, дойдетъ ли оно. Его взялся отправить Булгаковъ, который въ постоянной перепискѣ съ своимъ братомъ, и письма его ни разу не пропадали. Константинъ Булгаковъ находится при особѣ государя и слѣдовательно всегда при главной квартирѣ: ему легко будетъ передать паветъ Корсакову, служащему въ гвардіи. Такъ какъ Корсаковъ отличается разсѣянностію, вопросъ въ томъ, перешлетъ ли онъ письмо Гераклію, который оставилъ гвардію и, быть можетъ, находится гдѣ-нибудь далеко. Если пропадетъ и это посланіе, вся моя надежда будетъ на одну тебя. Навѣрное, при первомъ удобномъ случаѣ, Полиньякъ прїѣдетъ въ Петербургъ повидаться съ родными. Тогда ты можешь спросить, получилъ ли онъ нашъ отвѣтъ на его письмо и знаетъ ли, что мы желаемъ его видѣть. Я вполне довѣряю твоему благоразумію и убѣждена, что ты ничего лишняго не скажешь, потому когда что-нибудь поручаю тебѣ, то знаю, что бояться мнѣ нечего. Мнѣ кажется, что г-жа Вилеро подозрѣваетъ, что ты не для себя лично собираешь справки о ея кузенѣ. Какъ ты объ этомъ думаешь?

Прощай, моя дорогая: я такъ слаба, что не могу больше писать. Мнѣ пришлось обратиться за помощью къ Кульману и даже принять лежарство. Нынче я дурно провела ночь. Особеннаго ничего не имѣю тебѣ передать. Здѣсь, какъ и у васъ, радуются и много толкуютъ о совершившихся событіяхъ, даже слушать надобно. Погода ужасная, вчера напалъ снѣгъ, нынче растаялъ, такъ холодно и вѣтрено, что сидѣть дома не есть лишеніе. Передай мой поклонъ мужу.

11-ю мая. — Прежде всего сообщу тебѣ о нашей радости, дружокъ. На прошлой недѣлѣ получили мы письмо нашего милаго Николинки отъ 7-го марта. Онъ подробно говоритъ про раненаго Сень-При, который еще былъ живъ. У него оторвало все правое плечо. Десять дней онъ ужасно страдалъ. Братъ говоритъ, что невозможно передать, до какой степени это грустное событіе огорчило весь корпусъ, которымъ командовалъ Сень-При. Его оплакиваютъ, какъ отца; предстоящую потерю считаютъ небесной карой; самъ братъ въ отчаяніи и проситъ насъ вмѣстѣ съ нимъ молить Бога о выздоровленіи его храбраго генерала. О своемъ подвигѣ не говоритъ ни слова: пріятно видѣть такую скромность въ девятнадцатилѣтнемъ мальчикѣ. Упомянувъ объ опасности быть взятымъ въ плѣнъ, которой подвергнулся Сень-При, онъ приписываетъ всю славу его освобожденія офицерамъ одного изъ баталіоновъ Рязанскаго полка. Въ одинъ день съ этимъ письмомъ, Даша получила отъ брата своего Матвѣя посланіе отъ 1-го апрѣля, слѣдовательно изъ Парижа. Онъ сообщаетъ о кончинѣ Сень-При и говоритъ, что Николинка пріѣхалъ въ Парижъ совершенно здоровымъ и что, тотчасъ же по пріѣздѣ, государь пожаловалъ ему георгіевскій крестъ за спасеніе своего генерала. Всѣ товарищи брата отдають полную справедливость его храбрости. Ты можешь себѣ представить, какъ всѣ мы довольны и веселы; милый Николинка — слава и гордость нашей семьи. Это еще не все. Матвѣй получилъ разрѣшеніе сопровождать кн. Трубецвого въ Петербургъ и говоритъ, что братъ намѣревается оставить Парижъ въ скоромъ времени и ѣхать въ Москву. Насъ такъ обрадовало это извѣстіе, что мы сами не свои. Каждую минуту ждемъ прибытія нашего милаго героя. Если онъ мѣсяцъ будетъ въ дорогѣ, то, предположивъ, что онъ выѣхалъ изъ Парижа въ половинѣ апрѣля, мы смѣло можемъ во всякое время дня ждать его появленія. Добрый нашъ Николинка просто сокровище. Природа щедро одарила его, въ тому же воспитаніе его окончилъ человекъ примѣрный во всѣхъ отношеніяхъ и который песя о немъ, какъ отецъ. Во всю жизнь мою буду я чтить его память. Къ стыду нашего вѣка надо признаться, что рѣдко можно встрѣтить людей, подобныхъ Сень-При. Дай Богъ, чтобы нашъ Николинка наследовалъ его добродѣтели.

Вотъ я и успокоилась насчетъ одного дорогого лица, о которомъ два года тревожилась. Господь такъ милостивъ ко мнѣ, что я на Него возлагаю всю свою надежду. Съ моей стороны было бы неблагоугодно заботиться о моемъ будущемъ; полагаюсь на Божіе милосердіе. Да будетъ Его святая воля; объ од-

номъ молю, чтобы всегда Господь руководилъ моими дѣйствіями. Благодарю тебя за всѣ подробности, которыя ты передаешь мнѣ въ послѣднемъ письмѣ. Меня удивляетъ разсужденіе г-жи Вилеро. Она не вполне высказалась: по-моему, встрѣча и знакомство съ сестрой не есть достаточныя причины для возобновленія дѣла, которое кануло въ воду. Не хотѣла ли она отъ тебя кое-что повывѣдать. Не извѣстна ли ей попытка Геракля? Постарайся это разузнать. Велика моя надежда на твою дружбу; признаюсь, иначе я бы не стала приставать къ тебѣ съ мелочами, которыя до тебя лично вовсе не касаются. Прости меня дружокъ. Прошу Бога, чтобы представился мнѣ случай выказать тебѣ мою признательность. Въ послѣднемъ письмѣ я говорила тебѣ, какой услуги жду отъ тебя, ежели прійдетъ Гераклій въ Петербургъ. Я сдѣлала все, что отъ меня зависѣло, чтобы мое расположеніе было ему извѣстно. Увидимъ, угодно ли Богу, чтобы дѣло кончилось такъ, какъ я желаю, или иначе. Во всякомъ случаѣ совѣсть моя будетъ покойна. Я всегда поступала правдиво и осторожно. Повторяю: я полагаюсь на Бога.

Давно слышала я, что государю дали названіе «благословеннаго». Не смѣю открыто противорѣчить такому большинству умовъ, которые отыскивали прозвище, наиболѣе подходящее нашему монарху; но вѣдь всякому позволено имѣть свое мнѣніе; что до меня касается, признаюсь, я не понимаю, что они хотѣли выразить словомъ «благословенный»; потомству, я полагаю, это покажется еще страннѣе. По-моему, названіе до того неопредѣленно, что ничего ровно не выражаетъ, между тѣмъ событія, ознаменовавшія царствованіе императора Александра, такъ велики, что ихъ можно было бы гораздо яснѣе обозначить. Что это я однако вздумала разсуждать! Съ моей стороны дерзость воображать, что я умнѣе всѣхъ этихъ тузовъ, которымъ поручено вести дѣла въ теченіи полутора года и которые состоятъ членами государственнаго совѣта; слѣдовательно, они представители нашего августѣйшаго монарха. Мнѣ интересно знать, какъ приметъ нашъ государь это названіе. Онъ такъ смирененъ. Изъ всего, что онъ пишетъ, видно, что не себѣ, а Богу, приписываетъ онъ все, что имѣлъ счастье совершить, и вѣрить, что невидимая рука привела дѣла къ неожиданной блестящей развязкѣ, о которой никто не осмѣливался мечтать. Признаюсь, меня столько же радуетъ душевное настроеніе нашего государя, какъ и событія, обезсмертившія его царствованіе. Больше всего боялась я, чтобы онъ не возгордился. Гордость губить насъ и лишаетъ благословенія свыше. Еслибы государь возгордился, за нимъ и всѣ под-

данные стали бы кричать: вотъ мы каковы! Больше всего были бы для меня эти возгласы; вѣдь я помню, какъ всѣ приуныли два года тому назадъ: никто не могъ и думать въ ту пору, что русскіе способны завоевать весь міръ. Иногда проглядываетъ высокомеріе въ нѣкоторыхъ лицахъ, но оно не можетъ сдѣлаться всеобщимъ, потому что государь его не раздѣляетъ. Опираясь на власть монарха, люди разумные останавливаютъ тѣхъ, кого счастье ослѣпило и доказываютъ имъ всю ложность ихъ взгляда. Я тоже иногда позволяю себѣ поспорить съ однимъ или двумя изъ нашихъ знакомыхъ. Удачи имъ голову всѣружили; счастье для человечества, что государь иначе созданъ, чѣмъ они. Кстати о государѣ. Вяземскій въ честь его сочинилъ прелестный полонезъ, который я пошлю тебѣ на будущей недѣлѣ. Праздникъ въ честь императора отложенъ до пятницы вслѣдствіе дурной погоды. Я, вѣжеса, не говорила тебѣ, что меня хотѣли заставить участвовать въ прологѣ. Вяземскій, Валуевъ, Пушкинъ и другіе—цѣлая депутація—явились меня упрашивать взять роль Европы. Чувствуя, что у меня не достаетъ таланта, чтобы хорошо исполнить столь важную роль, а главное, не рѣшаясь явиться на сцену передъ 600 человекъ и не желая подвергаться пересудамъ, я отказала наотрѣвъ самымъ деликатнымъ образомъ. Многія другія послѣдовали моему примѣру и прологъ, который долженъ былъ быть пропѣтъ, отмѣнили. Сочинили другой, который будетъ продекламированъ. Стоило большого труда найти трехъ главныхъ актрисъ. Вяземскій поручилъ женѣ взять роль Россіи. Одна изъ дѣвицъ Лунинныхъ представитъ Европу; говорятъ, она прекрасно декламируетъ. Это не одна изъ тѣхъ дѣвицъ, которыя выѣзжали въ свѣтъ три года тому назадъ, это—ихъ младшая сестра. Лицомъ она не красива, но высока и очень стройна. Славу изобразить маленькая дѣвица Бахметева, очень хорошенькая, дочь Дмитрія Александровича, о которомъ ты вѣрно слыхала. Ей всего четырнадцать лѣтъ, но она такъ воспитана, что никого и ничего не испугается, за это я поручусь. Еще двѣнадцать дамъ должны появиться на сценѣ въ видѣ девораціи; такъ какъ роли послѣднихъ нѣмныя, охотницъ легко было найти. Наташа Корсакова и сестра ея Волкова, двѣ княжны Шаховскія, двѣ дѣвицы Полторацкія и другія, которыхъ я не знаю, разобрали всѣ роли. Я увѣрена, что спектакль будетъ хорошъ. Наряды этихъ дамъ баснословно дороги. Платье кн. Вѣры стоитъ двѣ тысячи, да брилліантовъ на ней будетъ тысячъ на шестьсотъ. Другія тоже покрыты будутъ брилліантами. Если погода снова не помѣшаетъ нашимъ увеселеніямъ, въ будущій понедѣльникъ я подробно опишу тебѣ

весь праздникъ. Представь, что вчера весь день шелъ снѣгъ. Въ политическомъ мѣрѣ все идетъ прекрасно, за то природа бушуетъ. Каждый день морозить какъ зимой. Кое-гдѣ показалась травка, но на деревьяхъ нѣтъ ни одного листка. Старикъ не запомнить такой весны. Въ городѣ пропасть больныхъ. Мнѣ самой все нездоровится и я не выхожу изъ дома. Вчера вечеромъ у меня началась такая сильная лихорадка, что я должна была оставить гостей и уйти къ себѣ. Я думала, что расхворюсь не на шутку. Нынче мнѣ легче. У насъ въ домѣ у всѣхъ лихорадка, такъ что 20-го числа намъ не придется ѣхать въ деревню. Впрочемъ, дорога очень плоха. Однако къ 3-му июню прійдетъ дядя Кошелевъ и во что бы то ни стало мы должны быть въ Высовомъ. Съ 22-го февраля ничего не слыхали о сестрѣ. Прощай, нѣжно тебя обнимаю.

Говорила ли я тебѣ, что генералъ Титовъ здѣсь? Онъ вернулся изъ-за-границы и теперь любезнѣе, чѣмъ когда-либо. Мы видимся очень часто; кромѣ того, онъ написалъ мнѣ двѣ замѣчательныя записки, которыя стоить поберечь для потомства. Того и гляди, онъ поднесетъ мнѣ четверостишіе.

18-ю мая.—Прошлый вторникъ былъ радостнымъ днемъ для нашей семьи, дружокъ. Вечеромъ мы собирались идти спать, вдругъ прійхалъ Ниволинъва. Ты можешь себѣ представить, до чего всѣ мы были счастливы. Всѣ въ домѣ до послѣдняго поваренка переполошились. И точно, потрясеніе было слишкомъ сильно; еслибы такіе случаи часто повторялись, то они вредно отзвѣвались бы на здоровьѣ. Теперь всѣ въ домѣ повеселѣли, давно не видно было у насъ такихъ довольныхъ лицъ. Насъ въ особенности радуетъ, что братъ остался по прежнему добръ и разуменъ; мы не смѣли надѣяться, чтобы онъ въ 19 лѣтъ, попавъ въ водоворотъ, столь пагубный для молодежи, нисколько не испортился. Онъ былъ въ хорошихъ рукахъ; надо послушать, какъ онъ говоритъ о Сенъ-При, чтобы оцѣнить этого достойнаго чело-вѣка. Онъ былъ слишкомъ хорошъ для здѣшняго міра. Защищая Сенъ-При отъ французовъ, Ниволинъва подвергался бѣльшей опасности, нежели мы предполагали и онъ ничуть не гордится своимъ успѣхомъ. Онъ вовсе не думаетъ о немъ. Мы только вчера разузнали отъ него подробности этого дѣла, о которомъ онъ упоминаетъ слегка. Если всѣ герои наши вернуться въ такомъ настроеніи, какъ братъ,—намъ не придется встрѣчать ни фатовъ, ни хвастуновъ,—словомъ, никто не будетъ восхищаться ни Парижемъ, ни французами. Чтобы передать тебѣ всѣ наши дѣйствія

и разговоры, нужно исписать цѣлые томы, чего я сдѣлать не въ силахъ, потому перейдемъ къ другому предмету. Вчера я получила твое письмо отъ 12-го числа; въ моей искренней благодарности ты, конечно, не сомнѣваешься. Будь я менѣе въ тебѣ увѣрена, я бы никогда не рѣшилась вмѣшаться въ свои дѣла лица, совершенно постороннее. Но, какъ я уже говорила тебѣ, я вполне положила на твое умѣнье и поручила тебѣ вести, какъ знаешь, дѣло весьма деликатное. Ежели ты считаешь нужнымъ переговорить съ г-жой Вилеро, чтобы предупредить всякаго рода недоразумѣнія, я даю на это свое согласіе, потому что матушка разрѣшаетъ такъ дѣйствовать. Однако прежде всего слѣдуетъ узнать, точно ли г-жа Вилеро пользуется довѣріемъ Гераклія Полиньяка настолько, что онъ во всемъ съ ней совѣтуется. Если это дѣйствительно такъ, то невѣроятно, чтобы онъ скрылъ отъ нея, что писалъ къ мамѣ. Ежели кузина твоя объ этомъ не знаетъ, это докажетъ намъ, что Полиньякъ желалъ скрыть отъ нея это дѣло. Иначе, какъ же не сказалъ бы онъ ей о дѣлѣ болѣе важномъ, коль скоро упомянулъ о знакомствѣ съ сестрой моей, которое, быть можетъ, и навело его на мысль снова обратиться къ матушкѣ. Еще разъ полагаюсь на твою осторожность. Изъ словъ г-жи Вилеро, которыя ты мнѣ передала въ письмѣ, я заключаю, что она знаетъ о послѣдней попыткѣ Гераклія. Если она пользуется его откровенностію, то предположеніе мое вѣрно. Не зная ея лично, я вполне довѣряю твоимъ хорошимъ отзывамъ о ней; мнѣ и другія лица хвалили ее, такъ что нынѣшнюю зиму мнѣ пришлось защищать ее отъ нападокъ злой старухи. Говорили о женщинахъ, лишившихся мужей во время войны, мегера эта и упомянула о г-жѣ Вилеро, отзываясь о ней дурно. Я имѣю глупую привычку заставлять людей молчать, когда они завираются, такъ поступила я и въ этотъ разъ; старушонка крайне удивилась, что я заступалась за особу, которой нивогда не видала. Отъ Ниволиньки я узнала, что не только Гераклій, но самъ онъ и сестра не получали ни одного изъ моихъ писемъ. Братъ ничего и не зналъ о моемъ дѣлѣ, пока я не заговорила съ нимъ объ этомъ предметѣ два дня тому назадъ. Онъ видѣлъ Полиньяка въ Парижѣ. Предположивъ, вѣроятно, что на письмо его не желали отвѣтить, Гераклій избѣгалъ говорить съ Ниволинькой о насъ и о сестрѣ, къ которой онъ не являлся во Франкфуртѣ съ той поры, какъ отправилъ намъ письмо, хотя прожилъ тамъ цѣлые четыре мѣсяца. Писалъ онъ 25-го іюля, а пробылъ тамъ до конца ноября. Интересно знать, дойдетъ ли посланіе, отправленное Корсаковою. Страшныя неудачи случаются въ нашей пе-

реписи, это — дурное предзнаменованіе для будущаго. Вернусь въ обычному своему заключенію: да будетъ воля Божія.

25-го мая. — Собираюсь въ дорогу, милый другъ; если ничего не случится особеннаго, то по всей вѣроятности мнѣ больше не придется писать тебѣ изъ дома Небольсиной. Дней десять погода стоитъ чудесная, всѣ спѣшать въ деревню, чтобы ею пользоваться. Вотъ уже недѣля, какъ всѣ деревья покрылись листьями. Никогда зелень не распускалась такъ быстро, какъ въ нынѣшнемъ году. Только-что снѣгъ стаялъ, дней черезъ десять показалась прелестная весенняя зелень. Мнѣ необходимъ покой и чистый деревенскій воздухъ для восстановленія здоровья, которое сильно разстроилось. Я не до того больна, чтобы лежать въ постели, но ни одного дня я себя не чувствую вполне здоровой; мнѣ это даже надоѣло, особенно съ тѣхъ поръ, какъ начали болѣть глаза. По-моему, нѣтъ ничего хуже глазной боли; я всячески стараюсь отъ нея избавиться. Сегодня, напримѣръ, у меня глаза такъ опухли, что я съ трудомъ гляжу. Тотчасъ по приѣздѣ въ Высокое поставлю мушку. Мнѣ еще предстоитъ нѣчто весьма не-пріятное. Отъ сильной головной боли, отъ которой я часто страдала въ Тамбовѣ и здѣсь, у меня совсѣмъ выпали волосы; чтобы не остаться плѣшивой на всю жизнь, я рѣшилась выбрить голову. Какъ видишь, первое время въ деревнѣ мнѣ будетъ не до щегольства. Пусть надо мной смѣются, лишь бы мнѣ удалось вернуть здоровье и поправить волосы. Пока я думаю о леченіи, мнѣ все приходится слушать толки объ увеселеняхъ. Во вторникъ, наконецъ, былъ праздникъ, котораго ждали три недѣли; онъ былъ такъ блестящъ, что въ лучшія времена въ Москвѣ нельзя бы было придумать ничего великолѣпнѣе. Въ жизнь свою я еще не видала таковаго изобилія брилльянтовъ, какъ въ этотъ вечеръ. Пятнадцать дамъ, участвовавшихъ въ прологѣ, были ими усыпаны и на зрительницахъ было ихъ не малое количество. Даже для двора никогда не пускались въ такую роскошь.

Въ ту минуту, какъ бюстъ государя явился въ храмъ безсмертія, публика пришла въ такой необычайный восторгъ, что я ожидала минуты, когда всѣ бросятся на колѣни передъ изображеніемъ нашего уважаемаго монарха. Жалѣю, что онъ не былъ свидѣтелемъ всеобщаго благоговѣйнаго восторга. Храмъ былъ великолѣпный; устройствомъ его мы обязаны г. Полюванову, извѣстному своимъ талантомъ въ живописи, скульптурѣ и механикѣ. Словомъ, праздникъ обошелся въ двадцать-пять тысячъ, но могу тебя увѣрить, что онъ стоилъ этихъ денегъ, — такъ онъ былъ хо-

ропш. Снаружи зданіе было прекрасно иллюминировано. Я жалѣю, что въ числѣ гостей не было представителей всей Европы. Они бы посмотрѣли, какова Россія и матушка-Москва, которую хотѣли уничтожить, а она такъ гордо, такъ величаво выступаетъ изъ развалинъ. Вчера былъ маленький праздникъ въ Всесвятскомъ у г-жи Рабиной и кн. Шаховскихъ; насъ убѣдительно просили пріѣхать, но мнѣ помѣшали глаза, а ради меня вся семья осталась дома. Завтра въ деревнѣ Чесменской Вяземскій устроитъ праздникъ, мнѣ бы хотѣлось поѣхать туда, не знаю, позволятъ ли глаза. Съ середины половина знакомыхъ моихъ начнеть разъѣзжаться. Въ четвергъ мы сами уѣзжаемъ. Къ концу недѣли изъ нашего кружка почти никого не будетъ въ городѣ, останутся только нѣкоторые изъ мужчинъ. Спасибо за письмоце отъ 19-го. Твоя правда: посреди общей семейной радости, мнѣ слѣдуетъ терпѣливо ждать развязки моего личнаго дѣла. Вчера мы получили письмо отъ сестры. Должно быть, она уже съ недѣлю живетъ у свекрови, потому что писала намъ изъ Житомира 12-го мая, что намѣрена черезъ день отправиться въ дорогу. Она обѣщаетъ пріѣхать къ намъ осенью, гдѣ бы мы ни были въ ту пору и провести съ нами всю зиму до мая. Послѣ продолжительныхъ испытаній еще живѣе чувствуешь радость. Нѣкоторые изъ насъ въ семьѣ потеряли часть своего здоровья, надо стараться запастись новыми силами. Николинъка схватилъ ревматизмъ на бивакахъ. Мнѣ кажется, во всей арміи нѣтъ человѣка, до такой степени ненавидящаго войну, какъ онъ. Еслибъ онъ не доказалъ своей храбрости, нѣкоторые могли бы счесть ненависть за трусость. Если всѣ раздѣляютъ его взглядъ на войну, мы вправѣ надѣяться, что до конца жизни не услышимъ болѣе пушечнаго грома.

Прощай, моя милая. Ты, конечно, слышала о смерти мужа красавицы Обресковой. Дядя Валуевъ тоже очень плохъ. Надняхъ явится поэма Карамзина, въ которой описываются послѣднія событія. Говорятъ, что это образцовое произведеніе; я еще не успѣла его прочесть. Вчера самъ авторъ читалъ его за обѣдомъ у Вяземскаго. Въ числѣ слушателей были люди свѣдущіе, которые увѣряютъ насъ, что сочиненіе превосходно. Мнѣ не пропѣть такого множества куплетовъ, какъ снѣлъ Зловъ, котораго «Инвалидъ» называетъ неподражаемымъ гѣвцомъ. Цѣлую тебя.

Высокое, 4-го іюня. — Сегодня недѣля, какъ я выѣхала изъ Москвы, милый другъ. Насъ старались удержать до четверга, потому что, по нездоровью жены, Вяземскому пришлось отложить

праздникъ, назначенный во вторникъ. У насъ было рѣшено ѣхать въ четвергъ въ 12 ч. дня; но мамá соглашалась отложить отъѣздъ на сутки, если я этого желаю, я же нашла лишнимъ оставаться и мы уѣхали, несмотря на просьбы Вяземскаго.

Въ четвергъ вечеромъ мы были въ Воскресенскомъ монастырѣ; ночью мнѣ вдругъ сдѣлалось такъ дурно, что я думала— настала мой послѣдній часъ. Я готова была попросить позвать священника, но боялась испугать мамá. Благодаря ея ухаживанію часа черезъ три мнѣ стало легче; черезъ день мы уже были въ Высокомъ и я начала принимать лекачества, которыя привезла съ собой. Мнѣ велѣно много ходить. Исполняю всё предписанія доктора и успѣла немного поправиться. Теперь отличная погода, а до воскресенья все были дожди и такіе сильные, что всё ручейки съ шумомъ выступили изъ своихъ береговъ. За то вотъ уже четыре дня, какъ я бѣгаю по полямъ и не могу надышаться чуднымъ воздухомъ. Чтó можетъ сравниться съ деревней въ это время года? Здѣсь меня все занимаетъ, всёмъ я восхищаюсь. Мнѣ недостаетъ дня, чтобъ осмотрѣть все, чтó желаю и обдѣлать свои дѣла. Надѣюсь, что лѣто вознаградитъ насъ за плохую весну. По ея милости растительность медленно развивается, нѣкоторыхъ продутовъ мы совершенно лишились; фруктовъ почти не будетъ, всё цвѣты померзли и даже нѣкоторые изъ деревьевъ пострадали отъ сильныхъ и продолжительныхъ морозовъ. Несмотря на все это, мнѣ хорошо и весело въ милomъ Высокомъ; долго постоянныя тревоги мѣшали намъ наслаждаться, гдѣ бы мы ни жили. Нынче въ первый разъ отсюда посылаемъ на почту. Надѣюсь, что мнѣ принесутъ письмо отъ тебя.

Мы каждую минуту ожидаемъ приѣзда дяди Кошелева; Николинъка поѣхалъ его встрѣчать въ Клину, навѣрное, сегодня вечеромъ они явятся вмѣстѣ. Боюсь, чтобъ не пришлось намъ скакать въ Москву. Дядѣ Валуеву все хуже и хуже, бѣдной тетушкѣ необходима будетъ помощь и утѣшеніе брата и сестры.

Знаешь ли чтó случилось съ твоимъ усерднымъ поклонникомъ, С.? Съ тѣхъ поръ, какъ его сдѣлали губернаторомъ, онъ началъ пьянствовать. Я вполне была убѣждена, что онъ не годится въ губернаторы не только въ Москву, но даже и въ Клину. Онъ всегда былъ ни на чтó негоднымъ сплетникомъ, неспособнымъ ни на какую должность; о себѣ онъ очень много воображаетъ, увѣренъ, что онъ умнѣ всѣхъ на свѣтѣ, а между тѣмъ ровно ничего не смыслить въ дѣлахъ, и потому, сколько онъ ни торжопитъ, чтобы всѣхъ увѣрить, что онъ заваленъ бумагами, процессами и т. д.,—на дѣлѣ выходитъ, что онъ лишь подписываетъ,

что ему сунетъ секретарь или кто другой, кому вздумается вертѣть имъ по-своему. Всѣмъ извѣстно, что онъ за птица и весь городъ обиженъ былъ его назначеніемъ. Растопчину простить не могутъ, что онъ хлопоталъ о его повышеніи. Никакъ не ожидали, что вдобавовъ изъ него выйдетъ пьяница; до пятидесяти лѣтъ за нимъ этого не водилось. Теперь остается ему сдѣлаться мошенникомъ; до сихъ поръ, несмотря на всѣ его глупые поступки, онъ всегда слылъ за честнаго человѣка и продолжаютъ считать его безкорыстнымъ. Не всегда онъ справедливо судить, но по крайней мѣрѣ подкупить его нельзя. Если онъ несправедливъ иногда, то по невѣжеству, а не сознательно. Я еще не говорила тебѣ, что отецъ Корины Луниной пробылъ въ Москвѣ двѣ недѣли и постоянно сидѣлъ у насъ. Меня забавляли его разговоры съ Николиньюой о войнѣ и о чужихъ краяхъ; онъ рассказывалъ ему анекдоты про генераловъ, около которыхъ братъ былъ постоянно и ничего не слышалъ похожаго на повѣствованія Лунина. Замѣчанія брата отчасти конфузили его, однако онъ продолжалъ стоять на своемъ; братъ выходилъ изъ терпѣнія, а я отъ души хохотала. Какъ поживаютъ дамы этой знатной семьи? Отецъ ихъ говорилъ, что онѣ проѣздомъ въ деревню будутъ въ Москвѣ. Надо мнѣ будетъ непременно провести съ ними хоть четверть часа. Прощай, дружокъ; скоро ли ты избавишься отъ своей ноши? Желая, чтобъ все поскорѣе кончилось. Предвижу пробѣлъ въ нашей перепискѣ, постараюсь быть терпѣливой.

Что подѣлываетъ кузина твоя Грибоѣдова? Скоро ли вернется въ Москву? Чета Фифи была тамъ передъ нашимъ отъѣздомъ въ Высокое; я ихъ не видала, но мнѣ говорили, что супругъ привезъ какое-то сочиненіе «О человѣческомъ разумѣ», которое всѣхъ потѣшаетъ и вызываетъ кучу насмѣшекъ. Говорятъ, что тетка твоя, Головкина, переселяется въ Москву. Правда ли это? Бѣдную женщину хорошо проучили: теперь она не будетъ толковать, что пріятно воспитывать чужихъ дѣтей. Ей не повсчастливилось съ питомцами. Обнимаю тебя.

11-го іюня.—Мнѣ знакома большая часть подробностей, которая ты вывѣдала у Вельгорскаго и передала мнѣ въ письмѣ отъ 26-го мая, мой милый другъ. Дѣйствительно, братъ мой очень часто видался съ Полиньякомъ въ Парижѣ и хвалить его поведение въ отношеніи къ себѣ. Гераклій оказалъ ему различныя маленькія услуги, припоминалъ разные случаи и анекдоты изъ своей московской жизни, говорилъ съ нимъ о всемъ, кромѣ меня, а Николинья, не подозрѣвая, что онъ писалъ сюда осенью,

не касался предмета, о котором Гераклій повидимому избѣгалъ говорить. Для меня такое поведеніе очень понятно, потому что я знаю, что Полиньякъ не получалъ ни одного изъ писемъ ма-тушки и вѣрно полагалъ, что его посланіе приняли неблаго-склонно. Я раза три-четыре писала сестрѣ и брату объ этомъ предметѣ, и ни одного письма не дошло. Желала бы я знать, въ кому попали эти письма и кто ихъ читалъ. Одно изъ нихъ у Левашева; я полагаю, что онъ не прочь открыть пакетъ, кото-раго не могъ или не хотѣлъ передать по адресу, слѣдовательно онъ, помимо моего желанія, узналъ мою тайну. Въ этой перепискѣ столько неудачъ, что есть причина отчаяваться; впрочемъ, я стараюсь себя ободрять. Не легко сохранять твердость, когда со-бытія стараются ее поколебать.

Чувствую свою слабость и враснѣю при мысли, что имѣла нѣкогда глупость считать себя тверже другихъ. Гордость—большой порокъ, она насъ ослабляетъ; мы считаемъ себя лучше, чѣмъ мы есть на самомъ дѣлѣ, а когда внезапный толчокъ расшевелитъ въ насъ утихшія чувства, тогда мы сознаемъ всю нашу немощь. Если мои мечты о немъ и не осуществятся, то онѣ по крайней мѣрѣ принесли мнѣ ту пользу, что я увидала въ себѣ недостатки, о существованіи которыхъ не подозрѣвала. Мнѣ придется надъ со-бой поработать, чтобъ избавиться отъ несовершенствъ, общихъ всѣмъ людямъ и которыхъ во мнѣ, быть можетъ, больше, чѣмъ въ другихъ.

Вотъ что мнѣ извѣстно касательно намѣренія Гераклія остаться въ Парижѣ, что такъ огорчило всю семью Полиньякъ, а также и кузину твою. Графъ Гераклій надѣялся, что при взятіи Парижа его произведутъ въ генераль-маіоры. Однако его не тотчасъ по-высили въ чинѣ, и въ то время, какъ Николинъка уѣзжалъ, онъ все еще былъ полковникомъ. Разъ, въ минуту гнѣва, сердясь на несправедливость, онъ сказалъ: если меня не повысятъ, я останусь здѣсь. Николинъка не придалъ особеннаго значенія этимъ словамъ. Быть можетъ, съ той поры Гераклій серьезно рѣшился остаться; но какъ ни за кого отвѣчать нельзя въ наше время,—почемъ знать, быть можетъ бурная парижская жизнь вскружила голову нашему молодому человѣку. Хотя я не настолько хорошо знаю семей-ныя отношенія Полиньяковъ, какъ кузина твоя, все-таки и я бы удивилась на ея мѣстѣ тому, что Гераклій сдѣлалъ важный шагъ, не посоветовавшись съ герцогомъ, и также сказала бы: развѣ онъ съ ума сошелъ! Мнѣ извѣстно, что онъ очень уважаетъ брата и слушается его. Больше всего мнѣ не нравится то, что до сихъ поръ онъ не писалъ объ этомъ роднѣ. Братъ мой наканунѣ

отъѣзда обѣдалъ съ Геравліемъ у Рошъ-Шуара; онъ бы могъ ему дать письмо къ своимъ, тѣмъ болѣе, что брату многіе поручили отвезти письма въ Петербургъ, и онъ тотчасъ по приѣздѣ разослалъ ихъ по адресамъ. Матвѣю Виельгорскому онъ тоже могъ поручить отвезти письмо, да и многимъ другимъ лицамъ; но онъ ни однимъ случаемъ не воспользовался, не подумавъ письмомъ успокоить семью. Словомъ, дружокъ, я никакъ не могу объяснить себѣ его поведеніе. Одно скажу тебѣ: ежели я узнаю, что Пале-Рояль, спектакли и другія парижскія увеселенія до того увлекли Полиньяка, что онъ забылъ брата и семью, то я разлюблю его и буду благодарить Бога, что ранѣе замужства имѣла случай узнать его и убѣдилась, что не буду съ нимъ счастлива. Передо мной лично онъ не виноватъ потому, что писемъ нашихъ онъ не получалъ; но я буду судить о немъ по его поступкамъ въ отношеніи лицъ, которымъ онъ всѣмъ обязанъ, что онъ и сознавалъ въ былое время. Однако пора перейти къ другому предмету. Намъ извѣстили черезъ нарочнаго о смерти дяди Валудева, и дядя Кошелевъ уѣхалъ въ Москву съ Нивелинкой. Мы остались въ Высокомъ потому, что Serge страдаетъ головной болью и мнѣ тоже нездоровится. У меня преимущественно болятъ глаза, что крайне непріятно. Черезъ три дня къ намъ приѣдетъ Кульманъ. Попрошу у него лекарства подѣйствительнѣе пилюль, которыми онъ меня наградилъ. Погода чудесная, теперь зелень замѣтно распускается, деревня очень хороша въ эту пору; одно непріятно: вслѣдствіе долго стоявшей сырой погоды развелось множество комаровъ, которые не даютъ намъ покоя. Сестра уже писала намъ отъ свекрови. Теперь всѣ члены нашей семьи по своимъ мѣстамъ, ждемъ счастливой минуты, когда всѣ мы соединимся. Катенька въ восторгѣ отъ своего ребенка. Она оставила его девятимѣсячнымъ и не видала болѣе двухъ лѣтъ. Понятно, что она нашла въ немъ большую перемену; всѣ говорятъ, что онъ очень умный и красивый ребенокъ.

Прощай, моя милая, крѣпко цѣлую тебя. Всѣ московскіе старики отправляются въ Елисейскія поля. Въ одинъ день съ дядей умеръ кн. Барятинскій, отецъ кн. Долгорукой. Въ Москвѣ изъ стариковъ въ настоящее время я знаю только одного — брата твоего дѣдушки.

20-го июня. — Благодарю тебя за совѣтъ, который ты мнѣ даешь насчетъ волосъ. Я до сихъ поръ еще не обрила головы, потому что боюсь простудить ее и тѣмъ усилить глазную боль. Къ тому же въ жизни нашей такъ мало опредѣленнаго, что мнѣ

постоянно приходится соображаться съ обстоятельствами. Въ настоящее время у насъ толкуютъ о длинномъ путешествіи. Дядѣ вздумалось ѣхать въ Ростовъ, который отсюда въ 250 верстахъ. По дорогѣ находится Троица и другія мѣстности, гдѣ придется останавливаться на сутки. Ѣхать мы будемъ на долгихъ, слѣдовательно на одну поѣздку взадъ и впередъ употребимъ мы дней десять. Кромѣ того, на возвратномъ пути намъ придется заѣхать къ тетѣ Валуевой, которая наняла дачу въ 40 верстахъ отъ Москвы, по троицкой дорогѣ, а оттуда въ Москву, гдѣ матушка будетъ искать дома на зиму. Если какое-нибудь важное обстоятельство не измѣнитъ этого плана, то онъ непременно будетъ приведенъ въ исполненіе, потому что дядя на этомъ настаиваетъ. Какъ видишь, мнѣ некогда о себѣ заботиться. Признаюсь тебѣ, что предполагаемая поѣздка мнѣ вовсе не по вкусу. У меня прошла охота разѣзжаться въ нашихъ краяхъ, особенно послѣ моего путешествія по степямъ. Къ тому же дорогой навѣрное будетъ страшная пыль, отъ которой у меня еще больше разболтаются глаза. Наконецъ, вообрази, что за тоска ѣхать на долгихъ. Дѣлать нечего, жалобы ни къ чему не ведутъ. Къ 10-му или 11-му іюля сборы должны быть окончены и мы начнемъ это пріятное путешествіе. Впрочемъ, я всегда и во всемъ отыскиваю лучшую сторону; такъ и въ настоящемъ случаѣ я утѣшаю себя тѣмъ, что мнѣ пріятно будетъ посмотреть Ростовъ; всѣ другія мѣста, по которымъ мы будемъ проѣзжать, мнѣ знакомы, а Ростовъ, какъ говорятъ, интересный городокъ.

Не мучь меня пожалуйста твоимъ Петербургомъ, неужели ты сомнѣваешься въ моемъ искреннемъ желаніи, какъ можно скорѣе увидать тебя посреди твоей семьи и познакомиться съ твоей маленькой дочкой? Кажется, ты должна знать, что я на все соглашусь, чтобъ повидаться съ тобой и пожить нѣкоторое время. Противлюсь я своему желанію только потому, что есть серьезныя препятствія, которыхъ удалить я не въ силахъ. Когда дѣло касается важныхъ обстоятельствъ, я избѣгаю подавать свой совѣтъ, такимъ образомъ я избавляю себя отъ всякой отвѣтственности, въ случаѣ если дѣло не удастся. Однако мнѣ это не мѣшаетъ быть искренно благодарной тебѣ за желаніе со мной повидаться. Быть можетъ, я болѣе твоего страдаю отъ нашей разлуки.

Я не писала тебѣ о смерти Обрескова, вообразивъ, сама не знаю почему, что ты почти вовсе не знала его. Онъ умеръ вслѣдствіе болѣзни, которую отъ всѣхъ скрывалъ цѣлый годъ. Доктора, не зная настоящей причины его страданій, лечили его вовсе не такъ, какъ слѣдовало и усвоили его смерть. Въ Петербургѣ онъ

прохворалъ три мѣсяца и тоже проводилъ докторовъ, а глотая лекарства ихъ, онъ просто отравлялся. Истину узнали, но слишкомъ поздно: дней за шесть до его смерти; помочь уже было невозможно. Жена его въ отчаяніи, люди, мало знавшіе ее, и не воображали, чтобъ она до такой степени привязана была въ мужу.

Наконецъ-то миръ заключенъ! Генералъ Васильчиковъ присланъ былъ курьеромъ въ Москву съ этимъ извѣстіемъ. Вы узнали эту новость черезъ Е. В. великаго князя. Дай Богъ, чтобъ миръ этотъ былъ проченъ.

Мари Сумарокова теперь въ имѣніи вн. Голицыной въ тридцати верстахъ отъ Москвы. Кто-то сказалъ ей, будто я въ городѣ; она тотчасъ туда отправилась и нашла, вмѣсто меня, Николинку съ дядей, которые въ ту пору были въ Москвѣ. Они привезли мнѣ отъ нея письмо, совершенную элегію. Оно заканчивается обѣщаніемъ непременно навѣститъ меня въ Высовомъ. Приѣздъ ея меня очень обрадуетъ. Давно уже я въ разлуцѣ съ моими искренними друзьями, съ которыми я провела лучшіе годы своей жизни. Авось удастся мнѣ нынѣшнюю зиму собрать вокругъ себя нѣкоторыхъ изъ пріятельницъ. Во-первыхъ, со мной будетъ сестра, потомъ Мари Сумарокова, такъ какъ вн. Голицына проведетъ зиму въ Москвѣ. Однако, знаешь ли, что съ нѣкоторыхъ поръ я не смѣю предаваться пріятнымъ надеждамъ. Мнѣ стобитъ только пожелать, чтобъ не сбылось мое ожиданіе. Мнѣ кажется, что еслибъ я меньше думала о счастіи, то оно скорѣе пришло бы, обыкновенно все хорошее случается для меня неожиданно; а когда начну я пускаться въ разныя соображенія, ничего не выходитъ кромѣ дурного. Въ этомъ я вижу Божіе милосердіе: съ моимъ прежнимъ пылкимъ воображеніемъ и съ нѣкоторыми изъ моихъ наклонностей для меня было бы пагубой, еслибъ я постоянно пользовалась безмятежнымъ счастіемъ. Толчки и непріятности, которые я испытала въ жизни, были для меня весьма полезны. Когда я начинаю перебирать всѣ происшествія моей жизни съ цѣлью извлечь изъ нихъ пользу для будущаго, то каждый разъ благодарю Бога за испытанія, которыя меня отчасти образумили. Еслибъ не эти испытанія, мнѣ кажется, я была бы несноснѣйшимъ существомъ. Они дали мнѣ понятіе объ истинномъ благѣ.

Иногда я шутя говорю мамѣ, что желала бы написать свои мемуары для потомства; изъ нихъ вышелъ бы хорошенькій маленький романъ, который былъ бы для всѣхъ новостью потому, что никто не подозреваетъ, что у меня есть много матеріала: полагаютъ, что въ жизни моей такъ мало интереса, что и маленькаго эпизода не изъ чего составить, а между тѣмъ меня восну-

лись многія происшествія, которыхъ не только другіе, но и ты даже не знаешь. Брошюрѣ онѣ придали-бы не мало интереса. Если только не пропадетъ у меня фантазія выступить передъ публикой съ своимъ сочиненіемъ, я посвящу и пришлю тебѣ первый экземпляръ моего произведенія. Отъ публики я серою имена лицъ, дѣйствующихъ въ разсказѣ, но тебѣ пошлю списокъ ихъ.

Я болтаю пустяки и забыла отвѣтить на твой вопросъ объ исторіи Карамзина. Онѣ продолжаетъ работать съ большимъ рвеніемъ. Въ 12-мъ году, когда никто не ожидалъ, что война окончится благопріятно для Россіи, Карамзинъ объявилъ, что бросить свое сочиненіе, если ему придется передавать потомству постыдный для русскихъ исходъ войны. Теперь же, напротивъ, онѣ находитъ перо свое слишкомъ слабымъ для того, чтобъ воспѣть славу, ознаменовавшую царствованіе императора Александра, и вѣкъ, въ которомъ мы живемъ. Онѣ очень усердно трудится, стараясь какъ можно точнѣе передать всѣ событія, которыхъ мы были очевидцами. Событія, совершившіяся въ теченіи этихъ двухъ лѣтъ, намъ, современникамъ, кажутся чудомъ, значить, черезъ сто лѣтъ потомству онѣ покажутся еще разительнѣе; ихъ можно объяснить только всемогуществомъ Божиимъ. Прощай, милый другъ; я могла бы исписать и эту страницу, еслибъ не прислали за моимъ письмомъ, чтобъ отправить его на почту вмѣстѣ съ другими пакетами. Обнимаю тебя второпяхъ.

М. Свистунова.

СЪВЕРО-АМЕРИКАНСКІЯ ОКРАИНЫ

ПОВѢДКА РУССКАГО РАБОЧАГО ВЪ ИНДІАНЪ-ТЕРРИТОРИ.

I.

Индіанъ-Территори.—Ограбленный дилижансъ.—Своеобразный взглядъ пограничныхъ жителей на индійскій вопросъ.—Мѣры, предлагаемыя пограничными жителями вашингтонскому правительству для уничтоженія индійцевъ.—Мѣры осторожности, принимаемыя при переѣздѣ черезъ преріи. — Товсоувъ.—Походный кораль.—Степныя лошади.—Мулы.—Первая запряжка муловъ.—Переѣздъ черезъ дѣвственную прерію. — Ночные гости. — Индійскій начальникъ въ кораль.—Блокгаузъ пионеровъ и его обитатели.—Гроза въ преріи.—Охота за бизонами.—Переправа черезъ рѣку на плоткахъ.

Я имѣлъ случай *) описать во всѣхъ подробностяхъ ту практическую шкolu сельскаго хозяйства, которую мнѣ довелось пройти на фермѣ у американскаго плантатора мистера Требера. Денежный результатъ моихъ работъ былъ не дурень: я привезъ съ собою туда 300 долларовъ, а увозилъ оттуда около тысячи. Предложеніе двоюроднаго брата моего хозяина, Маеса Требера, погостить у него, вмѣстѣ съ хозяйскимъ сыномъ Чарли, въ основанномъ имъ блокгаузѣ въ Индіанъ-Территори, я принялъ съ восторгомъ; мнѣ представлялся случай увидѣть американскихъ пионеровъ, прокладывающихъ путь цивилизаціи на окраинахъ Штатовъ, куда от-

*) См. „Вѣсти. Евр.“ 1873: „Русскій рабочий у американскаго плантатора“, июль, августъ и сентябрь

ступили остатки туземцевъ, въ Индіанъ-Территори, странѣ индѣйцевъ.

Это одинъ изъ тѣхъ уголковъ Соединенныхъ-Штатовъ, гдѣ бѣлые не успѣли еще подчинить себѣ дѣвственную природу и истребить или вытѣснить прежнихъ обладателей преріи.

Мистеръ Треберъ повторилъ мнѣ свою просьбу стараться воздерживать Чарли отъ неблагоразумныхъ поступковъ, далъ мнѣ, на могущіе встрѣтиться расходы, сто долларовъ и проводилъ насъ до Пексена, откуда поѣздъ желѣзной дороги въ нѣсколько часовъ перенесъ мистера Макса, Чарли и меня въ Товсонъ, небольшой городокъ, лежащій на границѣ Арканзаса и Индіанъ-Территори.

Отъ Товсона до блокгауза мистера Макса приходилось ѣхать по совершенно дивой преріи.

По договору правительства Сѣвероамериканскихъ Штатовъ съ индѣйцами, пространство земли, извѣстное подъ названіемъ Индіанъ-Территори, составляетъ неотъемлемую собственность индѣйцевъ. Бѣлые не имѣютъ права прокладывать здѣсь дорогъ, основывать селеній, и вообще всякій бѣлый, поселившійся въ Индіанъ-Территори, не имѣетъ права пользоваться защитою вашингтонскаго правительства. Въ свою очередь индѣйцы, получивъ въ полное распоряженіе обширныя земли, обязуются не беспокоить пограничныхъ селеній бѣлыхъ, за что, кромѣ земель, получаютъ ежегодно отъ правительства значительные подарки въ видѣ одеялъ, украшеній и проч.

Извѣстно, какимъ образомъ въ Америкѣ исполняются подобныя договоры. Пionеры изъ бѣлыхъ, привлеченные богатствомъ нетронутой почвы, выгодами мѣстоположенія въ Индіанъ-Территори, наконецъ, повинувшись непреодолимой силѣ, влекущей массы переселенцевъ на западъ, проникли и сюда. Не рассчитывая на помощь отъ правительства, они собираются партиями, достаточно сильными, чтобы отразить нападенія индѣйцевъ, помощью карабиновъ держатъ ихъ въ почтительномъ отдаленіи и мало-по-малу, рядомъ блокгаузовъ, отдѣляютъ часть индѣйскихъ земель. Индѣйцамъ неудобно проникать за эту цѣпь блокгаузовъ. Отдѣленный участокъ скоро населяется, и правительству Штатовъ не остается ничего болѣе, какъ принять подъ свое покровительство новую провинцію и заключить съ индѣйцами новый договоръ, по которому границы ихъ владѣній отодвигаются до новой черты, образованной блокгаузами.

Понятно, что такой образъ дѣйствій не можетъ искоренить ненависть, которую питаютъ индѣйцы, коренные владѣльцы земли,

къ бѣлымъ пришельцамъ. Начальники племенъ отлично понимаютъ, что всеобщее возстаніе индійцевъ, подобно возстанію 1866 года, не поведетъ ни къ чему, потому постоянно проповѣдуютъ о своей дружбѣ къ бѣлымъ, но это не мѣшаетъ партіямъ индійцевъ нападать на бѣлыхъ, гдѣ только представится удобный случай. Съ своей стороны, пограничные жители отъ души ненавидятъ индійцевъ и жестоко мстятъ за всякое нападеніе.

Не говоря уже о тѣхъ бѣлыхъ, которые рискуютъ селиться или просто ѣздить въ Индіанъ-Территори, самые жители сосѣднихъ штатовъ, на довольно большое разстояніе отъ границы, не могутъ считать себя въ безопасности отъ внезапнаго нападенія со стороны дикихъ сосѣдей. Правда, по всей границѣ идетъ рядъ фортовъ, гдѣ содержатся небольшіе отряды войскъ. Но при значительности разстоянія одного форта отъ другого, при малочисленности отрядовъ, а главное—вслѣдствіе хитрости и быстроты, съ которою производятъ свои нападенія индійцы, войска, расположенныя въ фортахъ, могутъ только въ исключительныхъ случаяхъ предупредить или остановить нападеніе.

Большею частью войска поспѣваютъ на мѣсто уже тогда, когда ферма или поселеніе сожжено или разорено окончательно, жители перерѣзаны, лошади и скотъ угнанъ, все, что было можно взять съ собою, разграблено, а чего увести неудобно, исковеркано и приведено въ негодное состояніе. Прибывшимъ войскамъ остается только вмѣстѣ съ сосѣдами разоренной фермы преслѣдовать бѣгущаго непріятеля и наказывать за произведенное безчинство. Поэтому, жителямъ надобно самимъ заботиться о своей безопасности и быть постоянно на-сторожѣ. И дѣйствительно, во всѣхъ пограничныхъ поселеніяхъ все способное носить оружіе постоянно вооружено. При малѣйшемъ извѣстіи о приближеніи индійцевъ, всѣ бросаются отражать нападеніе, и не хорошо приходится индійцамъ, когда ихъ настигнуть разсвирѣпѣлые фермеры.

Еще болѣе осторожными приходится быть пионерамъ, поселившимся въ самыхъ земляхъ индійцевъ, и особенно торговцамъ, рискующимъ отправляться туда съ товаромъ.

Кромѣ индійцевъ, Индіанъ-Территори переполнены авантюристами изъ бѣлыхъ. Здѣсь повторяется то же самое, что и во всѣхъ вновь образующихся штатахъ. Толпы разнаго рода личностей, которымъ неудобно оставаться въ цивилизованномъ обществѣ, въ надеждѣ на легкую поживу, направляются въ подобныя мѣста, безчинствуютъ тамъ, пока штатъ не населится и мирные жители не оверѣнутъ настолько, чтобы съ американскою быстротою и неутомимостью положить предѣлъ безпорядкамъ. Въ такихъ слу-

чаяхъ авантюристамъ или, какъ ихъ называютъ, рыцарямъ пустыни, уцѣлѣвшимъ отъ револьвера или веревки, не остается ничего болѣе, какъ искать новаго мѣста для своихъ подвиговъ, гдѣ въ свою очередь ихъ ждетъ, черезъ извѣстный промежутокъ времени, та же участь.

Эти рыцари пустыни считаются гораздо опаснѣе самыхъ индійцевъ, съ которыми они состоятъ, по большей части, въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Смѣлость и настойчивость, отличающая бѣлыхъ, соединенная съ индійскою хитростью и жестокостью, характеризуютъ нападенія этихъ рыцарей пустыни. Часто они являются предводителями индійскихъ шаекъ, отличающихся въ такомъ случаѣ необычайнымъ зѣрствомъ.

Близкое сосѣдство съ индійцами и рыцарями пустыни не могло не отразиться на характерахъ и привычкахъ пограничныхъ жителей. Разница между ними и жителями цивилизованныхъ штатовъ бросается въ глаза даже по наружному виду...

По мѣрѣ того, какъ поѣздъ желѣзной дороги приближался къ Товсону, наружность пассажировъ, входившихъ въ нашъ вагонъ, разнилась все болѣе и болѣе отъ наружности пассажировъ, ѣхавшихъ съ нами изъ Пексена. Вмѣсто гладко-выбритыхъ, причесанныхъ джентльменовъ, стали появляться личности съ огромными усами и бородами, содержимыми, также какъ и волосы на головѣ, въ замѣчательномъ безпорядкѣ. Красивая городская шляпа, короткое пальто и чистое бѣлье, составляющіе непремѣнную составную часть одежды янки восточныхъ штатовъ, уступили мѣсто какому-то курткамъ неопредѣленнаго покроя и широкополымъ, большою частію измятымъ шляпамъ, молодецки надѣтымъ на бекрень на растрепанные волосы. О бѣлыхъ воротничкахъ не было и помина. Всѣ входившіе пассажиры были вооружены. Кромѣ поясныхъ револьверовъ и большихъ охотничьихъ ножей, видѣвшихся на поясѣ всякаго, у многихъ были карабины и большіе сѣдельные револьверы. Спокойная рѣчь янки восточныхъ штатовъ смѣнилась шумнымъ разговоромъ вновь прибывшихъ. Часто разговоръ прерывался энергическимъ возгласомъ или даже ругательствомъ, чего никакъ не позволилъ бы себѣ житель цивилизованныхъ штатовъ, такъ какъ въ вагонѣ было нѣсколько лѣди.

Главной темой разговора служило то обстоятельство, что нѣсколько дней тому назадъ былъ остановленъ дилижансъ, везшій почту и пассажировъ. Кондукторы и пассажиры были перерѣзаны, почта разграблена, лошади уведены. Разбойники, совер-

пившіе это преступленіе, скрылись, не оставивъ послѣ себя никакихъ слѣдовъ.

Трудно было обвинять кого бы то ни было въ этомъ злодѣйствѣ, но пограничные жители единодушно приписывали его индійцамъ, причемъ награждали ихъ разными не совсѣмъ жестокими эпитетами.

Тутъ же досталось и вашингтонскому правительству за то, что оно до сихъ поръ не принимаетъ крутыхъ мѣръ противъ индійцевъ.

Говорили, что джентльмены въ Вашингтонѣ, въ глаза не видя индіяца, сидя на мягкихъ вреслахъ, могутъ сповойно проповѣдывать разныя гуманныя идеи въ то время, какъ покровительствуемые ими индійцы производятъ всевозможныя безобразія и приводятъ въ ужасъ мирныхъ гражданъ пограничныхъ штатовъ; что кроткія мѣры, предпринимаемыя правительствомъ, нигуда не годятся, а что непременно надо прибѣгнуть къ одной изъ мѣръ, неоднократно предлагаемыхъ людьми опытными и основательно знающими положеніе дѣлъ на границахъ; что странно, отчего правительство до сихъ поръ, съ непостижимымъ упрямствомъ, отказывается отъ этихъ мѣръ, несмотря на то, что примѣненіе ихъ могло бы принести несомнѣнную пользу.

Крутыя мѣры, къ которымъ, по мнѣнію пионеровъ цивилизаціи, должно прибѣгнуть относительно индійцевъ, крайне оригинальны, если можно такъ выразиться, и могли придти въ голову разумному человѣку и открыто высказываться только на границахъ, среди постоянныхъ потасовокъ съ индійцами.

Упомяну о нѣкоторыхъ изъ этихъ мѣръ, предоставляя судить другимъ, кто правъ: пограничные жители, предлагающіе эти мѣры, или вашингтонское правительство, не принимающее ихъ?

Что индійцы не люди, а особый видъ хищныхъ животныхъ, похожихъ на человѣка, вещь рѣшенная, по мнѣнію жителей границы. Понятно послѣ этого, что индійцы, какъ не люди, не могутъ пользоваться человѣческими правами.

Людамъ съ бѣлой кожей самимъ Богомъ предоставлено владычество на землѣ, что подтверждается тою высокою степенью цивилизаціи, до которой достигли бѣлые. Затѣмъ, бѣлые могутъ допускать существованіе того или другого вида живыхъ тварей, смотря по ихъ полезности или даже просто безвредности.

Вредныя же существа должны быть лишены способности вредить, а если этого нельзя, то уничтожены вовсе.

До сихъ поръ всѣ опыты сдѣлать индійцевъ безвредными

оказались неудачны. Слѣдовательно, индійцы должны быть истреблены, такъ-сказать, стерты съ лица земли.

Въ этихъ общихъ чертахъ согласны всѣ сторонники крутыхъ мѣръ. Разница въ мнѣніяхъ является только въ выборѣ средствъ къ скорѣйшему уничтоженію ненавистой расы.

Для этого нѣкоторые предлагаютъ употребить въ дѣло войска Союза, заставивъ ихъ пройти по всѣмъ мѣстамъ, занятымъ индійцами, предавая безъ пощады огню и мечу всѣхъ, не разбирая пола и возраста, пока не будутъ истреблены всѣ дикари до послѣдняго.

Другіе считаютъ болѣе цѣлесообразнымъ возобновить премію за скальпы, т.-е. за волосы, содранные съ кожи съ головы индійца. Они полагаютъ, что высокая премія за скальпъ вызоветъ большое число охотниковъ заняться выгоднымъ промысломъ, и если премію платить также за скальпы женщинъ и дѣтей, то въ весьма непродолжительномъ времени всѣ индійцы будутъ уничтожены.

Третьи полагаютъ, что эти мѣры имѣютъ то огромное неудобство, что обойдутся слишкомъ дорого, а главное, индійцы не позволятъ же убивать себя, какъ бараны, и будутъ храбро защищаться, что неминуемо повлечетъ за собою гибель многихъ сотъ и даже тысячъ бѣлыхъ, чего, изъ простаго человеколюбія, присущаго всякому, допустить нельзя. По ихъ мнѣнію, уничтожить индійцевъ можно другими путями, не требующими значительныхъ расходовъ и не грозящими ни малѣйшею опасностью для драгоценной жизни бѣлыхъ, именно: они предлагаютъ отравить виски, продаваемую индійцамъ. А какъ всѣ индійцы, отъ мала до велика, страстные поклонники огненной воды, то гибель всѣхъ ихъ поголовно будетъ неминуемымъ слѣдствіемъ этой мѣры. Наконецъ, если это неудобно, то можно искусственно ввести между индійцами оспу, сифилисъ и другія заразительныя болѣзни, способныя въ самое короткое время уничтожить ненавистное племя.

О всѣхъ этихъ вещахъ говорилось спокойно, какъ будто дѣло шло объ уничтоженіи сусликовъ или саранчи. Мистеръ Максъ принималъ дѣятельное участіе въ разговорѣ, причемъ чрезвычайно ловко уклонялся отъ выраженія своего мнѣнія по индійскому вопросу. Онъ не соглашался со сторонниками крутыхъ мѣръ, но и не высказывалъ ничего противъ нихъ, вѣроятно потому, что всякое мнѣніе, высказанное въ пользу индійцевъ, не принеся никакой пользы, могло вызвать цѣлую бурю со стороны ихъ закоребныхъ враговъ.

На мой вопросъ, дѣйствительно ли такъ опасны индійцы и

рыцари пустыни, онъ отвѣчалъ, что хотя рассказы объ опасностяхъ преувеличены, но все-таки всякому, отправляющемуся въ Индіанъ-Территори, надо быть на-сторожѣ. Піонеры, живущіе въ Территори, рѣшаются ѣздить поодиночкѣ только въ крайнихъ случаяхъ. Обыкновенно же совершаютъ поѣздки по преріи, собравшись по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ. Перевозка товаровъ возможна только подъ довольно сильнымъ конвоемъ. Пастьба скота около блокгаузовъ производится не иначе, какъ подъ строгимъ карауломъ значительнаго числа хорошо вооруженныхъ людей, носящихъ названіе «вачеро».

Въ «вачеро» недостатка никогда не бываетъ, такъ какъ они набираются изъ авантюристовъ, наполняющихъ Территори. Замѣчательно при этомъ то обстоятельство, что авантюристы, которыхъ считаютъ гораздо опаснѣе индійцевъ, нанявшись, какъ «вачеро», отличаются чрезвычайною честностью, и скорѣе позволяютъ изрѣзать себя въ куски, чѣмъ выдадутъ своего хозяина или его имущество.

Въ настоящее время намъ слѣдовало быть въ особенности осторожными, такъ какъ было извѣстно, что мистеръ Максъ везетъ съ собою значительную сумму денегъ и закупилъ, кромѣ того, большое количество товаровъ для мѣнновой торговли съ индійцами и различныхъ припасовъ для своихъ «вачеро», рассчитывая продать излишекъ въ сосѣдніе блокгаузы.

Такой транспортъ могъ очень легко соблазнить индійцевъ или авантюристовъ и побудить ихъ собраться въ значительномъ числѣ для нападенія, если не будутъ приняты мѣры осторожности. Мистеръ Максъ уже принялъ надлежащія мѣры къ обезпеченію безопаснаго переѣзда до своего блокгауза.

Сынъ его, Патерсонъ, долженъ былъ вести изъ преріи до пятисотъ муловъ въ Престонъ.

Отбравъ нужное число для перевозки нашего транспорта, онъ продастъ остальныхъ и прибудетъ въ Товсонъ, гдѣ закупить нужное число фургоновъ и найметъ недостающее число «вачеро» до сорока, такъ что транспортъ будутъ сопровождать сорокъ-четыре хорошо вооруженныхъ человѣка, считая мистера Макса, Патерсона, Чарли и меня. Мистеръ Максъ полагалъ, что съ такими силами можно рассчитывать на то, что ни индійцы, ни авантюристы не рѣшатся произвести нападенія, а если и вздумаютъ попытаться, то могутъ получить хорошій отпоръ.

По предположенію мистера Макса, Патерсонъ долженъ былъ уже находиться въ Товсонѣ и окончить нужныя приготовления въ отъѣздъ.

И дѣйствительно, на дебаркадерѣ желѣзной дороги насъ встрѣтила и привѣтствовала, громкимъ halo, толпа джентльменовъ, предъ которыми ѣхавшіе до сихъ поръ съ нами пограничные жители могли показаться по чужности салонными кавалерами. Одѣтые частью въ большіе сапоги, частью въ особую обувь, плетеную изъ ремней, въ родѣ лаптей, въ испачканные кожаные штаны и куртки, въ широкополыхъ кожаныхъ шляпахъ на восматыхъ головахъ, они были вооружены, какъ говорится, съ головы до ногъ, карабинами, револьверами, большими ножами, топорами на короткихъ рукояткахъ и имѣли видъ шайки театраль-ныхъ разбойниковъ.

Это были наши спутники въ поѣздѣ по преріи.

Мистеръ Максъ поздоровался съ ними, пожавъ каждому руку, отрекомендовалъ Чарли и меня и, подведя въ одному молодому джентльмену атлетическаго сложенія, назвалъ его своимъ сыномъ, Патерсономъ, познакомилъ насъ, высказавъ при этомъ желаніе, чтобы мы подружились съ нимъ.

Несмотря на то, что костюмъ Патерсона измѣнялъ его до такой степени, что Чарли, знакомый съ нимъ съ дѣтства, не разомъ могъ узнать своего двоюроднаго брата, онъ съ перваго взгляда отличался отъ другихъ «вачеро». Кожаная куртка даже шла къ нему, обрисовывая стройный, сильный станъ, а смѣлое, открытое выраженіе замѣчательно красиваго лица и большихъ голубыхъ глазъ неволью располагало въ его пользу.

Патерсонъ передалъ мистеру Максу, что всѣ приготовления сдѣланы. Фургоны куплены и уже нагружены пришедшимъ накануне товаромъ, нужное число «вачеро» нанято и весь транспортъ расположенъ лагеремъ или «воралемъ» миляхъ въ двухъ отъ города, готовый отправиться въ путь по первому призыванію мистера Макса.

Оставалось купить небольшое количество оружія, выбраковать и промѣнять нѣсколько лошадей подъ нѣкоторыми «вачеро» и купить новыхъ для мистера Макса, Чарли и меня.

Со станціи желѣзной дороги мы отправились черезъ городъ въ мѣсту, гдѣ помѣщался лагерь.

Товсонъ, по своей наружности, представляетъ типъ вновь образующихся новыхъ пограничныхъ американскихъ городовъ. Широкія немощенныя улицы, пересѣзающіяся подъ прямымъ угломъ, разбиты на значительномъ пространствѣ. Виднѣтся каменная ратуша, церковь и больница. Остальныя постройки деревянные, скорѣе похожія на досчатые сараи, чѣмъ на жилые дома. Постройки не сгруппированы въ одномъ мѣстѣ, а разбросаны по

всему пространству, назначенному подъ городъ, такъ что между ними тянутся большіе пустыри. Большая часть построекъ занята пивными салонами и мѣстами для продажи крѣпкихъ напитковъ. Тутъ же помѣщаются лавки съ разнообразнымъ товаромъ, между которыми самое видное мѣсто занимаетъ оружіе разныхъ родовъ.

Средина улицъ почти совершенно пуста, развѣ изрѣдка пройдетъ вооруженный всадникъ, гарцуя на крѣпкой степной лошади. По досчатымъ тротуарамъ движутся вооруженные жители, совсѣмъ непохожіе на мирныхъ гражданъ. Женщинъ вовсе не видать, только изъ открытыхъ дверей салоновъ, гдѣ слышится нестройное пѣніе пьяныхъ посѣтителей, иногда долетаетъ женскій голосъ.

Мы зашли по дорогѣ въ лавку, гдѣ мистеръ Максъ купилъ нужное число карабиновъ и револьверовъ, такъ какъ вновь нанятые «вачеро» успѣли уже пропить и промотать свои деньги и не имѣли на что привести въ порядокъ или перемѣнить пришедшее въ негодность оружіе.

Мы съ Чарли дополнили свое вооруженіе. У каждаго изъ насъ было по небольшому поясному револьверу, безъ котораго рѣдко кто отправляется въ дорогу въ Америкѣ. Кромѣ того, у Чарли была отличная двухстволка, а я еще на плантаціи купилъ у одного нѣмца очень хорошій штуцеръ.

За два сѣдла съ уздечками, двѣ пары неуклюжихъ сѣдельныхъ револьверовъ и два охотничьихъ ножа, необходимыхъ для предстоящей поѣздки, намъ пришлось заплатить двадцать три доллара. Взваливъ на плечи наши покупки, мы направились къ лагерю.

На берегу небольшого ручья шестнадцать фургоновъ, составлявшихъ транспортъ, были расположены коралемъ, т.е. они были составлены по дугѣ круга дышлами въ середину, такъ что колеса одного фургона соприкасались съ колесами другого и ограничивали довольно большое пространство, для входа въ которое было оставлено два промежутка, одинъ сажени въ двѣ, другой на противоположномъ концѣ такой ширины, чтобы могла пройти лошадь. Фургоны располагаютъ коралемъ какъ для того, чтобы облегчить надзоръ за ними, такъ и для того, чтобы удобнѣе было защищаться въ случаѣ нападенія. Плотнo составленные фургоны представляютъ очень хорошую траншею, изъ-за которой нѣсколько хорошихъ стрѣлковъ могутъ отбить значительное число нападающихъ. Кромѣ того, въ кораль загоняютъ муловъ передъ запряжкой и когда приходится ночевать въ опасномъ мѣстѣ, гдѣ нельзя пускать животныхъ на пастбу.

Невдалекѣ отъ корала паслись мулы.

Подходя къ коралу, я замѣтилъ, что его оберегаютъ такъ, какъ будто ожидаютъ съ часа на часъ нападенія. Узкій входъ былъ задвинутъ бревнами, у широкаго стояло два караульныхъ съ карабинами въ рукахъ. Нѣсколько конныхъ вачеро разѣзжали вокругъ стада, какъ бы боясь, что вотъ сейчасъ кто-нибудь изъявитъ желаніе угнать его.

Хотя въ такомъ близкомъ разстояніи отъ города нечего было бояться нападенія, но привычка быть всегда на-сторожѣ такъ велика, что и здѣсь принимаютъ тѣ же предосторожности, что и въ пустынѣ.

Мистеръ Максъ, кромѣ того, высказалъ то мнѣніе, что вачеро надо держать всегда, такъ-сказать, на военной ногѣ, строго требуя исполненія обязанностей, иначе нарушится должная дисциплина и трудно будетъ добиться повинновенія отъ своевольныхъ рыцарей пустыни въ минуту дѣйствительной опасности.

Мистеръ Максъ принялъ отъ Патерсона начальство надъ транспортомъ. Онъ осмотрѣлъ, въ порядкѣ ли фургоны, хорошо ли уложенъ на нихъ и закрытъ сухими бычачьими кожами товаръ, провѣрилъ счеты съ вачеро, осмотрѣлъ ихъ оружіе и перебраковалъ лошадей. Оказалось, что для предстоящаго путешествія двѣнадцать лошадей ненадежны и должны быть замѣнены новыми, почему было рѣшено тотчасъ послѣ завтрака отправиться миль за шесть, гдѣ въ пригнанномъ недавно изъ преріи табунѣ, по справкѣ, наведенной Патерсономъ, можно приобрести лошадей требуемыхъ качествъ. Выбравъ нужное число лошадей, мистеръ Максъ предполагалъ сегодня же приступить къ первой запряжкѣ или, правильнѣе, выѣздкѣ, невидавшихъ никогда уздечки муловъ—съ тѣмъ, чтобы на другой день съ восходомъ солнца двинуться въ путь.

Посрединѣ корала, на вострѣ, очередной вачеро уже приготовилъ бреквестъ, состоявшій изъ жаренаго оленьяго мяса и кофе, свареннаго въ желѣзномъ котелкѣ. Вачеро на дѣлѣ доказали, что страпня ихъ товарища пришлась имъ по вкусу. Быстро исчезъ почти цѣлый олень, причѣмъ было выпито очень большое количество віски, безъ того однако, чтобы можно было замѣтить на комъ-либо опьяняющее дѣйствіе этого напитка, не даромъ прозваннаго индійцами огненной водой.

Послѣ бреквеста, засѣдавъ забракованныхъ лошадей и четырехъ запасныхъ, мистеръ Максъ, Патерсонъ, Чарли, я и двѣнадцать вачеро отправились къ мѣсту, гдѣ находился табунъ.

Среди преріи, не представляющей далеко кругомъ низакихъ

рѣзкихъ неровностей, могущихъ затруднить выѣзду лошадей, былъ устроенъ постоянный кораль, т.-е. довольно просторное мѣсто, огороженное изгородью изъ толстыхъ бревенъ, вбитыхъ въ землю плотно одно въ другому, такъ что оставался только одинъ выѣздъ, сажени полторы шириною. Заборъ былъ достаточно высокъ, чтобы лошадь не могла перескочить черезъ него, а единственный проходъ былъ задвинуть толстыми бревнами. Въ кораль помѣщалось до шестисотъ лошадей, нивогда не бывавшихъ подъ сѣдломъ и только-что пригнанныхъ изъ прерій. И здѣсь, какъ въ нашемъ лагерѣ, все было на-сторожѣ и какъ-бы ожидало нападенія. Пѣшіе вачеро караулили входъ въ кораль, конные разѣзжали кругомъ въ полномъ вооруженіи, готовые отразить нападеніе, какъ бы оно внезапно ни было сдѣлано.

Мистеръ Максъ въ нѣсколько минутъ сторговался съ мексиканцемъ, хозяиномъ табуна.

Хозяинъ табуна предоставлялъ намъ право выбрать по нашему усмотрѣнію пятнадцать лошадей съ платою по двадцати-пяти долларомъ за каждую. Забраванныхъ лошадей онъ бракъ въ счетъ платы, по пятнадцати долларомъ.

Когда торгъ былъ конченъ, бревна, загораживающія входъ, отодвинули, въ кораль въѣхало десять вачеро, вооруженныхъ длинными бичами, чтобы отдѣлить отъ табуна выбранныхъ лошадей. Нѣсколько другихъ вачеро помѣстились у входа съ своими лассо, готовые заарванить высочившую изъ корала лошадь.

Изъ вѣжливости, а можетъ быть, и изъ желанія узнать, понимаю ли я толкъ въ лошадяхъ, мистеръ Максъ предложилъ мнѣ первому выбрать себѣ лошадь.

Еще въ Россіи мнѣ не разъ приходилось покупать лошадей изъ степныхъ табуновъ, такъ что у меня былъ нѣкоторый навыкъ судить о достоинствѣ лошади и о приблизительномъ ея возрастѣ издали.

Американскія степныя лошади—потомки тѣхъ дикихъ мустанговъ, огромныя стада которыхъ водились прежде во всѣхъ преріяхъ Сѣверной Америки; остатки этихъ стадъ можно еще встрѣтить въ пустыняхъ дальняго запада. Здѣсь же, около Индіанъ-Территори нѣтъ больше дикихъ, никому не принадлежащихъ табуновъ. Бѣлые переселенцы частью уничтожили ихъ, частью заставили уйти дальше на западъ. Въ настоящее время въ мало заселенныхъ преріяхъ Канзаса, Восточнаго Техаса и Индіанъ-Территори большая часть переселенцевъ занимается, рядомъ со скотоводствомъ, разведеніемъ лошадей.

Посредствомъ кровныхъ жеребцовъ придали мустангамъ боль-

шой ростъ и силу, не уменьшивъ выносливости и неразборчивости въ кормѣ. Владѣльцамъ табуновъ немного хлопотъ съ ними, такъ какъ лошади круглый годъ ходятъ на подножномъ корму. Они такъ же дики, какъ предки ихъ, мустанги, и часто достигаютъ до глубокой старости, не выдавъ уздечки. Вся забота хозяевъ состоитъ въ томъ, чтобы охранять ихъ отъ коноврадовъ, впускать въ табунъ время отъ времени старыхъ кровныхъ кентукійскихъ жеребцовъ и отдѣлять ежегодно извѣстное число лошадей на продажу. Образовавшаяся такимъ образомъ порода складомъ очень походить на нашихъ киргизскихъ лошадей, извѣстныхъ подъ именемъ казановъ, только гораздо больше ростомъ и сильнѣе. Преобладающая масть — темно-бурая, хотя встрѣчаются и другія масти.

Пока мистеръ Мавсъ торговался съ хозяиномъ, я уже успѣлъ взглядѣться въ лошадей. Мнѣ особенно понравился рѣввый жеребчикъ сѣрой масти. По цвѣту шерсти и складу онъ долженъ былъ быть не старше четырехъ лѣтъ. Когда мнѣ предложили выбрать лошадь, я указалъ на него. Конные вачеро, бывшіе въ коралѣ, скоро отдѣляли его отъ другихъ лошадей и помощью бичей и криковъ выгнали вонъ изъ корала. Очутившись на свободѣ, сѣрый жеребчикъ весело заржалъ, приостановился немного и хотѣлъ ускакать въ прерію, но не успѣлъ онъ сдѣлать нѣсколькихъ прыжковъ, какъ петля лассо, брошенная однимъ изъ вачеро, караулившихъ у входа, обхватила его шею и заставила остановиться на полномъ ходу. Напрасно жеребчикъ затрясъ высоко поднятою головою, чтобы скинуть петлю, заарявившій его вачеро, быстро повернувъ свою лошадь, пустилъ ее вскачь и свалилъ, или, вѣрнѣе, сорвалъ съ ногъ своего плѣнника. Испуганный, полузадавленный жеребчикъ лежалъ на землѣ и трясся всѣмъ тѣломъ. На него положили сѣдло, кое-какъ подтянули подпруги, всунули въ ротъ уздечку; я сѣлъ на него и сталъ понемногу распускать петлю лассо. Когда ремень пересталъ сжимать горло, мой плѣнникъ приподнялся на переднія ноги, что дало возможность подтянуть крѣпче подпруги, но вставать совсѣмъ не рѣшался. Напрасно хлысталъ я его поводкомъ и толкалъ ногами: онъ только трясъ головою, вѣроятно стараясь освободиться отъ удиль, и не думалъ трогаться съ мѣста. Тогда одинъ изъ вачеро поскакалъ на насъ, показывая видъ, что хочетъ стоптать своею лошадью. Это средство оказалось дѣйствительнымъ. Мой сѣрый вскочилъ какъ встрепанный, и, сдѣлавъ нѣсколько бѣшеныхъ скачковъ, понесъ меня по гладкой преріи. Проскакавъ немного, онъ круто повернулъ и возвратился въ коралю,

надѣясь вѣроятно найти защиту у своихъ товарищей. Немало труда стѣбло вачеро, чтобы направить его опять въ прерію; черезъ полчаса бѣшеной скачки по ровной преріи, мой жеребчикъ сталъ нѣсколько утомляться и мнѣ удалось его сбить въ круги. Онъ скакалъ все тише и тише, наконецъ пошелъ шагомъ. Я попробовалъ остановить его. Сталъ. Я соскочилъ съ сѣдла, положивъ изъ предосторожности лассо на шею, и отеръ пѣну, валившуюся кусками съ боковъ. Мой плѣнникъ стоялъ смирно. Я вынулъ кусокъ сахара, нарочно взятаго съ этою цѣлью съ собою и всунулъ ему въ ротъ. Жеребчикъ сначала фыркнулъ и затрясъ головою, но видя, что я не причиняю ему никакого зла и соблазнившись вкусомъ сахара, сталъ его ѣсть. Тогда я опять осторожно сѣлъ на него, снялъ лассо и заставилъ идти шагомъ. Сразу онъ понялъ повороты уздечкой, и я, какъ на давно обѣзженной лошади, возвратился къ коралю, куда скоро подѣхалъ Чарли на сильномъ ворономъ жеребцѣ, мистеръ Максъ и наши вачеро—на вновь выѣзженныхъ лошадяхъ.

Пока мы выѣзжали лошадей, къ постоянному коралю пріѣхали барышники изъ Иллинойса и купили двѣсти лошадей безъ выбора, по тридцати долларовъ за лошадь.

Хозяинъ табуна былъ чрезвычайно доволенъ этой продажей. До нашего пріѣзда ему не удалось продать ни одной лошади, и онъ думалъ уже гнать табунъ въ другое мѣсто.

Суевѣрный мексиканецъ приписывалъ выгодную продажу почти половины табуна нашей легкой рукѣ, почему разсыпался въ благодарности мистеру Максу и неотвязно просилъ его и всѣхъ его спутниковъ къ себѣ на ужинъ. «По вашей милости», говорилъ онъ, побрякивая золотыми иглями, насыпанными въ карманы широкихъ шароваръ, «я сдѣлалъ славное дѣльце и будетъ весьма справедливо прогулять часть барыша въ веселой компаніи. Переташите свой кораль поближе сюда и непременно пріѣзжайте ко мнѣ ужинать. Послѣ хорошей попойки веселѣе отправляться въ путь».

Мистеръ Максъ отказался отъ приглашенія, такъ какъ сегодня предстояла весьма трудная работа, первая запряжка муловъ, долженствовавшая по всѣмъ вѣроятіямъ продолжаться до глубокой ночи, а на другой день надо было двинуться въ путь.

Вернувшись въ кораль мы разсѣдали вновь пріобрѣтенныхъ лошадей, привязали на лассо къ фургонамъ и винули въ хрептыги по нѣскольکو пишекъ маиса, любимой пищи лошадей, какъ бы желая этимъ лакомствомъ заставить забыть свободу.

За лошадью ухаживаетъ постоянно только ея хозяинъ, съ

цѣлью приручить ее къ себѣ и пріобрѣсти въ ней вѣрнаго товарища на неопредѣленно длинное время.

Обыкновенно лошадь привыкаетъ скоро къ человѣку, ухаживающему за ней и дающему ей кормъ, позволяетъ ему наложить сѣдло и сѣсть на себя. Посторонняго же лошадь не подпускаетъ къ себѣ близко, бьетъ, кусаетъ, и съ нею можно справиться не иначе, какъ положивъ на шею лассо. Помня, какъ роковая петля при поимкѣ стаяла горло и свалила съ ногъ, лошадь всю жизнь боится лассо. Какъ бы она ни взбѣсилась или заупрямилась, стоить только наложить на шею лассо или даже просто ремennyй поясъ, она тотчасъ присмирѣетъ и сдѣлается послушна.

Пообѣдавъ на-скоро, приступили къ запряжкѣ муловъ, операция очень важной, такъ какъ отъ того, удачно ли запряжены мулы въ первый разъ, зависитъ легкость послѣдующихъ запряжекъ и быстрота движенія транспорта. Если удастся заставить запряженныхъ муловъ разомъ сдвинуть фургоны съ мѣста, то при слѣдующихъ запряжкахъ можно рассчитывать на то, что они не заупрямятся. Если же мулы замнутя, не потащатъ фургоны впередъ, то та же исторія будетъ повторяться всякій разъ, что можетъ замедлить путешествіе, а въ случаѣ нападенія можетъ имѣть и болѣе серьезныя послѣдствія.

На западѣ Америки, въ мѣстностяхъ, гдѣ еще не проложены желѣзныя дороги, товары и другія тяжести перевозятся въ фургонахъ на быкахъ и мулахъ. Тамъ, гдѣ часто встрѣчаются поселенія бѣлыхъ и нѣтъ недостатка въ водѣ, употребляютъ быковъ, такъ какъ они стоятъ очень дешево, и, хотя медленно, могутъ везти значительно большій грузъ.

Тамъ же, гдѣ приходится дѣлать длинные переходы по недостатку воды, или требуется быстрота движенія, какъ въ мѣстахъ, занятыхъ индійцами, быковъ употреблять неудобно. Имъ предпочитаютъ муловъ, хотя стоящихъ гораздо дороже и способныхъ везти меньшую тяжесть, но за то имѣющихъ то неопѣненное достоинство, что могутъ пробыть въ запряжкѣ цѣлыя сутки, довольствуются небольшимъ количествомъ воды изъ какой-нибудь грязной лужи и, въ случаѣ нужды, могутъ пробыть непоенными до двухъ сутокъ, безъ замѣтной потери силъ.

Въ мѣстностяхъ занятыхъ индійцами, какъ въ Индианъ-Территори, предпочитаютъ муловъ главнымъ образомъ и потому, что на нихъ можно дѣлать быстрые переходы, а иногда, при небольшомъ грузѣ, уйти отъ преслѣдованія, что даетъ возможность перевозить товаръ небольшими транспортами. Мулы воспитываются въ огромномъ количествѣ въ преріяхъ Западнаго Техаса, откуда

ихъ табунами пригоняють на границы. Частые падежи отъ истощенія и повальныхъ болѣзней дѣлають приобрѣтеніе выѣзжанныхъ муловъ очень затруднительнымъ, такъ что приходится употреблять въ дѣло взятыхъ прямо изъ табуна невыѣзжанныхъ, совершенно дикихъ животныхъ.

Выѣзка ихъ производится во время первой запряжки, къ которой слѣдовало приступить мистеру Максу и всѣмъ его вачеро.

Чтобы сдѣлать понятнымъ процедуру запряжки, считаю не лишнимъ упомянуть о нѣкоторыхъ особенностяхъ въ характерѣ муловъ.

Большими стадами или табунами травоядныхъ животныхъ весьма часто, повидимому безъ всякой причины, овладѣваетъ паническій страхъ. Лошади и рогатый скотъ въ такихъ случаяхъ бросаются всѣ въ одну сторону, несутся часто нѣсколько десятковъ миль, причемъ всѣ животныя стараются держаться ближе другъ къ другу и не отбиться отъ стада. Мулы, напротивъ того, испугавшись чего-либо, не собираются въ густое стадо, бросаются въ разныя стороны и бѣгутъ поодиночкѣ, пока не успокоятся. Это обстоятельство могло бы крайне затруднить пастьбу муловъ, и дѣлало бы сохраненіе стада въ дѣлности почти невозможнымъ, если бы не подмѣтили слабой струны въ характерѣ муловъ.

Именно, мулы терпѣть не могутъ ословъ, и если осель казъ-нибудь попадется въ стадо муловъ, то врядъ ли уйдетъ изъ него живой или по крайней мѣрѣ нескалѣченный. Напротивъ того, мулы очень уважають лошадей. Лошадь, попавшая въ ихъ стадо, скоро дѣлается вожакомъ. Мулы неотступно слѣдуютъ за нею, стараются подражать ея движеніямъ, и если въ такомъ случаѣ захотятъ отбить нѣсколькихъ муловъ отъ стада, то это удастся съ большимъ трудомъ и отбитые мулы при первой возможности освобождаются и присоединяются къ своему вожаву. Эта привязанность муловъ къ лошади не повидаетъ ихъ даже во время сильнѣйшей паники: они несутся всегда за своимъ вожакомъ.

Такое вліаніе на муловъ имѣють только неосѣдланныя лошади. Къ осѣдланнымъ же мулы не питають такого уваженія.

Этимъ пользуются при пастьбѣ муловъ. Во всякомъ стадѣ или запасномъ табунѣ при транспортѣ держится кобылица, носящая названіе матки. Если матка достаточно ручна, чтобы идти на зовъ, то ее пускають въ табунъ съ привязаннымъ на шеѣ колокольчикомъ. Если же она дика, то ее держать на длинной веревкѣ, конецъ которой поочередно переходитъ отъ одного караульнаго къ другому. Имѣя въ рукахъ матку, можно по своему усмотрѣнію направлять стадо муловъ.

Индійцы хорошо знают это обстоятельство, и при своихъ нападеніяхъ стараются прежде всего овладѣть маткой или при-водить съ собой неосѣданныхъ лошадей, за которыми могли бы слѣдовать отбитые мулы.

Дѣло вачеро, въ такихъ случаяхъ, состоитъ въ томъ, чтобы во что бы то ни стало отстоять матку и перестрѣлять всѣхъ неосѣданныхъ лошадей у индійцевъ, иначе транспортъ можетъ остаться среди преріи безъ муловъ, безъ всякихъ средствъ продолжать путь и долженъ неминуемо сдѣлаться жертвою перваго нападенія. Если же не выдана матка и у индійцевъ нѣтъ неосѣданныхъ лошадей, то хотя бы имъ и удалось отбить нѣсколькихъ муловъ, но дорогою мулы непременно вырвутся и возвратятся къ своему стаду, или по крайней мѣрѣ надѣлаютъ пропасть хлопотъ индійцамъ, замедлятъ ихъ бѣгство и дадутъ возможность нагнать похитителей.

Привязанностью муловъ къ маткѣ пользуются при первой запряжкѣ и, благодаря этой привязанности, выѣздка муловъ, на которую при другихъ обстоятельствахъ надо бы было употребить нѣсколько дней, кончается въ нѣсколько часовъ.

Передъ запряжкой мистеръ Максъ сдѣлалъ нужныя распоряженія для соблюденія порядка какъ во время запряжки, такъ и во время всей поѣздки.

Транспортъ нашъ состоялъ изъ шестнадцати фургоновъ, запряженныхъ четверкою каждый. Стадо муловъ состояло изъ сорока штукъ, такъ что, кромѣ ста-двадцати-восьми муловъ, которыхъ предполагалось запрягать поочередно на двѣ смѣны, имѣлось двѣнадцать запасныхъ. Людей при транспортѣ имѣлось сорокъ человекъ вачеро, мистеръ Максъ, Патерсонъ, Чарли и я и еще два метиса; всего сорокъ-шесть человекъ.

Обязанности между нами были распределены такимъ образомъ. Мистеръ Максъ ведетъ транспортъ, наблюдаетъ за порядкомъ и принимаетъ участіе только въ ночномъ караулѣ. Шестнадцать человекъ вачеро были отдѣлены для управленія фургонами. Они тоже принимали участіе только въ ночномъ караулѣ. Спеціальная обязанность двухъ метисовъ—рыскать вокругъ транспорта, разузнавать, не грозитъ ли ему какая-нибудь опасность. Они обязаны были также заботиться о продовольствіи транспорта дичиною и затѣмъ освобождались отъ всякаго караула. Одинъ вачеро поочередно долженъ былъ готовить кушанье и затѣмъ остальные двадцать-три вачеро, Патерсонъ, Чарли и я были разбиты на двѣ партіи, долженствовавшія быть поочередно на извѣстныхъ мѣстахъ и охранять транспортъ. Для ночныхъ карауловъ, а равно

для караула во время остановокъ днемъ, всѣ, кромѣ двухъ метисовъ, были раздѣлены на четыре смѣны, изъ которыхъ каждая должна была поочереди караулить кораль и пасти стадо муловъ, причемъ веревка, на которой водили матку, переходила отъ одного караульнаго къ другому. При такомъ распредѣленіи очередей, транспортъ могъ быть постоянно хорошо охраняемъ, безъ того, чтобы караульные особенно утомлялись.

Когда такимъ образомъ были назначены очереди, стали готовить кораль къ запряжкѣ. Къ обонимъ входамъ въ кораль приладили прочныя закладки такъ, чтобы ихъ легко было задвинуть, колеса смежныхъ фургоновъ связали крѣпкими веревками. Къ фургонамъ приладили постромки, разложили шлейки и уздечки такимъ образомъ, чтобы можно было скоро надѣть ихъ на муловъ. Верховыхъ лошадей осѣдлали и отдали держать караульнымъ—съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ надобности каждый вачеро могъ легко найти свою лошадь, вскочить на нее и скакать, куда слѣдуетъ.

Когда все такимъ образомъ было приготовлено, привели матку. Стадо муловъ слѣдовало за нею.

Матку ввели въ кораль широкимъ входомъ, и когда за нею вскочили нужныя для запряжки шестьдесятъ четыре мула, входъ задвинули бревнами. Матку вывели въ узкій проходъ, подвели къ оставшимся внѣ корала и метавшимся во всѣ стороны муламъ и вмѣстѣ съ ними отогнали на пастбу.

Мулы, запертые въ кораль, не видя передъ собою своего вожака и слыша вдали звонъ колокольчика, начали сильно метаться, стараясь выскочить изъ корала, но видя, что это не удается, мало-по-малу успокоились и сбились въ кучу въ одномъ концѣ корала. Тогда уземъ проходомъ вѣхали два конныхъ вачеро, вошли, спѣшившись остальные, и началась ловля муловъ.

Пѣшіе вачеро криками и бичами перегоняли стадо муловъ отъ одного конца корала на другой мимо конныхъ. Какъ только который-нибудь мулъ нѣсколько отдѣлялся, два лассо, свиснувъ въ воздухъ, безъ промаха обхватывали его шею и остававливали на полномъ ходу. Сорвать мула съ ногъ не такъ легко, какъ лошадь; если же и удастся, то это до того перепугаеетъ его, что никакими средствами не заставишь его подняться съ земли въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, пока онъ совсѣмъ не успокоится. Поэтому при поймкѣ муловъ этого маневра не употребляютъ, а поступаютъ слѣдующимъ образомъ.

Какъ только помощью лассо отдѣлятъ мула отъ стада, на него бросаются пѣшіе вачеро, надѣваютъ ему на шею арканъ изъ

толстой веревки, тащатъ общими силами въ фургоны и привручиваютъ его къ колесу. Эта операція не такъ легка, какъ можетъ показаться съ перваго раза. Полу-задавленное животное все-таки лягается передними и задними ногами, стараясь укунить суетящихся около него людей, и соединенными усиліями тридцати чело-вѣкъ его едва удается сдвинуть съ мѣста и подтащить къ фургоны.

Часто мулъ, воспользовавшись оплошностью нѣкоторыхъ ва-черо, опрокидывалъ ихъ, тащилъ остальныхъ за собою и, вырвавшись, забивался въ самую середину стада.

Ловля муловъ продолжалась болѣе двухъ часовъ. При этомъ мулы показали больше ума и смысленности, чѣмъ можно было ожидать отъ ихъ длинноухихъ головъ. Они скоро поняли, что имъ надо больше всего опасаться конныхъ вачеро, что въ петлю попадаютъ отбившіеся отъ стада, и приняли весьма раціональ-ныя мѣры. Они стали держаться тѣсной кучей, прятали головы подъ туловище сосѣдей и, перебѣгая съ одного конца корала на другой, шли сперва мелкой рысью, потомъ, подходя къ коннымъ вачеро, бросались вскачь, поднимали страшную пыль, такъ что часто достигали благополучно другого конца корала, не оставивъ ни одного плѣнника.

Нѣкоторыя особи поступали еще съ бѣльшимъ расчетомъ: они не присоединялись къ стаду, и поровнявшись съ конными вачеро, шли шагомъ или вовсе останавливались, вытянувъ шею и какъ бы напрашиваясь на лассо. Но это дѣлалось не спроста. Вотъ разомъ свистнули два лассо, брошенныя съ вѣрностью, ка-кой врядъ ли можетъ достигнуть хорошей стрѣловъ изъ ружья. Двѣ петли, описавъ въ воздухѣ кривую, опускаются надъ са-мой головой животного и вотъ сейчасъ охватятъ его шею. Но не тутъ-то было. Мулъ слѣдитъ за петлями, легкимъ поворотомъ головы уклоняется отъ нихъ, со всѣхъ ногъ бросается къ стаду и забивается въ самую середину. Однако всѣ эти хитрости, въ концѣ-концовъ, не привели ни къ чему. Всѣ мулы были пере-ловлены и прикручены къ фургонамъ. Теперь приступили къ надѣванію уздъ, операція довольно мѣшкатной и трудной. При этомъ, особеннымъ искусствомъ отличались вачеро изъ мексикан-цевъ. Пока три или четыре американца, помощью бичей и пинь-ковъ, при страшныхъ ругательствахъ, успѣвали втиснуть удила въ ерѣшко сжатые зубы одного мула, мексиканцы успѣвали взну-дать трехъ или четырехъ. При этомъ они не били животныхъ, не ругались, а напротивъ, гладили мула, распускали нѣсколько арканъ и, когда мулъ немного успокоивался отъ близкаго сосѣд-ства людей, осторожно и быстро владывали удила и застегивали

уздечку. Запречь взнузданныхъ муловъ не стоило большихъ хлопотъ. Видя бесполезность усилий оторваться отъ фургона, въ которому они были прикручены, мулы какъ будто поняли, что люди сильнѣе ихъ и позволили, безъ особаго сопротивленія, надѣть на себя шлейки и пристегнуть постромки. Запряжка шла быстро, такъ какъ въ американской сбруѣ не приходится ничего привязывать или затягивать, а все прилажено на крючкахъ.

Запряженные мулы стояли на мѣстѣ, какъ вкопанные, опустивъ голову и какъ-бы боясь пошевелиться.

Колеса развязали, кучера заняли свои мѣста на фургонахъ. Остальные вачеро сѣли на лошадей и помѣстились за фургонами. Мистеръ Максъ велѣлъ привести матку. Колокольчикъ у ней подвязали, подвели ее шагомъ на нѣкоторое разстояніе отъ корала и помѣстили противъ широкаго входа. Свободные мулы, разумѣется, слѣдовали за маткой. Тогда развязали колокольчикъ у матки, и вачеро, стоявшіе за фургонами, подняли страшный крикъ и хлопанье бичами. Караульный, державшій матку, поспекалъ съ нею въ прерію, за нею понеслись свободные мулы, а запряженные, испуганные крикомъ и хлопаньемъ бича сзади, увидавъ впереди матку и свободныхъ товарищей, разомъ сдвинули съ мѣста всѣ шестнадцать фургоновъ и потащили ихъ слѣдомъ за маткой.

Много надо было употребить искусства и ловкости кучерамъ, чтобы мулы не запутались въ упряжи и фургоны не зацѣпили одинъ за другой. Удивляюсь, какъ это удалось съѣхать всѣмъ, не порвавъ и не изломавъ ничего. Фургоны неслись по преріи одинъ за другимъ въ томъ самомъ порядкѣ, какъ они стояли въ коралѣ.

Проскакавъ мили полторы, мистеръ Максъ приказалъ остановить матку. Свободные мулы остановились; но запряженные, испуганные непривычнымъ грохотомъ колесъ за собою, проскакали мимо. Не видя передъ собою матки, они перестали держаться одного направленія и потащили фургоны въ разныя стороны.

Немало труда стоило кучерамъ и сопровождавшимъ фургоны сохранить ихъ въ цѣлости. Приходилось на полномъ скаку поправлять сбившуюся сбрую, поднимать споткнувшагося мула, высвобождать фургонъ изъ куста, въ которомъ онъ чуть не увязъ осями. Все это надо было дѣлать, отнюдь не допуская муловъ остановиться, такъ какъ позволь имъ остановиться одинъ разъ, то мало того, что придется сегодня провозиться съ ними нѣсколько часовъ, чтобы заставить тронуться съ мѣста, но и въ послѣдующіе разы ихъ ни за что не заставишь везти фургонъ.

Наконецъ, мало-по-малу кучерамъ удалось справиться съ мулами, фургоны собрались вмѣстѣ и поѣхали одинъ за другимъ, сперва вскачь, потомъ рысью и наконецъ шагомъ.

Мистеръ Максъ велѣлъ составить новый кораль. Фургоны заѣхали на свои мѣста, муловъ выпрагли, отрѣзали у каждаго по клоку гривы, чтобы отличить одну смѣну отъ другой, и выпустили пастись.

Сначала запряжки Чарли и я, какъ люди въ первый разъ видѣвшіе эту операцію, ограничивались ролью зрителей, но мало-по-малу, видя, что при этомъ не требуется особыхъ свѣдѣній, приняли участіе въ работѣ и дѣятельно помогали привязывать пойманныхъ муловъ, взнуздывать ихъ и сопровождать фургоны въ ихъ бѣшеной скачкѣ по преріи.

Поужинавъ нѣ-своро и отдохнувъ немного, принялись запрягать другую смѣну—тѣмъ же порядкомъ, какъ и первую.

Было далеко за полночь, когда окончили запряжку и разбили новый кораль. Я съ Чарли забрался въ одинъ изъ запасныхъ пустыхъ фугоновъ и разбитый усталостью отъ непривычной работы, требовавшей напряженія всѣхъ силъ, заснулъ какъ убитый.

Хорошо, что была не моя очередь караула ночью. Плохой бы изъ меня вышелъ караульный, и еслибъ всѣ индійцы и авантюристы пустыни вздумали сдѣлать нападеніе на нашъ кораль, то вѣроятно не помѣшали бы мнѣ заснуть, сидя верхомъ на лошади.

Солнце было уже высоко, когда Патерсонъ разбудилъ меня, сказавъ, что бреквестъ готовъ. У огня, на которомъ варили кофе и жарилось мясо, собрались уже всѣ вачеро. Послѣ завтрака стали запрягать первую смѣну муловъ тѣмъ же порядкомъ, какъ наканунѣ. На этотъ разъ мулы почти не оказывали никакого сопротивленія и не болѣе какъ черезъ часъ времени нашъ транспортъ вытанулся въ порядкѣ по преріи. Сегодня намъ собственно приходилось продолжать путь, такъ какъ мы вчера во время выѣздки муловъ сдѣлали около десяти миль и переправились черезъ границу.

Впереди транспорта ѣхалъ мистеръ Максъ съ двумя вачеро, за нимъ шли одинъ за другимъ фургоны; сзади стадо муловъ подъ надзоромъ очередныхъ караульныхъ. Кому не приходилось караулить могли ѣхать, гдѣ имъ вздумается, не занимая опредѣленнаго мѣста; могли даже отлучаться на нѣкоторое разстояніе отъ транспорта.

Время отъ времени который-нибудь изъ метисовъ поджидалъ транспортъ, рапортовалъ мистеру Максу, что впереди нѣтъ ничего

подозрительнаго, передавалъ очередному вачеро, исправлявшему должность повара, дичь, и, пришпоривъ лошадь, скоро скрывался.

Транспортъ шелъ по равнинѣ, оживленной изрѣдка группами красивыхъ деревьевъ. Направо вдали видѣлись голубые силуэты горной цѣпи, перерѣзывающей Индіанъ-Территори.

По мѣрѣ удаленія отъ границы земля становилась все плодороднѣе и плодороднѣе. Группы деревьевъ попадались все чаще и чаще. Разнообразныя травы, отличная пища для скота, становились все гуще и выше. Шумъ колесъ безпрестанно спугивалъ оленей и стада ланей, быстро исчезающихъ на горизонтѣ. Стаи дикихъ индѣевъ, куропаатовъ и различныхъ другихъ птицъ поднимались чуть не изъ-подъ колесъ нашихъ фургоновъ и представляли легкую добычу для желавшихъ стрѣлять по нимъ.

Дорога, по которой двигался нашъ транспортъ, рѣзко отдѣлялась отъ окружающей преріи и казалась желтой лентой, кинутой на зеленый коверъ, пестрѣвшій узоромъ самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ. Сплошь между колеями росли высокіе, желтые цвѣты, похожіе на подсолнечники. Замѣчательно, что этихъ цвѣтовъ не видать на преріи. Они выростаютъ только тамъ, гдѣ жирный черноземъ былъ взрытъ ногами муловъ и колесами фургоновъ. По этимъ цвѣтамъ трудно сбиться съ дороги въ преріи, и слѣдъ прошедшаго транспорта рѣзко виденъ даже черезъ нѣсколько лѣтъ.

Деревья, составлявшія живописныя группы на преріи, были колоссальныя дубы и орѣховыя деревья съ плодами, чрезвычайно разнообразнаго вида. Когда дорога пролегла около такой группы, вачеро подѣзжали къ орѣховымъ деревьямъ и сбивали бичемъ орѣхи, сыпавшіеся градомъ. Ударъ бича поднималъ страшную суматоху въ вѣтвяхъ дерева, казавшагося передъ тѣмъ необитаемымъ. Изъ листвы вырывались стаи попугаевъ самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ. Мартышки поднимали страшную возню, съ визгомъ перепрыгивали съ одной вѣтви на другую, старались забиться куда-нибудь подальше, но видя, что имъ не причиняютъ никакого вреда, успоковались и смотрѣли съ любопытствомъ на потревожившихъ ихъ людей.

Рядомъ съ полезными или, по крайней мѣрѣ, безвредными животными, въ преріи безпрестанно попадались и вредныя. Одному изъ метисовъ удалось поймать и задавить помощью своего лассо небольшого ягуара, ростомъ съ хорошую дворовую собаку. Въ сторонѣ отъ дороги часто видѣлись степныя волки, они слѣдили за нашимъ транспортомъ и убѣгали при нашемъ приближеніи. Въ небольшомъ оврагѣ у самой дороги мы нашли логовище какого-то большого хищнаго животнаго. Множество обглоданныхъ

костей и остатки недоѣденной лани свидѣтельствовали о его кровавыхъ пиршествахъ.

Большія гремучія змѣи сползали при нашемъ приближеніи съ дороги, гдѣ онѣ грѣлись на солнцѣ, свивались въ клубокъ, шипѣли и грозили своимъ раздвоеннымъ чернымъ языкомъ и длинными зубами. Вачеро находили особенное удовольствіе въ уничтоженіи этихъ пресмыкающихся, укушеніе которыхъ влечетъ за собою сильныя страданія и въ большей части случаевъ смерть.

Эти вредные гады отличаются неповоротливостью и трусостью, такъ что съ ними не трудно справиться. По нимъ стрѣляютъ изъ револьвера, или чаще вачеро, подѣхавъ къ свернувшейся змѣѣ, ловкимъ ударомъ бича перебиваетъ ей хребетъ недалеко отъ головы и заставляетъ развернуться. Затѣмъ, не слѣзая съ лошади, ударомъ охотничьяго ножа отдѣляетъ голову отъ туловища и оставляетъ убитую гадину на съѣденіе птицамъ. Мнѣ очень понравилась эта охота. Не надѣясь на свое искусство владѣть бичемъ, я вырѣзалъ длинный, гибкій стебель какого-то ползучаго растенія, обвивавшаго стволъ и вѣтви исполинскаго дуба, и помощью этого импровизованнаго оружія дѣятельно занялся истребленіемъ змѣй. Мой сѣрый жеребчикъ, вслѣдствіе страха, который питаютъ всѣ травоядныя къ гремучимъ змѣямъ, не хотѣлъ-было сперва подходить близко къ змѣѣ, но видя, какъ съ нею легко справляются, вошелъ во вкусъ и, замѣтивъ змѣю еще издали, наостривъ уши, размѣреннымъ шагомъ шелъ къ ней и не пропускалъ случая потоптать копытами уже убитаго гада.

Изобиліе дичи и плодородіе почвы не можетъ не поразить всякаго, видѣвшаго въ первый разъ дѣвственную прерію. Мистеръ Максъ сообщилъ мнѣ, что далѣе дичь водится въ еще большемъ изобиліи, земля еще плодороднѣе и обѣщаетъ съ лихвою вознаградить хлѣбопашца, пожелающаго ее обрабатывать. Индійцы, выговаривая себѣ у правительства земли, сумѣли выбрать недурной кусочекъ.

Отъ сѣверныхъ вѣтровъ Индіанъ-Территори защищены горами. Изобиліе ручьевъ и озеръ уменьшаетъ лѣтній зной и дѣлаетъ то, что здѣсь не страшна засуха, причиняющая такія бѣдствія въ восточномъ Техасѣ и Новой Мексикѣ. Снѣгъ выпадаетъ очень рано и то на нѣсколько часовъ. Стада травоядныхъ находятъ въ себѣ изобильный кормъ въ теченіи круглаго года.

То именно это плодородіе и богатство владѣній свободныхъ ковбоевъ и способствуетъ тому, что бѣлые переселенцы, несмотря на жестокости, проникаютъ сюда все въ большемъ и большемъ числѣ и грозятъ уничтожить или отогнать далеко на западъ бѣ

численныя стада бизоновъ, не терпящихъ сосѣдства съ поселеніями бѣлыхъ. Тогда и индійцамъ придется послѣдовать за бизонами, безъ которыхъ они не могутъ существовать, или погибнуть отъ карабиновъ пришельцевъ. Вѣроятно недалеко то время, когда теперешнія пустынные преріи густо заселятся бѣлыми и Индіанъ-Территори, образовавъ новый штатъ, займетъ не послѣднее мѣсто въ числѣ самыхъ богатыхъ земледѣльческихъ штатовъ Сѣверной Америки.

Около полудня мистеръ Маевъ велѣлъ составить кораль на отлогомъ берегу небольшой рѣчки. Муловъ выпрягли, напоили и выпустили пасть подѣ карауломъ. Среди корали разложили огонь, на которомъ былъ скоро приготовленъ обѣдъ изъ дичи, нажаренной въ такомъ количествѣ, что намъ было не съѣсть ее. Приходилось бросать такіе лакомые куски, которые сдѣлали бы честь любому царскому обѣду.

Послѣ трехчасового отдыха запрягли вторую смѣну муловъ и пустились въ дальнѣйшій путь. Я былъ на очереди караулить и занялъ свое мѣсто въ аррьергардѣ транспорта.

Весело ѣхать съ транспортомъ, когда можно по произволу перемѣнять мѣсто, догоняться за оленемъ, отѣхать въ сторону, чтобы ближе рассмотреть какой-либо бросившійся въ глаза предметъ. Совсѣмъ другое дѣло быть караульнымъ. Ѣхать нѣсколько часовъ подѣ рядъ на опредѣленномъ мѣстѣ, съ приготовленнымъ ружьемъ, всматриваться во всякую верхушку дерева, показывающуюся на горизонтѣ, во всякій кустъ у дороги, стараясь опредѣлить, не грозитъ ли какая-нибудь опасность,—тоска невообразимая. Сначала я старался добросовѣстно исполнять свою обязанность, но черезъ часъ она мнѣ страшно надоѣла. Я пробовалъ завести разговоръ съ вачеро, ѣхавшими со мною рядомъ, но безъ всякаго успѣха.

Вачеро отличаются молчаливостью и цѣнять каждое слово чуть не на вѣсь золота. Во время утренняго перехода, я заговаривалъ съ вачеро, не бывшими въ караулѣ. Всѣ они отвѣчали очень вѣжливо, но до крайности коротко, стараясь выразить свою мысль какъ можно рѣзче и яснѣе наименьшимъ количествомъ словъ. Вообще, вачеро обходились со мной крайне вѣжливо и предупредительно, воздерживались отъ ругательствъ, вошедшихъ у нихъ въ привычку, какъ у нашихъ бурлаковъ и извозчиковъ, но видимо уклонялись отъ откровеннаго разговора. Охотно отвѣчая на мои вопросы о жизни въ преріяхъ вообще, они, какъ только рѣчь касалась до нихъ лично, до ихъ предположеній и мнѣній, начинали говорить неопредѣленными полуфразами, и

видимо хотѣли отклонить мое вниманіе на другой предметъ, то предлагая гоняться за выскочившимъ не вдалькѣ оленемъ, то указывая на гремучую змѣю; наконецъ, если ничего такого не попадалось на глаза, просто спрашивали, который теперь по моему мнѣнію часъ, или какъ далеко мы отбѣхали отъ Товсона.

Отъ вачеро, бывшихъ въ караулѣ, я не могъ добиться ничего, кромѣ короткихъ, односложныхъ отвѣтовъ. Они были по-видимому вполнѣ погружены въ исполненіе своей обязанности, зорко слѣдя за всякимъ предметомъ, поднимавшимся изъ-за горизонта. Видя, что съ сосѣдами не разговоришься и полагая, что они скорѣе и лучше увидятъ опасность, если таковая представится, я занялся дрессировкой своего сѣраго жеребчика. Онъ отличался чрезвычайною понятливостью, скоро научился подниматься въ галопъ съ той или другой ноги, идти траверзомъ, круто поворачивать назадъ. Но большого труда стоило мнѣ заставить его нести голову, какъ подобаеетъ благовоспитанной верховой лошади, согнувъ шею кольцомъ, а не вытянувъ ее впередъ, какъ какой-нибудь вьючной скотинѣ. Кромѣ понятливости, мой жеребчикъ отличался чрезвычайнымъ добронравіемъ: не очень брыкался, когда я садился на него и не имѣлъ скверныхъ замашекъ другихъ только-что пойманныхъ степныхъ лошадей. Многія изъ нихъ бываютъ очень злы, кусаются, норовятъ ударить ногой, и какъ только всадникъ перестанетъ обращать на нихъ вниманія, непременно продолѣаютъ какую-нибудь штуку, чтобы сбросить его. Тяжелые удары бичемъ или прикладомъ карабина служатъ возмездіемъ за подобныя продѣлки, и только въ немногихъ случаяхъ заставляють злую лошадь оставить скверныя привычки.

Часа черезъ четыре хода, караульные вачеро увидѣли въ сторонѣ отъ дороги всадника, стоящаго на мѣстѣ и дѣлающаго намъ какіе-то знаки. Я сталъ смотрѣть по указанному направленію, но не въ состояніи былъ различить не только знаковъ, но и самого всадника. Я могъ принять чернѣвшій вдали предметъ за какой-нибудь кустъ или верхушку дерева скорѣе, чѣмъ за человека, сидящаго на лошади.

Мистеръ Максъ приказалъ Патерсону вести транспортъ шагомъ, отобралъ четырехъ человекъ караульныхъ, въ томъ числѣ меня и, приказавъ намъ слѣдовать за собою, поскакалъ по направленію, гдѣ виднѣлся всадникъ. Черезъ нѣсколько времени быстрой скачки по высокой травѣ, черезъ узкіе, но очень глубокіе овраги, пересѣкающіе прерію вблизи рѣкъ, я могъ ясно рассмотреть верхового, шагомъ ѣхавшаго къ намъ. Вачеро успѣли уже узнать въ немъ одного изъ нашихъ метисовъ.

Когда мы подѣхали къ нему, метисъ сообщилъ мистеру Максу, что онъ наткнулся на передовыя стада бизоньихъ, не далеко отъ того мѣста, гдѣ нашъ транспортъ долженъ былъ остановиться на ночлегъ.

Бизоны совершаютъ теперь свою осеннюю перекочевку, съ сѣвера на югъ.

Индійцы, питающіеся почти исключительно мясомъ бизоньихъ, непременно слѣдятъ за ихъ стадами. Спутнувъ или потревоживъ передовыя бизоньихъ, мы можемъ заставить все стадо перемѣнить направленіе, чѣмъ раздражимъ краснокожихъ охотниковъ и навлечемъ себѣ кучу неприятностей. По мнѣнію метиса, слѣдовало сдѣлать обходъ въ нѣсколько миль и остановиться ночевать въ другомъ мѣстѣ. Метисъ брался провести транспортъ, минуя непроѣзжимыя овраги, до берега рѣки, гдѣ можно напоить муловъ и разбить кораль.

Мистеръ Максъ согласился съ мнѣніемъ метиса, послалъ одного вачеро къ транспорту, чтобы велѣтъ ему своротить съ дороги и направиться къ тому мѣсту, гдѣ мы стояли. Скоро транспортъ поровнялся съ нами и подъ предводительствомъ метиса пошелъ по преріи цѣликомъ.

Проѣзжая дорога, по которой мы слѣдовали до сихъ поръ, идетъ почти по совершенно ровному мѣсту, огибая овраги. Не то было въ сторонѣ. Много требовалось хлопотъ, необыкновенной смѣтливости и искусства со стороны кучеровъ, чтобы, не опрокинувъ фургоновъ, спускать ихъ вскачь въ почти отвѣсные овраги, перескочить черезъ небольшіе топкіе ручьи и выхватить на противоположной сторонѣ на крутизну, поднимающуюся стѣной на нѣсколько саженъ. Случалось, что мулы запинались на серединѣ горы, и фургону грозила опасность сорваться назадъ. Тогда вачеро подхватывали фургонъ и только соединенными усилиями муловъ, лошадей и людей, при хлопаньи бичей, крикахъ и ругательствахъ, удавалось вытащить фургонъ на ровное мѣсто. За однимъ фургономъ провозились особенно долго. Съѣхавъ съ горы, онъ завязъ всѣми четырьмя колесами въ топкой грязи. Мулы, вдругъ остановленные на бѣгу, попадали и ни за что не хотѣли вставать. Пришлось ихъ выпрягать, поймать и заложить двѣнадцать муловъ изъ запасныхъ, вытащить людьми фургонъ изъ грязи и вывезти, наконецъ, на другой берегъ.

Изъ прежняго моего разказа было видно, что не совсѣмъ легко запрячь и справиться съ плохо выѣзженными мулами, даже на ровномъ мѣстѣ, нарочно выбранномъ для удобной запряжки. Можно себѣ представить, что это была за возня въ тѣсномъ

оврагѣ, когда приходилось возиться выше колѣна въ грязи и заставлятъ муловъ тащить фургонъ на отвѣсную гору.

Солнце давно уже сѣло, когда мы, благодаря совершенному знанію мѣстности или, вѣрнѣе, инстинкту метиса и ловкости вачеро, благополучно прибыли на стоянку, не изломавъ ни одного фургона и не искалѣчивъ ни одного мула. Здѣсь, послѣ того, какъ былъ разбитъ кораль, представилась новая работа, требовавшая много хлопотъ.

Рѣка, одинъ изъ притоковъ Ридъ-ривера, текла въ крутыхъ, обрывистыхъ берегахъ. Муловъ поили поодиночкѣ, свода ихъ по узкой тропинкѣ, что занимало много времени. Каждого мула приходилось ловить помощью лассо и силой оттаскивать отъ стада. Не мало труда стоило также удержать остальныхъ муловъ на верху горы и не дать имъ скакать прямо съ обрыва къ рѣкѣ.

Наконецъ, процедура поенья окончилась, и мы сѣли вокругъ востра поужинать.

Вдали послышался топотъ лошади, и скоро къ нашему коралю подѣхалъ всадникъ въ востюмѣ, какой носятъ жители пустыни. Не обращая вниманія на окликъ часовыхъ, онъ вѣхалъ въ кораль, привѣтствовалъ насъ обычнымъ halo, слѣзъ съ лошади, разсѣдалъ ее, привязалъ около нашихъ лошадей и, не говоря ни слова, подсѣлъ къ огню.

Вачеро знаякомъ пригласили его принять участіе въ ужинѣ. Онъ сталъ ѣсть молча и послѣ ужина улегся вмѣстѣ съ нами на землѣ, въ нѣкоторомъ однако отъ насъ разстояніи. Завернувшись въ теплое широкое одѣяло, служившее мнѣ днемъ вмѣсто чепрака, я улегся подъ открытымъ небомъ на землѣ и собирался заснуть, какъ со стороны стада послышался крикъ караульныхъ вачеро и топотъ муловъ, сгоняемыхъ въ тѣсное стадо, что дѣлается для того, чтобы лучше защитить ихъ во время нападенія. Послышалось щелканье нѣсколькихъ взводимыхъ куронокъ. Собаки (почти у всякаго вачеро была большая собака), молчавшія днемъ, подняли неистовый лай, но скоро успокоились. Я взглянулъ на своихъ сосѣдей и увидѣлъ, что они, высунувъ головы изъ круглаго отверстія въ срединѣ одѣяла, съ карабинами въ рукахъ чутко прислушивались къ чему-то, готовые при первой опасности броситься къ своимъ лошадямъ. Я послѣдовалъ ихъ примѣру, взвелъ куронокъ своего штуцера и сталъ ожидать, что будетъ дальше.

Скоро объяснилась причина тревоги. Въ кораль, отвѣтивъ что-то на окликъ часовыхъ, выставившихъ на встрѣчу свои карабины, вѣхали два авантюриста.

Разсѣдлавъ лошадей, они спросили, нѣтъ ли чего поѣсть, — поужинали и улеглись рядомъ съ прежде прибывшимъ.

Мнѣ очень не нравилось присутствіе неизвѣстныхъ людей въ коралѣ, но дѣлать было нечего, и я, завернувшись поплотнѣе въ одѣяло, заснулъ. Утромъ, когда послѣ бреквеста стали запрагать, наши посѣтители, осѣдлавъ своихъ лошадей и размѣнявшись съ нами обычнымъ привѣтствіемъ, уѣхали въ прерію, а мы отправились въ путь прежнимъ порядкомъ. Наканунѣ, выѣхавъ довольно поздно, мы успѣли сдѣлать только два перегона. Сегодня слѣдовало проѣхать три — съ тѣмъ, чтобы къ ночи поспѣть въ блокгаузу піонеровъ, единственному поселенію бѣлыхъ, бывшему у насъ на дорогѣ къ блокгаузу мистера Макса.

Транспортъ продолжалъ идти по ровной черноземной преріи, перерѣзанной мѣстами глубокими оврагами. Дичь попадалась въ большомъ количествѣ. Группы деревьевъ становились гуще, и самыя деревья имѣли часто колоссальные размѣры. Безъ особенныхъ привключеній сдѣлали мы два перехода и остановились для второй покормки у довольно большой и глубокой рѣки, берега которой поросли густымъ лѣсомъ.

Здѣсь нашъ кораль посѣтили индійцы племени Пони. Трое мужчинъ и двѣ женщины пріѣхали къ намъ верхомъ на лошадяхъ, на которыхъ вмѣсто сѣделъ были наложены шкуры небольшихъ кугуаровъ съ привязанными къ нимъ ременными стремениами. Лошади были не взнузданныя. Для управленія ими служилъ тонкій ремень, продѣтый въ ноздрю животнаго.

Я въ первый разъ видѣлъ свободныхъ дѣвѣхъ индійцевъ и съ любопытствомъ сталъ разсматривать ихъ. По наружности наши гости далеко не соотвѣтствовали тому идеалу индійца, который можно составить себѣ, читая рассказы Купера и другихъ романистовъ. Мужчины были высокаго роста, сухого, крѣпкаго тѣлосложенія. Костюмъ ихъ состоялъ изъ штановъ, въ которыхъ задняя часть была вырѣзана, изъ макасинъ, или обуви красиво сплетенной изъ ремней, изъ свернутаго одѣяла, перекинутаго черезъ плечо, и широкаго пояса, за который былъ затянутъ цѣлый арсеналъ револьверовъ, томагавкъ, или топоръ особаго вида, длинный охотничій ножъ, ножъ для разрѣзыванья мяса, небольшой кривой ножъ для скальпированья, т.-е. для подрѣзанія кожи на головѣ непріятеля, когда ее сдираютъ. Вмѣстѣ съ оружіемъ, трубкой и огнивомъ на поясѣ висѣло нѣсколько скальповъ, которыми были украшены, кромѣ того, наружные швы штановъ во всю ихъ длину. Лицо и верхняя часть туловища было замысловато раскрашено бѣлой, синей и красной краской. Волоса ничѣмъ не-

покрытой головы были собраны въ пучокъ на макушкѣ и примазаны какою-то черною смолою. Къ волосамъ были прикреплены въ беспорядкѣ разноцвѣтныя перья и отрѣзанные хвосты гремучихъ змѣй съ ихъ гремушками. Костюма женщинъ разсмотрѣть было нельзя, такъ какъ онѣ все время сидѣли плотно завернувшись въ одѣяла и не сходили со своихъ лошадей.

Весь костюмъ индійцевъ и сами они отличались замѣчательною неопрятностью и распространяли вокругъ себя на довольно большое разстояніе крайне неприятный запахъ.

Собаки бѣлыхъ тергѣть не могутъ этого запаха и узнаютъ присутствіе индійца на очень большомъ разстояніи. Наши собаки принялись ворчать задолго передъ тѣмъ, какъ индійцы подѣхали къ намъ, и все время пока они были въ коралѣ, собакъ трудно было успокоивать, и приходилось держать на привязи.

При взглядѣ на рѣзкія черты лица индійцевъ прежде всего обращало на себя вниманіе выраженіе спокойныхъ черныхъ глазъ, никогда не выдающихъ никакого внутренняго движенія. Должно быть, не хорошо дѣлается на душѣ у человѣка, попавшаго въ руки индійца, когда послѣдній смотритъ этими безстрастными глазами на свою жертву и выдумываетъ, какимъ бы способомъ подольше насладиться видомъ ея предсмертной агоніи. Старый индеецъ, какъ оказалось, одинъ изъ начальниковъ племени, сразу опредѣлилъ, что начальство надъ транспортомъ принадлежитъ мистеру Максу, помѣстился противъ него на корточкахъ и положилъ ему на колѣни исписанный листъ бумаги. Это былъ аттестатъ, выданный командиромъ одного изъ фортовъ индійцу въ томъ, что начальникъ племени Пони, Змѣиный-Хвостъ, всегда былъ другомъ бѣлыхъ, оказывалъ имъ многія важныя услуги, почему просить обходиться съ нимъ сообразно съ его достоинствами. За подписомъ начальника форта слѣдовали рекомендаціи частныхъ лицъ. Здѣсь говорилось, что Змѣиный-Хвостъ служилъ такому-то путешественнику проводникомъ и оказывалъ разныя услуги. Рядомъ съ этими похвалами стояли и такія надписи: «Не вѣрьте этому скоту, такихъ плутовъ свѣтъ не производилъ»; или: «Отдавая полную справедливость великимъ заслугамъ Змѣинаго-Хвоста, считаю необходимымъ предупредить путешественниковъ въ томъ, что во время посѣщенія ихъ лагеря великимъ начальникомъ и его шайкой, слѣдуетъ смотрѣть за вещами, такъ какъ вся шайка, включая начальника, страшные воры».

Глядя на гордость, съ какою Змѣиный-Хвостъ показывалъ свой аттестатъ, и читая подобныя рекомендаціи, надо было употребить большое усиліе надъ собою, чтобы не расхохотаться, чего

нельзя было себѣ позволить ни подь какимъ видомъ изъ опасенія нажить въ индійцѣ открытаго врага.

Въ другихъ отношеніяхъ индійцы не обнаруживали особенной гордости и обидчивости. Вачеро обходились съ ними, нельзя сказать, чтобы особенно вѣжливо. Одинъ индеецъ, замѣтивъ, что я смотрю на трофеи, привѣшенные къ его поясу, сталъ расправлять высохшую кожу скальповъ съ видимою гордостью, говоря что-то на непонятномъ для меня нарѣчій, состоящемъ на половину изъ англійскихъ и испанскихъ словъ. Вѣроятно, онъ рассказывалъ о своихъ воинскихъ подвигахъ.

Одинъ изъ вачеро прервалъ этотъ рассказъ восклицаніемъ: «Охота вамъ слушать этого скота. Его давно бы надо повѣсить за его богопротивные подвиги! Еслибъ не жалко пороху, слѣдовало бы сейчасъ загнать ему пулю!» Индеецъ очень хорошо понималъ эти слова, но ни однимъ движеніемъ не выдалъ произведеннаго ими впечатлѣнія, прервалъ только свой рассказъ, и расположивъ скальпы, между которыми, судя по длинѣ волосъ, были женскіе, такъ, чтобы они были всѣ видны, направился къ своимъ товарищамъ. Индійцевъ пригласили къ обѣду, но не позволили сѣсть у огня, а заставили помѣститься въ сторонѣ отъ бѣлыхъ и выдали имъ куски жаренаго мяса, какъ собакамъ.

Удивительно быстро исчезало мясо въ широкихъ ртахъ индійцевъ. Каждый изъ нихъ въ нѣсколько минутъ съѣлъ такое количество, какового бы достало человѣкъ на пять бѣлыхъ. Когда имъ передали фляжку съ виски, то индійцы чуть не подрались изъ-за нея. Приходилось отнимать фляжку, чтобы не дать напиться до безобразія. Послѣ обѣда мистеръ Маесъ подарилъ индійцамъ нѣсколько трубокъ, дешевыхъ складныхъ ножей, и гостей выпроводили безъ дальнѣйшихъ околичностей изъ лагера, такъ какъ надо было собираться въ дальнѣйшій путь, а во время сборовъ трудно было бы усмотрѣть за гостями, извѣстными своею страстью присвоивать себѣ чужую собственность. Во время посѣщенія, женщины не слѣзали съ лошадей и съ завистью смотрѣли, какъ ихъ повелители пожирали мясо и пили огненную воду.

Мистеръ Маесъ хотѣлъ засвѣтло доѣхать до блокгауза пионеровъ, почему почти всю дорогу мы шли на рысяхъ и прибыли къ блокгаузу на закатѣ солнца.

Обитатели блокгауза приняли насъ съ радушіемъ, какое можно встрѣтить только въ пустынѣ, гдѣ рѣдко приходится встрѣчаться съ бѣлыми, особенно съ людьми, пріѣхавшими изъ цивилизованныхъ Штатовъ.

За изобильнымъ ужиномъ, мистеръ Маесъ сообщилъ извѣстія,

могущія интересоваться пионеровъ, отдѣленныхъ пустынями отъ поселеній бѣлыхъ и вѣдящихъ въ ближайшій городъ разъ или два въ годъ—для продажи хозяйственныхъ продуктовъ и закупки нужныхъ въ хозяйствѣ матеріаловъ.

Мистеръ Смитъ, хозяинъ блоггауза, олицетворяетъ собою типъ пионеровъ запада. Ему лѣтъ шестьдесятъ отъ роду, но не замѣтно, чтобы года сколько-нибудь ослабили его энергію и физическія силы. Онъ принадлежитъ, равно какъ и всѣ его домочадцы, къ сектѣ пуританъ. Ему тѣсно жить въ мѣстности, гдѣ толпится много переселенцевъ. Всю жизнь свою онъ занимался тѣмъ, что основывалъ блоггаузы въ пустынѣ, жилъ въ нихъ, пока окрестность не населится бѣлыми, продавалъ свой участокъ и отправлялся далѣе на западъ искать новаго удобнаго мѣста, чтобы и тамъ повторить то же самое. У него большое семейство. Многіе изъ его четырнадцати сыновей, настоящихъ гигантовъ ростомъ, какъ и отецъ ихъ, женаты и имѣютъ взрослыхъ дѣтей. Мистеръ Смитъ распоряжается дѣтьми и работниками, подобранными подъ стать къ нимъ, какъ настоящій патриархъ, безконтрольно. Воля его—законъ для всѣхъ живущихъ въ блоггаузѣ. Всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ завѣдуетъ его жена, добрая старуха, небольшого роста, глядя на которую плохо вѣрится, что она мать этихъ четырнадцати колоссовъ и еще трехъ дочерей.

Мистеръ Смитъ съ семействомъ и небольшимъ числомъ работниковъ, имѣющихъ одинаковыя права съ членами семьи, занимается скотоводствомъ и пахотою маиса и пшеницы. По его словамъ, урожай всегда баснословный; но рѣдко когда весь посѣянный хлѣбъ дожидается жатвы, такъ какъ индійцы пользуются всякою оплошностью пионеровъ, чтобы выжечь поля, угнать скотъ и вообще причинить какой-нибудь убытокъ.

Обрабатывать поля необходимо съ оружіемъ въ рукахъ. Часто приходится бросать плугъ для того, чтобы отражать нападеніе или преслѣдовать индійцевъ.

Пионеры отъ души ненавидятъ индійцевъ и безъ малѣйшаго угрызения совѣсти стрѣляютъ во всякаго краснокожаго, замѣченнаго вблизи блоггауза или засѣянныхъ полей. Этимъ пионеры рассчитываютъ запугать индійцевъ и отбить у нихъ охоту уничтожать посѣвы. Кромѣ этой ненависти къ индійцамъ, семейство мистера Смита, подобно всѣмъ пионерамъ изъ пуританъ, можетъ считаться образцомъ честности, гостепримства и доброты.

Странно кажется съ перваго взгляда, что люди, которые не позволяютъ себѣ не только убить бѣлаго человѣка, но даже считаютъ малѣйшее оскорбленіе, нанесенное бѣлому, или неподаніе

ему помощи, страшнымъ, непростительнымъ грѣхомъ, безъ всякой причины стрѣляютъ въ индійца, заботясь о его смерти менѣе, чѣмъ о смерти бѣшеной собаки или какой-нибудь гадины. Но это объясняется тѣмъ, что піонеры чистосердечно убѣждены, что индійцы не люди, а существа, проклятыя Богомъ, ниспосланныя на землю дьяволомъ для того, чтобы мучить людей, т.-е. одаренныхъ бѣлою кожею.

Тотчасъ послѣ ужина мнѣ пришлось оставить блокгаузъ и отправиться къ нашему стаду муловъ, такъ какъ была моя очередь караулить ночью. Смотрѣть за стадомъ ночью, послѣ цѣлаго дня, проведеннаго въ сѣдлѣ,—обязанность крайне неприятная, и я охотно промѣнялъ бы этотъ скучный караулъ на мягкую постель въ блокгаузѣ, или, пожалуй, хоть на болѣе жесткое ложе, на землѣ, у костра корала. Но дѣлать было нечего: надо было исполнять обязанность, отъ которой не имѣть права уклоняться никто изъ сопровождающихъ транспортъ въ Индіанъ-Территори.

На мою бѣду къ тому же разразилась гроза,—одна изъ тѣхъ южныхъ грозъ, о которыхъ жители сѣвера не могутъ себѣ составить даже приблизительнаго понятія. Жаркій день смѣнился по обыкновенію холодною ночью. На звѣздномъ небѣ не было видно ни одного облака.

Вдругъ на горизонтѣ показалось бѣловатое пятно, послышались отдаленные раскаты грома, блеснула раза два молнія. Въ нѣсколько секундъ свѣтлое пятно обратилось въ черную тучу, закрывавшую небо, разразился страшный ураганъ, несшій цѣлыя облака пыли. Отдаленные раскаты грома становились все явственнѣе и явственнѣе, пока не слились въ постоянный грохотъ, отъ быстро слѣдовавшихъ одинъ за другимъ ударовъ. Яркая молнія, освѣщая прерію всѣми цвѣтами радуги, не переставала блистать ни на одну минуту. Казалось, цѣлые потоки свѣта лились съ неба на землю. Крупныя капли дождя перешли въ страшный ливень, промочившій насъ до костей. Напрасно завертывались мы въ свои одѣяла, они промокли въ нѣсколько секундъ и намъ пришлось оставить всякое попеченіе защищать себя отъ дождя и заботиться только о томъ, чтобы не смокло оружіе.

Лошади перепугались, я чувствовалъ, какъ дрожалъ мой жеребчикъ. Не разъ при особенно сильныхъ ударахъ лошади падали на колѣни, грозя ушибить сѣдоковъ. Мулы собрались къ маткѣ, трясясь всѣмъ тѣломъ, жались другъ къ другу, издавая по временамъ жалобное ржанье.

При оглушительномъ ударѣ, раздавшемся какъ-бы надъ нашими головами, все стадо шархнулось въ сторону; matka выпр-

вала веревку изъ рукъ державшаго ее вачеро и понеслась по преріи, увлекая за собою муловъ. На табунъ напала паника. Нечего было и думать остановить обезумѣвшихъ отъ страха животныхъ. Намъ оставалось одно: слѣдить за стадомъ, пока оно не остановится само, и заботиться, чтобы какой-нибудь мулъ не отбился какъ-нибудь отъ своихъ товарищей.

Сдѣлавъ два выстрѣла изъ револьверовъ, чтобы поднять тревогу въ коралѣ, мы поскакали за стадомъ. Трудно вообразить, что это была за свачка. При проливномъ дождѣ, при ураганѣ, чуть не сбивавшемъ съ сѣда и засыпавшемъ глаза пылью, мы неслись по преріи черезъ овраги, ручьи, колючіе кустарники, пользуясь по временамъ яркимъ свѣтомъ, чтобы опредѣлить направление, взятое стадомъ, и подогнать къ нему отбившихся въ сторону муловъ.

Черезъ часъ бѣшеной свачки, подобной которой мнѣ никогда не случалось видѣть, matka, а за ней все стадо и мы соскочили въ глубокой оврагъ, перенеслись черезъ рѣчку и остановились, по той простой причинѣ, что дальше бѣжать было невозможно. Передъ нами, отвѣсною стѣною на нѣсколько сажень, поднимался скалистый берегъ рѣки. Намъ удалось собрать бросившихся-было въ разныя стороны муловъ на небольшую полянку подъ обрывомъ, и согнавъ ихъ въ кучу, дождаться, пока перейдетъ гроза. Гроза прекратилась такъ же быстро, какъ началась. Въ нѣсколько минутъ дождь и вѣтеръ утихли. Раскаты грома стали долетать къ намъ издалека, и на безоблачномъ небѣ снова засвѣтились звѣзды, начинавшія уже блѣднѣть передъ восходомъ солнца. Сосчитали людей. Оказалось, что всѣ, восемь человѣкъ, бывшихъ въ караулѣ при стадѣ, на лицо. Но, Боже, въ какомъ несчастномъ видѣ! Промоченные до костей, въ платьѣ, изорванномъ въ лохмотья о кустарники и нависшія вѣтви деревьевъ, испачканные въ грязи, такъ какъ не разъ приходилось падать на всемъ скаку съ лошадыю и только при помощи какого-то особеннаго инстинкта выкарабкиваться и продолжать свачку, — всѣ мы не могли попасть зубъ на зубъ и точно околѣбли отъ холода, и было необходимо, во чтобы то ни стало, развести огонь, чтобы согрѣться.

Но это было дѣло не совсѣмъ легкое. Солнце уже взошло, пока мы успѣли набрать хворосту, не слишкомъ смоченнаго дождемъ, и зажечь костеръ.

Снявъ съ себя платьѣ, мы развѣсили его, и сами размѣстились вокругъ костра въ костюмѣ первобытныхъ людей, стараясь разогрѣть околѣбленные члены. Въ этомъ положеніи застали насъ

Патерсонъ съ нѣсколькими вачеро и мистеръ Смитъ съ своими сыновьями и работниками.

Когда въ коралѣ слышали выстрѣлы, мистеръ Максъ бросился къ мѣсту, гдѣ паслось стадо и, не найдя насъ тамъ, догадался въ чемъ дѣло. При ярвой молніи ему удалось однакожь увидѣть, въ какую сторону понеслось стадо, почему онъ тотчасъ же послалъ въ догонку Патерсона съ нѣсколькими вачеро. Съ своей стороны, услышавъ тревогу въ коралѣ, обитатели блокауза тоже послѣшили на помощь. Но такъ какъ за грозой не было слышно, куда бѣжало стадо, то обѣ партіи сбились съ настоящаго направленія, до утра проѣздили по преріи и, встрѣтившись случайно при солнечномъ восходѣ, отыскиали слѣдъ оставленный нами и пріѣхали по этому слѣду къ нашему востру. Хотя они не были ободраны такъ, какъ мы, но все-таки ихъ порядкомъ промочило, и лошади ихъ были утомлены до крайности.

Узнавъ, что вчерашнее происшествіе обошлось безъ особеннаго несчастія, мистеръ Смитъ, Патерсонъ и ихъ спутники послѣшили пустить своихъ лошадей пасться вмѣстѣ съ нашими, навязавъ предварительно на каждую лошадь по лассо и послѣдовали нашему примѣру, т. е., раздѣвшись, стали сушиться и грѣться.

Когда платье нѣсколько пообсохло и благодѣтельный огонь согрѣлъ насъ самихъ, стали разсуждать о томъ, что дѣлать дальше.

О томъ, чтобы гнать стадо назадъ, не давъ отдохнуть и выкормиться истомленнымъ животнымъ, нечего было и думать. Всѣ лошади, кромѣ одной кобылицы, на которой ѣхалъ мистеръ Смитъ, были изнурены до крайности и едва держались на ногахъ. Къ тому же ручей, черезъ который нѣсколько часовъ назадъ мы переѣхали въ бродъ, едва замѣтивъ его, обратился послѣ дождя въ бурный глубокой потокъ, переправа черезъ который на усталыхъ лошадяхъ грозила опасностью, какъ людямъ, такъ и животнымъ.

Было рѣшено переждать, пока лошади и мулы нѣсколько отдохнуть и вода въ ручѣ спадетъ, что должно было случиться часа черезъ три или четыре. Мистеръ Смитъ послалъ одного изъ сыновей на своей кобылицѣ дать знать мистеру Максу, что все обошлось благополучно и объяснить причину, по которой мы не можемъ скоро возвратиться.

Кобылица мистера Смита доказала, какое огромное преимущество имѣютъ кровныя кентукійскія лошади передъ степными:

въ то время, какъ другія лошади изнемогли отъ усталости, скачка въ теченіи нѣсколькихъ часовъ подъ колоссальнымъ пионеромъ, казалось, даже нисколько не утомила ее.

Сдѣлавъ нѣсколько лансадей, когда молодой Смитъ сѣлъ на нее, она смѣло бросилась въ потокъ, переплыла черезъ него и понеслась къ блокгаузу.

Надо было позаботиться о завтракѣ. Когда костеръ и взопедавшее солнце заставили забыть холодъ, наши желудки стали сильно напоминать о себѣ. Разумѣется, провизіи у насъ съ собой не оказалось, и надо было прибѣгнуть къ охотѣ, чтобы приготовить завтракъ. Тѣ, которые были въ караулѣ и успѣли просушить платье, разбрелись въ разныя стороны искать дичи, предоставивъ партіямъ мистера Смита и Патерсона досушиваться и стеречь муловъ. Скоро послышались въ разныхъ мѣстахъ выстрѣлы, и охотники возвратились съ обильнымъ запасомъ дичи. Кто несъ лань, застрѣленную на водопоѣ, кто утокъ или другихъ птицъ. Мнѣ удалось натѣнуться на стадо пекари, валявшееся въ лужѣ. Застрѣливъ жирнаго самца, я съ трудомъ вытащилъ его изъ вязкой грязи и притащилъ его къ костру. У одного вачеро нашлось въ мѣшкѣ для пули нѣсколько соли, у другого оказалась фляжка съ виски, такъ что скоро былъ приготовленъ великолѣпный завтракъ, которому бы позавидовалъ любой городской гастронномъ, еслибы у насъ было хоть немного хлѣба.

Отдохнувъ нѣсколько послѣ сытнаго завтрака и дождавшись когда вода въ ручьѣ спала настолько, что можно было безъ опасности перегнать стадо, мы переправились на другую сторону и поднялись на крутой берегъ. Послѣ грозы зеленая прерія казалась еще зеленѣе, еще красивѣе.

Мы погнали муловъ по слѣду, оставленному нами вчера и ясно видѣвшемуся широкой полосой измятой травы.

Но сегодня гнать стадо по этой дорогѣ было не совсѣмъ легко. Вчера во время ночной скачки мы неслись по самому краю круглыхъ обсыпавшихся овраговъ, перескакивали, почти не замѣчая, широкіе рвы, чрезъ которые не рѣшались перескочить сегодня не только мулы, но и наши лошади. Слѣдъ приводилъ часто къ полянамъ густо заросшимъ колючимъ кустарникомъ, продраться съвозъ который оказалось сегодня невозможнымъ. Приходилось дѣлать длинныя обходы, чтобы обойти препятствія, которыя вчера ночью мы одолевали такъ легко. Удивляюсь, какъ при этой скачкѣ въ темнотѣ никто не сломалъ себѣ шею и не разбился въ дребезги въ какомъ-нибудь оврагѣ. Замѣчательно, что не только люди, но ни одна лошадь, ни одинъ мулъ не полу-

чили значительныхъ ушибовъ и отдѣлялись нѣсколькими легкими царапинами.

Чтобы оставить за собою двадцать миль, сдѣланныхъ вчера во время паники съ такою быстротою, намъ надо было употребить часовъ пять и мы далеко за полдень прибыли къ блокгаузу.

Продолжать путь въ тотъ же день было бы неблагоразумно, такъ какъ люди и лошади были крайне утомлены и нужно было дать отдохнуть какъ тѣмъ, такъ и другимъ, — почему мистеръ Максъ рѣшился простоять весь день и часть ночи у блокгауза, съ тѣмъ, чтобы съ полуночи двинуться въ дальнѣйшій путь и сдѣлать за свѣтло три перехода, отдѣлявшіе насъ отъ его блокгауза, цѣли нашего путешествія.

Замѣнивъ свои два одѣяла, изорванныя въ клочки, новыми — изъ запасныхъ, имѣвшихся при транспортѣ въ достаточномъ количествѣ, — я успѣшилъ воспользоваться случаемъ возстановить свои силы, истощенныя непривычными усиліями въ теченіи послѣднихъ двухъ дней и проспалъ до того времени, какъ транспорту слѣдовало двинуться въ путь, а мнѣ, какъ очередному караульному, занять свое мѣсто въ аррьергардѣ.

На разсвѣтѣ мы перебрагли муловъ и поѣхали далѣе, рассчитывая къ полудню остановиться у большой, глубокой рѣки одного изъ притоковъ Ридъ-ривера.

На второмъ переходѣ одинъ изъ метисовъ сообщилъ, что нашелъ слѣдъ одинокаго бизона и видѣлъ издали самое животное, оставшее далеко отъ своихъ товарищей, проходившихъ въ это время восточнѣе. Представлялся отличный случай поохотиться, и свободные отъ караула, въ томъ числѣ Чарли и я, успѣшили имъ воспользоваться и поскакали за метисомъ. Я особенно былъ радъ этому случаю, такъ какъ могъ наконецъ посмотрѣть вблизи на дикаго бизона, объ охотахъ на котораго я столько слышался. Скоро мы увидѣли большого, гривастаго быка, спойно щипавшаго траву и не ожидавшаго, что его жизни грозитъ опасность. Онъ подпустилъ насъ довольно близко, но не оправдалъ репутаціи храбрости и свирѣпости, которою пользуются его собратья. Послѣ перваго выстрѣла, сдѣланнаго метисомъ весьма неудачно, бизонъ глухо заревѣлъ и обратился въ постыдное бѣгство съ такою быстротою, что намъ врядъ ли возможно было догнать его на лошадяхъ. Но быстрота бѣга не спасла его отъ нѣсколькихъ пуль, посланныхъ ему въ догонку. Пораженный смертельно, онъ остановился, вырвалъ крѣпкими рогами порядочной клокъ земли и подбросилъ его высоко на воздухъ; потомъ, сдѣлавъ нѣсколько отчаянныхъ скачковъ, съ высунутымъ языкомъ

и съ кровавою пѣною у рта грянулся о землю. Довончивъ животное выстрѣломъ въ упоръ, метись, при помощи одного вачеро, сталь сдирать кожу. Лучшія части животнаго были вырѣзаны и отвезены въ лагерь. Остальное мясо оставлено на сѣденіе хищнымъ звѣрямъ, такъ какъ запасовъ мяса, по причинѣ жаровъ, дѣлать нельзя: въ нѣсколько часовъ мясо дѣлается негоднымъ къ употребленію; да при изобиліи дичи жители пустыни ѣдятъ только лакомые куски, пренебрегая остальными. Къ обѣду былъ изжаренъ знаменитый горбъ бизона. Но оттого ли, что убитый бизонъ былъ слишкомъ старъ, или я еще недостаточно свыкся съ пустыней, чтобы оцѣнить блюдо, пользующееся такою громкою извѣстностью, но жареный на вертелѣ горбъ бизона не показался мнѣ особенно вкуснымъ и далеко уступалъ мелкой дичи, которою мы питались во время нашего путешествія по преріи.

Намъ нельзя было предаваться долго гастрономическимъ изслѣдованіямъ вкуса горба бизана, такъ какъ надо было устроить плоты для переправы черезъ Истъ-риверъ почти у самаго его впаденія въ Ридъ-риверъ.

Для переправы черезъ рѣки, которыя въ бродъ перейти нельзя, устриваютъ плоты, сбитые на скорую руку изъ бревень, срубленныхъ тутъ же на берегу рѣки, обыкновенно заросшемъ густымъ лѣсомъ. На плотахъ переправляютъ только фургоны съ товаромъ, муловъ же и лошадей перегоняютъ вплавь. Было бы очень затруднительно для людей, сопровождавшихъ транспортъ, всякій разъ устривать новые плоты. Много времени пришлось бы потратить на срубку деревьевъ, очистку ихъ отъ вѣтвей и спусканье въ воду. Потому пользуются обыкновенно плотами, служившими для переправы прежде проходившихъ транспортвъ.

Жизнь въ пустынѣ, гдѣ человѣку приходится бороться съ непокоренною природою и преодолевать различныя затрудненія, лучше всякихъ теорій учить людей понимать, что только взаимная помощь, оказываемая ими другъ другу безъ узкихъ эгоистическихкихъ расчетовъ, способна дать возможность облегчить всѣмъ достиженіе предположенныхъ цѣлей. Это оказываніе помощи, эта забота объ устраненіи для другихъ тѣхъ трудностей, какія пришлось преодолѣть самому, безъ расчета на непосредственное вознагражденіе, часто для людей, съ которыми вѣроятно не придется никогда встрѣтиться, видна въ пустынѣ на всякомъ шагу и проявляется, между прочимъ, при проложеніи дорогъ и устройствѣ переправъ.

Всякій проходящій транспортъ считаетъ своею обязанностью,

по мѣрѣ силъ и возможности, дѣлать спуски съ овраговъ болѣе удобными, чинить попортившіяся части дороги не только для того, чтобы проѣхать самому, но и для того, чтобы улучшить путь для тѣхъ, кому придется впослѣдствіи ѣхать тою же дорогою.

Устроивъ плоты и переправивъ свои фургоны, люди, сопровождающіе транспортъ, не бросаютъ ненужныхъ имъ болѣе плотовъ. Они не гонятся даже за большими желѣзными гвоздями и веревками, служившими для сколачиванія и связыванія плотовъ. Гвозди и веревки имѣютъ большую цѣнность въ пустынѣ и привезены съ собою строителями плотовъ за сотни миль. Ясно, что не изъ лѣни и небрежности не берутся съ собою эти вещи, такъ какъ разорить плоты и выбрать гвозди представляетъ ничтожный трудъ. Напротивъ того, переправившись, вачеро стараются сохранить плотъ для другихъ, заводятъ въ какую-нибудь заводъ и прикрѣпляютъ такъ, чтобы его не разбило водой и чтобы онъ не попался на глаза индійцамъ, часто уничтожающимъ плоты чисто изъ желанія досадить бѣлымъ.

Не далеко отъ дороги мы скоро нашли нѣсколько плотовъ, причаленныхъ въ небольшомъ заливѣ, густо обросшемъ кустарникомъ. Въ плотахъ надо было перемѣнить нѣсколько бревенъ, перекрѣпить нѣкоторыя связи, что и было исполнено менѣе чѣмъ въ часъ времени.

Отцѣпивъ плоты отъ берега и перетасивъ ихъ къ дорогѣ или, правильнѣе, къ мѣсту, гдѣ можно было удобнѣе спустить фургоны, приступили къ переправѣ, употребляя въ дѣло тѣ приемы, къ которымъ нужно прибѣгнуть для разрѣшенія извѣстной загадки о крестьяннѣ, перевозящемъ волка, овцу и сѣно.

Впрочемъ, нашу задачу было труднѣе разрѣшить, чѣмъ крестьянину. Онъ могъ оставить на берегу что-либо изъ своего груза поодиночѣ, тогда какъ намъ надо было перетаскивать плоты, справляться съ упрямыми мулами, содержать строгій и сильный караулъ на обоихъ берегахъ, такъ какъ переправа представляетъ самый удобный моментъ для нападенія, предоставляя всѣ шансы на сторону нападающихъ, что отлично знаютъ индійцы и рыцари пустыни. Мистеръ Макъ распорядился переправой слѣдующимъ образомъ.

Пока готовили плоты, кромѣ двухъ метисовъ, было послано еще нѣсколько человекъ осмотрѣть мѣстность на значительное разстояніе по обоимъ берегамъ. Возвратившись, вачеро донесли, что не замѣтили ничего подозрительнаго.

Когда плоты были готовы и подвинуты къ спуску, фургоны

подвезли къ самому берегу. Затѣмъ, восемнадцать человѣкъ вачеро переправились со своими лошадьми вплавь на другой берегъ, взявъ съ собою концы двухъ веревокъ, привязанныхъ къ плотамъ; изъ нихъ восемь человѣкъ составляли караулъ, десять должны были тащить за веревки плоты къ другому берегу. Когда караульные заняли свои мѣста, вачеро, державшій матку, бросился въ рѣку и переплылъ съ нею на противоположный берегъ. Мулы, понуждаемые криками, переплыли также и были собраны караульными на небольшой площадкѣ, неподалеку отъ того мѣста, гдѣ должны были пристать плоты. На каждый изъ двухъ плотовъ сдвинули по четыре фургона, помѣстились по пяти спѣшившихся вачеро, вооруженныхъ длинными шестами, и, повиная теченію и веревкамъ, за которыя ихъ тянули бывшіе на той сторонѣ люди, плоты съ половиною нашего транспорта, описавъ дугу круга, переплыли къ другому берегу.

Люди на плотяхъ помощью шестовъ управляли и помогали движенію плотовъ. Тѣмъ временемъ вачеро изъ мексиканцевъ навязалъ лошадей спѣшившихся товарищей на лассо и переправилъ ихъ черезъ рѣку.

Фургоны были стащены на берегъ, а плоты нужно было отправить назадъ за другою половиною транспорта. А такъ какъ плоты относило теченіемъ, то ихъ перетаскили вверхъ по рѣкѣ на такое разстояніе, чтобы они пристали у оставленныхъ фургоновъ. Тогда люди, пріѣхавшіе на плотяхъ, смѣнили караульныхъ, которые, переплывъ, перетаскили плоты обратно къ фургонамъ.

Вторая половина транспорта была переправлена такимъ же образомъ, послѣ чего переплыли и вачеро, оставшіеся караулить фургоны. Переправа была совершена благополучно. Стащивъ плоты въ укромное мѣсто, запрягли муловъ для послѣдняго перехода въ двадцать миль, отдѣлявшихъ насъ отъ блокауза мистера Макса.

Патерсонъ ѣхалъ впереди транспорта. Ему вѣроятно хотѣлось скорѣе добраться домой, почему онъ усиливалъ ходъ транспорта и мы ѣхали почти все время на-рысяхъ. Дорога шла теперь берегомъ Ридъ-ривера и была проложена узкою полоскою тмели, отдѣляющей рѣку отъ первобытнаго лѣса.

Нельзя было не любоваться красотою исполинскихъ деревьевъ. Стволы и вѣтви лѣсныхъ великановъ, принадлежащихъ къ разнообразнымъ видамъ тополя, дуба и орѣха, были покрыты различными ползучими чужезадными, перебрасывавшими свои гибкія вѣтви съ одного дерева на другое, образуя самыя причудливыя

гирлянды, блиставшія цвѣтами всевозможныхъ величинъ и оттѣн-
ковъ. Во многихъ мѣстахъ листва была такъ густа, что солнце
никогда не проникало сквозь нее и у подножія деревьевъ не было
никакой растительности. Толстый слой непокрытаго ничѣмъ пе-
регноя, отъ падавшихъ въ теченіи вѣковъ листьевъ, дѣйствовали
соблазнительно на глазъ хлѣбопашца и дѣлалъ понятнымъ то
упорство, съ которымъ піонеры, не взирая ни на какія опасно-
сти, основываютъ свои блокгаузы преимущественно въ первобыт-
ныхъ лѣсахъ у береговъ рѣкъ.

Въ тѣхъ частяхъ лѣса, куда проникали лучи солнца, подлѣ-
сокъ состоялъ изъ особаго вида низкорослой пальмы съ твердыми,
торчащими вверхъ листьями. Это растеніе, чрезвычайно густо по-
крывающее землю, перевитое особымъ видомъ колочей ліаны, дѣ-
лаетъ во многихъ мѣстахъ лѣсъ совершенно непроходимымъ для
людей и животныхъ.

Лѣсъ казался съ перваго раза совершенно пустыннымъ: не
было слышно ни одного звука, напоминающаго о какомъ-либо
живомъ существѣ.

Но стѣбало только кому-либо изъ насъ подъѣхать къ орѣхо-
вому дереву и ударить бичомъ, чтобы сбить орѣхи, какъ въ вѣт-
вяхъ поднималась страшная возня, производимая перепуганными
пернатыми, четвероногими и четверорукими ихъ обитателями, до-
казывающая, что пустынность лѣса только кажущаяся и что онъ
населенъ безчисленнымъ множествомъ самыхъ разнообразныхъ жи-
выхъ существъ. Залюбовавшись новымъ для меня видомъ дѣв-
ственнаго лѣса, я почти не замѣтилъ, какъ мы сдѣлали послѣд-
ній переходъ и, обогнувъ небольшую извилину берега, очутились
въ виду блокгауза мистера Макса.

II.

Семейство м-ра Макса.—Рыцари пустыни, авантюристы и вачеро.—Русскіе въ
преріяхъ дальняго запада.—Русская артель «Дѣдъ».—Устройство блокгауза м-ра
Макса. — Степное скотоводство.—Сбори орѣховъ. — Приключенія нѣмецкаго
торговца въ преріи.—Обратный путь изъ Индіанъ-Территори.—Выставка и ар-
марка въ Эдвардсвилѣ. — Переносныя мельницы и приборы для буренія арте-
зианскихъ колодезь.

Мистеръ Максъ и Патерсонъ, пригласивъ Чарли и меня съ
собою, опередили транспортъ и поскакали въ блокгаузъ, гдѣ насъ
встрѣтили жена и дочери мистера Макса. Поздоровавшись съ
ними и отрекомендовавъ имъ меня, мистеръ Максъ приказалъ
убрать лошадей и сталъ спрашивать свою жену о распоря-

женіяхъ, сдѣланныхъ въ его отсутствіи. Миссисъ Максъ сообщила ему о всемъ случившемся съ краткостью и ясностью, свѣдѣтельствовавшей, что она толковая помощница своего дѣятельнаго мужа, что, связь между прочимъ, большая рѣдкость между американскими людьми.

Сообщая о разныхъ обстоятельствахъ, встрѣчающихся въ большихъ хозяйствахъ, миссисъ Максъ сочла нужнымъ обратить особенное вниманіе своего мужа на преданность, расторопность и честность одного стараго вачеро, уже нѣсколько лѣтъ жившаго у нихъ. Безъ его благоразумныхъ совѣтовъ и дѣятельной помощи умной хозяйкѣ врядъ ли бы удалось выпутаться изъ различныхъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Пока миссисъ Максъ передавала своему мужу о ходѣ дѣлъ во время его отсутствія, транспортъ успѣлъ подойти къ блокгаузу. Мулы были выпряжены и отосланы пастись въ прерію, товаръ сгруженъ, осмотрѣнъ и сваленъ въ просторныя кладовыя. Упаковка была такъ хороша, что, несмотря на проливной дождь во время грозы, ни одинъ тюкъ не подмокъ. Фургоны были тщательно осмотрѣны. Непострадавшіе отъ дороги задвинули въ сарай, гдѣ стоялъ уже большой запасъ фургоновъ. Требовавшіе починки были сданы въ мастерскія, гдѣ разнаго рода мастерамъ изъ вачеро поручено исправить поврежденія. Когда все это было кончено, Патерсонъ провѣлъ Чарли и меня въ третій этажъ блокгауза, гдѣ намъ была приготовлена комната. Взявъ ванну, я съ истиннымъ наслажденіемъ сбросилъ бѣлье и куртку, сильно пострадавшія во время путешествія, и замѣнилъ чистымъ бѣльемъ и обыкновеннымъ своимъ платьемъ. Приведа такимъ образомъ въ порядокъ свои особы, мы спустились въ нижній этажъ, гдѣ въ просторной, опрятной комнатѣ, служившей кухней и столовой, приготовленъ былъ ужинъ.

Семейство мистера Макса, по обычаю пустыни, обѣдало и ужинало за однимъ столомъ съ вачеро, бывшими въ блокгаузѣ. Вачеро, занятые въ преріи пастьюю стадъ или бывшіе на очереди караулить, готовили себѣ кушанье въ преріи, такъ какъ ѣздить въ блокгаузъ было неудобно.

Миссисъ Максъ еще не старая, замѣчательно красивая женщина, ея хорошенькія дочери, одна семнадцати, другая двѣнадцати лѣтъ, одѣтыя въ шелковыя платья, и женская прислуга въ прятномъ, можно сказать, щегольскомъ костюмѣ, представляли трапный контрастъ съ немытыми вачеро, пришедшими къ ужину въ своихъ вожанныхъ курткахъ, широкополыхъ шляпахъ и въ одномъ вооруженіи, не рѣшаясь и здѣсь разстаться со своими рабинами.

Однако, несмотря на свой, если можно такъ выразиться, дикій видъ, многіе изъ вачеро показали, что они получили основательное образованіе.

По тому, какъ они держали себя и вели разговоръ, завязавшійся за ужиномъ, обнаруживая во многихъ случаяхъ обширныя научныя свѣдѣнія, можно было заключить, что они принадлежали когда-то въ лучшимъ слоямъ цивилизованнаго общества.

Мнѣ давно хотѣлось опредѣлить, что за причины заставили людей, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ рыцарей пустыни, покинуть цивилизованное общество, уйти въ преріи и подвергаться всевозможнымъ лишеніямъ и опасностямъ, неразлучнымъ съ жизнью вачеро.

Что они не были закоренѣлые преступники, было видно ясно при первомъ знакомствѣ съ ними; да и довѣріе, какимъ они пользовались у мистера Макса и другихъ піонеровъ, ясно показывало, что они вовсе не въ конецъ испорченные негодяи, а напротивъ, люди, на которыхъ можно положиться вполне, не рискуя ни жизнью, ни собственностью. Если бы въ ихъ прошломъ и было какое-либо преступленіе, совершенное не по окончателъной испорченности, а въ порывѣ страсти или вслѣдствіе неблагоприятнаго стеченія обстоятельствъ, то это не могло бы заставить ихъ совсѣмъ отрѣшиться отъ цивилизованнаго общества и уйти въ пустыню.

Въ Америкѣ, разъ увернувшись отъ наказанія за совершенное преступленіе, что, впрочемъ, не очень легко, всегда возможно найти мѣсто въ другомъ штатѣ, гдѣ никто по обыкновенію и не думаетъ разузнавать о чемъ бы то ни было прошломъ.

Очевидно, что и не жадность привела въ преріи этихъ людей. Правда, работа вачеро отлично оплачивается. Они получаютъ до сорока-пяти долларовъ въ недѣлю. Но деньги держатся въ поясѣ вачеро только до первой поѣздки въ пограничныя поселенія, гдѣ все пропивается и проматывается до послѣдняго цента, и вачеро снова занимается къ кому-нибудь изъ піонеровъ.

Во время поѣздки я не разъ заговаривалъ съ вачеро объ ихъ бытѣ, объ ихъ предположеніяхъ и надеждахъ, но не могъ добиться ничего опредѣленнаго. Отвѣчая охотно на мои вопросы о жизни въ пустынѣ вообще, они видимо уклонялись отъ прямыхъ отвѣтовъ, когда дѣло касалось ихъ личности.

Мистеръ Максъ, не любившій вдаваться въ отвлеченныя разсужденія, на мои вопросы по этому предмету, отвѣчалъ, что между рыцарями пустыни есть люди всякихъ сортовъ, и очень хорошіе, и отъявленные негодяи, что въ вачеро поступаютъ пре-

имущественно первые и не поустать, чтобы какою-либо негодяй пробылъ долго въ ихъ обществѣ. Понятно, что подобный отвѣтъ не могъ удовлетворить меня. Послѣ ужина, когда люди ушли изъ столовой, а мужчины остались за столомъ допивать свое пиво, разговоръ случайно перешелъ на особыя отличительныя свойства вачеро, смотря по ихъ національности, и возбудилъ споры между вачеро, забывшихъ свою обычную краткость и молчаливость. Споры, продолжавшіеся довольно долго, и веденные съ замѣчательною вѣжливостью и тактомъ, дали мнѣ возможность уяснить себѣ нѣсколько какъ привычки жителей пустыни, такъ и причины, заставившія ихъ покинуть цивилизованные штаты, а также ихъ надежды и ожиданія.

Рыцари пустыни раздѣляются на два разряда, рѣзко отличающіеся одинъ отъ другого и смотрящіе другъ на друга не совсѣмъ дружелюбно. Къ одному изъ этихъ разрядовъ относятся негодяи различныхъ національностей Европы, которымъ удалось, побывавъ предварительно чуть ли не во всѣхъ тюрьмахъ и галерахъ Европы, перебраться въ Америку, гдѣ, продолжая свой прежній образъ жизни, они успѣли посидѣть болѣе ими менѣ короткое время въ исправительныхъ тюрьмахъ нѣсколькихъ штатовъ. Видя, что разбойничать и мошенничать въ цивилизованныхъ штатахъ не совсѣмъ удобно, эти джентльмены переносятъ свою дѣятельность на западъ, въ территоріи, и своими подвигами наводятъ ужасъ на пограничныхъ жителей, путешественниковъ и торговцевъ.

Имъ и ихъ злодѣйствамъ обязаны жители пустыни тою незавидною репутаціею, какою они пользуются. Не умѣя различать съ перваго взгляда разбойниковъ по ремеслу отъ другихъ авантюристовъ, наполняющихъ преріи, граждане сосѣднихъ штатовъ часто смѣшиваютъ ихъ и смотрятъ весьма подозрительно на всякаго рыцаря пустыни.

Другой разрядъ авантюристовъ состоитъ изъ людей, бѣжавшихъ въ преріи по разнымъ семейнымъ обстоятельствамъ, отъ преслѣдованій кредиторовъ; наконецъ между ними многіе, если не большинство, принадлежатъ къ тому разряду молодыхъ горячихъ головъ, которымъ тѣсно въ цивилизованномъ обществѣ, и привольная, дикая жизнь въ пустынѣ пришла въ большу по сердцу. Наконецъ есть такіе, что, прибывъ въ территоріи вслѣдствіе большого заработка въ должности вачеро, въ надеждѣ составить небольшой капиталецъ, увлеклись разгульною жизнью товарищей и по большей части отложили попеченіе составить состояніе. Изъ этого-то разряда авантюристовъ и набираются преимущественно вачеро. Разбойники, не любящіе работы, почти никогда не нанимаются

къ піонерамъ, тѣмъ болѣе, что рыцари пустыни, безпрестанно толкаясь изъ одного края территоріи въ другой, знаютъ другъ друга въ лицо или хотя по наслышкѣ, и разбойнику, нанявшемуся въ вачеро, трудно остаться неузнаннымъ кѣмъ-либо изъ товарищей, между которыми легко могутъ найтись и такіе, которые не прочь будутъ свести старые счеты за отбитый у нихъ транспортъ, убитыхъ товарищей и проч.

Авантюристы, нанявшись къ какому-нибудь піонеру, подчиняются особымъ правиламъ, выработаннымъ въ пустынѣ. Они составляютъ родъ артели, въ которой каждый членъ обязанъ подчиняться рѣшеніямъ большинства, пока не откажется отъ дальнейшей службы хозяину. Члены артели наблюдаютъ другъ за другомъ, и мистеръ Мавсъ высказалъ, что не было слышно, чтобы кто-либо обвинялъ вачеро въ воровствѣ или другомъ предосудительномъ поступкѣ во время его службы у піонеровъ.

Разбойники дружатъ съ индійцами, авантюристы съ піонерами, такъ что жители Индіанъ-Территори раздѣляются на два враждебныхъ лагеря. Но, несмотря на взаимную ненависть, противники не отказываются отъ сношеній другъ съ другомъ. Разбойники по ремеслу часто покупаютъ различные продукты у піонеровъ, и вачеро постоянно сопровождаютъ торговцевъ въ становища индійцевъ, гдѣ курятъ трубки мира и мѣняются съ краснокожими оружіемъ и разными бездѣлками.

Убѣжденіе, что бѣлые принадлежатъ къ разряду высшихъ существъ, такъ сильно, что вачеро, считающій ни во что застрѣлить индія, въ которомъ только подозрѣваетъ враждебныя намѣренія, рѣшается выстрѣлить по бѣлому разбойнику только тогда, когда послѣдній явно нападаетъ на него или на охраняемый имъ транспортъ.

Въ отношеніяхъ рыцарей пустыни есть еще одна черта, достойная замѣчанія. Всякій вачеро, котораго застигла ночь въ преріи, можетъ смѣло усѣсться у огня бѣлыхъ разбойниковъ, не опасаясь, что ему причинять хоть малѣйшій вредъ, несмотря на то, что дрался съ ними на-смерть нѣсколько дней назадъ.

Точно также разбойникъ, извѣстный всѣмъ и каждому, можетъ переночевать въ первомъ коралѣ, въ увѣренности, что никто не тронетъ его, и что вачеро, которые неминуемо примѣнили бы къ нему законъ линча, еслибы поймали своего врага въ преріи, раздѣлятъ съ нимъ свой ужинъ и дадутъ спокойно уѣхать изъ корала, если онъ самъ пожелалъ воспользоваться ихъ гостепріимствомъ.

Большая часть вачеро народъ молодой, отличающійся замѣча-

тельною беззаботностью о своей будущности. Заработавъ деньги, они тратятъ ихъ безъ всякаго разсчета, толкаются по преріи, пока не выйдетъ весь запасъ пороха и табаку. Тогда опять нанимаются къ первому попавшемуся піонеру, чтобы черезъ нѣсколько недѣль повторить то же самое. Они вполне довольны своимъ положеніемъ и не думаютъ о его измѣненіи.

Вачеро постарше смотрятъ на вещи иначе. Они мечтаютъ о томъ времени, когда теперешняя пустыня обратится въ густо заселенный штатъ, и они, какъ мѣстные старожилы, займутъ почетное мѣсто между мирными гражданами новаго штата. Приберегая заработанныя деньги, они стремятся къ тому, чтобы, оставивъ должностъ вачеро, сдѣлаться піонерами, т.-е. устроить свой бловгаузъ, что уже удалось многимъ изъ нихъ. А сдѣлаться піонеромъ не такъ легко, какъ оно можетъ казаться. Кромѣ личныхъ качествъ, необходимыхъ піонеру, чтобы съ успѣхомъ вести хозяйство въ новомъ поселеніи, нужно имѣть или большое семейство, состоящее изъ взрослыхъ мужчинъ, способныхъ работать и въ то же время защищать свое жилище и поля отъ хитрыхъ враговъ, или обладать значительнымъ капиталомъ, чтобы вести хозяйство помощью дорогихъ наемныхъ рабочихъ и вачеро.

Положимъ, что всякій вачеро обладаетъ въ достаточной мѣрѣ энергіей, смышленностью и привычкою къ труду, чтобы вести хозяйство въ преріи. Но какъ людямъ одинокимъ, такъ сказать безъ рода и племени, остается одинъ путь сдѣлаться піонеромъ, это—составить капиталъ отъ сорока до пятидесяти-тысячъ долларовъ, что, несмотря на высокій заработокъ, возможно только въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ постоянной работы, и то съ тѣмъ условіемъ, что жалованье пускается въ выгодную торговлю съ индійцами.

Піонеры, нанимая вачеро, назначаютъ имъ жалованье, смотря по личной извѣстности вачеро или по національности, къ которой они принадлежатъ.

Большинство вачеро—американцы и мексиканцы. Американцы считаются лучшими вачеро и получаютъ большее жалованье за свое умѣнье себя хорошо поставить въ отношеніи хозяина и за свою холодную храбрость. Мексиканцы, не уступая американцамъ въ храбрости, превосходятъ ихъ въ искусствѣ ухаживать за животными, но не умѣютъ заставить уважать себя. Хозяинъ, относительно мексиканца, часто позволяетъ себѣ быть грубымъ, чего ему и въ голову не придетъ, имѣя дѣло съ американцемъ.

Хуже другихъ считаются мулаты и негры за то, что они не обладаютъ смѣлостью бѣлыхъ. Ихъ держатъ какъ отличныхъ

Вонюховъ и пастуховъ, въ чемъ съ ними не могутъ состязаться бѣгле.

Несмотря на то, что съ уничтоженіемъ рабства цѣлныя пользуются такими же правами гражданства, какъ и бѣгле, даже съ вольными черными вачеро обходятся крайне грубо и нерѣдко за мелкіе проступки бьютъ ихъ бичами.

Изъ европейцевъ хорошею репутаціею, какъ вачеро, пользуются англичане, шведы и французы. Нѣмцевъ не любятъ за ихъ заносчивость и хвастливость. Говорятъ, что на нихъ нельзя положиться, такъ какъ часто нѣмецъ, способный на чудеса храбрости въ большомъ обществѣ, теряетъ присутствіе духа, когда надо дѣйствовать одному. Ирландцевъ не любятъ за ихъ грубость и страсть напиваться до безпамятства. Особенно же высоко цѣнятся вачеро изъ русскихъ, имѣющихъ въ Территори въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ.

Я очень изумился и обрадовался, услышавъ таковой лестный отзывъ о своихъ землякахъ, и поспѣшилъ узнать о нихъ поподробнѣе.

Русскіе, живущіе въ Индіанъ-Территори, по большей части бѣгле каторжники, ушедшіе изъ остроговъ восточной Сибири, безъ денегъ, безъ оружія, часто безъ платья, чтобы достигнуть береговъ Ледовитаго океана или Берингова пролива, гдѣ какое-нибудь американское витоловное судно, сжалившись надъ ихъ бѣдственнымъ положеніемъ, принимало къ себѣ на бортъ и перевозило въ Америку.

Понятно, что такое путешествіе могли совершить только люди, одаренные необычайно крѣпкимъ организмомъ, умомъ и желѣзной волей. Все, что было послабѣе физически и нравственно, погибало дорогою отъ всевозможныхъ лишеній.

Испытанные и, такъ-сказать, закаленные такимъ образомъ люди, попавъ въ Америку, гдѣ никто не думалъ заботиться о ихъ прошломъ, со свойственною русскимъ простолюдинамъ смеленостью, смелули, что на мошенничествѣ и разбоѣ здѣсь далеко не уйдешь, а живя честно и работая, въ самое короткое время можно достигнуть такого благосостоянія, какое имъ и не снилось прежде.

Придя къ такому заключенію, они стали вести примѣрную жизнь и скоро составили себѣ отличную репутацію. Большая часть русскихъ, попавшихъ такимъ образомъ въ Америку, занялась извозомъ, какъ занятіемъ болѣе имъ знакомымъ.

До проведенія желѣзной дороги къ берегамъ Великаго океана, товары перевозились изъ восточныхъ штатовъ въ Калифорнію и

обратно чрезъ пустыни на быкахъ и мулахъ. Русскіе, собравшись артелями, занялись извозомъ и скоро заслужили большой кредитъ и извѣстность.

Не прибѣгая къ убійствамъ, они сумѣли поладить съ индійцами, заставить ихъ бояться и уважать себя. Не было примѣра, чтобы транспортъ, порученный русскимъ извозщикамъ, былъ отбитъ или чтобы пропалъ хотя одинъ тюкъ. Торговые дома, зная это, охотнѣе поручали свои товары русскимъ артелямъ, чѣмъ другимъ, и недостатка въ работѣ не было.

Съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ извозъ пересталъ быть такимъ выгоднымъ промысломъ, какъ прежде. Артели разошлись, и составлявшіе ихъ русскіе частію поселились навсегда въ Калифорнію, гдѣ обзавелись домами и семействами, частію ушли въ Индіанъ-Территорию, гдѣ или завели блокгаузы, или служатъ какъ вачеро.

Вачеро изъ русскихъ почти никогда не толкаются по преріи праздно, такъ какъ пионеры, зная, что они люди вполне благонадежные, стараются не отпускать ихъ отъ себя, и потерявшему отъ чего-либо мѣсто легко найти себѣ другое. Отличительная черта русскихъ та, что они убиваютъ индійца только въ крайнемъ случаѣ и всегда готовы оказать помощь всякому безъ различія цвѣта кожи.

Между артелями особою славою пользовалась артель, составленная какимъ-то русскимъ, извѣстнымъ подъ именемъ «Дѣдь». Теперь этотъ «Дѣдь» устроилъ блокгаузъ въ западной части Индіанъ-Территорию и занимается хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ. Помѣстившись, такъ сказать, въ самомъ гнѣздѣ индійцевъ, онъ можетъ считать себя вполне безопаснымъ, такъ какъ съ самаго начала сумѣлъ стать на хорошую ногу со своими свирѣпыми сосѣдями.

Прежде чѣмъ устроить блокгаузъ, онъ объѣхалъ всѣ сосѣднія становища, угостилъ огненной водой начальниковъ и уговорилъ дать клятвенное обѣщаніе не трогать его новаго поселенія, за что самъ обѣщаль не причинять индійцамъ никакого вреда и оказывать помощь по мѣрѣ силъ и возможности. Индійцы, успѣвшіе узнать въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, которыя «Дѣдь» занимался извозомъ, что онъ не трогаетъ индійцевъ и что на его слово можно положиться, дали ему требуемую клятву, и обитатели новаго блокгауза живутъ въ очень миролюбивыхъ отношеніяхъ съ индійцами. Два обстоятельства, гдѣ «Дѣдь» ясно доказалъ, что съ нимъ шутить не совсѣмъ удобно, окончательно упрочили его безопасность среди индійцевъ.

Разъ шайка апеховъ, подъ предводительствомъ бѣлаго, угнала у него нѣсколько штукъ скота. Узнавъ къ какому племени принадлежали похитители, онъ напалъ на ихъ стоянку въ то время, когда мужчины были на охотѣ, перевязалъ всѣхъ женщинъ и устроилъ на-скоро кораль изъ бревенъ и объявилъ индѣйцамъ, что не тронится со своими людьми съ мѣста, пока ему не будетъ возвращенъ его скотъ и выданъ головою бѣлый предводитель шайки, а въ случаѣ враждебныхъ дѣйствій онъ по-своему раздѣляется съ бывшими у него въ рукахъ женщинами и дѣтьми.

Мѣра оказалась дѣйствительною, часть скота была возвращена, за остальную заплатили бизоновыми кожами. Индѣйцевъ, участвовавшихъ въ набѣгѣ, выдали «Дѣду», который, къ великому удивленію всего племени, не сдѣлалъ имъ ничего, не оскорбилъ даже словомъ, а, выкуривъ съ ними трубку мира, клятвенно обѣщавъ не мстить имъ за прошлое.

Черезъ нѣсколько времени ему удалось захватить бѣлаго авантюриста, предводителя шайки. Отведя его въ лагерь индѣйцевъ, онъ приказалъ его высѣчь, обмазать смолою, обсыпавъ перьями и въ такомъ видѣ заставилъ прогуляться по ближайшимъ стоянкамъ индѣйцевъ.

Извѣстіе о такомъ поступкѣ «Дѣда» скоро разнеслось по Территори, и авантюристу не оставалось ничего болѣе, какъ уйти изъ Индіанъ-Территори, гдѣ онъ сталъ предметомъ насмѣшекъ.

Въ другой разъ команчи сожгли большой участокъ его пшеницы.

«Дѣдъ» нѣсколько разъ обращался къ начальникамъ съ требованіемъ удовлетворенія и, разумѣется, безуспѣшно. Справиться съ многочисленными команчами было не такъ легко, какъ съ небольшимъ лагеремъ апеховъ, тѣмъ болѣе, что команчи были на-сторожѣ. «Дѣдъ» рѣшился выждать. Показывая видъ, что совсѣмъ забылъ о сожженной пшеницѣ, онъ зорко слѣдилъ за сосѣдями и увеличилъ число своихъ вачеро. Выждавъ, наконецъ, время, когда команчи, не воевавшіе въ то время ни съ кѣмъ изъ сосѣдей, перестали опасаться враждебныхъ дѣйствій съ его стороны и отправились охотиться за бизонами, оставивъ стоянку подъ очень слабымъ карауломъ, «Дѣдъ» повторилъ то же, что и съ апехами.

Разогнавъ небольшое число индѣйскихъ воиновъ, онъ захватилъ всѣхъ бывшихъ въ лагерѣ женщинъ и дѣтей, препроводилъ ихъ въ свой блокгаузъ, заперся въ немъ и объявилъ, что если команчи не западутъ ему поля равнаго съ выжженнымъ въ прошломъ году, онъ продастъ женщинъ враждебнымъ племенамъ,

а мальчиковъ заставитьъ работать, чѣмъ не дастъ сдѣлаться воинами, какъ подобаетъ дѣтямъ знаменитыхъ отцовъ. Какъ ни не хотѣлось юманчамъ браться за ненавистный плугъ, а дѣлать было нечего. Сжечь блокгаузъ или осадить его не было возможности, не подвергая опасности женщинъ и дѣтей; и худо ли, хорошо ли, поле было вспахано, женщины и дѣти возвращены, и миръ былъ подтвержденъ взаимными клятвами.

Въ обоихъ случаяхъ бѣлыми не было нанесено никакого оскорбленія никому изъ индѣйцевъ, не было пролитія крови, такъ что, по понятіямъ индѣйцевъ, не было причины къ обязательной мести, и понявъ, что съ «Дѣдомъ» пути плохія, индѣйцы перестали беспокоить блокгаузъ, что повело къ взаимнымъ выгодамъ обѣихъ сторонъ. «Дѣдъ» снабжаетъ индѣйцевъ печенымъ хлѣбомъ, который тѣ очень любятъ, одѣлами и разными мелочами, вымѣнивая у нихъ буйволовыя кожи и другіе продукты охоты.

Вчера, сообщившіе мнѣ эти свѣдѣнія о русскихъ, вполне отдавали справедливость ихъ благоразумному образу дѣйствій, не считая, впрочемъ, возможнымъ слѣдовать ихъ примѣру.

Одна изъ причинъ уваженія, съ которымъ относились ко мнѣ вчера, видѣвшіе меня въ первый разъ, была та, какъ объяснилъ мнѣ послѣ Патерсонъ, что мистеръ Максъ счелъ нужнымъ сообщить имъ о томъ, что я принадлежу къ націи, составившей себѣ такую блестящую репутацію въ преріяхъ.

Меня не могла не поразить особенность, проявляющаяся въ образѣ дѣйствій русскихъ, живущихъ въ Америкѣ, — и какихъ русскихъ!!

Въ то время, какъ представители лучшихъ классовъ русскаго общества, живущіе въ довольно большомъ числѣ въ Нью-Йоркѣ и въ С.-Франциско, гдѣ они устроили свое общество съ длиннѣйшимъ названіемъ и служатъ посмѣшищемъ для американцевъ своими ссорами и дразнями, — бѣглые каторжники, выкинутые за негодность изъ общества, способствуютъ тому, что въ пустыняхъ дальнаго запада имя русскихъ пользуется уваженіемъ и служить хорошею рекомендаціею всякому, принадлежащему къ этой націи.

Часовъ въ одиннадцать сидѣвшіе съ нами вчера отправились смѣнить своихъ товарищей при стадахъ, а мы разошлись по своимъ комнатамъ.

Вставъ на другой день рано, я могъ разсмотрѣть подробнѣе, чѣмъ наканунѣ, блокгаузъ мистера Макса, устроенный на манеръ всѣхъ блокгаузовъ запада, но въ очень большихъ размѣрахъ. Вся постройка, ограничивающая пространный дворъ, была сруб-

лена изъ толстыхъ дубовъ. Какъ въ наружномъ видѣ, такъ и во внутреннемъ убранствѣ строитель имѣлъ очевидно въ виду прочность, удобство помѣщенія, а главное—возможность отразить нападеніе и выдержать продолжительную осаду. Во дворъ вели двое воротъ съ прочными дубовыми, обитыми желѣзомъ дверями. Затѣмъ, всѣ входы въ блокгаузъ были со двора. Овна наружу выходили только въ двухъ верхнихъ этажахъ, имѣли видъ бойницъ и могли запирались извнутри вѣвпекими ставнями. Въ нижнемъ этажѣ помѣщалась только одна жилая комната, исправлявшая должность кухни и столовой, затѣмъ весь этажъ былъ занятъ конюшнями и сараями для фургоновъ. Во второмъ этажѣ были мастерскія, помѣщенія для вачеро и хлѣбные амбары, и, наконецъ, въ третьемъ жило семейство мистера Макса, находились кладовыя для товаровъ и комнаты для гостей.

Крыша была сдѣлана изъ неотесанныхъ, распиленныхъ на двое бревенъ, и снабжена слуховыми окнами по всѣмъ угламъ.

Внутреннее убранство жилыхъ комнатъ соответствовало грубой наружности блокгауза, и состояло изъ простыхъ скамеекъ, столовъ и табуретокъ. Только комнаты, занимаемыя миссисъ Максъ, составляли исключеніе. Онѣ были отдѣланы и обмѣлированы съ болѣею роскошью и комфортомъ, чѣмъ квартиры многихъ богатыхъ городскихъ леди. Во всемъ блокгаузѣ царствовалъ замѣчательный порядокъ и чистота. Войдя въ конюшню, чтобы взглянуть на своего жеребчика, я увидѣлъ, что за стойловыми лошадьми и кровными заводскими жеребцами здѣсь ухаживаютъ не хуже, чѣмъ въ любой англійской конюшнѣ. Уходъ за лошадьми порученъ неграмъ, мастерски исполняющимъ свое дѣло. Наши лошади были отмѣнно вычищены, напоены и ѣли свою порцію маиса, не оказавъ, по словамъ негра, никакого сопротивленія при незнамой имъ до сихъ поръ операціи, чистой скребницею.

Въ мастерскихъ, снабженныхъ различнаго рода инструментами, работа была распредѣлена чрезвычайно правильно и производилась въ строгомъ порядкѣ подъ надзоромъ стараго вачеро, котораго наканунѣ такъ хвалила миссисъ Максъ.

За бреввестомъ мистеръ Максъ сказалъ, что поѣдетъ осматривать свои стада, и предложилъ Чарли и мнѣ сопутствовать ему.

Осѣдлавъ лошадей и проѣхавъ лѣсомъ, отдѣляющимъ берегъ рѣки отъ преріи, мы выѣхали на поле, не представлявшее до горизонта никакихъ неровностей. Здѣсь паслись стада рогатаго скота и табуны лошадей и муловъ мистера Макса.

Мнѣ до сихъ поръ не случалось видѣть скотоводства въ такихъ обширныхъ размѣрахъ. На гладкой, поросшей сочною тра-

вой, преріи паслось больше двадцати тысяч головъ скота разныхъ возрастовъ. Весь скотъ былъ разбитъ на стада, головъ по двѣсти каждое. Всякое стадо имѣло свой кораль изъ толстаго частокола, куда оно загонялось въ случаѣ нападенія и въ ненастные дни, когда снѣгъ, выпавшій на нѣсколько часовъ, дѣлалъ пастбы неудобными, или когда собиралась гроза.

М-ръ Максъ ввелъ въ свое скотоводство нѣкоторыя улучшенія, оказавшія очень хорошее вліаніе на ростъ и масистость скота. Оставляя скотъ пастись круглый годъ и днемъ и ночью въ преріи, какъ это здѣсь принято всѣми скотоводами, мистеръ Максъ ввелъ систематичность въ распредѣленіи скота на стада. Стельныя коровы, коровы съ телятами и нетели разныхъ возрастовъ паслись отдѣльно другъ отъ друга, въ стадахъ, подобранныхъ по возрасту. Въ нѣкоторыя стада были пущены производители лучшихъ европейскихъ и американскихъ мясныхъ породъ скота. Затѣмъ всѣхъ быковъ кастрировали и пасли отдѣльно отъ коровъ. Говорить нечего, что тутъ не было и помину о молочномъ хозяйствѣ, требующемъ большой возни и множества рувъ. Къ тому же степныя коровы чрезвычайно дивы и не подпускаютъ къ себѣ человѣка. Вачеро доятъ нѣкоторыхъ болѣе ручныхъ коровъ для себя, когда захотятъ напиться молока. Для молока же, почти необходимаго въ хозяйствѣ, есть нѣсколько штукъ кентукійскихъ коровъ, которыхъ не выпускаютъ въ преріи, а держатъ въ стойлѣ.

Лошадей у мистера Макса еще немного, всего, какъ онъ говоритъ, шестьсотъ матокъ, но онъ надѣется усиленно заняться коневодствомъ, общающемъ, по первымъ опытамъ, быть для него чрезвычайно выгоднымъ.

Муловъ мистеръ Максъ не воспитываетъ, а покупаетъ изподъ транспортовъ и у барышниковъ, когда случится купить ихъ дешево въ худомъ тѣлѣ. Отормивъ муловъ въ преріи, мистеръ Максъ везетъ на нихъ свои товары и на границѣ продаетъ ихъ съ значительной выгодой.

Лошадей лучше всего продавать въ Престонѣ и Литль-Рокѣ, а скотъ продается на мѣстѣ особымъ торговцамъ, скупающимъ скотъ въ территорияхъ и доставляющимъ его въ различные города Союза.

Степной скотъ не очень великъ, но красивъ и мясистъ. Мясо его цѣнится выше мяса быка, воспитаннаго въ штатахъ, гдѣ на быкахъ работаютъ. Главная же причина, заставляющая ското-промышленниковъ охотно покупать степной скотъ, это—его чрезвычайная дешевизна.

Мистеръ Мавсъ скоро объѣхалъ всѣ стада, переговорилъ съ мулатами и неграми, имѣвшими непосредственный надзоръ за скотомъ, приказалъ сдѣлать нужные переводы изъ одного стада въ другое, пересчиталъ муловъ, достаточно выправившихся, чтобы быть годными для продажи, и мы возвратились въ блокаузъ какъ разъ къ обѣду, что было очень встати послѣ четырехчасовой свачки, растянутымъ галопомъ, по преріи.

Послѣ обѣда, мистеръ Мавсъ предложилъ отправиться въ лѣсъ собирать орѣхи для зимняго запаса, воспользовавшись тѣмъ обстоятельствомъ, что Патерсонъ, занимавшійся все утро приведеніемъ въ порядокъ хозяйственныхъ счетовъ и расчетами съ вачеро, былъ свободенъ послѣ обѣда и могъ сопровождать женское население блокауза съ нѣкоторыми незанятыми, никакимъ нужнымъ дѣломъ, вачеро. Чарли и я приняли участіе въ этой экспедиціи.

Выйдя изъ блокауза, мы прошли поляну, его окружающую, и углубились въ густой орѣховый лѣсъ. Мужчины были всѣ вооружены, больше по привычкѣ, чѣмъ вслѣдствіе необходимости. Сборъ орѣховъ шелъ очень скоро. Выбравъ дерево съ тѣмъ родомъ орѣховъ, которые предполагалось собирать, мужчины влѣзали на него и колотили длинными палками по оконечностямъ вѣтвей. Орѣхи падали частымъ дождемъ, осыпавшимъ иногда не успѣвшихъ вернуться женщинъ, что подавало поводъ къ веселому смѣху. Женщины собирали битые орѣхи въ большіе мѣшки, нарочно для этого взятые съ собою.

Сбивъ орѣхи съ одного дерева, переходили на другое, для чего почти не приходилось сходить на землю, такъ какъ толстые стебли лианъ, перекинувшись съ одного дерева на другое, образовали висячіе мосты, по которымъ было очень легко перебираться съ дерева на дерево и пройти въ лѣсу значительное пространство, не спускаясь на землю.

Птицы и четвероногіе, населявшіе деревья, не очень пугались приближенія людей. Попугаи вружились надъ самою головою, оглушая воздухъ своимъ не совсѣмъ пріятнымъ крикомъ. Мелкія обезьяны были еще смѣлѣе. Забившись сначала съ пронзительнымъ визгомъ на самую верхушку дерева, они мало-по-малу успокоивались, ловили съ необычайною ловкостью брошенные въ нихъ орѣхи и бросали сами въ людей, нарушившихъ ихъ спокойствіе. Одна маргышеа осмѣлилась до того, что, подкравшись, едва не стащила шляпу съ головы Патерсона, успѣвшаго однако во-время схватиться за поля.

Когда взятые съ собою мѣшки были наполнены, два вачеро

отправились въ блокгаузъ и возвратились съ тремя фургонами, запряженными быками. Орѣхи уложили въ фургоны, отвезли въ блокгаузъ и разсыпали на полу одной кладовой для просушки.

Во время ужина въ блокгаузъ возвратился одинъ изъ вачеро, ѣздившій въ прерію, и привелъ съ собою какого-то джентльмена, нѣмца, очень плохо говорившаго по-англійски. Вачеро нашелъ нѣмца, обезумѣвшаго отъ страха, миляхъ въ шести отъ блокгауза, среди преріи у транспорта, оставленнаго сопровождавшими его вачеро. Нѣмецъ имѣлъ чрезвычайно жалкій видъ и съ трудомъ могъ оправиться отъ страха, даже когда попалъ въ блокгаузъ, гдѣ ему не могла грозить никакая опасность, что казалось крайне забавнымъ нашимъ вачеро. Оправившись нѣсколько, онъ разсказалъ на ломаномъ языкѣ свою исторію, причемъ вачеро часто прерывали его разсказъ дружнымъ хохотомъ, хотя, признаюсь, не было ничего смѣшнаго въ приключеніи бѣдняка.

Пріѣхавъ изъ Ганновера въ Америку два года тому назадъ, съ небольшимъ капиталцемъ, онъ поселился въ Санъ-Луисъ, гдѣ занялся мелочною торговлею. Хотя занятіе это было очень выгодно, но далеко не соответствовало тѣмъ огромнымъ барышамъ, о которыхъ мечталъ мистеръ Вальцъ, какъ звали нѣмца, уѣзжая изъ Европы. Разбогатѣть въ короткое время было трудно, почти невозможно, занимаясь мелочною торговлею; а разбогатѣть, во-что бы то ни стало, непременно хотѣлось мистеру Вальцу. На его бѣду подвернулся къ нему землякъ, долго торговавшій въ Индіанъ-Территори съ индіями, нажившій этой торговлею порядочное состояніе, разсѣявшееся прахомъ въ С.-Луисъ на рискованныхъ биржевыхъ спекуляціяхъ,—этотъ землякъ доказалъ мистеру Вальцу, какъ дважды два четыре, что стбитъ съѣздить въ Индіанъ-Территори съ товаромъ, чтобы вернуться назадъ богачемъ: нуженъ только капиталъ для закупки товара, идущаго между индіями. Не долго думая, мистеръ Вальцъ продалъ лавку и все свое движимое имущество, выручилъ три тысячи долларовъ и въ компаніи съ землякомъ отправился торговать съ индіями. Сначала все шло хорошо: компаньонъ, знавшій дѣло, скоро промѣнялъ привезенный товаръ на сырыя кожи и можно было ожидать барышей, правда не такихъ блестящихъ, на какіе надѣялся мистеръ Вальцъ, но все-таки очень хорошихъ. Но вдругъ компаньонъ заболѣлъ и черезъ нѣсколько дней умеръ, оставивъ мистра Вальца единственнымъ обладателемъ транспорта и возъ. Но тутъ-то начинаются несчастія м-ра Вальца.

Сношенія съ индіями не могли ослабить впечатлѣнія, произведеннаго разсказами о ихъ свирѣпости. Еще при жизни ком-

паньона мистеръ Вальцъ боялся до смерти быть оскальпированнымъ. Когда же онъ остался одинъ начальникомъ транспорта, окруженный вачеро, не внушающими ему никакого довѣрія, вдали отъ поселеній бѣлыхъ, страхъ увеличился до высшей степени, и потерявшій хладнокровіе нѣмецъ захотѣлъ выбраться какъ можно скорѣе изъ прерій, погналъ свой транспортъ, не соображаясь съ силами муловъ, изъ которыхъ многіе пали отъ истощенія. Оставшіяся изнуренныя животныя едва могли тащить тяжело нагруженные фургоны и время, выигранное въ началѣ, было потеряно втройнѣ отъ медленности хода и безпрестанныхъ остановокъ. Къ тому же вачеро, сопровождавшіе транспортъ, оказывавшіе прежде слѣпое повиновеніе компаньону, совсѣмъ отбились отъ рукъ, стали ссориться между собою, призывая въ судьи мистера Вальца. Зная плохо ихъ языкъ, онъ не могъ понять причины ихъ ссоры, и приписывая ихъ неумѣренному употребленію виски, которая выпивалась, по его словамъ, въ ужасающихъ размѣрахъ, считалъ за самое благоразумное выдавать виски по порціямъ, имѣя въ виду, что еслибы на транспортъ напали индійцы, то трезвые вачеро болѣе способны защищаться, чѣмъ пьяные. Но эта мѣра вызвала цѣлую бурю со стороны вачеро, не перестававшихъ ссориться между собою и ругаться съ мистеромъ Вальцемъ, причемъ транспортъ оставался часто вовсе безъ караула.

Наконецъ, дня два тому назадъ вачеро выпрагли муловъ, обругали его самымъ неприличнымъ образомъ и, несмотря на просьбы, уѣхали всѣ до послѣдняго, оставивъ его одного среди прерій, съ распряженными фургонами и мулами.

При этомъ, хотя мистеръ Вальцъ былъ въ ихъ власти, они не взяли у него ничего, кромѣ небольшого количества пороха и свинца, слѣдовавшаго имъ по договору. Заслуженныхъ же денегъ не думали и требовать.

Оставшись одинъ, мистеръ Вальцъ не зналъ что дѣлать; боясь пошевелиться, онъ просидѣлъ два дня подъ фургономъ, ожидая ежеминутно нападенія индійцевъ, разбойниковъ или дивихъ звѣрей. Въ этомъ положеніи засталъ его вачеро мистера Макса, котораго нѣмецъ принялъ сначала за разбойника, намѣревавшагося убить его. Вачеро стѣсило много труда уговорить полумертваго отъ страха нѣмца слѣдовать за собою въ блокгаузъ.

На вопросъ мистера Макса, что онъ намѣренъ дѣлать дальше, мистеръ Вальцъ отвѣчалъ, что готовъ отдать все на свѣтъ, только бы его доставили въ какой-нибудь пограничный городъ, подальше отъ индійцевъ и разбойниковъ вачеро. Видя, что съ нимъ нечего теперь говорить, мистеръ Максъ посоветовалъ ему поужинать и

хорошенько выспаться, а самъ послалъ Патерсона съ нѣсколькими вачеро привести транспортъ къ блокгаузу, полагая, что на другой день нѣмецъ одумается и будетъ радъ сохраненію транспорта.

Транспортъ, повинутый своими охранителями миляхъ въ шести отъ блокгауза, скоро былъ привезенъ Патерсономъ.

Какъ фургоны, такъ и оставшіеся мулы оказались, къ счастью, въ полномъ числѣ и цѣлости.

По уходѣ мистера Вальца я спросилъ, какимъ образомъ хваленые вачеро могли сдѣлать такую непростительную штуку съ несчастнымъ нѣмцемъ, говоря, что такой поступокъ прямо противорѣчитъ тому, что мнѣ рассказывали наканунѣ о строгой честности, съ которою вачеро исполняютъ взятая на себя обязанности. На мой вопросъ одинъ изъ вачеро объяснилъ, что во всемъ виноватъ самъ нѣмецъ, какъ это можно видѣть изъ его собственныхъ словъ.

Нигдѣ трусость не презирается такъ, какъ въ пустынѣ, а мистеръ Вальцъ не могъ похвалиться храбростью. Оставшіеся начальникомъ транспорта и не будучи въ состояніи самъ вести его съ должнымъ благоразуміемъ и умѣньемъ, онъ не назначилъ, какъ это обыкновенно дѣлаютъ торговцы, кого-либо изъ вачеро вагенмейстеромъ, т.-е. распорядителемъ. Испугавшись Богъ знаетъ чего, онъ измучилъ муловъ, не умѣлъ распредѣлить очереди и поддержать строгую дисциплину, необходимую, когда имѣешь дѣло съ такою вольницею, какъ авантюристы. Видя, что хозяинъ ни къ чему не способенъ, и не имѣя надъ собою толковаго начальника, вачеро стали сами назначать себѣ очереди, каждый хотѣлъ распорядиться, что повело къ ссорамъ и разнымъ беспорядкамъ. Наконецъ, когда мистеръ Вальцъ вздумалъ обходиться съ вачеро, какъ съ нѣмецкими солдатами, выдавая имъ виски по порціямъ и удерживая порохъ, должный быть выданнымъ по обычаю каждому вачеро на руки, ввѣщенные авантюристы, видя, что тутъ ничего путнаго не выйдетъ, а, пожалуй, еще съ такимъ предводителемъ попадешь въ руки первой шайки, которой вздумается сдѣлать нападеніе, рѣшились уйти отъ нѣмца, отказавшись даже отъ заработанныхъ денегъ. При этомъ они не бросили его среди преріи, а довели на близкое разстояніе отъ стада мистера Макса, гдѣ транспорту не грозила никакая опасность и гдѣ мистеръ Вальцъ, еслибы не потерялъ всѣхъ своихъ способностей отъ страха, могъ легко найти помощь.

Довести его до самаго блокгауза они не рѣшались, по той простой причинѣ, что неминуемо подверглись бы насмѣшкамъ

вчера мистера Макса, явившись къ нимъ съ транспортомъ, имѣющимъ такой жалкій видъ. Такой исторіи никакъ не могло случиться, еслибы транспортъ велъ пѣонеръ, подобный мистеру Максу, или даже человекъ, нѣсколько знакомый съ мѣстными условіями и языкомъ. А то мистеръ Вальцъ, будучи хозяиномъ транспорта, даже не потрудился замѣтить и разузнать, какъ ведетъ дѣло его компаньонъ.

На другой день мистеръ Вальцъ проспалъ бреквестъ, а мистеръ Максъ уѣхалъ куда-то на разсвѣтъ. Возвратившись только къ обѣду, онъ привезъ съ собою джентльмена, котораго отрекомендовалъ подъ именемъ мистера Зонштейна.

Мистеръ Зонштейнъ, еврей, давно живущій въ Америкѣ, занимается торговлей съ индійцами. Промѣнявъ весь свой товаръ на сырье, онъ не хотѣлъ ѣхать съ нимъ въ штаты, а предложилъ мистеру Максу помѣняться товарами на очень выгодныхъ условіяхъ. Мистеръ Зонштейнъ осмотрѣлъ товаръ, и торгъ былъ скоро оконченъ. Оставалось подождать транспорта съ сырьемъ и сегодня же, сваливъ его, нагрузить тѣ же фургоны товаромъ, съ которымъ мистеръ Зонштейнъ намѣревался ѣхать обратно въ индійцамъ.

За обѣдомъ мистеръ Максъ спросилъ мистера Вальца, совсѣмъ оправившагося отъ вчерашняго страха, о его намѣреніяхъ. Тотъ объяснилъ, что рѣшился, во что бы то ни стало, развязаться съ транспортомъ, хотя бы не пришлось выручить и половины затраченныхъ денегъ, причемъ просилъ мистера Макса купить и его сырье, чтобы встать вести въ штаты.

Напрасно мистеръ Максъ доказывалъ нелѣпность такого рѣшенія, предлагая перемѣнить негодныхъ муловъ и помочь нанять вчера. Наконецъ совѣтовалъ вести транспортъ вмѣстѣ. Мистеръ Вальцъ и слышать не хотѣлъ о какихъ бы то ни было вчера, говоря, что и въ штатахъ онъ не будетъ знать, куда дѣваться съ жожами, которыми никогда не торговалъ.

Онъ стоялъ на своемъ, и чуть не со слезами просилъ мистера Макса купить его сырье, чего послѣдній не хотѣлъ сдѣлать, боясь подать поводъ къ нареканіямъ, что, воспользовавшись безысходнымъ положеніемъ нѣмца, онъ за безцѣновъ купилъ его товаръ.

Тогда мистеръ Зонштейнъ предложилъ мѣру, могущую вывести изъ затрудненія. Такъ какъ мистеръ Максъ не можетъ или не желаетъ покупать сырья, то это можетъ сдѣлать кто-либо изъ присутствующихъ джентльменовъ. А мистеръ Максъ и онъ, Зоннеръ.

штейнъ, какъ лица не заинтересованныя въ дѣлѣ, опредѣлять цѣну товара безобидно для обѣихъ сторонъ.

Мистеръ Вальцъ обрадовался предложенію и готовъ былъ отдать свой товаръ въ кредитъ, съ тѣмъ, чтобы деньги за него были уплачены по продажѣ въ штатахъ. Но мистеръ Максъ возсталъ противъ отдачи товара въ кредитъ, такъ какъ это противорѣчало принятому въ Территори и на границахъ правилу—вести всѣ торговые сдѣлки не иначе, какъ на наличный расчетъ, во избѣжаніе могущихъ выдти впоследствии недоразумѣній и не-приятностей. Изъ всѣхъ присутствующихъ, кромѣ мистера Макса и мистера Зонштейна, деньги оказались только у двухъ вачеро по пятисотъ долларовъ, у меня тысяча, у Чарли восьмьсотъ долларовъ, лично ему принадлежащихъ, и у Патерсона около полуторы тысячи, такъ что никто въ отдѣльности не могъ купить транспорта и рѣшено было составить компанію.

По предложенію мистера Зонштейна, транспортъ былъ оцѣненъ въ три тысячи шестьсотъ долларовъ, такъ что мистеру Вальцу приходилось около тысячи долларовъ барыша за то, что онъ потерпѣлся страха. Патерсонъ, Чарли, два вачеро и я образовали компанію съ тѣмъ, чтобы, уплативъ наличными деньгами мистеру Вальцу, перемѣнивъ и купивъ нужное число муловъ и фургоновъ и продавъ все это на границѣ, раздѣлить между собою барышъ, пропорціонально капиталу, вложенному каждымъ.

Условіе между членами вновь образовавшейся компаніи было тотчасъ же изложено на бумагѣ.

Нашъ транспортъ долженъ былъ слѣдовать вмѣстѣ съ транспортомъ мистера Макса, подъ его непосредственнымъ начальствомъ, имѣя одно общее стадо муловъ. Расходы на наемъ вачеро, продовольствіе и убытокъ въ мулахъ отъ падежа, распредѣлялись между мистеромъ Максомъ и новой компаніей пропорціонально числу фургоновъ.

Купленный транспортъ состоялъ изъ восьми тяжело нагруженныхъ фургоновъ и пятидесяти-двухъ муловъ. Истомленные мулы и пострадавшіе отъ дороги фургоны были промѣнены на другіе мистеру Максу, съ доплатою шестисотъ-сорока долларовъ, такъ что весь капиталъ, затраченный на транспортъ съ сырьемъ, равнялся 4,240 долларамъ. Расчетъ по путевымъ издержкамъ транспорта до границы долженъ былъ быть произведенъ по продажѣ товаровъ.

Мистеръ Максъ размѣнялъ наши билеты севингъ-банка на золото, и деньги были отданы сполна мистеру Вальцу.

Надо было видѣть радость нѣмца, когда онъ, развязавшись съ транспортомъ, спряталъ золотые сегли въ поясъ. Своею шумною веселостью онъ навлекъ на себя еще больше насмѣшекъ со стороны вачеро, чѣмъ своею трусостью. А вачеро не считали нужнымъ сдерживать свой языкъ и упускать случай поострить на счетъ не заслужившаго ихъ расположенія нѣмца, хоть это и не очень нравилось гостепріимному хозяину блокгауза.

Къ вечеру прибыли двадцать-два фургона мистера Зонштейна.

Цѣнный, менѣе громоздкій товаръ, вымѣненный у мистера Макса, помѣстился на десяти фургонахъ. Остальные двѣнадцать, съ соотвѣтствующимъ числомъ муловъ, поступили въ собственность мистера Макса и должны были идти безъ перегладки до границы.

Вачеро мистера Зонштейна, оказавшіеся лишними по уменьшеніи транспорта, нанялись къ мистеру Максу, а какъ нанятые въ Товсонѣ вачеро еще оставались въ блокгаузѣ, то для конвоирования нашего транспорта имѣлось на лицо нужное число людей. Мистеръ Зонштейнъ, наваливъ товаръ и выкормивъ муловъ, отправился въ тотъ же день къ индійскимъ становищамъ, а мистеръ Максъ назначилъ нашъ отъѣздъ черезъ день.

Проведя почти цѣлыя сутки въ разныхъ приготовленіяхъ, мы выступили въ назначенный день съ восходомъ солнца по той же дорогѣ, по которой прибыли изъ Товсона.

Этотъ разъ транспортъ состоялъ изъ тридцати фургоновъ. Людей было больше, вслѣдствіе чего караулъ былъ легче и ѣхать было веселѣе. Съ нами ѣхалъ и мистеръ Вальцъ, совсѣмъ оправившійся отъ страха, но все-таки продолжавшій служить мнѣшенью всякаго рода насмѣшекъ.

Нѣкоторыя шутки со стороны вачеро выходили даже за предѣлы шутки, и одна изъ нихъ чуть-было не кончилась весьма трагически. Мистеръ Вальцъ, желая принять участіе въ уничтоженіи змѣй, и подобно мнѣ, не умѣя владѣть бичомъ, вздумалъ по моему примѣру вооружиться стеблемъ лианы. Одинъ изъ вачеро, какъ бы желая услужить ему, вырѣзалъ стебель и, подавъ его, указалъ на свившуюся змѣю. Мистеръ Вальцъ бросился къ ней не попробовавъ сперва своего оружія. Стебель оказался слишкомъ гибкимъ и гнулся, какъ веревка. Въмѣсто того, чтобы поразить змѣю, онъ ударилъ по лошади мистера Вальца, перепугалъ ее и заставилъ сдѣлать нѣсколько бѣшеныхъ скачковъ. Мистеръ Вальцъ, не ожидавшій такой шутки, вылетѣлъ изъ сѣдла и растянулся въ двухъ шагахъ отъ ядовитаго гада, готоваго его ужалить. Не случись тутъ близко Патерсонъ, убившій змѣю изъ

револьвера, которымъ владѣлъ въ совершенствѣ, бѣдному нѣмцу пришлось бы поплатиться можетъ быть жизнью за свою опрометчивость.

Несмотря однако на шутки, которыя безпрестанно продѣлывали съ нимъ, нѣмецъ ужасно любилъ принимать на себя начальнической видъ. Къ вачеро обращался онъ не иначе, какъ нѣсколько повелительнымъ тономъ, вмѣшивался въ распоряженія мистера Макса, и надо было обладать сдержанностью и хладнокровіемъ этого янки, чтобы спокойно выслушивать дикія замѣчанія и выходы нѣмца.

Безъ приключенія доѣхали мы до Товсона и разбили коралъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ стоялъ коралъ Патерсона. Мистеръ Максъ, съѣздивъ въ городъ, узналъ, что врядъ ли намъ удастся продать сырье въ Товсонѣ, а что для этого лучше ѣхать миль за шестьдесятъ, въ Эдвардсгиль, гдѣ теперь выставка и ярмарка и наѣхали торговцы восточныхъ штатовъ. Разсчитавъ излишнихъ вачеро, такъ какъ теперь не было надобности въ строгомъ караулѣ, и переночевавъ въ коралѣ, мы направились къ Эдвардсгилю.

Мистеръ Вальцъ еще наканунѣ сѣлъ на желѣзную дорогу и уѣхалъ въ С.-Луисъ, давая клятвенное обѣщаніе не заглядывать болѣе въ пустыню, хоть бы тамъ сулили ему золотыя горы.

Дорога, по которой шелъ нашъ транспортъ, пролегла по довольно густозаселенной мѣстности. Видъ красивыхъ фермъ, расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ дороги, садовъ и вспаханныхъ полей, производилъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе на глазъ, невидавшій нѣсколько времени ничего, кромѣ однообразной преріи. Кромѣ того, было какъ-то легко на душѣ при сознаніи, что находимся въ мѣстности почти совершенно безопасной. Пріятно засыпать въ убѣжденіи, что проснешься съ волосами на головѣ, въ чемъ нельзя было быть увѣреннымъ, находясь въ Индианъ-Территори. Покормивъ муловъ и пообѣдавъ у салона, лежащаго на половинѣ дороги, мы еще рано пріѣхали въ Эдвардсгиль, гдѣ расположились коралемъ на преріи, недалеко отъ мѣста, отведеннаго подъ выставку, и гдѣ уже до насъ было составлено нѣсколько коралей.

Пока мистеръ Максъ и Патерсонъ пошли пріискивать мѣсто сбыта нашему сырью, мы съ Чарли отправились посмотреть ярмарку и, необходимую ей принадлежность, выставку машинъ и продуктовъ. Разнаго рода выставки, въ особенности сельско-хозяйственныя, въ большомъ ходу въ Америкѣ. Не говоря уже о большихъ торговыхъ центрахъ, выставки ежегодно устраиваются почти во всякомъ городѣ.

Для выставки выбирается обыкновенно осень, когда ованчиваются полевые работы. Одновременно съ выставкой бываютъ обыкновенно ярмарки. Эти выставки несомнѣнно приносятъ пользу, давая возможность фабрикантамъ сдѣлать извѣстными свои произведенія, а сельскимъ жителямъ ознакомиться съ усовершенствованіями и изобрѣтеніями по разнымъ отраслямъ промышленности. Въ то же время выставки, привлекая въ себѣ заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ людей съ разныхъ концовъ Союза, даютъ имъ возможность обмѣняться свѣдѣніями и дѣлаютъ сбытъ и покупку различныхъ произведеній и фабрикатовъ болѣе удобнымъ и выгоднымъ. Въ Техасѣ исключительныя условія мѣстности не благоприятствовали развитію городовъ. Здѣсь, благодаря изумительному плодородію почвы, дѣятельность переселенцевъ обратилась на хлѣбопашество и все народонаселеніе рассыпалось по отдѣльнымъ фермамъ.

Мѣста, носящія названія городовъ въ Техасѣ, не болѣе, какъ пункты, въ которыхъ сосредоточена мѣстная администрація, и, за исключеніемъ Престона и весьма немногихъ другихъ, лишены всякаго торговаго значенія.

Сбытъ сырыхъ продуктовъ и покупка привозныхъ товаровъ производится въ такъ-называемыхъ факторіяхъ, устроенныхъ различными торговыми домами изъ городовъ восточныхъ штатовъ, и на ярмаркахъ, сопровождающихъ выставки, устроенныя близъ такихъ факторій.

Точно также и Эдвардсгилъ не городъ, а мѣстечко, гдѣ нѣсколько сосѣднихъ фермъ выстроили церковь, и какой-то торговый домъ открылъ факторію, выхлопотавъ у мѣстныхъ властей распоряженіе объ устройствѣ въ Эдвардсгилѣ ежегодныхъ выставокъ, приобрѣвшихъ большую извѣстность не только въ окрестностяхъ Эдвардсгиля, но и въ Индіанъ-Территори, откуда стали пригонять стада скота и привозить сырье.

Подъ ярмарку въ Эдвардсгилѣ было отведено обширное, гладкое поле, занятое посрединѣ постройкой, гдѣ помѣщалась выставка. Досчатое помѣщеніе выставки имѣло видъ, очень похожій на гостинные дворы въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ уѣздныхъ городовъ. Корпуса постройки, расположенныя квадратомъ, ограничивали просторный дворъ, въ который вели четверо крытыхъ воротъ. Вокругъ всей постройки тянулась широкая, крытая галерея на столбахъ. Первый этажъ былъ раздѣленъ на небольшія отдѣленія, въ родѣ лавокъ, служившія конторами экспонентамъ.

Дворъ, раздѣленный низкими перегородками на отдѣленія, былъ наполненъ разнаго рода домашними животными, представ-

ленными на выставку. Различные фабрикаты помѣщались на галереѣ противъ конторъ экспонентовъ. Самый обширный и разнообразный отдѣлъ былъ отдѣлъ различныхъ машинъ, относящихся до сельскаго хозяйства.

Почти всѣ эти машины мнѣ пришлось уже видѣть въ окрестностяхъ Пексена, почему онѣ не могли представлять для меня большого интереса. Но я не могъ не обратить особаго вниманія на выставленныя въ этомъ же отдѣлѣ мельницы и приборы для сверленія артезіанскихъ колодцевъ, приспособленные къ мѣстнымъ условіямъ пустынь дальняго запада.

Для переселенцевъ, основывающихъ свои блокгаузы въ пустынѣ, далеко отъ другихъ поселеній, помолъ зерна представляетъ часто много затрудненій.

Перевозка тяжелыхъ, дорогихъ паровыхъ машинъ по преріямъ и первобытнымъ лѣсамъ, безъ дорогъ, если не вполне невозможно, то по крайней мѣрѣ очень затруднительна.

Сложные конные и вѣтряные приводы, починка которыхъ требуетъ специальныхъ механическихъ свѣдѣній, не вошли въ употребленіе между пионерами. Они до сихъ поръ прибѣгали къ менѣе сложнымъ водянымъ мельницамъ, что отчасти стѣсняло ихъ при выборѣ мѣста для блокгауза, требуя, чтобы по близости былъ достаточно сильный водяной двигатель. Да и водяныя мельницы, устроенныя доморощенными механиками, работали дурно, безпрестанно портились и вынуждали поселенцевъ возить свой хлѣбъ для помола часто за сотни миль.

Выставленныя въ Эдвардсвилѣ легкія мельницы съ простыми приводами устраняютъ вполне неудобства, дѣлавшія до сихъ поръ примѣненіе усовершенствованныхъ мельницъ затруднительнымъ. Всѣ эти мельницы, съ легкими жерновами или бороздчатыми металлическими конусами, разбираются по частямъ, вновь собираются безъ особыхъ механическихъ свѣдѣній и могутъ быть перевозимы на фургонахъ куда угодно. Особенно понравилась мнѣ мельница съ паровымъ двигателемъ для большого хозяйства, которую можно, разобравъ, уложить на пять фургоновъ, и маленькая мельница съ коннымъ приводомъ. Мелать обѣ эти мельницы, какъ говорили люди, видѣвшіе ихъ работу, ничуть не хуже мельницъ съ болѣе сложнымъ механизмомъ, уступая имъ развѣ, и то немного, въ количествѣ перемалываемаго зерна въ часъ.

Еще бѣльшимъ разнообразіемъ и полнотою отличались приборы для буренія артезіанскихъ колодцевъ. Эти приборы, чрезвычайно усовершенствованные въ послѣднее время, играютъ весьма важную роль какъ при переѣздахъ черезъ безводныя пустыни, такъ

и въ быстромъ заселеніи ихъ. Уже и теперь многія мѣстности, считавшіяся прежде бесплодными, покрылись великолѣпною растительностію, благодаря артезіанскимъ колодцамъ. Въ этомъ отношеніи самый поразительный примѣръ представляетъ знаменитая долина св. Іосифа, въ Калифорніи, гдѣ, благодаря особымъ счастливымъ условіямъ для буренія колодцевъ, прежній песчаный пустырь покрылся сплошными садами, дающими лучшіе фрукты въ Сѣверной Америкѣ. Кромѣ довольно цѣнныхъ приборовъ для буренія глубовихъ, постоянныхъ колодцевъ, были выставлены мелкіе, походные буры, дающіе возможность отрядамъ войскъ и транспортамъ устраивать временные колодцы среди пустыни для поенья животныхъ, что составляетъ огромное облегченіе, давая возможность не дѣлать длинныхъ изнурительныхъ переходовъ. Стоимость походныхъ приборовъ очень невысока и вполнѣ доступна даже хозяевамъ небольшихъ транспортовъ.

Экспоненты, привезшіе свои мельницы и буры на выставку въ Эдвардсгилъ, сдѣлали отличную спекуляцію.

У выставленныхъ предметовъ постоянно стояла густая толпа, и клерки въ конторахъ едва успѣвали записывать заказы и получать задаточныя деньги.

Осмотрѣвъ выставку, мы прошли по ярмаркѣ.

Вокругъ зданія выставки, отступя на небольшое разстояніе, были устроены рядами досчатыя лавки или балаганы съ самыми разнообразными товарами.

Рядомъ съ лавками красноторговцевъ, вывѣсившихъ у входа разныя принадлежности женскаго туалета самыхъ яркихъ цвѣтовъ, были лавки съ различной сбруей, веревками и другими подобными предметами.

Противъ книжной лавки, гдѣ продавались преимущественно книги духовныя, помѣщался балаганъ, гдѣ труппа странствующихъ артистовъ давала свои представленія, стараясь заманить къ себѣ публику огромными афишами, во всю стѣну, на которыхъ дѣйствующія лица были изображены въ самыхъ невѣроятныхъ позахъ. Я полагаю, что еслибы актеры могли выполнить и собою часть тѣхъ акробатическихъ фокусовъ, какіе были изображены на афишѣ, то заслужили бы славу лучшихъ акробатовъ въ мірѣ. Между лавками тѣснилась густая толпа людей различныхъ возрастовъ и цвѣтовъ кожи, отъ блѣднаго янки до негра и мѣдно-краснаго индійца. Не будь этой пестроты фізіономій, можно бы было принять ярмарку въ Эдвардсгилъ за одну изъ нашихъ ярмарокъ въ южной Россіи, отъ которыхъ, впрочемъ,

она отличалась еще и тѣмъ, что не было ни одного мѣста продажи крѣпкихъ напитковъ.

Подобныхъ мѣстъ не позволено устраивать ближе извѣстнаго разстоянія отъ выставки, и всѣ увеселительныя заведенія, въ родѣ кабаковъ, салоновъ и проч., помѣщаются миляхъ въ двухъ отъ ярмарки. Безъ этого распоряженія трудно бы было сохранить порядокъ около выставки, и Богъ знаетъ, что за фантазія могла бы придти пьянымъ вооруженнымъ джентльменамъ, еслибы имъ позволяли здѣсь напиваться.

Въ девять часовъ вечера, послѣ звонка, заперли ворота выставки и двери конторы, загородили шестами пространство между столбами, поддерживающими крышу галлерей, гдѣ оставили выставленные предметы подъ надзоромъ нѣсколькихъ сторожей. Мало-по-малу стали закрываться лавки, народъ разошелся на свои ночлеги и безмолвіе смѣнило шумъ, гамъ и крикъ многолюдной ярмарки.

Изрѣдка долетали до нашего коралья крики часовыхъ, караулившихъ транспорты въ преріяхъ, изъ которыхъ они пришли, да лай собакъ, встревоженныхъ пѣснями гуляекъ, пировавшихъ въ мѣстѣ, гдѣ помѣщалась продажа крѣпкихъ напитковъ.

Съ ранняго утра, еще до открытія выставки, въ нашъ кораль стали приходить различные джентльмены. Они смотрѣли сырье, отыскивали различные недостатки и съ видомъ сожалѣнія говорили, что врядъ ли намъ удастся продать въ эту ярмарку товаръ, такъ какъ вовсе нѣтъ покупателей на кожи. Это были особыя личности, въ родѣ нашихъ кулаковъ, которые нанимались у спекулянтовъ, закупавшихъ сырые продукты, и старались въ первые дни ярмарки запугать продавцевъ и сбить цѣну на ихъ товаръ.

Понятно, что мистеръ Максъ былъ не такой человѣкъ, чтобы поддаться на ихъ хитрость и, не желая имѣть дѣло чрезъ подобныхъ посредниковъ, рѣшился самъ искать покупателей на свой товаръ, воспользовавшись своимъ обширнымъ знакомствомъ.

До обѣда ему удалось встрѣтиться съ джентльменомъ изъ Чикаго, скупавшимъ кожи для своего завода.

Отправляясь въ первый разъ на границу за кожами, этотъ джентльменъ взялъ съ собою бумажныя деньги, упустивъ изъ виду, что въ Техасѣ неохотно берутъ ихъ, а ведутъ торговлю на золото.

Торговцы изъ Индіанъ-Территори вовсе не хотѣли принимать этихъ денегъ, а мѣнялы въ Эдвардсвилѣ требовали огромный

процентъ. Ѣхать въ Престонъ не стоило, такъ какъ такая поѣздка требовала значительной потери времени.

Джентльменъ, поставленный въ затруднительное положеніе, далъ высокую цѣну за нашъ товаръ, когда мистеръ Максъ согласился взять у него плату бумажными деньгами.

Къ вечеру одинъ изъ вачеро, участвовавшій въ компаніи, случайно встрѣтился со знакомымъ торговцемъ, пріѣхавшимъ на ярмарку за товаромъ для преріи, который откупилъ у насъ фургоны и муловъ.

Барышъ превзошелъ мои ожиданія. По раздѣлу досталось на мою долю, вмѣсто затраченной тысячи долларовъ, тысяча восемьсотъ!

Остаться въ Эдвардсвилѣ намъ было больше незачѣмъ и мы, сѣвъ на своихъ лошадей, доѣхали въ одинъ перегонъ до Товсона, откуда мистеръ Максъ, Патерсонъ и сопровождавшіе насъ вачеро намѣревались возвратиться въ блокгаузъ, а мнѣ съ Чарли надо было отправиться въ Чикаго.

Въ Товсонѣ намъ слѣдовало продать лошадей и оружіе, болѣе ненужныя Чарли и мнѣ. Случай скоро представился. Компанія джентльменовъ съ тремя лѣди ѣхала въ прерію на свадьбу къ одному піонеру. Они напрасно искали въ Товсонѣ выѣзжанныхъ лошадей для лѣди и могли пріобрѣсти только одну старую верховую лошадь. Они съ радостью дали намъ сто-семьдесятъ пять долларовъ за моего сѣраго и вороного, бывшаго подъ Чарли. При этомъ они купили сѣдла и лишнее оружіе за пятнадцать долларовъ.

Простившись съ мистеромъ Максомъ и его спутниками, мы сѣли вечеромъ въ вагонъ, долженствовавшій доставить насъ въ Чикаго.

Мистеръ Максъ сказалъ, что если счастье не повезетъ мнѣ въ штатахъ, то чтобы я не забывалъ, что есть въ преріяхъ блокгаузъ, гдѣ найдется для меня занятіе.

Когда поѣздъ желѣзной дороги тронулся и понесъ насъ прочь отъ границы Индіанъ-Территори, мнѣ стало жаль оставлять эти безконечныя зеленыя преріи, эту привольную жизнь, дѣйствующую такъ обаятельно на всякаго, познакомившагося съ нею впервые. Жизнь въ преріяхъ казалась мнѣ тогда особенно заманчивой и прекрасной, вслѣдствіе хорошаго приѣма, сдѣланнаго мнѣ ея обитателями и краткости времени, проведеннаго

мною въ преріяхъ. Не зналъ я въ то время, что вѣчно зеленая прерія дастъ мнѣ себя узнать и не съ одной поэтической стороны.

Сожалѣнія о жизни въ пустынѣ скоро разсѣялись, уступивъ мѣсто другимъ надеждамъ, возбужденнымъ неожиданнымъ счастьемъ, съ которымъ стали увеличиваться мои матеріальныя средства и мое общественное положеніе.

Мнѣ очевидно везло въ Америку. Приѣхавъ сюда нѣсколько мѣсяцевъ назадъ безъ рекомендацій, безъ денегъ, не говоря ни слова по-англійски, я успѣлъ безъ особеннаго труда научиться работать, имѣлъ небольшой капиталецъ, могущій обезпечить мое существованіе на случай болѣзни или какого-либо несчастія, и, наконецъ, главное—мнѣ удалось приобрести расположеніе мистера Требера и мистера Макса. А протекція такихъ людей можетъ помочь мнѣ окончательно упрочить мое положеніе въ Новомъ Свѣтѣ.

Убаюканный розовыми мечтами, я заснулъ на мягкой скамейкѣ вагона и проспалъ до полудня, когда поѣздъ остановился у вокзала въ Чикаго.

А. Курвскій.

ДЖОНЪ СТЮАРТЪ МИЛЛЬ

И

ЕГО ШКОЛА

СТАТЬЯ ВОСЬМАЯ *).

Политическое искусство. — Принципъ «свободы», и господство «посредственности». — Возможность новой неподвижной системы. — Четыре довода въ пользу свободы мысли. — Партиѳныя мысли примиримы. — Свобода личной дѣятельности и стремленіе къ оригинальности, какъ цѣль человѣческаго самосовершенствованія. — Свобода выбора образа жизни, какъ средство къ самосовершенствованію. — Чисто личные или самоотносительные поступки не подлежатъ общественному вмѣшательству. — Нравственная оцѣнка чисто личнаго поступка.

Вопросы искусства жизни не подверглись подь руками Милля общей и подробной обработкѣ... Эстетическій отдѣлъ этого искусства оставленъ безъ всякой систематизаціи, и все, что можно собрать изъ нѣсколькихъ критическихъ статей автора о разныхъ беллетристическихъ и поэтическихъ предметахъ, сводится къ тому, что поэзія, какъ все другое въ умственной дѣятельности человѣка, должна служить серьезнымъ цѣлямъ жизни, а не быть искусствомъ ради искусства. Поэзія—это «изображеніе глубокихъ и наиболѣе таинственныхъ дѣятельностей человѣческаго чувства».

Нравственный отдѣлъ искусства жизни разработанъ у Милля, какъ мы видѣли, довольно тщательно во всемъ, что касается опредѣленія принциповъ нравственности и цѣли нравственныхъ стрем-

*) См. выше: май, 5; іюнь, 478; іюль, 192, и авг. 667 стр.

лений. Это опредѣленіе сдѣлано согласно съ требованіями научной теоріи человѣческаго прогресса и съ законами человѣческой природы. Прогрессъ немислимъ безъ нравственнаго совершенствованія людей, и цѣль его: «общее счастье», устанавливаемая естественною потребностью людей желать себѣ всего лучшаго, можетъ быть достигнута не иначе, какъ дружными усиліями всѣхъ. Нравственная теорія ставитъ правила, какъ долженъ вести себя каждый человѣкъ, въ видахъ самосовершенствованія и общаго стремленія людей къ наилучшей жизни.

Въ настоящей статьѣ мы займемся третьимъ и послѣднимъ отдѣломъ искусства жизни, предметомъ котораго служатъ отношенія общества къ человѣку: наилучшая организація этихъ отношеній для достиженія цѣли естественнаго прогресса. Этотъ отдѣлъ — *политическое искусство*, или *политика*.

Милль очень много занимался политическими вопросами и оставилъ послѣ себя три весьма основательныя сочиненія: «On Liberty», «Principles of Political Economy», и «Considerations on Representative Government», вмѣстѣ съ извѣстнымъ памфлетомъ — «The Subjection of Women»; въ этихъ трудахъ онъ старается показать все, что выработано и установлено, или что можетъ быть установлено въ современной политикѣ въ видахъ наилучшей организаціи современныхъ обществъ и направленія ихъ дѣятельности къ цѣли, установленной искусствомъ жизни. Въ книгѣ «О свободѣ», дѣло идетъ главнымъ образомъ объ опредѣленіи точныхъ по возможности границъ общественнаго вмѣшательства въ самостоятельную дѣятельность личности; въ «Основаніяхъ политической экономіи» разрѣшается вопросъ богатства или матеріальнаго благосостоянія націи; въ «Разсужденіяхъ о представительномъ образѣ правленія» Милль излагаетъ свои соображенія объ идеалѣ современнаго политическаго строя; а въ памфлетѣ «Подчиненность женщины» проводится приложеніе принципа равенства къ женщинѣ.

О роли свободы въ человѣческихъ дѣлахъ Милль говорить во всѣхъ своихъ политическихъ сочиненіяхъ. Милль придаетъ этому принципу господствующее значеніе въ политикѣ, такъ какъ только свобода можетъ способствовать нравственному развитію человѣческаго прогресса. Цѣль прогресса — совершенствованіе, свобода — это главное орудіе человѣческаго совершенствованія. Но не слѣдуетъ думать, что Милль считаетъ свободу какимъ-то отвлеченнымъ правомъ, естественно принадлежащимъ человѣку. Онъ очень хорошо понимаетъ, что въ свободѣ можно видѣть лишь историческое обобщеніе (эмпирической законъ), указывающее на

полезность свободы въ дѣлѣ политическаго развитія народовъ. И въ самомъ дѣлѣ, мы можемъ найти въ исторіи массу фактовъ, свидѣтельствующихъ о благотворномъ дѣйствиіи свободы на развитіе всѣхъ лучшихъ сторонъ человѣческаго характера и разума, въ чемъ и состоитъ важнѣйшая задача прогресса. Изучая дѣйствіе свободы на человѣческую мысль, на человѣческія чувства и на человѣческую волю, Милль пришелъ къ тому важному заключенію, что предоставляемыя самимъ себѣ всѣ эти стороны нравственнаго характера человѣка хотя и представляютъ, каждая въ своей области, массу разныхъ столкновеній и живую борьбу, тѣмъ не менѣе не должны заключать въ себѣ ничего саморазрушительнаго. Изъ свободнаго соперничества мыслей, чувствъ и воли людей приобрѣтается не разрушеніе ихъ самихъ, но развитіе человѣческаго ума и человѣческой энергии, которые оба управляютъ всѣмъ міромъ, входящимъ въ область человѣческихъ изслѣдованій. Отсюда не трудно дойти до заключенія, что каждое дѣйствительное и живое умственное стремленіе, или такая же нравственная склонность, имѣетъ право на существованіе; а чтобы дать такое право, нужно прежде всего установить свободу личности въ распоряженіи всѣми лишь *до нея* касающимися дѣйствіями. Такимъ образомъ является задача: что слѣдуетъ признавать чисто личною стороною отдѣльнаго характера, и что подлежитъ вмѣшательству общественнаго мнѣнія или государственной власти?.. Безъ рѣшенія этой задачи вопросъ о предѣлахъ между свободою и насиліемъ (или своеволіемъ) не можетъ быть рѣшенъ, и принципъ свободы не можетъ выражать ничего, кромѣ отрицанія насилія. Но Милль не остановился на этой неопредѣленности, которая, оставляя свободу на степени простого эмпирическаго закона, вела въ дѣйствительной политической жизни къ однимъ лишь недоразумѣніямъ и страшнымъ злоупотребленіямъ самымъ именемъ свободы. Милль пошелъ далѣе и, показавъ возможность раздѣлить человѣческіе поступки на *самоотносительные* (чисто личные) и *общественные*, первый опредѣлилъ въ точности, гдѣ должны быть границы посторонняго вмѣшательства въ дѣйствія личной мысли, личнаго чувства и личной воли человѣка. Этотъ предѣлъ — безопасность другихъ людей.

Принципъ свободы состоитъ въ томъ, — говоритъ Милль — «что люди, индивидуально ли или всѣ въ совокупности, имѣютъ право вмѣшиваться въ свободу дѣйствій кого-либо изъ своего числа только по одной причинѣ — ради самохраненія; что надъ членомъ цивилизованнаго общества власть можно справедливо употребить лишь съ одною цѣлью — для предотвращенія вреда

другимъ». Что же касается до собственнаго блага личности, все равно, физическаго ли или моральнаго, оно — продолжаетъ Милль — «не можетъ служить достаточнымъ доводомъ для посторонняго вмѣшательства. Несправедливо принуждать человѣка, чтобы онъ дѣлалъ или не дѣлалъ чего-либо, исключительно ради того, что лучше, по мнѣнію другихъ, такъ поступать выгоднѣе, умнѣе или даже справедливо. Все это хорошіе доводы для убѣжденія человѣка, для разсужденія съ нимъ, для увѣренія или увѣщанія его, но не для понужденія или преслѣдованія его за то, что онъ поступаетъ по-своему. Оправданіемъ принужденія можетъ служить только такое поведеніе, которое задумывается съ цѣлью нанести кому-нибудь вредъ и отъ котораго считаютъ возможнымъ избавить лишь путемъ устрашенія. Единственная сторона поведенія, подлежащая общественной отвѣтственности, та, которая касается другихъ людей. Но во всемъ, что касается самой личности, ея независимость должна быть, по праву, безусловною. Надъ собою, надъ своимъ собственнымъ тѣломъ и духомъ, личность неограниченна. Въ переводѣ на техническій языкъ политики, идеальная свобода личности должна включатьъ въ себя, *«во-первыхъ»*, внутреннюю область сознанія: свободу совѣсти въ самомъ широкомъ смыслѣ, свободу мысли и чувства, безусловную свободу мнѣнія и выраженія своихъ чувствъ по всѣмъ предметамъ, практическимъ ли или умозрительнымъ, научнымъ, нравственнымъ или богословскимъ. Свобода устнаго заявленія и печатанія мнѣній хотя кажется подлежащею иному принципу, такъ какъ она принадлежитъ въ той части поведенія личности, которая касается другихъ людей, — но будучи столь же важною какъ свобода мысли, она, по мнѣнію Милля, остается на практикѣ нераздѣльной съ послѣднею. *Во-вторыхъ*, принципъ требуетъ свободы вкусовъ и занятій, а также устройства плана нашей жизни согласно съ особенностями нашего собственнаго характера, и поведенія, какаго хотимъ, съ отвѣтственностью за всѣ истекающія изъ него послѣдствія; стѣснять эту свободу, пока она не приноситъ никому вреда, никто не долженъ, хотя бы наши ближніе считали наше поведеніе глупымъ, извращеннымъ и несправедливымъ. *Въ-третьихъ*, изъ свободы каждой личности въ отдѣльности рождается свобода, въ тѣхъ же границахъ, взаимнаго соединенія многихъ лицъ: свобода составленія союзовъ съ разными цѣлями, безвредными для остальнаго общества, — предполагается, что члены союзовъ, какъ люди совершеннолѣтніе, вступаютъ въ союзъ не по принужденію и не по обману»¹⁾.

¹⁾ On Liberty, глава I.

Первое требованіе принципа свободы обнимаетъ собою всю область стремленія людей къ истинѣ, — стремленія, служащаго единственнымъ двигателемъ прогресса; оба остальныхя требованія открываютъ человѣку безграничное поле для испытанія своей физической и нравственной энергии, для развитія своего характера. Самостоятельный умъ и самостоятельный характеръ дѣлаютъ человѣка способнымъ идти самому и двигать общество по пути прогресса. Въ настоящее время какъ знаніе, такъ и нравственныя свойства людей находятся еще въ неудовлетворительномъ состояніи, и только производятся кое-какія отдѣльныя попытки въ освобожденію ума и характера людей изъ-подъ давленія предразсудковъ и рутины; но эти попытки совершаются вяло, безпринципно, безъ живой увѣренности въ томъ, что только свобода можетъ дать вѣрное направленіе совершенствованію человеческого ума и характера. Эта вялость и безпринципность заставляютъ Милля опасаться за будущность самой цивилизаціи: общее состояніе вещей въ образованномъ мірѣ стремится, по его мнѣнію, затереть личность и возвысить на первое мѣсто «посредственность», а такъ какъ посредственность, въ своемъ вліяніи на политическую жизнь, если и повышаетъ низкое, то не иначе, какъ съ одновременнымъ пониженіемъ высокаго, и въ концѣ-концовъ люди, вмѣсто того, чтобы создавать себѣ возвышенные идеалы жизни и стремиться въ ихъ достиженію, погружаются въ ту скучную и неизмѣнную смѣну одного поколѣнія другимъ, совершенно одинаковую по своимъ свойствамъ, въ которой проходила жизнь цѣлыхъ сотенъ милліоновъ китайцевъ въ продолженіи нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ.

«Прежде», говоритъ Милль, «въ древней исторіи, въ средніе вѣка и, хотя въ уменьшающейся степени, въ долгое переходное время отъ феодализма до настоящаго времени, личность была самостоятельною силою, а при обладаніи крупными талантами или высокимъ общественнымъ положеніемъ, она являлось даже значительной силой. Всѣ нынѣшнія личности затеряны въ толпѣ. Въ политикѣ — сказать, что общественное мнѣніе править міромъ, стало почти тривиальностью. Единственною силою, заслуживающею этого названія, стали теперь массы и правительства, когда они становятся орудіемъ стремленій и инстинктовъ массъ. Это такая же правда въ нравственныхъ и общественныхъ отношеніяхъ частной жизни, какъ и въ общественныхъ дѣлахъ. Въ Америкѣ это общественное мнѣніе составляютъ всѣ бѣлые люди ¹⁾, въ

¹⁾ Писано до освобожденія негровъ.

Англіи главнымъ образомъ средніе классы, но все-таки они—масса. И вотъ, что особенно интересно, эта масса извлекаетъ свои мнѣнія не отъ сановниковъ церкви или государства, не отъ видныхъ вождей, не изъ книгъ. Ихъ мышленіе совершается людьми, весьма похожими на нихъ самихъ, и заявляется ни въ чемъ иномъ, какъ въ газетахъ... Разумѣется, такое положеніе вещей не привлекательно, но негодовать на это явленіе нельзя, такъ какъ оно есть лишь выраженіе нынѣшняго низкаго состоянія человѣческой образованности. Какъ бы то ни было, настоящее направленіе общественнаго мнѣнія въ цивилизованномъ мірѣ не представляетъ самостоятельныхъ проявленій личности. Мало того, что оно умѣренно по своему разуму, но оно умѣренно и въ своихъ наклонностяхъ: въ немъ нѣтъ ни желаній, ни страстей настолько сильныхъ, чтобы оно рѣшилось на что-нибудь необыкновенное, и вотъ, не понимая такихъ людей, которые способны браться за сильныя рѣшенія, «умѣренная середина» причисляетъ все личное и независимое къ дивому и неумѣренному, на которое она уже привыкла смотрѣть съ пренебреженіемъ. Эта картина господства посредственности тѣмъ сильнѣе должна была тревожить Милля, что онъ жилъ въ Англіи и во Франціи какъ разъ въ такое время, когда въ этихъ странахъ идея объ улучшеніи людей вызывала въ обществѣ разныя движенія моральнаго и филантропическаго свойства съ покровительственными цѣлями. Но духъ улучшеній не всегда бываетъ духомъ свободы, ибо онъ можетъ стремиться во введенію улучшеній въ среду людей, ничего подобнаго не желающихъ, и затѣмъ, обративъ это «улучшенное» состояніе въ обычай, остановить дальнѣйшее развитіе цѣлаго народа. Народъ, который развивается и который могъ бы продолжать свое развитіе совершенно самостоятельно, подвергнувшись однажды сильному постороннему вмѣшательству, можетъ сперва пойти впередъ на чужихъ помочахъ, но, отрѣшившись такимъ образомъ отъ своей личной независимости, можетъ дойти лишь до той точки развитія, куда его приведутъ мудрѣйшіе, и затѣмъ остановиться, какъ остановился Китай. Великіе философы Китая полагали, что имъ удалось напасть на идею полнаго осуществленія всѣхъ благъ народной жизни, и что съ осуществленіемъ этой идеи ихъ народъ займетъ и удержитъ за собою навсегда главенство надъ всѣми обитателями земли. Эти мудрецы стремились обратить весь народъ въ *одинаковыхъ* людей, мысли и поведеніе которыхъ управлялись бы одними и тѣми же правилами и предписаніями; имъ удалось ихъ предпріятіе, и результаты его у всѣхъ передъ глазами. «Современная система гос-

подства общественнаго мнѣнія представляетъ неорганизованную форму того, что представляется вполне организованнымъ въ китайскихъ воспитательныхъ и политическихъ системахъ, и если индивидуальность не окажется способною къ удачному отпору противъ этого ярма, то Европа, несмотря на свое благородное прошлое и заявленную преданность христіанству, станетъ преобразовываться въ другой Китай». Не такъ давно Токвиль замѣтилъ, что нынѣшніе французы походятъ другъ на друга гораздо болѣе, чѣмъ французы прошлаго поколѣнія. То же замѣчаніе можно сдѣлать и объ англичанахъ, и еще въ гораздо большей степени. Важное условіе для развитія личности—*разнообразіе положеній*, тоже съ каждымъ днемъ ослабѣваетъ. «Обстоятельства, обружающія людей разныхъ классовъ и вліяющія на образованіе ихъ характеровъ, постоянно уподобляются другъ другу. Прежде разные сословія, разные сосѣдства, разные ремесла и занятія жили, если можно такъ сказать, въ разныхъ мірахъ; теперь же они значительно сблизились. Сравнительно говоря, они читаютъ теперь одни и тѣ же вещи, ходятъ въ одни и тѣ же мѣста, надѣются и опасаются касательно однихъ и тѣхъ же предметовъ, имѣютъ тѣ же самыя права и вольности, и одно и то же средство для пользованія ими... Всѣ политическія перемѣны вѣка способствуютъ этому уподобленію, помогая возвышаться низкому и понижаться высокому. Каждое расширеніе образованія способствуетъ тому же, потому что образованіе вводитъ людей подъ общія вліянія и даетъ доступъ къ общему запасу фактовъ и чувствъ». Улучшенія въ средствахъ сообщенія, успѣхи торговли и промышленности дѣлаютъ то же самое, отрывая всѣмъ пути къ сближенію, и возбуждая во всѣхъ страсть подниматься путемъ общаго соперничества на видныя мѣста въ обществѣ. Этого мало,— общественное мнѣніе начинаетъ задавать тонъ самой государственной власти. Разныя общественныя привилегіи, которыя позволяли людямъ пренебрегать мнѣніемъ толпы, постепенно нивелируются, даже мысль о сопротивленіи волѣ публики, когда положительно извѣстно, что у нея есть воля, все болѣе и болѣе исчезаетъ изъ умовъ практическихъ политиковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ прекращается всякая общественная поддержка чему-либо, не согласному съ мнѣніемъ толпы, исчезаетъ всякая существенная сила въ обществѣ, которая бы, сама сопритивляясь преобладанію численности, была заинтересована въ покровительствѣ мнѣніямъ и стремленіямъ, не согласнымъ съ мнѣніями и стремленіями публики. Вообще говоря, во всѣхъ нынѣшнихъ перемѣнахъ принципъ уравнива, нивелировки, пріобрѣтаетъ столь преобладающее влія-

не, что стремится иногда къ уничтоженію даже естественныхъ особенностей человѣка. Въ самомъ воспитаніи новыхъ поколѣній предпринимаются нерѣдко даже насильственные мѣры противъ попытки самостоятельныхъ педагогическихъ системъ или противъ цѣлыхъ областей науки ¹⁾).

Наблюдая за всѣми такими завоеваніями общественнаго мнѣнія, въ ущербъ интересамъ развитія личности, Милль восхищался лишь тѣми явленіями объединяющаго свойства, которыя указывали, что среди современнаго общественнаго движенія происходятъ не одни только уравнинія человѣческихъ характеровъ, но и усиленіе преданности людей къ общественному благу, успѣху котораго всего болѣе способствуетъ принципъ свободы. Съ цѣлью разъяснить главную задачу современной жизни и предупредить слишкомъ скороспѣлыхъ реформаторовъ относительно возможности увлеченія равенствомъ до вредныхъ заблужденій, Милль издалъ свою книгу, противную подобному увлеченію, и имѣлъ большой успѣхъ. Признавая нынѣшнее общественное движеніе, да и всю современную цивилизацію явленіями переходнаго времени, Милль радовался успѣху своей книги, какъ предзнаменованію, что въ будущемъ цивилизованное общество можетъ оцѣнить вполне всю важность принципа свободы. Какъ извѣстно, Милль всего сильнѣе опасается, что какая-либо новая система, соединивъ вокругъ себя извѣстное большинство людей, и прикрывшись какимъ-нибудь необыкновеннымъ авторитетомъ, можетъ, при помощи особаго рода общественныхъ учреждений и соотвѣтственнаго воспитанія новыхъ поколѣній, упрочить надъ міромъ ту самую силу давленія или стѣсненія, какую производили до сихъ поръ другія системы, тоже скрывая дѣйствительные умственные источники своего происхожденія. Только свобода, не допускающая составленія никакихъ неподвижныхъ системъ, — свобода, все раскрывающая во имя интересовъ истины, и свобода, все позволяющая въ предѣлахъ *общей пользы* и полнаго развитія личности, — только она одна въ состояніи уничтожить всѣ попытки къ какой бы то ни было умственной и общественной организаціи большинства противъ индивидуальности. Въ нашъ переходный періодъ, когда старыя понятія и сочувствія поколеблены, и множество новыхъ ученій стремится къ организаціи своей собственной «партіи дѣйствія», обыкновенные люди, отказавшись отъ старыхъ вѣрованій, но мало убѣжденные въ прочности другихъ, ими пока удерживаемыхъ, жадно прислушиваются къ новымъ мнѣніямъ. Въ этотъ

¹⁾ Срав. *On Liberty*, глава III.

моментъ весьма важно, чтобы люди имѣли вѣрное понятіе о свободѣ, какъ единственномъ орудіи естественнаго прогресса. Милль былъ убѣжденъ, что одна лишь преданность принципу свободы можетъ спасти нынѣшній цивилизованный міръ отъ увлеченія въ какую-нибудь новую систему, которая способна привести человечество къ умственной и нравственной неподвижности. Исторія свидѣтельствуетъ, что такія системы возможны и постоянно создавались, но, къ счастью человечества, ни одна изъ нихъ не успѣла прочиться на всемъ земномъ шарѣ. Только въ Азійскія народы застыли въ своихъ системахъ; за то другіе народы, обстоятельства которыхъ способствовали развитію индивидуальности, нашли въ своей средѣ великія личности, которымъ удавалось разрушать и словомъ и дѣломъ старыя системы, — такъ, на примѣръ, въ XVI-мъ вѣкѣ сложилась индивидуальность Лютера, потрясшаго вѣковую систему католицизма.

Конечно, въ современной цивилизаціи задача процвѣтанія и могущества народа сдѣлалась гораздо сложнѣе, такъ что отдѣльныя личности, какимъ бы умомъ и талантами они ни обладали, не могутъ приводить свои мысли въ дѣло безъ участія самого общества. Дальнѣйшій прогрессъ возможенъ лишь при помощи разумно дѣятельнаго общества.

Всѣ объясненія Милля касательно вліянія свободы на развитіе разума и характера составлены весьма тщательно и полны интересныхъ примѣровъ. Но не слѣдуетъ забывать, что онъ писалъ свою книгу въ видахъ примѣненія принципа свободы лишь къ цивилизованнымъ народамъ. Съ народами варварскими законнымъ способомъ правленія Милль признаетъ деспотизмъ, если послѣдній имѣетъ цѣлью совершенствованіе народа и употребляетъ соотвѣтственныя этой цѣли средства. Что же касается до свободы, какъ принципа, она непримѣнима ни къ какому состоянію вещей, гдѣ люди еще не умѣютъ улучшаться или рѣшать свои интересы путемъ свободныхъ и на равныхъ условіяхъ основанныхъ разсужденій. Соціальная статива обуславливаетъ это состояніе, готовое къ свободѣ, тремя главными условіями: умнѣніемъ народа повиноваться правительству, умнѣніемъ его повиноваться законамъ, и умнѣніемъ сознать свое единство. Если люди приобрѣли эти три убѣжденія, то несомнѣнно, что они способны приобрести и всякія другія, касающіяся общественныхъ интересовъ. Эти три убѣжденія вполне обезпечиваютъ прочность общественнаго союза, а народъ, способный сознательно охранять свое государство, способенъ, разумѣется, къ свободѣ. Это не дикарь, который не знаетъ, что такое повиновеніе. Это не рабъ, кото-

рый умѣетъ повиноваться, но только непосредственному приказанію. Это не рабъ только-что освобожденный, который понимаетъ обязательность закона, но еще не можетъ обойтись безъ чужого руководства. Это—*свободный человекъ*, для котораго интересы правительства, закона и націи становятся интересами его самого. При достиженіи этой степени политической зрѣлости, люди становятся способными руководиться въ своихъ дѣлахъ и самоулучшеніи посредствомъ убѣжденія, и ихъ личная воля подпадаетъ подъ контроль личныхъ мнѣній и вѣрованій. А такъ какъ мнѣнія и вѣрованія пріобрѣтаютъ наивысшую достовѣрность и убѣдительность лишь при полной свободѣ выраженія, то понятно, что свобода должна стать теперь единственнымъ орудіемъ естественнаго прогресса.

Разбирая всѣ доводы въ пользу преслѣдованія мнѣній и вѣрованій, Милль приходитъ къ слѣдующимъ четыремъ заключеніямъ: «во-первыхъ, если какое-нибудь мнѣніе будетъ принуждено замолчать, это мнѣніе—почемъ мы знаемъ—можетъ быть истиннымъ. Отрицать эту возможность—значитъ присвоивать себѣ непогрѣшимость; во-вторыхъ, пусть подавленное мнѣніе будетъ заблужденіемъ, но оно можетъ содержать и весьма часто дѣйствительно содержитъ часть истины; а такъ какъ общее или преобладающее мнѣніе по всѣмъ предметамъ никогда не содержитъ всей истины, то для открытія остальной части истины остается лишь одна возможность: столкновеніе противныхъ мнѣній; въ-третьихъ, пусть даже общепринятое мнѣніе будетъ не только истиннымъ, но всею истинною; однако если оспаривать его не позволяютъ и оно дѣйствительно не подвергается сильному и ревностному оспариванію, то всѣ тѣ, кто придерживается этого мнѣнія, будутъ держаться его какъ предрасудка, мало понимая и мало сознавая его разумныя основанія. И не только это, но, въ-четвертыхъ,—смысль самого мнѣнія или вѣрованія—можетъ утратиться или ослабѣть, или лишиться своего живительнаго вліянія на характеръ и поведеніе: догматъ станетъ простою формальною вѣрою, которая не приноситъ добра, но только загромождаетъ путь и препятствуетъ развитію твердыхъ и прочувствованныхъ убѣжденій изъ разума или изъ личнаго опыта»¹⁾.

Этими четырьмя выводами Милля исчерпывается весь вопросъ о свободѣ мысли во всѣхъ ея видахъ, вмѣстѣ съ свободою печати и свободою рѣчи. Милль доказываетъ, слѣдовательно, что всѣ виды и выраженія мысли только въ такомъ случаѣ могутъ

¹⁾ On Liberty, гл. II.

удовлетворять естественному стремленію людей къ истинѣ, когда ничто не препятствуетъ ихъ обсужденію. Всѣ научныя истины, которыя однѣ могутъ считаться самыми дѣйствительными, становятся истинами лишь потому, что, несмотря на полную свободу опроверженія ихъ, онѣ остаются непоколебимыми. Но и научныя истины относительны, какъ относительно все наше знаніе. Обладая такимъ знаніемъ, люди не могутъ, слѣдовательно, считать себя непогрѣшимыми. И кто бы ни велъ преслѣдованія противъ какового либо мнѣнія или вѣрованія, никогда не можетъ утверждать, что онъ дѣлаетъ справедливое или полезное дѣло. Мнѣніе можетъ, однако, заслуживать даже законнаго преслѣдованія, если оно становится дѣйствіемъ, вреднымъ для другихъ людей, «когда обстоятельства, при которыхъ оно заявляется, такого рода, что придаютъ заявленію характеръ положительнаго подстрекательства къ какому-нибудь вредному поступку». Напримѣръ, «мнѣнія, что хлѣбные торговцы—голодоморы бѣдныхъ, или что частная собственность—кража, могутъ оставаться безъ преслѣдованія, пока они просто вращаются въ печати, но ихъ можно подвергнуть справедливому наказанію, если первое произносятся устно къ раздраженной толпѣ передъ домомъ хлѣбнаго торговца, или если второе, напечатанное въ формѣ прокламаціи, раздается по рукамъ въ той же раздраженной толпѣ»¹⁾). Настолько свобода личности должна быть ограничена, иначе она станетъ опасностью для другихъ людей. Но во всѣхъ другихъ случаяхъ, когда мнѣніе не вызываетъ непосредственнаго вреда и есть всѣ средства къ его опроверженію, его выраженіе не должно встрѣчать ни малѣйшаго стѣсненія ни со стороны правительства, ни со стороны общества, такъ какъ здѣсь рождается интересъ истины, который можетъ быть разъясненъ лишь свободою преній, а никакъ не чѣмъ-либо авторитетомъ. «Еслибы всѣ люди, кромѣ одного, были одного мнѣнія,—говоритъ Милль,—и только этотъ одинъ былъ бы противоположнаго, всѣ люди имѣли бы такъ же мало права заставить его замолчать, какъ онъ самъ, будь у него власть и желаніе, чтобы человѣчество ему не противорѣчило... Существенное зло въ запрещеніи выраженія мнѣній состоитъ въ томъ, что такое запрещеніе есть обкрадываніе (robbing) человѣческаго рода: всѣхъ будущихъ поколѣній вмѣстѣ съ настоящимъ—и тѣхъ, кто несогласенъ съ мнѣніемъ, и еще болѣе тѣхъ, которые держатся его. Если мнѣніе справедливо, всѣхъ лишаютъ благопріятнаго обстоятельства для промѣны заблужденій на истину; если оно ложно,

¹⁾ On Liberty, гл. III.

всѣ теряютъ возможность пріобрѣсть—что тоже весьма важно—болѣе ясное пониманіе и болѣе живое впечатлѣніе истины, извлекаемыя изъ ея борьбы съ заблужденіемъ ¹⁾).

Противъ аргумента непогрѣшимости обыкновенно возражаютъ, что власть своимъ запрещеніемъ распространенія какого-нибудь заблужденія принимаетъ на себя лишь такую непогрѣшимость, какая признается за всѣми людьми во всѣхъ другихъ вещахъ, въ которыхъ они дѣйствуютъ на основаніи своего собственнаго сужденія и отвѣтственности. Сужденіе дано людямъ, чтобы они пользовались имъ, и если они пользуются ошибочно, то неужели по этому одному имъ слѣдуетъ сказать, чтобы они совсѣмъ отказались отъ собственнаго сужденія. Запрещать то, что власть считаетъ вреднымъ, еще не значить что власть заявляетъ тѣмъ себя внѣ всякаго заблужденія; она просто исполняетъ тѣмъ свой долгъ, хотя бы небезошибочный,—долгъ поступать по собственному чистосердечному убѣжденію. Еслибы мы не стали дѣйствовать согласно съ нашими мнѣніями оттого только, что эти мнѣнія могутъ оказаться ложными, то намъ пришлось бы покинуть наши интересы на произволъ судьбы, и не исполнять нашихъ обязанностей... Правительства и люди, правда, ошибались, но они ошибались и во всѣхъ другихъ дѣлахъ. Какъ бы то ни было, они должны дѣйствовать согласно съ своими способностями. Безусловной достовѣрности нѣтъ ни у кого, но есть все-таки достаточная увѣренность для всѣхъ цѣлей человѣческой жизни. Власть можетъ и должна потому признавать свое мнѣніе истиннымъ для управленія своимъ собственнымъ поведеніемъ, и власть только *это* признаетъ за собою, когда запрещаетъ другимъ людямъ развращать общество распространеніемъ мнѣній, которыя она считаетъ ложными и вредными.

Нѣтъ, отвѣчаетъ Милль, тутъ признается гораздо больше. Есть большая разница между признаніемъ мнѣнія истиннымъ, потому что оно не опровергнуто при полной возможности его оспариванія, и признаніемъ мнѣнія истиннымъ съ единственною цѣлью запретить всякое опроверженіе его. Полная свобода оспариванія и опроверженія нашего мнѣнія есть именно то условіе, которое даетъ намъ право признать мнѣніе истиннымъ для нашихъ цѣлей, и никакія другія основанія не дадутъ существу съ человѣческими способностями никакой разумной увѣренности въ томъ, что онъ правъ. Можно говорить о свойствѣ человѣческой природы ошибаться, и объ ея правѣ дѣйствовать согласно съ своими сужденіями, однако не слѣдуетъ забывать, что человѣческой при-

¹⁾ On Liberty, гл. II.

родъ свойственно также исправлять свои заблужденія. Но исправлять свои заблужденія можно не иначе, какъ путемъ *разсужденій* и опытомъ, а не однимъ опытомъ. Разсужденія необходимы для объясненія опыта. Вредныя мнѣнія и поступки постепенно покоряются факту и доказательству; но факты и доказательства, чтобы оказать свое вліяніе на умъ, должны быть представлены на общее сужденіе. Итакъ, вся сила и достоинство человѣческаго сужденія, основанна на томъ одномъ свойствѣ, что сужденіе изъ ложнаго можетъ стать истиннымъ, заслуживаютъ довѣрія только въ томъ случаѣ, когда постоянно открытъ доступъ къ средству исправлять его. Каждый человѣкъ, желающій придать своему сужденію серьезную достовѣрность, не долженъ опасаться критики его мнѣній и поведенія. Напротивъ, только посредствомъ внимательнаго изученія этой критики человѣкъ становится разумнымъ, да иначе человѣческій умъ и не можетъ приобрѣтать мудрости. Постоянная привычка исправлять и дополнять свое собственное мнѣніе путемъ сравненія съ другими, нисколько не возбуждая какихъ-либо колебаній относительно примѣненія его къ практикѣ, составляетъ, напротивъ, единственную прочную основу для справедливаго довѣрія человѣка къ своему собственному мнѣнію. Зная все, что можетъ быть сказано противъ него и принявъ всѣ предосторожности противъ всѣхъ противниковъ; зная также, что онъ самъ искалъ возраженій и нападеній, нисколько не избѣгая ихъ, и не препятствовалъ свѣту падать на его предметъ, откуда бы свѣтъ ни исходилъ,—человѣкъ вправѣ считать свое сужденіе лучшимъ въ сравненіи съ мнѣніями кого бы то ни было, даже цѣлой толпы, если эти мнѣнія не подвергались такому же критическому процессу. Сами научныя истины не могли бы возбуждать къ себѣ полнаго довѣрія, еслибы онѣ не были открыты возраженіямъ и опроверженіямъ всего міра. И эти истины могутъ измѣняться, но онѣ во всякомъ случаѣ лучшее приближеніе къ истинѣ, какое только возможно въ наше время. Вотъ та степень достовѣрности, до которой можетъ достигать существо не непогрѣшимое, и это единственный путь къ ея достиженію.

Оттого, что масса людей не понимала столь простой истины въ дѣлѣ развитія человѣческой мысли, преслѣдованіе мнѣній и вѣрованій наносило постоянно, съ самыхъ древнихъ временъ и до настоящаго времени, даже въ самыхъ цивилизованныхъ странахъ, множество несправедливыхъ и тяжелыхъ гоненій. Эти гоненія могутъ подвергать наилучшихъ людей самымъ жестокимъ истязаніямъ, иногда изъ-за вопросовъ самой высокой важности. Милль для своихъ поясненій избралъ сферу мнѣній касательно

вѣры въ Бога и въ будущую жизнь. Такъ, Сократъ, одинъ изъ величайшихъ философовъ древности, былъ казненъ смертію, по судебному приговору своихъ соотечественниковъ, за нечестіе и безнравственность, а его нечестіе заключалось въ томъ, что онъ отвергалъ боговъ, установленныхъ государствомъ. Такъ, даже Иисусъ Христосъ былъ казненъ позорною смертію за то, что его проповѣдь новой морали признали за богохульство. И вотъ что замѣчательно: люди, осудившіе Христа, были не злые люди, во всякомъ случаѣ не хуже своихъ современниковъ, но только ослѣпленные въ болѣе полной мѣрѣ религіознымъ, нравственнымъ и патриотическимъ фанатизмомъ своего времени и народа. Съ другой стороны, мы встрѣчаемъ въ числѣ преслѣдователей христіанства Марка-Аврелія, наилучшаго и самаго просвѣщеннаго императора всего цивилизованнаго міра той эпохи. Въ продолженіи всей своей жизни онъ отличался самою чистою справедливостію, и, хотя воспитывался въ правилахъ стоической философіи, обладалъ нѣжнѣйшимъ сердцемъ. Онъ самъ писалъ превосходныя сочиненія о нравственныхъ предметахъ, и его мысли мало чѣмъ отличаются отъ наиболѣе характеристическихъ ученій христіанства. Признай самъ Маркъ-Аврелій христіанство религіей имперіи, и христіанство приняло бы болѣе мирное развитіе, что, разумѣется, повліяло бы на весь его характеръ, и это можетъ быть избавило бы міръ отъ всевозможныхъ религіозныхъ распрей, которыми столь изобилуетъ даже современное общество. Но, къ несчастію, Марку-Аврелію тогдашняя проповѣдь христіанства показалась вредною. И вотъ, желая спасти свой народъ и народныя вѣрованія отъ будто-бы разрушающаго дѣйствія христіанской проповѣди, онъ сталъ преслѣвателемъ новой религіи.

Всѣ эти факты ясно показываютъ, что ни знанія, ни патриотизмъ, ни добросовѣстность, ни умъ, ни нѣжное сердце не могутъ сдѣлать преслѣдованіе мнѣній дѣломъ справедливымъ и полезнымъ.

Но, возражаютъ сторонники преслѣдованія, преслѣдованіе—это испытаніе, чрезъ которое должна проходить всякая истина; законныя кары не убиваютъ истины, но могутъ оказывать благотворное дѣйствіе на вредныя заблужденія. Однако въ дѣйствительности происходитъ совсѣмъ наоборотъ. Реформація, напримѣръ, проявлялась разъ двадцать раньше Лютера, и всякій разъ была подавлена. Преслѣдованіе, напротивъ, всегда достигаетъ своей цѣли, пока защитники новаго мнѣнія не сплочены въ сильную партію. Это любимая мечта праздной фантазіи, говоритъ Милль, будто истина, просто какъ истина, имѣетъ какую-то врожден-

ную силу, которой нѣтъ у заблужденія, и которая всегда возьметъ верхъ надъ пытками и востромъ. Люди вовсе не такъ усердны въ дѣлахъ истины, какъ часто бывають въ дѣлахъ заблужденія, и нѣкотораго примѣненія законной или даже общественной кары бываетъ достаточно для прекращенія распространенія какъ заблужденій, такъ и истины. Единственное преимущество истины состоитъ лишь въ томъ, что будучи разрушена однажды, дважды, много разъ, она все-таки можетъ проявиться еще разъ, когда обстоятельства окажутся наконецъ столь благопріятными, что всякое преслѣдованіе ея станетъ совершенно бесполезнымъ и слабымъ. Но все же и истина возьметъ верхъ лишь послѣ того, какъ преслѣдованіе истребитъ множество лучшихъ и святыхъ людей, какъ то случилось, на примѣръ, съ христіанствомъ, понесшимъ безчисленныя жертвы, и истребитъ совершенно бесполезно, вмѣсто того чтобы дать истинѣ укорениться среди людей путемъ открытаго взаимнаго обсужденія, которое совершенно безвредно для всѣхъ. Мало того, преслѣдованіе не только непосредственно уничтожить массу великихъ умовъ и благородныхъ характеровъ и задержать развитіе многихъ истинъ на цѣлыя вѣка, но еще произведетъ подавляющее вліяніе на все общество, и особенно на всѣ робкіе характеры, хотя и одаренные многообъщующимъ умомъ. Эти люди, способные, быть можетъ, дать рядъ смѣлыхъ, энергическихъ и полезныхъ мыслей, страшась преслѣдованія за свое критическое отношеніе къ обыденной и условной нравственности, проводятъ иногда цѣлую жизнь въ софистичѣ съ своимъ собственнымъ умомъ, чтобы онъ не противорѣчилъ ходячей морали. Другіе вовсе отказываются отъ обсужденія многихъ вопросовъ науки и жизни, и такимъ образомъ суживаютъ свои мысли и пылкость на предметахъ пустыхъ и второстепенныхъ. Еще другіе совершенно отворачиваются отъ борьбы мнѣній, и таятъ свои мнѣнія въ своей груди.

Затѣмъ Милль беретъ другую сторону вопроса: вліяніе преслѣдованія на тѣ самыя мнѣнія и вѣрованія, которыя оно беретъ подъ свою защиту, какъ мнѣнія и вѣрованія исполнѣ истинныя.

Когда какое-нибудь мнѣніе охраняется отъ общей критики путемъ преслѣдованія всякихъ возраженій, то распространеніе его все-таки не можетъ совершаться иначе, какъ опроверженіемъ противныхъ мнѣній. Сторонники преслѣдованія полагають обыкновенно въ такихъ случаяхъ, что для распространенія ихъ собственнаго вѣрованія достаточно, чтобы оно одно господствовало въ странѣ, и чтобы его приверженцы имѣли полную свободу доказывать правдивость своего ученія. Для торжества своего вѣро-

ванія они готовы довольствоваться простымъ согласіемъ всякаго признать ихъ ученіе истиннымъ, хотя бы соглашающийся самъ не зналъ ни основъ вѣрованія, ни возраженій противниковъ, и по секрету не вѣрилъ бы ни во что. Но если масса вѣрующихъ будетъ состоять вся изъ такихъ людей, которые признаютъ истину, не понимая ее, то есть опасность, что все вѣрованіе превратится изъ истины въ суевѣріе. Во избѣжаніе такой несостоятельности придумывается разграниченіе общества на учителей и учениковъ, изъ которыхъ первымъ позволяется изучать всѣ стороны вопроса, а послѣднимъ только то, что сообщать имъ учителя. Такія основанія, напимѣръ, приняты въ римско-католической церкви, которая позволяетъ читать еретическія книги только духовенству, а затѣмъ уже все образованіе страны должно оставаться въ рукахъ духовенства. Путемъ подобной организаціи достигается лишь то, что страна въ умственномъ отношеніи распадается на нѣсколько слоевъ: тутъ передъ вами, съ одной стороны, народная масса или общество: — его учатъ какимъ-то истинамъ, которыя оно должны принимать на вѣру; съ другой стороны — привилегированное сословіе, которое все дисциплинировано на поддержку пущенныхъ въ ходъ истинъ, и потому наученное всѣмъ возраженіямъ противъ этихъ истинъ.

Еслибы такое обученіе истинамъ предлагали только въ математическихъ наукахъ, гдѣ всѣ доводы держатся одной стороны, то спорить было бы не о чемъ. Но это предлагается именно въ тѣхъ самыхъ вопросахъ, въ которыхъ истина можетъ быть приблизительно опредѣлена лишь путемъ самой тщательной критики: въ вопросахъ религіи, нравственности, политики, общественныхъ отношеній и практической жизни, гдѣ три-четверти доводовъ въ пользу каждаго оспариваемаго мнѣнія состоятъ лишь въ возраженіяхъ противъ противоположнаго мнѣнія. Въ этихъ вопросахъ истина можетъ опредѣляться не иначе какъ путемъ борьбы противоположныхъ мнѣній. Всѣ, кто изучалъ знаменитаго оратора Цицерона, должны были бы знать, что для опредѣленія истины въ какомъ-либо политическомъ или юридическомъ дѣлѣ онъ находилъ нужнымъ изучать доводы противника съ большимъ прилежаніемъ и вниманіемъ, чѣмъ доводы своей собственной стороны, и что эти доводы онъ совѣтовалъ изучать по подлинникамъ, а не изъ вторыхъ рукъ какаго-нибудь противника. Чтобы изучать чьи-либо мнѣнія вообще, нужно ставить себя въ умственное состояніе тѣхъ, кого изучаешь. Этотъ приемъ столь важенъ въ опредѣленіяхъ истины, что если противниковъ изучаемаго мнѣнія вовсе не существуетъ, то слѣдуетъ выдумать ихъ и снабдить ихъ самими

сильными доводами. При такомъ способѣ опредѣленія истины, она приобретаетъ прочное существованіе въ умахъ людей и благотворно дѣйствуетъ на развитіе энергіи въ человѣческой дѣятельности.

Совсѣмъ другое вліяніе на энергію и умъ производить тѣ истины, которыя охраняются путемъ ограниченія изслѣдованій. Сторонники подобной истины, разумѣется, полагаютъ, что если ихъ политика производитъ вредное вліяніе на умственное развитіе страны, за то нравственное вліяніе защищаемого ими ученія усилится и дастъ имъ желаемые результаты. Однако, въ дѣйствительности, какъ показываютъ несомнѣнные историческіе факты, нравственная сила покровительствуемой истины совершенно падаетъ. Люди, при отсутствіи обсуждения установленной истины, не только забываютъ ея основныя положенія, но нерѣдко даже самую сущность. Слова, напоминающія о ней, перестаютъ возбуждать мысли, или внушаютъ только небольшую часть тѣхъ мыслей, которыя они возбуждали во времена первоначальнаго признанія истины. Въмѣсто того яснаго представленія и живой вѣры, теперь, при системѣ ограниченія, осталось только нѣсколько фразъ, заученныхъ наизусть; и если даже осталось больше, то лишь скорлупа и шелуха первоначальнаго смысла, а вся тонкая сущность утеряна. Такъ случилось почти со всѣми нравственными ученіями и религіозными вѣрованіями, а также съ разными традиціонными предписаніями. Сначала, когда такія ученія, вѣрованія и предписанія провозглашаются и распространяются самими творцами и первыми учениками ихъ, въ умахъ этихъ людей все возбуждено главною сущностью того, что они проповѣдуютъ, и которая даетъ имъ непоколебимую энергію и восторженность для распространенія своей истины на весь міръ. И имъ дѣйствительно удается увлечь за собою народную массу или цѣлое общество. Но разъ такое восторженное ученіе станетъ общественнымъ мнѣніемъ или установленною вѣрою страны, то-есть такою *истиною*, которая поддерживается или распространяется путемъ не живой вѣры, а суроваго преслѣдованія; разъ приметъ она форму религіи не личнаго убѣжденія, а наслѣдственной передачи; разъ почувствуетъ она себя совершенно упроченною, и что ей не нужно защищать справедливосжъ своей проповѣди,—съ этихъ поръ начинается ея паденіе, которое доходитъ наконецъ до того, что и ученіе, отличавшееся когда-то удивительно привлекательными качествами и увлекавшее массы народа къ самопожертвованію и великимъ подвигамъ, обращается лишь въ массу обрядовъ, не имѣющихъ никакой связи съ живыми струнами человѣческой

жизни. «Тогда-то,—говорить Милль,—мы видимъ случаи, столь частые въ нашемъ вѣѣ, въ которыхъ вѣра становится какъ бы внѣшнею къ человѣческому духу, когда она кристаллизуется и окаменѣваетъ его противъ всѣхъ вліяній, развивающихъ высшія свойства нашей природы,—когда она проявляетъ свою силу нетерпимостью ко всякому свѣзему и живому убѣжденію, и въ то же время сама ничего не приноситъ ни уму, ни сердцу, а только стережетъ, чтобы они оставались пустыми».

Въ доказательство вѣрности своего мнѣнія Милль приводитъ нынѣшнее состояніе католичества въ сравненіи съ христіанствомъ первыхъ вѣковъ. Нравственные правила самого Христа не исполняются теперь даже однимъ изъ тысячи христіанъ. «Всѣ христіане вѣрують, что блаженны нищіе, униженные и оскорбленные; что легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чѣмъ богачу человѣку войти въ царствіе небесное; что они не должны судить, чтобы не быть судимыми; что они не должны клясться; что они должны любить своего ближняго какъ самихъ себя; что если кто-нибудь возьметъ у нихъ тулупъ, то онъ долженъ отдать ему и свой кафтанъ; что они не должны думать о завтрашнемъ днѣ; что если они хотятъ достигнуть совершенства, то должны продать все, что имѣють, и роздать бѣднымъ». Ни одинъ христіанинъ не отвѣтаетъ отъ этихъ правилъ; онъ вѣритъ въ нихъ, какъ вѣритъ во все, что хвалятъ и о чемъ онъ самъ никогда не разсуждалъ. Но если кто-нибудь скажетъ ему, что эти правила для своего исполненія требуютъ массы вещей, о которыхъ христіанинъ никогда и не думалъ, то онъ сочтетъ васъ за страшнаго человѣка, хотя несомнѣнно, что для первыхъ христіанъ всѣ эти правила были главною причиною ихъ удивительнаго воодушевленія. Сами враги ихъ говорили: «Смотри, какъ эти христіане любятъ другъ друга». А о нынѣшнихъ христіанахъ,—прибавляетъ Милль,—«этого никто не скажетъ». Тогда эти правила были силою въ умахъ проповѣдниковъ; теперь ихъ звуки возбуждаютъ лишь привычное уваженіе, но никакого чувства къ вещамъ, которыя вызываются этими звуками. О своемъ личномъ поведеніи нынѣшніе католики не умѣють судить, и чуть что случилось, обращаются къ патеру, чтобы тотъ посовѣтовалъ согласно съ правилами Христа. Только такимъ апатичнымъ отношеніемъ къ дѣйствительному ученію Христа и можно объяснить себѣ, что въ продолженіи восемнадцати вѣковъ христіанство едѣлао относительно весьма слабыя успѣхи; и теперь еще оно ограничивается лишь одними европейцами и потомками европей-

цевъ. «Враговъ нѣтъ въ полѣ, и вотъ учителя и ученики за-
снули на своемъ посту»... ¹⁾).

Миллевскій разборъ вопроса о свободѣ мысли во всѣхъ ея видахъ приходитъ къ тому заключенію, что ограниченіе мнѣній, является ли оно ради защиты какой-нибудь старой истины, или съ цѣлью задушить въ самомъ корнѣ какое-нибудь новое ученіе—во всякомъ случаѣ дѣйствуетъ вредно на развитіе всѣхъ важнѣйшихъ интересовъ человѣчества; оно наноситъ множество напрасныхъ страданій, усиливаетъ вражду между разными слоями общества, и вообще замедляетъ прогрессъ, то-есть улучшение самого человѣчества.

Милль вѣритъ, что настанетъ когда-нибудь такая пора умственного прогресса, когда люди будутъ смотрѣть на вещи рѣшительно со всѣхъ сторонъ, а не съ одной только стороны. Но до тѣхъ поръ, пока люди будутъ оставаться односторонними, разнообразіе мнѣній вещь весьма полезная. Въ нашъ вѣкъ цивилизаціи, истина, въ крупныхъ практическихъ дѣлахъ жизни, является вопросомъ примиренія и соединенія противоположностей лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, такъ какъ у насъ пока мало умовъ, достаточно способныхъ и безпристрастныхъ для соблюденія приблизительной правильности въ дѣлѣ примиренія, которое поэтому достигается лишь грубымъ путемъ борьбы между сражающимися подъ враждебными знаменами. Такихъ мнѣній, казущихся непримиримыми, стало теперь очень много,—это полу-истины, враждующія между собою, но способныя къ обращенію въ одну полную истину, стѣбитъ только людямъ взглянуть на свои партійные интересы съ точки зрѣнія общей пользы. Возьмите, на примѣръ, двѣ политическія партіи, существующія во всѣхъ нынѣшнихъ цивилизованныхъ странахъ. Одна держится «порядка», другая—«прогресса», а говоря научнымъ языкомъ, это будутъ партіи «статики» и «динамики» человеческого общества; но такъ какъ жизнь всѣхъ цивилизованныхъ обществъ требуетъ и того и другого всегда вмѣстѣ, то ясно, что эти обѣ партіи—партіи одностороннія, требующія для самихъ себя исключительно совершенно невозможныхъ вещей, ибо въ томъ государствѣ, гдѣ установленъ прочный «порядокъ», тамъ неизбѣженъ и прогрессъ, а гдѣ происходитъ дѣйствительный «прогрессъ», тамъ непремѣнно существуетъ и «порядокъ». Въ дѣйствительности, слѣдовательно, обѣ партіи стремятся къ одному и тому же—къ прогрессу, и если они часто спорятъ между собою и даже всту-

¹⁾ Сравн. On Liberty, гл. III.

паютъ въ жестокія схватки, то единственно по недостатку распространенія серьезнаго политическаго знанія, доказывающаго самымъ убѣдительнымъ образомъ, что ни порядокъ, ни прогрессъ другъ безъ друга существовать не могутъ, ибо какъ порядокъ, враждебный прогрессу, такъ и прогрессъ, враждебный порядку, суть не что иное, какъ анархія. Такое же отношеніе мы найдемъ между массою другихъ полу-истинъ, напримѣръ: между демократіей и аристократіей, между собственностью и равенствомъ, между коопераціей и соперничествомъ, между роскошью и воздержаніемъ, между общественностью и личностью, между свободою и дисциплиною, и т. д. Соглашеніе и примиреніе всѣхъ этихъ партійныхъ интересовъ можетъ произойти только при полной свободѣ выраженія и при защитѣ каждой изъ нихъ равнымъ талантомъ, и съ равною энергіею. Всякое постороннее и авторитетное вмѣшательство въ подобныя споры только усиливаетъ партійный задоръ и партійную неосмотрительность, которые вызываютъ иногда весьма печальныя катастрофы и сильно вредятъ интересамъ умственнаго и политическаго развитія всей страны.

По мнѣнію Милля, для нашего періода цивилизаціи не менѣе важно большое разнообразіе въ способахъ, образахъ и планахъ жизни, такъ чтобы разнообразныя характеры имѣли полную возможность развиваться не во вредъ другимъ, и чтобы достоинство различныхъ способовъ жизни подвергалось практическому испытанію всякій разъ, когда кто-нибудь найдетъ подобный опытъ нужнымъ. Теперь желательно, однимъ словомъ, чтобы въ вещахъ, которыя не касаются непосредственно другихъ людей, личность могла заявлять себя какъ ей угодно. Личная жизнь въ нынѣшней цивилизаціи столь сильно запутана и стѣснена преданіями и обычаями общества, что проявляется не иначе, какъ съ опасностью подвергнуться разнымъ обидамъ и оскорбленіямъ. Главнаго элемента личнаго счастья—свободы своихъ только въ собственной личности относящихся дѣйствій, которая вмѣстѣ съ тѣмъ составляетъ главный элементъ личнаго и общественнаго прогресса—этой свободы почти вовсе не существуетъ. Люди не знаютъ даже, зачѣмъ они живутъ. Вмѣсто того, чтобы искать въ себѣ силы и способностей для дѣятельности въ пользу общаго счастья, всѣ слои общества, начиная съ высшихъ сословій и кончая самыми низшими, живутъ точно подъ чьимъ-то невидимымъ надзоромъ; почти никто не спрашиваетъ себя, что для него лучше, что болѣе соотвѣтствуетъ его характеру и расположенію, и что могло бы оказывать самое сильное вліяніе на развитіе въ немъ всего хорошаго и высокаго. Главныя вопросы, занимающіе нынѣшнихъ людей, это—«живу ли я

согласно съ моимъ положеніемъ», то-есть съ моимъ денежнымъ достаткомъ или съ моимъ званіемъ, и «какъ живутъ люди по-выше меня?» Личной жизни, личнаго предпочтенія они не понимаютъ. Обычаи и преданія—*все* для нихъ. Они любятъ и ненавидятъ непремѣнно массою; они позволяютъ себѣ свободный выборъ лишь между дѣлами и поступками, совершенно обыкновенными; въ нихъ незамѣтно ни разнообразія вкусовъ, ни особенныхъ наклонностей; въ концѣ-концовъ они лишаются всякихъ сильныхъ желаній или врожденныхъ наслажденій, и наконецъ не имѣютъ ни мнѣній, ни пристрастій относительно развитія своей страны или даже собственного своего дома. Вообще говоря, общественное мнѣніе почти не признаетъ особенной важности въ личной самостоятельности и не можетъ понять, почему ея образъ жизни не удовлетворяетъ всѣхъ. Этого мало, полная личная самостоятельность встрѣчаетъ сопротивленіе даже со стороны большинства нравственныхъ и общественныхъ нововводителей, которые опасаются, что свободная личность можетъ возставать противъ придумываемыхъ ими реформъ.

Между тѣмъ, наука уже успѣла опредѣлить, къ чему слѣдуетъ стремиться человѣку. Первые мысли о саморазвитіи или самосовершенствованіи человѣка были высказаны Песталоцци; затѣмъ Гёте много говорилъ о правѣ и обязанности человѣка совершенствоваться, но самую важную лепту въ этотъ вопросъ внесъ лѣтъ двадцать тому назадъ нѣмецкій баронъ Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ своимъ сочиненіемъ: «Сфера и обязанности правительства», въ которомъ онъ говоритъ, что «великимъ руководящимъ принципомъ политики должна быть признана безусловная и существенная важность человѣческаго развитія въ его всевозможномъ разнообразіи». Милль принимаетъ въ свое ученіе Гумбольдтовское опредѣленіе цѣли человѣческой жизни. Эта цѣль есть «высшее и самое гармоничное развитіе человѣческихъ силъ въ полное и самостоятельное цѣлое». Всѣ люди, которые намѣреваются вліять на своихъ ближнихъ, не должны, поэтому, никогда упускать изъ виду, что предметомъ ихъ усилій должна быть «индивидуальность силы и развитія», которая приобрѣтается лишь «свободою и разнообразіемъ положеній», изъ соединенія которыхъ возникаютъ «индивидуальная энергія и многочисленное разнообразіе», соединяющіяся въ оригинальность.

Итакъ, стремленіе къ оригинальности — вотъ цѣль человѣческаго развитія и самосовершенствованія. Но отсюда не слѣдуетъ, чтобы человѣкъ совершенно пренебрегалъ опытомъ и обычаями прѣжнихъ людей, — напротивъ, пусть онъ приметъ ихъ, но съ

собственнымъ объясненіемъ ихъ значенія. Такой приѣмъ требуетъ, чтобы человѣкъ пустилъ въ дѣло свои умственныя и нравственныя способности, а всякое потребленіе этихъ способностей улучшаетъ ихъ, подобно тому, какъ отъ употребленія улучшаются мышцы. Прискивая себѣ образъ жизни, человѣку приходится пустить въ работу всѣ свои способности; ему нужно тогда наблюденіе, чтобы видѣть, заключеніе и сужденіе, чтобы предвидѣть, дѣятельность, чтобы собрать матеріалы для рѣшенія, критику, чтобы рѣшить, и когда онъ рѣшилъ, твердость и надзоръ за собою, чтобы исполнить свое добровольное рѣшеніе. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ принимаетъ способъ жизни, принятый въ обществѣ, ему не нужно утруждать никакихъ способностей, за исключеніемъ обезьянскою подражательности. Можетъ, разумѣется, случиться, что общество дастъ ему хорошій образъ жизни, но это не придастъ самой личности никакого достоинства. Изъ всѣхъ дѣлъ человѣка, совершенствованіемъ и украшеніемъ которыхъ занимается человѣкъ, самое важное — онъ самъ. Человѣческая природа не машина, устраиваемая по модели и предназначенная для извѣстныхъ работъ, но дерево, которое стремится расти и развиваться во всѣ стороны согласно съ стремленіемъ внутреннихъ силъ, дающихъ ему жизнь. Въ человѣкѣ нужно, слѣдовательно, воспитывать не самостоятельный разумъ только, но также самостоятельныя желанія и порывы, которые столь же необходимы дѣльному человѣку, какъ вѣрованія и сдержанность. Сильныя желанія и порывы указываютъ на хорошій сырой матеріалъ въ человѣкѣ, способный и на большое добро, и на большое зло; сильные порывы—это энергія, но изъ энергической природы можно во всякомъ случаѣ приобрѣсть больше добра, чѣмъ изъ безпечной и нечувствительной. У кого естественнаго чувства много, у того и воспитанныя будутъ сильнѣе. Сильная чувствительность, дающая живучесть и силу личнымъ порывамъ, составляетъ источникъ самой страстной любви къ добродѣтели и самаго строгаго надзора за собою. Развѣтѣмъ этихъ свойствъ человѣка общество исполняетъ свой долгъ и охраняетъ свои интересы, такъ какъ только самостоятельные люди способны стать героями; только они обладаютъ тѣми естественными свойствами, которыя, при помощи образованія, даютъ человѣку характеръ. У тѣхъ же людей, у которыхъ желанія и порывъ не свои собственные, не можетъ быть и характера; у другихъ же, у которыхъ есть собственные порывы и притомъ сильные, можетъ развиться энергическій характеръ. Чѣмъ болѣе въ обществѣ людей послѣдняго характера, тѣмъ оно сильнѣе и дѣятельнѣе. Съ другой стороны, пропорціо-

нально развитію своей личности каждый человекъ становится болѣе цѣннымъ для самого себя, а слѣдовательно и болѣе способнымъ приносить пользу другимъ. Правда, что нельзя при этомъ обойтись безъ прибавки давленія, необходимой для предупрежденія сильныхъ натуръ отъ нарушенія чужихъ правъ, но такая прибавка вполне вознаграждается съ точки зрѣнія человѣческаго развитія. Средства къ развитію, которыя личность теряетъ отъ недопущенія удовлетворить свои наклонности во вредъ другимъ, приобрѣтаются главнымъ образомъ насчетъ развитія другихъ. Даже для самой себя стѣсненная личность приобрѣтаетъ полное удовлетвореніе въ лучшемъ развитіи общественной стороны своей натуры, что становится возможнымъ при стѣсненія ея эгоистической стороны. Повиновеніе строгимъ правиламъ справедливости, ради безопасности другихъ, развиваетъ чувства и способности, имѣющія цѣлью благополучіе другихъ. Но стѣсненіе въ вещахъ, не касающихся этого благополучія, а только вслѣдствіе чужого неудовольствія, не развиваетъ ничего важнаго, за исключеніемъ той силы характера, которая можетъ быть вызвана вслѣдствіе сопротивленія стѣсненію. Чтобы оказать справедливость всѣмъ натурамъ, необходимо дозволить разнымъ лицамъ вести разные образы жизни. И только этимъ путемъ сильныя личности приобрѣтутъ полную возможность становиться оригинальными или гениями, которые всегда нужны для открытія новыхъ истинъ, для введенія новыхъ практическихъ приложений, для служенія примѣромъ болѣе просвѣщеннаго поведенія, лучшаго вкуса и болѣе здраваго смысла въ человѣческой жизни, для постоянного напоминанія среднему человеку о томъ, что починъ во всѣхъ мудрыхъ и благородныхъ вещахъ исходить и долженъ исходить отъ отдѣльныхъ личностей, обыкновенно же сперва отъ одной только личности. Съ другой стороны, сама сильная личность можетъ требовать для себя лишь свободы указывать путь, но нигде не власти надъ всѣми остальными. Теперь важно то, чтобы, при господствующей власти общественнаго мнѣнія среднихъ людей, противовѣсомъ ей становилась все болѣе и болѣе выдающаяся индивидуальность тѣхъ, кто занимаетъ высшіе посты мысли. Нужно, сверхъ того, чтобы эти исключительныя личности поощрялись къ дѣйствіямъ, отличнымъ отъ требуемыхъ массою. Такъ какъ тираннія мнѣнія старается обратить эксцентричность въ укоръ, то, чтобы сломать эту тираннію, люди должны становиться эксцентричными. Эксцентричность всегда изобиловала тамъ, гдѣ было обиліе сильныхъ характеровъ; количество ея въ странѣ зависитъ обыкновенно пропорціонально количеству ге-

ной энергiи и нравственнаго мужества. Не даромъ въ Англіи такъ много эксцентричныхъ людей: это—результатъ привольнаго развитія личности въ этой странѣ.

Развитіе оригинальности въ современномъ обществѣ зависитъ, какъ мы видѣли, отъ независимости личной дѣятельности, отъ личнаго распоряженія своимъ образомъ жизни, отъ пренебреженія устарѣлыми обычаями. Жизнь идетъ всего лучше и приноситъ наибольшую сумму развитія и счастья, когда разные люди имѣютъ возможность находить въ обществѣ разные условія для своего духовнаго развитія. Люди не могутъ одинаково хорошо развиваться въ одной и той же нравственной атмосферѣ. Однѣ и тѣ же вещи, способствующія одному человѣку совершенствоваться высшія качества своей природы, препятствуютъ въ томъ же самомъ другому. Одинъ и тотъ же образъ жизни въ одномъ человѣкѣ поддерживаетъ въ превосходномъ состояніи всѣ его способности къ дѣятельности и наслажденію, а другому становится тяжелымъ бременемъ, подавляющимъ всю его внутреннюю жизнь. Если нѣтъ свободы въ выборѣ жизни, то люди, не находя удовлетворенія естественнымъ потребностямъ своего нравственнаго существованія, чувствуютъ себя лишенными своей доли счастья, и въ нихъ не происходитъ того умственнаго, нравственнаго и эстетическаго развитія, на какое способна ихъ природа.

Воспитаніе и развитіе чувства личной независимости въ человѣкѣ способствуютъ не только счастью самой личности, но и благосостоянію всего общества. Чтобы достигать и того и другого, личная свобода должна оставаться въ извѣстныхъ предѣлахъ. Только въ тѣхъ дѣлахъ, гдѣ личная свобода не приноситъ никакого ущерба общественнымъ интересамъ, она не должна подвергаться никакимъ ограниченіямъ; тамъ же, гдѣ личная жизнь сталкивается съ общественною, общество должно строго заявлять свои права.

По правиламъ утилитарной нравственности, люди должны помогать другъ другу въ опредѣленіи хорошаго и дурнаго, въ поощреніи къ первому и въ предостереженіяхъ отъ послѣдняго. Но никто не имѣетъ права говорить другому человѣку, что онъ не долженъ поступать съ своею жизнью, ради собственнаго блага, какъ ему угодно. Личность сама интересуется своимъ собственнымъ благосостояніемъ несравненно сильнѣе всѣхъ, и знаетъ свои интересы лучше; что же касается до общества, оно интересуется лишь взаимными отношеніями отдѣльныхъ людей, но въ личные интересы оно вникаетъ лишь косвеннымъ образомъ. Чисто личные интересы должны быть, поэтому, предоставлены на произволь

самой личности. Можно поставять человѣку на видъ соображенія, помогающія его сужденію, и увѣщанія, подерѣпляющія его волю, можно надоѣдать ему этими соображеніями и увѣщаніями, но онъ все-таки самъ долженъ быть послѣднимъ судьей въ своемъ дѣлѣ. Всѣ ошибки, совершаемыя имъ въ противность чужимъ совѣтамъ и предостереженіямъ, далеко не принесутъ ему столько вреда, сколько потерпѣлъ бы онъ, еслибъ его заставили поступать такъ, какъ находятъ лучшимъ посторонніе люди. Общество можетъ заявлять свое мнѣніе о поступкахъ и интересахъ отдѣльной личности, но какъ бы ни было дурно или глупо его поведеніе, пока это поведеніе не приноситъ непосредственнаго вреда другимъ, вмѣшательство въ него было бы несправедливостью. «Мы имѣемъ право,—говоритъ Милль,—дѣйствовать согласно съ нашимъ о комъ-либо неблагопріятнымъ мнѣніемъ, но не съ цѣлью насилія надъ его личностью, а ради свободнаго проявленія нашей собственной. Мы не обязаны, напримѣръ, искать его общества; мы имѣемъ право избѣгать его (но не рисоваться этимъ правомъ надъ нимъ), ибо мы вправѣ выбирать себѣ общество, наиболѣе пріятное. Мы имѣемъ право, которое можетъ обращаться въ долгъ,—право предостереженія другихъ противъ него, если мы полагаемъ, что его примѣръ или разговоръ оказываетъ вредное вліяніе на тѣхъ, которые входятъ съ нимъ въ сношенія. Мы можемъ предпочесть ему другихъ въ предложеніи добрыхъ услугъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыя могли бы исправить его. Этими разными путями человѣкъ можетъ подвергаться сильнымъ страданіямъ за ошибки, касающіяся непосредственно его одного;—но онъ несетъ эти кары, какъ естественныя послѣдствія самихъ ошибокъ, а не потому, что онѣ нарочно наносятся ему, какъ наказаніе. Человѣкъ, который отличается безразсудствомъ, упрямствомъ, надменностью, который не можетъ жить на умѣренныя деньги, который не можетъ воздерживаться отъ вредной распущенности, который предается животнымъ наслажденіямъ насчетъ наслажденій чувства и ума, —такой человѣкъ долженъ ожидать паденія своего достоинства во мнѣніи другихъ и уменьшенія своей доли въ ихъ добромъ расположеніи. Но жаловаться на это онъ не можетъ, если не заслуживаетъ ихъ благорасположенія своимъ специальнымъ превосходствомъ въ общественныхъ отношеніяхъ, которое даетъ ему право на ихъ услуги,—право, нисколько не ослабѣвающее отъ его погрѣшностей противъ самого себя»¹⁾.

Совсѣмъ другое отношеніе принимаетъ общество къ личности,

¹⁾ On Liberty, гл. IV.

когда человекъ совершаетъ поступки, вредные другимъ людямъ. Завладѣніе чужими правами, нанесеніе урона или убытковъ другимъ, не оправдываемое собственными правами, обманъ или двоедушіе въ обращеніи съ другими, нечестное или неблагородное пользованіе своими преимуществами, наконецъ, эгоистичный отказъ отъ защиты другихъ, когда они обижены,—вотъ предметы, дѣйствительно заслуживающіе нравственнаго порицанія, а въ тяжкихъ случаяхъ даже нравственнаго возмездія и наказанія. И не только эти поступки, но само расположеніе къ нимъ тоже безнравственно и можетъ заслуживать порицаніе, которое можетъ доходить до омерзѣнія. Склонность къ свирѣпости, злость и злонамѣренность, зависть, лицемеріе и неискренность, гнѣвъ изъ-за ничтожныхъ причинъ, и месть несоизмѣрная съ вызовомъ, страсть къ власти надъ другимъ, желаніе захватить большую часть преимуществъ, гордость, удовлетворяющаяся униженіемъ другихъ, эгоизмъ, считающій себя и свои дѣла выше всего другого,—вотъ тѣ нравственные пороки, которые составляютъ дурной и ненавистный нравственный характеръ. Между ними и вышеупомянутыми чисто личными погрѣшностями существуетъ огромная разница, такъ какъ послѣднія суть выраженія не безнравственности, но слабости. Поэтому и общество относится къ тѣмъ и другимъ совершенно различно. Что касается до погрѣшностей въ чисто личныхъ, самоотносительныхъ поступкахъ, общество можетъ выражать этимъ людямъ свое неудовольствіе, можетъ сторониться ихъ, но не должно портить ихъ жизнь. «Мы должны помнить, что онъ уже несетъ или будетъ нести всю кару за свои заблужденія; если онъ портитъ свою жизнь дурнымъ управленіемъ, мы не станемъ, поэтому, желать, чтобы онъ портилъ ее до конца; вмѣсто того, чтобы навлекать на него наказаніе, мы лучше постараемся облегчить его кару, научая его избѣгать или залечивать раны, которыя наноситъ ему его поведеніе. Онъ можетъ служить намъ предметомъ сожалѣнія или, пожалуй, отвращенія, но не гнѣва или мести; мы не должны обращаться съ нимъ какъ съ врагомъ общества: самое худшее, что мы можемъ признать съ нашей стороны справедливымъ относительно его, это—предоставленіе его самому себѣ, если мы не желаемъ показать ему, что мы интересуемся и заботимся о немъ. Но если человекъ приноситъ обществу умышленный вредъ, тогда общество должно являться покровителемъ своихъ членовъ и мстителемъ, тогда оно должно наносить боль съ заявленною цѣлью наказанія, да еще позаботиться о томъ, чтобы наказаніе было достаточно жестоко. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ личность является преступникомъ

передъ судомъ, и общество не только призвано судить его,* но и исполнить надъ нимъ въ той или другой мѣрѣ свой собственный приговоръ»¹⁾).

Милль предвидѣлъ только одно возраженіе противъ своего раздѣленія человѣческихъ поступковъ на самоотносительные и общественные. Могутъ совершенно отрицать существованіе чисто личныхъ поступковъ, которые не имѣли бы никакого вліянія на остальныхъ людей. Поступки человѣка, хотя бы они приносили вредъ только самой личности, всегда оказываютъ вліяніе на участь и другихъ людей. Вредитъ ли человѣкъ своему личному благосостоянію, или своимъ тѣлеснымъ и умственнымъ способностямъ, онъ вредитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣмъ другимъ, кто съ нимъ находится въ болѣе или менѣе тѣсной связи. Этого мало, если онъ ведетъ себя глупо или дурно, онъ показываетъ дурной примѣръ другимъ. Игра, пьянство, обжорство, лѣность, нечистоплотность—все это личные пороки, которые вмѣстѣ съ тѣмъ вредны и для общества. И почему бы обществу не наложить на нихъ свою карательную руку?..

Милль допускаетъ, что всѣ эти самоотносительные пороки дѣйствительно могутъ имѣть вредное вліяніе на интересы и привязанности людей, близкихъ виновнику, и на все общество вообще. Но во всѣхъ этихъ погрѣшностяхъ дѣйствительная предосудительность поступка можетъ быть отнесена не къ этимъ именно порокамъ, а къ разнымъ обязательствамъ самой личности, не имѣющимъ прямой связи съ его чисто-личнымъ порокомъ. Пьянство, или игра, или лѣность могутъ разорить его, и вмѣстѣ съ разореніемъ онъ перестанетъ исполнять свой долгъ къ кредиторамъ или семьѣ; такъ наказывайте его за нарушеніе долга, а не за его личные пороки. Пусть общество требуетъ, чтобы исполнялись всѣ договоры и сдѣлки, совершаемые съ его собственнаго вѣдома и имъ охраняемые; но пусть также личность останется при своихъ личныхъ достоинствахъ и порокахъ. Обществу нечего имѣшивать въ личныя дѣла взрослого человѣка; общество само виновато въ томъ, что оно не научило его лучшему, когда онъ былъ ребенкомъ. Характеръ человѣка приобретаетъ свои главныя основы въ дѣтскомъ возрастѣ,—тогда же приобретаются и хорошія, и дурныя привычки; общество имѣло тогда всякую возможность не допустить развитія дурныхъ привычекъ, а если оно допустило, то пусть же и несетъ на себѣ это маленькое неудобство. Съ другой стороны, обществу слѣдуетъ также помнить о томъ,

¹⁾ On Liberty, гл. IV.

что существующее поволаѣніе людей можетъ быть лишь лучше только-что предшествовавшаго, да и то лишь немногимъ, такъ какъ обычай и обстоятельства жизни мѣняются лишь крайне медленно. Между тѣмъ, внимательство общества въ чисто-личныя дѣла можетъ доходить до тѣхъ размѣровъ, что личность лишается всякой самостоятельности, и мы получимъ Китай. Что касается до того, будто человѣкъ можетъ служить дурнымъ примѣромъ другимъ людямъ, то это возраженіе можетъ относиться лишь къ такимъ случаямъ, когда человѣкъ остается ненаказаннымъ, несмотря на то, что нанесъ вредъ другимъ. Но когда онъ наноситъ вредъ только самому себѣ, то неужели этого именно вреда недостаточно для отвращенія всякаго отъ его примѣра? Мало того, общество само можетъ имѣть разные предразсудки противъ нѣкоторыхъ личныхъ поступковъ, которые по сущности своей совершенно безвредны для всѣхъ, и дай обществу право вниматься въ домашнюю жизнь человѣка, оно обставитъ его такъ, что личности придется все дѣлать по чужимъ правиламъ, то-есть совершенно затереться. Милль представляетъ нѣсколько интересныхъ примѣровъ положительно бессмысленныхъ внимательствъ обществъ въ личную жизнь гражданъ. Бомбайскіе парсы, убѣжавъ изъ своей родины въ западную Индію, были приняты тамъ индусскими государями подъ тѣмъ условіемъ, что они не станутъ ѣсть мяса; когда затѣмъ магометане завоевали эти мѣстности, парсамъ снова позволили жить, но съ условіемъ отказаться и отъ свинины, и вотъ нынѣшніе парсы не ѣдятъ ни мяса, ни свинины, хотя ихъ собственная религія этого не запрещала. Возьмите вы прежнихъ испанцевъ и припомните изгнаніе мавровъ за то только, что они не христіанской религіи. Припомните времена Кромвеля въ Англіи и запрещеніе музыки, танцевъ, публичныхъ игръ и театра. Еще недавно, во времена реставраціи во Франціи, Поль-Луи Курье жаловался въ одномъ изъ своихъ памфлетовъ, что деревенскіе патеры запрещаютъ крестьянамъ танцовать. Въ Соединенныхъ Штатахъ, въ наше время, есть такіе демократическіе штаты, въ которыхъ общественное мнѣніе вооружено противъ всякой роскоши, такъ что человѣкъ съ большими доходами, опасаясь общественнаго негодованія, сильно затрудняется въ ихъ расходованіи;—можетъ быть, этотъ рассказъ нѣсколько преувеличенъ, но Милль полагаетъ, что онъ возможенъ именно въ Америкѣ. Есть соціалистическое ученіе, что всѣ рабочіе одного предпріятія должны получать равную заработную плату; оно производитъ сильное вліяніе на иныхъ фабрикахъ, гдѣ дурные рабочіе враждуютъ противъ хорошихъ за то, что они

получаютъ больше, и не только бранятъ ихъ, но устраиваютъ противъ нихъ свою собственную полицію и даже устрашаютъ ихъ разными способами, не удерживаясь иногда отъ преступныхъ поступковъ. «Если общество,—прибавляетъ во всёмъ этомъ примѣрамъ Милль,—дѣйствительно имѣетъ свой судъ надъ частными дѣлами, то я, право, не понимаю, почему не считать правыми всѣхъ этихъ людей». Далѣе, Милль указываетъ еще на три факта несправедливаго вмѣшательства въ дѣла частныхъ лицъ со стороны наиболѣе либеральныхъ правительствъ, именно: американскаго и англійскаго. Милль порицаетъ соблюденіе воскреснаго дня въ Англии, а также строгіе законы противъ продажи спирта, водки и вина въ нѣкоторыхъ штатахъ Америки и преслѣдованіе мормоновъ, похожее на изгнаніе мавровъ изъ Испаніи.

Имѣя передъ собою всѣ эти печальныя общественныя явленія, изъ которыхъ ясно видно, что даже въ наиболѣе цивилизованныхъ и дѣйствительно передовыхъ странахъ нашего времени принципъ свободы понимается весьма смутно и прилагается слишкомъ узко, нельзя не согласиться съ Миллемъ, что наша цивилизація, даже въ самыхъ лучшихъ своихъ представителяхъ, только что начинается.

Съ выдѣленіемъ изъ области общественнаго или государственнаго вмѣшательства всего круга нравъ, требуемыхъ принципомъ свободы, остается вся обширная область общественныхъ и политическихъ дѣлъ, изъ которыхъ нѣтъ ни одного, не подлежащаго въ той, либо другой мѣрѣ и формѣ государственному вмѣшательству. Это вмѣшательство можетъ быть совершенно полнымъ только въ двухъ формахъ политическаго устройства. Во-первыхъ, когда правительственныя учрежденія достаточно народны, такъ какъ правительственная власть въ такомъ случаѣ будетъ властью народа надъ самимъ собою. До этой высочайшей степени политическаго развитія не дошелъ ни одинъ народъ; и только мѣстное и гражданское управленіе въ Соединенныхъ Штатахъ Милль находитъ совершенствомъ. «Отнимите у нихъ правительство, — говоритъ Милль— и каждая группа американцевъ способна создать другое, такъ что всѣ отрасли государственныхъ дѣлъ будутъ совершаться и отправляться съ тѣмъ же умомъ, порядкомъ и энергіей. Вотъ чѣмъ долженъ быть каждый свободный народъ, и народъ, способный на такія вещи, не можетъ не быть свободнымъ: онъ никогда не позволитъ поработить себя ни одному лицу, ни цѣлой партіи, хотя бы они захватили въ свои руки центральную власть.

Никакая бюрократія центра не можетъ взяться за подобное дѣло, потому что она знаетъ, что этотъ народъ не станетъ дѣлать того, чего не хочетъ»¹⁾. Во-вторыхъ, правительственная власть можетъ съ большою пользою для народа вмѣшиваться во всѣ общественныя дѣла, когда народъ сильно привыкъ къ неограниченной власти. «Бываютъ такія времена и мѣста,—говоритъ Милль,—когда безъ правительственнаго вмѣшательства не могутъ быть ни дороги, ни доки, ни гавани, ни каналы, ни работа для орошенія, ни больницы, ни школы, ни университеты, ни типографскіе станки: когда народъ или слишкомъ бѣденъ, чтобы располагать необходимыми средствами къ тому, или слишкомъ мало развитъ умственно, чтобы оцѣнить назначеніе этихъ вещей, или недостаточно приученъ къ общему дѣйствованію, и потому не способенъ къ подобнымъ предпріятіямъ». При такой безпомощности народа вмѣшательство просвѣщеннаго правительства не только можетъ, но и должно пронижать всюду, если только правительство имѣетъ въ виду серьезно помочь народу въ приобрѣтеніи привычекъ самостоятельности, если оно рѣшится своимъ вмѣшательствомъ создать для народа «курсъ воспитанія въ искусствѣ совершать великія дѣла посредствомъ личной энергіи и добровольнаго соединенія людей»²⁾.

Между двумя крайними границами государственнаго вмѣшательства могутъ существовать всевозможныя колебанія соответственно умственному развитію, матеріальному благосостоянію и способности къ труду того или другого народа. Государственное вмѣшательство можетъ охватывать то большее число общественныхъ дѣлъ безъ всякаго участія со стороны общества, то меньшее. Отсюда вышло раздѣленіе правительственныхъ отправленій на *необходимыя* и *добровольныя*; подъ необходимыми считаются преимущественно тѣ, которыя требуются для храненія существенныхъ интересовъ общества, а подъ добровольными тѣ, которыя правительство можетъ принять на себя или не принять. Однако это раздѣленіе очень неопредѣленное, и никому еще до сихъ поръ не удавалось поставить дѣйствительныя границы между тѣми и другими. Такія границы можно еще опредѣлять для какой-нибудь отдѣльной страны въ данный моментъ, но такъ какъ каждая страна постоянно, хотя и медленно, мѣняется въ своемъ развитіи, въ своихъ умственныхъ и политическихъ требованіяхъ, то понятно, что сегодняшняя граница можетъ быть измѣнена уже завтра. Всѣ разсужденія, поэтому, о предѣлахъ государственнаго

¹⁾ On Liberty, гл. V.

²⁾ Principles of Political Economy, кн. V, гл. XI, § 16.

вмѣшательства въ той или другой странѣ могутъ приводить къ вѣрнѣйшему выводу путемъ лишь изученія правительства и народа отдѣльной страны, а не сравненіемъ границъ ея правительственной власти съ границами правительственной власти въ другихъ странахъ. Милль, напримѣръ, старается опредѣлить эту границу почти исключительно примѣромъ Англии, общество въ которой богато умственными и матеріальными средствами и гдѣ рабочій классъ хорошо подготовленъ къ труду. Оттого онъ приходитъ къ тому заключенію, что вмѣшательство государственной власти въ общественныя дѣла должно быть ограничено самымъ тѣснымъ кругомъ. Главнымъ, руководящимъ правиломъ опредѣленія этой границы Милль ставитъ *laissez-faire*, и не совѣтуетъ допускать государственное вмѣшательство въ какое-либо дѣло, пока защитники новаго расширенія государственной власти не докажутъ, что *laissez-faire* приноситъ одинъ только вредъ. Такимъ образомъ, добровольныя отправленія правительства ограничены у него слѣдующими предметами: воспитаніемъ, покровительствомъ надъ несовершеннолѣтними и умалишенными, обращеніемъ съ животными, договорами на вѣчность, управленіемъ черезъ повѣренныхъ, опредѣленіемъ часовъ рабочаго дня, заселеніемъ колоній, общественною благотворительностью, переселеніемъ, поддержкою ученыхъ предпріятій и экспедицій, содержаніемъ ученаго сословія и всѣми дѣлами, полезными для общихъ интересовъ человѣчества или будущихъ поколѣній, или для нынѣшнихъ интересовъ тѣхъ членовъ общества, которые нуждаются въ посторонней помощи, если предпріятіе этихъ дѣлъ не можетъ само собою вознаградить предпринимателей*.

Что касается до необходимыхъ обязанностей правительства относительно общества, Милль доказываетъ, что они обнимаютъ болѣе широкое поле, чѣмъ какое можно было бы легко вмѣстить въ ограду точнаго опредѣленія, и что едва ли можно найти для нихъ какое-нибудь общее основаніе, за исключеніемъ всеобъемлющаго основанія: всеобщей пользы. Это же основаніе, впрочемъ, необходимо и для случаевъ добровольнаго вмѣшательства.

Вотъ главнѣйшія обязанности правительства: охраненіе личности и собственности, правильное распредѣленіе налоговъ, прочное установленіе способовъ для подтвержденія правъ и удовлетворенія обидъ.

Юр. Россель. .

ВТОРАЯ ИМПЕРІЯ

ВЪ

РОМАНЪ ЭМИЛЯ ЗОЛЯ

Les Rougon-Macquart, histoire naturelle et sociale d'une famille, sous le second empire, par Emile Zola. Tome quatrième. La conquête de Plassans. Paris, 1874.

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ *).

ВЪ ПЛАССАНЬ.

Когда два года тому назадъ появился первый томъ «Исторіи одного семейства» въ эпоху второй имперіи, мы, знакомя съ его содержаніемъ, могли справедливо говорить объ авторѣ, какъ о писателѣ, который «крайне мало извѣстенъ нашей читающей публикѣ, или, лучше сказать, —совсѣмъ не извѣстенъ». Мы объясняли тогда это обстоятельство тѣмъ, что наши переводчики находили болѣе удобнымъ льстить вкусу большинства публики и подчивали ее произведеніями такихъ писателей, какъ Понсонъ-дю-Терайль, Габриѳ, Балъ, которые читались на-расхватъ, благодаря тому, что они дѣйствовали извѣстнымъ образомъ на нервы читателя. Но въ эти два года Э. Золя подвинулъ свою работу значительно впередъ и далъ такимъ образомъ возможность оцѣнить болѣе полно и непосредственно свѣжесть своего таланта, умѣнье воспроизвести художественно правду жизни, и занялъ, вслѣдствіе того, видное мѣ-

*) См. выше: 1872, іюль и августъ; 1873, іюль.

сто въ современной французской беллетристикѣ. Последнее его произведеніе было переведено и у насъ, и даже, кажется, по нѣскольку разъ.

Напомнимъ, въ чемъ собственно состоитъ общій планъ этого громаднаго галлерей-романа. «Я хотѣлъ объяснить, — говорилъ авторъ, — какимъ образомъ отдѣльное семейство, отдѣльная группа людей живутъ въ обществѣ, нарождая десять-двадцать личностей, которыя на первый взглядъ кажутся самостоятельно развившимися, но которыя въ то же время, при *аналитическомъ изслѣдованіи*, — тѣсно связаны другъ съ другомъ. Я постарался найти и прослѣдить, разрѣшая двойную задачу темпераментовъ и среды — ту тончайшую нить, которая связываетъ одного человѣка съ другими. Поймавъ всѣ нити, имѣя въ рукахъ цѣлую общественную группу, я привелъ эту группу въ дѣйствіе, какъ актера извѣстной исторической эпохи». Этотъ приемъ въ беллетристикѣ, совершенно обратный ходу исторической науки, не совсѣмъ новъ, по крайней мѣрѣ для насъ. Въ исторіи мы не видимъ судьбы отдѣльныхъ ячеекъ общества, чѣмъ служить недѣлимая семья и недѣлимый человѣкъ; ихъ судьба является подчиненною историческому ходу государственной и политической жизни: всѣ малыя, будничныя цѣли зависятъ тамъ отъ великихъ дѣлъ. Но можно задаться и обратною мыслью: повзвать, въ какой степени великія дѣла обуславливаются судьбою малыхъ дѣлъ, не обращающихъ на себя вниманія историка, какимъ образомъ въ ячейкѣ, въ исторіи отдѣльнаго семейства, отдѣльнаго даже человѣка, вовсе не историческаго, отражается общій ходъ событій. Мы вовсе не сравниваемъ такихъ талантовъ, какъ талантъ нашего извѣстнаго романиста гр. Л. Л. Толстого и Э. Золя, но намъ кажется, что они, независимо другъ отъ друга, въ этомъ отношеніи представляютъ одну общую черту: оба они задались мыслью показать намъ другую сторону исторической медали, и о тѣхъ эпохахъ, политическую исторію которыхъ мы считаемъ вполне извѣстною, рассказать намъ то, чего мы вовсе не знаемъ и о чемъ даже не думаемъ, а именно судьбу отдѣльныхъ семействъ, судьбу отдѣльнаго человѣка. Въ «Войнѣ и мирѣ» трудно даже отдѣлить исторію отъ романа; самыя имена героевъ романа весьма прозрачно покрываютъ собою живыя лица своей эпохи; въ романѣ Золя есть подобныя же отдѣльныя попытки, и также можно узнать подъ личиною повѣстческаго вымысла нѣкоторыя историческія личности.

Въ первыхъ трехъ томахъ, съ содержаніемъ которыхъ мы уже познакомили читателей, Э. Золя въ семейной исторіи Ругонъ-

Маккаровъ рисуетъ намъ типы, по которымъ можно отлично изучить то нравственное состояніе французскихъ среднихъ классовъ въ провинціи и въ самомъ Парижѣ, которымъ обусловливался успѣхъ всей системы второй имперіи. Въ новомъ продолженіи этой галлерей выступаетъ на сцену другая сила, послужившая бонапартистамъ, и которой бонапартисты сами послужили въ свою очередь. Это—ультрамонтаны, католичество, и потому главный герой четвертаго тома—аббатъ Фожя; вокругъ него группируются всѣ лица и событія. Въ романѣ этотъ типъ не имѣетъ почти себѣ равнаго во французской беллетристикѣ по художественности и законченности изображенія. Передъ нимъ блѣднѣютъ и риторическій Клодъ Фролло, и мелодраматическій іезуитъ Роденъ,—злодѣйская фигура, которою можно пугать теперь развѣ пансіонеромъ. Балзакъ весьма искусно рисовалъ картинки изъ жизни провинціального духовенства, но событія и характеры его героевъ были слишкомъ мелки; они дѣйствовали въ своемъ муравейникѣ, и ареной ихъ интригъ не была цѣлая Франція, какъ въ эпоху второй имперіи; ультрамонтаны въ романѣ Золя овладѣваютъ Плассаномъ, а чтó случилось въ Плассанѣ, то происходило тогда на всемъ пространствѣ Франціи.

Въ своей четвертой части Э. Золя является кромѣ того по преимуществу художникомъ въ новомъ смыслѣ этого слова, и потому составляетъ необыкновенное явленіе во французской литературѣ, гдѣ вообще риторика и декламация преобладаютъ даже у такихъ всесвѣтныхъ талантовъ, какъ В. Гюго. Упрекъ, который Моммзенъ дѣлаетъ итальянскому искусству, можетъ быть сдѣланъ и французскому; французамъ также, какъ и итальянцамъ, недостаетъ, выражаясь словами Моммзена «сердечной страсти»; у нихъ также «преобладаетъ не столько *творчество*, сколько *артистичность*, доходящая до виртуозности и ставящая на мѣсто истиннаго и одушевленнаго искусства пустой и мертвящій сердце идолъ».

За доказательствами ходить не далеко: можно взять любой романъ, не исключая произведеній Виктора Гюго. Почти одинъ Эмиль Золя является почетнымъ исключеніемъ: у него есть чувство мѣры, безъ котораго не можетъ быть художественнаго изображенія; герои его не воплощенные пороки или добродѣтели, а вполне живые люди съ ихъ хорошими и худыми сторонами. Ничего дидактическаго, ничего натянутого въ его романахъ. Сама жизнь, какъ она есть, проходитъ передъ глазами читателя. Мы говоримъ, конечно, не о первыхъ произведеніяхъ этого писателя, а о той серіи романовъ, которую онъ печатаетъ теперь подъ общимъ заглавіемъ «*Rougon-Macquart*», и въ которыхъ талантъ его до-

стигъ несравненно бѣльшей зрѣлости. Въ первыхъ его опытахъ сказывались недостатки, общіе всей французской школѣ. Но въ настоящемъ романѣ у него прокралась всего только одна мелодраматическая черта: это, когда аббатъ Фожя, въ первый вечеръ своего прибытія въ Плассанъ, стоя у окна, грозитъ спящему и ни въ чемъ неповинному передъ нимъ городу. Эта фальшивая ходульная выходка, приличная *злостью* Родену, бессмысленна въ простомъ смертномъ, каковъ аббатъ Фожя, который, какъ и всѣ простые смертные вообще, отнюдь не можетъ *самъ* считать себя за злодѣя и подчеркивать этотъ свой *злостный* характеръ для публики. Но эта фальшивая нота есть и единственная въ цѣломъ романѣ. Все остальное просто, живо, естественно и выхвачено изъ жизни.

I.

Авторъ переноситъ насъ опять въ Плассанъ, родину Ругонъ-Маккаровъ. Предъ читателемъ отрывается семейная сцена въ домѣ одного плассанскаго буржуа Мурэ, за часъ передъ тѣмъ, какъ у него явится постояльцемъ главный герой романа—Аббатъ Фожя. Отца семейства нѣтъ дома; сыновья еще не возвратились домой; мать сидитъ за работой; у ея ногъ играетъ въ куклы Дезирэ, ея дочь, четырнадцатилѣтняя дѣвочка, очень полная для своихъ лѣтъ, но второй, судя по ея смѣху, нельзя дать больше пяти лѣтъ.

— Мамаша, мамаша! — закричала Дезирэ: — посмотри на мою куклу.

Она стащила у матери какой-то лоскутокъ и уже около четверти часа работала надъ нимъ, превращая его въ подобіе куклы, съ помощью нитокъ.

Хозяйка, Марта, отвела глаза отъ бѣлья, которое чинила съ такою тщательностью, точно вышивала. Она улыбнулась Дезирэ.

— Это только ребенокъ. Сдѣлай изъ него настоящую барышню. Надо, чтобы на ней была надѣта юбка, какъ на барышнѣ.

Она дала ей лоскутокъ ситцу, который нашла въ своемъ рабочемъ столѣ; затѣмъ снова принялась старательно штопать чулки. Обѣ онѣ сидѣли на террасѣ, дочь помѣщалась на табуретѣ, въ ногахъ у матери. Заходящее сентябрьское солнце, все еще теплое, обдавало ихъ своими яркими лучами, между тѣмъ какъ передъ ними засыпалъ садъ, окутанный сѣрой дымкой.

Никакой шумъ съ улицы не достигалъ до этого пустыннаго угла.

Минуть десять онѣ работали въ совершенномъ безмолвіи. Дезирѣ трудилась изъ всѣхъ силъ, чтобы устроить юбку своей куклѣ. По временамъ Марта поднимала голову и взглядывала на ребенка съ грустной нѣжностью. Видя, какъ она хлопочетъ:

— Постой,—сказала она:—я ей надѣну чулки.

Она бралась за куклу, когда два высокихъ мальчика семнадцати и восемнадцати лѣтъ спустились съ лѣстницы. Они обняли Марту.

— Не брани насъ, мамаша,—проговорилъ весело Октавъ:—я потащилъ Сержа на музыку... Сколько народу было на гуляньѣ!

— Я полагаю, что васъ задержали въ школѣ, а не то очень беспокоилась бы,—проговорила мать.

Но Дезирѣ, забывъ про куклу, бросилась на шею Сержу, крича:

— Моя птичка улетѣла, та, которую ты мнѣ подарилъ.

Она собиралась расплакаться. Мать развлекала ее, давъ ей куклу. Она была великодушна. Юбка стояла на ней коломъ, голова была набита ватой, а руки изъ тесемокъ были пришиты къ плечамъ. Лицо Дезирѣ освѣтилось внезапной радостью. Она усѣлась на табуретѣ, забывъ про птичку, цѣлуя куклу и указывая ее съ ребяческимъ простодушіемъ.

Сержъ помѣстился возлѣ брата. Марта снова взялась за чулокъ.

— Итаетъ,—спросила она,—музыка играла?

— Она играетъ каждый четвергъ,—отвѣчалъ Октавъ.—Ты напрасно не посѣщаешь гулянья, мамаша. Тамъ собирается весь городъ, дѣвицы Рагуаль, м-ше де-Кондаментъ, м-г Палось, жена и дочь мэра... Почему ты не бываешь на гуляньяхъ?

Марта не поднимала глазъ; она прошептала, кончая штопать чулокъ:

— Вы знаете, дѣти, что я не люблю выходить изъ дому. Мнѣ здѣсь такъ покойно. Къ тому же надобно присмотрѣть за Дезирѣ.

Октавъ собирался что-то сказать, но поглядѣлъ на сестру и не сказалъ ни слова. Сержъ вынулъ изъ кармана книгу и внимательно сталъ читать ее. Наступила тишина, вся пропитанная нѣмой нѣжностью при свѣтѣ заходящаго солнца, мало-по-малу блѣднѣвшаго надъ террасой. Марта взглядомъ ласкала своихъ троихъ дѣтей, аккуратно вытягивая нитку съ иглой.

Въ столовой, раскрытое окно которой выходило на террасу,

старая Роза уже съ минуту какъ накрывала на столъ, сердито стуча приборами и тарелками. Она казалась сильно не въ духѣ, пихала стулья и бормотала несвязныя слова. Затѣмъ подошла къ двери, ведшей на улицу и, вытянувъ шею, поглядѣла по направлению къ площади подпрефектуры. Продавъ нѣсколько секундъ, она явилась на террасу, крича:

— Значить, м-г Мурэ не вернется къ обѣду!

— Нѣтъ, Роза, вернется. Подождите, отвѣчала сповойно Марта.

— Но вѣдь все пригорѣло. Это, право, негѣпо. Барину слѣдовало бы предупредить насъ, когда ему вздумается опаздывать, мнѣ-то вѣдь рѣшительно все равно. Но обѣдъ ни къ чорту не будетъ годиться.

— Ты думаешь, Роза?—проговорилъ позади ея сповойный голосъ.—Не бѣда, тащи его все-таки сюда, твой обѣдъ.

Это вернулся Мурэ. Роза повернулась, поглядѣла на своего барина, словно собираясь разразиться бранью; но невозмутимое хладнокровіе, выражавшееся на его лицѣ, съ примѣсю мѣщанскаго лукавства, заставило ее прикусить языкъ, и она молча ушла. Мурэ спустился на террасу, гдѣ потоптался, не садясь на мѣсто. Онъ потрепалъ по щекѣ Дезирэ, которая ему улыбнулась. Марта подняла глаза; но, поглядѣвъ на мужа, принялась убирать работу въ столъ.

— Вы не устали?—спросилъ Октавъ, глядя на запыленную обувь отца.

— Немножко,—отвѣчалъ Мурэ, не распространяясь далѣе о длинной прогулкѣ, совершенной имъ пѣшкомъ.

Вдругъ онъ увидѣлъ посреди сада заступъ и грабли, позабытые дѣтьми.

— Отчего вы не убираете этого? — закричалъ онъ:—сколько разъ я приказывалъ. Пойдетъ дождь и все заржавѣтъ.

Этимъ и ограничился его гнѣвъ. Онъ сошелъ въ садъ, поднялъ заступъ и грабли и спряталъ ихъ въ небольшую теплицу. Поднимаясь на террасу, онъ оглядывалъ всѣ уголки сада, не увидитъ ли еще каковаго беспорядка.

— Ты учишь уроки?—спросилъ онъ Сержа, не отрывавшагося отъ книги.

— Нѣтъ, папаша. Эту книгу далъ мнѣ аббатъ Бурретъ; въ ней говорится о «Миссіяхъ въ Китай».

Мурэ остановился передъ женой.

— Кстати,—началъ онъ,—никого не приходилъ?

— Нѣтъ, другъ мой, никто,—отвѣчала Марта съ удивленнымъ видомъ.

Онъ хотѣлъ еще что-то прибавить, но раздумалъ и потоптался на мѣстѣ, не говоря ни слова; затѣмъ подошелъ къ крыльцу:

— Ну, Роза, а что-жъ обѣдъ, который могъ пригорѣть?

— Хорошо!—закричалъ изъ глубины корридора разъяренный голосъ:—теперь ничего не готово; все простыло. Подождите, сударь.

Муръ тихо разсмѣялся; онъ подмигнулъ лѣвымъ глазомъ женѣ и дѣтямъ. Гнѣвъ Розы повидимому очень забавлялъ его.

У Марты, казавшейся встревоженной въ послѣднія минуты, вертѣлся какой-то вопросъ на языкѣ.

Наконецъ она собралась съ духомъ и застѣнчиво спросила:

— Развѣ ты ждешь къ себѣ кого-нибудь сегодня, мой другъ?

— И да, и нѣтъ, отвѣчалъ онъ, прохаживаясь взадъ и впередъ.

— Ты, можетъ быть, отдашь въ наймы второй этажъ?

— Именно.

И продолжалъ, видя замѣшательство жены, спокойнымъ голосомъ:

— Сегодня, утромъ, отправляясь въ Тюлетъ, я зашелъ къ аббату Буррету. Онъ очень приставалъ, ну, я и согласился... Я знаю, что это тебѣ не по-нутру. Но только, право, ты неблаго-разумна, моя душа. Второй этажъ намъ ни къ чему не служить; онъ приходитъ въ негодность. Фрукты, которые мы тамъ берегаемъ, производятъ сырость, а отъ нея обои отстаютъ... Кстати, не забудь велѣть очистить комнаты завтра отъ фруктовъ: нашъ постоялецъ можетъ прѣхать съ минуты на минуту.

— Намъ было такъ уютно безъ постояльцевъ!—проговорила Марта вполголоса.

— Да!—перебилъ Муръ: патерь не долженъ особенно стѣснить насъ. Онъ будетъ жить самъ по себѣ, а мы сами по себѣ. Эти чернорасники врадучись выпиваютъ стаканъ воды... Вѣдь ты знаешь, что я ихъ не очень-то долюбиваю! Люди праздные, по большей части... Но я рѣшился только потому, что нашелъ патера. Съ ними нечего бояться за свои деньги и ихъ вовсе не слышать въ домѣ.

Марта все еще не успокоивалась. Она глядѣла кругомъ себя, на свое счастливое жилище, заданное прощальными лучами солнца; глядѣла на своихъ дѣтей, на свое сонное благополучіе, пріютившееся въ этомъ смиренномъ уголѣѣ.

— А знаешь ли ты, кто такой этотъ патерь?

— Нѣтъ, но аббатъ Бурретъ за него ручается; этого довольно. Аббатъ Бурретъ славный человѣкъ... Я знаю, что нашего постояльца зовутъ Фожа, аббатъ Фожа, и что онъ изъ бе-

зансонской епархіи. Онъ не ужился съ своимъ кюрэ; его назначили сюда викаріемъ въ Сень-Саторненъ. Словомъ, это до насъ не касается, понимаешь. Я во всемъ этомъ полагаюсь на аббата Бурреть.

Но такъ какъ Марта не унималась и осмѣливалась ему возражать, что бывало съ ней рѣдко, онъ сталъ передъ ней и перебилъ ее рѣзкимъ жестомъ:

— Будеть, сказалъ онъ:—я отдалъ въ наймы второй этажъ и затѣмъ баста.

И прибавилъ насмѣшливымъ тономъ буржуа, находящаго, что онъ заключилъ выгодную сдѣлку:

— Я отдалъ въ наймы квартиру за сто-пятьдесятъ франковъ; это кажется ясно: нашъ ежегодный доходъ увеличится на полтора ста франковъ.

Марта опустила голову, протестуя только тихимъ движеніемъ руки и закрывая глаза, какъ бы затѣмъ, чтобы удержать наворачнувшіяся на нихъ слезы. Она украдкой оглянулась на дѣтей, которые повидимому не обращали вниманія на эту сцену, привыкнувъ, конечно, къ насмѣшливымъ выходкамъ отца.

— Если вы хотите ѣсть, то можете теперь идти,—проговорила Роза своимъ сердитымъ голосомъ, появляясь на порогѣ.

— Такъ, такъ! дѣти, за столъ!—весело закричалъ Мурэ, повидимому нисколько не разстроенный сценой съ женой.

Семья переселилась въ столовую. Заходящее солнце озолотило своими лучами фарфоровыя тарелки, серебряные стаканы дѣтей, бѣлую скатерть. Въ комнатѣ царствовали тишина и прохлада.

Въ то время какъ Марта, умиротворенная этимъ покоемъ, улыбаясь, снимала крышку съ суповой чашки, въ корридорѣ слышался шумъ. Роза, расгѣрянная, прибѣжала, бормоча:

— Сударь, васъ спрашиваетъ аббатъ Фожя.

У Мурэ вырвался жестъ досады. Онъ, въ самомъ дѣлѣ, ожидалъ своего постояльца не раньше завтрашняго дня. Онъ вставалъ уже съ мѣста, когда аббатъ Фожя появился у двери въ корридорѣ: то былъ высокій и плотный человѣкъ, съ широкимъ лицомъ, плечистый и смуглый. Позади него, въ тѣни, стояла пожилая женщина, удивительно на него похожая, но меньше ростомъ и болѣе суроваго вида. Увидя, что столъ накрытъ, они колебались войти или нѣтъ, но не уходили. Высокая фигура аббата чернымъ пятномъ выдѣлялась на опшуватуренной стѣнѣ.

— Просимъ извинить, что обезпокоили васъ,—сказалъ онъ

Мурэ: мы прямо отъ аббата Бурреть; онъ вѣроятно васъ предупредилъ...

— Вовсе нѣтъ!—вскричалъ Мурэ: это похоже на аббата! онъ всегда точно съ неба свалится... Еще сегодня утромъ онъ увѣрялъ меня, что вы прійдете сюда не раньше двухъ дней... какъ бы то ни было, а надо васъ устроить.

Аббатъ Фожъ извинился. Онъ говорилъ важно, но ласково. Онъ отъ души жалѣлъ, что прибылъ въ такую минуту. Высказавъ свои извиненія, безъ болтовни, въ десяти словахъ, ловко подобранныхъ, онъ обернулся, чтобы отпустить комиссіонера, принесшаго его чемоданъ. Своими большими, но красивыми руками онъ досталъ кошелекъ, осторожно и наклонивъ голову пошарилъ въ немъ съ минуту. Затѣмъ комиссіонеръ ушелъ, причемъ присутствующимъ не удалось увидѣть, сколько аббатъ далъ ему за труды. Аббатъ же снова началъ своимъ вѣжливымъ тономъ:

— Прошу васъ, садитесь за столъ... Служанка ваша укажетъ намъ покой. Она поможетъ мнѣ втащить это наверхъ.

Онъ наклонился, чтобы поднять небольшой деревянный сундукъ, обитый жестью по угламъ. Мурэ, дивясь, искалъ глазами остального багажа аббата, но увидѣлъ только большую корзину, которую старуха держала обѣими руками, не опуская на полъ, не взирая на усталость. Изъ-подъ худо закрывавшейся крышки между бѣльемъ торчали гребень, завернутый въ бумагу, и горлышко бутылки.

— Нѣтъ, нѣтъ, оставьте это, —возразилъ Мурэ, слегка отталкивая ногою сундукъ:—онъ не долженъ быть тяжелъ; Роза одна снесетъ его наверхъ.

Онъ, конечно, не сознавалъ скрытаго пренебреженія, какимъ звучали его слова. Старуха пристально посмотрѣла на него своими черными глазами; затѣмъ перевела глаза на накрытый столъ, съ котораго не спускала взора съ тѣхъ поръ, какъ вошла въ комнату. Она съ стиснутыми губами переводила глаза съ одного предмета на другой, ни слова не говоря. Между тѣмъ аббатъ Фожъ согласился оставить чемоданъ. Подъ золотистыми лучами солнца, проникавшими изъ сада, его потертая ряса казалась совсѣмъ рыжей: она вся была въ заплатахъ, и хотя тщательно вычищенная, имѣла самый нищенскій видъ...

Аббатъ совсѣмъ собрался идти наверхъ, когда Мурэ вспомнилъ, что комнаты, предназначаемыя для постояльца, еще завалены фруктами, и попросилъ гостей сѣсть, пока Роза очиститъ комнаты...

Старуха не сѣла. Мурэ, обернувшись, увидѣлъ, что она

стояла у открытаго окна гостиной и, вытянувъ шею, сповоино осматривала садъ, точно покушникъ, не стѣсняющійся осмотромъ владѣній, которыя намѣренъ приобрести. Въ ту минуту, какъ Роза подняла сундукъ, она вернулась въ столовую и проговорила:

— Я пойду ей помогу.

И пошла вслѣдъ за служанкой. Аббатъ даже не повернулъ головы: онъ улыбался тремъ дѣтямъ, смотрѣвшимъ на него во всѣ глаза. Лицо его, когда онъ этого желалъ, выражало большую кротость, несмотря на суровый лобъ и строгія складки рта.

Онъ усѣлся на поданномъ ему стулѣ съ видомъ челоуѣка усталаго. Съ минуту онъ, казалось, поддакъ мирной тишинѣ, царствовавшей на террасѣ, и медленно обводилъ глазами хозяйскій садъ и деревья сосѣднихъ садовъ. Эта тишина, этотъ забытый уголокъ провинціального города какъ будто удивляли его. Лицо его побурѣло.

— Какъ тутъ хорошо, пробормоталъ онъ.

Затѣмъ умолекъ, углубившись въ свои думы. Онъ слегка вздрогнулъ, когда Мурѣ сказалъ ему со смѣхомъ:

— Если позволите, то мы сядемъ обѣдать.

И, повинувшись взгляду жены, онъ прибавилъ:

— Послѣдуйте нашему примѣру и скупайте тарелку супа. Это освободитъ васъ отъ необходимости идти въ отель обѣдать... Пожалуйста, не стѣсняйтесь.

— Отъ всей души благодарю васъ, мы не голодны, — отвѣчалъ аббатъ съ изысканной вѣжливостью, не допускавшей вторичнаго приглашенія...

Спустя нѣкоторое время вернулась старуха, его мать.

— Овидій, дитя мое, хочешь идти наверхъ? — все готово.

Она должна была дотронуться до плеча сына, чтобы вывести его изъ задумчивости. Въ воздухѣ стало свѣжѣе. Онъ вздрогнулъ и послѣдовалъ за ней, раскланявшись съ хозяйевами и извинившись еще разъ въ причиненномъ безпокойствѣ. Марта встрѣтила его орлиный взглядъ, невольню взволновавший ее. Казалось, какъ будто въ глубинѣ его сѣрыхъ глазъ вспыхивало по временамъ пламя, точно свѣча, которую проносятъ въ темныхъ анфиладахъ уснувшихъ домовъ.

— У него бѣдовыя глаза, у этого патера, — сказалъ насмѣшливо Мурѣ, когда мать съ сыномъ удалились.

— Они не должны быть счастливы, — прошептала Марта.

— Да, ужъ нечего сказать, онъ не изъ Крезовъ... Куда какъ тяжелъ его сундукъ! Я бы поднялъ его однимъ пальцемъ.

Но его болтовню перебило появленіе Розы, которая бѣгомъ

спустилась съ лѣстницы, спѣша сообщить удивительныя вещи, которыхъ была свидѣтельницею.

— Эге!—проговорила она, останавливаясь передъ столомъ, за которымъ обѣдали ея хозяева:—вотъ такъ силачка! Этой дамѣ по крайней мѣрѣ шестьдесятъ-пять лѣтъ, а этому и повѣрить трудно! Она работаетъ, какъ волъ.

— Она помогала тебѣ переносить фрукты?—спросилъ Мурэ съ любопытствомъ.

— Какже, сударь. Она таскала ихъ, вотъ такъ, въ своемъ передникѣ; такими охабками, что страсть. Я думала: вотъ сейчасъ лопнетъ платье. Не тутъ-то было; матерія крѣпкая, такая, какъ я ношу. Мы стащили охабокъ двадцать; у меня руки заняли. А она ворчитъ себѣ, что мы копаемся: она помянула даже чорта, прошу прощенія.

Мурэ, повидимому, очень забавлялся.

— А постели?—спросилъ онъ.

— Постели она сама постелила... Поглядѣли бы вы, какъ она ворочаетъ тюфякъ. Подумаешь, что онъ перышко... И такая заботливая! Постелила постель сыну на славу... Изъ четырехъ одѣялъ, три ему оставила, а себѣ взяла одно только. И подушки тоже обѣ ему положила, а себѣ ни одной.

— Неужто-жъ она ляжетъ на полу?

— Въ углу, точно собака. Бросила матрацъ на полъ въ другой комнатѣ, увѣряя, что будетъ спать лучше, чѣмъ въ раю. Я никакъ не могла ее уговорить устроиться поповойнѣ. Она увѣряетъ, что ей никогда не бываетъ холодно, и что голова у ней такая крѣпкая, что не боится голаго пола... Я подала имъ воды съ сахаромъ, какъ барыня приказала... и ушла... Нечего сказать, чудные люди.

Роза продолжала прислуживать за столомъ. Мурэ въ этотъ вечеръ обѣдали долѣе обыкновеннаго. Они много толковали о новыхъ жильцахъ. Въ ихъ монотонной жизни прибытіе двухъ незнакомыхъ лицъ было крупнымъ событіемъ. Мурэ въ особенности любилъ сплетни и пересуды. За десертомъ, опершись локтями на столъ, онъ въ десятый разъ повторилъ съ видомъ чловѣка, вполнѣ счастливаго:

— Незвратный подарокъ сдѣлалъ Безансонъ Плассану... Видѣли ли вы его рясу сзади, когда онъ повернулся?.. Диво будетъ, если богомолки станутъ за нимъ бѣгать. Онъ слишкомъ оборванъ: богомолки любятъ чистенькихъ патеро夫ъ.

Семья была не богомольна. Даже дѣти посмѣялись надъ аббатомъ и его матерью. Октавъ передразнилъ старуху, какъ она

вытягиваетъ шею, заглядывая внутрь комнаты, что размѣшило Дезирэ.

— Сколько лѣтъ ты ему даешь?—спросилъ Мурэ жену, когда дѣти уже ушли спать.

— Кому?—спросила Марта, тоже уже дремавшая.

— Аббату, кому же еще? лѣтъ сорокъ, сорокъ-пять, не правда ли? Видный мужчина. Какая жалость, что онъ носитъ расу! Какой бы бравый солдатъ вышелъ изъ него.

Затѣмъ, помолчавъ, продолжалъ вслухъ размышлять о занимавшемъ его предметѣ:

— Они пріѣхали съ шестичасовымъ поѣздомъ, слѣдовательно не могли заходить къ аббату Бурретъ, прежде чѣмъ придти сюда... Пари держу, что они не обѣдали. Это ясно. Мы бы видѣли, еслибы они пошли въ отель... Ахъ! любопытно было бы мнѣ знать, гдѣ они ѣли.

Роза, съ минуту уже вертѣвшаяся въ столовой, ожидая, чтобы господа ушли спать и она могла бы запереть окна и двери, рѣшила вопросъ:

— Я знаю, гдѣ они ѣли.

Мурэ живо повернулся къ ней.

— Да, я взшла наверхъ, чтобы посмотрѣть, не нужно ли имъ чего-нибудь. Не слыша пороха, я не посмѣла постучать; и поглядѣла въ замочную скважину.

— Но это очень, очень дурно,—перебила Марта строго, — вы знаете, Роза, что я этого не люблю.

— Оставь!—всеричалъ Мурэ, который при другихъ обстоятельствахъ самъ разсердился бы на любопытство служанки.—Вы смотрѣли въ замочную скважину?

— Да, сударь, я сдѣлала это съ хорошимъ намѣреніемъ.

— Само собой разумѣется... Что они дѣлали?

— Они ѣли, сударь... Я видѣла, какъ они ѣли, сидя на кровати. Старуха разостлала салфетку. Отпивъ вина, они всякій разъ прислоняли штофъ къ подушкѣ.

— Но что-же они ѣли?

— Не могу навѣрное сказать, сударь. Мнѣ показалось, что то были остатки пирога, завернутые въ газету. У нихъ были также яблоки, такъ себѣ, дрянныя яблочки.

— И они разговаривали, неправда ли? Вы слышали, что они говорили?

— Нѣтъ, сударь, не разговаривали... Я съ четверть часа на нихъ глядѣла. Они ни слова не проронили. Только ѣли, ѣли! Мурэ взялъ въ руки подсвѣчникъ. Онъ остановился передъ

Розой, резюмируя весь вечеръ словами буржуа, выбитаго изъ обычной колеи:

— Чуднѣе дѣло!

Наверху же, у окошка, аббатъ Фожя, съ непокрытой головой, глядѣлъ въ темную ночь. Онъ долго простоялъ такъ, довольный, что остался наконецъ наединѣ съ мыслями, придававшими столько суровости его лицу. Подъ ногами онъ чувствовалъ мирный сонъ, въ какой былъ погруженъ домъ, куда онъ только-что прибылъ; онъ слышалъ чистое дыханіе дѣтей, кроткое дыханіе Марты, спокойное храпѣніе Мура, и презрѣніе выражалось въ томъ, какъ онъ выпрямлялъ свою атлетическую шею, закидывая голову, чтобы лучше разсмотрѣть вдали уснувшій городокъ, покоившійся сномъ праведныхъ.

Аббатъ Фожя вытянулъ впередъ руки съ вызывающимъ жестомъ, словно хотѣлъ задушить Плассанъ, прижавъ его къ своей могучей груди, и пробормоталъ:

— А! эти болваны улыбались сегодня вечеромъ, когда я проходилъ по ихъ улицамъ!

II.

На слѣдующій день Мурэ провелъ все утро въ томъ, что шпионилъ за своимъ постояльцемъ. Это шпионство должно было наполнить праздные часы, которые онъ проводилъ дома, сную взадъ и впередъ, подбирая валявшіяся вещи и заводя ссоры съ женой и дѣтьми. Отнынѣ у него будетъ занятіе, забава, которое наполнитъ его существованіе. Онъ не любилъ патеровъ, какъ говорилъ, и первый патеръ, встрѣчавшійся ему на пути, чрезвычайно интересовалъ его. Этотъ патеръ вносилъ въ его домъ какую-то струю таинственности, что-то невѣдомое, что почти пугало его. Хотя онъ прикидывался вольнодумцемъ, хотя и называлъ себя волтерьянцемъ, но аббатъ внушалъ ему мѣщанское любопытство и страхъ съ примѣсью шаловливаго любопытства.

Никакого шума не долетало сверху. Все утро Мурэ прислушивался напрасно. Верхъ какъ-бы вымеръ.

За завтракомъ Мурэ казался очень раздосадованнымъ.

Умерли они тамъ, что-ли? — спросилъ онъ, отрѣзывая хлѣба дѣтямъ. — Ты, не слыхала ихъ, Марта?

— Нѣтъ, мой другъ, я не обращала вниманія.

Роза закричала изъ кухни:

— Ихъ давнымъ-давно и слѣдъ простылъ.

Мурэ позвалъ кухарку и обстоятельно распросилъ ее.

— Они вышли, сударь; сначала мать, затѣмъ сынъ. Я бы не замѣтила ихъ, такъ тихо они ступали, еслибы тѣнь ихъ не легла на полъ кухни, когда они отворили дверь... Я взглянула на улицу, чтобы видѣть, куда они пойдутъ, но они уже исчезли, словно съвозъ землю провалились.

Мурэ окончательно взбѣсился. Онъ принялся ругать патеровъ: всѣ они тихони, всѣ они интриганы, всѣ притворщики! Онъ кончилъ тѣмъ, что выразилъ раскаяніе, что пустилъ въ себѣ этого незнакомаго патера.

— Все ты виновата! — сказалъ онъ женѣ, вставая изъ-за стола.

Марта собиралась было протестовать, напомнить ему ихъ вчерашній споръ; но взглянула на него и промолчала...

Вечеромъ, вернувшись домой, Мурэ весь горѣлъ отъ нетерпѣнія.

— Что аббать? — спросилъ онъ, не успѣвъ еще снять шляпы.

Марта работала на своемъ обычномъ мѣстѣ на террасѣ.

— Аббать? — повторила она не безъ удивленія: — ахъ! да, аббать. Я его не видала; онъ, кажется, устроился. Роза говорила мнѣ, что имъ привезли мебель.

— Вотъ чего я боялся, — вскричалъ Мурэ: — я бы желалъ присутствовать при этомъ, потому что, наконецъ, мебель моя единственная гарантія... Я зналъ, что ты не тронешься съ мѣста. Ты плохая хозяйка, душа моя... Роза! Роза!

И когда кухарка пришла, онъ спросилъ:

— Привезли мебель для постояльцевъ второго этажа?

— Да, сударь, въ маленькой телѣжкѣ. Я узнала телѣжку Бергаса, рыночнаго торговца. Мебели-то не ахти сколько! М-ше Фожѣ шла слѣдомъ. Поднимаясь по улицѣ Баландъ, она даже подсобляла человѣку, который катилъ телѣжку.

— Но вы видѣли по крайней мѣрѣ эту мебель; вы ее считали?

— Конечно, сударь; я стала на порогѣ. Они всѣ прошли мимо меня, что, кажется, не понравилось м-ше Фожѣ. Постойте... Сначала принесли желѣзную кровать, затѣмъ комодъ, два стола, четыре стула... Ну, вотъ и все... Да и мебель-то не новая. Я бы не дала за нее и тридцати эку.

— Но слѣдовало предупредить барыню; мы не можемъ отдавать квартиру при такихъ условіяхъ... Я сейчасъ же иду обясняться съ аббатомъ Буррегъ.

Онъ сердился и собирался уходить, когда Мартъ удалось остановить его словами:

— Слушай же, я было забыла... Они уплатили за шесть мѣсяцевъ впередъ.

— Ахъ! они заплатили,—пробормоталъ онъ почти недовольнымъ голосомъ.

— Да, старуха сошла внизъ и отдала мнѣ это.

Она порылась въ своемъ рабочемъ столикѣ и отдала мужу семьдесятъ-пять франковъ, монетами въ сто су, старательно завернутыми въ бумагу.

Мурэ сосчиталъ деньги, бормоча:

— Если они уплатили, то ихъ воля... Но все-таки, что за чудной народъ. Конечно, всѣ не могутъ быть богаты, но только это не причина напускать на себя таинственность, когда въ карманѣ нѣтъ ни гроша.

...Прошла недѣля. Мурэ принялся за свои обычные занятія; онъ бродилъ по дому, препирался съ дѣтьми; проводилъ все время между завтракомъ и обѣдомъ внѣ дома, заключая какія-то сдѣлки, о которыхъ никогда не говорилъ, ѣлъ и спалъ, какъ человѣкъ, жизнь котораго течетъ гладко, безъ всякихъ потрясеній и неожиданностей. Домъ снова какъ бы вымеръ. Марта возсѣдала на своемъ обычномъ мѣстѣ на террасѣ, передъ рабочимъ столикомъ. Дезирѣ играла возлѣ нея. Оба мальчика въ обычные часы вносили тотъ же шумъ. А Роза, кухарка, сердилась, ворчала на всѣхъ, между тѣмъ, какъ садъ и столовая хранили свою обычную сонную тишину.

— Видишь ли,—говаривалъ Мурэ женѣ,—что ты ошибалась, когда думала, что, пустивъ жильцовъ, мы нарушимъ свой покой. Намъ еще спокойнѣе, чѣмъ прежде; домъ сталъ какъ-то еще меньше и уютнѣе.

И по временамъ онъ поднималъ глаза къ окнамъ второго этажа, которыя м-ше Фожѣ со второго дня снабдила толстыми бумажными занавѣсами. Ни одна складка въ нихъ не шевелилась. Отъ нихъ вѣяло цѣломудріемъ ханжи, холодомъ и суровостью отшельника. Позади нихъ, казалось, царствуетъ монашеское безмолвіе и неподвижность. Порою окна отрывались и съвозъ бѣлые занавѣсы темнѣли высокіе потолки. Но какъ Мурэ ни подглядывалъ, онъ никогда не видѣлъ руки отворявшей и затворявшей окно; онъ не слышалъ даже, какъ целкала задвижка. Никакого человеческого шума не долетало изъ покоевъ жилья.

Прошла цѣлая недѣля, а Мурэ ни разу и не видѣлъ аббата Фожѣ. Этотъ человѣкъ, жившій рядомъ съ нимъ, хотя онъ и не

...какъ его тѣни, возбуждалъ въ немъ какую-то нервную...

Однажды вечеромъ Октавъ сказалъ, что видѣлъ, какъ аббатъ Фожя ходилъ въ Сень-Сатурнень. Отецъ тотчасъ принялся разспрашивать: какой у него былъ видъ, какъ на него смотрѣли прохожьи и затѣмъ онъ шелъ въ церковь?

— Онъ возбуждаетъ городскіе толки,—замѣтилъ Сержъ:—пленникъ аббата Бурреть говорилъ мнѣ, что городское духовенство бося смотритъ на него: оно не любитъ патеровъ, присылаемыхъ издалека. Къ тому же онъ несчастенъ по виду... когда къ нему привыкнуть, то оставлять въ покоѣ бѣднягу. Но сначала, конечно, интересуются ближе разузнать о немъ.

Съ этого момента, самымъ наивнымъ образомъ и не думая, что поступаетъ худо, Мурэ обратилъ своихъ дѣтей въ шпионовъ аббата. Октавъ и Сержъ должны были передавать ему все, что говорилось въ городѣ, и получили приказаніе слѣдить за нимъ, когда его встрѣчаютъ. Но и этотъ источникъ свѣдѣній скоро иссякъ. Глухой говоръ, возбужденный прибытіемъ посторонняго викарія въ епархію, улегся. Городъ какъ будто сжалился надъ «бѣднягой», надъ этой истертой рясой, которая пребиралась вдоль стѣнъ его улицъ, и сохранилъ къ ней лишь величайшее пренебреженіе. Съ другой стороны, патерь ходилъ всегда прямо въ соборъ и, возвращаясь изъ него, всегда проходилъ по однѣмъ и тѣмъ же улицамъ. Октавъ говорилъ смѣясь, что онъ считаетъ камни мостовой...

Однажды утромъ, возвращаясь домой, Мурэ увидѣлъ передъ собой аббата Фожя, который шелъ по улицѣ Баландъ. Мурэ задержалъ шагъ и принялся разглядывать аббата. Впервые съ тѣхъ поръ, какъ аббатъ жилъ въ его домѣ, онъ видѣлъ его среди бѣлаго дня. На аббатѣ была надѣта его старенькая ряса; онъ медленно шелъ, держа въ рукахъ свою треуголку и обнаживъ голову, несмотря на рѣзкій вѣтеръ. Улица была пуста... Мурэ, прибавившій шагу, кончилъ тѣмъ, что пошелъ на цыпочкахъ, изъ боязни, чтобы священникъ не услышалъ его и не ускользнулъ отъ него. Но въ то время, какъ они оба подходили къ дому Растуала, нѣсколько человѣкъ, показавшихся съ площади подирефектуры, вошло въ этотъ домъ. Аббатъ Фожя сдѣлалъ небольшой крюкъ, чтобы избѣжать встрѣчи съ этими господами. Онъ поглядѣлъ, какъ затворилась дверь. Затѣмъ, внезапно остановился и повернулся къ своему домовладѣльцу, который настигъ его въ эту минуту.

— Какъ я счастливъ, что встрѣтилъ васъ,—сказалъ онъ съ

своей обычной изысканной вѣжливостью:—я собирался потревожить васъ сегодня вечеромъ... На-дняхъ, какъ шелъ дождь, въ потолокъ моей комнаты обнаружилась течь, и я желаю показать вамъ то мѣсто, которое протекаетъ.

Мурэ, неподвижно торчавшій передъ нимъ, пробормоталъ, что онъ къ его услугамъ, и, идя съ нимъ домой, спросилъ: въ которомъ часу онъ можетъ придти поглядѣть на потолокъ.

— Тотчасъ, если угодно, — отвѣчалъ аббатъ, — и если это васъ не стѣснить.

Мурэ, задыхаясь, поднялся за нимъ по лѣстницѣ, межъ тѣмъ какъ Роза, стоявшая на порогѣ кухни, провожала ихъ глазами, огнѣмъ отъ изумленія...

Достигнувъ второго этажа, Мурэ былъ взволнованъ больше всякаго школьника, впервые вступающаго въ комнату женщины. Неожиданное выполненіе давно сдерживаемаго желанія, надежда увидѣть совсѣмъ необыкновенныя вещи, захватывали у него духъ. Между тѣмъ аббатъ Фожа, скрывая ключъ въ своихъ толстыхъ пальцахъ, вставилъ его въ замокъ безъ всякаго шума. Дверь повернулась словно на бархатныхъ петляхъ. Аббатъ, отступя, молча пригласилъ Мурэ войти.

Бумажные занавѣсы, повѣшенные на обоихъ окнахъ, были такъ плотны, что въ комнатѣ царствовалъ блѣдный сумракъ, полу-мракъ замурованной кельи. Эта комната была очень высока и велика, и оклеена чистыми, но полинялыми обоями желтоватаго цвѣта. Мурэ пришелъ нѣсколько въ себя, осторожно шатая по полу, блестящему, какъ зеркало, и холодъ котораго, ему казалось, проникалъ сквозъ подошвы его башмаковъ. Онъ исподтишка свесилъ глаза на желѣзную кровать безъ полога, и на которой простыни были такъ натянуты, что она имѣла видъ бѣлой каменной скамьи. Коммодъ, терпяшійся на другомъ концѣ комнаты, маленький столикъ посрединѣ и два стула, по одному возлѣ каждаго окна, довершали убранство. Ни одной бумажки на столѣ, ни единой вещи на коммодѣ и ни единого платья на стѣнахъ: голое дерево, голый мраморъ, голая стѣна. Надъ коммодомъ большое распятіе изъ чернаго дерева нарушало это сѣрое однообразіе.

— Вотъ, пожалуйста сюда — сказала аббатъ: — вотъ въ этомъ углу появилось пятно на потолокъ.

Но Мурэ не торопился, онъ наслаждался. Хотя онъ и не видѣлъ необыкновенныхъ вещей, которыя смутно ожидалъ узрѣть, — все же эта комната для него, вольнодумца, носила особый отпечатокъ. Отъ нея разлило патеромъ, думалъ онъ; она говорила о су-

ществу, иначе созданномъ, чѣмъ другіе люди; о человѣкѣ, который задуваетъ свою свѣчу, чтобы переменить рубашку, который не забываетъ на стульяхъ ни вальсоновъ, ни бритвъ. Ему досадно было, что нигдѣ ничего не валялось, и онъ не могъ строить какихъ бы то ни было предположеній. Комната была, какъ самъ этотъ бѣдовый человѣкъ, нѣма, холодна, вѣжлива и непроницаема, и всего больше дивился онъ тому, что она не носила характера нищеты. Напротивъ того, она производила на него такое же впечатлѣніе, какое онъ однажды испыталъ, входя въ богато-меблированный салонъ марсельскаго префекта. Большое распятіе какъ-бы наполняло ее...

Осмотрѣвъ пятно и поговоривъ о починкахъ, какія оно вызывало, они подошли къ окну, и аббатъ распространился въ похвалахъ саду своего домовладѣльца.

Садъ былъ однимъ изъ весьма старинныхъ провинціальныхъ садовъ, оруженныхъ шпалерами и раздѣленныхъ на правильные квадраты большими буксами. Посрединѣ находился узкій бассейнъ безъ воды. Только одна влумба была отведена подъ крыты. На трехъ другихъ, по угламъ которыхъ посажены были фруктовые деревья, росла роскошная капуста, великолѣпный салатъ. Аллеи, усыпанные пескомъ, содержались по всѣмъ правиламъ мѣщанскаго вкуса.

— Это маленький рай,—повторялъ онъ.

— Не безъ недостатковъ, увѣряю васъ,—отвѣчалъ Муръ, противясь живой радости, какую онъ испытывалъ, выслушивая похвалы своей собственности.—Такъ, вы замѣтили, конечно, что мы живемъ на сватѣ холма. Всѣ сады здѣсь идутъ террасами. Вонъ, садъ г. Рагуаля расположенъ ниже моего, и въ свою очередь, онъ самъ лежитъ ниже сада подпрефектуры. Зачастую дожди размываютъ землю. Потомъ, что еще неприятнѣе, обитатели подпрефектуры видятъ все, что происходитъ въ моемъ саду, тѣмъ болѣе, что устроили эту насыпь, которая возвышается надъ моею стѣной. Правда, что я вижу то, что происходитъ въ саду г. Рагуаля, но это слабое вознагражденіе, такъ какъ я вовсе не забочусь, увѣряю васъ, о томъ, что дѣлаютъ другіе.

Патеръ слушалъ какъ-бы изъ снисходительности, покачивая головой, не позволяя себѣ ни одного вопроса. Онъ слѣдилъ глазами за поясненіями, которыя домовладѣлецъ дѣлалъ ему рукой.

— Видите ли, есть еще одно неудобство,—говорилъ этотъ послѣдній, указывая на переулокъ, шедшій вдоль сада:—видите ли вы эту тропинку, идущую между двумя стѣнами? Это глухой

Шевильотскій переулочъ, который упирается въ ворота, ведущія на землю подпрефектуры. У всѣхъ сосѣднихъ домовъ есть маленькая калитка, выходящая въ переулочъ, и черезъ нихъ происходитъ вѣчно и таинственное шмыганіе... У меня дѣти, и потому я велѣлъ заколотить свою калитку двумя здоровыми гвоздями.

Онъ подмигнулъ, глядя на аббата, воображая, быть можетъ, что тотъ спроситъ у него, что же это означаетъ это таинственное шмыганіе. Но аббатъ и бровью не повелъ; онъ безъ всякаго любопытства поглядѣлъ на Шевильотскій переулочъ и мирно перевелъ глаза на садъ Мурэ. Внизу, на краю террасы, на своемъ обычномъ мѣстѣ Марта подрубляла салфетки. Она сначала подняла—было голову, слышавъ голоса; затѣмъ, дивясь про себя тому, что видитъ мужа въ обществѣ патера у окна второго этажа, снова принялась за свою работу. Патеръ по временамъ останавливалъ свои спокойные глаза на ней, на этой женщинѣ, которой ему виднѣнъ былъ лишь наклоненный затылокъ съ массой черныхъ волосъ.

Наступило молчаніе. Аббатъ Фожя, повидимому, все еще не былъ расположенъ оставить окно. Онъ теперь, казалось, изучалъ клумбы сосѣда. Садъ г. Рагуаля былъ разбитъ на англійскій манеръ, съ небольшими аллеями, небольшими лужайками, пересѣкаемыми небольшими клумбами. Въ глубинѣ виднѣлась ротонда изъ подрѣзанныхъ деревьевъ, въ которой помѣщался столъ и садовые стулья.

— М-г Рагуаль очень богатъ,—началъ Мурэ, слѣдившій за направленіемъ глазъ аббата:—садъ ему дорого стоить; вотъ тотъ каскадъ, который вы видите позади деревьевъ, стоилъ ему больше трехсотъ франковъ. И въ немъ нѣтъ совсѣмъ овощей, только цвѣты. Одно время дамы даже поговаривали о томъ, чтобы срубить плодовые деревья; это было бы чистѣйшимъ разбоемъ, потому что эти груши великолѣпны. Впрочемъ, онъ правъ, устраивая свой садъ по своему вкусу. Когда имѣешь средства, то почему же ими не пользоваться!

Аббатъ продолжалъ молчать.

— Вы знаете г. Рагуаля, не правда ли?—продолжалъ онъ, поворачиваясь къ нему.—Каждое утро онъ гуляетъ въ своемъ саду отъ восьми до девяти часовъ. Толстякъ, небольшого роста, лысый, безъ бороды, съ головой, круглой какъ шаръ. Ему стукнуло, должно быть, шестьдесятъ лѣтъ въ первыхъ числахъ августа. Вотъ уже около двадцати лѣтъ какъ онъ предсѣдателемъ

нашего гражданскаго суда. Его считают добрякомъ. Я съ-нимъ не возусь: здравствуйте, прощайте—вотъ и все.

Онъ остановился, увидя, что нѣсколько лицъ спускаются съ крыльца сосѣдняго дома и направляются въ ротондѣ.

— Эге! да сегодня вторникъ, — произнесъ онъ, понижая голосъ:...—у Растуалей обѣдъ.

Аббатъ не могъ удержать легкаго движенія. Онъ нагнулся, чтобы лучше видѣть. Два патера, которые шли возлѣ двухъ большихъ дѣвушекъ, особенно повидимому его заинтересовали.

— Вы знаете, кто эти господа?—спросилъ Муръ.

И на неопредѣленный жестъ Фожя онъ продолжалъ:

— Они переходили черезъ улицу Баландъ въ тотъ моментъ, какъ мы встрѣтились... Высокій, молодой, который идетъ между дѣвицами Растуаль—аббатъ Скюренъ, секретарь нашего епископа. Очень любезный юноша, говорить. Лѣтомъ я видаю, какъ онъ играетъ въ воланъ съ этими дѣвицами... Старый, который держится нѣсколько позади, какъ видите, это—одинъ изъ нашихъ главныхъ викаріевъ. Онъ управляетъ семинаріей. Страшный человекъ, плоскій и острый, какъ сабля. Я жалѣю, что онъ не поворачивается... вы бы увидали его глаза... Удивительно, что вы не знаете этихъ господъ.

— Я мало выхожу, — отвѣчалъ аббатъ: я ни съ кѣмъ не знакомъ въ городѣ.

— Напрасно! вамъ, должно быть, частенько скучно... Ахъ! господинъ аббатъ, надо вамъ отдать справедливость: вы не любопытны. Какъ! вы прожили здѣсь уже мѣсяцъ и не знаете даже, что г. Растуаль даетъ обѣды по вторникамъ! Но вѣдь это въ глаза бросается, изъ этого обошья-то.

Муръ слегка разсмѣялся. Онъ насмѣхался надъ аббатомъ. Затѣмъ снова заговорилъ конфиденціальнымъ тономъ:

— Видите ли этого высокаго старика, который ведетъ м-ше Растуаль, — вотъ этого худого человека, въ шляпѣ съ широкими полями? Это м-г де-Бурдѣ, старинный префектъ Дромы, префектъ, котораго низвергла революція 1848 г. Вы и этого другого не знаете, держу пари?.. Это м-г Мафрѣ, мировой судья, вотъ этотъ бѣлый, какъ лунь, старикъ, съ большими глазами на выкатѣ, который идетъ послѣдній вмѣстѣ съ г. Растуалемъ. Чортъ возьми! это уже непростительно съ вашей стороны. Онъ почетный каноникъ Сентъ-Сатурнена... Между нами будь сказано, его обвиняютъ въ томъ, что онъ убилъ свою жену своей суровостью и скупостью.

Онъ остановился, поглядѣлъ прямо въ лицо аббату и прибавилъ съ шуливой рѣзвостью:

— Прошу прощенія, но я не богомоленъ, г. аббать.

Аббать снова сдѣлалъ неопредѣленный жестъ рукою, тотъ жестъ, который отвѣчалъ на все, освобождая его отъ необходимости высказаться яснѣе.

— Нѣтъ, я не богомоленъ,—повторилъ насмѣшливо Мурэ:— надо предоставить людямъ полную свободу, не такъ ли? У Растуалей придерживаются церковныхъ обрядовъ. Вы вѣроятно видали мать и дочерей въ Сень-Сатурненѣ. Онѣ ваши прихожанки... Вотъ бѣдныя барышни! Старшей, Анжеликѣ, уже двадцать-шесть лѣтъ; другой, Орелии, минетъ двадцать-четыре на-дняхъ. И некрасивы при этомъ: желтыя, нахмуренныя. Хуже всего то, что надо выдать сначала старшую. Онѣ, конечно, въ концѣ-концовъ найдутъ себѣ мужей, благодаря приданому... Что касается матери, этой маленькой, жирной женщины, которая шествуетъ съ кротостью овцы, то она поводила-таки за носъ этого бѣднаго Растуала на своемъ вѣку.

Онъ подмигнулъ глазомъ, по своему обыкновенію, когда позволялъ себѣ нѣсколько рискованную шутку. Аббать опустилъ рѣсницы, дожидаясь продолженія; затѣмъ, такъ какъ тотъ молчалъ, открылъ глаза и поглядѣлъ на общество, расположившееся по сосѣдству подъ деревьями вокругъ стола, Мурэ продолжалъ свои объясненія.

— Они просидятъ здѣсь до обѣда. Каждый вторникъ повторяется одна и та же исторія... Аббать Скюренъ пользуется большимъ успѣхомъ. Вотъ онъ хохочетъ съ m-lle Орелией... Ага! главный викарій замѣтилъ насъ. Гмъ! каковы глаза! Онъ меня не долюбливаетъ, потому что у меня была тѣжба съ однимъ изъ его родственниковъ... Но гдѣ же, однако, аббать Бурреть! Мы его не видали, не правда ли? Это удивительно. Онъ никогда не пропускаетъ вторниковъ г. Растуала. Надо полагать, что онъ нездоровъ... Его-то вы знаете. Какой достойный человекъ! Настоящая божья коровка!

Но аббать Фожа болѣе не слушалъ. Взглядъ его каждую минуту скрепчивался со взглядомъ аббата Фениль. Онъ не отворачивалъ головы и выдерживалъ осмотръ викарія съ невозмутимымъ хладнокровіемъ. Онъ рѣшительнѣе оперся на рѣшетку окна, и глаза его стали какъ будто больше.

— Вотъ и молодежь,—продолжалъ Мурэ, замѣта появленіе трехъ молодыхъ людей:—старшій—это сынъ Растуала; онъ только-что поступилъ въ адвокаты. Двое другихъ — сыновья мирового судьи и находятся еще въ школѣ...

Между тѣмъ аббатъ Фожя пристально глядѣлъ внизъ. Наконецъ онъ рѣшился пробормотать:

— Эти сады—веселое зрѣлище... Въ томъ, что налѣво, тоже собралось общество.

Мурэ поднялъ глаза.

— Какъ и всякое утро,—отвѣчалъ онъ сповойно: это приближенные м-г Пекёръ де-Солэ, нашего подпрефекта... Лѣтомъ они также собираются по вечерамъ, вокругъ бассейна, который вы можете видѣть налѣво... Ага! М-г де-Кондамень вернулся. Вотъ этотъ красивый старикъ, хорошо сохранившійся, съ румянымъ лицомъ—это нашъ инспекторъ лѣсовъ: молодецъ, которого вы всегда встрѣтите верхомъ, въ перчаткахъ, въ обтянутыхъ брюкахъ. И дгунъ же онъ при все этомъ, не приведи Господи! Онъ не здѣшній; недавно женился на совсѣмъ молоденькой женщицѣ... Ну, да, слава Богу, это до меня не касается.

Онъ наклонилъ голову, слышавъ въ своемъ собственномъ саду ребяческой смѣхъ Дезирэ, игравшей съ Сержемъ. Но аббатъ, лицо котораго слегка покраснѣло, отвлекъ его вниманіе однимъ словомъ.

— Это подпрефектъ, вотъ этотъ толстый господинъ въ бѣломъ галстукѣ?

Вопросъ показался Мурэ крайне забавнымъ.

— Ахъ! нѣтъ,—отвѣчалъ онъ, смѣясь. — Вотъ и видно, что вы не знаете Пекёра де-Солэ. Ему нѣтъ еще сорока лѣтъ. Онъ высокаго роста, красивъ собой и очень изящень... Этотъ толстякъ—докторъ Поркье, врачъ, пользующій плассанское общество. Счастливыи человекъ, увѣряю васъ. У него только одно горе—его сынъ Гильомъ. Теперь, видите ли этихъ двухъ лицъ, которыя сидятъ на скамьѣ спиною къ намъ... Это г. Палокъ, судья, и его жена. Самая безобразная чета въ околотеѣ. Неизвѣстно, кто противнѣе, мужъ или жена. Къ счастью, у нихъ нѣтъ дѣтей.

И Мурэ громче засмѣялся. Онъ волновался, жестикулировалъ, ударялъ рукою по оконной рѣшеткѣ.

— Нѣтъ,—началъ онъ, кивая головой сначала на садъ Ра-стуалей и затѣмъ на садъ подпрефектуры, — я не могу безъ смѣха глядѣть на эти два общества... Вы не занимаетесь политикой, г. аббатъ, а не то я бы посмѣшилъ васъ... Вообразите, что, основательно или нѣтъ, но я слышу за республиканца. Я много ѣзжу по деревнямъ, по дѣламъ; я другъ крестьянъ; поговаривали даже о моемъ избраніи въ генеральный совѣтъ; словомъ, имя мое извѣстно... Ну, вотъ тутъ у меня, направо, у Ра-

стуалей—самый прѣвъ легитимистовъ, а тамъ, нагѣво, у подпрефекта—столпы имперіи. Гмъ! развѣ это не забавно? Мой бѣдный старый садъ, такой смиренный, мой мирный уголокъ пріютился между двумя враждебными лагерями. Я постоянно боюсь, чтобы они не вздумали бросать камнями другъ въ друга, через мою стѣну... Вы понимаете, камни ихъ могли бы упасть въ мой садъ.

Эта шутка окончателно развеселила Мурэ. Онъ пододвинулся къ аббату съ видомъ кумушки, собирающейся перебить колючки своимъ ближнимъ.

— Плассанъ очень интересенъ съ политической точки зрѣнія. Государственный переворотъ удался здѣсь, потому что городъ консервативенъ. Но прежде всего онъ питаетъ легитимистскія и орлеанистскія симпатіи, такъ что на другой же день по учрежденіи имперіи онъ захотѣлъ предписать свои условія. Такъ какъ его не послушали, онъ разсердился и перешелъ въ оппозицію. Да, господинъ аббатъ, въ оппозицію! Въ прошломъ году мы выбрали депутатомъ маркиза Лагрифула, стараго дворянина, довольно ограниченнаго, но избраніе котораго солоно пришлось подпрефекту... Да, вотъ, смотрите, и онъ, м-г Пекёръ де-Солэ,—онъ идетъ съ мэрромъ, господиномъ Делангръ.

Аббатъ живо оглянулся. Подпрефектъ, очень смуглый господинъ, улыбался; усы его были нафабрены; онъ держалъ себя съ безукоризненной ловкостью; манеры его напоминали щеголя офицера и любезнаго дипломата. Идя рядомъ съ нимъ, мэръ толковалъ что-то съ жаромъ, сильно жестикулируя. Онъ казался не великъ ростомъ, съ широкими плечами, изрытой физиономіей, напоминавшей полишинеля. Онъ, повидимому, былъ изъ говоруновъ.

— М-г Пекёръ де-Солэ,—продолжалъ Мурэ, — чуть было не заболѣлъ. Онъ полагалъ, что избраніе официального кандидата обезпечено... Я очень забавлялся. Въ вечеръ избранія садъ подпрефектуры оставался темнымъ и грознымъ, между тѣмъ какъ у Растуалей садъ былъ освѣщенъ и слышался смѣхъ и шумное торжество. Съ улицы ничего не увидишь; въ садахъ же, напротивъ того, не стѣсняются и ведутъ себя на распахву... Повѣрьте, я присутствую при дивовиныхъ вещахъ, не говоря ни слова.

Онъ съ минуту помолчалъ, какъ-бы не желая вдаваться въ дальнѣйшія подробности; но желаніе поболтать взяло верхъ.

— Теперь,—началъ онъ, — я спрашиваю себя, что они будутъ дѣлать въ подпрефектурѣ. Никогда больше не пройти ихъ кандидату. Они не знаютъ края и не умѣютъ дѣйствовать. Меня увѣряли, что г. Пекёръ де-Солэ долженъ былъ получить префек-

туру, еслибы выборы удались. Теперь префектура ему улыбнулась... Гмъ! что-то изобрѣтутъ они, чтобы выбить изъ сѣдла маркиза? А ужъ они непременно что-нибудь да выдумаютъ; они постараются такъ или иначе завоевать Плассанъ.

Онъ поднялъ глаза на аббата, на котораго не глядѣлъ уже нѣсколько минутъ. Лицо собесѣдника, внимательное, съ блестящими глазами, съ наостренными какъ-бы ушами, заставило его прикусить языкъ. Вся его мѣщанская осторожность проснулась; онъ почувствовалъ, что сболтнулъ лишнее. Поэтому онъ проговорилъ недовольнымъ голосомъ:

— Впрочемъ, какое мнѣ дѣло. Толкуютъ такъ много вздора... Я желаю только одного, чтобы меня оставили въ покоѣ.

Ему очень хотѣлось отойти отъ окна, но онъ не смѣлъ уйти послѣпно, наболтавъ съ три короба. Онъ начиналъ подозрѣвать, что если кто изъ двухъ и насмѣялся надъ другимъ, то въ дуракахъ-то остался онъ, а не кто другой. Аббатъ, не поводяя своего невозмутимо-спокойнаго вида, бросалъ взгляды направо и налево, въ оба сада. Онъ не сдѣлалъ ни малѣйшей попытки, чтобы понудить Мурэ продолжать бесѣду. Этотъ послѣдній, нетерпѣливо желавшій, чтобы жена или кто-нибудь изъ дѣтей догадались позвать его, почувствовалъ облегченіе, когда увидѣлъ Розу, появившуюся на крыльцѣ.

— Ну-съ, сударь,—закричала она,—вы, должно быть, сегодня не намѣрены обѣдать... Уже четверть часа, какъ супъ на столѣ.

— Хорошо, Роза, иду,—отвѣчалъ онъ.

Онъ отошелъ отъ окна, извиняясь. Холодъ комнаты, о которой онъ совсѣмъ позабылъ, окончательно смутилъ его. Она показалась ему громадной исповѣдальной, съ своимъ грознымъ чернымъ распятіемъ, которое слышало все, что онъ наговорилъ...

Наконецъ онъ вышелъ. Онъ былъ еще на площадѣ, когда дверь затворилась за нимъ безъ шума. Безмолвіе лѣстницы раздражало его. Онъ спустился, бормоча:

«Вотъ дьяволь-человѣкъ! Ничего не спрашиваетъ, а ему все выболтаешь».

III.

На другой день, старуха Ругонъ, мать Марты, пришла въ гости къ Мурэ. Это было цѣлымъ событіемъ, потому что зять былъ въ ссорѣ съ родителями жены, послѣ избранія маркиза Лагрифуль, которое они приписывали его вліянію на крестьянское

населеніе. Марта одна бывала у родныхъ. Ея мать, «эта чернявка Фелиситэ», какъ ее величали, сохранила въ семьдесятъ лѣтъ худобу и живость молоденькой дѣвушки. Она носила теперь только шелковыя платья, со множествомъ сборокъ, и особенно любила желтый и коричневый цвѣтъ.

Въ этотъ день, когда она пришла, въ столовой находились только Марта и Мурэ.

— Гляди-ка, — сказала этотъ послѣдній, удивясь:—вѣдь это твоя мать... Чтѣ ей отъ насъ нужно? Всего мѣсяць, какъ она у насъ не была... Она навѣрное что-нибудь затѣваетъ.

Ругоны, у которыхъ онъ служилъ приказчикомъ до своей женитьбы, когда ихъ тѣсная лавчонка въ старомъ кварталѣ говорила о банкротствѣ, составляли предметъ его вѣчныхъ опасеній. Они, впрочемъ, платили ему глубокой и сильной враждой, ненавидя въ немъ пуще всего торговца, который быстро разбогатѣлъ. Когда ихъ зять говорилъ: «я своимъ состояніемъ обязанъ только своему труду», они сжимали губы, отлично понимая, что онъ обвинялъ ихъ въ томъ, что они нажили свое беззаконными происками. Фелиситэ, не взирая на свой прекрасный домъ на площади подпрефектуры, глухо завидовала спокойному очагу Мурэ, завидовала ожесточенной завистью бывшей торговки, обязанной своимъ довольствомъ не конторскимъ сбереженіямъ.

Фелиситэ поцѣловала Марту въ лобъ, точно той все еще было шестнадцать лѣтъ. Затѣмъ протянула руку Мурэ. Оба перебрались обыкновенно съ кисло-шутливой манерой.

— Ну, революціонеръ, — сказала она ему, улыбаясь:—жандармы еще не забрали васъ.

— Нѣтъ еще,—отвѣчалъ онъ, тоже смѣясь:—они дожидаются, чтобы вашъ мужъ отдалъ имъ приказъ арестовать меня.

— Ахъ, какой любезный отвѣтъ,—возразила Фелиситэ, глаза которой засверкали...

Впрочемъ, на этотъ разъ старуха сдержала свое негодованіе. Она ласково принялась разспрашивать Марту о разныхъ пустякахъ, прикинулась доброй бабушкой, журила зятя за то, что онъ не присылаетъ въ ней почаще «ребятишекъ». Она всегда такъ рада ихъ видѣть.

— Ахъ, кстати, — проговорила она наконецъ небрежно, — вотъ уже и октябрь на дворѣ; у меня снова возобновятся приемы, по четвергамъ, какъ и въ прошлые годы... Я рассчитываю на тебя, неправда-ли, милая Марта... А вы, Мурэ, неужто никогда не придете къ намъ, неужто вы весь вѣкъ будете дуться.

— Вы принимаете шайку подпрефекта, — пробормоталъ Мурэ съ угрюмымъ видомъ.

— Шайку подпрефектуры? — повторила она: — шайку подпрефектуры... Конечно, я принимаю этихъ господъ, но вѣдь я принимаю также и шайку г. Растуаля, — продолжала она, иронически напирая на слова... Мы, какъ видите, не отличаемся нетерпимостью: всѣмъ мнѣніямъ открытъ доступъ въ нашъ салонъ. Мой салонъ — нейтральная почва, запомните это, Мурэ; да, нейтральная почва — вотъ настоящее слово.

Она оживилась, говоря это. Каждый разъ, какъ ее наводили на этотъ разговоръ, она начинала сердиться. Ея салонъ былъ самымъ дорогимъ для нея дѣломъ; какъ она говорила, она желала въ немъ царить какъ свѣтская женщина, а не какъ глава партіи. Правда, что близкіе люди увѣряли, будто она держится примирительной тактики, которую ей рекомендовалъ сынъ Евгеній, министръ, возлагавшій на нее обязанность олицетворять въ Плассанѣ сладость и елейность имперіи...

Фелиситэ встала, повернулась спиной къ Мурэ, наотрѣвъ отъ казавшемуся посѣтить ее, и сказала дочери:

— Я все-таки рассчитываю на тебя, неправда-ли, моя дупечка?

— Разумѣется, — отвѣчала Марта, желавшая смягчить рѣзкій отказъ мужа.

Старуха уже уходила, какъ вдругъ будто вспомнила что-то.

— Кстати, вы отдали въ наймы второй этажъ?.. Ахъ, да, припоминаю: кажется, какому-то аббату. Мнѣ говорили объ этомъ... Что за человѣкъ, этотъ аббатъ?

Мурэ пристально поглядѣлъ на нее. У него мелькнуло подозрѣніе, что она приходила единственно изъ-за аббата Фожя.

Она же, обратившись къ Мартѣ, замѣтила:

— Знаешь, — когда увидишь своего постояльца, то ловко выпытай у него, доволенъ ли онъ будетъ моимъ приглашеніемъ.

— Мы его почти не видимъ, — поспѣвши отвѣтить Мурэ: — онъ приходитъ и уходитъ, не раскрывая рта... Къ тому же это не мое дѣло.

И поглядѣлъ на нее подозрительно. Конечно, она знала больше объ аббатѣ Фожя, чѣмъ хотѣла признаться.

Когда она уходила, Мурэ подслушалъ, какъ она говорила Мартѣ:

— Я бы лучше желала, чтобы ты пригласила его, потому что такимъ образомъ приглашеніе будетъ менѣ торжественно. Если ты найдешь случай переговорить съ нимъ, то доставишь мнѣ удовольствіе.

Она умоляла, замѣтивъ, что Мурэ ее подслушиваетъ.

— Ты знаешь, что я рѣшительно запрещаю тебѣ вмѣшиваться въ дѣла твоей матери, — сказала Мурэ женѣ, проводивъ свою тещу: — она вѣчно затѣваетъ интриги, въ которыхъ чортъ ногу сломить. На кой чортъ ей этотъ аббатъ? Она не стала бы приглашать его такъ-себѣ, зря, еслибы не видѣла въ этомъ своей выгоды. Этотъ патеръ не даромъ переѣхалъ изъ Безансона въ Плассанъ. Тутъ что-нибудь да кроется...

На другой день, въ среду, уходя изъ дома онъ услышалъ отъ Розы, что аббатъ Бурретъ уже съ часъ какъ сидитъ у постояльцевъ. Мурэ поймалъ аббата на улицѣ, когда тотъ уходилъ отъ Фожá. Аббатъ Бурретъ былъ толстякъ съ добрымъ, навнымъ лицомъ, большими дѣтскими голубыми глазами. Широкой шелковый поясъ, туго натянутый, обрисовывалъ почтенное брюшко; онъ шелъ, откинувъ назадъ голову, коротенькія ручки уже не сошлись одна съ другой, отяжелѣвшія ноги съ трудомъ двигались.

Мурэ, желая выпытать у аббата что-нибудь объ интригованьемъ его постояльцѣ, распространился на счетъ ума и высшихъ дарованій Фожá, утверждая, что знаетъ изъ вѣрныхъ источниковъ, будто его перевели въ ихъ епархію ради какихъ-то политическихъ цѣлей.

— Вы очень удивляете меня, — отвѣчалъ спокойно аббатъ Бурретъ... — Фожá человекъ простой и даже черезчуръ скромный. Это святой, но не ловкій человекъ. Я мелькомъ видѣлъ его у его преосвященства. Съ самаго перваго дня онъ не поладилъ съ аббатомъ Фениль. Между тѣмъ я объяснилъ ему, что надо подружиться съ главнымъ викаріемъ, если хочешь быть хорошо принятымъ въ епархіи. Онъ не повялъ; онъ, боюсь, немного ограниченъ...

Мурэ былъ сбить съ толку. Аббатъ Фожá становился для него омончательно непонятнымъ.

— Мнѣ однако говорили весьма положительно, — пыталъ онъ дальше аббата: — мнѣ говорили, что ему готовятъ высокую карьеру.

— И, нѣтъ! увѣряю васъ, нѣтъ! — вскричалъ аббатъ: — у Фожá нѣтъ будущности... Вотъ вамъ другой фактъ. Вы знаете, что я обѣдаю по вторникамъ у господина президента. На той недѣлѣ онъ просилъ меня привести къ нему Фожá... Ну! и что же бы вы думали сдѣлалъ Фожá. Наотрѣвъ отказался, да еще, помилуй Богъ! прибавилъ въ минуту запальчивости, что не желаетъ скомпрометировать себя... Онъ ребенокъ, большой ребенокъ, — продолжалъ аббатъ Бурретъ. — Спрашиваю васъ, на что похоже воображать, что обѣдъ у м-г Растуаля можетъ его ском-

прометтировать!... Поэтому, когда ваша теща, наша добрая м-ше Ругонъ поручила мнѣ пригласить къ ней аббата Фожá, я не скрылъ отъ нея, что не ручаюсь за успѣхъ порученія.

Мурэ навострилъ уши.

— Ахъ! моя теща поручила вамъ пригласить его?

— Да, она заходила вчера ко мнѣ въ ризницу... Такъ какъ я желаю угодить ей, то обѣщаль пойти сегодня къ этому бѣдному человѣку... Я былъ увѣренъ, что онъ откажется...

— И онъ отказался?

— Нѣтъ; къ величайшему моему изумленію, принялъ приглашеніе.

Мурэ раскрылъ ротъ, затѣмъ закрылъ его...

Вечеромъ, дожась спать, онъ небрежно спросилъ свою жену:

— Ты будешь завтра вечеромъ у своей матери?

— Нѣтъ, — отвѣчала Марта: — у меня слишкомъ много дѣла, я отправлюсь къ ней въ слѣдующій четвергъ.

Онъ не настаивалъ. Но прежде тѣмъ потушить свѣчу, зашѣтилъ:

— Напрасно ты такъ рѣдко выходишь. Ступай завтра къ матери, это тебя развлечетъ. Я присмотрю за дѣтми.

Марта поглядѣла на него удивленная. Обыкновенно онъ не пускалъ ее изъ дома, постоянно нуждаясь въ тысячѣ маленькихъ услугъ, и ворчалъ, когда она уходила на какой-нибудь часъ времени.

— Я пойду, если ты желаешь, — сказала она.

Онъ погасилъ свѣчу и, кладя голову на подушку, пробормоталъ:

— Да, да, ты намъ расскажешь о томъ, что тамъ будетъ... Это позабавитъ дѣтей...

Появленіе аббата Фожá въ салонѣ м-ше Ругонъ произвело впечатлѣніе, не выгодное для аббата. Онъ вошелъ съ высоко поднятой головой и вполне развязно. Медленно прошелъ онъ черезъ весь салонъ, чтобы поздороваться съ хозяйкой дома, которую угадалъ среди группы изъ пяти или шести дамъ. Онъ самъ отрекомендовался въ трехъ словахъ. Фелиситэ живо встала. Она разглядывала его съ головы до ногъ, бормоча съ улыбкой:

— Очень рада, господинъ аббатъ, очень, очень рада...

Между тѣмъ шествіе аббата черезъ салонъ привлекло всеобщее вниманіе. У одной молодой женщины, внезапно поднявшей голову, вырвался даже жестъ удивленія при видѣ этой черной массы, выросшей передъ ней. Аббатъ вообще не попра-

вился: онъ былъ слишкомъ высокъ, слишкомъ широкъ въ плечахъ; лицо у него было черезчуръ суровое; руки слишкомъ велики. При яркомъ освѣщеніи люстры, ряса его показалась таковой плачевной, что дамамъ стало какъ будто стыдно глядѣть на аббата, столь плохо одѣтаго. Онѣ подняли къ лицу вѣера и принялись шептаться, дѣлая видъ, что поворачиваются къ аббату спиной. Мужчины значительно переглянулись.

Фелисите почувствовала все недоброжелательство такого приѣма. Это ее повидимому разсердило и, стоя посреди салона, она во всеуслышаніе принялась осыпать аббата комплиментами.

Когда она оставила его, Фожъ усѣлся возлѣ каминна, въ комнатѣ рядомъ съ большимъ салономъ, и принялся размышлять о любовномъ приѣмѣ м-ше Руговъ. Черезъ нѣсколько минутъ, онъ услышалъ за собою голоса: его кресло, съ громадной спинкой, совершенно скрывало его.

— Я былъ у нихъ разъ въ то время, говорилъ чей-то голосъ. Они жили напротивъ, по той сторонѣ улицы Боннъ. Вы, должно быть, были въ Парижѣ въ то время, потому что весь Плассанъ знавалъ желтый салонъ Ругоновъ въ эту эпоху: жалчайшій въ мірѣ салонъ, съ желтыми пятнадцати-копеечными обоями и триповой хромой мебелью... А посмотрите-ка нее теперь, на эту чернявку въ коричневомъ атласѣ, какъ она тамъ раскинулась на этомъ оттоманѣ. Глядите, вотъ она протягиваетъ руку маленькому Делангру. Честное слово! она даетъ ему ее поцѣловать.

Другой, болѣе молодой голосъ пробормоталъ со смѣхомъ:

— Они, должно быть, пропасть наворовали, когда могли завести такой прекрасный салонъ: вѣдь ихъ салонъ—лучшій въ городѣ, знаете ли вы это?...

— Но гдѣ же они взяли такую кучу денегъ?

— Ахъ! въ этомъ-то и весь фокусъ... Ихъ сынъ, Евгений, тотъ, что сдѣлалъ въ Парижѣ такую изумительную карьеру, сдѣлался депутатомъ, министромъ, близкимъ совѣтчикомъ въ Тюльери, доставилъ отцу, разыгравшему здѣсь такой веселый фарсъ, мѣсто сборщика податей. Остальное они вѣроятно заняли у какого-нибудь банкира... Во всякомъ случаѣ, въ настоящее время они богаты, плутуютъ и наверстываютъ потерянное время. Я полагаю, что сынъ продолжаетъ переписываться съ ними, потому что до сихъ поръ они еще не сдѣлали ни одного промаха.

Голосъ умолкъ, но тотчасъ заговорилъ снова съ подавленнымъ смѣхомъ:

— Нѣтъ, не могу видѣть безъ смѣха, какъ эта провлятая стре-

воза Фелиситэ разыгрываетъ изъ себя герцогиню!... Мнѣ все припоминается ея желтый салонъ съ его истертымъ ковромъ, его грязными этажерками, его маленькой люстрой въ кисейномъ чахлѣ, засиженномъ мухами... Вотъ она раскланивается теперь съ дѣвицами Растуаль. Какowo! какъ она вертитъ шлейфомъ!... Эта старуха въ одинъ прекрасный вечеръ лопнетъ отъ торжества въ своемъ зеленомъ салонѣ.

— Ахъ! вотъ входитъ вашъ отецъ,— снова заговорилъ старческій голосъ.— Вотъ этотъ добрый докторъ. Удивительно, что онъ не разсказалъ вамъ всего этого... Онъ еще больше знаетъ, чѣмъ я.

— Э! отецъ боится, чтобы я не свомпрометтировалъ его,— весело отвѣчалъ другой...— Извините, я вижу сыновей Маффръ, и пойду позвать имъ руку.

Послышался шумъ отодвигаемыхъ стульевъ, и аббатъ Фожа увидѣлъ высокаго молодого человѣка, но съ испитымъ лицомъ, который перешелъ черезъ маленькій салонъ. Другая особа, та, которая такъ ловко отдѣлывала Ругоновъ, тоже встала. Одна проходившая дама благосклонно выслушала нѣсколько очень сладкихъ комплиментовъ: она смѣялась, называя его «милѣйшій м-г Кондаменъ». Тогда аббатъ узналъ красиваго шестидесятилѣтняго господина, на котораго указывалъ ему Мурэ въ саду подпрефектуры. М-г де-Кондаменъ подсѣлъ къ другому углу камина. Тамъ онъ съ величайшимъ изумленіемъ увидѣлъ аббата Фожа, котораго скрывала отъ него спина кресла; но онъ нисколько не смутился, улыбнулся и съ апломбомъ любезнаго человѣка:

— Господинъ аббатъ,— сказалъ онъ:— мы, кажется, невольно исповѣдывались... Тяжкій, не правда ли, грѣхъ— злословить ближняго? Къ счастью, вы здѣсь на лицо и можете отпустить намъ его.

Аббатъ, какъ ни владѣлъ своимъ лицомъ, однако не могъ не покраснѣть. Онъ отлично понялъ, что м-г де-Кондаменъ упрекаетъ его въ томъ, что онъ притаился, чтобы подслушать ихъ.

Спустя четверть часа, м-г де-Кондаменъ совсѣмъ успокоился. Онъ описывалъ Плассанъ аббату Фожа съ изысканной вѣжливостью свѣтскаго человѣка.

— Вы чужой между нами, господинъ аббатъ, — говорилъ онъ:— я буду очень радъ служить вамъ въ чемъ-нибудь... Плассанъ,— маленькій городишко, въ которомъ съ теченіемъ времени можно вырыть себѣ норву. Я самъ изъ окрестностей Дижона. Ну вотъ, когда меня назначили здѣсь инспекторомъ водъ и лѣ-

совъ, я возненавидѣлъ эту мѣстность и скучалъ въ ней до смерти. Это было наканунѣ имперіи. Послѣ 51-го года въ провинціи, увѣрю васъ, жилось невесело. Въ этомъ департаментѣ обыватели трусили, какъ зайцы. Видъ жандарма повергалъ ихъ въ трепеть... Мало-по-малу все успокоилось, и они зажили по прежнему, и я кончилъ тѣмъ, что примирился съ своей судьбой. Я живу внѣ дома, совершаю длинныя прогулки верхомъ, приобрѣлъ кое-какія связи.

Онъ понизилъ голосъ и продолжалъ конфиденціальнымъ тономъ:

— Вѣрите мнѣ, господинъ аббатъ, и будьте осторожны. Вы не можете представить себѣ, въ какой-было я попалъ просакъ... Плассанъ раздѣляется на три квартала, враждебные другъ другу: старый кварталъ, гдѣ вамъ придется раздавать одни благословенія и милостыни; кварталъ Сень-Маркъ, обитаемый мѣстнымъ дворянствомъ, обитель скуки и злобы, которую вамъ слѣдуетъ окончательно избѣгать, и новый городъ, кварталъ, который достраивается въ настоящую минуту вокругъ подпрефектуры, единственный возможный, единственный приличный... Я былъ такъ глупъ, чтобы искать убѣжища въ кварталѣ Сень-Маркъ, куда, я полагалъ, меня привлекали мои связи. Ну, и что-жъ? я нашелъ тамъ однѣхъ старыхъ вдовъ, сухихъ, какъ вѣшалки, да маркизовъ, набитыхъ соломой, точно чучелы. Всѣ тамъ вздыхаютъ по тѣмъ временамъ, когда Берта прядла ленъ. Ни собраній, ни праздниковъ; глухой заговоръ противъ счастливаго мира, которымъ мы наслаждаемся... Я чуть-было не скомпрометировалъ себя, честное слово... Пекёръ поднялъ меня на смѣхъ... М-г Пекёръ де-Солэ, нашъ подпрефектъ, вы его знаете... Тогда я перешелъ Променадъ-Соверское и нанялъ квартиру вотъ тутъ, на площади. Видите ли, въ Плассанѣ народа не существуетъ; легитимисты непроходимо глупы; только и есть сносныхъ людей нѣскольکو *parvenus*, милыхъ людей, которые изъ кожи лѣзутъ вонъ, чтобы угодить чиновникамъ. Нашъ маленькій служебный мірокъ очень счастливъ. Мы живемъ тѣсной семьей, какъ намъ приятно, не заботясь о туземцахъ, какъ живутъ люди, разбившіе свой лагерь въ завоеванной странѣ.

Онъ засмѣялся съ довольнымъ видомъ.

— Всего забавнѣе,—продолжалъ онъ:—это вѣчныя комедіи, которыя тутъ происходятъ. Еслибы вы знали дѣйствующихъ лицъ!.. Видите ли, вонъ тамъ *м-ше* Рагуаль, среди своихъ двухъ дочерей, эту даму лѣтъ сорока-пяти съ овечьей фізіономіей... Ну вотъ! замѣтили вы, какъ дрогнули ея вѣки, когда Делангръ усѣлся

противъ нея? Вонъ баринъ, смахивающій на полишинеля... Они очень близко знавали другъ друга лѣтъ десять тому назадъ. Говорятъ, что одна изъ дѣвицъ — его дочь, но хорошенько не знаютъ — которая. Всего забавнѣе то, что въ эту же эпоху у Делангра были маленькія непріятности съ женой; рассказываютъ, что его дочь прижита его женой съ однимъ живописцемъ, котораго знаетъ весь Плассанъ.

Аббатъ Фожá напелъ нужнымъ сдѣлать суровое лицо, выслушивая подобныя вещи; онъ совсѣмъ закрылъ глаза и какъ-будто не слушалъ. М-г де-Кондамень продолжалъ, какъ-бы въ свое оправданіе:

— Если я позволяю себѣ говорить такимъ образомъ про Делангра, то это потому, что я его отлично знаю. Онъ очень ловкій малый, этотъ плутъ! Кажется, отецъ его былъ каменщикомъ. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, онъ велъ мелкіе процессы, которыми пренебрегали другіе адвокаты. М-ше Растуаль положительно вывела его изъ нищеты; она послала ему даже дрова зимой, чтобы онъ не зябъ. Она же доставила ему первые выгодные процессы, которые онъ выигралъ. Замѣтьте, что Делангръ былъ настолько ловокъ тогда, что не заявлялъ никакихъ политическихъ мнѣній. Поэтому, когда въ 52 г. искали мэра, то выборъ тотчасъ же палъ на него: одинъ онъ могъ принять это званіе, не возбуждая страха ни въ одномъ изъ трехъ кварталовъ города. Съ втихъ поръ все ему удавалось. У него прекрасная будущность. Бѣда въ томъ, что онъ никакъ не можетъ поладить съ Певёромъ; они препираются о разныхъ пустякахъ.

Онъ умолкъ, видя, что къ нему подходитъ высокій молодой человекъ, съ которымъ онъ разговаривалъ за минуту передъ тѣмъ.

— М-г Гильомъ Поркье, — сказалъ онъ, представляя аббату сына доктора Поркье.

Затѣмъ, когда Гильомъ сѣлъ, онъ спросилъ, посмѣиваясь:

— Ну, что вы видѣли тамъ хорошенькаго?

— Ровно ничего, — отвѣчалъ молодой человекъ шутивнымъ тономъ: — я видѣлъ супруговъ Палокъ. М-ше Ругонъ старается всегда посадить ихъ позади какой-нибудь драпировки, во избѣжаніе несчастныхъ случаевъ. Одна беременная женщина, увидѣвшая ихъ однажды на гуляньѣ, чуть не выкинула... Палокъ не спускаетъ глазъ съ президента Растуала, надѣясь, конечно, убить его медленнымъ ужасомъ. Вы знаете, что это чудовище Палокъ рассчитываетъ умереть президентомъ.

Оба расхохотались. Безобразіе супруговъ Палокъ было предметомъ вѣчныхъ насмѣшекъ въ чиновничьемъ мірѣ.

Между тѣмъ аббатъ Фожя не отходилъ отъ нихъ. Онъ уже не слушалъ; онъ слѣдилъ за движеніями м-г Делангръ, который очень развязно занималъ дамъ въ зеленомъ салонѣ. Это зрѣлище настолько поглощало его, что онъ сначала не видѣлъ, какъ аббатъ Бурретъ поманилъ его рукою. Аббатъ долженъ былъ подойти и взять его за руку, прося послѣдовать за нимъ. Онъ отвелъ его въ комнату, гдѣ играли въ карты, съ предосторожностями, какъ чловѣкъ, которому нужно передать нѣчто весьма щекотливое.

— Другъ мой, — пробормоталъ онъ, когда они очутились наединѣ въ уголку, — вамъ простительно, вы въ первый разъ являетесь сюда; но я долженъ предупредить васъ, что вы скомпрометтировали себя, разговаривая такъ долго съ лицами, отъ которыхъ вы только-что отошли.

И такъ какъ аббатъ Фожя глядѣлъ на него съ большимъ удивленіемъ, онъ продолжалъ:

— Эти лица на худомъ счету... Конечно, я не намѣренъ осуждать ихъ или злословить. Изъ дружбы къ вамъ я васъ предупреждаю, вотъ и все.

Онъ хотѣлъ удалиться, но тотъ удержалъ его, живо проговоривъ:

— Вы меня встревожили, любезный м-г Бурретъ; объяснитесь, прошу васъ. Мнѣ кажется, что, не прибѣгая къ злословію, вы можете дать мнѣ нѣкоторые поясненія.

— Видите ли, — началъ старый аббатъ послѣ минутнаго колебанія, — этотъ молодой чловѣкъ, сынъ доктора Поркье, составляетъ несчастіе своего почтеннаго отца и подаетъ самый дурной примѣръ дѣльной молодежи Плассана. Въ Парижѣ онъ оставилъ одни долги; здѣсь мутитъ весь городъ... Что касается г. де-Кондамена...

Онъ снова запнулся, затрудняясь передать тѣ ужасы, которые ему приходилось сообщать; затѣмъ, опустивъ глаза, снова заговорилъ:

— М-г де-Кондаменъ неводерженъ на языкъ, и я боюсь, что онъ безнравственный чловѣкъ. Онъ никого не щадитъ; онъ скандализируетъ всѣ честныя души... Наконецъ, не знаю право, какъ это передать, — онъ... онъ, говорятъ, нечестно женился. Видите ли вы эту молодую женщину, которой нѣтъ еще тридцати лѣтъ, вонъ ту, за которой такъ ухаживаютъ... Ну, вотъ, въ одинъ прекрасный день онъ привезъ ее къ намъ въ Плассанъ, неизвѣстно откуда. На другой же день по своемъ прїѣздѣ сюда, она оказалась всемогущей. Она доставила вѣрсть своему мужу и доктору Поркье. У ней есть друзья въ Парижѣ... Прошу васъ, не

повторяйте того, что я вамъ говорю. М-ше де-Кондаменъ очень добра, очень сострадательна. Я бываю иногда у ней и былъ бы въ отчаяніи, еслибы она сочла меня за своего врага. Если за ней водились какіе-нибудь грѣшки, то намъ слѣдуетъ помочь ей обратиться на путь истинный. Что касается мужа, то, между нами будь сказано, это просто негодный человѣкъ. Будьте съ нимъ подальше.

Аббатъ Фожѣ поглядѣлъ достойному Буррету въ глаза. Онъ замѣтилъ, что м-ше Ругонъ издали слѣдила за ихъ бесѣдой съ озабоченнымъ видомъ.

— Не м-ше ли Ругонъ поручила вамъ дать мнѣ добрый совѣтъ?—спросилъ онъ рѣзко у стараго аббата.

— Вотъ еще! почему вы это знаете?—вскричалъ тотъ, очень удивясь.—Она просила меня не называть ее; но такъ какъ вы отгадали... Она добрая женщина, и ей было бы непріятно, еслибы патерь попалъ въ просакъ въ ея салонѣ. Къ несчастію, она вынуждена принимать всякій сбродъ.

Аббатъ Фожѣ поблагодарилъ, обѣщая быть осторожнымъ. Игроки вокругъ нихъ не поднимали головъ. Онъ вернулся въ большой салонъ, гдѣ снова почувствовалъ себя во враждебномъ лагерѣ; онъ замѣтилъ даже, что къ нему относились съ ббльшей холодностью, съ большимъ презрѣніемъ. Юбки подбирались при его проходѣ, точно онъ могъ ихъ замарать; черные фраки отворачивались съ хихиканьемъ. Онъ же оставался невозмутимо ясенъ. Заслышавъ, что кто-то съ аффектаціей произнесъ слово «Безансонъ» въ томъ углу комнаты, гдѣ царила м-ше де-Кондаменъ, онъ прямо подошелъ къ группѣ, образовавшейся вокругъ нея. Но при его приближеніи разговоръ прекратился, и всѣ глаза обратились на него, сверкая злымъ любопытствомъ. Не было сомнѣнія, что говорили про него, и что-нибудь нехорошее. Тогда онъ услышалъ, стоя позади двѣицъ Растуаль, не замѣтившихъ его приближенія, какъ меньшая спрашивала у другой:

— Но что же натворилъ въ Безансонѣ этотъ патерь, про котораго всѣ говорятъ?

— Право, не знаю,—отвѣчала старшая:—кажется, что онъ чуть-было не задушилъ своего кюрэ, поспоривъ съ нимъ. Папѣ говорить также, что онъ принималъ участіе въ промышленномъ предпріятіи, имѣвшемъ неблаговидный исходъ.

— Но онъ здѣсь, не правда-ли? въ маленькомъ салонѣ... Говорятъ, видѣли, какъ онъ смѣялся, разговаривая съ м-г де-Кондаменомъ.

— Если онъ смѣялся вмѣстѣ съ ш-г де-Кондаменомъ, то его недаромъ опасаются.

Эта болтовня двухъ дѣвицъ вызвала холодный потъ на виски аббата Фожя. Онъ бровью не моргнулъ; но ротъ его сжался, лицо приняло мертвенный оттѣнокъ. Теперь ему слышалось, что весь салонъ толковалъ о кюрэ, котораго онъ задушилъ, о не-благовидныхъ дѣлахъ, въ которыхъ онъ участвовалъ. Напротивъ него строили суровыя лица Делангръ и докторъ Поркье. М-ег Бурдэ презрительно кривилъ ротъ, разговаривая съ дамой; г. Мафферъ, мировой судья, глядѣлъ на него исподлобья, словно издали обнюхивалъ его, прежде чѣмъ укусить, а съ другого конца комнаты, супруги Палбкъ, два чудовища, вытягивали свои рожки, налитыя желчью, на которыхъ читалась радость, доставляемая имъ тѣми гадостями, которыя передавались шепотомъ про него.

Онъ прислонился къ фортепiano, стоявшему позади него, и остался тамъ, высоко поднявъ голову, съ суровымъ и нѣмымъ лицомъ, точно каменное изваяніе. Рѣшительно существовалъ разговоръ, и съ нимъ обращались, какъ съ паріей.

Въ своей неподвижности, аббатъ, глаза котораго обѣгали салонъ изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ, вдругъ сдѣлалъ - было движеніе, которое тотчасъ же сдержалъ. Онъ увидѣлъ позади цѣлой баррикады изъ юбокъ аббата Фениль, въ креслѣ, скромно улыбавагося. Глаза ихъ встрѣтились; они глядѣли другъ на друга съ секунду, съ сердитымъ видомъ двухъ дуэлистовъ, приступающихъ къ смертному бою. Затѣмъ платья зашуршали, и главный викарій снова исчезъ въ кружевахъ этихъ дамъ.

Между тѣмъ Фелиситэ ловко пробралась къ фортепiano.

— Вашъ дебютъ совсѣмъ неудаченъ, — прошептала она на ухо Фожя: — вы совсѣмъ провалились, и я совѣтую вамъ не показываться сюда нѣсколько времени... Надо заставить себя любить, слышите ли? Дѣйствуя на проломъ, вы погубите себя.

Аббатъ Фожя, казалось, раздумывалъ о чемъ-то.

— Вы говорите, что всѣ эти пакостныя исторіи распущены аббатомъ Фениль? — спросилъ онъ.

— О! онъ слишкомъ хитѣръ, чтобы выставиться впередъ; онъ шепнулъ про нихъ своимъ духовнымъ дочерямъ. Я не знаю — угадалъ ли онъ, что вы за человѣкъ, но онъ боится васъ, это несомнѣнно; онъ станетъ бороться противъ васъ всевозможнымъ орудіемъ... Хуже всего, что онъ духовникъ самыхъ знатныхъ особъ здѣшняго города. Избраніе маркиза Лагрифуль дѣло его руль...

— Я напрасно явился на этотъ вечеръ,—проговорилъ Фожá. Фелиситэ закусила губы, и живо возразила:

— Вы напрасно скомпрометтировали себя съ такимъ господиномъ, какъ этотъ Кондамень. Я все желала устроить въ лучшему. Когда извѣстная вамъ особа написала мнѣ изъ Парижа, я думала быть вамъ полезной, пригласивъ васъ сюда. Я воображала, что вы сумѣете найти здѣсь друзей. То былъ бы первый шагъ. Но вмѣсто того, чтобы искать расположенія людей, вы ихъ возстановляете противъ себя... Извините за откровенность, но я нахожу, что вы дѣйствуете шиворотъ-навыворотъ. Вы дѣлали ошибку за ошибкой, нанявъ квартиру у моего зятя, заперевшись въ четырехъ стѣнахъ и нося рясу, которая возбуждаетъ веселость уличныхъ мальчишекъ...

Аббатъ Фожá не могъ сдержать нетерпѣливаго жеста. Онъ отвѣчалъ:

— Я воспользуюсь вашими добрыми совѣтами. Не покровительствуйте мнѣ. Это испортить все дѣло.

— Да, это хорошая тактика,—сказала старуха.—Возвращайтесь въ мой салонъ только побѣдителемъ... Последнее слово, *cher monsieur*: особа, живущая въ Парижѣ, очень интересуется вашимъ успѣхомъ, и вотъ почему я принимаю въ васъ участіе. Ну-съ, такъ повѣрьте мнѣ, не будьте суровы; будьте любезны, старайтесь понравиться женщинамъ. Запомните это: старайтесь понравиться женщинамъ, если желаете овладѣть Плассаномъ.

По просьбѣ m-me Ругонъ, аббатъ Фожá вернулся домой вмѣстѣ съ Мартой, которую та ему поручила охранять дорогой.

Проводивъ ихъ до дверей, Фелиситэ повторила на-ухо патеру съ улыбкой:

— Помните, что я вамъ сказала: старайтесь понравиться женщинамъ, если желаете, чтобы Плассанъ былъ въ вашихъ рукахъ.

IV.

Въ тотъ же вечеръ Мурэ, не спавшій, когда вернулась домой его жена, осыпалъ Маргу вопросами, на которые та, въ его досадѣ, не сумѣла отвѣчать ему.

На другой день, вернувшись къ обѣду, онъ закричалъ ей еще издали:

— Я знаю, что тебѣ даны глаза, чтобы ничего не видѣть... Ахъ! какъ это похоже на тебя! Просидѣть весь вечеръ въ салонѣ и ничего не видѣть и не слышать, что происходитъ вокругъ.

Да весь городъ только о томъ и говорить, слышишь! Всякій, кого я ни встрѣчалъ, говорилъ мнѣ объ этомъ.

— О чемъ, мой другъ?—спросила удивленная Марта.

— О прекрасномъ приѣмѣ, который встрѣтилъ аббатъ Фожá! Его, говорятъ, просто выгнали.

— Право, нѣтъ; я ничего подобнаго не видала.

— Ты ничего не видишь, говорю тебѣ!.. Знаешь ли, что надѣлалъ въ Безансонѣ этотъ аббатъ? Онъ задушилъ патера или поддѣлалъ документы,—навѣрное не знаютъ... Но все равно, досталось же ему. Теперь это погибшій человѣкъ.

Со всѣмъ тѣмъ изъ духа противорѣчія, присущаго ему, Мурэ въ разговорахъ съ горожанами защищалъ аббата. Спустя нѣкоторое время онъ сталъ горой за аббата, пользуясь его именемъ, чтобы громить шайку Растуалей и шайку подпрефектуры.

Марта тихо улыбалась. Она была довольна, что мужъ хорошо относится къ постояльцамъ. Роза получила приказаніе быть съ ними услужливой. М-те Фожá хотя и отвергала услуги кухарки, однако настолько приручилась, что, встрѣтивъ разъ Марту, сходящую съ чердака, на которомъ сохранялись фрукты, разговорилась съ ней и даже согласилась принять двѣ великолѣпныхъ груши. Эти двѣ груши послужили звеномъ для болѣе тѣсной дружбы.

Съ своей стороны аббатъ Фожá не избѣгалъ больше Мурэ, который, узнавъ, что его мать играетъ въ пикетъ, его любимую игру, пригласилъ аббата провести вечеръ внизу вмѣстѣ съ его матерью. Аббатъ, къ великому изумленію Мурэ, явился въ новой, какъ съ иглочьи, рясѣ, которую Мурэ пожиралъ глазами. Пикетъ длился до одиннадцати часовъ. Старуха Фожá обыграла своего хозяина. Прощаясь, онъ сказалъ ей: «до-завтра, неправда-ли?»

И такъ какъ аббатъ Фожá извинялся, говоря, что не хочетъ злоупотреблять ихъ любезностью, онъ вскричалъ:

— Помилуйте, вы доставите намъ большое удовольствіе. Къ тому же я проигралъ и долженъ отыгратъся.

Съ этихъ поръ, каждый день аккуратно, патерь и его мать проводили свои вечера вмѣстѣ съ Мурэ. Между старухой и ея хозяиномъ завязалась страшная борьба. Старуха какъ будто играла имъ и допускала его выиграть ровно настолько, чтобы онъ не падалъ духомъ, и это поддерживало въ немъ глухую ярость, тѣмъ болѣе, что онъ хвалился, что силенъ въ пикетѣ. Она сохраняла невозмутимое хладнокровіе. Ея грубое, бабье лицо оставалось неподвижно; большія ручки подбирали взятки съ силой и правильностью машины. Съ восьми ча-

совъ они усаживались за карточный столъ, изъ-за котораго не вставали во весь вечеръ.

На другомъ концѣ комнаты, у каминна, аббатъ Фожá и Марта оставались какъ-бы наединѣ. Аббатъ проникнуть былъ презрѣнiемъ къ женщинѣ, и какъ мужчина, и какъ патерь. Онъ устранялъ ее, какъ препятствiе, недостойное сильныхъ людей. Помимо его воли, презрѣнiе сквозило порою въ какомъ-нибудь жѣсткомъ словѣ, и Марта, смущенная, поднимала глаза съ испугомъ челоуѣка, оглядывающагося назадъ, какъ бы ожидая внезапнаго нападенiя. Дружескiя отношенiя не скоро установились между ними.

Никогда аббатъ Фожá не разспрашивалъ Марту прямо объ ея мужѣ, дѣтахъ и домѣ. Но однажды онъ замѣтилъ ей о сходствѣ, существовавшемъ между нею и ея мужемъ. «Да вѣдь мы двоюродные братъ и сестра», отвѣчала она, краснѣя:—«мой мужъ изъ рода Маккарровъ, а я Ругонъ». И она умолкла на минуту, догадываясь, что патеру извѣстна исторiя ея семейства, надѣлавшая шуму въ Плассанѣ. Маккары были побочной линiей Ругоновъ.

— Всего удивительнѣе,—прибавила она, чтобы скрыть свое смущенiе,—что мы оба похожи на нашу бабушку. Мать моего мужа передала ему это сходство, а у меня оно какъ-бы перескочило черезъ одно поколѣнiе. Отецъ мой не былъ похожъ на свою мать.

Тогда аббатъ привелъ подобный же примѣръ въ своемъ семействѣ. У него была сестра, говорилъ онъ, какъ двѣ капли воды похожая на дѣда своей матери. И мало того, во всемъ, во всѣхъ своихъ привычкахъ, вкусахъ напоминала его.

— Это какъ я,—замѣтила Марта:—когда я была маленькой, про меня говорили: «она вылитая тетушка Дидь». Бѣдная женщина теперь находится въ домѣ умалишенныхъ; у ней голова никогда не была совѣтъ въ порядѣ.

Мало-по-малу аббатъ проникъ во всѣ закоулки ихъ прежней и настоящей жизни. Онъ узналъ всѣ скрытыя, большыя мѣста въ душѣ Марты. Она, конечно, любила своего мужа дружеской привязанностью, но къ ней примѣшивалась боязнь вѣчныхъ насмѣшекъ Мурэ. Ее оскорблялъ также его эгоизмъ, требовательность, тотъ уединенный покой, въ которомъ онъ ее держалъ и который она на словахъ такъ любила. Ее пугало, кромѣ того, наследственное сумасшествiе или, лучше сказать, слабоумiе въ ея родѣ. Бабка ея, Аделаида, жила въ заключенiи въ домѣ умалишенныхъ, въ Тюлетѣ. Сама она жаловалась, что въ молодости не могла похвалиться крѣпкой головой, страдала головокруженiями, нервными

припадками, которые прошли съ годами. Дочь ея, Дезирэ, росла полу-идіоткой. Аббатъ Фожá почувствовалъ, что затаённый разладъ жилъ въ этомъ безмятежномъ на видъ домѣ.

Вечера проходили одинъ за другимъ. Наступилъ уже февраль. Въ своихъ бесѣдахъ аббатъ Фожá, казалось, старательно избѣгалъ разговоры о религіи. Сама Марта сказала ему однажды почти весело:

— Нѣтъ, господинъ аббатъ, я не богомольна; я не часто хожу въ церковь... Какъ быть? Въ Марсели я всегда бывала очень занята; теперь мнѣ лѣнь выходить изъ дому. Къ тому же я должна сознаться, что была воспитана не въ религіозныхъ идеяхъ.

Аббатъ наклонилъ голову, не говоря ни слова, какъ-бы давая этимъ знать, что предпочитаетъ не говорить объ этомъ предметѣ. Однако однажды вечеромъ онъ набросалъ краснорѣчивую картину тѣхъ утѣшеній, какія доставляетъ религія страждущимъ душамъ.

Марта слушала его съ мечтательнымъ видомъ. — Да, это должно быть большое счастье,—прошептала она: — я думала объ этомъ иногда, но мнѣ всегда становилось страшно.

Аббатъ, впрочемъ, рѣдко затрогивалъ эти вопросы; напротивъ того, онъ часто говорилъ о милосердіи. Марта была очень добра; слезы навертывались у ней на глазахъ при разсказѣ о чьемъ-либо несчастіи. Работа вываливалась у ней изъ рукъ, лицо принимало страдальческое выраженіе, между тѣмъ какъ онъ описывалъ ей бѣдственное положеніе людей, умирающихъ съ голоду, о несчастныхъ, которыхъ нищета доводитъ до преступленія. Въ эти минуты она принадлежала ему вполне, и онъ могъ бы сдѣлать изъ нея все, чтó могъ. А въ то же время, зачастую, на другомъ концѣ комнаты Мурэ и ш-ше Фожá препирались о четырнадцати ворахъ, ошибочно возвѣщенныхъ или о неправильномъ сносѣ.

Въ половинѣ февраля печальная исторія взволновала весь Плассанъ. Открыли, что цѣлая толпа молодыхъ дѣвушекъ, почти дѣтей, были вовлечены въ развратъ. При этомъ, говорилось, что скомпрометтированы были высокопоставленныя лица въ городѣ.

— Какъ жаль, — сказалъ однажды вечеромъ аббатъ Фожá, что въ Плассанѣ не существуетъ благотворительнаго пріюта по образцу Безансонскаго.

На неотступные разспросы Марты аббатъ объяснилъ, какаго это рода пріютъ. Туда приходили дѣти рабочихъ, дѣвочки отъ 8-ми до 15-ти лѣтъ, которыхъ родители вынуждены были по-видать безъ призора. Днемъ ихъ занимали шитьемъ, а вечеромъ

онѣ возвращались въ семьѣ. Мартѣ идея эта очень понравилась. Мало-по-малу она до того завладѣла ею, что Марта только и говорила, что о необходимости основать такой приютъ въ Плассанѣ. Аббатъ выставлялъ на видъ ей всѣ трудности такого предпріятія, но она объявила, что принимаетъ всѣ хлопоты на себя.

Вечеромъ этого же дня она достала изъ шкафа шелковое платье. Мужъ съ удивленіемъ спросилъ ее:—развѣ она намѣрена идти завтра со двора?

— Да,—отвѣчала она,—у меня есть дѣло: я должна пови-даться въ церкви съ аббатомъ Фожѣ по одному дѣлу, о которомъ я тебѣ скажу.

Онъ остановился передъ ней въ изумленіи, глядя, не смѣется ли она надъ нимъ. Затѣмъ, не сердясь, но съ насмѣшкой:

— Вотъ какъ,—пробормоталъ онъ:—ты теперь водишься съ патерами. Это для меня новость...

На слѣдующій день Марта прежде всего пошла къ матери и сообщила ей о своемъ планѣ.

— Это аббатъ Фожѣ придумалъ, — быстро перебила ее Фелиситѣ.

— Дѣйствительно,—отвѣчала Марта съ удивленіемъ: — мы много толковали объ этомъ. Почему вы это знаете?

М-ше Ругонъ слегка пожала плечами, не давая болѣе яснаго отвѣта.

Совсѣмъ тѣмъ она одобрила планъ дочери, которая отъ нея отправилась ко всѣмъ нотаблямъ города, стараясь заинтересовать ихъ въ этомъ предпріятіи. М-ше де-Кондамень объявила, что въ восторгѣ отъ этой идеи и готова содѣйствовать ей изъ всѣхъ силъ. Когда Марта сообщила ей, что ея мать не хочетъ участвовать въ комитетѣ, то рвеніе м-ше де-Кондамень еще возросло. Отъ нея Марта отправилась къ м-ше Делангръ и м-ше Растуаль. Онѣ обошлись съ ней очень вѣжливо, но холоднѣе отнеслись къ ея проекту, чѣмъ м-ше де-Кондамень. Обѣ напирала на экономическую сторону вопроса: понадобится много денегъ. Марта, переговорившая предварительно съ архитекторомъ, котораго ей рекомендовалъ Фожѣ, успокаивала ихъ, показывала имъ смѣту. Обѣ обѣщали свое участіе.

Супруговъ Палокъ труднѣе было уломать:

— Маленькія негодяйки, — вскричалъ мировой судья, когда Марта заговорила о несчастныхъ жертвахъ этой гнусной исторіи. — Мнѣ рассказывали славныя вещи сегодня въ судѣ. Онѣ увлекли въ развратъ весьма почтенныхъ людей... Вы напрасно интересуетесь этой сволочью, сударыня!...

...Когда Марта вернулась наконецъ домой, было около восьми часовъ. Мурэ ждалъ ее съ добрыхъ полчаса, чтобы сѣсть за столъ. Она опасалась ужасной сцены. Но когда раздѣлась и сошла внизъ, то нашла мужа верхомъ на стулѣ, отбивающимъ по столу отбой. Онъ осыпалъ ее насмѣшками:

— Я,—говорилъ онъ,—думалъ, что ты проведешь нынѣшнюю ночь въ исповѣдальнѣ... Теперь, когда ты вздумала ходить въ церковь, пожалуйста, предупреждай меня, когда будешь приглашена патерами, чтобы я могъ обѣдать внѣ дома.

Весь обѣдъ онъ преслѣдовалъ ее насмѣшками. Марта страдала больше, чѣмъ еслибы онъ разбилъ ее. Нѣсколько разъ она взглядомъ умоляла его перестать. Но это только больше подзадоривало его. Октавъ и Дезирэ хохотали. Сержъ молчалъ, принимая въ душѣ сторону матери. За десертомъ Роза, совсѣмъ растерянная, пришла сказать, что барыню желаетъ видѣть г. Делангръ.

— Ага! ты также подружилась и съ властями,—подсмѣивался Мурэ.

Три дня спустя учредился комитетъ дамъ-патронессъ. Весь Плассанъ пришелъ въ волненіе. Вскорѣ только и толковъ было, что о новомъ приютѣ, посвященномъ Святой Дѣвѣ. Подписные листы, обходившіе всѣ три квартала, были покрыты подписями въ одну недѣлю... Такъ какъ «Плассанская Газета» печатала списокъ пожертвованій, то это задѣвало тщеславіе, и жители одни передъ другими щеголяли великодушіемъ.

Между тѣмъ, среди всего этого гама имя аббата Фожá часто упоминалось съ похвалой. Хотя каждая изъ дамъ-патронессъ заявляла, что идея принадлежитъ ей, однако всѣмъ было извѣстно, что аббатъ занесъ изъ Безансона эту удивительную идею. Видѣли, какъ мэръ пожалъ ему руку, называя его «*cher monsieur*». Это произвело переворотъ въ его пользу. У него явились приверженцы, защищавшіе его отъ нападокъ враговъ. На улицѣ ему приходилось теперь безпрестанно отвѣчать на поклоны. Въ одно воскресенье *m-me de Кондамень* остановила его при выходѣ изъ церкви, по окончаніи вечерни, и съ полчаса бесѣдовала съ нимъ.

— Ну-съ! господинъ аббатъ,—подсмѣивался Мурэ:—вотъ вы попали въ святые... И подумать, что всего какихъ-нибудь шесть мѣсяцевъ назадъ я одинъ защищалъ васъ противъ всѣхъ... Однако, на вашемъ мѣстѣ я бы все-таки держался на-сторожѣ. Противъ васъ весь епископскій дворецъ.

Патеръ слегка пожималъ плечами. Онъ зналъ, что вражда,

которую онъ еще встрѣчалъ, шла отъ духовенства. Аббатъ Фениль держалъ въ своихъ ежѣвыхъ рукавицахъ монсеньора Русло. Въ концѣ марта главный викарій уѣхалъ, и аббатъ Фожа воспользовался его отсутствіемъ, чтобы сдѣлать нѣсколько визитовъ въ епископскій дворецъ. Аббатъ Сюрень, секретарь его преосвященства, рассказывалъ, что этотъ «бѣдовый человѣкъ» оставался взаперти съ его преосвященствомъ по цѣлымъ часамъ, и что епископъ былъ всегда страшно не въ духѣ послѣ этихъ посѣщеній. Когда вернулся аббатъ Фениль, аббатъ Фожа прекратилъ свои визиты, уступая ему мѣсто. Но епископъ остался въ тревогѣ: очевидно было, что какая-то катастрофа нарушила мирное существованіе безпечнаго прелата. За обѣдомъ, который онъ задалъ своему духовенству, онъ былъ особенно любезенъ съ аббатомъ Фожа, хотя этотъ послѣдній все еще оставался смиреннымъ викаріемъ Сень-Сатюрнена. Тонкія губы аббата Фениля становились съ каждымъ днемъ все тоньше и тоньше; его духовныя дочери бѣсили его разспросами объ его здоровьѣ.

Аббатъ Фожа, напротивъ того, все прояснялся. Онъ продолжалъ свою строгую жизнь; но лицо и манеры его обличали спокойную самоувѣренность. Окончательно восторжествовалъ онъ въ одинъ вторникъ вечеромъ. Онъ стоялъ у своего окна, наслаждаясь первымъ весеннимъ тепломъ, когда общество м-г Певёрде-Солэ спустилось въ садъ и издали поклонилось ему. Тамъ была м-ше Кондамень, которая простерла фамиллярность до того, что махнула ему платкомъ въ знакъ привѣтствія. Но въ этотъ самый моментъ, по другую сторону, общество м-г Рагуаля разсаживалось возлѣ каскада на садовыхъ стульяхъ. М-г Делангръ, прислонясь къ террасѣ подпрефектуры, слѣдилъ за тѣмъ, что происходило у судьи, черезъ садъ Мурэ.

— Вы увидите, что они не удостоятъ его замѣтить, — проормоталъ онъ.

Онъ ошибался. Аббатъ Фениль, повернувъ голову какъ-бы невзначай, снялъ шляпу. Тогда всѣ патеры, бывшіе тутъ, послѣдовали его примѣру, и аббатъ Фожа отдалъ поклонъ.

Затѣмъ, медленно обведя глазами оба общества, онъ отошелъ отъ окна и задернулъ бѣлыя занавѣски, дышавшія монастырской скромностью.

V.

...Время шло. Марта все тѣснѣе сближалась съ патеромъ. У нихъ было общее дѣло, вызывавшее постоянныя и нескончаемыя бесѣды между ними.

Теперь Марта по вечерамъ не штопала больше бѣлья. Она выходила изъ дому почти каждый день, что ее очень утомляло. Послѣ обѣда у нея не хватало духу браться за иголку. Розѣ пришлось штопать бѣлье. Мурѣ пожаловался, что его носки въ дырахъ.

...Аббатъ понукалъ ее, увѣряя, что дѣло совсѣмъ не идетъ. Марта кончила тѣмъ, что каждый день приходила къ нему въ церковь. Она входила съ головой, наполненной цифрами. Проклада, царствовавшая въ церкви, нѣсколько успокоивала ее. Она обмакивала пальцы въ святую воду, машинально крестилась, какъ и всѣ. Черезъ мѣсяць въ соборѣ Сентъ-Сатюрнена не было угла, который былъ бы ей незнакомъ. Она начинала любить его высокіе своды, торжественную наготу стѣнъ, стулья, выстроенныя въ рядъ. Когда дверь церкви запиралась за ней, она ощущала чувство успокоенія, какое-то забвеніе всѣхъ мелочей жизни.

Аббатъ Фожâ какъ будто не замѣчалъ медленнаго пробужденія, охватывавшаго ее съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе. Онъ оставался для нея дѣятельнымъ, озабоченнымъ человекомъ. Патеръ никогда не заявлялъ о своемъ существованіи.

— Ну, — говаривалъ Мурѣ, — когда будетъ первое причащеніе?

Онъ продолжалъ осыпать ее насмѣшками. Она никогда не отвѣчала; она устремляла на него неподвижный взглядъ, въ которомъ вспыхивало по временамъ пламя, когда онъ заходилъ слишкомъ далеко. Мало-по-малу въ словахъ его стало больше горечи, ему уже не весело было смѣяться надъ ней. Черезъ мѣсяць онъ началъ сердиться.

— Ну, есть ли смыслъ возиться съ патерами, — ворчалъ онъ въ тѣ дни, когда находилъ, что обѣдъ его не готовъ. — Тебя теперь никогда нѣтъ дома... Это бы еще куда ни шло, еслибы все хозяйство отъ того не страдало. Но у меня все бѣлье разваливается, столъ не накрытъ къ семи часамъ, съ Розой нѣтъ никакого сладу, весь домъ вверхъ дномъ.

И онъ поднималъ тряпку, которая валялась, запиралъ позабытую бутылку съ виномъ, вытиралъ пыль на мебели кончикомъ пальца, все болѣе и болѣе раздражался и кричалъ:

— Мнѣ остается только взяться за метлу, — не правда ли? и надѣть кухонный передникъ!... Ты до этого допустила бы меня, честное слово! ты оставила бы меня хозяйничать, и даже не замѣтила бы этого. Знаешь ли, что я сегодня добрыхъ два часа прибирала этотъ шкапъ? Нѣтъ, душа моя, такъ жить долѣе невозможно.

Марта извинялась въ нѣсколькихъ словахъ. Ей необходимо было выдти. Мурэ, съ своимъ задорнымъ здравымъ смысломъ, говорилъ правду: домъ сталъ вверхъ дномъ. Этотъ мирный уголокъ, надъ которымъ такъ любовно закатывалось солнце, становился шумнымъ, беспорядочнымъ. Дѣти, безъ всякаго надзора, ходили на головахъ, отецъ былъ постоянно не въ духѣ, мать погружена въ усталую мечтательность. За столомъ, вечеромъ, всѣ плохо обѣдали и ссорились. Роза закусила удила. Къ тому же она была на сторонѣ барыни...

Аббатъ Фожэ исповѣдывалъ по вторникамъ и пятницамъ. Въ эти дни Марта избѣгала заходить въ соборъ, боясь помѣшать ему. Однажды нечаянно она зашла въ соборъ въ пятницу и спросила аббата Фожэ. Въ ожиданіи его она присѣла у рѣшетки, внѣ церковнаго придѣла. Небо было пасмурно. Въ церкви царствовалъ полумракъ. Марту охватила не то дремота, не то обморокъ, ноги у ней подвертывались, руки такъ отяжелѣли, что она не могла поднять ихъ съ колѣнъ.

Чей-то голосъ вывелъ ее изъ этой сладкой истомы.

— Мнѣ очень жаль, что я заставилъ васъ дожидаться, — говорилъ аббатъ Фожэ.

Она встрепенулась и поглядѣла на него. Онъ стоялъ передъ ней въ облаченіи и смотрѣлъ на нее глубокимъ взглядомъ. Она опустила голову, какъ-бы подавленная этимъ взглядомъ. Когда она подняла ее, то встрѣтила глаза патера и, сложивъ руки, какъ бы моля о пощаду, разрыдалась. Патеръ далъ ей выплакаться, молча стоя передъ ней. Тогда она упала передъ нимъ на колѣни, плача и закрывая лицо руками.

— Встаньте, прошу васъ, — вротко проговорилъ аббатъ Фожэ: — колѣна преклоняютъ только передъ Богомъ.

Онъ поднялъ ее и сѣлъ рядомъ съ ней. Затѣмъ они долго разговаривали шепотомъ. Когда наконецъ они встали, онъ, повидимому, отказывалъ ей въ какой-то просьбѣ.

На другое утро Сентъ-Саторненскія богомолки были крайне изумлены, что м-ше Мурэ опустилась на колѣни передъ исповѣдальной аббата Буррегъ. Два дня спустя въ Плассанѣ только и толковъ было, что про это обращеніе. Имя аббата Фожэ было

произносимо нѣкоторыми съ тонкой улыбкой, но въ суммѣ впечатлѣніе было въ пользу аббата. Всѣ дивились только выбору въ духовники аббата Бурретъ. Этотъ почтенный человѣкъ исповѣдывалъ однѣхъ маленькихъ дѣвочекъ. Дамы находили, что онъ «совсѣмъ не занимателенъ!» Когда Марта наивно рассказала, что аббатъ Фожъ отказался быть ея духовникомъ, м-ше де-Кондаменъ выкинула штуку; она оставила своего духовника, главнаго викарія, который пришелъ отъ того въ отчаяніе, и перешла къ аббату Фожъ. Эта выходка окончательно завоевала ему первое мѣсто въ Плассанѣ.

Когда Мурэ узналъ, что его жена ходитъ на исповѣдь, то замѣтилъ ей просто:

— Ты, значить, дѣлаешь теперь что-нибудь худое, что тебѣ пришла охота пересказывать свои дѣла патеру?..

...Прошло лѣто. Аббатъ Фожъ повидимому вовсе не торопился извлекать выгоды изъ своей популярности. Въ первыхъ числахъ сентября пріютъ былъ готовъ. Открытіе его сопровождалось трогательной церемоніей. Самъ епископъ пріѣзжалъ со всѣмъ капитуломъ водворять сестеръ св. Іосифа, которымъ поручено было вести заведеніе.

Когда церемонія кончилась, епископъ захотѣлъ осмотрѣть домъ въ подробности. Несмотря на очевидную досаду аббата Фениль, онъ подозвалъ аббата Фожъ, который ни на минуту не спускалъ съ него своихъ черныхъ глазъ, и попросилъ сопровождать его, говоря, что не можетъ найти лучшаго руководителя. Слово это было услышано: вечеромъ весь Плассанъ комментировалъ поведеніе монсеньора...

...Съ нѣкоторыхъ поръ аббатъ Фожъ часто получалъ письма, штампель которыхъ показывалъ, что они изъ Безансона. Всѣ они были надписаны однимъ и тѣмъ же жирнымъ и некрасивымъ почеркомъ. Роза, относившая эти письма наверхъ, увѣряла, что онъ сердился при одномъ видѣ конвертовъ.

— Его лицо становится такимъ страннымъ, — говорила она: — нѣтъ сомнѣнія, что онъ не любитъ ту особу, которая пишетъ ему эти письма.

Все прежнее любопытство Мурэ пробудилось по случаю этой переписки. Однажды онъ самъ отнесъ наверхъ письмо, съ любезной улыбкой извиняясь, что Роза вышла. Аббатъ, который былъ, конечно, на-сторожѣ, сдѣлалъ видъ, что очень радъ письму и ждалъ его съ нетерпѣніемъ. Но Мурэ не повѣрилъ этой комедіи; онъ остался на площадѣ и приложилъ ухо къ замочной скважинѣ.

— Опять отъ твоей сестры, не правда ли?—говорилъ грубый голосъ m-me Фожэ.—Чего она тебя такъ преслѣдуетъ?

Наступило молчаніе; затѣмъ слышно стало, какъ аббатъ мялъ письмо въ рукахъ, и голосъ его загремѣлъ:

— Да все та же пѣсня! Она хочетъ пріѣхать къ намъ и привести своего мужа, которому мы должны найти мѣсто. Она воображаетъ, что мы здѣсь купаемся въ золотѣ... Я боюсь, чтобы они не свалились къ намъ въ одинъ прекрасный день, какъ свѣтъ на голову...

— Нѣтъ, нѣтъ, намъ ихъ не нужно, слышишь, Овидій!—возразилъ голосъ матери.—Они тебя никогда не любили и всегда завидовали тебѣ... Трушь негодяй, а Олимпія бездушная женщина. Увидишь, что они захотятъ забрать весь барышъ себѣ. Они тебя скомпрометируютъ и будутъ служить помѣхой въ твоихъ дѣлахъ...

Черезъ нѣсколько дней однако сестра аббата съ своимъ мужемъ явились въ Плассанъ и, не взирая на явное и заявленное нежеланіе Мурэ, по предложенію Марты, поселились въ его домѣ, въ двухъ свободныхъ комнатахъ второго этажа, рядомъ съ комнатами аббата. Но Мурэ давно уже пересталъ быть хозяиномъ въ своемъ домѣ. Марта съ Розой, не взирая на его брань и крики, очистили обѣ комнаты и приготовили ихъ для новопрібывшихъ. Слабохарактерный Мурэ поворчалъ, поворчалъ и покорился...

Марта жила въ какомъ-то чадѣ. Она не слыхала больше воревотни Мурэ. Она тихо и постепенно впадала въ ханжество. Аббатъ Фожэ по-прежнему избѣгалъ говорить съ ней о Богѣ. Онъ оставался ея другомъ. Неоднократно, наединѣ съ нимъ, она заливалась нервными слезами, сама не зная, почему она плачетъ. Каждый разъ онъ довольствовался тѣмъ, что молча бралъ ея руки и успокоивалъ ее своимъ спокойнымъ и властительнымъ взглядомъ. Когда она начинала говорить ему о своей безпричинной грусти и безпричинной радости и о потребности, испытываемой ею, въ его руководствѣ, онъ, улыбаясь, приказывалъ ей замолчать; онъ говорилъ, что эти вещи его не касаются, что ей слѣдовало говорить о нихъ съ аббатомъ Бурреть.

Главнымъ дѣломъ Марты сдѣлались теперь мессы и всякія церковныя службы, которыя она постоянно посѣщала. Она чувствовала себя хорошо въ просторномъ соборѣ и наслаждалась тамъ тѣмъ физическимъ покоемъ, котораго главнымъ образомъ искала...

Дома у ней Роза сдѣлалась всецѣльной. Она распекала Мурэ и вознамѣрилась даже обратить его на путь истинный.

Мурэ пожималъ плечами. Онъ на все махнулъ рукой; самъ занимался хозяйствомъ, мелъ даже иногда столовую, когда она казалась ему слишкомъ грязной. Дѣти беспокоили его гораздо больше. Во время ваникулъ, такъ какъ матери никогда не бывало дома, Дезирэ и Октавъ, который снова не выдержалъ экзамена, ставили весь домъ вверхъ дномъ. Сержъ былъ боленъ и оставался по цѣлымъ днямъ въ своей комнатѣ и читалъ. Онъ сдѣлался любимцемъ аббата Фожя, который давалъ ему книги. Мурэ провелъ несносныхъ два мѣсяца, не зная, какъ справиться съ своими дѣтьми. Октавъ въ особенности сводилъ его съ ума. Онъ рѣшилъ, что Октавъ не вернется въ школу, что онъ помѣститъ его въ одномъ торговомъ домѣ въ Марсели.

Марта очень взволновалась; она словно пробудилась отъ сна, узнавъ, что одинъ изъ ея дѣтей разстанется съ ней. Въ теченіи цѣлой недѣли она хлопотала объ отсрочкѣ отъѣзда, даже оставалась больше дома и какъ-бы вернулась къ прежней жизни. Затѣмъ снова впала въ апатію, и въ тотъ день, когда Октавъ поцѣловалъ ее, объявляя ей, что уѣзжаетъ вечеромъ въ Марсель, она нашла въ себѣ силы только плакать.

— Что же дѣлать?—замѣтилъ ей Мурэ.—Нельзя жить внѣ дома и вести семейную жизнь. Ты избрала жизнь внѣ дома, и дѣти перестали существовать для тебя—это логично... Къ тому же, теперь надо очистить мѣсто для всего этого люда, что живетъ въ нашемъ домѣ. Онъ сталъ тѣсень. Мы должны считать себя счастливыми, если насъ самихъ не вытолкаютъ въ шею...

Голосъ его задрожалъ, онъ готовъ былъ расплаваться. Марта, растроганная, задѣтая за живое его словами, готова была броситься ему на шею. Но они побоялись, что ихъ увидятъ, и разошлись, чувствуя, что между ними выросла непреодолимая преграда...

...Тѣмъ временемъ умеръ одинъ изъ бюрэ Сенъ-Сатюрненскаго собора, аббатъ Компанъ. На его мѣсто прочли аббата Буррегъ, который и самъ рассчитывалъ получить его. Услышавъ про смерть аббата Компанъ, аббатъ Фожя, о притязаніяхъ котораго на должность покойнаго никто и не подозрѣвалъ, немедленно отправился въ епископскій дворецъ. Кабинетъ монсиньора Русслдъ былъ обширнымъ помещеніемъ, нѣсколько мрачнымъ, гдѣ постоянно топился каминъ, зимою и лѣтомъ. Ковры, толстыя занавѣсы преграждали путь свѣжему воздуху. Казалось, чтоходишь въ теплую воду. Епископъ велъ сидячую и замѣнутую жизнь; онъ ненавидѣлъ шумъ и хлопоты, и сваливалъ всѣ дѣла епархіи на аббата Фениль. Епископъ обожалъ древнихъ классиковъ. Говорили, что онъ по секрету пере-

водитъ Горация. Епископъ не зналъ о смерти Компана, котораго не терпѣлъ Фениль и всячески преслѣдовалъ. Вслѣдствіе этого преслѣдованія остальные патеры сторонились отъ Компана, давно уже хворавшаго, и послѣдній чуть-было не умеръ безъ покаянія. Добрякъ аббатъ Бурреть на свой собственный страхъ рѣшился причастить умирающаго, рискуя навлечь на себя непримиримую вражду епархіальнаго тирана.

— Какъ! — вскричалъ епископъ, приподнявшись съ кресла, когда Фожя сообщилъ ему о смерти Компана: — мой добрый Компанъ умеръ, и я не успѣлъ проститься съ нимъ!.. Никто не предупредилъ меня!.. Ахъ, мой другъ, вы были правы, когда намекали мнѣ, что я здѣсь не господинъ; моей добротой злоупотребляютъ.

— Монсиньору, — отвѣчалъ аббатъ Фожя: — извѣстно, насколько я ему преданъ; я жду только знака.

Епископъ покачалъ головой, бормоча:

— Да, да, я помню, что вы мнѣ предлагали; у васъ золотое сердце. Но только какой гвалтъ поднимется, если я порву съ Фенилемъ! И еслибы я былъ увѣренъ, что вы сразу избавите меня отъ этого человѣка, еслибы я не боялся, что черезъ недѣлю онъ наступитъ вамъ ногой на горло...

Аббатъ Фожя не могъ сдержать улыбки. Слезы навернулись на глазахъ епископа.

— Я боюсь, это правда; — началъ онъ, снова падая въ кресло: — да, вотъ до чего я дошелъ! Этотъ злодѣй убилъ Компана и скрылъ отъ меня его агонію, чтобы я не могъ пойти и закрыть ему глаза; онъ такой злой... Но, видите ли, я предпочитаю жить спокойно. Фениль очень дѣятеленъ; онъ оказалъ большія услуги епархіи. Когда я умру, быть можетъ, все устроится къ лучшему.

Онъ успокоился и началъ снова улыбаться, говоря:

— Къ тому же все идетъ хорошо въ настоящую минуту, я не вижу никакихъ затрудненій... Можно подождать.

Аббатъ Фожя сѣлъ и спокойно замѣтилъ:

— Конечно... Однако придется же вамъ назначить кюрэ въ Сень-Сатурненъ, на мѣсто покойнаго аббата Компанъ.

Монсиньоръ Руссло схватилъ виски руками съ отчаяннымъ видомъ.

— Боже мой! вы правы, — бормоталъ онъ. — Я не думалъ объ этомъ. Этотъ добрякъ Компанъ не подозрѣвалъ, въ какое затрудненіе онъ поставилъ меня, умерши такъ внезапно. Я вѣдь вамъ обѣщалъ это мѣсто?

— Вы дали мнѣ ваше слово, ваше пресвященство.

— Конечно, конечно... Бѣдный Компань угасалъ съ каждымъ днемъ, вы сообщили мнѣ нѣкоторыя вещи, тогда я обѣщаль, я не отрицаю... Послушайте, я буду съ вами откровененъ, чтобы вы не обвиняли меня въ томъ, что я верчусь, какъ флюгарка. Вы утверждали, что министръ очень желаетъ, чтобы васъ назначили на мѣсто кюрэ Сень-Сатюрнена. Ну, вотъ! Я написалъ, я собралъ свѣдѣнія, одинъ изъ моихъ друзей ходилъ въ министерство. Ему расхохотались въ лицо и сказали, что васъ и не знаютъ вовсе... Министръ отрекается отъ васъ, слышите ли! Если хотите, я вамъ дамъ прочесть письмо, въ которомъ онъ очень рѣзко о васъ отзывается.

У аббата Фожя вырвался жестъ нетерпѣнія.

— Развѣ вы забыли, что про меня распускаютъ всякія мерзости и что я прѣхалъ въ Плассанъ въ дырявой рясѣ. Когда человѣка посылаютъ на опасный постъ, то отъ него отрекаются до самаго дня побѣды... Помогите мнѣ, монсиньоръ, достичь цѣли и вы увидите, есть ли у меня друзья въ Парижѣ.

Епископъ съ изумленіемъ глядѣлъ на эту фигуру энергичскаго авантюриста, внезапно выросшую передъ нимъ.

— Нечего дѣлать,—отвѣчалъ онъ, улыбаясь:— вы упрямый человѣкъ, любезный господинъ Фожя. Такъ какъ я обѣщался, то и сдержу слово... Полгода тому назадъ, сознаюсь, я боялся бы взбунтовать весь Плассанъ; но вы сумѣли заставить полюбить себя; городскія дамы часто отзываются о васъ съ величайшей похвалой... Назначая васъ кюрэ въ Сень-Сатюрненъ, я уплачиваю мой долгъ вамъ за устройство приюта св. Дѣвы.

Когда аббатъ Фожя уходилъ, епископъ остановилъ его на порогѣ:

— Фениль взбѣсится,... — сказалъ онъ, улыбаясь.— Вы обѣщаетесь защищать меня, если онъ станетъ слишкомъ громко нападать на меня? Я вамъ сдаю его на руки, слышите ли? Я разсчитываю также, что вы не допустите вторичнаго избранія маркиза Лагрифуля... То-то! Теперь я разсчитываю на васъ, любезный господинъ Фожя, какъ на каменную гору...

Въ слѣдующій четвергъ, около десяти часовъ, въ тотъ моментъ, какъ избранное плассанское общество засѣдало въ зеленомъ салонѣ Ругоновъ, аббатъ Фожя показался на порогѣ. Онъ былъ великолѣпенъ: высокій, румяный, въ тонкой рясѣ, блестящей какъ атласъ. Хозяйка дома бросилась ему на встрѣчу; остальные дамы встрѣтили его настоящей оваціей. Эта торжественная встрѣча была главнымъ событіемъ вечера. Марта сидѣла между

дамами, очень сдержанная по своему обыкновенію. Она улыбнулась аббату, глядя на него издали, немного блѣдная, съ усталымъ и тревожнымъ видомъ. Но когда онъ объявилъ, что не намѣренъ перемѣнять квартиры, она очень покраснѣла и встала, чтобы перейти въ маленький салонъ рядомъ, какъ-бы задыхаясь отъ жары. М-ше Палобъ, возлѣ которой усѣлся м-г де-Кондамень, вслухъ разсмѣялась и замѣтила довольно громко:

— Нечего сказать, очень пристойно... Ужъ, право, ей не слѣдовало бы назначать ему здѣсь свиданій, когда они каждый божій день вольны дѣлать у себя все, что имъ угодно.

Одинъ м-г Кондамень разсмѣялся. Остальные присутствующіе насупились. М-ше Палобъ поняла, что повредила себѣ, и попыталась обратить все дѣло въ шутку...

VI.

Когда вернулось лѣто, аббатъ и его мать снова стали каждый вечеръ сходить на террасу. Мурэ становился мраченъ. Онъ отказывался отъ партій пивета, которыя ему предлагала старуха, онъ сидѣлъ, повачиваясь на стулѣ и зѣвалъ, не стараясь даже скрыть своей скуки. Марта говорила ему:

— Другъ мой, ты бы пошелъ въ клубъ.

Онъ и ходилъ въ него чаще прежняго. Возвращаясь, онъ находилъ свою жену и аббата на прежнемъ мѣстѣ на террасѣ: между тѣмъ какъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ м-ше Фожâ сидѣла въ позѣ нѣмого и слѣпного сторожа.

Марта дивилась упорству, съ какимъ весь городъ настаивалъ, что ея мужъ и аббатъ въ худыхъ отношеніяхъ. Часто, въ комитетѣ пріюта св. Дѣвы, эти дамы задавали ей вопросы, сердившіе ее. На дѣлѣ она чувствовала себя весьма счастливой. Аббатъ Фожâ намекнулъ ей, что согласится стать ея духовникомъ, если найдеть аббата Бурретъ слишкомъ вялымъ, и она жила этой надеждой...

Между тѣмъ аббатъ Фожâ продолжалъ держать себя съ удивительнымъ тактомъ. Онъ отлично сознавалъ, что Плассанъ далеко еще не весь покоренъ имъ: часть общества относилась къ нему съ недоумѣніемъ. Его обвиняли въ томъ, что его политическія мнѣнія весьма сомнительны. Требовали, чтобы онъ объяснился, заявилъ, въ какой партіи принадлежить. Онъ же, улыбаясь, говорилъ, что принадлежить къ партіи честныхъ людей, что избавляло

его отъ болѣе категорическаго отвѣта. Къ тому же онъ не спѣшилъ, онъ ждалъ, чтобы двери сами раскрылись передъ нимъ.

— Нѣтъ, мой другъ, потомъ, со временемъ,— отвѣчалъ онъ аббату Бурретъ, наставлявшему на томъ, чтобы онъ сдѣлалъ визитъ м-г Рагуалу.

Извѣстно стало также, что онъ два раза отказался отъ приглашенія отобѣдать въ подпрефектурѣ. Онъ бывалъ только у Мурэ. Всѣ сношенія его съ остальными сосѣдами ограничивались пока поклонами, посылаемыми имъ изъ сада Мурэ, который теперь былъ весь къ его услугамъ и гдѣ онъ свободно расхаживалъ, читая молитвенникъ.

Тѣмъ временемъ случилась новая исторія въ городѣ. Цѣлая толпа городскихъ шалуновъ накрыта была въ подозрительномъ домѣ. Предводителемъ ихъ оказался Гильомъ, сынъ доктора Поркье, котораго обвиняли въ томъ, что онъ совратилъ съ пути истиннаго сыновей Маффръ, бывшихъ гораздо моложе его.

Докторъ Поркье, напуганный рѣзкими ударами взбѣшеннаго Маффра-отца, трепеща за свою репутацію и боясь потерять свою практику, обратился за совѣтомъ къ аббату, который обѣщалъ переговорить съ мировымъ судьей, а этотъ, узнавъ, что аббатъ желаетъ его видѣть, объявилъ, что самъ явится къ нему.

На другой день, когда Маффръ пришелъ въ домъ Мурэ, аббатъ хотѣлъ провести его къ себѣ наверхъ; но Роза раскрыла двери салона.

— Пожалуйте сюда,—говорила она:—вѣдь вы здѣсь у себя дома! Безполезно заставлятъ господина мирового судью всходить по лѣстницѣ... Только еслибы вы предупредили меня сегодня утромъ, то я вытерла бы пылъ въ салонѣ.

Когда она, раскрывъ ставни, затворила за ними дверь, Мурэ позвалъ ее въ столовую.

— Такъ, такъ, Роза,—сказалъ онъ,—ты отдашь мой обѣдъ сегодня вечеромъ твоему патеру, и если у него не хватитъ одѣялъ наверху, то перенесешь его на мою кровать, неправда-ли?

Кухарка обмѣнялась многозначительнымъ взглядомъ съ Мартой, которая работала у окна. Затѣмъ, пожавъ плечами:

— Знаете ли, сударь,—пробормотала она:—у васъ всегда было злое сердце.

Между тѣмъ аббатъ Фожа въ салонѣ мягко журилъ Маффра, говоря ему, что докторъ Поркье религіозный человѣкъ и первый страдаетъ отъ безпутнаго поведенія своего сына. Мировой судья съ благоговѣніемъ слушалъ аббата и согласившись, что слишкомъ погорячился, объявилъ что готовъ извиниться.

— А ваши сыновья?—спросилъ аббатъ:—пришлите ихъ мнѣ, я попробую ихъ усовѣстить.

Мафферъ покачалъ головой съ легкимъ рычаніемъ.

— Не бойтесь, — господинъ бюрэ: — эти негодяи не скоро возобновятъ свои шалости... Вотъ уже три дня какъ они сидятъ взаперти на хлѣбѣ и на водѣ. Видите ли, когда я узналъ объ ихъ поведеніи, то, будь у меня палка, я бы перебилъ имъ ребра.

Аббатъ поглядѣлъ на него, вспомнивъ, что Мурэ обвинялъ его въ томъ, что онъ своей жестокостью и скупостью убилъ жену. Затѣмъ съ протестующимъ жестомъ прибавилъ:

— Нѣтъ, нѣтъ! на молодыхъ людей слѣдуетъ дѣйствовать иначе. Вашему старшему, Амбруазу, уже лѣтъ двадцать, а меньшому семнадцать, неправда-ли? Подумайте, вѣдь они уже не дѣти; имъ надо разрѣшить нѣкоторыя развлечения.

Мировой судья онѣмѣлъ отъ изумленія.

— Какъ? вы позволили бы имъ дурить, ходить въ кофейни?— пробормоталъ онъ.

— Непремѣнно, — отвѣчалъ аббатъ, улыбаясь: — только понятно, что я не сталъ бы ихъ посылать въ первую попавшуюся кофейню. Я желалъ бы устроить для нихъ особенное заведеніе, родъ клуба, какіе я видалъ въ нѣкоторыхъ городахъ.

И онъ развилъ цѣлый планъ. М-г Мафферъ мало-по-малу вникъ въ идею и, качая головой, приговаривалъ:

— Превосходно, превосходно... Это былъ бы достойное *pendant* къ приюту св. Дѣвы. Ахъ, господинъ бюрэ, надо привести въ исполненіе такой чудесный проектъ.

Идея аббата Фожэ встрѣтила всеобщую симпатію, и черезъ три недѣли основанъ былъ клубъ молодёжи, настоящій клубъ съ двумя билліардами, буфетомъ и библіотекой.

Гильомъ Порье очень былъ обиженъ тѣмъ, что не былъ приглашенъ въ члены клуба молодёжи. Отецъ запретилъ ему баллотироваться, боясь, чтобы его не забаллотировали. Но Гильомъ не послушался и заявилъ о своемъ намѣреніи баллотироваться въ члены. Это произвело всеобщее волненіе. Но аббатъ Фожэ и тутъ нашелся. Онъ посоветовалъ отцу отослать Гильома на нѣсколько мѣсяцевъ въ его помѣстье, въ нѣсколькихъ льѣ отъ города. Когда Гильомъ уѣхалъ, дѣло рѣшилось очень просто. Баллотировку его отложили какъ не слѣзшую.

Докторъ Порье узналъ объ этомъ, находясь въ саду под-префектуры. Онъ побѣжалъ на террасу. То былъ часъ, въ который аббатъ Фожэ читалъ обыкновенно свой молитвенникъ въ саду Мурэ.

— Ахъ, господинъ кюрэ, какъ я вамъ благодаренъ!—сказалъ докторъ, перевѣшиваясь черезъ стѣну. Какъ бы я желалъ позвать вашу руку.

— Вы сидите для этого слишкомъ высоко,—отвѣчалъ онъ съ улыбкою.

Но докторъ Порье былъ человекъ увлекающійся, котораго препятствія не останавливали. Онъ выбѣжалъ изъ сада подпрефектуры, проникъ въ Шевильотскій переулочекъ и постучался въ калитку Мурэ. Калитка была, какъ извѣстно, забита гвоздями, но аббатъ Фожэ, увидя заступъ, вытащилъ гвозди и растворилъ калитку, затѣмъ вышелъ въ переулочекъ, гдѣ докторъ Порье осыпалъ его любезностями. Въ то время, какъ они прогуливались по переулку, Мафррь, находившійся въ саду Растуалей, въ свою очередь растворилъ калитку и вышелъ въ переулочекъ. Всѣ трое разсмѣялись, увидя себя въ этомъ уединенномъ мѣстѣ.

Между тѣмъ Мурэ, копавшійся въ своемъ огородѣ, поднялъ глаза и увидѣлъ ихъ. Онъ онѣмѣлъ отъ изумленія.

— Отлично,—пробормоталъ онъ: — недостаетъ теперь только, чтобы патерь привелъ ко мнѣ обѣ шайки.

Сержу исполнилось девятнадцать лѣтъ. Онъ занималъ во второмъ этажѣ маленькую комнату, напротивъ покоевъ, занимаемыхъ аббатомъ. Онъ сопровождалъ мать къ обѣднѣ, очень сдружился съ аббатомъ и проводилъ у него цѣлые дни.

Зачастую Мурэ пылилъ, не взирая на безстрастное сповоиствiе Марты и раздраженные взгляды Розы. Сближеніе сына съ аббатомъ выводило его изъ себя. Онъ принялся сторожить сына. Когда онъ думалъ, что сынъ у аббата, то рѣзко звалъ его.

— Я бы лучше желалъ, чтобы онъ посѣщалъ женщинъ!—закричалъ онъ однажды разъяренный.

— О, сударь,—сказала Роза,—слушать противно, что вы говорите!

— Да, женщинъ!

Чтобы разлучить сына съ аббатомъ, Мурэ рѣшилъ отправить его въ Парижъ, но ему помѣшала болѣзнь послѣдняго. Когда Сержъ выздоровѣлъ, то призвалъ отца:—папэ, сказалъ онъ, у меня до васъ просьба. Мамаша увѣряетъ, что вы разсердитесь, что вы откажете мнѣ въ позволеніи, которое бы сдѣлало бы меня счастливымъ... Я бы желалъ поступить въ семинарію.

Онъ сложилъ руки съ лихорадочной набожностью.

— Ты! ты!—пробормоталъ Мурэ.

И онъ поглядѣлъ на Марту, которая отвортила голову. Онъ

не прибавилъ ни слова, подошелъ къ окну, затѣмъ вернулся къ кровати и сѣлъ какъ-бы оглушенный ударомъ.

— Папà,—началъ Сержъ послѣ долгаго молчанія:—я видѣлъ Бога, будучи при смерти; я поклялся принадлежать ему. Повѣрьте мнѣ, не приводите меня въ отчаяніе.

Мурэ съ мрачнымъ лицомъ, оставивъ глаза въ землю, не произносилъ ни слова. Онъ сдѣлалъ жестъ крайней безнадежности и пробормоталъ:

— Будь у меня хоть капля мужества, я бы завязалъ пару рубашекъ въ носовой платокъ и ушелъ, куда глаза глядятъ.

Затѣмъ всталъ и сталъ барабанить пальцами по стеклу. Сержъ снова сталъ умолять его:

— Хорошо, хорошо, — перебилъ онъ его спокойно: — поступай въ патеры, мой другъ.

Отецъ вышелъ изъ комнаты. На другой день, не предупредивъ никого, онъ уѣхалъ въ Марсель, гдѣ провелъ недѣлю съ своимъ сыномъ, Октавомъ. Онъ вернулся оттуда озабоченный, постарѣвшій. Октавъ доставилъ ему мало утѣшенія. Онъ велъ безпутную жизнь, былъ по уши въ долгахъ и пряталъ любовницъ по шкапамъ. Марта, повидимому, не замѣчала унынія мужа. Она съ каждымъ днемъ все больше и больше отдѣлялась отъ того, что ее окружало. Не слыша больше воркотни мужа, она вообразила даже, что и онъ доволенъ. Когда онъ глядѣлъ на нее тусклымъ взглядомъ, не узнавая ее, она улыбалась ему и не видѣла слезъ, наполнявшихъ его глаза.

Роза, не стѣсняясь, говорила:—Боже мой! какъ баринъ глуп! Друзья Мурэ, мелкіе рантье, съ которыми онъ ежедневно гулялъ, увѣряли, что онъ «тронулся». Волосы его посѣдѣли въ нѣсколько мѣсяцевъ, колѣни дрожали, куда дѣвался острый, какъ бритва, языкъ, котораго боялся весь городъ...

Аббатъ Фожá тѣмъ временемъ торжествовалъ. Со времени основанія приюта всѣ женщины были на его сторонѣ. Онѣ горой стояли за него, и хотя находили его по временамъ жестокимъ, но эта грубость имъ была не противна, особенно въ исповѣдальнѣ. Имъ нравилось, когда его желѣзная рука пригибала ихъ къ землѣ.

— Ma chère,—сказала однажды m-me де-Кондамень Мартѣ, —онъ меня разбилъ вчера. Я думаю, что онъ меня приколотилъ бы, не будь между нами деревянной перегородки... О! онъ не всегда покладливъ!

И она разсмѣялась, довольная этой маленькой ссорой съ своимъ духовникомъ. Надо сказать, что m-me де-Кондамень замѣ-

тила, что Марта блѣднѣетъ, когда она передаетъ ей инныя подробности того, какъ исповѣдуетъ аббатъ Фожѧ. Она угадывала ея ревность и находила злое удовольствіе терзать ее этими разсказами...

...Вдругъ, во время крестнаго хода, въ праздникъ Тѣла Господня, на площади подпрефектуры, замѣчено было съ удивленіемъ, что монсиньоръ Русслѧ повернулся спиной въ аббату Фожѧ.

— Эге!—сказала м-те Ругонъ, стоявшая у окна своего салона:—они, значить, поссорились.

— Вы этого не знали,—отвѣчала м-те Палѧкъ, стоявшая рядомъ съ ней... Говорятъ, аббатъ Фожѧ навлекъ большія непріятности его преосвященству. Онъ говорилъ какія-то проповѣди, которыя очень не понравились въ Римѣ. Словомъ—монсиньоръ получилъ изъ Рима письмо съ упреками и предостереженіями... Говорятъ, что аббатъ Фожѧ политическій агентъ.

— Кто говоритъ это?—спросила м-те Ругонъ.

— Право не помню, кто именно, но я такъ слышала,—отвѣчала жена судьи равнодушно.

Городъ дѣйствительно со страстью интересовался непрерывной борьбой, которую велъ аббатъ Фожѧ противъ аббата Фениля, съ цѣлью завоевать расположеніе монсиньора Русслѧ. Епископъ тонко улыбался, глядя на нихъ.

— Видишь ли, дитя мое,—говорилъ онъ аббату Сюренъ въ минуты откровенности,—оба хуже... Я думаю, что Парижъ возьметъ верхъ надъ Римомъ, но я въ этомъ не увѣренъ и пока предоставляю имъ ѣсть другъ друга. Когда одинъ съѣстъ другого, тогда посмотримъ. Слушай, прочитай-ка мнѣ третью оду Горация: тамъ есть стихъ, который я, боюсь, плохо перевелъ.

Во вторникъ, слѣдовавшій за крестнымъ ходомъ, погода стояла чудная. Изъ сада Раствуалей долетали восклицанія и смѣхъ. Аббатъ Сюренъ игралъ въ волаиъ съ двумя дѣвицами Раствуаль. Вдругъ имъ пришло въ голову перейти въ Шевильотскій переулокъ, гдѣ было больше тѣни. Волаиъ перелегълъ черезъ стѣну сада Мурѧ, гдѣ аббатъ Фожѧ читалъ свой молитвенникъ. Аббатъ, по просьбѣ Орелии, подалъ волаиъ играющимъ и сталъ слѣдить за ихъ игрой, стоя у валитки. Между тѣмъ изъ сада подпрефектуры также наблюдали за тѣмъ же.

— Послушайте-ка, Пекѣръ, — прошепталъ м-г де-Кондаменъ,—вы напрасно не пригласите этого маленькаго аббатика на ваши вечера. Онъ очень любезенъ съ дамами и долженъ прелестно вальсировать.

Но м-г Пекѣръ-де-Солѧ, оживленно бесѣдовавшій съ г. Де-

лангромъ, какъ будто не слыхалъ его. Онъ продолжалъ, обращаясь къ мѣру:

— Право, милый другъ, не знаю, откуда вы берете всё чудеса, которыя про него рассказываете. Напротивъ того, аббатъ Фожя очень подозрителенъ. Я не понимаю, зачѣмъ я стану ухаживать за этимъ патеромъ, тѣмъ болѣе, что духовенство въ Пласанѣ вообще намъ враждебно. Слушайте, я писалъ въ Парижъ для очищенія совѣсти: мнѣ хотѣлось узнать, наконецъ, истину объ этомъ Фожя, съ которымъ вы носитесь точно съ переодѣтымъ принцемъ. Ну, и знаете, что мнѣ отвѣчали: что его не знаютъ и ничего не могутъ сказать мнѣ, и что я долженъ избѣгать внимательства въ дѣла духовенства... Въ Парижѣ уже и безъ того недовольны, что этотъ дуракъ, Лагрифуль, прошель. Я дѣйствую осторожно, понимаете.

Мѣръ обмѣнялся взглядомъ съ м-г де-Кондаменомъ и даже слегка пожалъ плечами.

— Слушайте,—сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія:—вы хотите быть префектомъ, не правда ли?

Подпрефектъ улыбнулся, покачиваясь на стулѣ.

— Ну, такъ ступайте немедленно и поздоровайтесь съ аббатомъ Фожя, который васъ дожидается, глядя на игру въ волянъ.

Пекёръ-де-Соля онѣмѣлъ отъ изумленія. Онъ поднялъ глаза на Кондамена и спросилъ не безъ тревоги:

— Вы раздѣляете это мнѣнiе?

— Конечно; ступайте и поздоровайтесь съ нимъ.

И прибавилъ съ отгнкомъ насмѣшки:

— Спросите мою жену, которая пользуется вашимъ довѣрiемъ.

М-ше де-Кондаменъ явилась въ прелестномъ туалетѣ, сѣромъ съ розовымъ. Когда ей сказали про аббата, она замѣтила подпрефекту:

— Напрасно вы смѣтаетесь надъ религiей. Оставьте насъ, господа, я исповѣдую м-г Пекёра.

— Октавія,—прошептала подпрефектъ, когда они остались вдвоемъ,—не смѣйте надо мной. Вы не были богомольны въ Парижѣ, въ улицѣ Гельдеръ. Вы знаете, что я всякій разъ держусь за бока, чтобы не расхохотаться, когда вы раздаете просфоры въ Сентъ-Сатурневѣ.

— Вы недостаточно серьезны, mon cher,—отвѣчала она,—и это послужитъ вамъ во вредъ. Право, вы меня тревожите; вы были прежде умнѣе. Неужели вы такъ слѣпы и не видите, что попадаете въ просакъ? Поймите же, что если вы до сихъ поръ

еще не слетѣли, то только потому, что не желаютъ встревожить легитимистовъ Пласана. Когда они увидятъ новаго подпрефекта, то сейчасъ навострятъ уши, между тѣмъ какъ съ вами они считаютъ себя вполне безопасными и дремлютъ, увѣренные въ новую побѣдѣ на выборахъ. Это не лестно, я знаю, тѣмъ болѣе, что я вполне увѣрена, что дѣйствуютъ помимо васъ... Слышите ли, шоп шег, вы пропали, если не угадаете нѣкоторыхъ вещей.

Онъ глядѣлъ на нее съ настоящимъ ужасомъ.

— Развѣ «великій человѣкъ» вамъ писалъ?—спросилъ онъ, намекая на одно лицо, которое они такъ звали между собой.

— Нѣтъ, онъ совсѣмъ порвалъ со мной. Я не дура, и первая поняла необходимость этой разлуки. Къ тому же, мнѣ не приходится жаловаться: онъ позаботился о мнѣ, онъ меня выдалъ замужъ и далъ мнѣ отличные совѣты, которые мнѣ очень пригодились... Но у меня остались друзья въ Парижѣ. Клянусь вамъ, что вамъ остается только хвататься за соломенку. Не разыгрывайте же азычница и ступайте скорѣе здороваться съ аббатомъ Фожѣ... Вы поймете позднѣе, если не догадываетесь теперь...

Пекѣръ де-Солэ воспользовался совѣтомъ и ловкимъ маневромъ подвелъ свое общество къ Шевильотскому переулку, гдѣ оно остановилось, наблюдая за играющими. Аббатъ Фожѣ не тронулся съ мѣста и издали раскланялся съ прибывшими. Время отъ времени онъ поглядывалъ на калитку сада Растуалей, оставшуюся раскрытой. Тамъ показывался до сихъ поръ одинъ только Мафферъ. Его отозвали въ глубь сада.

— Чего они такъ хохочутъ?—спросилъ Растуаль, разговаривавшій съ Бурде.

— Секретарь его преосвященства играетъ въ воланъ изумительно, весь кварталъ сбѣжался на него глядѣть... Аббатъ Фожѣ въ восторгѣ отъ его игры.

М-г де-Бурде понюхалъ табуку и пробормоталъ:

— Ахъ! г. аббатъ тамъ?

Онъ встрѣтилъ взглядъ Растуаля, и оба какъ будто смутились.

Въ это время крики и смѣхъ усилились въ переулкѣ. Растуаль поднялся съ мѣста.

— Ну-ка, пойдѣмъ взглянуть, — проговорилъ онъ добродушно:— мнѣ просто не сидится на мѣстѣ.

Оба другихъ послѣдовали за нимъ. Всѣ трое остановились у калитки. Увидавъ въ переулкѣ общество подпрефекта, они приняли серьезный видъ. М-г Пекѣръ де-Солэ въ свою очередь выпрямился и принялъ официальную позу. Обѣ группы

исподтишка слѣдили другъ за другомъ, не желая отступить передъ противникомъ, а между ними аббатъ Фожѣ, продолжая стоять у калитки Мурѣ, съ молитвенникомъ подъ мышкой, кротко улыбался, не подозрѣвая, повидимому, всей щекотливости положенія.

Этой натянутой сценѣ положилъ конецъ случай съ аббатомъ Сюрень. Бросая воланъ, онъ поскользнулся и чуть-было не упалъ на камень. Охи и ахи дамъ, утверждавшихъ, что онъ могъ расшибиться, такъ напугали его, что съ нимъ сдѣлался обморокъ. Аббатъ Фожѣ бросился въ садъ Мурѣ, крича:—Роза! воды, укусу! воды! Аббата Сюрена перенесли въ бесѣдку Мурѣ, и все общество наводнило садъ. Мурѣ, находившійся въ столовой, подошелъ-было къ окну, но испугался, увидя столько народа, и спрятался.

Между тѣмъ аббата Сюрена привели въ чувство съ помощью Розы. Обѣ группы съ любопытствомъ глядѣли на домъ Мурѣ.

— Не угодно ли господамъ побыть въ саду,—сказала Роза... Господинъ бюрѣ здѣсь у себя дома... Позвольте, я сейчасъ принесу стульевъ.

Она въ три приѣма сбѣгала за стульями, не слушая возраженій. Тогда оба общества, поглядѣвъ съ минуту другъ на друга, разсѣлись на принесенныхъ стульяхъ. Разговоръ завязался самый дружескій.

— Вы не бурный сосѣдъ, г. бюрѣ, замѣтилъ любезно m-г Пекѣрь-де-Сола. — Вы не можете себѣ представить, какъ мнѣ пріятно бываетъ видѣть васъ ежедневно въ одни и тѣ же часы въ этомъ маленькомъ раю. Я отдыхаю на этомъ зрѣлищѣ отъ своихъ заботъ.

— Добрый сосѣдъ такая рѣдкость!—вмѣшался Растуаль.

— Разумѣется,—перебилъ Бурде: — г. бюрѣ внесь сюда монастырскую тишину.

Между тѣмъ какъ аббатъ Фожѣ улыбался и раскланивался, m-г де-Кондамень, не сядившійся, подошелъ и наклонился къ уху Делангра, шепча:

— Вотъ ужъ Растуаль и размечтался о мѣстѣ товарища прокурора для своего сына-болвана.

Делангръ свирѣпо взглянулъ на него, дрожа при мысли, что этотъ неисправимый болтунъ могъ все испортить; но это не помѣшало тому прибавить:

— А Бурде уже рассчитываетъ вернуть свою префектуру.

Но m-ше де-Кондамень произвела сенсацію, проговоривъ съ тонкимъ видомъ:

— Чтѣ мнѣ всего больше нравится въ этомъ саду, такъ эта тихая прелесть, которая какъ будто ограждаетъ этотъ маленький уголокъ отъ всѣхъ житейскихъ дрязгъ. Каинъ и Авель помирились бы въ немъ. И она подчеркнула свою фразу, сопровождая ее взглядами, брошенными ею направо и налѣво, на сосѣдніе сады. Мафферъ и докторъ Порье одобрительно покачали головой.

Черезъ четверть часа Растуаль всталъ.

— Жена не будетъ знать, куда мы дѣвались, — проговорилъ онъ.

Всѣ встали, не зная, какъ распрощаться другъ съ другомъ. Но аббатъ Фожъ протянулъ руки:

— Мой рай остается открытымъ, — произнесъ онъ съ самымъ любезнымъ видомъ.

Тогда президентъ общалъ время отъ времени навѣщать г. кюрэ. Подпрефектъ еще восторженнѣе общалъ свои визиты. И оба общества оставались еще вмѣстѣ добрыхъ пять минутъ, говоря другъ другу любезности, между тѣмъ какъ въ переулкѣ снова раздавался смѣхъ дѣвицъ Растуаль и аббата Сюрена. Игра возобновилась съ новымъ жаромъ; волаги летали взадъ и впередъ съ необыкновенной правильностью...

VII.

...Совсѣмъ тѣмъ торжество аббата Фожъ было не безъ горечи, и на его горизонтѣ обозначились два черныхъ пятнышка, мѣшавшихъ ему спокійно наслаждаться своими успѣхами. Первымъ изъ нихъ была его сестра Олимпія и ея мужъ, Трушъ. Олимпія была высокая, худая, бѣлокурая и увядшая женщина, съ плоскимъ и тупымъ лицомъ. Изрытое лице Труша, носившее явные слѣды разврата, было какъ бы освѣщено маленькими черными глазками, безпрестанно и жадно перебѣгавшими отъ людей къ вещамъ, — глазами вора, изучающаго домъ, куда онъ вернется ночью воровать. Когда Мурэ впервые увидѣлъ Труша, ему показалось, что тотъ поглядываетъ на замки. «У этого молодца такіе глаза, что онъ способенъ поддѣлывать ключи», подумалъ онъ.

На первыхъ порахъ аббатъ Фожъ желѣзной рукой сдерживалъ свою грязную роденку и не позволялъ имъ ходить въ садъ и шнырять по дому. Но кончилось тѣмъ, что Олимпія возмущалась противъ такого порядка вещей и послѣ бурной сцены завоевала себѣ свободу дѣйствій.

— Ступай своей дорогой, и рассчитывай на нашу помощь, — сказала она брату, — но мы хотимъ свою долю... Понимаешь?

Аббатъ Фожá опустилъ голову и съ минуту молчалъ.

— Слушайте,—проговорилъ онъ потомъ, не отвѣчая прямо: если когда-нибудь вы станете для меня помѣхой, — клянусь, я оставлю васъ умирать съ голоду на соломѣ.

...Другой заботой его была Марта. Въ послѣднее время онъ согласился стать ея духовникомъ. Но Марта беспокоила его съ нѣкоторыхъ поръ. Онъ чувствовалъ себя бессильнымъ успокоить богомольную лихорадку, сожигавшую ее. Она усвоилась отъ него, не слушалась, выказывала больше усердія, чѣмъ онъ желалъ. Эта полезнѣйшая женщина, эта уважаемая покровительница могла погубить его. Какое-то внутреннее пламя сжигало ее; лицо ея пожелтѣло, подъ глазами обозначались синіе круги: то было нѣчто въ родѣ болѣзни, постепенно охватывавшей все ея существо. Лицо ея выражало восторгъ, руки судорожно вытягивались впередъ. Сухой кашель раздиралъ по временамъ ея грудь, но она повидимому того не замѣчала. А онъ, становясь еще суровѣе, оттапливалъ эту любовь, которую ему навязывали и запрещали ей приходить въ Сенъ-Сатюрненъ.

— Въ соборѣ холодно,—говорилъ онъ,—вы сильно кашляете. Я не хочу, чтобы вы усиливали свою болѣзнь.

Она увѣряла, что это ничего, простое нервное раздраженіе. Затѣмъ поворчалась и принимала это запрещеніе ходить въ церковь, какъ заслуженное наказаніе, запиравшее ей доступъ въ небо. Она рыдала, считала себя отверженной, проводила томительные дни у себя дома и, помимо своей воли, когда наступала пятница, смиренно пробиралась въ капеллу св. Михаила и прислоняла горячій лобъ въ деревянной перегородкѣ исповѣдальни. Она не произносила ни слова и стояла молча, словно раздавленная; между тѣмъ какъ аббатъ Фожá, раздраженный, бранилъ ее какъ недостойную дочь и отсылалъ домой. Тогда она уходила облегченная, счастливая. Патеру наконецъ стало страшно сумрака капеллы св. Михаила. Онъ призвалъ на помощь доктора Поркье, который убѣдилъ Марту исповѣдываться въ маленькой церкви пріюта св. Дѣвы, въ предмѣстьи. Аббатъ Фожá общалъ дожидаться ее тамъ по субботамъ черезъ каждыя двѣ недѣли. Эта церковь, устроенная въ большой, оштукатуренной комнатѣ, съ четырьмя громадными окнами, имѣла самый веселый видъ, который, онъ надѣялся, успокоитъ безъ мѣры взволнованное воображеніе его духовной дочери. Къ тому же, чтобы положить конецъ сплетнямъ, ходившимъ по городу, онъ рѣшилъ, что его мать будетъ сопровождать Марту. Между тѣмъ какъ онъ исповѣдывалъ Марту, м-ше Фожá сидѣла у двери. Такъ какъ старуха

не любила сидѣть сложа руки, то приносила съ собою чуло который и вязала.

...Однажды м-ше Палокъ рѣшилась накрыть аббата Фожі Марту. Она часто приходила въ пріютъ сводить счеты съ Ті шемъ. Но въ этотъ разъ, вмѣсто того, чтобы пройти прямо комнату служащаго, она прямо пошла въ церковь. У двери, ступѣ, м-ше Фожі вязала чулокъ. Жена судьи, предвидѣвъ это препятствіе, быстро подошла къ двери съ видомъ озабочной особы. Но прежде чѣмъ она успѣла, взяться за ручку, с руха встала и отбросила ее съ необыкновенной силой.

— Куда вы идете?—спросила она своимъ грубымъ голосомъ.

— Куда мнѣ нужно,—отвѣчала м-ше Палокъ, съ синяка на рукахъ и съ бѣшенствомъ въ лицѣ:—вы дерзкая и грубая женщина. Пропустите меня. Я вазначейша пріюта и имѣю право всюду входить.

Перебранка двухъ женщинъ была услышана аббатомъ Фожі который вышелъ изъ церкви и, узнавъ въ чемъ дѣло, спокойно предложилъ м-ше Палокъ войти въ церковь, если ей нужно.

Когда она ушла, онъ спросилъ у матери:—зачѣмъ вы ее основили, матушка? Я вамъ не привазывалъ стеречь дверь.

Она пристально глядѣла впередъ съ видомъ упрямаго животнаго.

— Она перешла бы по моему гѣлу, прежде чѣмъ войти.

— Но почему?

— Потому что... Послушай, Овидій, не сердись; ты знаешь что ты убиваешь меня, когда сердишься... Ты велѣлъ мнѣ соупвождать сюда хозяйку, не такъ ли? Ну, я думала, что я тебѣ нужна ради любопытныхъ. Ну, вотъ я сѣла сюда. Будь спокоенъ вы могли дѣлать, что хотѣли, никто не сунуль бы своего носа.

Онъ понялъ, схватилъ ея руки и, тряся ихъ, проговорилъ:

— Какъ, матушка, вы могли предположить?..

— И, нѣтъ! ничего я не предполагала, — отвѣчала она чудной безпечностью: — ты воленъ поступать, какъ тебѣ угодно и все, что ты сдѣлаешь — хорошо; понимаешь: ты мое дитя! Я для тебя пойду воровать, если нужно...

Но онъ не слушалъ ее. Онъ выпустилъ руки матери и гдѣлъ на нее, какъ бы потерянный въ размышленіяхъ, отъ которыхъ лицо его стало еще строже и суровѣе.

— Нѣтъ, никогда,—произнесъ онъ съ жесткимъ высокимъ рѣмъ: — вы ошибаетесь, матушка... Одни только цѣломудренныя люди,—люди сильные... И онъ не договорилъ.

Между тѣмъ Марта дома становилась сварливой. До сихъ поръ она влачила вялое, усталое, счастливое существованіе, когда му:

оставлять ее въ повоѣ; но съ тѣхъ поръ, какъ онъ проводилъ всѣ дни дома, утративъ свою насмѣшливую болтовню, худѣя и желтѣя, онъ ее раздражалъ.

— Что это онъ все торчитъ на глазахъ, — жаловалась она кухаркѣ.

— Это отъ злости, сударыня, — отвѣчала та: — въ сущности онъ не добрый человѣкъ. Я замѣтила это не со вчерашняго дня. Ему скучно дуться, но онъ хочетъ, чтобы его жалѣли и дѣлали все, что ему угодно. Не обращайтесь вниманія, сударыня, на его ломанье.

Мурѣ держалъ обѣихъ женщинъ въ рукахъ, потому что распорядился деньгами. Онъ не хотѣлъ больше ссориться, боясь еще хуже испортить свою жизнь. Но если онъ больше не ворчалъ, не топалъ ногами, за то развлекалъ свою скуку, отказывая въ какихъ-нибудь пяти франкахъ Мартѣ или Розѣ. Онъ давалъ сто франковъ въ мѣсяцъ этой послѣдней на столъ, и съ этимъ она должна была обходиться, хоть прикладывая свое. Что касается Марты, то онъ не давалъ ей ни гроша. Она совсѣмъ обносилась; зачастую у ней не было башмаковъ. Ей приходилось занимать деньги у матери на платье или шляпку. — Но Мурѣ съ ума сходить, — кричала м-ше Рутонъ: — не можешь же ты ходить голая. Я съ нимъ переговорю. — Марта плакала и жаловалась на мужа, чего прежде никогда не дѣлала. — Онъ не бьетъ тебя, по крайней мѣрѣ? освѣдомлялась мать, наслушавшись рассказовъ о тиранствѣ Мурѣ. — Нѣтъ еще, но къ этому придеть.

Марта страдала пуще всего оттого, что не могла ничего подарить аббату. Наконецъ, съ помощью Розы, всякими правдами и неправдами, продавъ тайномъ отъ мужа лучшіе фрукты, она сколотила двѣсти франковъ, купила серебряный церковный сосудъ и поднесла его аббату, который дружески разбранилъ ее за это. Онъ не любилъ подарковъ; онъ говорилъ о деньгахъ съ пренебреженіемъ человѣка сильнаго, который цѣнить только власть и господство. Въ первые два года нищеты, даже въ тѣ дни, когда мать и онъ жили на одномъ хлѣбѣ и водѣ, ему никогда и въ голову не приходило занять десять франковъ у Мурѣ. Олимпія вытягивала также деньги изъ Марты, сочиняя подъ величайшимъ секретомъ ей небывалыя исторіи о векселяхъ, на которыхъ поручился аббатъ Фожя. Въ первый разъ, когда она дала деньги съ этой цѣлю Олимпіи, она чувствовала себи чрезвычайно счастливой. Съ этихъ поръ ею овладѣла одна мысль: отвратить отъ аббата Фожя, безъ его вѣдома, угрожающую ему опасность. Она часто ходила въ Трушамъ и по цѣлымъ часамъ придумывала съ

Олимпіей откуда взять средства уплатить по векселямъ. Она кончала тѣмъ, что горько жаловалась на Мурэ, котораго Олимпія стала звать не иначе, какъ «старый скряга».

Между тѣмъ Марта, чтобы помочь Олимпіи, убѣдила Розу снести къ одному рыночному торговцу все старье, валявшееся на чердакѣ. Обѣ женщины дѣйствовали сначала нерѣшительно, но затѣмъ взялись и за хорошія вещи, продавали фарфоръ, золотыя и серебряныя украшенія; онѣ выступили на скользкій путь и кончили бы тѣмъ, что оставили бы однѣ голыя стѣны въ домѣ, еслибы Мурэ не пригрозилъ разъ Розѣ полиціей, назвавъ ее воровкой:

— Я воровка?— вскричала она:— будьте осторожнѣе въ своихъ выраженіяхъ, сударь. Что я продала кольцо барыни? Такъ вѣдь оно ей принадлежитъ, и продала я его для нея. А вамъ не стыдно оставлять свою бѣдную жену безъ копѣйки денегъ... У ней нѣтъ башмаковъ. Ну да, я продала кольцо и весь домъ продамъ, слышите! Я не могу видѣть ее оборванной.

Мурэ началъ тогда все запирать на ключъ и распространяться насчетъ того, что онъ называлъ «покражами Розы». Особенно донималъ онъ ее однимъ графиномъ, который та увѣрала, будто разбила, собираясь его продать. Онъ заставлялъ ее каждый обѣдъ приносить его и ставить передъ нимъ на столѣ. Наконецъ, однажды, разъяренная, она бросила его на полъ передъ самымъ его носомъ, говоря:

— На этотъ разъ онъ разбить,—не правда ли? — И когда онъ сталъ говорить, что прогнать ее изъ дому, она закричала:— Попробуйте!... Я двадцать лѣтъ служу вамъ, сударь. Барыня уйдетъ вмѣстѣ со мной... ●

Марта рѣшилась, наконецъ, прямо попросить денегъ у мужа. —Мы вмѣстѣ заработали ихъ, вмѣстѣ должны и тратить, говорила она.

Въ теченіи цѣлаго часа Мурэ бѣсился, кричалъ, сто разъ повторялъ одно и то же: онъ не узнавалъ своей жены; прежде, до пріѣзда патера, она любила его, слушалась, интересовалась семьей. Затѣмъ голосъ его ослабѣлъ, онъ опустился въ кресло, безсильный, какъ ребенокъ.

— Дай мнѣ ключъ отъ конторки,—настаивала Марта.

Онъ собралъ послѣднія силы и закричалъ:— ты хочешь все забрать, оставить дѣтей безъ куска хлѣба!.. Ну, бери, зови Розу, грабьте вдвоемъ... На, вотъ ключъ.

И онъ бросилъ ей ключъ, который Марта спрятала подъ подушкой. Она была блѣдна; то была ея первая ссора съ мужемъ.

Она легла въ постель; онъ провелъ ночь на креслѣ. Подъ утро она услышала, какъ онъ рыдаетъ. Она бы отдала ему ключъ, еслибы онъ не убѣждалъ въ садъ, какъ безумный..

...Мурэ впалъ снова въ мрачное отчаяніе. Онъ получилъ новый ударъ, болѣе чувствительный для него, чѣмъ первый, когда Сержъ поступилъ въ семинарію. Друзья его начали серьёзно тревожиться, видя его съ болтающимися руками, полоумнымъ видомъ: онъ впадаетъ въ дѣтство, — толковали они. — Въ сорокъ-пять лѣтъ, это непостижимо!... Кончится тѣмъ, что онъ совсѣмъ одурѣетъ...

VIII.

...Въ семнадцать лѣтъ Дезирэ все еще смѣялась ребяческимъ смѣхомъ. Она превратилась въ высокую, полную дѣвушку, съ роскошными плечами. Она росла, какъ здоровое растеніе, не подозрѣвая о несчастіи, ступившемъ надъ домомъ. Она копалась въ огородѣ, возилась съ курами. Марта въ чаду, охватившемъ ее, не наблюдала даже за тѣмъ, чтобы Дезирэ была чисто одѣта. Дѣвочка носила иногда одну и ту же рубашку въ теченіи трехъ недѣль; грязные чулки спускались на стоптанные башмаки; оборванные юбки висѣли точно лохмотья у нищихъ. Мурэ разъ пришлось взять иголку и зашить ей платье, разорванное сверху до низу. Дезирэ хохотала, видя себя чуть не голой, съ растрепанными волосами, грязными руками, запачканнымъ лицомъ. Марта кончила тѣмъ, что почувствовала какъ бы нѣкоторое отвращеніе къ дочери. — Боже мой, какъ эта дѣвочка несносна, — жаловалась она. Мурэ, подслушавъ ее, замѣтилъ съ гнѣвомъ:

— Если она тебѣ мѣшаетъ, то и ее можно выгнать изъ дому, какъ и тѣхъ двухъ.

— Ну что-жь, я была бы спокойнѣе, еслибы ея не было, — отвѣчала она рѣзко.

Въ одинъ прекрасный день Дезирэ упала съ лѣстницы, на которой обрывала плоды съ дерева, и чуть-было не убилась до смерти. Марта, перепуганная сначала, принялась бранить дочь, когда та пришла въ себя.

— Эта дѣвочка уморить меня, — ворчала она: — она не знаетъ, что придумать, чтобы помучить меня. Я увѣрена, что она нарочно бросилась на землю... Да, да, смѣйся, дура! Возможно ли, чтобы я произвела на свѣтъ такую дурищу! Да, ты мнѣ дорого стоишь.

— Ужъ это вѣрно,—прибавила Роза:—много возни съ ней, и врядъ ли удастся выдать ее замужъ.

Мурэ, пораженный въ сердце, слушалъ и глядѣлъ на нихъ. Онъ ничего не сказалъ и остался съ дѣвушкой въ саду, гдѣ они о чемъ-то бесѣдовали до самаго вечера. На другой день Роза и Марта отлучились на цѣлое утро. Когда они вернулись, кухарка успѣшила подать холодный завтракъ. Марта стала завтракать, какъ вдругъ замѣтила, что дочери нѣтъ за столомъ.

— Дезирэ вѣрно не голодна,—спросила она:—почему она съ нами не завтракаетъ?—Дезирэ уѣхала; я отвезъ ее сегодня къ ея кормилицѣ, — отвѣчалъ Мурэ.—Жена положила вилку, слегка поблѣднѣвъ, удивленная и оскорбленная.— Ты могъ бы посовѣтоваться со мной,—замѣтила она.—Но онъ продолжалъ, не отвѣчая прямо:—Ей хорошо у кормилицы. Эта добрая женщина ее очень любитъ и будетъ присматривать за ней... Такимъ образомъ дѣвочка не будетъ въ тягость, и всѣ будутъ довольны.—И, видя, что она молчитъ, прибавилъ:—если домъ все еще не кажется тебѣ достаточно покойнымъ, ты скажи, и я уѣду.

Она полу-приподнялась съ мѣста, что-то свергнуло въ ея глазахъ. Онъ нанесъ ей таковой жестокой ударъ, что она протянула руку, какъ-бы собираясь бросить въ него бутылкой. Въ этой столь долго подавленной натурѣ проснулись невѣдомыя страсти: ненависть росла въ ней, ненависть къ человѣку, бродившему вокругъ нея точно угрызение совѣсти. Она принялась ѣсть съ напускнымъ хладновровіемъ. Мурэ сложилъ салфетку: онъ сидѣлъ передъ ней, прислушиваясь къ стуку ея вилки и медленно обводя глазами столовую, которую во времена бѣны дѣти наполняли веселымъ шумомъ и которая казалась теперь таковой пустой и печальной. Слезы навертывались у него на глазахъ...

...Съ этихъ поръ трапезы Марты и Мурэ проходили въ глубокомъ безмолвіи. Осень была сырая; столовая представляла унылый видъ съ двумя приборами на двухъ концахъ стола. Тѣни ступались въ углахъ, холодомъ вѣяло отъ потолка:— «точно похороны», говаривала Роза...

Мало-по-малу м-ше Фожá стала готовить свой завтракъ и обѣдъ въ кухнѣ Мурэ. Въ первое время она приносила свой уголь, масло, приправы. Впослѣдствіи, когда она забывала что-либо изъ провизіи, кухарка не пускала ее идти за ней наверхъ; она заставляла ее брать въ шкафѣ то, что ей требовалось: вотъ вамъ масло. Вы не разорите насъ, отволупнувъ кусочекъ масла. Вы знаете, что все здѣсь къ вашимъ услугамъ. Барыня будетъ бранить меня, если я не сумѣю угодить вамъ. Тогда между Розой

и м-ше Фожѣ установилась большая дружба; кухарка была въ восторгѣ отъ того, что въ кухнѣ торчала особа, готовая слушать ея болтовню. Къ тому же она вполне сходилась съ матерью патера: ея ситцевыя платья, грубое лицо, простонародная рѣзкость ставили ихъ на одну доску.

Въ день всѣхъ святыхъ аббатъ Фожѣ впервые завтракалъ въ столовой Мурѣ. Онъ очень спѣшилъ. Марта усадила его за столъ, говоря, что матери его не придется бѣгать по лѣстницѣ. Недѣлю спустя, привычка была сдѣлана, и Фожѣ, мать и сынъ, ежедневно спускались внизъ завтракать и обѣдать за однимъ столомъ съ хозяевами. Въ первые дни кухня была разная; затѣмъ Роза нашла, что это «очень глупо», объявляя, что можетъ готовить на четверыхъ и столкуется съ м-ше Фожѣ. Съ этихъ поръ она принялась завармливать патера разными лакомыми блюдами, Мурѣ же, сидѣвшій напротивъ жены, оставался забытымъ. Онъ сидѣлъ, положивъ локти на столъ, какъ ребенокъ, и дожидался, чтобы Марта вспомнила объ немъ. Она накладывала ему послѣднему, кое-какъ, что придется. Роза, стоя за ней, предостерегала ее, когда она нечаянно бралась за хорошій кусокъ: — нѣтъ, нѣтъ, не этотъ кусокъ... Вы знаете, что баринъ любить голову; онъ любить сосать косточки. Съ Мурѣ обращались вообще, какъ съ бѣднымъ родственникомъ, котораго терпятъ въ домѣ изъ милости...

Съ тѣхъ поръ, какъ Фожѣ завтракали и обѣдали внизу, верхній этажъ поступилъ въ безраздѣльное владѣніе Трушей. По временамъ они поднимали тамъ большой шумъ; слышно было, какъ передвигали мебель, хлопали дверьми; звуки голосовъ доносились сверху. Однажды ночью аббатъ, еще не ложившійся, услышалъ странный шумъ на лѣстницѣ. Выйдя со свѣчей въ рукахъ, онъ увидѣлъ Труша совсѣмъ пьянаго и поднимавшагося по лѣстницѣ на четверенькахъ. Онъ поднялъ его сильной рукой и втащилъ въ комнату. Олимпія, лежа въ постели, спокойно читала романъ, прихлебывая изъ стакана грога.

— Послушайте, — сказалъ аббатъ Фожѣ, помертвѣвъ отъ гнѣва, — завтра вы уложите свои вещи и отправитесь во-своаи. — Вотъ еще! — отвѣчала Олимпія, ни мало не смутясь: — намъ хорошо и здѣсь. — Трушъ смѣялся. У него было веселое пьянство. Онъ упалъ въ кресло сіяющій. — Пьяница! — процѣдилъ сквозь зубы патеръ. — Вы злитесь, топ срег, тѣмъ хуже для васъ... Нечего ворочать глазами, я въ васъ не нуждаюсь. Слушайте, хотите я вамъ дамъ взаимы сто франковъ. — И онъ вынулъ изъ кармана банковые билеты и разложилъ ихъ на колѣняхъ; затѣмъ поднесъ ихъ къ самому носу аббата. Олимпія однимъ прыжкомъ высочила изъ

кровати и отняла билеты, которые спрятала подъ тюфякъ, съ недовольнымъ видомъ. Аббатъ Фожѣ съ удивленіемъ поглядѣлъ вокругъ себя: онъ увидѣлъ бутылки съ ликеромъ на комодѣ, пироги, почти непочатой, на каминѣ, конфеты въ старой, продавленной коробѣ. Комната была завалена разными покупками; на стульяхъ валялись платья, куски кружевъ, великолѣпный новый сюртукъ висѣлъ на задвижкѣ окна; передъ кроватью лежала медвѣжья шкура. Возлѣ ставана съ грогомъ, на ночномъ столѣ, сверкали маленькіе дамскіе золотыя часики въ фарфоровой вазочкѣ.

«Кого они ограбили?» подумалъ патеръ. И вдругъ вспомнилъ, что видѣлъ, какъ Олимпія цѣловала руки у Марты...

На другое утро Трушъ, проспавшійся, имѣлъ долгую бесѣду съ аббатомъ Фожѣ. Когда онъ вернулся къ женѣ, то передалъ, на какихъ условіяхъ заключенъ былъ миръ.— Не бойся ничего,— сказала Трушъ въ заключеніе:— я ему нуженъ, онъ не станетъ мѣшать намъ сколотить деньги.

Здоровье Марты въ это время внушало опасеніе доктору Порье. Когда наступила хорошая погода, онъ убѣждалъ ее побольше гулять. Она стала кататься въ коляскѣ по окрестностямъ. Любимой мечтой ея было прокатиться съ аббатомъ Фожѣ, но онъ, не отказываясь прямо, отговаривался недосугомъ. Ей приходилось довольствоваться обществомъ Олимпіи или m-me Фожѣ. Однажды утромъ, когда она проѣзжала съ Олимпіей по селенію Тюлетъ, мимо большой усадьбы, принадлежавшей ея дядѣ, Маквару, этотъ послѣдній, увидя ее, закричалъ ей съ своей террасы, усаженной тутовыми деревьями:

— А Мурэ гдѣ? Почему Мурэ не пріѣхалъ.

Она должна была зайти на минуту къ дядѣ, которому пришлось объяснять, что она нездорова и не можетъ обѣдать съ нимъ. Дядя непремѣнно захотѣлъ угостить ихъ виномъ. Олимпія позволила налить себѣ ликера въ рюмку. Но Марта, вставъ, объявила, что желаетъ ѣхать. Дядя заставилъ ее обойти его усадьбу. Въ концѣ сада она остановилась, глядя на большой бѣлый домъ, построенный на холмѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ селенія. Внутренніе дворы напоминали тюремный дворъ; узкія окна снабжены были рѣшетками.

— Это домъ умалишенныхъ,—пробормоталъ дядя, слѣдившій за направленіемъ взгляда Марты.— Я друженъ съ однимъ изъ сторожей, онъ приходитъ ко мнѣ иногда распить бутылочку. Въ этомъ домѣ сидитъ твоя бабушка.—И прибавилъ съ самодовольнымъ смѣхомъ:— видишь ли, дочь моя, у Ругоновъ голова такая

же плохая, какъ и у Мавкаровъ. Когда я сижу на этомъ мѣстѣ, напротивъ этого большого домины, то часто говорю себѣ, что вся наша братія со временемъ переселится сюда... Ну, вотъ, я буду тутъ, чтобы ихъ принять и поручу ихъ моему другу, сторожу Александру, хотя во мнѣ не всегда были ласковы въ нашей семьѣ.

И затѣмъ прибавилъ съ ужасающей улыбкой ручного волка:
— Для васъ всѣхъ большое счастье, что я живу въ Тюлетѣ.

Марта вся затряслась. Хотя она и знала вкусъ дядошки къ свирѣпымъ шуткамъ и радость, какую ему доставляло мучить своихъ родныхъ, но ей показалось въ эту минуту, что онъ говорить правду, что вся семья переселится со временемъ въ эти сѣрые кельи. Она не захотѣла оставаться долѣе и немедленно уѣхала...

Совсѣмъ новая женщина просыпалась въ Мартѣ. Ее окончательно пробудила нервная жизнь, которую она вела. Мѣщанская полнота, тяжелая неподвижность, усвоенная въ теченіи пятнадцати лѣтъ, проведенныхъ за прилавкомъ, какъ будто растаяли въ пламени ея благочестія. Она лучше одѣвалась, разговаривала у Ругоновъ по четвергамъ.

— М-ше Мурэ превращается вновь въ молодую дѣвушку,— говорила м-ше де-Бондаменъ озадаченная. «Да,—отвѣчалъ докторъ Поркье, качая головой,—elle descend la vie à reculons».

— И вотъ, Марта, похудѣвшая, съ розовыми щеками, великолѣпными глазами, черными и жгучими, сіяла въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ необыкновенной красотой. Казалось, забытая молодость вспыхнула въ ней въ сорокъ лѣтъ дивнымъ пожаромъ. Она простаивала цѣлые дни на колѣняхъ на холодныхъ плитахъ собора, не слушалась аббата Фожя, который удваивалъ строгость и все еще сдерживалъ ее бранью и упреками.—Хозяйка жалуется на тебя,—говорила ему мать,—зачѣмъ ты не велишь ей ходить въ церковь, если ей это нравится?.. Напрасно ты сердись ее; она очень добра къ намъ.—Она убиваетъ себя,— пробормоталъ аббатъ. М-ше Фожя пожала плечами по своей привычкѣ:—Это ея дѣло. Каждый утѣшается по-своему. Лучше убивать себя молитвой, чѣмъ разстройствомъ желудка, какъ это дѣлаетъ негодяйка Олимпія... Будь посписходительнѣе къ Мурэ. Иначе жизнь станетъ невозможной въ ихъ домѣ.

Однажды, когда она читала ему подобныя наставленія, онъ произнесъ мрачнымъ голосомъ:—Матушка, эта женщина ляжетъ бревномъ на моей дорогѣ.

Однако онъ понять, что надо быть съ нею помягче. Онъ опасался скандала. Мягкость его благотворно подѣйствовала на

Марту. Она стала поворна, какъ овечка. Всѣ его желанія исполнялись безпрекословно. Она стала бы просить милостыню на улицѣ, еслибы онъ это приказалъ. Но когда она становилась безпокойна, когда она протягивала къ нему руки, съ сердцемъ, удрученнымъ страстью, съ мольбою на губахъ, онъ однимъ словомъ повергалъ ее во прахъ. Она не смѣла замѣннуться о своей любви. Между ней и этимъ человѣкомъ стояла цѣлая стѣна гнѣва и отвращенія.

— Почему ты не употребляешь носовыхъ платковъ, которые тебѣ подарила м-ше Муръ?—спросила его какъ-то мать:—бѣдная женщина была бы такъ счастлива, видя ихъ въ твоихъ рукахъ. Она цѣлый мѣсяцъ вышивала твой вензель.

Онъ сдѣлалъ рѣзкій жестъ, отвѣчая:—нѣтъ, матушка, возьмите ихъ къ себѣ. Это женскіе платки. У нихъ какой-то особенный запахъ, который мнѣ невыносимъ.

Но если Марта покорялась патеру и превратилась въ его рабу, то относительно домашнихъ характеръ ея становился съ каждымъ днемъ все сварливѣе. Роза увѣряла, что никогда не знавала ее такой «придирчивой». Но особенно росла ея ненависть къ мужу. Старая вражда Ругоновъ шевелилась въ ней при видѣ этого потомка Маккарровъ, этого человѣка, котораго она обвиняла въ томъ, что онъ отравляетъ ея жизнь. Она набрасывалась на него безъ всякаго повода. Все, что онъ ни дѣлалъ, его взгляды, его жесты, рѣдкія слова, которыя онъ произносилъ, выводили ее изъ себя... — Чудовище,—кричала она,—онъ меня убьетъ, онъ меня убьетъ! М-ше Фожѣ принималась утѣшать ее. Роза бѣжала внизъ по лѣстницѣ, крича изо всѣхъ силъ:

— Да, сударь, вы чудовище; барыня правду говорить, что вы чудовище!

Иныя ссоры были особенно рѣзки. Марта, разсудокъ которой поколебался, вообразила, что мужъ хочетъ ее бить: это превратилось у нея въ *idée fixe*.—Онъ только не рѣшается,—твердила она. Роза клялась, что видѣла палку у него въ конторкѣ. М-ше Фожѣ и Олимпія отъ души вѣрили въ эти исторіи. Онѣ жалѣли и другъ передъ другомъ охраняли хозяйку. Весь домъ жилъ въ постоянной тревогѣ.—Онъ способенъ на преступленіе,—увѣряла кухарка.

Въ этотъ годъ Марта очень усердно посѣщала церковныя службы страстной недѣли. Въ страстную пятницу съ ней сдѣлался обморокъ въ церкви. Она лежала распростертая на землѣ, въ позѣ молящейся, и женщины, стоявшія вокругъ нея на коленяхъ, не замѣтили, что она въ обморокѣ. Когда она пришла

въ себя, церковь была пуста. Ей казалось, что ее сѣкли розгами, что кровь течетъ изъ ея членовъ; она испытывала въ головѣ такую нестерпимую боль, что подносила въ ней руки, какъ бы за тѣмъ, чтобы вырвать шипы, которые, ей казалось, прокалывали ей черепъ. Вечеромъ, за обѣдомъ, она была странна. Нервное возбужденіе все еще не улеглось; она машинально поглядывала на свои руки, ища отверстій, черезъ которыя струилась кровь.

...Однажды въ полночь, когда весь домъ спалъ крѣпкимъ сномъ, въ первомъ этажѣ послышались крики. Сначала раздавались глухіе стenanія, превратившіяся затѣмъ въ настоящій вой человѣка, котораго убиваютъ. Аббатъ Фожъ, разбуженный ими, позвалъ мать. Та надѣла кое-какъ юбку и побѣжала за Розой, крича ей сквозъ дверь:

— Идите скорѣй, я боюсь, что ш-ше Муръ убиваютъ.

Между тѣмъ крики усиливались. Вскорѣ весь домъ былъ на ногахъ. Показалась Олимпія, на плечи которой была накинута косынка, въ сопровожденіи Труша, только-что вернувшагося домой и слегка пьянаго. Роза сошла внизъ въ сопроводженіи всѣхъ жильцовъ.

— Отворите, отворите, сударыня!—кричала она, потерявъ голову и ударяя кулаками въ дверь. Одни вздохи были ей отвѣтомъ. Затѣмъ слышно было паденіе тѣла на полъ и какая-то борьба завязалась на полу, отъ которой слышно было, какъ валится мебель. Глухіе удары потрясали стѣны; страшное хрипѣніе доносилось изъ-подъ двери, и Фожъ переглянулись съ Трушами, блѣднѣя.—Это мужъ убиваетъ ее,—пробормотала Олимпія.—Вы правы, это этотъ диваръ!—сказала кухарка.—И снова принялись стучать кулаками въ дверь. Въ отвѣтъ послышался новый вой.—Нельзя же удовольствоваться однимъ стукомъ,—сказалъ аббатъ Фожъ, выступая впередъ:—постойте.—Онъ уперся своимъ здоровеннымъ плечомъ въ дверь и началъ ее медленно высаживать. Женщины бросились въ комнату, гдѣ глазамъ ихъ представилось самое дикое зрѣлище. Посреди комнаты, на полу, лежала Марта, задыхающаяся, въ разорванной рубашкѣ, съ расцарапанной кожей, покрытой синяками. Распушенные волосы завернулись воеругъ ножки стула, руки ея съ такой силой уцѣпились за комодъ, что сдвинули его съ мѣста, и онъ очутился поперекъ комнаты. Въ углу стоялъ Муръ, держа въ рукахъ шандаль и глядѣлъ съ тупымъ видомъ на то, какъ жена каталась по полу. Аббату Фожу пришлось отодвинуть комодъ.

— Вы чудовище!—вскричала Роза, показывая кулакъ Муръ:—

привести женщину въ такое состояніе!.. Онъ бы убилъ ее, еслибы мы не подоспѣли въ-время.—М-ше Фожа и Олимпія суетились около Марты, которая теперь только тихо стонала. Мурэ оставался недвижимъ въ своемъ углу, не выпуская шандала изъ руки, словно окаменѣвъ.

— Увѣряю васъ,—бормоталъ онъ:—я ее пальцемъ не трогалъ.

— Рассказывайте!—кричала Роза:—вы уже цѣлый мѣсяць сторожите случай. Бѣдная женщина ожидала, что вы ее приѣдете. Пожалуйста, не лгите, это меня выводитъ изъ себя.

Объ другія женщины, не считая себя вправѣ говорить съ нимъ такимъ образомъ, бросали на него грозные взгляды.

— Увѣряю васъ,—повторялъ Мурэ кроткимъ голосомъ:—я ее не билъ. Я собирался ложиться спать и надѣлъ свой фуляръ. Когда я дотронулся до свѣчи, которая стояла на комодѣ, она вдругъ проснулась, вытянула руки съ крикомъ и принялась бить себя кулакомъ по лбу, и царапать свое тѣло ногтями.

Тутъ кухарка повачала головой.—Почему вы не отперли намъ дверь,—спросила она:—мы стучали довольно громко.

— Увѣряю васъ, что это не я,—повторилъ онъ еще кротче.—Я не понималъ, что съ ней дѣлается. Она бросилась на полъ, кусала сама себя, сказала какъ сумасшедшая. Я не смѣлъ пройти мимо нея; я совсѣмъ одурѣлъ. Я вамъ два раза кричалъ, чтобы вы вошли, но вы вѣроятно не слышали меня, потому что она такъ громко кричала. Я очень испугался. Это не я, увѣряю васъ.

Трушъ обвинялся взглядомъ съ аббатомъ Фожа; бѣднякъ казался имъ совсѣмъ не свирѣпымъ, безъ сюртука, съ желтымъ фуляромъ, повязаннымъ вокругъ его плѣшиваго черепа. Они подошли къ Мартѣ, которая съ искаженнымъ лицомъ словно выходила изъ забытья.—Что случилось, Роза?—спросила она.—Зачѣмъ всѣ сюда сбѣжались? Я устала. Пожалуйста сважи, чтобы меня оставили въ покоѣ.

Роза колебалась съ минуту.—Вашъ мужъ здѣсь, сударыня,—пробормотала она:—вы не боитесь съ нимъ остаться.

Марта поглядѣла на нее съ удивленіемъ:—Нѣтъ, нѣтъ,—отвѣчала она.—Уходите, мнѣ такъ хочется спать.

Всѣ разошлись. Домъ снова успокоился, и ночь прошла тихо. На другой день, когда всѣ три женщины заговорили объ ужасной ночной сценѣ, Марта показала имъ сконфуженной и смущенной. Она замаяла разговоръ, и м-ше Фожа съ Олимпіей заключили изъ этого, что м-ше Мурэ желаетъ избѣжать скандала.

Черезъ день сцена эта возобновилась. Только на этотъ разъ

Мурэ, при первомъ стуѣ въ дверь, отворилъ ее, въ рубашкѣ, съ встревоженнымъ лицомъ. Марта, одѣтая, плакала навзрыдь, растянувшись на животѣ и ударяясь головой о ножку кровати. Лицѣ ея платья былъ разорванъ и два синяка видѣлись на шеѣ.

— На этотъ разъ онъ хотѣлъ ее задушить, — пробормотала Роза.

Женщины раздѣли ее. Мурэ, отворивъ дверь, легъ въ постель, весь дрожа, блѣдный какъ полотно. Онъ не защищался и какъ будто даже не слыхалъ брани.

Съ этихъ поръ подобныя сцены стали повторяться съ нѣкоторыми промежутками. Весь домъ жилъ въ постоянномъ страхѣ. Марта избѣгала всякихъ намековъ и не позволяла перенести постель Мурэ въ другую комнату. Между тѣмъ мало-по-малу въ кварталѣ распространился слухъ, что у Мурэ по ночамъ происходятъ странныя вещи. Рассказывали, что мужъ каждую ночь избиваетъ жену палкою. Роза взяла честное слово съ м-ше Фожэ и Олимпин, что онѣ будутъ молчать, такъ какъ Марта повидимому желала держать все дѣло въ секретѣ, но сама своими недомолвками и обмолвками въ мелочныхъ лавочкахъ помогла создаться легендѣ, ходившей по городу. Эта исторія про мужа, который дожидался полночи, чтобы налетѣть на жену съ палкой, не могла не увлечь рыночныхъ торговкокъ. Съ каждымъ днемъ она украшалась новыми и страшными подробностями. Одна ханжа увѣряла, что Мурэ одержимъ нечистымъ духомъ, что онъ хваталъ жену за горло зубами и что аббатъ Фожэ долженъ былъ три раза перекрестить его, чтобы онъ выпустилъ свою жертву. Тогда, прибавляла она, Мурэ падалъ какъ пласть на полъ и большая черная крыса выскакивала у него изо рта и исчезала, хотя никакъ не могли найти ни одной дырки въ полу. Свептики утверждали, что Мурэ бѣгетъ свою жену за то, что засталъ ее съ патеромъ. Слухи эти достигли наконецъ и до м-ше Ругонъ. Она прибѣжала вся впопыхахъ къ дочери, которая и отъ нея отдѣлалась полу-словами. Тогда она обратилась къ аббату, прося его вступиться за дочь.

— Но, м-г Мурэ не позволить, чтобы ему дѣлали замѣчанія, — началъ аббатъ.

— Однако, не могу же я не вступиться за свою дочь! — вскричала м-ше Ругонъ: — я обращусь къ правосудію.

Трушъ переступалъ съ ноги на ногу. Онъ воспользовался минутой молчанія. — М-г Мурэ сумасшедшій, — грубо отрѣзалъ онъ. — Это слово произвело такое же дѣйствіе, какъ ударъ палкой по головѣ. Всѣ переглянулись. — Я хочу сказать, что у него

голова не въ порядкѣ,—продолжалъ Трушъ.—Посмотрите-ка на его глаза... Я, признаюсь вамъ, не спокоенъ. Въ Безансонѣ былъ человѣкъ, который обожалъ свою дочь и зарѣзалъ ее разъ ночью, не сознавая, чтó дѣлаетъ.

— Баринъ давно уже спятилъ,—пробормотала Роза.

— Но это ужасно!—сказала м-ше Ругонъ.—Вы правы, онъ показался мнѣ совсѣмъ страннымъ въ послѣдній разъ, когда я его видѣла. Ахъ! моя бѣдняжка, обѣщай мнѣ ничего не скрывать отъ меня. Я теперь не буду спать спокойно. Слышишь, при первой дикой выходкѣ своего мужа не медли долѣе... Сумасшедшихъ запираютъ!

Она ушла съ этимъ словомъ. Когда Трушъ остался вдвоемъ съ аббатомъ Фожя, онъ размѣялся своимъ дряннымъ смѣхомъ, выставивъ свои свѣрлые зубы:—Хозяйка должна мнѣ поклониться въ поясъ,—пробормоталъ онъ.—Теперь ей можно будетъ кататься по полу, сколько ея душѣ угодно.

Патеръ, съ помертвѣлымъ лицомъ, устремивъ глаза въ землю, ничего не сказалъ. Затѣмъ пожалъ плечами и пошелъ въ садъ читать свой молитвенникъ.

IX.

Отнынѣ Мурэ иначе и не звали въ Плассанѣ, какъ «сумасшедшій, который бьетъ свою жену». Эта исторія про разсудительнаго безумца, который сходилъ съ ума каждую полночь, сообщила живой интересъ собраніямъ двухъ обществъ въ саду Мурэ. Эти господа и эти дамы съ большимъ рвеніемъ навѣщали аббата Фожя.

— Чтó вы думаете о Мурэ, —спросила однажды м-ше де-Кондаменъ доктора Поркье:—вы вѣдь домашній врачъ его.

Докторъ Поркье долго качалъ головою, прежде чѣмъ отвѣчать.

— Это вопросъ щекотливый, —пробормоталъ онъ:— м-ше Мурэ слабаго здоровья, а м-г Мурэ...

— Я видѣлъ м-ше Ругонъ, —сказалъ подпрефектъ,—и она очень тревожится.

— Зять всегда нѣсколько стѣснялъ ее,—перебилъ рѣзко м-г де-Кондаменъ.—Я встрѣтилъ недавно Мурэ въ клубѣ. Онъ меня обыгралъ въ пиветъ. Я нашелъ, что онъ такъ же уменъ, какъ и всегда... Этотъ достойный человѣкъ никогда не былъ орломъ.

— Я не говорилъ, что онъ сумасшедшій въ томъ смыслѣ, какъ это принято въ обществѣ, —вмѣшался докторъ, которому

показалось, что его честь задѣта, — но я не скажу также, чтобы было вполне безопасно оставлять его на свободѣ.

Это заявленіе произвело нѣкоторую сенсацію. Докторъ привелъ нѣсколько примѣровъ того, что медики называютъ *folie lucide*, которые еще усилили произведенное имъ впечатлѣніе. Всѣ были убѣждены въ сумасшествіи Мурэ. Одинъ м-г де-Кондамень еще защищалъ его. Но однажды прекрасная Октавія рѣзко заявила ему:

— Какое вамъ дѣло до того, сумасшедшій Мурэ или нѣтъ?

— Мнѣ, душа моя, ровно никакого, — отвѣчалъ онъ, удивленный.

— Ну, такъ признайте его сумасшедшимъ, если таковымъ признаютъ его всѣ. Не понимаю, что у васъ за страсть всегда расходиться во мнѣніяхъ съ своей женой. Это не принесетъ вамъ счастья, mon cher. Будьте такъ умны, чтобы отказаться отъ остроумія въ Плассанѣ.

М-г де-Кондамень улыбнулся.

— Вы, какъ всегда, правы, — отвѣтилъ онъ любезно, — и вы знаете, что я предоставилъ вамъ заботу о моей карьерѣ. Не ждите меня обѣдать: я ѣду въ Сентъ-Этропъ.

М-ме де-Кондамень знала, что онъ ухаживалъ за одной дѣвочкой въ этомъ селѣ. Но она была снисходительна и даже два раза спасала его отъ послѣдствій очень гадкихъ исторій. Что касается его, то онъ былъ спокоенъ насчетъ добродѣтели жены. Онъ зналъ, что она слишкомъ ловава, чтобы завести интригу въ Плассанѣ...

Во время одного изъ собраній въ саду, продолжившагося далеко за полночь, съ цѣлью наблюденія за Мурэ, про котораго рассказывали, что онъ по ночамъ, со свѣчей въ рукѣ, прогуливается неизвѣстно зачѣмъ по саду, м-г Пекеръ де-Солэ замѣтилъ:

— И подумать только, что этотъ несчастный занимался политикой! Я не хочу упрекать васъ за вашъ союзъ съ республиканцами, господинъ президентъ; но сознайтесь, что у маркиза Лагрифуль былъ очень странный приверженецъ?

М-г Рагуаль принялъ серьезный видъ и, не говоря ни слова, какъ-то неопредѣленно махнулъ рукой.

— Да онъ и теперь занимается ею; быть можетъ, политика-то и сводитъ его съ ума, — сказала прекрасная Октавія: — говорятъ, что онъ очень рьяно дѣйствуетъ въ виду предстоящихъ выборовъ; не правда ли, мой другъ? — обратилась она къ мужу, взглядывая на него.

— Онъ вездѣ повторяетъ, что избиратели въ его рукахъ и что онъ проведетъ какого-нибудь башмачника, если захочетъ?

— Вы преувеличиваете, — сказала докторъ Порье: — онъ не пользуется такимъ вліяніемъ. Весь городъ смѣется надъ нимъ.

— Эге! вотъ гдѣ вы ошибаетесь! Если онъ захочетъ, то поведетъ къ урнамъ весь старый кварталъ и большинство сель... Онъ сумасшедшій, правда, но это только лишняя рекомендація... Я нахожу его весьма разумнымъ для республиканцевъ.

Эта плохая шутка имѣла большой успѣхъ. Дѣвицы Рагуаль принялись хохотать, какъ пансіонерки. Самъ президентъ удостоилъ одобрительно кивнуть головой. Онъ вышелъ изъ своей неподвижности и сказалъ, избѣгая глядѣть на подпрефекта:

— Лагрифуль, быть можетъ, не оказалъ намъ услугъ, которыхъ мы вправѣ были отъ него ожидать; но кандидатура башмачника была бы позоромъ для Плассана.

Съ нѣкоторыхъ поръ бывшіе приверженцы Лагрифуля стали прохаживаться на его счетъ и послѣ одной изъ такихъ выходовъ Делангръ прошепталъ на ухо аббату Фожа:

— Вамъ остается только похоронить маркиза, господинъ аббатъ.

Аббатъ Фожа позволялъ теперь говорить при себѣ о политикѣ; онъ заявлялъ даже порою свое мнѣніе, высказываясь за союзъ честныхъ и религіозныхъ умовъ. Тогда всѣ подхватывали его слова: Пекѣръ де-Солэ, Рагуаль, Бурде и даже самъ Маффри. Такъ легко столковаться между собою благонамѣреннымъ людямъ и сообща работать въ упроченію великихъ принциповъ, безъ которыхъ не можетъ существовать никакое общество! И разговоръ заходилъ при этомъ о собственности, семьѣ и религіи. Порою упоминалось имя Мурэ, и ш-г де-Кондамень бормоталъ: — я со страхомъ позволяю женѣ приходить сюда. Я боюсь, что хотите! И вы увидите чудныя вещи на выборахъ, если его оставить до тѣхъ поръ на свободѣ!

Между тѣмъ каждое утро Трушъ старался напугать аббата Фожа, во время бесѣдъ, которыя происходили между ними регулярно каждый день. Онъ сообщалъ самыя тревожныя новости; рабочіе стараго квартала слишкомъ много занимались домогъ Мурэ: они толковали, что придутъ навѣстить своего старика, освидѣтельствовать его состояніе, спросить его мнѣнія. Аббатъ обыкновенно пожималъ плечами, но однажды Трушъ вышелъ отъ него съ восхищеннымъ лицомъ. Онъ обнялъ Олимпію, вскричавъ:

— На этотъ разъ, дочь моя, дѣло кончено.

— Онъ позволяетъ тебѣ дѣйствовать?—спросила она.

— Да... Вотъ будетъ славно, когда его запрутъ.

Она еще лежала въ постелѣ и принялась прыгать подѣ одѣяломъ.

— Ахъ! какъ хорошо! все будетъ наше, не правда ли? Я переселюсь въ другую комнату и буду гулять по саду, и буду готовить кушанье внизу, въ кухнѣ... Да, братъ обязанъ это для насъ сдѣлать. Ты много помоги ему...

Въ слѣдующую ночь у Марты сдѣлался ужасающій припадокъ. Утромъ она присутствовала на длинной религіозной церемоніи, которую Олимпія хотѣла доглядѣть до конца. Когда Роза и жильцы сбѣжались на ея крики, то нашли ее распростертой у кровати, съ разбитымъ и окровавленнымъ лбомъ. Мурэ, стоя на колѣняхъ на кровати, весь дрожалъ.

— На этотъ разъ онъ убилъ ее! — закричала вухарка, и взяла его за плечи, хотя онъ былъ въ одной рубашкѣ, вытолкнула въ другую комнату, куда бросила ему тюфякъ и одѣяло. Трушъ побѣжалъ за докторомъ Порье. Докторъ перевязалъ рану Марты; двумя линіями ниже ударъ былъ бы смертеленъ. Внизу въ сѣняхъ, при вухаркѣ, обоихъ Фожя и Трушъ, онъ объявилъ, что надо принять мѣры, что нельзя оставлять дольше жизнь ш-ше Мурэ въ зависимости отъ бѣшеннаго безумца.

Мартѣ пришлось пребыть въ постелѣ весь слѣдующій день. У ней былъ бредъ: ей мерещилась желѣзная рука, которая разбивала ей черепъ сверкающей шпагой.

Роза рѣшительно не позволила Мурэ войти къ ней. Она подала ему обѣдать въ его конторѣ, на столѣ безъ скатерти, покрытомъ пылью. Онъ не сталъ ѣсть. Онъ тупоумно глядѣлъ въ тарелку, когда вухарка ввела къ нему трехъ господъ, одѣтыхъ въ черное.

— Вы доктора?—спросилъ онъ.—Какое ей?

— Ей лучше,—отвѣчалъ одинъ изъ господъ.

Мурэ машинально рѣзалъ хлѣбъ, какъ бы собираясь начать ѣсть.

— Я бы желалъ, чтобы дѣти были здѣсь,—бормоталъ онъ: они бы ухаживали за ней, мы не были бы такъ одиноки... Она заболѣла съ тѣхъ поръ, какъ дѣти уѣхали... Я тоже не совсѣмъ здоровъ. Онъ поднесъ хлѣбъ ко рту, и крупныя слезы катились по его щекамъ. Господинъ, уже говорившій съ нимъ, переглянулся съ своими спутниками: — Хотите ли, мы всѣ поѣдемъ за вашими дѣтьми?—Хочу!—вскричалъ Мурэ, вставая:—поѣдемте сейчасъ.

На лѣстницѣ онъ не увидѣлъ Труша и его жены, наклонив-

шихся надъ перилами второго этажа и слѣдившими жадными глазами за тѣмъ, какъ онъ сходилъ съ лѣстницы. Олимпія сошла въ кухню, гдѣ Роза глядѣла въ окно съ большимъ волненіемъ, и когда карета, ждавшая у дверей, увезла Мурѣ, взбѣжала наверхъ, схватила Трупа за плечи и нѣсколько разъ перевернула его, крича:—упрятали.

Марта восемь дней пролежала въ постелѣ; мать ежедневно навѣщала ее и выказывала необыкновенную нѣжность. Фожѣ, Трупу поочередно ухаживали за ней. Сама м-ше де-Кондаментъ нѣсколько разъ навѣстила ее. О Мурѣ не говорилось ни слова, но когда Марта въ первый разъ сошла внизъ и сѣла за столъ, то изумилась, не видя мужа, и стала спрашивать о немъ съ тревогой.

— Успокойтесь, дорогая,—говорила м-ше Фожѣ,—а не то вы опять заболите. Пришлось принять мѣры. Вашимъ друзьямъ пришлось заступиться за васъ.

— Вамъ нечего жалѣть его,—грубо вскричала Роза—послѣ того удара палкою по головѣ, который онъ вамъ нанесъ. Весь кварталъ вдохнулъ свободно, когда его увезли. Всѣ боялись, чтобы онъ не поджегъ дома или не выбѣжалъ на улицу съ ножомъ. Я прятала всѣ кухонные ножи; кухарка Растулей тоже... И ваша бѣдная матушка не знала ни минуты покоя... весь городъ всегда въ тревогѣ, когда такой человекъ на свободѣ.

Марта слушала этотъ потокъ словъ съ расширенными глазами. Она уронила ложку и глядѣла передъ собою въ открытое окно, словно какое-то видѣніе, показывавшееся изъ-за плодовыхъ деревьевъ сада, привело ее въ ужасъ.—Тюлетъ, Тюлетъ!—пробормотала она, скрывая лицо трепещущими руками. Она упала навзничъ и уже съ ней готовился нервный припадокъ, когда аббатъ Фожѣ, кончившій свой супъ, сжалъ ея руки, шепча самымъ ласковымъ голосомъ:

— Перенесите съ твердостью испытаніе, которое посылаетъ вамъ Господь. Онъ утѣшитъ васъ, если вы будете поборны. Онъ дастъ вамъ счастье, какого вы заслуживаете.

Отъ нѣжнаго пожатія рукъ аббата, отъ ласковаго звука его голоса Марта поднялась точно воскресшая, съ пылающими щеками.—О, да!—проговорила она, рыдая:—мнѣ нужно много счастья, общайте мнѣ много счастья.

Общія выборы должны были произойти въ октябрѣ. Въ концѣ сентября, монсеньоръ Руссло внезапно уѣхалъ въ Парижъ, послѣ

долгой предварительной бесѣды съ аббатомъ Фожѣ. Пять дней спустя онъ вернулся и сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ вмѣстѣ съ аббатомъ Сюрень.

— Довольны ли вы, ваше преосвященство, своей поѣздкой? — спросилъ аббатъ Сюрень. — Я узналъ то, что желалъ знать, — отвѣчалъ епископъ съ тонкой улыбкой... — Будьте другомъ аббата Фожѣ: онъ многое можетъ сдѣлать для васъ. Я все разузналъ о немъ. Онъ имѣлъ непріятности въ Безансонѣ... Онъ жилъ въ Парижѣ въ большой бѣдности, въ отель-гарни. Онъ самъ предложилъ свои услуги. Министръ какъ разъ искалъ священниковъ, преданныхъ правительству. Я понялъ, что Фожѣ напугать его сначала своей черной рожой и дряхлой расой; онъ однако прислалъ его сюда, на всякій случай, обѣщая устроить его карьеру, если ему удастся завоевать городъ... И Фожѣ завоевалъ Плассанъ. Словомъ, будьте услужливы съ кюрэ Сень-Сагурнена; ему нужны будутъ всякіе люди и, сколько мнѣ кажется, онъ изъ тѣхъ людей, что не забываютъ ни обиды, ни услуги. Но не сближайтесь съ нимъ. Онъ худо кончить. Это мое личное впечатлѣніе. — Онъ худо кончить? — повторилъ молодой аббатъ съ удивленіемъ. — О! въ настоящую минуту онъ торжествуетъ... Но меня безпокоитъ его лицо, дитя мое; у него фатальная фізіономія. Этотъ человѣкъ умретъ не въ постелѣ... Смотрите, не скомпрометируйте меня: я желаю только жить спокойно; мнѣ нуженъ теперь только покой...

Въ эту минуту возвѣстили о приходѣ аббата Фожѣ. Монсеньоръ Руссло, съ улыбающимся видомъ, съ протянутыми руками пошелъ ему навстрѣчу, называя его «мой милый аббатъ».

— Оставьте насъ, дитя мое, — сказалъ онъ своему секретарю, который удалился. Епископъ заговорилъ о своемъ путешествіи. — А видѣли ли вы министра, — спросилъ аббатъ Фожѣ, пристально глядя на него.

— Да, я нашелъ нужнымъ сдѣлать ему визитъ, — отвѣчалъ епископъ, чувствуя, что краснѣетъ: — онъ отзывался мнѣ о васъ съ большой похвалой.

— Значитъ, вы больше не сомнѣваетесь, вы довѣряетесь мнѣ?

— Вполнѣ, мой милый аббатъ. — Къ тому же, я ничего не смыслу въ политикѣ и предоставляю ее вамъ и даже долженъ васъ благодарить. Они пробесѣдовали все утро. Аббатъ Фожѣ добился отъ него, что онъ объѣдетъ епархію; онъ будетъ его сопровождать и подсказывать ему всѣ его рѣчи. Необходимо было, кромѣ того, созвать всѣхъ декановъ, такъ чтобы кюрэ самыхъ маленькихъ общинъ могли получить инструкціи. Это не пред-

ставляло затрудненія. Самое трудное дѣло было въ самомъ Плассанѣ, въ кварталѣ Сень-Марка. Дворянство, замурававшееся въ своихъ отеляхъ, совсѣмъ ускользало изъ-подъ вліянія патера: онъ могъ до сихъ поръ дѣйствовать только на честолюбивыхъ роялистовъ: Растуалей, Маффра, Бурде. Епископъ общалъ ему сондировать нѣкоторые салоны квартала Сень-Марка, гдѣ онъ былъ принятъ; къ тому же, допуская даже, что дворянство станетъ вотировать противъ правительства, оно дастъ смѣшное меньшинство, если клерикальная буржуазія покинетъ его.

— Теперь,—сказалъ монсиньоръ Руссло, вставая,—пора было бы назвать мнѣ имя вашего кандидата, чтобы я могъ рекомендовать его.

Аббатъ Фожъ улыбнулся.—Имя—лишняя и опасная вещь,—отвѣчалъ онъ. Черезъ недѣлю отъ нашего кандидата не останется ни клочка, если мы назовемъ его теперь. Маркизь Лагрифуль сталъ невозможенъ, и я знаю, что м-г де-Бурде, который еще невозможенъ, думаетъ выступить кандидатомъ. Мы предоставимъ имъ съѣсть другъ друга и выступимъ впередъ въ самую послѣднюю минуту... Говорите только, что чисто политическій выборъ былъ бы неумѣстенъ, что въ интересахъ Плассана необходимо выбрать человѣка, стоящаго внѣ партій и хорошо знающаго нужды города и департамента; намекните даже, что такой человѣкъ есть на лицо, и дальше ни слова.

Епископъ улыбнулся въ свою очередь и проводилъ аббата; но въ моментъ прощанія:—аббатъ Фениль?—спросилъ онъ, понижая голосъ:—вы не боитесь, что онъ разрушитъ всѣ ваши планы?—Аббатъ Фожъ пожалъ плечами.—Онъ бездѣйствуетъ,—отвѣчалъ онъ.—Меня именно это бездѣйствіе тревожитъ, я знаю Фениля; это самый злопамятный патеръ въ моей епархіи. Онъ, быть можетъ отказался отъ удовольствія побить васъ на политической почвѣ, но будьте увѣрены, что онъ отмститъ человѣку; онъ навѣрное стережетъ васъ изъ своего уединенія.—Ба!—воскликнулъ аббатъ Фожъ, показывая свои бѣлые зубы:—вѣдь не съѣсть же онъ меня живого.

Аббатъ Сюрень только-что вошелъ, и когда Сень-Сатурненскій кюрэ ушелъ, очень разсмѣшилъ монсиньора Руссло, пробормотавъ:—О, если бы они могли съѣсть другъ друга, какъ двѣ лисицы, отъ которыхъ остались одни хвосты!

Наступалъ избирательный періодъ. Плассанъ, котораго въ обыкновенное время не заботили политическіе вопросы, начиналъ слегка волноваться: какой-то невидимый духъ сѣялъ войну въ мирныхъ улицахъ. Маркизь Лагрифуль, жившій въ большомъ сосѣднемъ

мѣстечкѣ, переѣхалъ нѣсколько дней тому назадъ въ своему родственнику, графу де-Вальвейра, отель котораго занималъ цѣлый уголъ квартала Сенъ-Маркъ. Онъ показывался въ публикѣ, появлялся на Соверскомъ Променадѣ, ходилъ въ соборъ, кланялся вліятельнымъ лицамъ, не разставаясь совсѣмъ тѣмъ съ своей дворянской спѣсью и чопорностью. Но всѣ эти любезности, удовлетворявшія въ первый разъ, теперь не имѣли большого успѣха. Обвиненія, источникъ которыхъ былъ неизвѣстенъ, раздавались съ каждымъ днемъ все громче и громче: маркизъ былъ совершенная ничтожность; съ другимъ человѣкомъ Плассанъ давно бы добился ирригаціоннаго канала и вѣтви желѣзнодорожной, которая соединила бы его съ линіей Ниццы. Наконецъ, когда землякъ навѣщалъ маркиза въ Парижѣ, онъ встрѣчалъ высококомѣрный пріемъ и долженъ былъ приходиться три или четыре раза, прежде чѣмъ добьется малѣйшей услуги. Совсѣмъ тѣмъ, хотя кандидатура кандидата была сильно скомпрометтирована этими упреками, — никакой другой кандидатъ еще не выступилъ впередъ. Называли де-Бурде, говоря однако, что будетъ очень трудно привлечь большинство къ имени стариннаго префекта Луи-Филиппа, у котораго не было рьяныхъ приверженцевъ ни въ одной партіи. Дѣло въ томъ, что чье-то неизвѣстное вліяніе разстроило всѣ шансы различныхъ кандидатуръ, порвавъ союзъ легитимистовъ съ республиканцами и отводя глаза партіямъ настолько, что онѣ утратили ясное сознаніе положенія. Надъ всѣмъ этимъ брало верхъ общее смущеніе, смута, исполненная скуки и желанія поскорѣе покончить съ выборами. Среди этого лихорадочнаго разлада, охватившаго городъ, республиканцы пожелали выставить своего кандидата. Они избрали нѣкоего фабриканта шляпъ, по имени Моренъ, добряка, очень любимаго въ предмѣстьяхъ. Трушъ по вечерамъ въ кофейняхъ находилъ Морена незначительнымъ; онъ предлагалъ декабрьскаго ссыльнаго, каретника въ Тюлетѣ. Надо сказать, что Трушъ выдавалъ себя за самаго яраго республиканца; онъ самъ выступилъ бы впередъ, говорилъ онъ, еслибы братъ его жены не былъ патеромъ; въ величайшему своему сожалѣнію, онъ былъ вынужденъ ѣсть хлѣбъ святошъ, а потому долженъ оставаться въ тѣни. Онъ не сидѣлъ однако сложа руки и первый распустилъ дурные слухи про маркиза Лагрифуль и совѣтовалъ порвать съ легитимистами. Республиканцы въ Плассанѣ были очень малочисленны и должны были понести несомнѣнное пораженіе. Но триумфомъ Труша было обвиненіе шайки подпрефектуры и шайки Растуала въ томъ, что они запрятали бѣднаго Мурэ въ сумасшедшій домъ съ цѣлю лишить демоэбра-

тическую партію одного изъ ея почетнѣйшихъ вождей. Трушъ съ такимъ убѣжденіемъ повторялъ эту исторію въ кофейняхъ, что вызвалъ полное сочувствіе къ Мурѣ, котораго выставляли политической жертвой, человѣкомъ столь опаснымъ, что его нашли нужнымъ упрятать въ сумасшедшій домъ...

Между тѣмъ аббатъ Фожа разрывался на части: съ нѣкоторыхъ поръ его постоянно видѣли на улицѣ. Онъ еще старательнѣе заботился о своей особѣ, усиливался непрерывно и любезно улыбаться. Битва, давно задуманная, приближалась и вѣки его, по временамъ, опускались, скрывая пламя, горѣвшее въ глазахъ. Часто, потерявъ терпѣніе, утомясь отъ мелкой борьбы, которую ему приходилось выдерживать ежедневно, онъ возвращался въ свою пустую комнату, сжимая кулаки, напрягая бесполезную силу мышцъ, желая, чтобы подвернулся какой-нибудь колоссъ, котораго онъ могъ бы задушить. Старуха Ругонъ, которую онъ продолжалъ навѣщать тайкомъ, была его добрымъ гениемъ. Она читала ему нотациі, заставляла его по цѣлымъ часамъ ѣдиться передъ собой на низенькомъ табуретѣ, повторяла ему, что онъ долженъ нравиться, что онъ все испортитъ, выставивъ на показъ свои атлетическіе кулаки. Позднѣе, когда онъ побѣдитъ, онъ можетъ взять Плассанъ за горло и задушить его, если ему пріятно. Конечно, она не пыталась нѣжныхъ чувствъ къ Плассану, которому она не могла простить сорокъ лѣтъ нищеты, и который она душила завистью со времени государственнаго переворота. И всегда эта стрекоза Фелиситэ отсылала аббата Фожа болѣе мягкимъ, терпѣливымъ, готовымъ играть долѣе роль любезнаго и мягкаго человѣка.—Вѣдь ношу-то расу я,—говаривала она ему съ улыбкой,—а вы, мой милый аббатъ, смахиваете на жандарма.

Аббатъ усердно посѣщалъ клубъ молодежи, гдѣ популярность его съ каждымъ днемъ возрастала. Изъ клуба онъ аккуратно отправлялся въ пріютъ Св. Дѣвы, гдѣ сумѣлъ также заслужить всеобщую любовь. Дѣвчонки пріюта завоевали ему сердца бѣдныхъ семей въ Плассанѣ. Вечеромъ, возвращаясь домой, онъ рассказывали изумительныя вещи о г. аббатѣ, и нерѣдко можно было видѣть, какъ въ темныхъ завулкахъ городского вала онъ задавали другъ другу потасовки, съ цѣлью рѣшить, которую изъ нихъ предпочитаетъ г. аббатъ.—Эти маленькія плутовки олицетворяютъ отъ двухъ до трехъ тысячъ голосовъ,—думалъ Трушъ, глядя изъ окна своей конторы на любезности аббата Фожа.

Онъ предложилъ-было свои услуги, чтобы обработать эти «невинныя сердца», какъ онъ называлъ дѣвочекъ; но аббатъ, котораго тревожили его масляные глаза, рѣшительно запретилъ

ему показываться во дворѣ приюта. Трушъ довольствовался тѣмъ, что кидалъ лакомства «невиннымъ сердцамъ», какъ бросаютъ крошки воробьямъ, и всего больше конфетъ попадало въ передникъ одной большой блондинки, дочери кожевника, у которой въ тринадцать лѣтъ былъ бюстъ взрослой женщины.

Приютомъ не оканчивался день аббата. Онъ отдавалъ затѣмъ короткіе визиты дамамъ. М-ше де-Кондамень увѣрила Палбювъ, что Рагуаля уволить въ отставку, а Палбюа назначить его преемникомъ, и завербовала ихъ въ свою клику. Она также намекнула Маффу, что императоръ намѣревался дать ему орденъ и формально общалась доктору Поркье мѣсто для его сорванца-сына. Она была воплощенной любезностью въ саду во время сборищъ. Лѣто подходило къ концу; она являлась въ легкихъ платьяхъ, чуть-чуть дрожа отъ холода, но, рискуя захватить насморкъ, выставляла на показъ свои плечи и руки, чтобы окончательно побѣдить колебанія общества Рагуалей. Въ саду Мурэ судьба выборовъ была окончательно рѣшена.

Пекёръ де-Соля объявилъ, что правительство не намѣрено выставлять официальнаго кандидата, и эта новость разнеслась по городу и произвела большое волненіе. Логическимъ, хотя страннымъ результатомъ этого извѣстія была тревога различныхъ политическихъ группъ, рассчитывавшихъ на то, что официальная кандидатура внесетъ разладицу, которая поможетъ имъ восторжествовать. Между маркизомъ Лагрифуль, м-г де-Бурде и шляпнымъ фабрикантомъ Моренъ голоса должны были раздѣлиться на три равныя части и Богъ знаетъ, чье имя выйдетъ при вторичной баллотировкѣ! Правда, говорили про какого-то четвертаго кандидата, котораго никто не могъ съ точностью назвать, благонамѣреннаго человѣка, который согласится, быть можетъ, всѣхъ помирить. Плассанскіе избиратели, трусившіе съ тѣхъ поръ, какъ почувствовали узду на себѣ, ничего лучше не желали, какъ примириться, избравъ того изъ своихъ согражданъ, который могъ быть пріятель различнымъ партіямъ. Правительство напрасно обращается съ нами, какъ съ капризными дѣтьми, говорили обиженнымъ тономъ мѣстные политики; подумаешь, что нашъ городъ какой-то очагъ революціи. Еслибы администрація имѣла столько такту, чтобы выставить умнаго и честнаго кандидата, то мы всѣ вотировали бы за него... Подпрефектъ намекнулъ, что хотятъ намъ дать урокъ. Но мы не принимаемъ этого урока. Мы сумѣемъ найти кандидата и доказать, что Плассанъ городъ здоровомыслящій и свободный. И всѣ ломали голову, кого бы избрать. Но имена, выставляемые друзьями или заинтересованными людьми,

только увеличивали путаницу. Плассанъ въ одну недѣлю насчиталъ больше двадцати кандидатовъ. М-ше Ругонъ, встревоженная, растерявшаяся, прибѣжала къ аббату Фожâ, ругая подпрефекта.—Этотъ Пекёръ осель, болванъ, чучело гороховое, годное лишь для украшенія оффиціального салона; онъ уже разъ допустилъ, чтобы правительство было разбито, и снова скомпрометируетъ его своимъ дикимъ равнодушіемъ.

— Успокойтесь, — сказала аббату, улыбаясь: — на этотъ разъ м-г Пекёръ только повинуется указаніямъ свыше, и побѣда обезпечена.

— Да у васъ нѣтъ кандидата! — вскричала она: — гдѣ вашъ кандидатъ?

Тогда онъ развилъ свой планъ. Она одобрила его какъ умная женщина, но съ величайшимъ изумленіемъ выслушала имя, которое онъ ей довѣрилъ.

— Какъ, — вскричала она, — вы его выбрали? Никто никогда о немъ не думалъ, увѣряю васъ.

— Надѣюсь, — возразилъ аббату съ новой улыбкой, — намъ именно нуженъ кандидатъ, о которомъ никто не думалъ, такъ чтобы всѣ могли принять его, не считая себя скомпрометированными... Что касается моего выбора, то онъ хорошъ, будьте спокойны. На другой же день по приѣздѣ въ Плассанъ я сталъ искать годнаго человѣка, и нашелъ его одного. Онъ ловокъ, способенъ, очень дѣятеленъ; сумѣлъ до сихъ поръ ни съ кѣмъ не поссориться, а это показываетъ, что онъ не изъ дюжинныхъ честолюбцевъ. Увидите, какую онъ сдѣлаетъ карьеру, разъ поставитъ ногу въ стремя; онъ умретъ сенаторомъ... На меня болѣе повлияли сплетни, распускаемыя про него. Говорятъ, онъ три раза бралъ къ себѣ обратно жену, уличенную въ измѣнѣ на мѣстѣ преступления и спасавшуюся къ отцу, и каждый разъ заставлялъ старика выдать себѣ сто тысячъ франковъ. У него не было ни гроша, а теперь онъ богатъ. Если онъ дѣйствительно такимъ путемъ сколотилъ деньги, то будетъ очень полезенъ въ Парижѣ для извѣстныхъ порученій... О, сколько ни ищите, ничего не найдете. За исключеніемъ его, Плассанъ набить дураками.

— Слѣдовательно, это вы подарокъ готовите правительству, — замѣтила Фелиситэ, смѣясь.

М-ше Ругонъ сдалась на доводы аббата, и на другой день имя Делангра пронеслось съ одного конца города на другой. Друзья, говорилось, убѣдили его принять кандидатуру. Это было похоже на пороховой взрывъ. Мина была давно подведена, достаточно было одной искорки.

Во всѣхъ частяхъ города, во всѣхъ кварталахъ, во всѣхъ домахъ и семьяхъ имя Делангра превозносилось до небесъ. Онъ обратился въ мессію, въ спасителя, котораго никто не зналъ наканунѣ и котораго всѣ признали сегодня.

Въ день выборовъ громадное большинство осталось за нимъ. Марезиъ Лагрифуль и м-г де-Бурде, разъяренные, взяли назадъ свою кандидатуру. Только Делангръ и шляпный фабрикантъ Моренъ баллотировались. Послѣдній получилъ тысячу пятьсотъ голосовъ непримиримыхъ въ предмѣстьяхъ. За мѣра оказались села, бонапартистская колонія, клерикальные буржуа новаго города, мелочные торговцы изъ робвихъ стараго города и даже нѣсколько наивныхъ роялистовъ квартала Сень-Маркъ, благородные обитатели котораго вообще воздержались отъ подачи голоса. Делангръ получилъ такимъ образомъ тридцать-три тысячи голосовъ, и самъ Плассанъ дивился своему единодушію.

Вечеромъ, общество г. Растуаля и общество подпрефекта скромно собрались въ маленькомъ салонѣ нижняго этажа, гдѣ м-г Пекеръ де-Соля уже принималъ президента и его дѣвицъ. Послѣ побѣды оба общества слились во-едино: аббатъ Фожа, г. Мафферъ, и даже аббаты Бурретъ и Сюрень пришли безъ гримасъ, какъ добрые сосѣди, пить чай у подпрефекта. — Я не оказывалъ систематической оппозиціи никакому правительству, — объявилъ г. Растуаль, принимая печенья изъ рукъ м-г Пекера: — магистратура должна удаляться отъ политической борьбы. Я охотно сознаюсь даже, что имперія уже совершила великія вещи и призвана совершить еще болѣе великія дѣла, если будетъ держаться стези правосудія и свободы.

М-г Пекеръ поклонился, точно эти похвалы касались его лично. Наканунѣ Растуаль прочиталъ въ «Монитѣрѣ» декретъ, которымъ сынъ его Серень, извѣстная всему Плассану тупица и бездарность, назначался товарищемъ прокурора въ Фавероль. Много говорили также о бракѣ, предполагавшемся между Люсиеномъ Делангромъ и старшей изъ дѣвицъ Растуаль. — Да, это дѣло рѣшеное, — прошепталъ на ухо м-ше Палобъ г. де-Кондамень: — онъ выбралъ Анжелину, хотя ему больше нравилась Орелія, но ему намекнули, что не прилично выдавать меньшую сестру раньше старшей.

— Анжелину, вы увѣрены въ томъ? — возразила зло м-ше Палобъ. — Мнѣ казалось, что Анжелина похожа...

М-г де-Кондамень, улыбаясь, приложилъ палецъ къ губамъ. ...Аббатъ Фожа, среди всей этой торжествующей радости, оставался серьезнымъ. Побѣда у него выражалась въ жесткой

формѣ. Болтовня м-ше де-Кондаменъ его утомляла, и онъ не скрывалъ своего презрѣнія ко всѣмъ этимъ людямъ, мелкое честолюбіе которыхъ довольствовалось ленточкой въ петлицу или жалкимъ мѣстомъ. Стоя, прислонившись къ камину, онъ, казалось, мечталъ, устремивъ глаза въ даль.

Онъ сталъ господиномъ, ему не приходилось больше сдерживать свои инстинкты; онъ могъ протянуть руку, схватить городъ за шиворотъ и заставить его дрожать. Эта высокая черная фигура наполняла собой салонъ. Мало-по-малу кресла сдвинулись вокругъ него. Мужчины ждали отъ него одобрительнаго слова, женщины слѣдили за нимъ глазами, какъ покорныя рабы. Но онъ грубо разорвалъ кругъ, образовавшійся вокругъ него и первый ушелъ, коротко распрощавшись съ обществомъ. Онъ впервые давалъ чувствовать тяжелую руку побѣдителя.

Вернувшись къ себѣ черезъ переулокъ и садъ, Фожá нашелъ Марту въ столовой. Она сидѣла съ потеряннѣмъ видомъ на стулѣ, очень блѣдная, уставивъ мутные глаза на лампу, которая дымилась. На верху у Трушей пировали гости. Трушъ пѣлъ игривую пѣсенку, которой Олимпія и гости сопровождали, ударяя рукояткой ножей по стаканамъ.

Аббатъ Фожá сердито положилъ руку на плечо Марты.— Что вы здѣсь дѣлаете? Зачѣмъ вы не легли спать?.. Я вамъ запретилъ меня дожидаться.

Она встрепенулась и пробормотала:—я думала, что вы раньше вернетесь. Я задремала... Роза приготовила чай.

Но аббатъ позвалъ кухарку и разбилъ ее за то, что она не уложила свою барыню спать. Онъ говорилъ съ ней повелительнымъ тономъ, не допускавшимъ возраженій.—Роза, подайте чаю г. кюрэ,—сказала Марта.—Ахъ, мнѣ совсѣмъ не надо чаю!—закричалъ онъ, сердясь:—ложитесь сейчасъ. Это смѣшно. Я самъ себѣ не господинъ больше. Роза, посвѣтите мнѣ...

Докторъ Поркье по совѣту аббата Фожá посоветовалъ Мартѣ ѣхать въ Ниццу, но она и слышать не хотѣла объ отъѣздѣ. М-ше Фожá убѣждала ее также сдѣлать это изъ любви къ Овидію, но Марта, поднявъ свое заплаканное лицо, отвѣчала крикомъ, въ которомъ выразилась вся агонія ея души:— ахъ! небо обмануло меня!

Послѣ этого объ отъѣздѣ больше не упоминали. М-ше Мурэ выходила изъ себя при малѣйшемъ намекаѣ. Она съ таковой отчаянной энергіей отказывалась оставить Плассанъ, что самъ аббатъ

понялъ, какъ опасно настаивать на этомъ. Она начинала страшно затруднять его среди его триумфа. Какъ говорилъ, ослабляясь, Трушъ, ее первую слѣдовало бы отослать въ Тюлетъ. Послѣ того какъ увезли Мурэ, она еще сильнѣе предалась религіи; она избѣгала произносить имя мужа, точно онъ нигде не существовалъ. Но религія не удовлетворяла ее болѣе, она всѣми силами души рвалась къ счастью, она раскрывала руки, стараясь уловить небо, которое отъ нея ускользало.

— Хозяйка совсѣмъ спятила, — рассказывала по вечерамъ Олимпія своему мужу.—Сегодня я ходила съ ней въ церковь и должна была поднять ее съ полу. Ты бы расхохотался, еслибы я передала тебѣ все, что она взводитъ на Овидія; она совсѣмъ вбѣсилась и говоритъ, что у него нѣтъ сердца, что онъ обманулъ ее, обѣщавъ ей кучу радостей. А Бога-то какъ она отдѣлываетъ, стбитъ послушать! Только ханжа можетъ такъ ругать религію. Подумаешь, что Господь Богъ вытанулъ у ней пропасть денегъ. Знаешь ли? мнѣ кажется, что мужъ приходитъ тянуть ее за ноги по ночамъ. Совѣсть-то у ней больно не спокойна.

Трушъ забавлялся всѣми этими исторіями.

— Тѣмъ хуже для нея, — говорилъ онъ.—Если чудака Мурэ упратали, то потому, что она сама этого захотѣла. На мѣстѣ Фожа я зналъ бы какъ обратить ее въ послушную и кроткую овечку. Но онъ глупъ, Фожа, и свернетъ себѣ шею. Слушай, братъ твой не настолько хорошъ въ намъ, чтобы стбіло выручать его изъ затрудненія. Дѣло въ томъ, что хозяйка бревномъ лежитъ у него поперекъ дороги; онъ сунулся въ воду, не спросясь броду, и доведетъ ее до скандала. Этому бѣшеному пагеру не слѣдовало связываться съ бабой. Хоть онъ и воображаетъ, что все ему теперь разрѣшено, а она уцѣпитса за него и утопить его. Мнѣ это смѣшно, я не протяну ему шею.

— Овидій слишкомъ насъ презираетъ, бормотала Олимпія.

Тогда Трушъ, понизивъ голосъ, проговорилъ: — Слушай-ка: если хозяйка бросится въ колодезь съ твоимъ осломъ, братцемъ, то вѣдь мы здѣсь останемся хозяевами. Можно будетъ тогда ловко обработать дѣлишки....

Но Труши и безъ того царили въ домѣ. Они завладѣли имъ сверху до низу. Только покой аббата они оставляли неприкосновенными. Они боялись его одного, что не мѣшало имъ задавать вирушки, которыя продолжались до двухъ часовъ ночи. Гильомъ Порвье навелъ цѣлую орду мальчишекъ, и Олимпія жеманилась и кокетничала, сколько душѣ угодно. Домъ обратился для нея въ рай. Трушъ часто подтрунивалъ надъ ней, когда они оста-

вались вдвоемъ: онъ увѣрялъ, что нашелъ ученическую сумку съ книгами и тетрадами у ней подъ юбкой.

— Вотъ еще!—говорила она, ни мало не сердясь: — развѣ ты самъ не веселишься!...

Но Трушъ чуть-было не разстроилъ этой блаженной жизни. Одна монахиня накрыла его въ обществѣ дочери кожевника, той крупной блондинки, съ которой онъ давно не сводилъ глазъ. Дѣвочка объявила, что она не одна и что другія тоже получали конфеты. Монахиня, зная о родствѣ Труша съ Сентъ-Сатурненскимъ кюрэ, не разгласила дѣла, не переговоривъ предварительно съ аббатомъ. Онъ поблагодарилъ ее и попросилъ сохранить дѣло въ тайнѣ, намекая, что религія первая страдаетъ отъ всякаго такого скандала. Дѣло было потушено и дамы-патронессы ничего не узнали. Но аббатъ Фожа имѣлъ дурное объясненіе съ своимъ своякомъ, при Олимпіи нарочно, чтобы дать ей оружіе противъ мужа. Онъ поклялся, что при первой глупости выгнать ихъ вонъ. Послѣ того, когда Трушъ сердилъ ее, Олимпія говорила ему сухо: ступай угощать конфетами маленькую дѣвочку. Не взирая на то, что имъ въ домѣ не было ни въ чемъ запрету и отказу, Труши были по уши въ долгахъ и трепетали, когда пирожникъ, которому они задолжали болѣе ста франковъ, представилъ аббату Фожа счетъ. Но послѣдній заплатилъ молча и позабылъ даже упрекнуть ихъ: казалось, аббатъ Фожа выше этихъ мелочей. Онъ продолжалъ жить, мрачный и суровый, въ этомъ домѣ, отданномъ на разграбленіе, не замѣчая жадныхъ зубовъ, которые подтачивали стѣны, не замѣчая постепеннаго погрома, отъ котораго мало-по-малу грозили обрушиться потолки. Все валилось кругомъ него, между тѣмъ какъ онъ прямо шелъ къ своей честолюбивой цѣли. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ завоевалъ Плассанъ, онъ бросилъ заниматься собой и вернулся къ прежней неопрятности. Шляпа его поружѣла; чулки были грязные; заплатанная въ нѣсколькихъ мѣстахъ ряса напоминала жалкую трапицу, которую онъ носилъ въ первое время. На дружескіе упреки м-ше Ругонъ онъ смѣялся съ вызывающимъ видомъ, потрясая своей нечесаной и могучей головой:—теперь дѣло сдѣлано; имъ надо примириться со мной нечесаннымъ.

И дѣйствительно, Плассану пришлось повернуться ему, нечесанному. Изъ мягкаго и миролюбиваго патера выдѣлялась мрачная, деспотическая фигура, все гнущая на свой ладъ. Лицо его снова приняло бурый оттѣнокъ; глаза метали молніи, большія руки поднимались, гроза и кара. Городъ положительно онѣмѣлъ отъ ужаса, вида, какаго господина онъ навязалъ себѣ. Глухой

страхъ женщины только утвердилъ его власть. Онъ былъ жестокъ съ своими духовными дочерьми, и ни одна не посмѣла его бросить.

— *Ma chère*,—признавалась *m-me* де-Кондамень Мартъ:—я была не права, когда требовала, чтобы онъ душился; я привыкаю и нахожу даже, что такъ лучше... Вотъ такъ мужчина!

Аббатъ Фожъ безгранично царилъ въ епископскомъ дворцѣ. Послѣ выборовъ онъ устроилъ для монсиньора Руссло существованіе лѣниваго прелата. Епископъ сидѣлъ взаперти въ своемъ кабинетѣ съ своими дорогими книгами. Все духовенство трепетало передъ этимъ властителемъ: старые, сѣдые священники смиренно гнули передъ нимъ свою спину. Зачастую монсиньоръ Руссло, запершись съ аббатомъ Сюреномъ, плавалъ молчаливыми слезами; онъ сожалѣлъ о жесткой рукѣ аббата Фениля, которая подчасъ бывало и приласкаетъ, между тѣмъ какъ теперь онъ чувствовалъ себя какъ бы раздавленнымъ подъ этой тяжелой дланью.

Общество г. Радуаля и общество подпрефекта слились теперь въ одно. Делангръ вотировалъ въ палатѣ вмѣстѣ съ большинствомъ. Плассанъ открыто примкнулъ къ бонапартистской школѣ. Оказалось, будто аббату пріятно было поматерся надъ этими осторожными буржуа, забивъ снова гвоздями калитки, выходившія въ Шевильотскій переулокъ и заставивъ ихъ входить къ подпрефекту черезъ площадь въ официальную дверь.

Одна Марта составляла преграду. Аббатъ Фожъ чувствовалъ, что она съ каждымъ днемъ ускользаетъ изъ-подъ его власти. Она была логична въ своей страсти и хотѣла идти до конца. Всѣ надежды свои она возлагала на аббата. Одинъ онъ могъ приблизить ее къ Богу; такъ какъ онъ открылъ ей путь спасенія, то долженъ дать и блаженство. Но аббатъ выходилъ изъ себя, грубо бранилъ ее, отказывался ее выслушивать, пока она не смпрится...

Пороку старуха Ругонъ находила необходимымъ вмѣшиваться въ отношенія аббата и своей дочери, какъ въ былое время вмѣшивалась въ отношенія ея съ Мурэ. Марта повѣрала ей свои горести и она журила аббата, точно добродушная теща. Она упрекала его за небрежность костюма и рѣзвость манеръ. Она одержала побѣду за-одно съ нимъ, и чуть ловкой женщины подсказывало ей, что онъ злоупотребляетъ побѣдой. Но однажды, когда она учила его, какъ обращаться съ Мартой, аббатъ Фожъ надѣлся эти вѣчные совѣты.

— Отстаньте!—грубо вскричалъ онъ:—ваша дочь сумасшедшая; она мнѣ надоѣла, я не хочу больше ею заниматься....

М-ше Ругонъ пристально поглядѣла на него, сжавъ губы.

— Послушайте, mon cher,—произнесла она послѣ минутнаго молчанія,—у васъ нѣтъ такта, и это васъ погубить. Сверните себѣ шею, если это вамъ нравится. Я умываю руки. Я вамъ помогала не ради вашихъ прекрасныхъ глазъ, но чтобы угодить нашимъ парижскимъ друзьямъ. Мнѣ писали, чтобы я руководила вами... и я это дѣлала... Но только запомните слѣдующее: я не потерплю, чтобы вы разыгрывали господина въ моемъ домѣ. Пусть дурачекъ Пекеръ и болванъ Растуаль дрожать при видѣ вашей рясы, это—ихъ дѣло. Насъ запугать не такъ легко, мы останемся господами. Мой мужъ завоевалъ Плассанъ раньше васъ, и Плассанъ за нами и останется, предупреждаю васъ.

Съ этого дня между Ругонами и аббатомъ Фожя отношенія испортились. Когда Марта снова пришла съ жалобами, мать рѣзко объявила ей:

— Твой аббатъ смѣется надъ тобой... На твоёмъ мѣстѣ я бы наплевала на него. Во-первыхъ, онъ съ нѣкоторыхъ поръ сталъ грязень, какъ чортъ знаетъ что, я не понимаю, какъ ты можешь обѣдать съ нимъ рядомъ.

Дѣло въ томъ, что м-ше Ругонъ подсказала мужу весьма ловкій маневръ. Они вознамѣрились провалить аббата и воспользоваться его успѣхомъ. Теперь, когда городъ вотируетъ, какъ слѣдуетъ, достаточно одного Ругона, чтобы направлять его. Зеленый салонъ станетъ отъ того еще могущественнѣе. Съ этихъ поръ Фелиситэ принялась сторожить удобный случай съ той настойчивой хитростью, которой она обязана была своей карьерой.

Въ тотъ день какъ мать поклялась ей, что аббатъ «смѣется надъ ней», Марта отправилась въ соборъ съ растерзаннымъ сердцемъ, рѣшившись на послѣднюю, отчаянную попытку смягчить сердце аббата. Она провела два часа въ пустой церкви, молясь, призывая облегченіе. Вернувшись домой, она прямо прошла въ комнату аббата Фожя.

Аббатъ сидѣлъ за своимъ маленькимъ столикомъ и думалъ о чемъ-то, выронивъ перо изъ рукъ. Онъ отворилъ ей дверь, углубленный въ свои мысли; но когда увидѣлъ ее передъ собой, блѣдную, съ страстной рѣшимостью въ глазахъ, онъ сдѣлалъ гнѣвный жестъ и спросилъ:

— Что вамъ нужно? зачѣмъ вы пришли сюда?.. Сойдите внизъ и дожидайтесь меня, если вамъ есть что мнѣ сказать.

Она оттолкнула его и вошла, не говоря ни слова. Онъ ко-

лебался съ минуту, борясь съ яростью, которую внушало ему желаніе ударить ее. Онъ сильно сжалъ пальцы, стоя передъ ней и, не закрывая двери, повторилъ:

— Что вамъ нужно? я занятъ.

Тогда она сама заперла дверь, затѣмъ подошла къ нему и сказала:

— Мнѣ нужно съ вами переговорить,—и, сложивъ руки, точно каючаяся, продолжала:—я вамъ многимъ обязана... До вашего пріѣзда у меня не было души. Вы захотѣли спасти меня и черезъ васъ я узнала самыя сильныя радости въ моей жизни. Въ послѣднія пять лѣтъ я живу только вами и для васъ.

Голосъ ея перервался, она хотѣла опуститься на колѣни. Онъ удержалъ ее.

— Ну, вотъ теперь я страдаю,—закричала она:—мнѣ нужна ваша помощь... Выслушайте меня, мой отецъ... Не отворачивайтесь отъ меня. Вы не можете меня такъ бросить. Говорю вамъ, что Богъ меня не слышитъ больше. Я его больше не чувствую... Сжальтесь, умоляю васъ. Посовѣтуйте, что мнѣ дѣлать, научите, что я должна дѣлать, чтобы выздороветь и заслужить любовь Бога.

— Надо молиться,—произнесъ важно аббатъ.

— Я молилась, молилась по цѣлымъ часамъ, но не почувствовала облегченія.

— Нужно еще и еще молиться и ждать, чтобы Господь тронулся и снизошелъ до васъ.

Она глядѣла на него съ отчаяніемъ.

— Итакъ,—спросила она:—мнѣ остается одна молитва? Вы ничего не можете для меня сдѣлать?

— Ничего,—рѣзко объявилъ Фожа.

Она протянула руки съ страстнымъ порывомъ; грудь ея сжималась отъ гнѣва, но она сдержала себя и прошептала:

— Ваше небо заперто. Вы меня подвели къ нему, чтобы я разбила себѣ лобъ объ его стѣну... Я была очень спокойна, когда вы пріѣхали... Вы пробудили меня словами, которые перевернули мнѣ всю душу... Теперь я требую обѣщаннаго счастья. Не можетъ быть, чтобы его не было. Оно есть, не правда ли? Вы видите, что здоровье мое разстроено. Мнѣ надо торопиться... Есть счастье, скажите, есть?

Аббатъ Фожа оставался безстрастнымъ, выслушивая этотъ потокъ страстныхъ рѣчей.

— Нѣтъ счастья, нѣтъ счастья!—закричала она съ гнѣвомъ:—значитъ, вы обманули меня... Вы обѣщали мнѣ блаженство внизу,

на террасѣ, въ тѣ звѣздные вечера. Я повѣрила. Я обезумѣла въ первое время отъ сладостныхъ молитвъ... Теперь сдѣлка не состоялась, я хочу вернуться въ свой уголокъ, хочу вернуть свою прежнюю, спокойную жизнь. Я всѣхъ выгону за дверь, приведу въ порядокъ свой домъ, и когда онъ станетъ тихимъ и уединеннымъ, какъ въ былое время, я стану штопать бѣлье на своемъ обычномъ мѣстѣ, на террасѣ. Я помню, я любила штопать бѣлье. Шитье меня не утомляло... И я хочу, чтобы Дезире сидѣла рядомъ со мной, на своей скамеечкѣ; она смѣялась, она дѣлала куклы, бѣдняжка...

Марта разрыдалась.

— Отдайте мнѣ дѣтей!.. они охраняли меня. Когда ихъ не стало со мной, я потеряла голову... Зачѣмъ вы отняли ихъ у меня! Они ушли одинъ за другимъ, и домъ сталъ мнѣ чужимъ...

Она все сильнѣе и сильнѣе разгорячалась. Священникъ сдѣлалъ крайнее усиліе, чтобы сдержать собственный гнѣвъ. Онъ попытался успокоить ее способомъ, который ему часто удавался.

— Опомнитесь, дорогая,—проговорилъ онъ, стараясь взять ее за руки.

— Не трогайте меня,—закричала она, отступая назадъ...— Когда вы берете меня за руку, я становлюсь слаба, какъ ребенокъ. Завтра пришлось бы начинать сначала, потому что я не могу больше такъ жить.

Она стала очень мрачна и бормотала:

— Нѣтъ, теперь я проклята. Никогда больше не полюблю я домъ; онъ останется чужимъ и дѣти не могутъ вернуться. Еслибы дѣти вернулись, они спросили бы у меня: гдѣ ихъ отецъ. Да, вотъ чтó меня душитъ. Я прощу себя только тогда, когда выскажу свое преступленіе патеру.

И падая на колѣни она закричала: — Выслушайте меня. Я преступница, вотъ почему Господь отворачиваетъ отъ меня свой ликъ, когда я ему молюсь.

Но аббатъ Фожá попробовалъ ее поднять. Сильное нетерпѣніе, страшная тревога росли въ немъ.

— Молчите,—закричалъ онъ:—я не могу выслушать вашего признанія здѣсь. Приходите завтра въ Сенъ-Сатюрнель.

— Отецъ мой,—снова умоляла она, — сжальтесь! Завтра, быть можетъ, у меня не хватитъ силы, а меня терзаетъ раскаяніе.

— Я вамъ запрещаю говорить,—закричалъ онъ еще рѣзче:— я ничего не хочу знать, я заткну уши.

Онъ отступалъ назадъ, вытянувъ впередъ руки, словно хо-

тѣль остановить слова на губахъ Марты. Оба, блѣднѣя, съ минуту глядѣли другъ на друга съ нѣмымъ ужасомъ.

— Васъ здѣсь услышитъ не пастеръ, здѣсь только мужчина, который осудитъ васъ.

— Мужчина!—вскричала она, совсѣмъ потерявъ голову;— тѣмъ лучше, я предпочитаю говорить съ женщиной.

Она поднялась съ колѣвъ и продолжала съ лихорадочной поспѣшностью:

— Я не каюсь, я рассказываю вамъ свое преступленіе. Послѣ дѣтей я допустила увезти отца. Никогда онъ не билъ меня, несчастный! Я сама была безумная. Тѣло горѣло у меня, какъ въ огнѣ и я бросалась на полъ, ища прохлады...

Аббатъ хотѣлъ перебить ее.

— Я отправила его въ Тюлетъ,—продолжала она, остановивъ его энергическимъ жестомъ:—вы всѣ говорили мнѣ, что онъ сумасшедшій... О! какая мучительная жизнь! Всегда я боялась безумія. Когда я была молода, мнѣ казалось, что съ меня снимаютъ черепъ и потрошатъ мнѣ голову. Боже мой! это ужасное ощущеніе, оно вернулось! Я боялась сойти съ ума. А его увезли, и я это допустила...

Она задыхалась и поднесла къ губамъ платокъ, который окрасился нѣсколькими каплями крови.

— Вы все знаете, не правда ли?—договорила она прерывистымъ голосомъ.—Я злодѣйка, и теперь у васъ нѣтъ власти отпустить мнѣ мои грѣхи. Ахъ! дайте мнѣ забвеніе, и я безъ угрызений совѣсти стану наслаждаться тѣмъ счастьемъ, которое вы мнѣ обѣщали.

— Вы ждете,—медленно проговорилъ аббатъ:—я ничего не знаю, я не знаю, что вы совершили такое злодѣяніе.

Она отступила отъ него въ свою очередь, сжимая руки, бормоча безсвязныя слова, не спуская съ него испуганнаго взгляда. Затѣмъ, увлеченная страстью, снова заговорила:

— Слушайте, Овидій, я люблю васъ. Я полюбила васъ съ перваго дня, какъ увидѣла... Я вамъ не говорила этого, я видѣла, что вамъ это не нравится. Но я чувствовала, что вы угадываете мое сердце, я надѣялась, что мы будемъ со временемъ счастливы въ чисто-божескомъ союзѣ... Для васъ я выжила своихъ изъ дома. Я на колѣняхъ ползала передъ вами, я была вашей служанкой... Теперь я больна, одинока, сердце мое изранено, голова пуста; невозможно, чтобы вы отогленили меня... Я обѣщаюсь къ мужчине; вы сказали, что тутъ только мужчина;

мужчина услышитъ меня... Я васъ люблю, Овидій, я васъ люблю и умираю отъ этой любви.

Она рыдала. Аббатъ Фожя выпрямился во весь ростъ. Спокойствіе и энергія снова вернулись къ нему. Онъ подошелъ къ Мартѣ и обдалъ ее своимъ отвращеніемъ и презрѣніемъ.

— Ахъ! несчастная,—сказалъ онъ:—я надѣялся, что вы будете благоразумны, что вы не унижитесь до такого позора. Да, вотъ она, вѣчная борьба зла съ сильной волей. Вы олицетворяете собой соблазнъ, подлость, окончательное паденіе. Васъ слѣдовало бы изгонять изъ храмовъ...

— Овидій,—бормотала она:—помогите мнѣ!..

— Вами можно управлять лишь съ помощью бича, какъ упрямыми животными,—продолжалъ онъ. — Вы грязните все, до чего вы прикоснетесь. Вы обращаете нашу религію въ религію лицемѣрія и малодушія... Удалитесь, уходите, вы—самъ сатана. Я буду бить васъ, чтобы выгнать изъ васъ дьявола.

Она упала на колѣни и съ ужасомъ поводила кругомъ мутными глазами, и когда увидѣла черное распятіе, протянула къ нему руки съ страстной мольбой.

— Не обращайтесь къ распятію, — закричалъ аббатъ внѣ себя:—Христосъ велъ цѣломудренную жизнь, и вотъ почему онъ счумѣлъ умереть.

Въ эту минуту вошла m-me Фожя съ большой корзиной съ провизіей въ рукахъ. Она поскорѣ сбросила ее, увидя сына въ такомъ страшномъ гнѣвѣ:

— Овидій, успокойся, дитя мое, — проговорила она, лаская его. И обратившись къ Мартѣ, раздавленной, сказала: — не можете вы его оставить въ покоѣ?... Ступайте, вамъ нельзя тутъ оставаться.

И такъ какъ Марта не двигалась съ мѣста, старуха взяла ее за плечи и вытолкала вонъ; затѣмъ заперла дверь.

Марта, шатаясь, спустилась съ лѣстницы; она больше не плакала, она твердила: «Франсуа вернется, Франсуа всѣхъ ихъ прогонитъ вонъ».

Х.

Тулонская почтовая карета, проѣзжавшая мимо Тюлетъ, гдѣ была почтовая станція, отходила изъ Плассана въ три часа. Марта, находившая въ себѣ силы, подъ вліяніемъ *idée fixe* не захотѣла ждать ни минуты; она надѣла свою шаль и шляшку и приказала Розѣ одѣться и послѣдовать за ней.

Роза, ворча, повиновалась. Усѣвшись въ купѣ почтовой кареты, Марта почти лишилась чувствъ. Смертельная слабость овладѣла ею теперь, когда она больше не боролась противъ боли, терзавшей ея грудь. Но кухарка даже не глядѣла на нее.

— Ну, не дикая ли это выдумка ѣхать смотрѣть на барина!— бормотала она.— Хорошо зрѣлище и очень оно порадуетъ васъ. Насъ потомъ съ недѣлю будутъ мучить кошмары и мы не будемъ спать. Но какъ бы вамъ ни было страшно по ночамъ, а ужъ, слуга поворная, я не стану заглядывать подъ диваны и подъ кровати... Знаете, что я вамъ скажу, сударыня? Замужство пошло вамъ не въ прокъ. Вы заразились злостью барина. Да, бываютъ дни, когда вы такъ же злы, какъ и онъ.

Она ворчала такъ вплоть до Тюлетъ, защищая Фожя и Трушей и обвиняя свою барыню во всякихъ гадостяхъ. Марта пришла въ себя и не отвѣчала ей ни слова...

Въ Тюлетѣ Марта вышла изъ кареты и направилась къ дому дядюшки Макваръ въ сопровожденіи кухарки, которая теперь молчала, закусивъ тонкія губы.

— Какъ? это ты?— вскричалъ дядя, изумленный.

— Я думалъ ты въ постелѣ. Мнѣ говорили, что ты очень больна... Эге! ге! да ты не похожа на здоровую... Ты пріѣхала ко мнѣ обѣдать?

— Я желала бы повидаться съ Франсуа, дядюшка,— сказала Марта.

— Съ Франсуа, — повторилъ Макваръ, пристально вглядываясь въ нее:— ты желала бы повидаться съ Франсуа? Это доказываетъ, что ты добрая жена. Бѣднякъ неустанно звалъ тебя; я видѣлъ изъ своего сада, какъ онъ ударилъ кулаками въ стѣну, призывая тебя... А, ты пріѣхала съ нимъ повидаться, а я думалъ, что вы всѣ тамъ забыли про него.

Крупныя слезы навернулись на глаза Марты.

— Не знаю, удастся ли тебѣ сегодня его видѣть,— продолжалъ Макваръ:— но, такъ какъ ты этого желаешь, я попытаюсь это устроить. Только помни, если твоя мать или Ругонъ разсердятся, ты объясни имъ, что я тутъ не при чемъ. Я боюсь, чтобы это свиданіе не разстроило тебя. Веселаго мало, увѣряю тебя.

Макваръ не провелъ свою племянницу черезъ главную рѣшетку дома умалишенныхъ; онъ повернулъ налѣво, спросилъ у небольшой калитки сторожа Александра, съ которымъ долго шептался. Затѣмъ всѣ трое пошли по безконечнымъ корридорамъ. Сторожъ шелъ впереди.

— Я подожду тебя на дворѣ, — сказалъ Макварь: — Александръ побудеть съ тобой.

— Я бы желала остаться съ нимъ одна, — прошептала Марта.

— Вы попали бы не на свадьбу, сударыня, — отвѣчалъ сторожъ съ спокойной улыбкой: — я и то много рискую.

Онъ перешелъ съ ней еще черезъ дворъ и остановился у маленькой двери. Поворачивая ключъ въ замкѣ, онъ замѣтилъ, понижая голосъ:

— Не бойтесь... онъ сталъ спокойнѣе съ сегодняшняго утра, съ него можно было снять рубашку сумасшедшихъ... Еслибы онъ разсердился, вы выйдете изъ кельи, пятысь задомъ и оставите меня одного съ нимъ.

Марта вошла въ тѣсную келью, дрожащая, съ пересохшимъ горломъ. Сначала она увидѣла только какую-то темную массу въ углу. День склонился къ вечеру, а келья освѣщалась тусклымъ свѣтомъ, падавшимъ изъ окна съ рѣшетками.

— Ну, мой молодецъ, — закричалъ фамиллярно Александръ, хлопая по плечу Мурэ: я привелъ вамъ гостю... Вы будете хорошо себя вести, надѣюсь.

Онъ вернулся къ двери и прислонился къ ней, опустивъ руки и не спуская глазъ съ сумасшедшаго. Мурэ тихо приподнялся; онъ, повидимому, нисколько не удивился:

— Это ты, моя душа? — проговорилъ онъ спокойнымъ голосомъ: — я тебя ждалъ, я безповоился о дѣтяхъ.

Марта, колѣни которой подгибались, глядѣла на него съ тревогой, онѣмѣвъ отъ такого ласковаго пріема. Къ тому же онъ не измѣнился; онъ даже казался здоровѣе; борода его была обрита, глаза ясные. Онъ потеръ руки, подмигнулъ правымъ глазомъ, потоптался на мѣстѣ, болтая съ добродушной насмѣшкой былыхъ дней:

— Я совсѣмъ здоровъ, моя душа, и намъ можно будетъ вернуться домой... Ты пріѣхала за мной, не правда ли? Хорошо ли ухаживали за моими больными овощами? Улитки страхъ какъ лсбятъ латукъ, садъ весь былъ изгрызенъ ими; но я знаю средство ихъ истребить... У меня есть проекты, увидишь. Мы достаточно богаты, чтобы быть счастливыми... Сважи, ты не видала дяди Готье изъ Сентъ-Этропа, во время моего отсутствія? Я купилъ у него 30,000 ведеръ простого вина и онъ мнѣ ихъ не доставилъ, я это отлично помню... Значить, ты ихъ не получала, ты навѣрное знаешь? Надо мнѣ все-таки побывать у дяди Готье; я тебѣ не довѣряю, у тебя всегда была куриная память.

И онъ подсмѣивался, дружески грозя ей пальцемъ. И говорилъ, говорилъ безъ умолку, спрашивалъ про садъ, про тысячу хозяйственныхъ мелочей. Марта, глубоко тронутая привязанностью, какую онъ ей выказывалъ, объясняла необычайною деликатностью стараніе, съ какимъ онъ избѣгалъ всякихъ упрековъ и намековъ на то, что ему пришлось выстрадать. Она была прощена; она клялась искупить свое преступленіе, сдѣлавшись служанкой этого человѣка, столь великаго въ своей добротѣ. Крупныя слезы медленно текли по ея щекамъ, между тѣмъ какъ руки сжимались, а колѣни подгибались и она готова была взывать о прощеніи.

— Берегитесь,—сказалъ ей сторожъ:—глаза его беспокоятъ меня въ послѣднія минуты.

— Но онъ вовсе не сумасшедшій,—бормотала она:—клянусь вамъ, что онъ не сумасшедшій... Я все расскажу директору, если нужно. Я хочу сейчасъ же увезти его домой.

— Берегитесь,—повторилъ рѣзко сторожъ, дергая ее за руку.

Мурѣ, продолжая болтать, повалился на землю, точно убитый звѣрь. Онъ растянулся на полу, затѣмъ быстро заходилъ на четверенькахъ вдоль стѣны.

— Гу-у, гу-у!—завылъ онъ дикимъ голосомъ.

Затѣмъ вскочилъ однимъ прыжкомъ и снова упалъ навзничь. Тогда предстало страшное и отвратительное зрѣлище: онъ извивался какъ червякъ, билъ себя кулакомъ по лицу, рвалъ кожу ногтями; вскорѣ онъ очутился полу-нагимъ, разорвавъ платье въ клочки, раздавленнымъ, избитымъ, хрипящимъ.

— Уходите же, сударыня!—кричалъ сторожъ.

Марта словно приросла къ мѣсту. Она узнавала себя въ этомъ зрѣлищѣ; вотъ такъ и она бросалась на полъ, царапала, била себя. Она узнавала самые вопли: Мурѣ хрипѣлъ, точно она. Вотъ чтó она сдѣлала съ этимъ несчастнымъ. Ужасъ оледенилъ ее, она твердила:—онъ не сумасшедшій, онъ не можетъ быть сумасшедшимъ... Это было бы ужасно. Лучше умереть.

Сторожъ взялъ ее за талію и вывелъ за дверь, но она осталась у двери, припавъ къ ней ухомъ. Она слышала въ кельѣ шумъ борьбы, вопли свиньи, которую рѣжутъ; затѣмъ послышалось глухое паденіе, точно тюка съ мокрымъ бѣльемъ, и воцарилась мертвая тишина. Когда сторожъ вышелъ, уже почти совсѣмъ смерклося; она увидѣла въ отверстіе двери только черную дыру.

— Чортъ возьми,—проговорилъ сторожъ все еще взбѣшенный:—смѣшная вы женщина, право; кричите: онъ не сумасшед-

пій! Я чуть-было не лишился пальца, который онъ схватилъ зубами... Теперь онъ успокоился на нѣсколько часовъ.

Когда Марта вернулась къ дядѣ на дворъ, она повторяла лихорадочно, не находя слезъ, медленно и какимъ-то разбитымъ голосомъ:—онъ сумасшедшій! онъ сумасшедшій!

— Разумѣтся, — возразилъ дядя, ослабляясь: — развѣ ты воображала найти въ немъ молодого человѣка? Его недаромъ сюда запрятали...

Когда сторожъ прощался съ ними, онъ пригласилъ его зайти выпить стаканъ вина и, дѣлая это приглашеніе, какъ-то особенно подмигнувъ глазомъ, что повидимому убѣдило Александра принять приглашеніе. Имъ пришлось поддерживать Марту, которая шаталась и спотыкалась на каждомъ шагѣ. Въ домъ они внесли ее на рукахъ, съ искаженнымъ лицомъ, раскрытыми глазами, въ нервномъ припадкѣ, въ которыхъ она иногда лежала, какъ мертвая, въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ.

— Ну, что я говорила?—закричала Роза, увидя ее.—Нечего сказать, въ хорошемъ она видѣ; и какъ только мы доберемся до дома? Боже мой! можно ли быть такой чудачкой! Барину слѣдовало задуть ее, это бы послужило ей хорошимъ урокомъ...

Было уже десять часовъ вечера, когда Маккаръ и Роза снесли Марту въ телѣжку дяди, чтобы отвезти ее домой. Небо, обложившееся тучами, свѣтилось какимъ-то тусклымъ свѣтомъ, который слабо освѣщало дорогу. Во все время пути Маккаръ наклонялся, заглядывая въ овраги и за изгороди. Когда Роза спросила, что онъ ищетъ, онъ отвѣчалъ, что волки спустились изъ ущельевъ Сейлы, и ему кажется, что онъ видитъ ихъ тѣнь. Къ нему вернулась его обычная веселость. За версту до Плассана полилъ сильный дождь. Тогда дядюшка принялся ругаться. Розѣ хотѣлось просто прибить свою госпожу. Когда они наконецъ пріѣхали, небо прояснилось.

— Я отвезу васъ въ улицу Баландъ, не правда ли?—спросилъ Маккаръ.

— Разумѣтся,—отвѣчала Роза, удивясь.

Онъ объяснилъ ей тогда, что Марта, казалось ему, разнемоглась не на шутку и что лучше было бы отвезти ее къ матери. Однако онъ согласился послѣ долгаго колебанія остановить лошадь передъ домомъ Мурэ. Марта не взяла съ собой *passport*. Къ счастью, Роза нашла свой въ карманѣ; но когда она захотѣла отпереть имъ дверь, это оказалось невозможно. Труши заложили дверь на желѣзный крюкъ. Она принялась стучать кулакомъ въ дверь, но одно эхо въ сѣняхъ откликнулось.

— Напрасно вы упрямитесь, — сказалъ дядюшка, смѣясь сквозь зубы: — они не сойдутъ; станутъ они безпокоиться. Вотъ, друзья мои, васъ и выгнали на улицу изъ собственнаго дома. Видите ли, что моя первая идея была хороша. Надо отвезти нашу бѣдняжку къ Ругонамъ; ей будетъ тамъ лучше, чѣмъ у себя въ комнатѣ, завѣряю васъ.

Фелиситэ вывезала шумное отчаяніе, когда увидѣла свою дочь въ такой поздній часъ, вымоченную дождемъ, полу-мертвую. Она уложила ее въ постель, подняла весь домъ на ноги, разбудила всю прислугу. Когда она нѣсколько успокоилась, то потребовала объясненія. — Что случилось? Откуда привезли вы ее въ такомъ видѣ?

Маккаръ добродушнымъ тономъ разсказалъ о поѣздѣ «дорогой дѣвочки». Онъ защищалъ себя, говоря, что употребилъ всѣ усилія, чтобы отклонить ее отъ посѣщенія Франсуа. Онъ призвалъ наконецъ въ свидѣтельницы Розу, видя, что Фелиситэ смотритъ на него внимательно и подозрительно. Но эта послѣдняя продолжала качать головой.

— Вся эта исторія очень странна! — бормотала она: — тутъ есть что-то, чего я не понимаю.

Она знала своего Маккара наизусть и чуяла злую шутку въ тайной радости, притаившейся въ его глазахъ.

— Вы чудачка, — разсердился онъ, наконецъ, чтобы отдѣлаться отъ нея: — вы вѣчно воображаете чортъ знаетъ что. Не могу я сказать вамъ того, чего я не знаю!.. Я люблю Марту больше васъ и всегда дѣйствовалъ въ ея интересахъ. Лучше я поѣду за докторомъ, и на возвратномъ пути оставлю свою тележку и лошадь на постояломъ дворѣ.

Въ Тюлетской кельѣ царствовала непроглядная тьма. Ледяной вѣтеръ вывелъ Мурэ изъ каталептической неподвижности, въ какую повергъ его вечерній кризисъ. Прислонясь къ стѣнѣ, онъ оставался съ минуту неподвижнымъ, съ раскрытыми глазами, тихонько прикладывая голову къ холодному камню и стена, какъ ребенокъ. Но ноги его совсѣмъ оледенѣли отъ сырого теченія воздуха, и онъ наконецъ всталъ и поглядѣлъ, откуда вѣтеръ. Передъ собой онъ увидѣлъ дверь кельи, открытую настежь.

— Она оставила дверь открытой, — сказалъ сумасшедшій громко: — она меня вѣрно дожидается; мнѣ пора идти.

Онъ вышелъ изъ кельи, затѣмъ вернулся въ нее, ощупывая свое платье съ видомъ аккуратнаго человѣка, который опасается,

не забылъ ли онъ чего; затѣмъ старательно затворилъ за собою дверь. Онъ прошелъ первый дворъ спокойнымъ, размѣреннымъ шагомъ фланера-буржуа. Отступая во второй дворъ, онъ увидѣлъ сторожа, который какъ будто подстерегалъ его; онъ остановился и съ минуту совѣщался съ самимъ собою. Но сторожъ исчезъ и Мурэ, на другомъ концѣ двора, очутился передъ открытой дверью, выходившей въ поле; онъ затворилъ ее за собою, не спѣша, не удивляясь...

— Чортъ возьми! мѣшкавать не приходится, — проговорилъ Мурэ, съ безпокойствомъ поглядывая на небо: — вѣтеръ дуетъ съ востока; славный будетъ ливень! Я никакъ не поспѣю въ Плассанъ до дождя; а я такъ плохо одѣтъ.

Онъ плотнѣе запахнулъ на груди куртку изъ толстаго сѣраго сукна, разорванную имъ въ Тюлетѣ. На челюсти у него была глубокая ссадина: онъ поминутно прикладывалъ къ ней руку, не отдавая себѣ отчета въ сильной боли, какую онъ ощущалъ. Дорога оставалась пустынной; онъ встрѣтилъ только телѣжку, спускавшуюся съ холма лѣнивымъ шагомъ. Извозчикъ спалъ и не отвѣчалъ на дружеское привѣтствіе Мурэ. На мосту, перекинутомъ черезъ Віорну, дождь захватилъ его; онъ побоялся измокнуть, вода ему была неприятна, и онъ укрывся подъ мостомъ, ворча, что это нестерпимо, что платье его будетъ совсѣмъ испорчено, что еслибы онъ зналъ, то захватилъ бы съ собою зонтикъ. Когда дождь пересталъ, онъ вскарабкался на дорогу и вошелъ наконецъ въ Плассанъ.

Было около полуночи. Мурэ рассчитывалъ, что восемь часовъ еще не пробило. Онъ прошелъ черезъ пустынные улицы, досадуя, что такъ долго заставилъ ждать жену. «Она не будетъ знать, что ей думать», думалъ онъ. «Обѣдъ остынетъ... А Роза-то, вѣдь она накинется на меня!»

Прибывъ въ улицу Баландъ, онъ остановился возлѣ своей двери. Однако, онъ не сталъ стучаться. Окно кухни было не освѣщено, въ остальныхъ окнахъ фасада тоже не видно было свѣта. Большое недовѣріе охватило сумасшедшаго; съ чисто животнымъ инстинктомъ, онъ почувалъ опасность. Онъ отступилъ въ тѣнь сосѣднихъ домовъ и съ подозрительной внимательностью еще разъ оглядѣлъ фасадъ; затѣмъ повидимому рѣшилъ, что ему дѣлать, обогнулъ улицу и вошелъ въ Шевильотскій переулокъ. Но маленькая калитка сада была заперта на крюкъ. Тогда съ изумительной силой, повинаясь внезапной ярости, онъ бросился на эту дверь, которая раскололась на-двое, прогнивъ отъ сырости. Сила удара совсѣмъ оглушила его; онъ позабылъ затѣмъ

сломавъ дверь, которую попытался исправить, приложивъ одинъ кусокъ къ другому.

— Вотъ такъ умно,—бормоталъ онъ:—что стоило постучать. Новая дверь будетъ стоить мнѣ по крайней мѣрѣ тридцать франковъ.

Онъ былъ въ саду. Онъ повернулся и увидѣлъ, что въ первомъ этажѣ спальня жены ярво освѣщена. Это очень удивило его. Онъ подумалъ, что вѣрно проспалъ, въ ожиданіи того, пока пройдетъ дождь. Дома Растуала, подпрефектуры, на которые онъ поглядѣлъ, были дѣйствительно не освѣщены. Онъ опять взглянулъ на свой домъ, какъ вдругъ увидѣлъ свѣтъ лампы во второмъ этажѣ, позади плотныхъ занавѣсовъ аббата Фожя. Ему представилось какъ будто тѣ горѣлъ глазъ въ фасадѣ дома, который его жегъ. Его точно молнія ослѣпила. Онъ съжалъ руками виски, потерявъ голову, теряясь въ какомъ-то страшномъ воспоминаніи, полу-забытомъ кошмарѣ, въ которомъ ничто ясно не видѣлось. Онъ сознавалъ только, что какая-то опасность угрожаетъ ему и его близкимъ: опасность давнишняя, медленно подкрадывавшаяся и грозившая поглотить весь его домъ, если онъ его не спасетъ.

— Марта, Марта, гдѣ ты?—бормоталъ онъ:—приди и приведи дѣтей. Онъ сталъ искать Марту въ саду. Но онъ не узнавалъ своего сада, который показался ему большимъ, пустымъ, сѣрымъ, и похожимъ на кладбище. Буксы исчезли, салатъ тоже; фруктовые деревья какъ будто раздвинулись. Онъ вернулся назадъ, опустился на колѣни, чтобы поглядѣть, не улитки ли поѣли салатъ и буксы, которыхъ больше не видать было вдоль аллеи. Исчезновеніе высокой, темной зелени буксовъ особенно сжимало ему сердце. Кто же убилъ буксы? Чья коса прошла здѣсь, свосивъ все, срѣзавъ даже пучки фіалокъ, которыя онъ насадилъ у подошвы террасы и которыхъ больше не находилъ. Глухой ропотъ поднимался въ немъ при видѣ этого разгрома.

— Марта, Марта, гдѣ ты?—звалъ онъ еще глуше.

Онъ проникъ въ домъ черезъ отдушину въ погребѣ. Дверь погреба закладывалась на крючокъ, который онъ отложилъ. Остановясь среди мрака сѣней, ощупывая стѣны, онъ услышалъ хохотъ, долетѣвшій до него среди соннаго мрака. Отъ этого хохота волосы встали у него дыбомъ. Онъ вошелъ въ кухню. Спички лежали налѣво на полкѣ. Онъ прямо подошелъ къ этой полкѣ, зажегъ спичку, засвѣтилъ лампу и оглядѣлся вокругъ. Должно быть сегодня вечеромъ происходилъ какой-то пиръ. Кухня была въ страшномъ беспорядкѣ: грязныя тарелки, блюда, стаканы стояли

на столѣ; кастрюли жирныя и еще теплыя валялись на полу, на стульяхъ. Мурэ началъ приводить въ порядокъ кухню съ глухимъ ворчаніемъ. Онъ не узнавалъ своей чистенькой и аккуратной кухни. Въ ней нагропили ѣды, которой бы хватило на цѣлый трактиръ, и отъ этого жаднаго безпорядка разлило пьянствомъ и обжорствомъ.

— Марта, Марта,—бормоталъ онъ, возвращаясь въ сѣни съ лампой въ рукахъ.—Хохоть, доносившійся до него сверху, снова оледенилъ его. Онъ поставилъ лампу на полъ и на четверенькахъ, безъ всякаго шума, владучись, какъ волея, взошелъ по лѣстницѣ. Когда онъ достигъ площадки перваго этажа, то опустился на полъ передъ дверью спальни. Полоска свѣта проходила подъ дверью. Марта, должно быть, ложилась спать.

— Ну, послышался голосъ Олимпіи, какая ихъ постель покойная! Погляди-ка Оморэ, я совсѣмъ зарылась въ пухъ.

Она хохотала, вытягивалась и прыгала подъ одеяломъ.

— Знаешь, что я тебѣ скажу?—продолжала она:—съ тѣхъ поръ, какъ я сюда пріѣхала, мнѣ постоянно хотѣлось завалиться на эту игрушку... это просто была какая-то манія! я не могла видѣть равнодушно, какъ эта дура, хозяйка, валялась на кровати; мнѣ всегда хотѣлось выпшвырнуть ее вонъ и лечь на ея мѣсто... Тутъ сразу согрѣбешься! Мнѣ кажется, что меня завернули въ вату.

Трушъ, еще не ложившійся, перебиралъ флаконы на туалетѣ.

— У ней пропасть духовъ,—бормоталъ онъ.

— Ну что-жь!—продолжала Олимпія, такъ какъ ея нѣтъ дома,—мы можемъ понѣжиться въ ея комнатѣ. Небось, она намъ не помѣшаетъ. Я заложилъ дверь на крюкъ... Ты простудилась, Оморэ...

Мурэ неслышно отошелъ отъ двери и поднялся во второй этажъ. Онъ сталъ на колѣни и припалъ глазомъ къ замочной скважинѣ. Большая пустая комната была темна, маленькая лампа, стоявшая на столѣ, бросала на полъ узенькій кружокъ свѣта; самъ патеръ, писавшій за столомъ, казался чернымъ пятномъ на этомъ желтоватомъ свѣтѣ. Должно быть аббату Фожа послышался шумъ, потому что онъ поднялъ голову и поглядѣлъ на дверь. Тогда Мурэ увидѣлъ передъ собой спокойное и суровое лицо патера. Глаза его налились кровью, пѣна показалась на губахъ; онъ сдержалъ вой, готовый вырваться у него изъ груди, на четверенькахъ спустился съ лѣстницы и принялся исвать Марты, повторяя шопотомъ:—Марта! Марта!

Онъ искалъ ее по всему дому: въ комнатѣ Розы, которую нашель пустой; въ покояхъ Трушей, набитыхъ мебелью изъ дру-

гихъ воннать; въ бывшихъ комнатахъ дѣтей, гдѣ разрыдался, найдя пару маленькихъ, стоптанныхъ ботинокъ, принадлежавшихъ Девиру. Вскорѣ не осталось ни одного угла, куда бы онъ не заглянулъ. Марты не было въ домѣ, дѣтей также. Домъ былъ пустъ.

Мурэ сѣлъ на ступенькѣ лѣстницы, между первымъ и вторымъ этажемъ, и просидѣлъ такъ съ полчаса. Онъ внимательно прислушивался, затѣмъ, вставъ, медленно добрался до сѣней. Онъ бормоталъ:

— Марты нѣтъ, дома нѣтъ, ничего нѣтъ!

Онъ отперъ дверь, выходившую въ садъ, и прошелъ въ маленькую теплицу. Затѣмъ началъ таскать въ домъ охапки сухого бруска, который принялся складывать въ кучу передъ дверьми Трушей и Фожя. Такъ какъ ему не было достаточно свѣтло, онъ пошелъ и зажегъ въ кухнѣ всѣ лампы, какіе только нашель, и разставилъ по площадкамъ лѣстницъ и вдоль корридоровъ. Затѣмъ принялся опять таскать охапки бруска. Кучи возвышались выше дверей и онъ поглядывалъ на нихъ со смѣхомъ, перемѣшаннымъ со слезами. Неся послѣднюю вязанку, онъ поднималъ глаза и увидѣлъ окна. Тогда онъ пошелъ за фруктовыми деревьями и сложилъ изъ нихъ костеръ передъ окнами, очень ловко оставляя мѣсто для теченія воздуха, чтобы пламя горѣло сильнѣе. Костеръ показался ему малъ.

— Ничего нѣтъ, — повторялъ онъ, — и надо, чтобы ничего не осталось! — Затѣмъ припомнилъ что-то, спустился въ погребъ и принялся таскать заготовленное для зимы топливо: уголь, виноградную лозу, дрова. Костеръ подъ окошкомъ росъ. Послѣ того онъ разбросалъ топливо по комнатамъ нижняго этажа, сложилъ одну кучу въ сѣняхъ, а другую въ кухнѣ. Онъ кончилъ тѣмъ, что опрокинулъ мебель и взвалилъ ее на кучи. Онъ употребилъ всего часъ времени на эту огромную работу. Босикомъ, бѣгая съ охапками топлива, онъ всюду пробирался, двигалъ столы и стулья съ такой ловкостью, что не уронилъ ни одно полѣно и не произвелъ никакого шума. Онъ казался одушевленнымъ новой жизнью. У него проявлялась необыкновенная сила и логичность движеній; подъ влияніемъ *idée fixe* онъ дѣйствовалъ очень хитро и ловко.

Когда все было готово, Мурэ съ минуту полюбовался своимъ дѣломъ. Затѣмъ зажегъ кучи. Онъ началъ съ костровъ на террасѣ, подъ окнами. Однимъ прыжкомъ вернулся въ домъ, зажегъ кучи, расположенныя въ салонѣ и въ столовой, въ сѣняхъ и въ кухнѣ. Затѣмъ побѣжалъ изъ одного этажа въ другой,

бросая горящія головни на кучи, загромождавшія двери Фожá и Трушей.

Пожаръ вспыхнулъ разомъ на всѣхъ пунктахъ съ такою силой, что полы и потолки потрескались. Сумасшедшій пробрался среди огня съ сожженными волосами, почернѣвшимъ платьемъ и усѣлся во второмъ этажѣ, на послѣднихъ ступенькахъ лѣстницы. Опираясь на кулаки, вытягивая свою одурманенную голову, онъ стерегъ проходъ, испуская мрачный и протяжный вопль умирающаго волка. Онъ не спускалъ глазъ съ дверей аббата.

— Овидій! Овидій!—раздался страшный голосъ.

Въ глубинѣ корридора дверь 3-ше Фожá растворилась; пламя ворвалось въ комнату, какъ вихрь. 3-ше Фожá повзала среди огня. Вытанувъ впередъ руки, она раздвинула горящія связки, бросилась въ корридоръ и ногами и руками раскидала горящія головни, маскировавшія дверь сына; она продолжала звать его отчаяннымъ голосомъ. Сумасшедшій прилегъ къ полу съ горящими глазами, не переставая выть.

— Подожди меня, не выскакивай изъ окна,—кричала она, стуча въ дверь. Ей пришлось ее пробить; горѣвшая дверь легко уступила ея усиліямъ. Онъ успѣлъ надѣть рясу. Онъ задыхался отъ дыма.

Она вскинула его себѣ на плечи, и эта самоотверженная мать, эта старая крестьянка, преданная до самозабвенія, не пошатнулась подъ тяжестью этого громаднаго тѣла, полу-задушеннаго дымомъ. Она шла по горящему полу, давя голыми ногами горящій уголь, раздвигая рукой пламя, чтобы оно не обожгло сына. Но въ тотъ моментъ, какъ она готовилась спуститься съ лѣстницы, она увидѣла сумасшедшаго, и остановилась. Сумасшедшій, давшій ей подойти близко, теперь вскочилъ, бросился на аббата Фожá, котораго взялъ за горло и вырвалъ у нее. Глухое стenanіе его перешло въ ужасающій вопль; припадокъ схватилъ его на лѣстницѣ. Онъ билъ, царапалъ аббата, душилъ, рвалъ его на клочки.

— Марта! Марта!—кричалъ онъ, и повалился по горящимъ ступенькамъ вмѣстѣ съ тѣломъ аббата и 3-ше Фожá, вдѣпившейся ему зубами въ самое горло. Пьяные Труши сторѣли, не испустивъ вздоха. Домъ обрушился среди цѣлой тучи искръ.

Маекваръ не засталъ доктора Поркье, который могъ придти въ Ругонамъ только часомъ позже, около половины перваго. Весь домъ былъ еще на ногахъ. Одинъ Ругонъ не тронулся съ

постели: волненіе вредно для него, говорилъ онъ, а отъ бессонной ночи онъ проболить цѣлую недѣлю. Фелиситэ не отходила отъ постели дочери...

Дядя Макваръ добрыхъ два часа не возвращался къ Ругонамъ.

— Откуда вы, —спросила Фелиситэ, когда онъ появился, наконецъ, въ комнатѣ больной.

Онъ отвѣчалъ, что отводилъ телѣжку и лошадь на постоянный дворъ. Но глаза у него такъ и прыгали, лукавство играло въ лицѣ, и ею снова овладѣло подозрѣніе. Она позабыла объ умирающей дочери, чуя подкопъ, который ей слѣдовало разоблачить.

— Вы точно стерегли и гонялись за кѣмъ-нибудь, —начала она, замѣтивъ его грязные панталоны:—вы отъ меня что-то скрываете, Макваръ. Это не хорошо. Мы всегда были добры къ вамъ...

Въ эту минуту большое зарево охватило небо.

— Что это такое?—спросила Фелиситэ.

Онъ открылъ окно и поглядѣлъ.

— Какъ будто пожаръ, —проговорилъ онъ спокойнымъ тономъ.—Горитъ позади подпрефектуры.

Площадь наполнилась шумомъ. Въбѣжалъ растерянный слуга, объявившій, что загорѣлся домъ дочки барыни. Рассказываютъ, что видѣли зятя барыни, того, что засадили въ сумасшедшій домъ, сбѣгающаго съ зажженной лучиной по саду, а хуже всего то, что отчаяваются спасти жильцовъ.

Фелиситэ живо повернулась, подумала съ минуту, не спуская глазъ съ Маквара. Она, наконецъ, поняла въ чемъ дѣло.

— Вы общали намъ, —сказала она шопотомъ,—вести себя смирно, когда мы купили вамъ усадьбу въ Тюлетѣ. Однако вы ни въ чемъ не нуждаетесь; вы живете, какъ рантье... Это позорно, слышите ли?.. Сколько вы заплатили за то, чтобы вышустили Франсуа?

Онъ разсердился-было, но она заставила его замолчать. Она, казалось, гораздо больше тревожилась о послѣдствіяхъ этого дѣла, чѣмъ негодовала на самое преступленіе...

Самъ подпрефектъ поднялъ первую тревогу. У него были гости въ этотъ вечеръ и онъ собирался ложиться спать, когда замѣтилъ странный красный отблескъ на потолкѣ своей комнаты. Онъ подошелъ къ окну и очень удивился, увидя большой костеръ, горѣвшій въ саду Мурэ, межъ тѣмъ, какъ тѣнь, которую онъ однако не узналъ съ перваго раза, носилась въ дымѣ, махая зажженной лучиной. Почти въ ту же минуту хлынуло пламя изъ

всѣхъ оконъ нижняго этажа. Подпрефектъ поспѣшно одѣлся, позвалъ слугу, послалъ швейцара за пожарными и за властями города. Затѣмъ, прежде чѣмъ идти на пожаръ, подошелъ къ зеркалу и удостовѣрился, что усы его въ порядкѣ. Онъ первымъ прибылъ въ улицу Баландъ. Она была совсѣмъ безлюдна; двѣ кошки неслись черезъ нее во всю прыть.

— Онѣ поджарятся тамъ, точно котлеты, — пробормоталъ м-г Пекёръ де-Солэ, удивленный мирнымъ сномъ обитателей. — Онъ постучалъ въ дверь съ улицы, съ которой еще не видно было пламени; но только гулъ пожара былъ ему отвѣтомъ. Послѣ того онъ постучалъ въ дверь Растуаля. За ней слышались отчаянные вопли, топанье ногъ, хлопанье дверей.

— Орелі, прикрой свои плечи, — кричалъ голосъ президента.

Затѣмъ Растуаль выскочилъ на улицу въ сопровожденіи м-ше Растуаль и младшей дочери, которая не была еще замужемъ. Орелі второпяхъ накинула на свои голыя плечи пальто отца, которое не закрывало ея рукъ; она покраснѣла, какъ ракъ, когда увидѣла г. Пекёра де-Солэ.

Мало-по-малу сбѣжался народъ, прибыли жандармы, пожарные. На улицѣ образовался нѣкотораго рода салонъ. Поставлены были полукругомъ кресла, точно затѣмъ, чтобы зрителямъ было удобнѣе любоваться зрѣлищемъ. Явились м-ше Кондаменъ и ея мужъ; они только-что вернулись отъ подпрефекта, когда слышали набатъ. М-г де-Бурдэ, Мафферъ, докторъ Поркье, Делангръ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ членовъ муниципальнаго совѣта, тоже поспѣшили явиться. Всѣ окружили Растуалей, мать и дочь, утѣшая и соболѣзнуя о нихъ. Общество кончилось тѣмъ, что разошлось на креслахъ и между тѣмъ, какъ пожарная труба соплѣла въ десяти шагахъ, а горящія балки трещали, завязался оживленный разговоръ.

М-ше де-Кондаменъ, распрашивавшая подпрефекта, вскричала:

— Но это ужасно:—я думала, что домъ пустъ, что жильцы успѣли спастись! Значить, никто не знаетъ, что случилось съ аббатомъ Фожэ?

— Я самъ стучался въ дверь, — говорилъ Пекёръ де-Солэ:— никто не отозвался. Когда прибыли пожарные, я велѣлъ выбить дверь, приставить лѣстницы къ окнамъ... Все было тщетно. Одинъ изъ нашихъ молодцовъ жандармовъ, пробравшійся въ сѣни, чуть не задохся.

— Слѣдовательно, аббатъ Фожэ?.. Какая страшная смерть! — произнесла прекрасная Октавія съ дрожью.

Всѣ эти господа и дамы переглянулись съ помертвѣлыми лицами, озаренными дрожащимъ пламенемъ пожара.

М-г де-Кондамень считалъ по пальцамъ.

— Если м-ше Мурэ у своихъ родителей, какъ утверждаютъ, то все же сгорѣло четыре человѣка: аббатъ Фожя, его мать, сестра и зять. Славно!

— Но отчего загорѣлось?—спросила м-ше де-Кондамень.

М-г де-Бурдѣ утверждалъ, что видѣлъ, какъ дымъ повалилъ сначала изъ кухни. Напротивъ того, Маффри увѣрялъ, что пламя прежде всего показалось въ комнатѣ перваго этажа. Подпрефектъ качалъ головой съ официальной осторожностью; онъ проговорилъ наконецъ:

— Я думаю, что дѣло не обошлось безъ поджога:— я уже приказалъ повести слѣдствіе.

И онъ разсказалъ, что видѣлъ, какъ какой-то человѣкъ поджигалъ домъ лучиной.

— Да и я тоже его видѣла,—перебила Орелі Растуаль: — то былъ м-г Мурэ.

Всѣ необыкновенно изумились. Не можетъ быть, чтобы Мурэ убѣжалъ изъ сумасшедшаго дома и поджогъ свой собственный. Какая страшная драма!

— Сумасшедшіе очень злопамятны,—произнесъ м-г де-Кондамень.

Это слово всѣхъ смутило и разговоръ стихъ; дамы содрогнулись, а мужчины обмѣнялись многозначительными взглядами. Горящій домъ сталъ еще интереснѣе съ тѣхъ поръ, какъ общество узнало, чья рука подожгла его.

— Но если папá Мурэ еще тамъ, то это составить пять человѣкъ,—проговорилъ м-г де-Кондамень, котораго дамы заставили замолчать, называя его ужаснымъ человѣкомъ.

Все общество встало. Рѣшено было, что г. Растуаль, его жена и дочь проведутъ ночь у Палбковъ. М-ше де-Кондамень расправляла складки своей юбки, слегка сматой. Отодвинули кресла, и съ минуту общество стояло, прощаясь и пожимая другъ другу руки.

Пожарная труба все еще сопѣла, пожаръ блѣднѣлъ среди чернаго дыма.

«Кончено», подумалъ Маккаръ, простоявшій все время на противоположномъ тротуарѣ.

Онъ еще помѣшквалъ нѣсколько минутъ, прислушиваясь къ послѣднимъ словамъ, которыми обмѣнялись вполголоса между собой м-ше Палбъ и м-г де-Кондамень.

— О,—говорила жена судьи:—никто не станетъ его оплачивать, кромѣ этого дурака Буррета. Онъ сталъ невыносимъ; мы всѣ обратились въ его рабовъ. Самъ монсиньоръ... Наконецъ-то Плассанъ освободился!

— А Ругоны?—замѣтилъ де-Кондаментъ:—они, должно быть, въ восторгѣ.

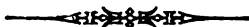
— Еще бы! Ругоны блаженствуютъ:—они теперь наследуютъ аббату Фожя; теперь они господа Плассана. Да! щедро наградили бы они того, кто рискнулъ поджечь эту хоромину.

Маккаръ ушелъ, задумчивый и недовольный. Радость Ругонъ огорчала его до глубины души. Ругоны были хитрецы, съ которыми всегда приходилось оставаться въ дуракахъ. Поднимаясь въ комнату, гдѣ умирала Марта, онъ нашелъ Розу сидящей на одной ступенькѣ лѣстницы. Она казалась крайне раздраженной и ворчала: — нѣтъ, конечно, я не пойду въ комнату, я не хочу глядѣть на такія вещи. Пусть она издохнетъ безъ меня! Пусть она издохнетъ, какъ собака. Я ее больше не люблю, я никого больше не люблю... Послать меня за мальчикомъ, чтобы заставить его присутствовать при такомъ зрѣлищѣ! И я согласилась! Никогда въ жизни не прощу себѣ этого... Онъ былъ блѣденъ какъ полотно, мой херувимчикъ. Я должна была чуть не на рукахъ нести его изъ семинаріи сюда. Я думала, что онъ умретъ дорбгой. Это ужасно!... А теперь онъ цѣлуетъ ее. У меня мурашки бѣгаютъ по тѣлу. Я бы желала, чтобы домъ обрушился намъ на голову, чтобы все разомъ кончилось... Я уйду въ какую-нибудь нору, я буду жить одна; я никого никогда не буду видѣть, никогда, никогда. Жизнь на то дана, чтобы вѣчно плавать и злиться.

Маккаръ вошелъ въ комнату. М-ше Ругонъ, на колѣняхъ, закрывала лицо руками; Сержъ, стоя возлѣ кровати, поддерживалъ голову умирающей; слезы градомъ катились изъ его глазъ. Она еще не приходила въ себя. Последнее зарево пожара освѣщало комнату красноватымъ отблескомъ.

Предсмертная икота потрясла Марту. Она раскрыла удивленные глаза, приподнялась на кровати, посмотрѣла вокругъ себя, затѣмъ сжала руки въ ужасъ и скончалась: она замѣтила въ красноватомъ свѣгѣ черную ясу Сержа!

А. Э.

ДВА ПИСЬМА ВОЕННАГО ТУРИСТА

СЕВАСТОПОЛЬ — КОНСТАНТИНОПОЛЬ.

I.

...14-го іюня, послѣ суточного плаванія на пароходѣ «Кодебу», изъ Одессы я переѣхалъ въ Севастополь. Путешественники должны отдать справедливость параходной компаніи: она принимаетъ всѣ мѣры къ доставленію пассажирамъ всевозможнаго удобства; не говорю о помѣщеніи, столѣ и прислугѣ, весьма удовлетворительныхъ, — на каждомъ пароходѣ непремѣнно есть бібліотека, составленная изъ нѣсколькихъ десятковъ книгъ, на русскомъ, англійскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ. На самой пристани я встрѣтился съ адмираломъ Поповымъ; узнавъ о желаніи моемъ видѣть изобрѣтенное имъ судно, поповку «Новгородъ», онъ предложилъ мнѣ осмотрѣть его въ тотъ же день; на слѣдующее утро предполагалось отправить поповку въ Николаевъ. Въ шесть часовъ вечера, мы, отплывъ отъ *Графской пристани*, чрезъ нѣсколько минутъ пристали къ поповѣй. Командиръ ея, капитанъ Бистромъ, съ обычно нашимъ морякамъ обязательностью, показалъ намъ устройство судна, — отъ двухъ огромныхъ орудій 11-ти-дюймоваго калибра, стрѣляющихъ исключительно разрывными снарядами, до прекрасной командирской каюты, объяснивъ причины, почему каждая часть устроена такъ, а не иначе. Замѣчательно, что для прислуги при орудіяхъ достаточно 18-ти человѣкъ; механическая же часть шести паровыхъ машинъ тре-

буетъ вчетверо болѣе людей. Поповка сидитъ въ водѣ не глубже шести футовъ и двигается со скоростью отъ 6-ти до 8-ми узловъ (отъ 10-ти до 14-ти верствъ въ часъ). Вся прислуга орудій совершенно обезпечена отъ прицѣльныхъ выстрѣловъ толстою жѣлѣзною броней и подвержена дѣйствию только навѣсно падающихъ снарядовъ; мѣсто же, назначенное для капитана, открыто, по необходимости, для удобнѣйшаго управленія движеніями поповки и дѣйствіемъ ея артиллеріи. По всей вѣроятности, поповка, какъ подвижная батарея, сидящая не глубоко въ водѣ и представляющая ничтожный предметъ для цѣли непріятельскимъ корабельнымъ орудіямъ, принесетъ большую пользу береговой оборонѣ. Конечно, навѣсный непріятельскій выстрѣлъ, попавъ въ открытое сверху пространство судна, можетъ причинить большое опустошеніе, но, принимая во вниманіе весьма малую величину открытаго пространства, такой удачный выстрѣлъ почти невѣроятенъ.

На другой день, 15-го іюня, я, какъ истый поклонникъ святыни военныхъ—Малахова Кургана, отправился туда рано утромъ гѣшкомъ. Въ проводникъ не было надобности: караульня сторожа съ красною крышею, близъ памятника надъ общою могилою русскихъ и французовъ, павшихъ на штурмъ 27-го августа, служила мнѣ маякомъ, направляясь на который, по весьма крутымъ скатамъ, взрѣзаннымъ ямами и рвами, я съ трудомъ взобрался на Курганъ, гдѣ поставленъ небольшой памятникъ съ русскою и французскою надписями. Затѣмъ посѣтилъ уцѣлѣвшіе остатки нижняго этажа Малаховой башни и скромное жилище сторожа—въ настоящее время отставного матроса 36-го экипажа, *Малова*, бывшаго на оборонительной линіи въ послѣдніе четыре мѣсяца осады Севастополя. Только на Малаховомъ Курганѣ можно сколько-нибудь видѣть слѣды укрѣпленій; прочіе же бастионы разрыты жителями города, добывавшими въ развалинахъ ихъ артиллерійскіе снаряды и пули, до такой степени, что мѣста бывшихъ бастионовъ и батарей распознаются только по относительному положенію высотъ и ложбинъ. Въ настоящее время предполагается означить эти укрѣпленія тумбами и колышками.

Обратный путь въ городъ я прошелъ по довольно удобной дорогѣ чрезъ Корабельную слободу, къ перевозу, и оттуда въ лодкѣ на Графскую пристань. Корабельная слобода представляетъ видъ развалинъ, среди которыхъ можно пройти, не встрѣтя никого изъ жителей. Безмолвная тишина царитъ на мѣстности, за двадцать лѣтъ предъ симъ кипѣвшей бурною жизнью севастопольской обороны...

Вечеромъ я съ своимъ семействомъ, вмѣстѣ съ инженеръ-капитаномъ г. Враницкимъ, обязательно принявшимъ на себя трудъ проводить насъ на «Севастопольское военное кладбище», отправился съ Графской пристани на «Сѣверную сторону». По мѣрѣ приближенія къ кладбищу возрастало наше изумленіе. Не говоря уже о томъ, что воздвигнутые тамъ памятники на могилахъ князя М. Д. Горчакова, генераловъ Хрулева, Реада и другихъ защитниковъ *знаменитого города*, справедливо обращаютъ на себя вниманіе каждаго изъ русскихъ, — самое устройство кладбища превосходно. Мѣстность на сѣверной сторонѣ рейда не въ состояніи производить ничего, кромѣ полей и колючихъ растений, а пройдя отъ берега съ небольшимъ версту, вы встрѣчаете довольно высокій холмъ, обнесенный каменною оградой; у воротъ стоятъ два орудія. Этотъ именно холмъ и есть «русское военное кладбище», — на пространствѣ шести десятинъ — и тутъ же, какъ оазисъ среди бесплодной пустыни, въ три года разведенъ прекрасный садъ, съ несчетнымъ множествомъ большихъ и малыхъ деревъ, кустовъ и цвѣтовъ. Здѣсь вы находите и напоминающія угрюмую растительность сѣвера ели и сосны, и произведенія юга — виноградъ и акацію; вамъ встрѣчаются и вишни, и сливы, и кипарисъ, разнообразнѣйшія произрастенія всѣхъ климатовъ, цвѣты, и проч. и проч. Нѣкоторыя изъ нихъ, пробившись чрезъ трещины могильныхъ плитъ, пріютились надъ прахомъ защитниковъ Севастополя. Въ числѣ деревъ, украшающихъ кладбище, два собственноручно посажены Государемъ Императоромъ у могилы князя Горчакова. На высшемъ пунктѣ кладбища сооружена, въ видѣ пирамиды, изящная мраморная церковь, въ коей на плитахъ, вѣданныхъ въ стѣны, начертаны имена всѣхъ генераловъ, адмираловъ и офицеровъ арміи и флота, павшихъ въ сраженіи на Альмѣ и при защитѣ Севастополя. У церкви стоятъ англійскія орудія, отбитыя нашими войсками въ дѣлѣ при Кади-Кіюй.

16-го іюня я посѣтилъ севастопольскій музей, временно помѣщенный въ нижнемъ этажѣ дома, принадлежащаго генералу Тотлебену. Въ настоящее время, когда число собранныхъ въ музей предметовъ еще незначительно, они размѣщены весьма просторно. Здѣсь можно видѣть: различные планы, рельефы и виды Севастополя и его окрестностей, портреты многихъ дѣятелей обороны Севастополя, — отъ князя М. Д. Горчакова и Нахимова до матроса Кошки и другихъ нижнихъ чиновъ, заслужившихъ эту честь своими подвигами; тамъ же хранятся: прострѣленная у лѣваго виска фуражка Нахимова, множество фотографическихъ рисунковъ, изображающихъ сцены изъ боевой жизни

севастопольскихъ героевъ, и библиотека, составленная изъ книгъ, на русскомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ, относящихся въ оборонѣ и осадѣ Севастополя.

17-го—я былъ въ монастырѣ св. Георгія, весьма замѣчательномъ по своему мѣстоположенію надъ морскимъ берегомъ. Къ сожалѣнію, здѣшніе отшельники, предпочитая вещественныя выгоды красотамъ природы, заслонили прелестный видъ, отерывавшійся отъ монастыря, постройкою гостиницы. Оттуда, вмѣстѣ съ инженеръ-полковникомъ Гемельманомъ, подробно изучившимъ топографію окрестностей Севастополя, я проѣхалъ чрезъ поле кадикійскаго сраженія въ Балаклаву, гдѣ гавань, по мнѣнію компетентныхъ военныхъ людей, могла бы сдѣлаться русскимъ Гибралтаромъ, и на возвратномъ пути въ Севастополь посѣтилъ французское военное кладбище. Оно обнесено прочною стѣною, украшено однимъ большимъ и 17-ю малыми памятниками, и усажено деревьями и цвѣтами, но далеко уступаетъ нашему военному кладбищу. Кстати скажу, что французы, которымъ поручено было устройство этого некрополя, поступили довольно безцеремонно, собравъ въ кучу кости своихъ павшихъ и раздѣливъ ихъ на группы сообразно съ числомъ памятниковъ, на которыхъ начертаны имена павшихъ офицеровъ, въ порядкѣ полковъ, въ коимъ они принадлежали. О нижнихъ же чинахъ, убитыхъ при осадѣ Севастополя, нѣтъ и въ поминѣ. Что же касается до англичанъ, то всѣ тѣла погибшихъ въ послѣднюю восточную войну покоятся въ окрестностяхъ Севастополя на многихъ отдѣльныхъ кладбищахъ, которыхъ число, какъ увѣряютъ, простирается до 98-ми.

18-го іюня, вмѣстѣ съ полковникомъ Гемельманомъ отправясь на Альму, мы переѣхали въ бродъ рѣчки Бельбекъ и Качу, берега коихъ, окаймленные садами и виноградниками, рѣзко отличаются отъ всей прочей окрестной мѣстности, представляющей лишь изрѣдка поля и пастбища, ббльшую же частью каменистой, покрытой бурьяномъ и едва возвышающимися отъ земли колючими растеніями. Достигнувъ селенія Бурлюкъ, на Альмѣ, въ 24-хъ верстахъ отъ Севастополя, мы оставили нашу коляску у тамошняго трактира и пошли на батарею праваго фланга русской арміи, гдѣ такъ славно сражался владимірскій полкъ; вблизи этого пункта, обозначеннаго и теперь еще неизгладившимися валомъ и ровомъ, стоитъ небольшой памятникъ надъ могилами павшихъ здѣсь англійскихъ офицеровъ. Идя къ батарее, мы посѣтили мимоходомъ холмъ, на который (какъ говоритъ Кинглекъ), были взвезены, по приказанію Раглана, два орудія, открывшія

огонь во флангъ владимірцамъ. Возвратясь къ трактиру, мы, въ крестьянской повозкѣ, поѣхали по правому берегу Альмы, вдоль позиціи союзниковъ, до самаго устья рѣки въ море, и приказали нашему возницѣ взѣхать на крутыя высоты, считавшіяся въ день сраженія 1854 года неприступными, и потому оставленныя тогда не только незанятыми, но и безъ всякаго наблюденія; а сами взошли вслѣдъ за нашей повозкой на гору, въ томъ мѣстѣ, гдѣ, по всей вѣроятности, взобралась бригада Буа, а потомъ, проѣхавъ по лѣвому берегу Альмы, постепенно опредѣлили пункты, на которыхъ поднялись въ гору бригада д'Отмара съ артиллеріей дивизіи Боскэ и прочія французскія войска. Затѣмъ, пересѣвъ въ коляску, мы отправились обратно въ Севастополь мимо того пункта, гдѣ волынской полкъ и кавалерія съ нѣсколькими батареями, прикрывъ отступленіе нашего корпуса, удерживали непріятели въ концѣ боя.

19-го—я посѣтилъ позицію, которую занимали англичане въ день сраженія при Инкерманѣ, и древній инкерманскій монастырь. Въ настоящее время, подобно тому какъ и въ 1854 году, большая часть этой позиціи покрыта мелкимъ лѣсомъ и кустарниками, которые теперь не препятствовали обзорѣ мѣстности, а тогда не могли служить прикрытіемъ отъ выстрѣловъ.

Нѣсколько дней спустя, мы съ полковникомъ Гемельманомъ объѣхали всю «оборонительную линію». Выѣхавъ изъ города у оконечности Артиллерійской бухты, мы направились параллельно морскому берегу, мимо бастиона № 7, Александровской батареи и батареи № 10, почти до Карантинной бухты; оттуда проѣхали за батареей Шемякиною (Полыньковою) къ бастиону № 6-го, и далѣе, мимо батареи Бутакова, люнета Бѣлина и редутовъ Чесменскаго и Шварца, къ бастиону № 4-го, гдѣ и теперь еще видны отверстія нашихъ минныхъ галлерей, несмотря на то, что вообще вся мѣстность вдоль оборонительной линіи изрыта дѣйствіемъ минъ, и, можетъ быть, еще болѣе раскопками мѣстныхъ жителей, искавшихъ пуль и чугунныхъ снарядовъ, которые по-сію пору встрѣчаются, какъ нѣмые свидѣтели одиннадцатимѣсячной борьбы Россіи съ союзниками. Далѣе, проѣхавъ черезъ южную оконечность города и по дорогѣ вдоль южной бухты, мы достигли «Пересыпи», мѣстности прежде болотистой, а теперь засыпанной пескомъ съ гигиеническою цѣлью. Къ сожалѣнію, несмотря на всѣ старанія утвердить тамошній грунтъ, онъ все еще рыхлъ до такой степени, что въ стѣнѣ вокзала желѣзной дороги, построеннаго на Пересыпи, оказалась трещина. Во время осады Севастополя, на Пересыпи была устроена батарея, для дѣйствія

по стоявшимъ на противоположныхъ высотахъ непріятельскимъ батареямъ. Оттуда мы направились къ небольшому памятнику англійскимъ войскамъ, близъ исходящаго угла бастіона № 3-го, и возвратились назадъ къ разореннымъ морскимъ госпиталямъ, которые не возобновляются потому, что въ гигиеническомъ отношеніи небольшіе госпитали несравненно выгоднѣе большихъ. Далѣе, проѣхавъ позади Малахова Кургана, къ бастіону № 2-го, мы обогнули вершину Килень-балки, обозрѣли мѣстность Селенгинскаго и Волынскаго редутовъ и достигли у Троицкой и Георгіевской балокъ того пункта, гдѣ наступала дивизія генерала Соймонова въ день сраженія при Инкерманѣ. Обратнo въ городъ мы проѣхали мимо батареи Жервѣ и вдоль южной бухты.

II.

Обозрѣвъ театръ защиты Севастополя, я рѣшился побывать въ столицѣ султановъ, куда привлекало меня желаніе удостовѣриться лично въ истинѣ разсказовъ о дивныхъ мѣстахъ, бывшихъ поприщемъ столь многихъ переворотовъ, и въ древности, и въ новѣйшее время. Отправясь изъ Севастополя моремъ, вечеромъ 28-го іюня, мы прибыли въ Одессу на слѣдующее утро, а въ четыре часа пополудни уже плыли на пароходѣ «Великій Князь Константинъ» къ Стамбулу. Путешествіе наше было совершенно спокойно; въ числѣ пассажировъ находился знакомый мнѣ директоръ Коммерческаго училища, г. Богоявленскій. Утромъ, въ 4 часа, 1-го іюля, мы приблизились ко входу въ Босфоръ; никто изъ пассажировъ уже не спалъ въ ожиданіи зрѣлища, о которомъ такъ много мы читали и слышали. Но какъ ни прекрасна была картина, начертанная по этимъ разсказамъ въ нашемъ воображеніи, она не могла равняться тому, что явилось предъ нами въ дѣйствительности: по мѣрѣ того, какъ мы плыли вдоль Босфора, безпрестанно открывались нашимъ взорамъ, по обоимъ берегамъ пролива, новые восхитительные виды, въ родѣ грандіозной панорамы, освѣщенной лучами южнаго, но въ ту пору дня, еще не палящаго солнца. Искусство, соперничая съ природою, то манило, то развлекало наше вниманіе, представляя намъ самыя разнообразныя предметы: то дворцы султана и домъ европейскихъ резидентовъ, тонущіе въ зелени платановъ и акацій, то уступы высотъ, окаймляющихъ берега Золотого-Рога, усыпанные живописными постройками, то сераль съ его кіосками (бесѣдками) и тѣнистыми садами, изъ-за которыхъ высится огромный куполъ Ая-Софій. По

берегамъ Босфора, въ видѣ стражи Стамбула, воздвигнуты батареи; но онѣ одѣты камнемъ, и прислуга стоящихъ на нихъ орудій можетъ подвергнуться еще большей опасности отъ осоловъ одежды, отбитыхъ непріятельскими снарядами.

Въ семь часовъ мы стали на якорь противъ Топъ-Хане (арсенала) и отправились въ капитанской шлюпкѣ на берегъ у предмѣстья Галаты, откуда, послѣ осмотра нашихъ пожитковъ въ таможднѣ, пошли пѣшкомъ въ Перу; за нами два дюжихъ *гамдла* (носильщики) несли чемоданы, изъ коихъ въ одномъ было четыре съ половиною пуда, и не отставали отъ насъ, несмотря на то, что намъ пришлось взбираться съ версту на довольно крутую гору. По совѣту бывалыхъ людей, мы остановились въ «Hôtel de Byzance» на Grande rue de Réga. Эта такъ-называемая *Большая* улица дѣйствительно пролегаетъ на значительное протяженіе въ длину, но не шире самага узгаго изъ петербургскихъ переулковъ, и потому ѣзда въ экипажахъ тамъ мало удобна, при множествѣ встрѣчающихся носильщиковъ, лошадей и осоловъ, навьюченныхъ всякою поклажею и даже дровами и бревнами. Въ довершеніе беспорядка и нечистоты здѣшнихъ улицъ, на всякомъ шагу встрѣчаются собаки, лежація и бѣгающія цѣлыми стаями. Лучшій способъ движенія здѣсь — ѣзда верхомъ: на всѣхъ перекресткахъ стоятъ турки съ осѣдланными лошадьми, предлагая ихъ въ услугамъ пѣшеходовъ, и бѣгутъ на-равнѣ съ ними полною рысью, за весьма небольшую плату (до полутора франка за проѣздъ отъ одной до двухъ верств).

На слѣдующій день я съ г. Богоявленскимъ отправился на частномъ пароходѣ въ Буювъ-Дерѣ, на дачу русскаго посланника. Не заставъ его дома, мы предполагали снова явиться къ нему; но между тѣмъ получили приглашеніе посланника — обѣдать у него въ четвергъ, 4-го іюля. Тогда же посѣтилъ насъ Ив. Вас. Бѣлоцерковецъ, второй драгоманъ нашего посольства, извѣстный всѣмъ здѣшнимъ русскимъ столько же дѣятельностью, сколько знаніемъ мѣстныхъ учреждений и обычаевъ. Извѣстивъ насъ, что ему поручено показать намъ все, наиболѣе замѣчательное въ Константинополь, г. Бѣлоцерковецъ вручилъ мнѣ султанскій фирманъ и билеты для входа въ главные мечети и хранилища древностей. Мы (я съ сыномъ и г. Богоявленскій), въ сопровожденіи г. Бѣлоцерковца, отправились въ мосту на Золотомъ-Рогѣ и перешли пѣшкомъ чрезъ этотъ длинный и весьма неудобный мостъ въ Стамбулъ — турецкую часть города, гдѣ находятся почти всѣ важнѣйшія константинопольскія зданія.

Отдохнувъ въ тѣнистыхъ садахъ серала, мы постояли нѣ-

Сколько минут подъ знаменитымъ «Янычарскимъ платаномъ»; для того, чтобы обойти его, нужно сдѣлать 27 шаговъ; въ дуплѣ этого огромнаго дерева, за деревянную заслонкою, сторожъ серала держать дышать. Затѣмъ мы осмотрѣли «Янычарскій музей» — собраніе манекеновъ въ ростъ человѣка, въ прежнихъ турецкихъ костюмахъ, отъ верховнаго визиря до внука и садовника: въ числѣ ихъ есть манекенъ женщины, храбро сражавшейся въ послѣднюю восточную войну. Въ настоящее время, когда чалма и прежняя турецкая одежда остались только почти у однихъ лицъ духовнаго званія, музей янычаръ имѣетъ особенный интересъ для европейскихъ туристовъ.

На другой день, 3-го іюля, по совѣту нашего путеводаителя, мы начали обзоръ замѣчательныхъ мечетей съ *Сулейманіе* (мечети Солимана); потомъ, пройдя черезъ *Ристамлице* (Атмейданъ), т.-е. конную площадь, гдѣ началось избіеніе мятежныхъ янычаръ, осмотрѣли болѣе обширную мечеть *Ахмедіе* (построенную султаномъ Ахмедомъ I), и наконецъ пришли въ *Ая-Софіи*, нѣвогда великолѣпнѣйшему изъ всѣхъ христіанскихъ храмовъ. Въ настоящее время бывшая церковь св. Софіи загромождена снаружи безобразными постройками: училищами (медрессе), надгробными памятниками, частными домами, и проч., а, внутри замазаны и истреблены мозаичныя и живописныя изображенія, во множествѣ украшавшія церковь. Единственные слѣды ихъ видны въ куполѣ, гдѣ и теперь можно распознать крылья ангеловъ. Но, несмотря на то, что фанатизмъ мусульманъ оставилъ въ храмѣ однѣ лишь голыя стѣны, храмъ изумляетъ своимъ величіемъ и соразмѣрностью частей своихъ даже и тѣхъ, кто прежде видѣлъ соборъ св. Петра въ Римѣ. Съ перваго шага черезъ главныя врата Ая-Софіи вапъ взоръ объемлетъ все пространство этого чудеснаго зданія. Но еще грандіознѣе, еще восхитительнѣе видъ внутренности храма съ галлерей, на которую поднимаются по отлогому винтообразному скату, безъ ступеней. Войдя туда, мы смотрѣли на открывшееся предъ нами зрѣлище съ восторгомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ невольно скорбѣли объ искаженіи такой древней святыни. При выходѣ, сторожъ мечети поднесли намъ нѣсколько камешковъ изъ раздробленныхъ мозаическихъ иконъ; мы дали за нихъ *бакшишъ* (буквально: взятку), но, признаюсь, за такое расхищеніе онъ заслуживалъ совсѣмъ не того.

Посѣщеніе Ая-Софіи сдѣлало меня равнодушнымъ ко всѣмъ прочимъ достопамятностямъ Царьграда. Обзоръ бывшую церковь св. Ирины, обращенную въ *Музей древностей*, я удивился

небреженію, съ которымъ турки относятся къ предметамъ искусства. Почти вся внутренность зданія уставлена и увѣшана новымъ оружіемъ, огнестрѣльнымъ и холоднымъ. Изъ дровяго же оружія тамъ, между прочимъ, хранятся мечи Мухаммеда II-го и Скандербегга.

4-го іюля, послѣ обѣда у Н. П. Игнатьева, переночевавъ въ Буюкъ-Дерѣ, мы на слѣдующее утро встали въ 4-мъ часу, чтобы до наступленія сильнаго жара побывать въ Бѣлградскомъ лѣсу. Обозрѣвъ огромные водопроводы, сооруженные частью во времена византійскихъ императоровъ, частью при султанѣ Махмудѣ I въ 1732 году, мы посѣтили два *бенда* (резервуара), снабжающіе Константинополь весьма хорошою водою. Возвратясь въ Буюкъ-Дерѣ и простившись съ посланникомъ, который на слѣдующій день былъ намѣренъ отправиться, вмѣстѣ съ германскимъ и американскимъ резидентами, на Аеонъ, мы посѣтили дворецъ султана, на одномъ изъ заливовъ Босфора, именуемомъ Бей-Козъ, близъ Хунгарь-Исвелесси, у входа въ долину, гдѣ въ 1833 году стоялъ корпусъ генерала Муравьева, и подписанъ былъ 14 (26) іюня трактатъ, на основаніи котораго султанъ Махмудъ обязался закрыть входъ въ Дарданеллы всѣмъ иностраннымъ флотамъ. Дворецъ на заливѣ Бей-Козъ славится своимъ живописнымъ мѣстоположеніемъ и внутреннимъ убранствомъ. Оттуда мы отправились на яхту паши египетскаго, стоящую въ Босфорѣ по случаю прибытія на ней матери паши въ Константинополь. Эта яхта необыкновенна, какъ своею величиною (въ длину 450 и въ ширину 46 футовъ), такъ еще болѣе роскошнымъ устройствомъ своимъ: каюты яхты расположены въ три этажа, изъ которыхъ въ двухъ находятся обширныя залы. Драгоценныя металлы, мозаики и инкрустаціи украшаютъ эту пышную игрушку паши, стоявшую ему (какъ говорятъ) до 30-ти милл. франковъ! Искуснѣйшіе французскіе и англійскіе художники и мастера истощали всѣ изобрѣтенія свои при постройкѣ и меблировкѣ египетской яхты, но ихъ искусство не выказало утонченнаго вкуса и много извело даромъ, на диво невѣждамъ, многоцѣннаго матеріала; такъ, напр., перилы лѣстницъ, служащихъ сообщеніями между этажами яхты, сдѣланы изъ литого серебра, инкрустаціи отличаются безвкусіемъ, и т. п. Что же касается до морскихъ свойствъ яхты, то она, по свидѣтельству моряковъ, весьма покойна на ходу и дѣлаетъ до 15-ти узловъ (до 26-ти верствъ въ часъ). По осмотрѣ яхты, мы поспѣшили возвратиться въ городъ, чтобы видѣть обычное по пятницамъ торжественное шествіе султана въ мечеть. Занявъ удобное къ тому мѣсто у перилъ бульвара, позади войскъ, мы, въ ожида-

ни султана, любовались красивыми экипажами, въ которыхъ ѣхали европейскія дамы и туземныя одалиски. Наконецъ, появились, верхомъ на богато убранныхъ коняхъ, сперва нѣкоторые изъ высшихъ сановниковъ Порты, потомъ самъ султанъ, съ своимъ старшимъ сыномъ, визирь и прочая свита повелителя правосѣрныхъ. Войска, при проѣздѣ султана, отдавали честь; въ народѣ, толпившемся на площади передъ мечетью, раздались восклицанія. При этомъ торжествѣ не трудно было замѣтить въ войскахъ совершенное отсутствіе порядка и дисциплины: солдаты подъ ружьемъ бесѣдовали между собою и не соблюдали должнаго равенія въ рядахъ и шеренгахъ. Одѣты они въ синіе казакіны изъ довольно хорошаго сукна, сшитыя мѣшковато, да и сами они большею частью вялы и неуклюжи. Пятнадцатилѣтній красавецъ турокъ, возмужавъ, дѣлается тяжелымъ и неповоротливымъ физически, флегматикомъ — нравственно. Жителей Запада изумляетъ апатія турецкихъ торговцевъ, сидящихъ въ своихъ лавкахъ неподвижно, поджавъ ноги, и повидимому не обращающихъ вниманія на покупателей ихъ товаровъ. Но при всемъ томъ турки отличаются многими превосходными качествами: они добродушны, привѣтливы, гостепріимны, честны; едвали однако всего этого достаточно для ихъ возрожденія, и если суждено, чтобы народъ, воснѣвующій въ вѣковомъ усыпленіи, былъ призванъ къ новой жизни, то это должны быть — совершенно иные люди, чуждые суевѣрій, обычаевъ и образа жизни нынѣшнихъ турокъ.

Военные люди, знаемые съ настоящимъ положеніемъ турецкой арміи, отзываются о ней неодобрительно. Морскія же силы Порты, преимущественно состояція изъ десяти броненосныхъ судовъ въ Босфорѣ, можно сравнить съ крѣпкимъ тѣломъ, неоживленнымъ сильною душею. У турокъ нѣтъ хорошихъ моряковъ, да и нѣтъ возможности образоваться имъ при стоянкѣ въ проливѣ, гдѣ они плаваютъ на небольшомъ пространствѣ.

6-го іюля, я, вмѣстѣ съ г. Бѣлоцерковцемъ, посѣтилъ госпиталь для больныхъ православнаго исповѣданія, устроенный попеченіемъ нашего посланника, безъ особаго на то пособія отъ казны. Въ настоящее время строится обширное зданіе, въ которомъ, кромѣ палатъ для больныхъ и комнатъ для лазаретной прислуги, исключительно состоящей изъ сестеръ милосердія, будутъ помѣщены: церковь, аптека и квартира доктора. Въ ожиданіи же окончанія этой постройки, почти совершенно готовой, устроенъ блязъ нея, въ особомъ домѣ, временной госпиталь, гдѣ чистота и удобство комнатъ, а равно уходъ за больными и содержаніе ихъ могутъ порадовать друга человѣчества. Попеченіе

о больныхъ и все внутреннее хозяйство госпиталя лежить на рукахъ семи сестеръ милосердія, усердно исполняющихъ принятую ими на себя священную обязанность. Старшей изъ нихъ, сестрѣ Александрѣ, съ небольшимъ тридцать лѣтъ; изъ нихъ болѣе половины проведено ею на пользу страждущимъ. Докторъ, служащій при госпиталѣ, исполняетъ эту должность безвозмездно, изъ преданности къ Россіи и русскимъ. Всѣ живущія здѣсь русскія дамы (и во главѣ ихъ жена посланника) принимаютъ живое участіе въ основаніи и поддержаніи этого полезнаго заведенія.

7-го іюля, наканунѣ отъѣзда изъ Константинополя, мы отправились на пароходѣ на азіатскій берегъ Босфора, въ Скутари. Пройхавъ въ омнибусѣ чрезъ это огромное и послѣ пожаровъ довольно хорошо выстроенное предмѣстье столицы султановъ до горы Бульгурлу, мы взопли гнѣвомъ на ея вершину, откуда открылась нашимъ взорамъ столь же обширная, сколько и прекрасная панорама: съ одной стороны—Мраморное море; съ другой—весь Константинополь и южная часть обонхъ береговъ Босфора съ ихъ неподобною растительностью. Настанетъ ли когда-либо время призванія этой богатой дарами природы страны къ участію во благахъ цивилизаціи, наравнѣ съ остальной Европою, или суждено ей коснѣть такъ еще многіе вѣка, это—вопросъ, невольно представляющійся при видѣ зрѣлища, которому трудно найти что-либо подобное...

М. Богдановичъ.

РАЗДѢЛЪ ЗЕМЛИ

Изъ Шиллера *).

— «Возьмите! вамъ—свѣтъ!» такъ къ людскому воззвалъ поволаѣнью
Зевесъ-громовержець;— «отнынѣ онъ долженъ вашъ быть;
Дарю его вамъ я въ наслѣдье и на-вѣкъ владѣнье,
Съ условіемъ—братски раздѣлъ совершить».

И вотъ все, что въ силахъ, пристроиться хочетъ прочнѣе,
За лавомой долей и юность, и старость слѣпнѣе:
Накинулся пахарь на тучную ниву сворѣе,
Ловець же въ лѣса на охоту бѣжитъ.

Купецъ все беретъ—лишь виѣстили-бъ его кладовья;
Аббата прельщаетъ изъ гроздїй душистыхъ струя,
А герцогъ заставилъ мосты и дорѣги большія,
И грозно сказалъ:—Десятина—моя!

*) Этому стихотворенію Шиллера особенно почастливилось въ нашей литературѣ: оно имѣло до 1859 г. семь переводовъ; изъ нихъ старѣйшій принадлежитъ Жуковскому; онъ былъ помѣщенъ въ „Вѣстникъ Европы“ 1813 года, ч. LXIX, стр. 84 (въ посланіи къ Батюшкову). Вотъ его начало:

„Дѣлитесь!“—съ горня трона
Богъ людямъ рекъ. Они
Взронулися, какъ пчелы
Шумящи по лугамъ —
И всѣ уже удѣлы
Земные по рукамъ...

Не принимая конечно на себя оцѣнки помѣщаемого нами новаго перевода, мы думаемъ однако, что этотъ переводъ будетъ найденъ самымъ близкимъ къ подлиннику, почти подстрочнымъ.—*Ред.*

Позднѣ ихъ всѣхъ, какъ раздѣлъ ужъ давно совершился,
 Поэтъ показался изъ дали мечтаній своихъ;
 Увы! міръ земной безъ остатка людьми раздѣлился,
 И каждая вещь во владѣнныи другихъ.

— О горе! Такъ, значить, одинъ позабытъ я остался!
 Я, сынъ твой вѣрнѣйшій, удѣла земного лишонъ?!
 Такъ громкою жалобой голосъ поэта раздался,
 И палецъ онъ предъ горнѣи Юпитера тронъ.

— «Когда тебя долго такъ въ области сновъ задержали», —
 Воскликнулъ Зевесъ:—«такъ вины моей въ этомъ тутъ нѣтъ!
 Скажи мнѣ: гдѣ былъ ты, какъ люди раздѣлъ совершали?»
 — Я былъ близъ тебя, ему молвилъ поэтъ,—

Не могъ отъ тебя оторвать я свой взоръ пораженный,
 И слухъ свой къ небеснымъ рѣчамъ я твоимъ приковалъ;
 Прости же за то, что, сянъемъ небесъ ослѣпленный,
 Земную я долю свою потерялъ!

— «Но что же мнѣ дѣлать?—ему отвѣчалъ небожитель;—
 Теперь не мои уже: жатва, торговля, лѣса!
 Вотъ, если захочешь въ мою приходить ты обитель—
 Знай, вѣчно отверсты тебѣ небеса».

Всеволодъ Соловьевъ.

ВОПРОСЪ

О ВЪ

УЛУЧШЕНИИ СУДЬБЫ НЕЗАКОННОРОЖДЕННЫХЪ.

Въ послѣднее время чаще и чаще начали раздаваться голоса объ улучшеніи участи несчастныхъ, такъ-называемыхъ незаконнорожденныхъ, или побочныхъ, дѣтей. Земскія собранія, съ своей стороны, дѣлаютъ для нихъ все, что могутъ: устраиваютъ воспитательныя и сиротскіе дома. Теперь очередь законодательства двинуться уже далѣе воспитательныхъ домовъ, которые со временъ Екатерины II-й успѣли почти вполнѣ выказать и свѣтлыя, и темныя свои стороны. Послѣ такого продолжительнаго опыта, одними воспитательными и сиротскими домами довольствоваться нельзя, ибо масса незаконнорожденныхъ годъ отъ году, съ развитіемъ городской и фабричной жизни, увеличивается болѣе и болѣе, такъ что столичные воспитательные дома все болѣе и болѣе вынуждены ограничиваться приѣмомъ приносимыхъ къ нимъ дѣтей, по невозможности ихъ надлежащимъ образомъ помѣстить и воспитать. Эти ограниченія уже начинаютъ приводить все чаще и чаще къ тѣмъ же печальнымъ явленіямъ, которыя были первоначальною причиною устройства самихъ воспитательныхъ домовъ, т.-е. къ массѣ дѣтоубійствъ. Судебная хроника можетъ рассказать по этому поводу многое. Вотъ почему предстоитъ настоятельная нужда пересмотрѣть какъ наше собственное законодательство о правахъ незаконнорожденныхъ, такъ внимательно изучить законодательства и другихъ странъ по этому предмету. Наше законодательство въ этомъ отношеніи отстаетъ отъ западныхъ, и требуетъ многихъ дополненій и улучшеній. Есть свѣдѣнія, что уже само правительство сознало необходимость въ этихъ

улучшеніяхъ, и что уже въ законодательныхъ сферахъ разрабатывается, между прочимъ, вопросъ объ упрощеніи способовъ усыновленія, какъ средства къ облегченію участи побочныхъ дѣтей. Въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ появились въ послѣднее время извлеченія изъ законодательствъ западной Европы по этому предмету. Наша задача теперь состоитъ именно въ томъ, чтобы рассмотреть подробнѣе, чѣмъ можемъ мы воспользоваться изъ того, что въ западной Европѣ вошло уже въ практику и подверглось болѣе или менѣе продолжительному опыту.

Начнемъ съ статистическаго факта, который и самъ по себѣ довольно убѣдителенъ: сколько ежегодно рождается у насъ побочныхъ дѣтей? Рѣшить это съ положительною точностью нельзя, за неимѣніемъ полныхъ данныхъ, но приблизиться къ истинѣ весьма нетрудно. По отчету оберъ-прокурора св. синода за 1872 г. показано родившихся въ 1871 г. одного православнаго исповѣданія 1,593,194 муж. и 1,524,641 жен. пола, а всего 3,117,835 человекъ. Но при этомъ сказано, что по епархіямъ кавказской и туркестанской и по вѣдомствамъ главныхъ священниковъ арміи и флотовъ и кавказской арміи свѣдѣній не доставлено. Попытаемся взять средній процентъ незаконнорожденныхъ, который существуетъ въ Европѣ, именно во Франціи и Бельгіи — 7 незаконныхъ на 100 законныхъ дѣтей. Съ трехъ милліоновъ слишкомъ выйдетъ для насъ очень почтенный процентъ, простирающійся до 200,000 чел.; но православному исповѣданію, какъ извѣстно, у насъ въ Россіи принадлежитъ почти только половина населенія всей Россіи. Какой же огромный процентъ незаконныхъ рожденій должно приносить все населеніе Россіи, вмѣстѣ взятое? Во всякомъ случаѣ, нельзя не согласиться, что контингентъ лицъ, заинтересованныхъ въ нашемъ вопросѣ, — достаточно великъ, и весьма было бы желательно какими-нибудь раціональными мѣрами уменьшить это число, годъ отъ году увеличивающееся. Если нельзя измѣнить мгновенно уровня общественныхъ нравовъ, то есть другія мѣры, которыя могли бы въ самое короткое время произвести благодѣтельный переворотъ въ судьбѣ сотни тысячъ людей. Подтверженіемъ нашей мысли служатъ западныя законодательства, гдѣ именно уже приняты такія мѣры и дѣйствуютъ съ полнымъ успѣхомъ. При такихъ мѣрахъ воспитательные дома сохранять значеніе палліатива, который будетъ по прежнему облегчатся зло въ данныхъ случаяхъ.

Прежде всего, конечно, было бы необходимо, такъ сказать, децентрализовать самыя воспитательныя дома, а для того лучшимъ

средствомъ было бы устроить по образцу столичныхъ воспитательныхъ домовъ во всѣхъ уѣздныхъ городахъ *родовспомогательные и сиротскіе дома*. За это дѣло уже и принялись усердно нѣкоторыя земства въ устраненіе дѣтубійствъ, дѣлающихся все чаще и чаще съ развитіемъ фабрикъ и заводовъ и съ расширеніемъ городовъ. Обыкновенно возражаютъ, что воспитательныхъ домовъ, кромѣ Франціи и государствъ, бывшихъ подъ владычествомъ Наполеона, въ Европѣ нигдѣ, кромѣ Россіи, не существуетъ, слѣд., есть средства обходиться и безъ нихъ; что изъ отчета с.-петербургскаго воспитательнаго дома за истекшее въ 1872 году столѣтіе видно, что изъ 368,732 принесенныхъ въ него младенцевъ вскорѣ умерло 304,992 человѣка. Какую же послѣ этого пользу принесутъ воспитательные дома, вездѣ слывшіе домами смерти, или гробами, въ которые сваливаютъ несчастныхъ дѣтей до переноса ихъ на кладбища? Но мы вовсе не говоримъ о необходимости устроить воспитательные дома такъ, какъ они устроивались до сихъ поръ. Весь секретъ смертности дѣтей во всѣхъ большихъ воспитательныхъ домахъ, какъ и въ больницахъ, заключается въ ихъ громадности и въ веденіи дѣла чисто формальнымъ, бюрократическимъ образомъ. Иначе, конечно, такія огромныя заведенія и вести нельзя: полагая въ нихъ всю свою душу, можно только истерзаться самому дѣятелю, а не добиться толку, потому что массу служащихъ нельзя же воодушевить однимъ и тѣмъ же духомъ, что испытали и Бецкій, и императрица Марія Теодоровна, сдѣлавшіе для воспитанниковъ все, что могли самые нѣжные родители, и въ ужасу своему видѣвшіе невѣроятную, ужасающую смертность, доходившую при Бецкомъ до 89%, а при Маріи Теодоровнѣ до 50% всѣхъ принесенныхъ младенцевъ. Кромѣ невозможности присвать массу людей, понимающихъ дѣло, ему сочувствующихъ и содѣйствующихъ, начиная кормилицей и кончая директоромъ всего заведенія, еще есть другая причина громадной смертности дѣтей въ большихъ воспитательныхъ домахъ. Это—зараженіе воздуха мiasмами, при большомъ скопленіи людей, особенно же грудныхъ младенцевъ. Какія мѣры ни употребляй для освѣженія воздуха, мiasмъ въѣдается въ стѣны и служитъ гнѣздомъ болѣзней и смерти. Это замѣчено и въ больницахъ. Оттого-то нынѣ и принято ихъ устроить, такъ-называемой, павильонной системой и на лѣто переводить больныхъ въ бараки. То же самое необходимо и для воспитательныхъ домовъ: большіе дома — Сатурны, пожирающіе собственныхъ дѣтей. Кромѣ того, наши воспитательные дома находятся въ центрахъ столицъ, гдѣ нѣтъ ни чистаго воздуха, ни чистой воды; все это заражено клоачными нечистотами, просачивающимися съвозъ землю и заражающими воздухъ. Новорожденныхъ дѣтей необходимо

увозить изъ столицъ, а въ наши воспитательные дома, напротивъ, привозять со всѣхъ сторонъ. Дѣтомъ для массы приносимыхъ дѣтей трудно находить кормилицъ, потому что всѣ женщины спѣшатъ на полевныя работы, которыя оплачиваются дороже, чѣмъ служба кормилицы. Дѣти, розданныя по деревнямъ близъ столицъ, умираютъ массами потому, что при скопленіи ихъ трудно быть требовательнымъ въ выборѣ женщинъ для кормленія; наконецъ потому, что самыя кормилицы обратили кормленіе дѣтей въ своего рода промышленность, гдѣ допускаются злоупотребленія всякаго рода. Надзоръ же за ними, при разбросанности деревень, не могъ быть постояннымъ, и такъ какъ онъ доселѣ воплощался только въ чиновникахъ, то не могъ быть и очень дѣятельнымъ, ограничиваясь болѣе формальностью для письменнаго отчета. Только въ самое послѣднее время приняли участіе въ этомъ надзорѣ жены мѣстныхъ образованныхъ землевладѣльцевъ, и нѣтъ сомнѣнія, что этотъ надзоръ значительно уменьшить смертность дѣтей по деревнямъ. Итакъ, необходимость *децентрализовать* воспитательные дома и, вмѣсто громадныхъ домовъ въ столицахъ, устраивать небольшіе въ каждомъ уѣздномъ городѣ, что дѣлалось уже при Петрѣ Великомъ и за что теперь принимается земство,—сдѣлалась очевидною.

На все это можно возразить, что созидать новыя воспитательныя дома—значитъ созидать новыхъ подкидышей и покровительствовать безнравственности.

Подобныя мысли не новы: онѣ уже давно высказывались особенно въ Германіи, людьми весьма образованными и гуманными, каковъ, напр., знаменитый нѣмецкій врачъ Гуфеландъ. Видя громадную смертность въ воспитательныхъ домахъ и развивающуюся безпечность и безнравственность въ женщинахъ, которыя находятъ въ нихъ легкій способъ сбыть своихъ дѣтей, они желали, чтобы воспитательныхъ домовъ не было, но вмѣсто того, чтобы сами матери воспитывали своихъ дѣтей. Поэтому-то во всей Германіи и былъ разрѣшенъ искъ матери на укрывающагося отца ребенка, и тамъ воспитательныхъ домовъ дѣйствительно не существуетъ; но число незаконныхъ рожденій отъ дозволенія отыскивать отца и отъ невозможности отдавать такого ребенка въ воспитательный домъ не только не уменьшилось, но, напротивъ, увеличилось; такъ, напр., въ Австріи насчитывается 10 на 100, въ Саксоніи 14 на 100, въ Баваріи 20 на 100 законныхъ; во Франціи же и Бельгіи, гдѣ господствуетъ система воспитательныхъ домовъ, незаконныхъ родится только 7 на 100; въ Рейнской Баваріи, гдѣ заводятся воспитательныя дома, процентъ незаконныхъ рожденій замѣтно уменьшается. Слѣдовательно, число подкидышей отъ устройства воспитательныхъ домовъ возрастать не можетъ. При

ихъ существованіи дѣтоубійства значительно уменьшаются, и это также доказываетъ статистика. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ ихъ нѣтъ, дѣтоубійствъ гораздо больше, несмотря на существованіе строгаго розыска отца и матери незаконнорожденнаго. Сюда же относится и произведеніе преждевременныхъ выкидышей, господствующее въ такихъ странахъ, гдѣ есть розыскъ родителей и нѣтъ воспитательныхъ домовъ.

Гуфеландъ и многіе другіе въ Германіи, возставая противъ системы воспитательныхъ домовъ, главнымъ образомъ имѣли въ виду развить въ сознаніи своихъ соотечественниковъ необходимость дать средства матери незаконнорожденнаго его воспитать, ибо лучше матери никто воспитать не можетъ. Мысль—самая разумная и человѣколюбивая; Баденское правительство, въ 1812 году, даже рѣшилось помогать такимъ матерямъ со стороны мѣстнаго общества и государственной казны, но въ 1851 году оно эту мѣру отмѣнило: оно нашло ее недостигающей цѣли.

Въ Сѣв.-Американскихъ Штатахъ существуетъ также розыскъ укрывающихся родителей незаконнорожденнаго ребенка, и воспитательныхъ домовъ нѣтъ. Въ странахъ, гдѣ дѣйствуетъ кодексъ Наполеона, розыскъ, напротивъ, воспрещенъ и здѣсь господствуетъ система воспитательныхъ домовъ. Наконецъ, у насъ есть и воспитательные дома, и розыскъ укрывающихся родителей, хотя не очень строгій и совершающійся безъ вмѣшательства со стороны правительства, по жалобамъ частныхъ лицъ.

Розыскъ укрывающихся родителей во всѣхъ государствахъ производится обыкновенно не съ цѣлью карать ихъ за незаконное сожителство, а съ цѣлію доставить новорожденному естественныхъ родителей и лучшихъ воспитателей. Мысль—вполнѣ гуманная, но въ последнее время она все болѣе и болѣе оказывается непрактичною, недостигающею цѣли, такъ что противъ нея начинаютъ возставать самыя горячіе ея защитники—юристы германскіе. Въ Вѣнѣ и Берлинѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ съ этою цѣлію были созываемы съѣзды юристовъ, которые пришли къ тому выводу, что право иска со стороны матери незаконнорожденнаго служить только низкимъ женщинамъ средствомъ выжимать деньги изъ мужчинъ, страхомъ огласки, суда и скандала; что деньги, выжимаемыя изъ мужчины, обыкновенно идутъ на поощреніе праздности и разврата женщины, а не для самаго ребенка, что честная женщина изъ самолюбія и гордости никогда не прибѣгаетъ къ праву иска и сама воспитываетъ своего ребенка; что вообще женщина низшаго класса будетъ осторожнѣе, когда будетъ знать, что послѣдствія незаконной связи будутъ лежать только на ея плечахъ, а чрезъ то необходимо выиграетъ и общественная

правственность. Право иска не приводитъ къ ожидавшимся отъ него благотворнымъ результатамъ. Оно служитъ поводомъ къ частымъ клятвопреступленіямъ, по недостаточности неоспоримыхъ доказательствъ бывшаго сожительства, и, кромѣ того, нарушаетъ спокойствіе гражданъ, наноситъ ущербъ доброму имени достойнѣйшихъ семействъ, разоблачая тайны, глубоко сокровенныя. Но все-таки нѣмецкіе юристы, уступая закону, вошедшему уже въ нравы народа, не находятъ возможнымъ сразу отмѣнить право иска, а считаютъ необходимымъ его ограничить и предоставить судебной практикѣ разрѣшить принятіе такого рода жалобъ и исковъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ.

У насъ нѣтъ причинъ не сдѣлать того же самаго. Всякая незамужняя женщина можетъ у насъ привлекать къ суду всякаго незамужнаго мужчину, какъ отца своего незаконнорожденнаго ребенка, въ надеждѣ заставить его содержать ее и ребенка. Положимъ, не легко доказать незаконное сожительство, но низкая женщина рассчитываетъ запугать человѣка самолюбиваго и занимающаго какое-нибудь видное мѣсто въ обществѣ страхомъ скандала, и нерѣдко достигаетъ своей цѣли. На женатаго человѣка можетъ жаловаться только жена, въ случаѣ нарушенія имъ супружеской вѣрности, но не посторонняя женщина, если только онъ не совершилъ при этомъ извасилованія, или обольщенія, или растлѣнія несовершеннолѣтней, т.-е. преступленія уголовнаго. Но и у насъ можно было бы предоставить право гражданскаго иска матери на отца ребенка въ исключительныхъ случаяхъ, напр. въ случаѣ явнаго сожительства матери съ отцемъ ребенка, въ случаѣ добровольнаго признанія имъ ребенка своимъ. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ отецъ долженъ обезпечить содержаніе матери и ребенка. Конечно, розыскъ не долженъ принимать инвизиціоннаго характера, доходящаго до присяги истца и отвѣтника, даже до лишенія послѣдняго свободы, какъ то дѣлается въ большей части странъ, его допускающихъ, и особенно въ Англіи, Швейцаріи и Соедин.-Штатахъ Америки. Мы очень хорошо понимаемъ, что это дѣлается съ благою цѣлью: обезпечить ребенку естественную кормилицу и воспитательницу и семейную жизнь. Конечно, тутъ есть и задняя мысль: избавить общество отъ содержанія чужого ребенка. Но инвизиціонный характеръ розыска дѣлаетъ то, что матери стараются не донашивать ребенка и производить преждевременные выкидыши или убиваютъ при самомъ рожденіи и ловко прячутъ концы въ воду. Даже розыскъ матери съ характеромъ болѣе мягкимъ, какъ, напр., въ Баваріи, который начинается еще прежде рожденія ребенка, если только есть свѣдѣнія о какой-нибудь незаконной беременности, не приноситъ той пользы, которой отъ него ожидаютъ. За женщиной слѣдитъ все общество, чтобы она не причинила какого-

нибудь вреда своему еще не родившемуся ребенку, которому тотчас же по рожденіи назначается опекунь. Но незаконнорожденных и дѣтоубійствъ тамъ больше, чѣмъ гдѣ-нибудь. Какъ же можно обойтись послѣ этихъ горькихъ опытовъ безъ воспитательныхъ домовъ?

Гораздо дѣйствительнѣе было бы сдѣлать у насъ, по примѣру всѣхъ европейскихъ государствъ, *опеку отъ правительства* надъ всякимъ незаконнорожденнымъ, признавъ ли его родители своимъ при записи въ метрическія книги и оставляютъ у себя на воспитаніи, или онъ является подкидышемъ и пріемышемъ у чужихъ людей, или воспитанникомъ сиротскаго и воспитательнаго дома, или какой-нибудь ученой акушерки или простой повитухи. Тутъ мы можемъ отдать полную справедливость западной Европѣ и смѣло заимствовать у нея законы объ опекаѣ надъ незаконнорожденнымъ. Эта опека хоть отчасти оградить его жизнь отъ разныхъ зловредныхъ вліяній и замѣнить семью. Одному Богу извѣстны всѣ истязанія, которыя испытываетъ незаконнорожденный только отъ злой матери, проклинающей его отца и день его рожденія. Мы уже не говоримъ, что онъ испытываетъ отъ чужихъ въ обществѣ, гдѣ рожденіе его считается для него позорнымъ. Нечего удивляться, если изъ такихъ несчастныхъ дѣтей выходятъ существа озлобленныя и порочныя. Мы сами, а не они въ этомъ виноваты. Мы не хотимъ знать, какъ они воспитываются и сколько страданій они переносятъ во время своего воспитанія, и они намъ отвлачиваютъ зломъ за наше невниманіе и пренебреженіе къ нимъ.

По примѣру другихъ странъ Европы можно было бы и у насъ ясно и точно выразить въ законѣ, какъ это выражено, напр., въ законодательствахъ прусскомъ, австрійскомъ и даже нашихъ прибалтійскихъ нѣмцевъ, что *незаконность рожденія сама по себѣ не имѣетъ никакого вліянія на общую правоспособность незаконнорожденного*. Она никѣмъ не можетъ быть вмѣняема ему въ укоръ и не лишаетъ его права ни занимать общественныхъ должностей, ни быть принятымъ въ какое-либо сословіе (ст. 164 и 173 свод. мѣстн. узак. губер. остзейск., ч. III., зак. гражд., изд. 1874 г.). Одинъ этотъ законъ уже прольетъ много счастья въ души этихъ несчастныхъ. Почему могло бы быть стыдно признать гражданскія права незаконнорожденныхъ? Даже самое имя *незаконнорожденныхъ* можно бы совершенно и навсегда вычеркнуть изъ положительнаго закона. Оно, во-первыхъ, по отношенію къ родителямъ такихъ дѣтей и къ самимъ дѣтямъ неправильно; по отношенію къ лицамъ постороннимъ неточно, и наконецъ оскорбительно какъ для самого того, кто его носитъ, такъ и для всего общества. Неправильно оно потому, что для родителей незаконны тѣ дѣти, которыя рождаются не отъ нихъ двоихъ, а отъ *третьяго*

лица; а въ такомъ случаѣ имъ приходится признать незаконными дѣтей, которыхъ они считают *своими* дѣтьми, рожденными отъ нихъ самихъ, признанныхъ уже теперь и закономъ мужемъ и женою.

Названіе незаконнорожденныхъ не точно; слѣдовало бы точнѣе назвать ихъ: внѣ узаконеннаго брака рожденные. Иначе выходитъ путаница въ понятіяхъ. Слово „незаконнорожденный“ даетъ представленіе о чемъ-то противномъ законамъ природы, какъ будто этотъ человѣкъ родился не такъ, какъ всѣ другіе люди, какъ будто онъ составляетъ какую-то аномалію въ природѣ. Кромѣ того, слово „незаконнорожденный“ наводитъ на представленіе о какомъ-то противозаконномъ дѣяніи, о какомъ-то преступленіи самого субъекта. Но вѣдь самъ незаконнорожденный, очевидно, ничего незаконнаго не совершилъ, ибо родился не по своей волѣ. Зачѣмъ же и давать ему такое двусмысленное и оскорбительное названіе и дѣлать его этимъ самымъ названіемъ какимъ-то презрѣннымъ паріемъ для всего общества, живущаго подъ сѣнію закона и пользующагося его благами. Очевидно, что это слово, возбуждая такіа непріятныя представленія, не можетъ быть пріятнымъ ни для самого того, кто носить это названіе, ни для общества, среди котораго онъ живетъ. Для общества оно должно быть болѣе непріятно и оскорбительно, чѣмъ для отдѣльнаго лица, которое его носитъ, ибо такихъ лицъ въ обществѣ оказываются не единицы, а десятки, сотни, тысячи; въ цѣломъ же государствѣ милліоны. Каково же должно быть то общество, въ которомъ такъ сильно попирается законъ? Названіе „незаконнорожденный“ императрица Марія Ѳеодоровна никогда не употребляла. Она называла всѣхъ такихъ дѣтей *несчастнорожденными*. Это названіе гораздо и правильнѣе, и точнѣе, и добрѣе, но и оно слишкомъ печально для носящихъ его, чтобы сдѣлать его опредѣленіемъ родоприсхожденія человѣка въ законѣ. Поэтому намъ кажется лучшаго опредѣленія такихъ дѣтей придумать нельзя, какое уже придумано было во Франціи, и даже, кажется, велѣно употреблять и у насъ въ формулярныхъ спискахъ служащихъ, это названіе — *круглый сирота*. Дѣти эти дѣйствительно круглые сироты, несмотря даже на то, что они имѣютъ родителей, если эти не хотятъ ихъ признать своими формальнымъ образомъ. Дѣти же поденные и совершенно не знающіе своихъ родителей, очевидно, суть самыя круглыя сироты. Питомцамъ воспитательныхъ домовъ можно оставить ихъ нынѣшнее названіе. Извѣстно, что они во всѣхъ актахъ и документахъ такъ и называются питомцами воспитательнаго дома, а не незаконными дѣтьми. Къ нимъ вообще законодательство отнеслось гораздо гуманнѣе, чѣмъ къ другимъ дѣтямъ такого же происхожденія.

Право наследованія родителямъ по всей справедливости можетъ

также быть предоставлено незаконнорожденнымъ, будутъ ли они признаны и узаконены, или нѣтъ, своими родителями. Мы разумѣемъ *право наследованія известной доли по закону*, а не по завѣщанію, ибо по завѣщанію у насъ не запрещено отказывать имъ, что угодно. По этому случаю мы приведемъ безсмертныя слова Камбасереса: „лишеніе правъ наследства есть тяжелая кара, присуждаемая лишь за тяжкія уголовныя преступленія. Въ состояніи ли младенецъ совершить такое преступленіе? Бракъ учрежденіе великое, но можно ли допустить его до посягательства на уничтоженіе личности и правъ гражданина?“ По нашему закону права наследства лишаются только преступники, лишенные всѣхъ правъ состоянія и сосланные въ каторжную работу, или на поселеніе (ст. 25 и 26 улож. о нак. 1866 г., п. 4. ст. 1067, т. X., ч. 1. и ст. 1107 того же тома). Начиная съ Франціи и кончая Америкой, незаконнорожденные, даже непризнанные при записи родителями, наследуютъ по закону известную часть ихъ имущества, и если не обихъ родителей, то по крайней мѣрѣ одной матери. Положимъ, доля эта не велика, но важенъ самый принципъ наследованія. Время можетъ увеличить эту долю. При допущеніи у насъ права наследованія не нужно даже и обращаться къ иностраннымъ примѣрамъ, а достаточно припомнить наши простонародные обычаи раздѣла имущества между законными дѣтьми и такъ-называемыми приемышами, т.-е. незаконнорожденными. Нашъ народъ не дѣлаетъ никакой разницы между тѣми и другими. Крестьянинъ видитъ въ незаконнорожденномъ такого же брата-христіанина и такого же работника, какъ онъ самъ, и называетъ его приемышемъ, а не незаконнорожденнымъ. Никто, конечно, не усмотритъ въ такомъ добромъ обычаѣ нашего простолюдина чего-нибудь противнаго религіи и нравственности.

Въ западныхъ законодательствахъ, сверхъ всего того,—издавна существуетъ право признавать незаконнорожденныхъ дѣтей своими и *узаконять* ихъ. У насъ въ настоящее время, при рожденіи незаконнорожденного, если и спрашиваютъ его мать объ отцѣ ребенка, то это дѣлается или изъ простаго любопытства, или съ цѣлью получить подарокъ, такъ какъ иначе можно подвергнуть и отца, и мать, церковному покаянію за незаконное сожитіе. Если сама мать не начинаетъ иска противъ отца ребенка съ цѣлью заставить его кормить себя и ребенка, то въ метрическихъ книгахъ обыкновенно только и пишется имя матери ребенка. Отецъ же считается неизвѣстнымъ. Но не всякая мать объявляетъ свое имя, ибо есть возможность родить у акушерки, или въ секретномъ отдѣленіи воспитательнаго дома, гдѣ совершенно не спрашиваютъ имени матери и записываютъ ребенка рожденнымъ отъ неизвѣстной. Это, съ одной стороны, избавляетъ родителей отъ стыда предъ обществомъ, хотя тоже небезгрѣш-

нымъ, но чрезвычайно безгласнымъ къ грѣхамъ своихъ собратій, а съ другой стороны лишаетъ ребенка естественныхъ покровителей. Не будь угрозы церковнаго покаянія и имѣй въ виду родители возможность чрезъ признаніе ребенка своимъ улучшить его участь—многіе дѣти при самомъ своемъ рожденіи были бы признаны своими родителями. Для этого можно было бы предоставить незаконному, признанному родителями, большія права въ наслѣдованіи, а самимъ родителямъ, если они люди бѣдные, нѣкоторыя льготы, какъ, напр., въ Баваріи, гдѣ отца, признавашаго своего ребенка, освобождаютъ отъ ареста, отъ тюремнаго заключенія; дѣла тажебныя, его касающіяся, производятся сокращеннымъ порядкомъ, оказываютъ ему пособіе изъ благотворительныхъ обществъ. Можно навѣрное сказать, что при такихъ условіяхъ у множества незаконныхъ дѣтей явятся ихъ естественные родители, которые открыто возьмутъ ихъ на свое попеченіе и избавятъ государство отъ лишнихъ заботъ и расходовъ, болшею частію не достигающихъ цѣли, по причинѣ громадной смертности воспитываемыхъ имъ этого рода дѣтей. За признаніемъ, т.-е. усыновленіемъ, легко было бы перейти къ праву узаконенія незаконнорожденныхъ, по образцу всего образованнаго міра, и тѣмъ не только оказать справедливость этимъ невиннымъ „преступникамъ“, но и уменьшить число незаконнорожденныхъ дѣтей, т.-е. людей озлобленныхъ несправедливостію, которые по этому самому склоняе другіхъ вредить обществу. Нѣкоторыя законодательства прямо выражаютъ подобныя мысли. Прусское законодательство говоритъ ясно, что оно разрѣшаетъ узаконеніе незаконнорожденнаго, „съ цѣлью дать ему возможность къ большому преуспѣянію въ гражданской жизни и снять съ него незаслуженный упрекъ въ незаконности рожденія“. Образцовъ для законодательства объ усыновленіи можно найти много. Но по своей гуманности и простотѣ намъ кажется болѣе всѣхъ къ намъ подходящимъ законъ прусскій. Никто не заподозритъ прусское правительство въ какихъ-нибудь противообщественныхъ тенденціяхъ. Если оно нашло возможнымъ и нужнымъ допустить у себя такіа облегченія для усыновленія незаконнорожденныхъ дѣтей, то смѣло можно послѣдовать за нимъ по этому пути.

Чѣмъ вызвано у насъ затрудненіе узаконенія и усыновленія незаконнорожденныхъ дѣтей, и слѣдовательно возможности стать въ какія-либо легальныя семейныя отношенія къ тѣмъ, которые считаютъ себя ихъ естественными родителями? Не стремленіемъ ли законодателя къ поощренію сожительства въ законномъ бракѣ? Можетъ быть законодатель хотѣлъ перспективой горькой участи дѣтей удержать людей отъ внѣбрачнаго сожительства? Нѣтъ. Воспрещеніе усыновленія незаконнорожденныхъ простирается только на при-

привилегированныя сословія; низшимъ же сословіямъ, для которыхъ бракъ есть такое же таинство, какъ и для другихъ, усыновленіе незаконнорожденныхъ не воспрещено. Очевидно, что не святость брака служила причиной запрещенія въ первомъ случаѣ, ибо эта святость имѣетъ одинаковую силу для всѣхъ сословій. Значитъ, запрещеніе усыновленія вызвано только посторонними соображеніями. Законодатель могъ опасаться, что при дозволеніи усыновлять незаконнорожденныхъ дѣтей въ привилегированныя сословія, подъ видомъ таковыхъ могли бы быть записаны и лица, по происхожденію принадлежащія къ другимъ сословіямъ и что, наконецъ, чрезъ усыновленіе незаконнорожденныхъ могло бы значительно увеличиться число лицъ, пользующихся привилегіями въ ущербъ другимъ сословіямъ. Такой мотивъ запрещенія усыновленія виденъ изъ того, что дворянамъ дозволяется (т. X. ч. 1 ст. 145) усыновлять только законнорожденныхъ родственниковъ своихъ, и то не иначе, какъ съ высочайшаго разрѣшенія. Напротивъ того, мѣщанамъ, крестьянамъ и солдатамъ дозволяется усыновлять всѣхъ, кого они захотятъ, и законныхъ и незаконныхъ дѣтей. Очевидно, что чѣмъ бѣльшими правами надѣлено сословіе, тѣмъ труднѣе въ него доступъ незаконнорожденнымъ дѣтямъ и, слѣдовательно, очевидно, что вовсе не религіозныя соображенія служатъ у насъ причиною трудности усыновленія и узаконенія незаконнорожденныхъ дѣтей высшими классами народа. Въ такомъ случаѣ усыновленіе можно бы безъ всякаго затрудненія допустить у насъ по примѣру другихъ государствъ, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что родители признаютъ своимъ незаконнорожденного ребенка, и тѣмъ сообщаютъ ему одни права *имущественныя*, вытекающія изъ союза семейнаго. Сословными же правами пусть пользуются такіа дѣти не иначе, какъ съ высочайшаго соизволенія. Въ настоящее время, когда и законодательство, и общественное мнѣніе стремятся къ возможному уравниенію правъ всѣхъ членовъ общества, такое ограниченіе не было бы особенно чувствительно, и побочныя дѣти удовольствовались бы тѣмъ, что имѣютъ отца и мать, къ которымъ могутъ относиться какъ дѣти, а не какъ чужіе, подкидыши, приемыши, воспитанники и т. д., и которымъ могутъ, по крайней мѣрѣ, наследовать по закону. Вотъ что существеннымъ образомъ важно въ усыновленіи, и отъ недостатка чего у насъ происходятъ постоянно самыя прискорбныя явленія въ семейной жизни. Отецъ иногда и не желаетъ забрасывать своего незаконнаго сына или дочь въ воспитательный домъ, оставляетъ его у себя дома, признаетъ его своимъ при записи по метрическимъ книгамъ; но это великодушіе не имѣетъ ни малѣйшаго вліянія на улучшеніе быта несчастнаго ребенка: онъ записывается незаконнорожденнымъ такого-

то, но отъ этого не получаетъ никакихъ ни личныхъ, ни имущественныхъ правъ и, живя среди его семьи, является какимъ-то презрѣннымъ паріемъ. Хорошо, если заботливый отецъ обезпечить его будущее особой статьѣй въ завѣщаніи. Если же онъ этого не сдѣлаетъ, то даже самые дальніе родственники его выгоняютъ ребенка изъ родительскаго дома и наследуютъ все имущество его родителей. Поэтому у насъ и вошло въ обычай между людьми высшихъ классовъ—не объявлять при рожденіи незаконнаго ребенка не только имени отца, но даже имени матери, и эти дѣти называются дѣтьми, рожденными отъ неизвѣстныхъ. Добрые родители оставляютъ ихъ у себя и воспитываютъ подъ именемъ найденнышей, приемышей, воспитанниковъ и т. д., приписывая ихъ по существующему закону къ крестьянству или мѣщанству, а кто побогаче, то и къ купечеству. Какую это производитъ путаницу понятій и отношеній въ семьѣ, въ которой есть еще и другія дѣти—законнорожденныя! Родители желали бы, но не могутъ назвать незаконныхъ дѣтей своими дѣтьми, точно также какъ и эти дѣти желали бы, но не могутъ назвать родителями своихъ воспитателей, очень хорошо зная, что они ихъ родители. Дѣти одного родителя не могутъ назвать другъ друга братьями и сестрами, очень хорошо зная, что они дѣти одного отца или одной матери.

Изъ всѣхъ приведенныхъ нами мѣръ, на основаніи примѣра и опыта западныхъ народовъ, послѣднюю мѣру можно назвать самою дѣйствительною, конечно, не въ томъ смыслѣ, чтобы она могла уничтожить зло совсѣмъ—этого достигнуть нельзя; но никакая другая мѣра не можетъ въ такой степени уврачевать зло и ослабить его ужасныя послѣдствія для большого числа людей, совсѣмъ неповинныхъ въ этомъ злѣ и потому вполне достойныхъ состраданія. Повсюду предоставлено верховной власти высокое право миловать даже виновныхъ, но достойныхъ сожалѣнія. Если же бываетъ возможность миловать нарушителя закона, то тѣмъ болѣе можетъ быть оказана милость невинному плоду нарушенія закона и предоставлено ему счастье любить и уважать своихъ родителей, благословляя при этомъ благодѣтельный законъ, введшій его въ людскую семью.

А. И.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е октября, 1874.

Преобразование мѣстныхъ учреждений по крестьянскимъ дѣламъ.—Учрежденіе мировыхъ посредниковъ и ихъ дѣятельность.—Поземельныя дѣла и крестьянское управленіе.—Характеръ новаго устройства.—Издержки земства.—Проектъ закона о работѣ малолѣтнихъ на фабрикахъ.—Преобразование квартирной повинности.

Одною изъ труднѣйшихъ задачъ при освобожденіи крестьянъ было созданіе спеціальныхъ органовъ для руководства крестьянскимъ самоуправленіемъ. Задача эта была трудна уже потому, что въ ней заключалось, повидимому, неустранимое противорѣчіе: съ одной стороны, освобожденіе не соответствовало бы своей цѣли, еслибы освобождаемымъ не было предоставлено самимъ управлять своими дѣлами; съ другой стороны, было очевидно, что лишеныя до того времени правъ и неспособныя понять и сразу усвоить себѣ новыя права, крестьянскія общества не могли быть оставлены безъ помощи, содѣята, руководства и наблюденія. Ввести крестьянскія дѣла прямо въ общую гражданскую сферу было невозможно, а оставить руководство ими въ рукахъ прежнихъ владѣльцевъ—значило бы сдѣлать до нѣкоторой степени призрачнымъ самое освобожденіе. Очевидно, требовались для этого органы спеціальныя. Необходимость ихъ обуславливалась еще другою стороною освобожденія: измѣненіемъ поземельныхъ отношеній, надѣломъ. Для осуществленія этой стороны великаго дѣла совершенно необходимо было имѣть на мѣстахъ *посредниковъ* между крестьянами и прежними помѣщиками. Естественно было поручить тѣмъ же спеціальнымъ органамъ и руководство дѣломъ крестьянскаго самоуправления, хотя въ сущности двѣ эти функціи весьма различны. Первая изъ нихъ, то-есть посредничество при новомъ устройствѣ поземельнаго дѣла, естественно должна была принадлежать власти, отъ которой исходило освобожденіе съ надѣломъ. Власть эта должна была слѣдить прежде всего за тѣмъ, чтобы ве-

ликое дѣло, ею предпринятое, совершилось въ дѣйствительности и совершилось справедливо для обѣихъ сторонъ. Лучшимъ посредникомъ между ними могъ быть именно уполномоченный отъ государственной власти, то-есть отъ стороны совершенно безпристрастной въ дѣлѣ и заинтересованной только въ одномъ—въ его успѣхѣ. Совершенно иное значеніе должна была имѣть другая функція предполагаемыхъ посредниковъ—руководство въ первоначальной постановкѣ дѣла крестьянскаго самоуправленія и въ наблюденіи впослѣдствіи за правильнымъ ходомъ его среди массы, непривычной къ правамъ и неспособной сразу успѣшно ими воспользоваться. Понятіе о „руководствѣ“ въ дѣлѣ „самоуправленія“ заключаетъ въ себѣ очевидное противорѣчіе, одно изъ тѣхъ противорѣчій, какія нерѣдко встрѣчаются при прикосновеніи законодательства къ вопросамъ исторически-сложившагося народнаго быта. Отказаться отъ рѣшенія такихъ противорѣчій нельзя. Надъ всѣмъ преобладала необходимость освобожденія; противъ необходимости самаго освобожденія не могла являться противорѣчіемъ неразвитость массы, непривычка ея къ пользованію правами. Допускать, что эти историческія условія могли противорѣчить самой мысли освобожденія — значило бы въ свою очередь противорѣчить логикѣ, вступать въ такъ-называемый *cercele vicious*: при рабствѣ не могли возникнуть развитость массы и привычка къ пользованію правами. И такъ какъ необходимость освобожденія была безспорна, преобладала надъ всѣмъ остальнымъ, то всѣ препятствія на пути къ ея осуществленію должны были быть устранены во что бы то ни стало, а такія противорѣчія, какъ то, о которомъ мы ведемъ рѣчь, должны были быть разрѣшены такъ или иначе, хотя бы устранить ихъ вполне и не было возможности. Приходилось поневолѣ допустить „руководство“ въ „самоуправленіи“, и поручить это руководство какимъ-либо посредникамъ. Но для управленія этой функціи уже не годился не только прежній владѣлецъ, но и правительственный чиновникъ, которому была бы поручена первая функція, т.-е. посредничество при поземельныхъ соглашеніяхъ. Прежній владѣлецъ могъ довести свое руководство, особенно на первыхъ порахъ, до обращенія не только крестьянскаго самоуправленія, но и освобожденія—въ призракъ; чиновникъ же, особенно чиновникъ, вполне зависимый отъ губернской администраціи, не внушалъ бы довѣрія и могъ обратить самоуправленіе въ нѣчто похожее на то, какое существовало прежде у государственныхъ крестьянъ; онъ могъ явиться чѣмъ-нибудь въ родѣ новаго помѣщика, полнаго властелина крестьянскихъ обществъ и распорядителя ихъ дѣлами. Наиболѣе удовлетворительнымъ было бы здѣсь, очевидно, такое устройство, при которомъ руководитель избирался бы изъ образованныхъ людей,

но избирался бы на опредѣленный срокъ и притомъ самими же крестьянами. Тогда крестьянскія учрежденія, хотя и оставались бы внѣ круга общихъ учреждений въ государствѣ, представляя особыя, сословныя учрежденія, но за то въ нихъ былъ бы по возможности цѣльно выдержанъ этотъ характеръ сословныхъ, крестьянскихъ учреждений.

Къ сожалѣнію, не таково было устройство, введенное Положеніемъ 19-го февраля 1861 г. о губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіяхъ. Въ лицѣ мировыхъ посредниковъ, оно создало,— правда, на три года только, но учрежденіе это осталось потомъ неизмѣннымъ по сущности до настоящаго времени,— для отправления обѣихъ указанныхъ выше функций нѣчто среднее между чиновникомъ, членомъ мѣстной интеллигенціи, т.-е. дворянства, и представителемъ крестьянскихъ интересовъ. Если бы посредникъ избирался изъ мѣстныхъ дворянъ крестьянами на срокъ, то въ немъ удачно были бы соединены условія образованности, авторитета, довѣрія крестьянъ и контроля самаго самоуправления надъ руководителемъ. Но въ томъ видѣ, какъ они были учреждены, мировые посредники прошли два періода. Въ первомъ, когда институтомъ этимъ дорожила высшая администрація; когда округъ единичнаго посредника былъ не слишкомъ обширенъ, они дѣйствовали весьма успѣшно и заслужили благодарность страны за постановку дѣла освобожденія; но при этомъ слышались такія жалобы на нихъ, которыя показывали, что интересы обѣихъ сторонъ не вполне удачно были соединены въ лицѣ посредниковъ, именно жалобы, что одни посредники держали сторону крестьянъ, другіе—сторону помѣщиковъ. Во второмъ періодѣ дѣятельности мировыхъ посредниковъ, когда съ теченіемъ времени ослабѣло исключительное уваженіе къ этому институту со стороны самой администраціи, какъ къ учрежденію, на которомъ отражалось величіе только-что совершившагося акта освобожденія, когда сокращеніе самаго числа мировыхъ посредниковъ было первымъ признакомъ такой перемены, а вмѣстѣ съ тѣмъ, увеличило примѣрно на цѣлую треть пространство, ввѣренное вѣдѣнію каждаго изъ нихъ, а стало быть и самое число дѣлъ; когда прежде предположенная срочность ихъ служенія и виды на будущее избраніе уступили мѣсто несмѣняемой службѣ, а въ послѣднія лѣтъ шесть видамъ на окончательное и поголовное увольненіе,—тогда въ мировыхъ посредникахъ ослабѣла охота заниматься дѣломъ, и жалобы, какія слышались на нихъ, говорили уже не о пристрастіи къ той или другой сторонѣ, а просто о полномъ бездѣйствіи. Эти жалобы были и официально заявлены правительству, во-первыхъ со стороны губернской администраціи, и во вторыхъ — со стороны земства, на содержаніи

котораго находились бездѣйствующіе органы. Послѣдствіемъ такихъ жалобъ и желанія облегчить бремя земства по содержанію мировыхъ по крестьянскимъ дѣламъ учреждений и явилось полное преобразование этихъ учреждений, представляемое „Положеніемъ объ измѣненіяхъ въ устройствѣ мѣстныхъ учреждений по крестьянскимъ дѣламъ“, высочайше утвержденномъ 27-го минувшаго іюня. Чтобы судить о значеніи, какое можетъ имѣть эта реформа, необходимо прослѣдить движеніе законодательной мысли по отношенію къ посредническимъ или мировымъ крестьянскимъ учреждениямъ съ самаго начала.

Замѣчательно, что наиболѣе правильная для нихъ постановка была найдена именно при самомъ началѣ; когда дѣло было въ области теоріи, тогда найти рациональныя условія было легче, чѣмъ впоследствии, когда практика расширила кругозоръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ внесла въ сознаніе законодателей матеріалъ весьма сложный. Чѣмъ сложнѣе соображеніе по какому-либо дѣлу, тѣмъ вѣроятнѣе становится, что въ разныхъ своихъ фазисахъ оно будетъ рѣшаемо на основаніи временныхъ, случайныхъ и не первостепенныхъ соображеній. Наиболѣе правильная основа для мировыхъ крестьянскихъ учреждений была начертана въ главномъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу и выразилась въ началахъ, высочайше утвержденныхъ 29 января и 25 марта 1859 года. Въ этой программѣ совершенно вѣрно опредѣлялось, что въ установленіяхъ этихъ должны были слиться оба сословные элемента: помѣщичій и крестьянскій, и предположена была, на этомъ основаніи, слѣдующая организація: мировые посредники должны были избираться *крестьянами* и притомъ каждые три года изъ мѣстныхъ дворянъ-помѣщиковъ, соединяющихъ въ себѣ извѣстныя условія личныя и земельного ценза; вторую инстанцію крестьянскихъ учреждений должно было составлять постоянное присутствіе, подъ предсѣдательствомъ одного изъ мировыхъ посредниковъ, изъ двухъ засѣдателей, избираемыхъ также на три года, одного отъ помѣщиковъ, другого отъ крестьянъ. Такое образованіе мировыхъ крестьянскихъ установленій, еслибы оно осуществилось, было бы, по всей вѣроятности, наиболѣе счастливымъ разрѣшеніемъ тогдѣшнѣ противорѣчія, которое присуще понятію о руководствѣ самоуправленіемъ, и могло устранить многія изъ тѣхъ неудобствъ, какія обнаружались впоследствии въ дѣятельности мировыхъ посредниковъ при иной организаціи. Лицо, которому ввѣрилось бы руководство и наблюденіе, избиралось бы самими же крестьянами, такъ что принципъ крестьянскаго самоуправленія былъ бы сохраненъ по возможности цѣльно, а между тѣмъ избираемыя лица были бы обставлены такими условіями, которыя достаточно ручались бы за вниманіе ихъ

и въ интересамъ другой заинтересованной стороны. Периодичность избранія оживляла бы институтъ такихъ мировыхъ посредниковъ и устраняла бы возможность пребыванія ихъ въ бездѣйствіи. Теперь, конечно, излишне распространяться о преимуществахъ того, что могло быть сдѣлано, но сдѣлано не было. Но дѣло въ томъ, что еслибы учрежденія эти получили съ самаго начала раціональную постановку, то они могли бы остаться еще на неопредѣленное время; они вошли бы въ потребность народа, и не было бы повода передѣлывать ихъ нынѣ, такъ какъ одна изъ сферъ ихъ дѣятельности, именно наблюденіе надъ общественнымъ управленіемъ крестьянъ, и доселѣ оказывается необходимою. Сверхъ того, и при обсужденіи того новаго устройства, какое дается мѣстнымъ учрежденіямъ по крестьянскимъ дѣламъ положеніемъ 27 іюня нынѣшняго года, слѣдуетъ указать, какое именно устройство ихъ представлялось наиболѣе раціональнымъ съ самаго начала. Комmissія, выработавшая нынѣшнее положеніе, дѣйствительно, и обратилась къ первоначальной мысли, но, какъ увидимъ ниже, вновь совершенно уклонилась отъ нея.

Почему же указанное выше предположенное первоначально и доселѣ представляющееся намъ наиболѣе удачнымъ устройство не осуществилось? На это едва ли не приходится дать въ отвѣтъ общее замѣчаніе, что у насъ въ выработкѣ проектовъ законоположеній нерѣдко, можетъ быть, хотятъ согласить столько требованій и удовлетворить столько вліяній, что въ результатѣ выходитъ мѣра слишкомъ слабая для успѣшнаго служенія той цѣли, которой она посвящается. Приведенное первое предположеніе главнаго комитета было сперва существенно измѣнено въ редакціонныхъ комиссіяхъ по особымъ соображеніямъ, а потомъ окончательно передѣлано въ самомъ главномъ комитетѣ по другимъ соображеніямъ, такъ что оно совершенно утратило свой характеръ и вышло плодомъ уже не первостепеннаго, прямо ведущаго къ цѣли соображенія, но побочныхъ и не вытекавшихъ изъ сущности дѣла сомнѣній. Сперва въ редакціонныхъ комиссіяхъ, для образованія второй инстанціи учреждений по крестьянскимъ дѣламъ, предположено было, вмѣсто постоянныхъ присутствій въ уѣздныхъ городахъ, установить временные съѣзды мировыхъ посредниковъ каждаго уѣзда, съ назначеніемъ въ составъ каждаго мирового съѣзда особаго члена отъ правительства. Побужденія къ такому существенному измѣненію перваго проекта со стороны редакціонныхъ комиссій ясны: съ одной стороны, имъ казалось желательнымъ уменьшить расходъ, имѣвшій пасть на земство, съ другой стороны, казалось излишнимъ допускать еще и во вторую инстанцію выборнаго засѣдателя отъ крестьянъ; казалось выгоднымъ лучше уже пожертвовать и засѣдателемъ изъ дворянъ въ пользу члена отъ

правительства, которымъ, разумѣется, должно было явиться лицо изъ того же класса.

Такимъ образомъ, въ проектѣ, составленномъ редакціонными комиссіями, вторая инстанція мировыхъ крестьянскихъ установлений представлялась не постояннымъ присутствіемъ изъ выборныхъ двухъ сословій, а временнымъ съѣздомъ мировыхъ посредниковъ, съ членомъ отъ правительства, и это предположеніе было затѣмъ одобрено главнымъ комитетомъ и вошло въ законъ; но первую инстанцію въ проектѣ редакціонныхъ комиссій оставались мировые посредники, избираемые изъ дворянъ, подходящихъ къ цензу, крестьянами на три года, какъ было предположено первоначальнымъ проектомъ главнаго комитета. Но при разсмотрѣніи затѣмъ проекта редакціонныхъ комиссій въ главномъ комитетѣ, не былъ принятъ и порядокъ назначенія мировыхъ посредниковъ, такъ что отъ первоначальнаго предположенія и не осталось рѣшительно ничего, кромѣ самаго названія мировыхъ посредниковъ. Поводомъ къ этой послѣдней перемѣнѣ послужило соображеніе, что „лица эти должны быть главными органами введенія крестьянскихъ положеній въ дѣйствіе“, и что участіе ихъ въ предстоящихъ преобразованіяхъ необходимо со дня обнародованія Положеній, и во всякомъ случаѣ въ такое время, когда крестьянскія общества еще не могутъ быть образованы. Хотя собственно образованіе крестьянскихъ обществъ было дѣломъ весьма простымъ, которое могло обойтись и безъ участія посредниковъ,—главное же заключалось въ томъ, чтобы руководство дѣйствіями этихъ обществъ было вручено лицамъ, избраннымъ ими самими, но приведенное соображеніе одержало верхъ сперва только въ видѣ уступки временной необходимости, а потомъ созданное разъ устройство такъ и осталось. Главный комитетъ призналъ необходимымъ назначеніе мировыхъ посредниковъ, на первые три года по изданіи положеній, предоставить губернаторамъ, съ тѣмъ, чтобы они избирали посредниковъ изъ составленныхъ уѣзднымъ дворянскимъ собраніемъ списковъ, по совѣщанію съ губернскими и уѣздными предводителями дворянства, и представляли объ утвержденіи ихъ сенату; а чтобы придать посредникамъ самостоятельность, комитетъ положилъ также удаленіе ихъ отъ должности и преданіе суду поставить внѣ власти губернаторовъ, примѣняясь къ порядку, установленному для уѣздныхъ предводителей дворянства, то-есть не иначе, какъ съ разрѣшенія сената. Создавая такой порядокъ назначенія мировыхъ посредниковъ, комитетъ придавалъ ему только временное значеніе, имѣя въ виду, что порядокъ постоянного ихъ назначенія, посредствомъ выбора ихъ крестьянами, уже былъ опредѣленъ въ общихъ чертахъ началами, высочайше утвержденными 25-го марта 1859 г.

Однако же комитетъ не внесъ этихъ началъ въ свой окончательный проектъ, но ограничился въ немъ указаніемъ, что „порядокъ избранія мировыхъ посредниковъ будетъ опредѣленъ впоследствии особыми правилами, ибо только въ продолженіи первыхъ трехъ лѣтъ можно будетъ, по указаніямъ опыта, дать надлежащее развитіе и примѣнить успѣшно къ различнымъ мѣстностямъ высочайше утвержденныя основныя начала объ избраніи мировыхъ посредниковъ въ порядкѣ, въ коемъ сливаются оба элемента: помѣщичій и крестьянскій“.

Въ этомъ видѣ проектъ положенія объ учрежденіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ и былъ утвержденъ. Предметы вѣдомства этихъ учреждений, на основаніи положенія, раздѣлялись на двѣ главныя отрасли: въ одной относились поземельныя отношенія между помѣщиками и крестьянами, а именно—составленіе уставныхъ грамотъ, опредѣленіе надѣла и повинностей крестьянъ, отвода угодій, переноса усадебъ, обмѣна земель, однимъ словомъ—установленіе поземельныхъ отношеній, затѣмъ разборъ всѣхъ исковъ и жалобъ, возникающихъ изъ этихъ же отношеній и, наконецъ, дѣла по выкупу надѣла и вообще по прекращенію обязательныхъ отношеній между бывшими помѣщиками и крестьянами; въ другой отрасли принадлежали дѣла по общественному управленію крестьянъ, а именно: по первоначальному образованію и открытію сельскихъ обществъ и волостей, измѣненіямъ въ ихъ составѣ, по избранію и утвержденію волостныхъ старшинъ, и затѣмъ по постоянному надзору за дѣйствіями крестьянскаго управленія. Мировымъ посредникамъ предоставлено было вѣдать всѣ эти дѣла или путемъ жалобъ на дѣйствія крестьянскаго управленія отъ самыхъ обществъ, отдѣльныхъ крестьянъ и помѣщиковъ, или путемъ непосредственнаго усмотрѣнія мировыми посредниками нарушенія крестьянскими властями ихъ обязанностей. Соотвѣтственно тому, посредникамъ было предоставлено право налагать опредѣленныя взысканія на должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія, удалять ихъ отъ должности и предавать суду. Сверхъ того, вѣдѣнію мировыхъ посредниковъ было предоставлено еще одно дѣло, не имѣвшее отношенія къ крестьянской реформѣ, но дававшее имъ атрибуцію мировыхъ судей, а именно—судебно-полицейское разбирательство споровъ между людьми всѣхъ сословій по найму рабочихъ, найму земель, по потравамъ и порубкамъ въ частныхъ угодьяхъ и лѣсахъ. Такъ какъ въ этихъ спорахъ, между прочимъ, должны были выразиться новыя отношенія между крестьянами и бывшими помѣщиками, то предоставленіе разбирательства подобныхъ дѣлъ мировымъ посредникамъ было вполне рационально.

Естественно, что въ первые годы въ дѣятельности учреждений по крестьянскимъ дѣламъ рѣшительно преобладала первая изъ указанныхъ выше двухъ отраслей, а именно устройство новыхъ поземельныхъ отношеній. Къ истеченію перваго трехлѣтія слѣдовало бы возвратиться къ предположенію объ избраніи посредниковъ крестьянами, но этого сдѣлано не было, какъ потому, что поземельное устройство далеко еще не было окончено, такъ и потому, что въ то время возникла мысль о сліяніи мировыхъ крестьянскихъ учреждений съ мировыми судебными учрежденіями, которыя уже были предположены. Признано было неудобнымъ измѣнить порядокъ назначенія мировыхъ посредниковъ, установленный на первое трехлѣтіе, и потому съ наступленіемъ срока, 19-го февраля 1864 года, тогдашніе посредники были оставлены въ должностяхъ сперва еще на годъ, а потомъ мѣра эта была продолжаема особыми каждый разъ постановленіями и въ слѣдующіе годы, до 1867 г. включительно. Между тѣмъ, предположеніе о сліяніи мировыхъ посредниковъ съ мировыми судьями было отклонено государственнымъ совѣтомъ и, на основаніи мнѣнія его, высочайше утвержденного 25-го октября 1865 года, къ мировымъ судьямъ отошла только судебно-полицейская атрибуція мировыхъ посредниковъ.

Дѣятельность мировыхъ посредниковъ съ теченіемъ времени и подъ вліяніемъ различныхъ причинъ, на которыя мы указывали выше, стала ослабѣвать. „Лучшіе изъ первоначальныхъ дѣятелей“, говоритъ записка комиссіи, выработавшей нынѣшнее положеніе, „вышли, по тѣмъ или другимъ причинамъ, изъ посредниковъ и замѣнены болѣею частью лицами, сравнительно гораздо слабѣйшими. Вслѣдствіе этого, изъ всѣхъ имѣвшихся свѣдѣній начала обнаруживаться неудовлетворительность дѣятельности большинства мировыхъ посредниковъ“.

Въ отчетахъ губернаторовъ за 1868 годъ, изъ 28-ми начальниковъ губерній, упоминавшихъ о дѣятельности посредниковъ, 25 заявляли, что „это, почтенное по своему прошлому, учрежденіе отжило свое время“, что лучшіе люди изъ него вышли въ земскія и судебныя учрежденія, и что большинство оставшихся отличалось равнодушіемъ къ своимъ обязанностямъ и бездѣйствіемъ. „Многіе изъ нихъ“—таковы были отзывы—, въ теченіи цѣлаго года не были ни разу въ нѣкоторыхъ волостяхъ своего участка, а другіе ни одного раза не посѣтили волостныхъ правленій государственныхъ крестьянъ съ самаго времени передачи сихъ послѣднихъ въ ихъ вѣдѣніе. Въмѣсто объѣзда и личныхъ распоряженій на мѣстахъ, посредники безвыѣздно живутъ въ своихъ помѣстьяхъ, ограничиваясь или пе-

репнскою съ волостными и сельскими начальниками, или вызовомъ ихъ къ себѣ“.

Итакъ, въ 1868 году, по удостовѣренію администраціи характеръ института мировыхъ посредниковъ уже измѣнился самымъ неудовлетворительнымъ образомъ. Такъ какъ перемѣна не могла произойти вдругъ, то, стало быть, слѣдуетъ признать, что учрежденіе это не сохранило удовлетворительныхъ свойствъ и въ теченіи второго трехлѣтія. Слишкомъ ясно, что въ самой организаціи его должна была лежать ошибка, и ошибка по всей вѣроятности заключалась именно въ уклоненіи отъ первоначальной мысли объ избраніи посредниковъ на опредѣленный срокъ крестьянами. Учрежденіе это, не имѣя для себя стимула въ обновленіи переизбраніемъ, находясь внѣ контроля крестьянскаго избирательства, оставалось между тѣмъ независимымъ и отъ администраціи. Если администрація еще въ лучшую пору дѣятельности посредниковъ, но когда уже утратилась новизна даннаго имъ державной властью великаго порученія, могла иногда тяготиться самостоятельностью этихъ органовъ, которые не были прямо подчинены ей, — то въ то время, когда большинство посредниковъ предалось бездѣйствію, администрація не могла не указывать на безсиліе свое понуждать посредниковъ къ болѣе усердному исполненію обязанностей, или замѣнять ихъ другими, такъ какъ устраненіе посредниковъ могло состояться только съ разрѣшенія сената и притомъ съ преданіемъ суду, которое могло послѣдовать только за преступленіе.

Но жалобы на мировыхъ посредниковъ исходили не отъ одной администраціи. Земство находило содержаніе ихъ обременительнымъ для себя и ходатайствовало объ упраздненіи этихъ должностей, — стало быть, признавало ихъ уже бесполезными. И дѣйствительно, то дѣло, которому наиболѣе соотвѣтствовало данное институту мировыхъ посредниковъ учрежденіе, а именно, устройство новыхъ земельныхъ отношеній между крестьянами и бывшими помѣщиками, окончено; временное порученіе, возложенное на посредниковъ, исполнено ими и исполнено съ замѣчательнымъ успѣхомъ, несмотря на трудность этого дѣла при его началѣ. Безъ споровъ и жалобъ, какъ при всякомъ распредѣленіи имущества, обойтись не могло; но бывшія и оставшіяся еще въ производствѣ жалобы имѣютъ характеръ частныхъ несогласій съ отдѣльнымъ дѣйствіемъ. Общихъ жалобъ на дѣйствія посредниковъ при опредѣленіи и разверстаніи надѣловъ не было ни отъ прямо заинтересованныхъ сторонъ, ни отъ администраціи.

Иной характеръ имѣла другая главная обязанность мировыхъ посредниковъ по надзору за общественнымъ управленіемъ крестьянъ. Хотя это порученіе и могло быть разсматриваемо такъ же, какъ вре-

менное, но потребность его еще и въ настоящее время не подлежит сомнѣнiю. Между тѣмъ посредники, при тѣхъ условiяхъ, какими они были обставлены, были менѣе способны исполнять съ успѣхомъ это порученiе. И вотъ на нихъ въ этомъ-то отношенiи и представлялись общiя жалобы. До тѣхъ поръ, пока волостное самоуправленiе останется сословнымъ, крестьянскимъ, едва ли возможно будетъ обойтись безъ посредническихъ учреждений, которыя служили бы звеномъ, связывающимъ эту громадную совокупность сословно-крестьянскихъ единицъ, это крестьянское *status in statu*, съ остальными государственными учреждениями. Правда, такимъ посредничающимъ звеномъ могло бы служить земство; но, включивъ въ себя власть съ ея полицейской и судной властью, само земство тотчасъ измѣнило бы свой характеръ. Это могло бы быть сдѣлано только полнымъ преобразованиемъ мѣстнаго управленiя, введенiемъ въ Россiю такого уѣзднаго управленiя, въ которомъ слились бы низшая коронная административная власть, земство и крестьянское самоуправленiе. До тѣхъ же поръ, пока власть остается сословно-крестьянскою, а земство остается отъ нея въ сторонѣ, какъ бы безъ почвы подъ собою, особыя посредническiя учреждения, подъ тѣмъ или другимъ наименованiемъ, остаются необходимы. Но мировые посредники, въ томъ видѣ, какъ они дѣйствовали доселѣ, оказались неспособны успѣшно исполнить эту функцiю. Что общiй ходъ крестьянскаго самоуправления у насъ доселѣ далеко неудовлетворителенъ, въ этомъ лучше всего можно убѣдиться изъ разговоровъ съ самими крестьянами. А если крестьянское управленiе неудовлетворительно, то слѣдуетъ признать, что посредникамъ—по какимъ бы то причинамъ ни было—не удалось исполнить успѣшно того порученiя, которое относилось къ правильной постановкѣ самоуправления крестьянами. „О степени исполненiя этой задачи“, сказано въ запискѣ нынѣшней комиссiи, „можно судить лишь по общимъ отзывамъ и даннымъ о томъ, въ какой мѣрѣ крестьянское управленiе дѣйствуетъ нынѣ правильно. Данныя эти вообще не въ пользу крестьянскаго управленiя. Жалобы на произволъ и неправильныя дѣйствiя крестьянскихъ властей, особенно волостныхъ старшинъ и писарей, слышатся нерѣдко. Какъ на характеристическiй и наглядный фактъ, доказывающiй не вполне удовлетворительное положенiе этого управленiя, слѣдуетъ привести довольно частыя въ послѣднее время случаи растраты должностными крестьянскими лицами мирскихъ суммъ и собранныхъ съ крестьянъ на подати и повинности денегъ“ ... „Общiй, по отзывамъ лицъ, знакомыхъ съ дѣломъ“, говорится далѣе, „недостатокъ большинства нынѣшнихъ посредниковъ—бездѣйствiе, отражается преимущественно на дѣлахъ крестьянскаго управленiя, по коимъ обязанности ихъ имѣютъ болѣе нравственный, чѣмъ юридически-опредѣленный харак-

теръ". Итакъ, прежнее устройство учреждений по крестьянскимъ дѣламъ признано было несоотвѣтствующимъ потребности, какъ потому, что временное порученіе ихъ, по устройству новыхъ поземельныхъ отношеній, въ основаніи своемъ окончено, такъ и потому, что для успѣшнаго исполненія другого порученія—по крестьянскому управленію, учрежденія эти, при существовавшей организаціи, оказались неспособны.

Теперь, положеніемъ 27-го іюня въ устройствѣ мѣстныхъ учреждений по крестьянскимъ дѣламъ произведено полное преобразование. Представимъ очеркъ этихъ учреждений въ новомъ ихъ видѣ. Въ губерніяхъ, гдѣ введены земскія и мировыя судебныя по уставамъ 20-го ноября 1864 г. учрежденія, должности мировыхъ посредниковъ упраздняются, съѣзды ихъ замѣняются особымъ коллегіальнымъ учрежденіемъ, — уѣзднымъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ; обязанности мировыхъ посредниковъ и ихъ съѣздовъ распредѣляются между этимъ присутствіемъ, особыми „непремѣнными членами“ этихъ коллегій и исправникомъ; наконецъ, часть обязанностей прежнихъ мировыхъ посредниковъ переходитъ къ общимъ судебнымъ и нотаріальнымъ учрежденіямъ. Въ каждомъ уѣздѣ будетъ присутствіе по крестьянскимъ дѣламъ, состоящее изъ уѣзднаго предводителя дворянства (предсѣдателя), непремѣннаго члена, исправника, предсѣдателя уѣздной земской управы и одного изъ почетныхъ мировыхъ судей уѣзда, по приглашенію министра юстиціи. Непремѣнные члены уѣзднаго присутствія назначаются не болѣе какъ по одному на каждый уѣздъ и не менѣе одного на два уѣзда, — что будетъ зависѣть отъ усмотрѣнія губернскаго земскаго собранія, съ утвержденіемъ министра внутреннихъ дѣлъ. Уѣздное присутствіе дѣйствуетъ коллегіально, и членамъ его, за исключеніемъ непремѣннаго члена и исправника, не присваивается отдѣльной отъ присутствія власти; они могутъ наблюдать за дѣйствіями крестьянскихъ управленій и производить ихъ ревизію, но только для сообщенія о результатахъ присутствію и по его полномочію; они—только члены коллегіи. Но непремѣнный членъ и исправникъ имѣютъ сверхъ того, каждый, власть, отдѣльную отъ присутствія, котораго они состоятъ членами. Уѣздный непремѣнный членъ назначается министромъ внутреннихъ дѣлъ, по отзыву губернатора, изъ двухъ кандидатовъ, избранныхъ губернскимъ земскимъ собраніемъ по спискамъ всѣхъ дворянъ-землевладельцевъ уѣзда, удовлетворяющихъ условіямъ прежняго ценза; эти списки составляются самими уѣздными присутствіями, и на первый разъ—уѣздными предводителями при участіи уѣздныхъ дворянскихъ собраній; непремѣнные члены избираются и назначаются такимъ порядкомъ на три года. Непремѣнный членъ состоитъ на государствен-

ной службѣ и получаетъ изъ сумми губернскаго земскаго сбора 1500 р. содержанія и еще 500 р. на разъѣзды. Тутъ же можно упомянуть, что на канцелярскіе расходы уѣзднаго присутствія отпущается изъ того же источника по 500 р., и что всѣ эти расходы обязательны для земства.

Уѣздное присутствіе собирается на срочное время, по назначенію, сдѣланному имъ самимъ на годъ, и, сверхъ того, по назначенію предсѣдателя въ особыя засѣданія. Оно замѣняетъ собою прежній съѣздъ мировыхъ посредниковъ и вѣдаетъ дѣла, подлежавшія съѣзду, но, сверхъ того, вѣдѣнію присутствія подлежатъ обязанности прежнихъ мировыхъ посредниковъ по наблюденію за крестьянскимъ общественнымъ управленіемъ; оно утверждаетъ волостныхъ старшинъ, налагаетъ взысканія на должностныхъ лицъ, крестьянскаго управленія и передаетъ ихъ суду (за губернаторомъ остается и впредь право, принадлежавшее ему въ этомъ отношеніи доселѣ), удаляетъ отъ должности неблагонадежныхъ писарей, разсматриваетъ жалобы на неправильность крестьянскихъ выборовъ, а также жалобы помѣщиковъ, обществъ и всѣхъ частныхъ лицъ и вѣдомствъ, на должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія, и вообще исполняетъ всѣ обязанности, принадлежавшія прежде мировымъ посредникамъ, за исключеніемъ дѣлъ по поземельному устройству. Эти же послѣднія дѣла поручаются непременно члену и составляютъ спеціальную его обязанность, такъ что непремѣнный членъ вполне замѣняетъ прежняго мирового посредника въ такихъ дѣлахъ, какъ разверстываніе угодій, выкупные договоры и требованія помѣщиковъ объ обязательномъ выкупѣ, разрѣшеніе всѣхъ споровъ и жалобъ, относящихся до уставныхъ грамотъ или истекающихъ изъ обязательныхъ отношеній между помѣщиками и временно-обязанными крестьянами. Во всѣхъ этихъ дѣлахъ непремѣнный членъ дѣйствуетъ самостоятельно отъ присутствія и со всѣми правами прежняго посредника.

Другой самодѣйствующій членъ присутствія — уѣздный исправникъ. Сверхъ общихъ его полицейскихъ обязанностей, на него спеціально возлагается, положеніемъ 27-го іюня, попеченіе объ исправномъ поступленіи съ крестьянъ податей и выкупныхъ платежей и принятіи мѣръ для взысканія ихъ, а также взысканіе, по просьбамъ помѣщиковъ, оброчковъ и дополнительныхъ выкупныхъ платежей, если требованіе это крестьянами не оспаривается (въ противномъ случаѣ такое дѣло подлежитъ уѣздному присутствію), разрѣшеніе заключать въ тюрьму лицъ, удаляемыхъ изъ обществъ, въ случаѣ побѣга, и утвержденіе въ должности полевыхъ и лѣсныхъ сторожей. На продажу движимаго имущества крестьянъ за недоимки исправникъ обязанъ испрашивать разрѣшенія уѣзднаго присутствія. Исправнику будетъ также принадлежать право налагать на должностныхъ лицъ

крестьянскаго управленія взысканія, въ случаѣ неисполненія ими обязанностей по дѣламъ, подвѣдомственнымъ исправнику, и представлять губернатору о временномъ удаленіи ихъ отъ должностей; окончательное же удаленіе ихъ будетъ зависѣть отъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Дѣла, возникающія между помѣщиками и крестьянами уже послѣ прекращенія обязательныхъ между ними отношеній, предоставляются судебнымъ установленіямъ, а свидѣтельствованіе условій, по дѣламъ между помѣщиками и крестьянами, — нотаріусамъ и мировымъ судьямъ. Въ числѣ атрибуцій уѣзднаго присутствія, вновь установленныхъ нынѣшнимъ положеніемъ, необходимо упомянуть еще о составленіи ими инструкцій „для руководства волостнымъ и сельскимъ обществамъ и должностнымъ лицамъ относительно порядка исполненія возложенныхъ на нихъ закономъ обязанностей“. При этомъ оговорено, что инструкціи эти не должны противорѣчить тѣмъ постановленіямъ, которыя предоставляютъ опредѣленные предметы исключительному вѣдѣнію и усмотрѣнію самихъ крестьянскихъ обществъ.

Губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе по новому положенію будетъ состоять изъ слѣдующихъ членовъ: губернатора (предсѣдателя), вице-губернатора, губернскаго предводителя дворянства, управляющаго казенной палатой, управляющаго государственными имуществами, предсѣдателя губернской земской управы, прокурора окружного суда или его товарища (или губернскаго прокурора) и одного непремѣннаго члена. Уѣздные непремѣнные члены могутъ быть приглашаемы губернскимъ присутствіемъ въ его засѣданія по дѣламъ ихъ уѣздовъ, причемъ эти члены пользуются и въ губернскомъ присутствіи правомъ голоса. Губернскій непремѣнный членъ назначается тѣмъ же порядкомъ, какъ и уѣздные, но утверждается въ должности съ высочайшаго соизволенія; содержанія онъ получаетъ 2000 р. изъ земскихъ же сборовъ.

Наиболѣе выдающеюся чертой этого новаго устройства является раздѣленіе единоличной власти прежняго мирового посредника между непремѣннымъ членомъ, исправникомъ, уѣздною коллегіею и судебными установленіями. Поземельное дѣло отходитъ къ непремѣнному члену, который, являясь въ новомъ устройствѣ единственнымъ лицомъ, специально назначеннымъ для исполненія обязанностей по крестьянскимъ дѣламъ, и будетъ, вѣроятно, признаваться крестьянами за мирового посредника. Но власть его ограничена ликвидаціею поземельныхъ отношеній; совѣтника и наблюдателя въ дѣлѣ крестьянскаго управленія и отношеніяхъ къ разнымъ вѣдомствамъ крестьянскаго общества въ немъ не найдутъ. За то власть исправника, по отношенію къ крестьянскимъ дѣламъ, значительно усилена, но въ исправникѣ крестьяне будутъ видѣть прежде всего — сборщика по

дачей. Прочіе члены уѣзднаго присутствія не замѣнять для крестьянъ посредника, потому что лично не будутъ имѣть никакой власти; сверхъ того, всѣ они имѣютъ другія, ностороннія крестьянскому управленію обязанности.

Введеніе новаго положенія въ губерніяхъ, имѣющихъ земскія учрежденія, предоставлено было соглашенію министровъ внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, государственныхъ имуществъ и юстиціи. Такое соглашеніе уже послѣдовало: о немъ было объявлено въ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ, отъ 2-го минувшаго сентября; открытіе уѣздныхъ присутствій будетъ производиться постепенно по мѣрѣ избранія въ наступившей трети года кандидатовъ на должность непремѣнныхъ членовъ и затѣмъ назначенія ихъ; губернскія же присутствія получаютъ новый составъ теперь съ тѣмъ, что непремѣнные члены будутъ назначены въ нихъ своевременно. Что касается губерній западныхъ, не имѣющихъ земскихъ учреждений, то высочайше утвержденнымъ 27-го же іюня мѣсяцемъ государственнаго совѣта (при которомъ поднесено было къ утвержденію самое положеніе) предоставлено означеннымъ выше министрамъ, по соглашенію между собою и генераль-губернаторами западныхъ губерній, войти съ представленіемъ объ измѣненіи учреждений по крестьянскимъ дѣламъ и въ тѣхъ губерніяхъ, также съ цѣлью сокращенія земскихъ расходовъ.

Насколько новое устройство лучше прежняго, — можетъ обнаружиться только на дѣлѣ. При составленіи его имѣлись въ виду двѣ цѣли—замѣнить болѣе удовлетворительными органами мировыхъ посредниковъ, отличившихся бездѣйствіемъ, и уменьшить расходы земства по содержанію учреждений по крестьянскимъ дѣламъ. Оставимъ въ сторонѣ вопросъ о ликвидаціи поземельныхъ отношеній; нѣтъ повода сомнѣваться, что непремѣнные члены, на которыхъ возлагается эта обязанность, будучи свободны отъ другихъ заботъ, будутъ исполнять ее успѣшно. Но не эта сторона дѣла въ настоящее время представляетъ наиболѣе значенія и главный интересъ. Бездѣйствіе мировыхъ посредниковъ отражалось вредно, главнымъ образомъ, на ходѣ внутренняго крестьянскаго управленія. Въ какой мѣрѣ можно ожидать болѣе дѣятельности въ исполненіи той обязанности, которая по отзыву самой комиссіи имѣетъ болѣе нравственный, чѣмъ юридически-опредѣленный характеръ, — отъ коллегіи, состоящей изъ членовъ, которые имѣютъ каждый постороннія занятія и не будутъ нести каждый отдѣльно отвѣтственности,—рѣшить трудно. Возлагая эту обязанность на коллегію, имѣлось въ виду, какъ сократить расходы земства, такъ и устранить возможность повторенія въ новомъ единоличномъ учрежденіи того недостатка, въ которомъ отличились мировые посредники. Въ „соображеніяхъ“ замѣчено, что при учреж-

деніи вновь единоличныхъ органовъ, не было бы достаточнаго ручательства, что измѣненіе въ существующемъ устройствѣ крестьянскихъ учреждений будетъ дѣйствительнымъ улучшеніемъ: такое должностное лицо (по мнѣнію комиссіи), смотря по условіямъ избранія и степени подчиненія онаго, обнаружило бы на практикѣ или ту неудовлетворительность дѣятельности, въ которой упрекаютъ нынѣшнихъ мировыхъ посредниковъ, или, наоборотъ, недостатки должности бывшихъ окружныхъ начальниковъ вѣдомства государственныхъ имуществъ. Съ другой стороны, едвали при этомъ представилась бы возможность къ какому-либо сокращенію расходовъ на крестьянскія учрежденія: при возложеніи на означенныхъ должностныхъ лицъ и поземельныхъ дѣлъ не было бы повода къ назначенію ихъ въ числѣ, меньшемъ противъ числа мировыхъ посредниковъ, а безъ этого оказалось бы даже увеличеніе расходовъ. Съ первымъ соображеніемъ едвали можно согласиться: неужели же всякая единоличная власть непременно обнаруживаетъ или бездѣйствіе или произволъ? Бездѣйствіе мировыхъ посредниковъ зависѣло вовсе не отъ единоличнаго характера ихъ власти; она была единоличною и въ то время, когда посредники отличались усердіемъ, въ первые годы ихъ дѣятельности. Противъ вѣрности втораго соображенія нельзя возразить ничего; но слѣдуетъ замѣтить, что трудно требовать въ одно и то же время большей дѣятельности и сокращенія расходовъ, ее оплачивающихъ. Изъ такой постановки вопроса не могло выйти ничего, кромѣ палліативнаго средства. Новое устройство сократить расходы земства, но если органы, имъ создаваемые, выкажутъ больше дѣятельности, чѣмъ мировые посредники, то совсѣмъ не потому, что органамъ этимъ приданъ не единоличный, а коллегіальный характеръ, а развѣ только потому, что совокупность возложеннаго прежде на мировыхъ посредниковъ труда теперь раздѣлена между разными учрежденіями. Поземельныя дѣла отходятъ къ непремѣнному члену, и уѣздное присутствіе будетъ имѣть спеціальной обязанностью—наблюденіе за ходомъ крестьянскаго управленія. За то коллегіальный характеръ этого учрежденія скорѣе можетъ ослабить, чѣмъ усилить его дѣятельность. Если дѣятельность мировыхъ посредниковъ постепенно слабѣвала, то причиною тому было не одно обремененіе ихъ совокупностью обязанностей, которыя трудно было исполнять съ одинаковымъ усердіемъ, но еще въ большей степени—отсутствіе обновленія состава этого института, отсутствіе контроля надъ нимъ, посредствомъ избранія, со стороны того крестьянства, которое наиболѣе было заинтересовано въ удовлетворительномъ исполненіи посредниками его обязанностей. Еслибы отказались отъ осуществленія въ одно время и большаго труда и меньшей его стоимости, еслибы расходы земства по этому предмету оставлены

были въ прежнемъ видѣ, а также и сфера обязанностей мировыхъ посредниковъ оставлена была прежняя, но осуществлена была первоначальная мысль и способы ихъ назначенія, а именно, введено бы было избраніе посредниковъ крестьянами на три года,—то очень вѣроятно, что обновленный институтъ мировыхъ посредниковъ выказалъ бы больше практической дѣятельности, чѣмъ по самой своей природѣ способно выказать коллегіальное учрежденіе. Коллегія хороша для обсужденія, рѣшенія вопросовъ на бумагѣ, для представительства интересовъ общества, но не для практическихъ распоряженій.

Коммиссія не упустила изъ виду началъ, высочайше утвержденныхъ въ 1859 г., по которымъ выборъ мировыхъ посредниковъ долженъ былъ производиться изъ мѣстныхъ дворянъ-помѣщиковъ крестьянами. Но она примѣнила эти начала не къ образованію надзора за крестьянскимъ управленіемъ, а къ назначенію лица, которому поручается ликвидація поземельныхъ отношеній, къ избранію непременно члена. И тутъ отъ упомянутыхъ началъ сдѣлано важное отступленіе, а именно—избраніе поручено земству и администраціи: губернское земское собраніе избираетъ двухъ кандидатовъ, изъ которыхъ одинъ и назначается въ должность министромъ, по представленію губернатора. Насколько эта мысль далека отъ первоначальной, нечего и говорить. Отступленіе это мотивировано тѣмъ, что „въ настоящее время уже существуютъ учрежденія, въ коихъ сливаются оба элемента—и землевладѣльческій и крестьянскій—земскія учрежденія“. Но въ томъ-то и дѣло, что земство существуетъ, какъ учрежденіе, неимѣющее связи съ крестьянскимъ управленіемъ; еслибы крестьянское управленіе было подчинено земству, еслибы волость сливалась съ земскимъ уѣздомъ, въ такомъ случаѣ не было бы никакой надобности въ особыхъ „учрежденіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ“. Они нужны теперь только потому, что служатъ связью крестьянскихъ управленій, крестьянскаго міра съ прочими учрежденіями въ государствѣ. При такомъ ихъ значеніи едвали можно отдать преимущество способу избранія земско-административному такихъ должностныхъ лицъ, которыя призваны быть посредниками въ поземельныхъ дѣлахъ, между землевладѣльцами и крестьянами, и, стало быть, всего естественнѣе могли бы избираться крестьянами изъ землевладѣльцевъ. Но главное во всякомъ случаѣ то, что образованіе того учрежденія, которому поручается надзоръ за крестьянскимъ управленіемъ, не будетъ имѣть ничего общаго съ началами 1859 г.

Въ ихъ нынѣшнемъ видѣ мѣстныя учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ получаютъ характеръ временныхъ. Въ нашихъ губерніяхъ и уѣздахъ въ настоящее время существуетъ нѣсколько параллельныхъ одно другому, одно отъ другого самостоятельныхъ и разнообразныхъ по принципу, учрежденій, служащихъ однако вмѣстѣ органами мѣстнаго

управленія: 1) административныя—губернія, уѣзды и станъ; 2) земскіе—губернія и уѣзды; 3) дворянскіе—губернія и уѣзды; 4) административно-земскіе—губернія и уѣзды для крестьянскихъ дѣлъ, съ сословно-крестьянской волостью. Не говоримъ уже объ отдѣльныхъ учрежденіяхъ для городовъ, учрежденіяхъ, которыя только соприкасаются съ земствомъ, но имѣютъ въ высшей инстанціи также административно-земское присутствіе. Такая сложная система параллельныхъ учреждений, призванныхъ въ сущности къ одному и тому же дѣлу, очевидно, могла бы съ пользою уступить мѣсто со временемъ простому всесословному земскому управленію, которое въ низшихъ своихъ степеняхъ, какъ-то: въ уѣздѣ и волости, могло бы соединять въ себѣ и государственную власть, то-есть коронную администрацію. Такова основная мысль недавно введеннаго въ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи окружного положенія. Только подобное устройство, когда оно окажется возможнымъ, дало бы земству дѣйствительную жизнь и силу, устранивъ вмѣстѣ съ тѣмъ отчужденность крестьянскаго міра отъ прочихъ учреждений, а затѣмъ — и необходимость связывать его съ ними посредствомъ какихъ-либо особыхъ органовъ.

Что касается второй пѣли, которая имѣлась въ виду при составленіи положенія 27-го іюня, а именно — сокращенія расходовъ земства, то она достигается. Нынѣ издержки земства на этотъ предметъ (въ 31 губерніи, къ которымъ примѣняется положеніе) составляли болѣе 1¼ милл. рублей; при новомъ устройствѣ онѣ могутъ сократиться на половину, даже болѣе. Положеніе это не распространяется, какъ на западныя губерніи, такъ и на пермскую и бессарабскую, и на тѣ уѣзды вологодской губерніи, въ которыхъ еще не введены мировыя судебныя установленія—впредь до ихъ введенія.

Если наше законодательство не сочло возможнымъ оставить безъ защиты, руководства и надзора крестьянскія общины, при дарованіи имъ самостоятельнаго существованія, то тѣмъ менѣе оно можетъ отказать въ своей защитѣ и въ надзорѣ, посредствомъ особыхъ органовъ, лицамъ, по самой природѣ не вооруженнымъ для борьбы съ произволомъ и имѣющимъ еще менѣе гражданскихъ правъ, чѣмъ сколько ихъ имѣли крѣпостные: мы говоримъ о дѣтяхъ, работающихъ на фабрикахъ, заводахъ и во всѣхъ ремесленныхъ заведеніяхъ. Вопросъ этотъ былъ современенъ всегда, даже и до значительнаго развитія у насъ фабрикаціи, потому что судьба малолѣтнихъ рабочихъ, или такъ-называемыхъ учениковъ въ заведеніяхъ ремесленныхъ, едва ли не хуже еще, чѣмъ судьба малолѣтнихъ фабричныхъ. Малолѣтніе на фабрикахъ—ночуютъ они по большей части дома,—днемъ, во время работы, состоятъ подъ надзоромъ людей, не заинтересованныхъ лично въ ежеминутномъ ихъ понужденіи. Но если эксплуатация труда мало-

лѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ, во вредъ ихъ здоровью, со стороны ремесленниковъ - мастеровъ могла хоть въ нѣкоторыхъ случаяхъ объясняться невѣжествомъ и въ особенности бѣдностью иныхъ мастеровъ, которые и сами-то работали не меньше и жили немногимъ лучше своихъ двухъ-трехъ работниковъ,—то такому извиненію совершенно нѣтъ мѣста, когда подобное явленіе встрѣчается въ промышленности заводской и фабричной, въ которой хозаева удалены отъ рабочихъ всѣмъ разстояніемъ, какое создаетъ капиталъ. Здѣсь эксплуатациія труда малолѣтнихъ, во вредъ ихъ физическому и нравственному развитію, когда она встрѣчается, исходить уже изъ систематическаго расчета, который законодательство обязано, посредствомъ строгихъ мѣръ взысканія, сдѣлать невыгоднымъ, для того чтобы его уничтожить. Чѣмъ бдительнѣе будетъ государственный надзоръ за положеніемъ дѣтей, работающихъ на фабрикахъ, чѣмъ строже будутъ мѣры взысканія, тѣмъ лучше. Если въ „отечествѣ самопомощи“, Англіи, было издано съ этой цѣлью нѣсколько законодательныхъ актовъ прогрессивной строгости и существуетъ цѣлое вѣдомство для дѣйствительной защиты малолѣтнихъ, которые сами „помочь себѣ“ не могутъ, то у насъ не можетъ даже и представиться сомнѣніе въ необходимости подобныхъ учреждений. Наши фабриканты-заводчики менѣе кого-либо вправѣ возражать противъ такого надзора государства, ссылаясь на пресловутый принципъ *laissez-faire*, такъ какъ принципъ этотъ прежде всего требуетъ полного уничтоженія покровительственныхъ пошлинъ. Если наши фабриканты, при каждомъ удобномъ случаѣ, заявляютъ, что всякое пониженіе ввознаго тарифа угрожаетъ имъ разореніемъ, то стало быть сами признаютъ, что богатѣютъ они только благодаря прямому покровительству, которое государство имъ оказываетъ, нарушая принципъ *laissez-faire*, благодаря пожертвованію, которое государство налагаетъ на себя въ ихъ пользу, заставляя своихъ гражданъ платить дорого за фабричные продукты въ пользу лицъ, производящихъ ихъ своимъ капиталомъ. При такомъ отношеніи между фабричной промышленностью и законодательствомъ, которому она, по завѣренію фабрикантовъ, обязана самой возможностью своего существованія, въ теоріи не можетъ быть даже никакого предѣла требовательности законодательства въ огражденіе жизни и здоровья фабричныхъ рабочихъ вообще. Предѣлъ здѣсь должно указывать только практическое соображеніе: не доводить требовательности до того, чтобы она уничтожила ту выгоду, какую получаетъ фабрикантъ, употребляя на работу вмѣсто взрослыхъ рабочихъ малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ.

Но для этого предѣла требованія законодательства, по сущности дѣла, никогда дойти не могутъ. Требованія законодательства могутъ касаться только опредѣленія максимума часовъ денной работы, обяза-

тельства отпускать дѣтей часа на два въ школу и—въ высшей мѣрѣ—отнесенія самаго содержанія школы на счетъ фабрикантовъ. Но въ какомъ же размѣрѣ удовлетвореніе всѣхъ этихъ требованій можетъ увеличить издержку фабриканта по найму малолѣтнихъ рабочихъ? Въ размѣрѣ весьма ограниченномъ. Вопросъ о максимумѣ часовъ дневной работы заключается въ предѣлахъ 8—12 часовъ; болѣе 12-ти часовъ въ сутки дѣти все равно не въ состояніи работать ежедневно, хотя бы ихъ и принуждали къ тому, не обращая вниманія на вредъ ихъ здоровью. Итакъ, здѣсь идетъ рѣчь только объ увеличеніи расхода по найму малолѣтнихъ рабочихъ на не больше $\frac{1}{3}$ ихъ нынѣшняго заработка. Содержаніе же школы, при низкой заработной платѣ, 10—15 коп. въ день, и при высокомъ размѣрѣ школьной платы, по 5 р. съ ученика въ годъ, можетъ составить только $\frac{1}{6}$ заработка. Стало быть, въ итогѣ самыя обширныя требованія законодательства и при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ могли бы возвысить расходъ фабриканта по найму малолѣтнихъ рабочихъ на $\frac{1}{2}$ нынѣшняго расхода. Между тѣмъ выгода фабриканта отъ замѣны взрослога рабочаго малолѣтнимъ не можетъ быть менѣе этого же размѣра. Допустимъ даже, что взрослый работникъ сдѣлаетъ вдвое противъ малолѣтняго, что далеко не всегда возможно въ тѣхъ отрасляхъ труда, которыя малолѣтнимъ доступны. Но плата ему должна быть втрое больше, чѣмъ малолѣтнему; за тотъ день работы, за который мальчику даютъ непристойно-низкую цѣну, 10 копѣекъ, взрослый рабочій потребуетъ никакъ не менѣе 30 коп. Стало быть, замѣна малолѣтнихъ рабочихъ взрослыми во всякомъ случаѣ увеличила бы расходъ фабриканта, по найму рабочихъ, на половину нынѣшняго расхода. Значить, выгоды отъ такой замѣны и при такихъ условіяхъ не было бы. А между тѣмъ, далѣе тѣхъ требованій, которыя приняты въ основаніе приведеннаго разсчета, законодательство, по самой сущности дѣла, и идти не можетъ; они представляютъ максимумъ возможныхъ съ его стороны требованій. Изъ этого слѣдуетъ, что если даже законъ ограничилъ бы работу малолѣтнихъ 8-ю часами въ сутки и отнесъ бы все содержаніе школы для нихъ — на фабрикантовъ и хозяевъ ремесленныхъ заведеній, то и въ такомъ случаѣ предпринимателямъ не было бы выгоды отъ замѣны труда малолѣтнихъ трудомъ взрослыхъ. Могутъ сказать, что осуществленіе хозяевами подобныхъ требованій со стороны закона повело бы къ другому результату — къ пониженію размѣра заработной платы, какая дается малолѣтнимъ рабочимъ. Но едва ли она можетъ быть понижена противъ нынѣшняго размѣра, по самой его ничтожности у насъ. Сверхъ того, не надо забывать, что множество малолѣтнихъ рабочихъ въ ремесленныхъ заведеніяхъ у мелкихъ хозяевъ вовсе не получаютъ никакой заработной платы, считаясь учениками. Необходимо имѣть въ виду и ихъ, такъ какъ,

повторяемъ, едва ли ихъ положеніе нынѣ лучше, чѣмъ положеніе фабричныхъ дѣтей.

Мы начали прямо съ общихъ соображеній, потому что они тотчасъ же возникаютъ во всей своей совокупности при первомъ же прикосновеніи къ опредѣленію подробностей. Какъ только разсужденіе коснется числа часовъ работы малолѣтнихъ, тотчасъ возникаютъ вопросы и о правѣ законодательства вмѣшиваться въ промышленныя отношенія, и о возможныхъ результатахъ подобнаго вмѣшательства какъ для промышленниковъ, такъ и для самихъ малолѣтнихъ рабочихъ; лишь только упомянуто о необходимости для нихъ обученія, возникаетъ вопросъ, на чей счетъ должно пасть содержаніе школы и такъ далѣе. Ближайшимъ поводомъ къ нашей рѣчи объ этихъ предметахъ послужилъ проектъ закона о работѣ малолѣтнихъ, составленный профессоромъ Янсономъ, которому поручено было коммиссією по техническому образованію, состоящею при Русскомъ техническомъ обществѣ, заняться вопросомъ о работѣ малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ на фабрикахъ, заводахъ и ремесленныхъ заведеніяхъ, и представить очередь законодательныхъ мѣръ по этому предмету за-границею. Предложенія г. Янсона заслуживаютъ полнаго сочувствія и не соглашаться съ ними можно, по нашему мнѣнію, только въ частностяхъ, на которыя мы и уважемъ.

По проекту почтеннаго профессора, дѣти могутъ быть допускаемы къ работамъ на заводахъ и фабрикахъ не ранѣе 10-ти лѣтняго возраста, и притомъ до 14 лѣтъ не болѣе 5 часовъ въ день; несовершеннолѣтніе же отъ 14-ти до 17-ти лѣтъ—не болѣе 10-ти часовъ въ день. Для тѣхъ и другихъ не допускается работа ночью, и работа ихъ должна распредѣляться между 5-ю часами утра и 8-ю вечера. Тѣ и другіе обязываются ежедневно, кромѣ праздниковъ и субботы (?), посѣщать школу: до 14-ти лѣтъ не менѣе 3-хъ часовъ, а съ 14-ти до 17-ти лѣтъ не менѣе 2-хъ часовъ въ день. „Если школы нѣтъ вблизи фабрики или завода въ разстояніи 2 версты, то на такой фабрикѣ или заводѣ должна быть устроена таковая въ особомъ помѣщеніи, не соединенномъ съ фабричнымъ зданіемъ. Одна школа можетъ быть устроена для нѣсколькихъ фабрикъ или заводовъ вмѣстѣ“. „Съ каждаго ученика, изъ деннаго или мѣсячнаго жалованья, предполагается вычитать за участіе въ школѣ извѣстную часть, которая въ совокупности не должна превышать 50 коп. въ мѣсяцъ“. Въ проектѣ г. Янсона, для полноты, указываются и мѣры взыскапія съ виновныхъ въ нарушеніи предполагаемыхъ постановленій: „виновные въ этомъ подвергаются денежному взысканію въ размѣрѣ, не превышающемъ 200 рублей; въ случаѣ повторенія, штрафъ удваивается. Замѣченнымъ болѣе трехъ разъ можетъ быть воспрещенъ вовсе пріемъ на работу—дѣтей до 17-ти лѣтъ, на время болѣе или менѣе

продолжительное“. „Родители, опекуны и др. лица, извлекающія доходъ изъ заработной платы дѣтей, за неисполненіе закона подвергаются штрафу не свыше 5 руб. или аресту на время не болѣе трехъ сутокъ“.

Противъ приведенныхъ нормъ взысканій можно сдѣлать многія возраженія: взысканіе должно соразмѣряться съ видомъ нарушенія закона, и нельзя установить общей нормы за всякое нарушеніе, изъ которыхъ одно можетъ быть простою небрежностью, а другое граничить съ преступленіемъ. По проекту, нарушенія эти подлежатъ безапелляціонному разбирательству мировыхъ судей, которымъ общій законъ не предоставляетъ права налагать денежныхъ взысканій свыше 300 р., и то никакъ не безапелляціонно, между тѣмъ какъ проектъ допускаетъ высшей нормой 400 р.; нарушеніе въ третій разъ проектомъ не предусмотрено, и т. п. Но мы и не придаемъ нормамъ, которыя приняты г. Янсономъ, значенія; авторъ проекта хотѣлъ только дать полный очеркъ возможнаго закона и потому намѣтилъ взысканія, которыхъ видъ и размѣръ должны быть опредѣлены точнѣе и согласованы съ судебными учрежденіями.

Что же касается обязательныхъ условій, которыми проектъ обставляетъ работу малолѣтнихъ и совершеннолѣтнихъ, то можно замѣтить, что 10-ти часовой срокъ работы для нихъ слишкомъ продолжителенъ; въ Англіи взрослые рабочіе считаютъ 10-ти часовой срокъ нормальнымъ для себя, а иногда требуютъ еще пониженія его. Сверхъ того, при 10-ти часовой работѣ еще 3 часа школьнаго ученія,—это очевидно не можетъ обѣщать успѣха для самаго ученія. Предположеніе относительно обязательности устройства школы, буде ея нѣтъ ближе двухъ верстъ отъ фабрики, вполне рачіонально, и надо полагать, что авторъ проекта разумѣлъ содержаніе этой школы насчетъ фабрикантовъ и хозяевъ, такъ какъ онъ не упомянулъ о томъ, кто ее содержать будетъ; но вычетъ до 50 коп. въ мѣсяцъ изъ заработка малолѣтняго не только слишкомъ великъ въ виду незначительности заработка, но и несправедливъ въ самомъ своемъ принципѣ. Если малолѣтній отданъ на фабрику, потому что нѣтъ средствъ содержать его, то вычитать за него на школу пятую или четвертую часть всего его заработка, значитъ вычитать у него такую часть изъ пищи и одежды. Это было бы налогомъ новаго рода. Обязательность обученія предполагаетъ даровое обученіе, такъ чтобы имъ могли дѣйствительно воспользоваться и всѣ лишенные средствъ. И почему же обязательность съ налогомъ вводилась бы только для фабричныхъ дѣтей, но не для дѣтей крестьянъ-земледѣльцевъ? Требовать отъ ребенка, чтобы онъ самъ заработалъ себѣ не только на хлѣбъ, но еще и на обученіе—нельзя. Вообще, на неимущихъ наше законодательство не можетъ налагать никакихъ обязательствъ, кромѣ уплаты податей, насколько оно возможно. Въ Англіи законъ установ-

ляетъ особья мѣстные подати, на которыя содержитсяъ миллионъ бѣдныхъ; но и тамъ законъ устанавливаетъ для дѣтей бѣдныхъ обученіе даровое. Съ какой же стати нашъ законъ могъ бы быть требовательнѣе? Совсѣмъ иное то отношеніе, въ какомъ нашъ законъ стоитъ къ фабрикантамъ: оказывая имъ громадную поддержку посредствомъ покровительственнаго тарифа, законъ имѣетъ достаточное основаніе предъявлять требованія къ нимъ, тѣмъ болѣе такое скромное требованіе, какъ прибавка $\frac{1}{6}$ части къ ихъ расходу на наемъ малолѣтнихъ рабочихъ для содержанія школы или для платы за ученіе ихъ въ постороннемъ училищѣ. Что касается издержки на первоначальное обзаведеніе школы, то она могла бы быть производима въ опредѣленномъ размѣрѣ изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія на устройство народныхъ школъ.

Весьма важно еще, чтобы постановленія, сходныя съ тѣми, которыя предположены г. Янсономъ, были распространены не только на малолѣтнихъ и на совершеннолѣтнихъ, работающихъ на фабрикахъ и заводахъ, но и на тѣхъ, которые находятся въ ремесленныхъ заведеніяхъ вообще и состоятъ учениками у мастеровъ. Но всѣ подобныя постановленія—какъ показалъ опытъ въ Англіи—останутся мертвою буквой, если не будетъ создано особаго надзора за ихъ исполненіемъ, особыхъ органовъ для инспекціи фабрикъ и ремесленныхъ заведеній въ отношеніи положенія малолѣтнихъ рабочихъ. Безъ особыхъ инспекторовъ, во-первыхъ, не будутъ извѣстны ни число такихъ рабочихъ, ни дѣйствительное ихъ положеніе; во-вторыхъ, бѣольшая часть нарушеній закона останутся безъ преслѣдованія. Проектъ г. Янсона предлагаетъ назначать особыхъ фабричныхъ инспекторовъ отъ министерства финансовъ, но только въ большихъ фабричныхъ центрахъ, а на всемъ пространствѣ государства возлагаетъ надзоръ за исполненіемъ закона—на городскихъ головъ и волостныхъ старшинъ. Но это равносильно полному отказу отъ надзора вездѣ, кромѣ пунктовъ, гдѣ есть значительное число фабрикъ. Непонятно, почему разбросанность фабрикъ и заводовъ по Россіи побудила автора проекта признать повсемѣстное дѣйствіе инспекторовъ невозможнымъ? Вѣдь, войска, напримѣръ, или желѣзныя дороги и телеграфы раскинуты на немаломъ пространствѣ тѣмъ же фабриками, а между тѣмъ у насъ есть и инспекторы войскъ, и инспекторы желѣзныхъ дорогъ, и инспекторы телеграфовъ. Во всякомъ случаѣ, проектъ г. Янсона заслуживаетъ полнаго вниманія и сочувствія, какъ первая попытка опредѣлить такое дополненіе нашего законодательства, котораго необходимость становится годъ отъ году чувствительнѣе, по мѣрѣ развитія фабричнаго производства, усиленія конкуренціи между фабриками, а затѣмъ и стремленія фабрикантовъ къ пользованію наиболѣе дешевымъ трудомъ.

Въ минувшемъ августѣ обнародовано положеніе о преобразованіи воинской квартирной повинности. Такъ-называемая постоянная повинность, то-есть отводъ помѣщеній для войскъ отъ обывателей, была весьма тяжела и по самому свойству своему, и въ особенности— по своей неуравнительности. Наиболѣе тяжело отзывалась она на западныхъ губерніяхъ, гдѣ сосредоточена значительная часть всей арміи. Но и въ каждой губерніи въ отдѣльности одніѣ мѣстности подлежали ей болѣе, другія менѣе. Полное преобразование этой повинности могло бы заключаться въ постройкѣ казармъ для всѣхъ войскъ насчетъ казны, съ замѣною натуральной повинности налогомъ; но само собою разумѣется, что къ такой мѣрѣ необходимъ постепенный переходъ уже потому, что постройки вдругъ казармъ для всей арміи потребовали бы, быть можетъ, сотни миллионъ рублей. Нынѣшнее положеніе о преобразованіи воинской повинности, высочайше утвержденное 8-го іюня, отмѣняетъ отводъ войскамъ квартиръ натурою, кромѣ чрезвычайныхъ и исключительныхъ случаевъ, какъ-то: въ военное время, при передвиженіяхъ войскъ, прибытіи войскъ на новое мѣсто на первые три дня, если нѣтъ готовыхъ казармъ или нанятыхъ квартиръ и т. д. Генераламъ, офицерамъ и военнымъ чиновникамъ, если они не могутъ быть размѣщены въ казармахъ, выдаются квартирные деньги на наемъ помѣщенія съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, по особому росписанію мѣстностей, раздѣленныхъ на 5 разрядовъ и въ размѣрахъ, опредѣляемыхъ чинами и должностями (отъ 70 р. до 2,000 р., смотря по чину и мѣстности). На наемъ помѣщеній для солдатъ и лошадей, для штабовъ и управленій, съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, ассигнуются суммы по окладамъ, опредѣленнымъ въ особыхъ росписаніяхъ, по разнымъ мѣстностямъ, причемъ министрамъ военному, внутреннихъ дѣлъ и финансовъ предоставляется, по взаимному соглашенію, повышать и понижать оклады по мѣстностямъ, на основаніи данныхъ о цѣнахъ, но не выходя изъ общей суммы, причитающейся по окладамъ на всю имперію. Земству и городскимъ обществамъ предоставляется строить на ихъ суммы казармы и содержать ихъ съ тѣмъ, что въ такомъ случаѣ земства и города получаютъ всѣ суммы, ассигнуемыя на наемъ помѣщеній. Расходы по квартирному довольствію войскъ принимаются насчетъ государственнаго казначейства и вносятся въ смѣту военнаго министерства; въ пособіе государственному казначейству на этотъ предметъ отпускается ежегодно изъ государственнаго земскаго сбора 3.540,000 рублей. Сверхъ того, для той же цѣли устанавливаются дополнительные сборы въ мѣстностяхъ, на которыя распространяется дѣйствіе новаго положенія: съ цѣны торговыхъ и промысловыхъ свидѣтельствъ и билетовъ на торговлю и промыслы заведенія въ размѣрѣ 10%, съ цѣны табачныхъ свидѣ-

тельность въ размѣрѣ 15% и съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ въ размѣрѣ, опредѣленномъ въ особомъ росписаніи и составляющемъ 73% съ суммы казеннаго налога съ этихъ имуществъ. Кромѣ этихъ постоянныхъ дополнительныхъ сборовъ, устанавливаются еще временные, прибавочные, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта, при которомъ положеніе было поднесено къ утвержденію, постановлено, что положеніе это вводится въ дѣйствіе съ 1-го января 1875 г. во всей имперіи, за исключеніемъ царства польскаго, Финляндіи, Кавказскаго, Закавказскаго и Туркестанскаго краевъ.

Изъ устанавливаемыхъ положеніемъ дополнительныхъ сборовъ, безъ всякаго сравненія, значительнѣе другихъ сборъ съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ, который увеличивается почти на $\frac{2}{3}$ противъ нынѣшняго. Съ сельскихъ имуществъ дополнительнаго сбора не полагается, хотя освобожденіе отъ отвода квартиръ натурою для сельскаго населенія будетъ облегченіемъ не менѣе чувствительнымъ, чѣмъ для городскихъ домовладѣльцевъ. Обремененіе земли налогами, тяжесть которыхъ мѣстами непосильна уже и теперь, конечно послужила къ тому вполне рациональнымъ основаніемъ, но при этомъ нельзя не указать вновь на невыгодность неуравнительнаго обложенія, которая отзывается, на примѣръ, и въ необходимости дѣлать повсемѣстное исключеніе отъ новаго налога въ пользу цѣльныхъ классовъ населенія огульно, не принимая въ соображеніе, насколько такое облегченіе можетъ или не можетъ уравнивать податное бремя. Относительно предоставленія земствамъ и городскимъ обществамъ строить на ихъ суммы казармы и содержать ихъ, съ обращеніемъ за то въ пользу обществъ квартирныхъ денегъ, можно замѣтить, что земство и города не располагаютъ средствами, достаточными для постройки казармъ въ сколько-нибудь значительномъ размѣрѣ. Но производство построекъ на общественныя деньги по полномочію обществъ—дѣло заманчивое, такъ что можно ожидать, что многія общественныя власти охотно предложатъ заключеніе для этой цѣли займовъ! Въ разрѣшеніи такихъ займовъ слѣдовало бы держаться величайшей осторожности. Вообще, это послѣднее постановленіе имѣетъ нѣсколько-опасную сторону, и едва ли не лучше бы было обратиться къ государственному займу для казенной постройки казармъ, чѣмъ разрѣшать такия постройки общественнымъ властямъ на займы, заключенные земствами или городами. Правительство, во всякомъ случаѣ, располагаетъ средствомъ подвергнуть строителей болѣе серьезной отвѣтственности, чѣмъ общественныя учрежденія.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е октября, 1874.

Кн. Бисмаркъ и испанскія дѣла.—Интересы германской политики.— Вопросъ о Шлезвигѣ.—Ходъ карлистской войны.— Поѣздка маршала Макъ-Магона.— Результаты выборовъ.— Политика партій во Франціи.

До сихъ поръ не замѣтно, чтобы признаніе правительства маршала Серрано великими державами, за исключеніемъ Россіи, принесло ему какую-либо пользу; скорѣе наоборотъ. Матеріальныхъ результатовъ это признаніе никакихъ не произвело, а результатъ нравственный былъ не совсѣмъ таковъ, какого ожидали. Признаніе со стороны державъ можетъ послужить одобреніемъ такому правительству, которое только-что произошло изъ революціи и представляетъ собою въ данный моментъ дѣйствительную волю націи; такому правительству только и недостаетъ иностраннаго признанія для того, чтобы чувствовать себя окончательно упроченнымъ. Но положеніе нынѣшняго испанскаго правительства не похоже на это. Иностранное признаніе при отсутствіи внутренняго признанія и внутренней силы есть простая формальность. Формальность эта можетъ представлять собою просто дипломатическую учтивость или принятіе правительства случайнаго, слабаго, которому выпадаетъ въ удѣлъ признаніе—подъ покровительство того, отъ кого исходитъ признаніе. Если признаніе нынѣшняго испанскаго правительства не повлечетъ за собою активной поддержки его со стороны берлинскаго кабинета, то оно останется безъ всякаго значенія. Повидимому, органы и приверженцы маршала Серрано даже менѣе хвалятся сдѣланной ему большинствомъ державъ учтивостью, чѣмъ карлисты хвалятся тѣмъ крупнымъ исключеніемъ, какое оказалось въ признаніи. Изъ непризнанія маршала Серрано Россією карлистскіе органы вынесли, хотя бы то и ошибочно, лучшее впечатлѣніе, чѣмъ органы испанскаго правительства изъ признанія его другими державами. Въ официальномъ карлистскомъ органѣ, газетѣ „Cuartel Real“ помѣщенъ былъ анализъ

письма, будто бы присланнаго донъ-Карлосу нашимъ Государемъ; этой выдумкѣ было придаваемо карлистами большое значеніе, и вопросъ этотъ произвелъ впечатлѣніе на всю европейскую печать, возбудивъ въ ней живую полемику. „Journal de St.-Petersbourg“ привелъ отзывъ по этому поводу газеты „Nord“, въ которомъ говорилось: „мы доселѣ считали излишнимъ и впредь не будемъ останавливаться на безразсудныхъ толкахъ нѣкоторыхъ газетъ о дѣйствительномъ или мнимомъ письмѣ императора всероссійскаго къ донъ-Карлосу. Дѣйствительный характеръ этого письма—характеръ чистой вѣжливости, безъ всякой политической примѣси,—очевиденъ“ и т. д. „Journal de St.-Petersbourg“, приводя отзывъ „Nord“, съ своей стороны замѣчалъ, что единственной причиною воздержанія русскаго правительства въ испанскихъ дѣлахъ было желаніе избѣгнуть даже тѣни какого-либо вмѣшательства, и что воздержаніе это должно продлиться до тѣхъ поръ, пока сама испанская нація выскажется о своей судьбѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ „Journal de St.-Petersbourg“ заявлялъ мысль, что доброе согласіе между тремя восточными державами „основано на интересахъ слишкомъ могущественныхъ и на слишкомъ прочныхъ принципахъ, чтобы оно могло зависѣть отъ случая, въ отношеніи котораго каждый изъ трехъ кабинетовъ могъ сохранить свободу дѣйствій, безъ ущерба тому согласію, которымъ всѣ они дорожатъ въ равной степени“. Но, возвращаясь собственно къ положенію дѣлъ въ Испаніи, мы затрудняемся доселѣ усмотрѣть и въ признаніи ея нынѣшняго правительства державами болѣе цѣны, чѣмъ можетъ имѣть дипломатическая вѣжливость.

Правда, нѣтъ недостатка въ предположеніяхъ, что дѣло одной вѣжливостью не ограничится, но повлечетъ за собою въ той или иной формѣ активную поддержку правительства Серрано берлинскимъ кабинетомъ. Въ этомъ смыслѣ были пущены недавно три слуха, сами по себѣ довольно невѣроятные, но нелишенные однако значенія, потому что въ нихъ съ трехъ совершенно различныхъ сторонъ проявляется опасеніе дѣятельнаго вмѣшательства князя Бисмарка во внутреннія дѣла Испаніи. Тревога сперва распространилась въ португальской печати, охвативъ ее всю. Португальскія газеты выразили подозрѣніе, будто князь Бисмаркъ намѣренъ, при помощи преданнаго ему Серрано, осуществить иберійскую унію, то есть соединеніе Португаліи съ Испаніею въ одно государство, чтобы создать на полуостровѣ, подъ руководствомъ кобургской династіи, силу, независимую отъ Франціи, дружественную Германію и враждебную клерикализму. Португальскія газеты серьезно испугались, рѣшительно отвергая такую унію, и требуя даже отъ своего правительства рѣшительнаго опроверженія всѣхъ подобныхъ плановъ.

Затѣмъ, одна англійская газета сообщила, будто въ виду бездѣтельности нынѣшняго короля баварскаго Бисмаркъ ведетъ переговоры съ баварскимъ наслѣдникомъ объ уступкѣ послѣднимъ его правъ на наслѣдство въ Баваріи—прусскому королю, съ тѣмъ, что баварскій наслѣдникъ, въ вознагражденіе за это, будетъ посаженъ на испанскій престолъ, все при помощи Серрано. Такимъ образомъ достигались бы двѣ цѣли: во-первыхъ, на испанскій престолъ былъ бы возведенъ если не Гогенцоллернъ-католикъ, то все же нѣмецкій католическій принцъ; во-вторыхъ—и это главное—подготовлено было бы устраненіе изъ состава германской имперіи единственной, сколько-нибудь значительной самостоятельной единицы—Баваріи. Наконецъ, карлистскій „Cuartel Real“ сообщилъ извѣстіе, будто въ испанскую республиканскую армію поступило 700 прусскихъ солдатъ и 40 прусскихъ офицеровъ, съ согласія своего правительства, которое обѣщало имъ за службу въ Испаніи увольненіе въ безсрочный отпускъ изъ германской арміи и гарантировало солдатамъ во время службы по 3 франка въ день на человѣка.

Всѣ эти извѣстія были опровергаемы, съ бѣльшими или меньшими сарказмами, такими офиціозными органами прусскаго правительства, какъ „Сѣверогерманская газета“ или такими „преданными“ ему органами, какъ, на примѣръ, газета „Кёльнская“. Но вотъ два факта, которые, къ сожалѣнію, не опровергаются, да и опровергнуты быть не могутъ. Одинъ изъ нихъ—отправленіе къ берегу Испаніи еще нѣсколькихъ германскихъ судовъ, въ поддержаніе къ канониркамъ „Nautilus“ и „Albatros“, которые при первомъ появленіи своемъ въ виду карлистскихъ позицій при Гетаріи обмѣнялись съ ними выстрѣлами. Другой фактъ—полное поступленіе органа правительства маршала Серрано, газеты „Iberia“ въ ряды многочисленныхъ органовъ европейской печати, преданныхъ политикѣ германскаго канцлера. Правительство, возникшее изъ государственнаго переворота и не созывающее въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцовъ представителей страны, не можетъ внушать довѣрія, хотя бы оно было признано всѣми державами. Естественно приходитъ мысль, что оно замышляетъ что-нибудь, не соотвѣтствующее желаніямъ страны, если боится предстать передъ ея представителями. Если Примъ могъ вести переговоры съ Бисмаркомъ о выдачѣ испанскаго престола Гогенцоллерну, то невозможнаго во всякомъ случаѣ нѣтъ въ предположеніи, что Серрано, прежній соправитель Прима, называвшійся даже и въ то время регентомъ, ведетъ переговоры съ Бисмаркомъ о выдачѣ того же престола Виттельсбаху. Гарантіи противъ возможности такого факта во всякомъ случаѣ нѣтъ въ свойствахъ нынѣшняго испанскаго правительства. Скорѣе ее можно искать въ отсутствіи для Германіи вся-

каго истиннаго интереса въ такомъ или иномъ вмѣшательствѣ въ испанскія дѣла. Однажды „Journal des Débats“, разсуждая о возможности новой германской кандидатуры въ Испаніи, сказалъ, что Франція не было бы повода сокрушаться, еслибы такая кандидатура появилась вновь; что примѣръ короля Амедея доказалъ полную невозможность упроченія иностраннаго монарха въ Испаніи, и что еслибы германское правительство впуталось въ то безнадежное предпріятіе, на которомъ испыталъ первую великую свою неудачу Наполеонъ I-й, то Франція могла бы этому только радоваться. Но князь Бисмаркъ можетъ разсуждать иначе, чѣмъ „Journal des Débats“. Король Амедей явился въ Испанію не только безъ войска, но даже безъ свиты; увидѣвъ неуспѣхъ, онъ отказался отъ престола, когда еще не было и малѣйшей революціонной противъ него попытки. Князь Бисмаркъ могъ бы обставить своего кандидата совсѣмъ иначе. Что же касается примѣра Наполеона I-го, то примѣры на разстояніи шестидесяти лѣтъ вообще не годятся въ политикѣ. Экспедиціи Наполеона въ Испанію были великою ошибкой потому, что онъ находился въ постоянной борьбѣ съ Англіею. Если уже ссылаться на историческіе примѣры, то не надо забывать, что Людовику XIV удалось посадить на испанскій престолъ Филиппа д'Анжу, и что иностранная династія Бурбоновъ усвоилась Испаніею до такой степени, что, процарствовавъ всего около 120 лѣтъ, она и теперь значительной частью испанцевъ признается національною, несмотря на то, что уже около 40 лѣтъ не царствуетъ. Вся стратегическая сила Франціи заключается въ томъ, что она открыта для нападенія только съ одной стороны. Еслибы изреченіе Людовика XIV-го: „нѣтъ болѣе Пиренеевъ“ осуществилось въ совершенно-новомъ смыслѣ, а именно въ такомъ, что исчезла бы безопасность Франціи со стороны Пиренеевъ и новая война ея съ Германіею могла бы представить такую комбинацію, какъ движеніе германскихъ войскъ съ юга въ центръ Франціи, одновременно съ наступленіемъ главныхъ силъ Германіи съ восточной границы, — то это прямо отдало бы Францію въ руки Германіи.

Нельзя сказать вообще, что въ послѣднее время былъ недостатокъ въ разнообразныхъ предположеніяхъ насчетъ плановъ князя Бисмарка. Въ числѣ этихъ предположеній было одно, касавшееся Даниі. Въ послѣдніе мѣсяцы изъ сѣверной части Шлезвига неоднократно слышались жалобы на изгнаніе датскихъ подданныхъ по самымъ незначительнымъ предлогамъ прусскими властями. Дѣло въ томъ, что многіе шлезвигцы, при присоединеніи этой страны къ Пруссіи, сохранили свое датское подданство, выѣхавъ въ Данію, а потомъ возвратились въ отечество и проживаютъ въ немъ по прежнему, въ качествѣ датскихъ

подданныхъ. Вотъ, въ отношеніи ихъ-то прусскія власти и примѣняютъ довольно безцеремонно право, принадлежащее администраціи высылать иностранцевъ по усмотрѣнію и безъ всякаго судебнаго разбирательства. Ихъ высылали по такимъ поводамъ, какъ, напр., участіе въ датской газетѣ или поѣздка въ Данію на какое-либо патріотическое празднество. А между тѣмъ подобная высылка была для коренныхъ жителей края, имѣвшихъ въ немъ постоянную осѣдность и дѣла, была гораздо чувствительнѣе, чѣмъ она можетъ быть для дѣйствительныхъ иностранцевъ, живущихъ внѣ своего отечества. Въ минувшемъ сентябрѣ появилось въ разныхъ газетахъ извѣстіе, что датское правительство, наконецъ, сдѣлало по этому поводу представленія въ Берлинъ. Извѣстіе это также было опровергнуто берлинскими оффиціозными органами, а между тѣмъ распространился слухъ, будто прусское правительство предлагаетъ Даніи возвратить ей сѣверную полосу Шлезвига, но съ такимъ условіемъ, чтобы вся Данія вступила въ составъ германской имперіи, которая такимъ образомъ приобрѣла бы положеніе весьма важное для развитія своихъ морскихъ силъ. Развитіе это и теперь идетъ весьма быстро, при блестящемъ состояніи прусскихъ финансовъ. Недаромъ главный начальникъ адмиралтейства, генералъ фонъ-Стошъ, при спускѣ и освященіи новаго панцирнаго фрегата „Фридрихъ-Великій“, въ Килѣ, въ присутствіи императора Вильгельма, обѣщала ему, что „его флотъ сдѣлается достойнымъ его арміи“. Приведенный сейчасъ слухъ есть не болѣе, чѣмъ одинъ изъ тѣхъ слуховъ, въ которыхъ отражается безпокойство, внушаемое въ Европѣ могуществомъ германской имперіи. Казалось бы, въ этомъ слухѣ, несмотря на очевидную выгоду для Германіи имѣть въ своемъ распоряженіи Ютландію, можетъ быть менѣе правдоподобія, чѣмъ въ любомъ изъ слуховъ о намѣреніяхъ князя Бисмарка по отношенію къ Испаніи. Германія, конечно, нисколько не зависитъ отъ Россіи; въ согласіи съ Россією она могла бы сдѣлать въ настоящее время почти все. Но и одна, безъ такого согласія, она, безъ всякаго сомнѣнія, можетъ сдѣлать нѣчто, на примѣръ хотя въ испанскихъ дѣлахъ, которыя—каково бы ни было мнѣніе о нихъ Россіи—не могутъ близко интересоваться нашей политики. Но прямо въ разрѣзъ съ мнѣніемъ Россіи, вопреки существенному ея интересу, Германія едва ли можетъ предпринять что-либо при нынѣшнемъ положеніи Европы. А между тѣмъ, включеніе Даніи въ составъ германской имперіи прямо противорѣчило бы и отношеніямъ между правительствами, и весьма важному интересу Россіи—не быть запертою на Балтійскомъ морѣ, какъ она заперта на остальныхъ своихъ моряхъ: Босфоромъ на Черномъ морѣ, берегами—на Каспійскомъ, льдами—на Бѣломъ. Россіи вовсе не все равно, чьи батареи господствуютъ надъ

проливовъ, ведущими изъ Балтійскаго въ Сѣверное море: датскаго или королевства или германской имперіи, сильнѣйшей державы въ Европѣ. Интересы эти такъ очевидны и непреложны, что противъ нихъ германская дипломатія не могла бы пойти, даже еслибы ее не связывало взаимное дружественное расположеніе обоихъ правительствъ, русскаго и прусскаго. Правда, въ политикѣ необходимо, несмотря на дружественное расположеніе, все-таки заботиться о приобрѣтеніи возможно большихъ фактическихъ гарантій; но это все-таки не достигается такими предпріятіями, которыя прямо противорѣчили бы существенному интересу союзной державы. Сверхъ того, если уже говорить о гарантіяхъ, независимо отъ дружественнаго расположенія, то германской политикѣ выгоднѣе имѣть гарантію въ нынѣшнемъ положеніи датскаго королевства, чѣмъ включить его въ свой составъ. Если уже разсуждать независимо отъ союза, существующаго въ данное время, то нельзя не признать, что полная независимость и вмѣстѣ совершенная беззащитность Даніи могутъ быть разсматриваемы въ Германіи какъ почти единственное средство дѣйствовать на Россію понудительнымъ образомъ, при такой невѣроятной случайности, какъ разрывъ дружественныхъ между Германією и Россією отношеній. Легкость, съ какою германскія войска могутъ овладѣть материкомъ и островами Даніи прежде, чѣмъ Россія успѣла бы что-либо сдѣлать, можетъ быть разсматриваема въ Германіи, какъ средство подѣйствовать на Россію въ какомъ-либо иномъ вопросѣ, еслибы произошелъ разрывъ, который нынѣ относится къ области невѣроятнаго, но тѣмъ не менѣе можетъ быть допускаемъ въ стратегическихъ соображеніяхъ. Вотъ почему, повторяемъ, слухъ о намѣреніи берлинскаго кабинета включить въ составъ германской имперіи Данію представляется намъ наименѣе вѣроятнымъ изъ всѣхъ приведенныхъ выше слуховъ о предположеніяхъ князя Бисмарка. По отношенію къ Россіи, Данію, во-первыхъ, присоединить нельзя, а во-вторыхъ, выгоднѣе и не присоединять ея, лишая себя такого средства дѣйствія, которое, хотя теперь только въ теоріи, лишено значенія.

Гораздо вѣроятнѣе другой слухъ,—обиліе ихъ въ послѣднее время, въ самомъ дѣлѣ, замѣчательно,—о планахъ германскаго канцлера относительно развитія имперскаго флота: высказана догадка, что въ вознагражденіе за свое вмѣшательство въ пользу правительства маршалла Серрано, онъ выговорилъ уступку Германіи богатой испанской колоніи—Порторико, съ населеніемъ около 650 т. душъ; надо замѣтить, что на этомъ островѣ рабство уже отмѣнено. Выгоды такого приобрѣтенія для Германіи не подлежали бы сомнѣнію; давъ ей положеніе въ Антильскихъ водахъ и политику въ Америкѣ, по отношенію къ колоніямъ испанскимъ, французскимъ, англійскимъ и Сое-

диненныхъ-Штатовъ, оно вдругъ превратило бы Германію въ настоящую морскую державу; оставалось бы только увеличить флотъ, а это дѣло, повторяемъ, ведется съ замѣчательною быстротой. Конечно, обиліе подобныхъ слуховъ еще не доказываетъ, что одинъ изъ нихъ непремѣнно долженъ оправдаться. Обиліе ихъ происходитъ оттого, что по мѣрѣ опроверженія одного изъ нихъ прусскими оффиціозными голосами, немедленно возникаетъ другой. Это доказываетъ только, что трудно разсѣять въ общественномъ мнѣніи Европы подозрительность относительно видовъ князя Бисмарка въ Испаніи. А подозрительность эта объясняется просто: вѣдь одинъ гогенцоллернскій принцъ уже сидитъ на господарскомъ мѣстѣ въ Румыніи; другой имѣлъ быть возведенъ на испанскій престолъ, и единственный успѣхъ Франціи—если можно называть это успѣхомъ въ виду полнѣйшаго пораженія на полѣ битвы—во всемъ предпріятіи 1870 г. представляется доселѣ тѣмъ, что нѣмецкій принцъ не сѣлъ на испанскій престолъ. Но постоянство и твердость князя Бисмарка въ замыслахъ извѣстны, и нѣтъ ничего невозможнаго въ предположеніи, что, взявшись за Испанію еще въ 1870 году, онъ все-таки извлечетъ изъ нея какую-либо пользу. Посылка военныхъ судовъ и подкрѣпленіе ихъ въ прошломъ мѣсяцѣ новыми судами во всякомъ случаѣ требуютъ объясненія и слишкомъ естественно, что общественное мнѣніе въ Европѣ объясняетъ себѣ этотъ фактъ желаніемъ германскаго канцлера „сдѣлать что-либо надъ Испанією“ съ согласія нынѣшняго, признаннаго имъ, правительства этой страны. Теперь излишне было бы говорить о возможныхъ послѣдствіяхъ для Испаніи германскаго вмѣшательства; что самый фактъ иностраннаго вмѣшательства въ пользу Серрано сразу сдѣлалъ бы нынѣшнее правительство ненавистнымъ въ глазахъ испанцевъ, это весьма вѣроятно, но вмѣшательство, еслибы Европа его допустила, могло бы проявиться и въ такой формѣ, что мнѣніе испанцевъ о немъ не имѣло бы силы. Что касается возраженій въ родѣ того, что вмѣшательство во внутреннія дѣла независимаго государства было бы трудно оправдать тому правительству, которое бы на него рѣшилось, то эти возраженія не имѣютъ цѣнны. За оправданіемъ дѣло, во всякомъ случаѣ, не стало бы. Можно будетъ сослаться на вмѣшательство Франціи въ защиту короля Фердинанда VII противъ либераловъ, т.-е. на такъ-называемую „трокадерскую экспедицію“, подъ начальствомъ герцога Ангулемскаго, на четверной союзъ 1834 г. Франціи, Англіи и Испаніи противъ карлистовъ же, послѣдствіемъ котораго было появленіе у береговъ Испаніи англійскаго флота. Князь Бисмаркъ, какъ извѣстно, отлично знаетъ исторію и можетъ имѣть въ виду примѣры еще другіе, болѣе отдаленные; но и приведенныхъ сейчасъ совершенно до-

статочно для оправданія. Лишь бы была охота съ его стороны и не было бы серьёзныхъ препятствій со стороны другихъ державъ.

Бросимъ теперь взглядъ на ходъ дѣла въ самой Испаніи съ того времени, какъ Мануиль Конча былъ убитъ близъ Эстеллы (27-го іюня) и республиканскія войска отступили къ Тафалльѣ. Главное начальство надъ ними принялъ тогда президентъ совѣта — военный министръ генералъ Сабала. На его мѣсто военнымъ министромъ былъ назначенъ Котонеръ. Но Сабала не продолжалъ плана Конча — обойти Эстеллю. Между тѣмъ, около того же времени въ Валенсіи, при Чельвѣ, карлисты, подъ начальствомъ донъ-Альфонса, потерпѣли чувствительное пораженіе. Въ виду отступления республиканскихъ войскъ отъ Эстеллы, отъ главныхъ силъ карлистовъ отраженъ былъ въ Валенсію вождь Лисаррага. Въ іюлѣ карлисты заняли города Олотъ и Куэнсу. При взятіи этихъ городовъ было совершено ими умерщвление плѣнныхъ офицеровъ и десятой части солдатъ; въ числѣ умерщвленныхъ былъ корреспондентъ берлинскихъ газетъ, прусскій артиллерійскій капитанъ Шмидтъ; при Кастельфулитѣ карлисты потерпѣли пораженіе. Но всѣ эти дѣла имѣли только значеніе отдѣльныхъ случаевъ. Общее отступление республиканской арміи къ линіи рѣки Эбро продолжалось, и главныя силы ея, въ началѣ августа, были сосредоточены близъ Миранды, на самомъ Эбро. При этомъ отступленіи генералъ Сабала стягивалъ къ себѣ подкрѣпленія съ разныхъ сторонъ. Между тѣмъ правительство въ концѣ іюля издало декретъ о созывѣ резерва въ 125 тысячъ человекъ, объ установленіи осаднаго положенія по всей Испаніи и о секвестрованіи имущества всѣхъ лицъ, уличенныхъ въ оказаніи помощи карлистамъ; цѣлью этой послѣдней мѣры указывалась необходимость обезпечивать пенсіями семейства павшихъ на войнѣ съ карлистами. Главный вождь карлистовъ Доррегарэ, воспользовавшись ослабленіемъ гарнизоновъ, оставленныхъ республиканцами въ тылу, взялъ въ началѣ августа укрѣпленіе Ла-Гвардію, недалеко отъ рѣки Эбро. Въ Валенсіи и Каталоніи карлисты ничего не пріобрѣтали вновь, но расхаживали свободно и въ самой Барселонѣ произведена была паника появленіемъ вблизи ея карлистскаго отряда, который, однако, скоро удался. Сабала возобновилъ наступательныя дѣйствія 11-го августа: первый его корпусъ, подъ начальствомъ Моріонеса, выбилъ карлистовъ, въ составѣ около 9 тысячъ человекъ, подъ начальствомъ Мендири, изъ укрѣпленныхъ позицій при селеніи Отейсѣ и двинулся ватѣмъ къ Лорричѣ, на сѣверъ, а второй корпусъ генерала Себальоса внизъ по Эбро, къ Лограньо. Но въ то время, какъ главныя силы республиканцевъ возобновляли наступательное движеніе на сѣверѣ, въ Наваррѣ, карлистамъ удалось на сѣверовостокѣ, въ Ката-

лоніи, овладѣть важнымъ укрѣпленіемъ Сео д'Урхель, служившимъ однимъ изъ важнѣйшихъ наблюдательныхъ пунктовъ для препятствованія ввозу военной контрабанды изъ-за Пиренеевъ. Другой укрѣпленный пунктъ еще ближе къ французской границѣ, крѣпость Пуйсерда, отбивалъ нѣсколько нападений карлистовъ и доселѣ не взятъ ими. Германскія канониры прибыли къ Сантандеру, на бискайскомъ берегу, 24-го августа. Между тѣмъ многочисленныя летучіе отряды карлистовъ появлялись въ тылу республиканской сѣверной арміи, на ея флангахъ и въ прибрежныхъ Средиземному морю провинціяхъ. Если очертить мѣстность между Мирандой, Витторіей, Эстеллей и Лограньо, въ которой происходили болѣе правильныя военныя дѣйствія между бывшимъ военнымъ министромъ Сабалой и карлистскимъ генераломъ Доррегарэ, то этотъ театръ войны окажется весьма малымъ. Другая, столь же узкая арена сколько-нибудь правильной борьбы заключалась на сѣверѣ Каталоніи между Пуйсердой, Олотомъ и Урхелемъ, гдѣ дѣйствовали карлистскіе вожди, донъ-Альфонсъ и Лисаррага. Но если взять все то пространство, по которому рыскали летучіе отряды карлистовъ, портя желѣзныя дороги, уничтожая телеграфы, налагая контрибуціи и нападая на слабыя республиканскія команды, то получится около пятой и даже четвертой части всей поверхности Испаніи; въ эту окрестность вошли бы Бискаія, Наварра, Аррагонъ, Каталонія, Валенсія. Такъ, въ то самое время, когда генералъ Сабала обернулся вновь съ наступленіемъ на сѣверъ, въ Наваррѣ, карлисты съ одной стороны появились опять въ Бискаѣ, откуда прежде изгналъ ихъ Конча, а съ другой—въ той части Аррагона, которая лежитъ къ югу отъ рѣки Эбро, и произвели значительное разрушеніе на желѣзной дорогѣ, соединяющей Сарагоссу съ Мадридомъ. Летучіе отряды ихъ легко могли бы появиться подъ самой столицей, но эта опасность не общала бы имъ никакой пользы.

Первыми представителями совершившагося признанія правительства маршала Серрано явились въ Мадридъ посланники германскій, графъ Гацфельдъ, и австрійскій, графъ Лудольфъ, пріѣхавшіе вмѣстѣ на первой недѣлѣ сентября; 12-го числа они представились маршалу Серрано. Поѣздъ, отправившійся изъ Сантандера въ Мадридъ передъ тѣмъ, на которомъ ѣхали посланники, подвергся выстрѣламъ карлистовъ, которые знали, что посланники должны были ѣхать съ нимъ, но не знали, что отъѣздъ ихъ замедлился. Въ тѣ самые дни, когда посланники прибыли въ Мадридъ, тамъ произошелъ министерскій кризисъ. Сагаста, бывший и прежде правой рукой маршала Серрано, въ званіи министра иностранныхъ дѣлъ, не могъ не возвыситься иностраннымъ признаніемъ. Онъ сдѣлался президентомъ со-

вѣта вмѣсто генерала Сабалы, который вмѣстѣ съ тѣмъ отказался и отъ командованія сѣверною арміею, которая дана была генералу Лассернѣ, и затѣмъ телеграфъ, состоящій въ распоряженіи правительства, снова разнесъ по Европѣ обычную вѣсть о возобновеніи „серьезныхъ“ операцій противъ карлистовъ. На самомъ же дѣлѣ до сихъ поръ не произошло ничего, кромѣ мелкихъ сраженій, изъ которыхъ значительнѣйшимъ былъ успѣхъ республиканскаго генерала Павія въ Маэстрасо.

Французская внутренняя политика, со времени закрытія засѣданій національнаго собранія, сосредоточивалась на поѣздкахъ президента республики въ западные и сѣверные департаменты, съ сопровождавшими ихъ рѣчами, и на двухъ избраніяхъ въ національное собраніе, отражавшихъ на себѣ нынѣшнія отношенія между партиями. Крупными incidents, которые внесли нѣкоторое разнообразіе въ утомительныя повторенія общихъ мѣстъ, послужили сперва бѣгство Базена, потомъ смерть Гизо. Поѣздка маршала въ Бретань и Нормандію имѣла двѣ цѣли: выставить его личность передъ странюю, доставить ему случай играть роль живого главы государства, такъ какъ избиратели не безъ основанія видѣли въ немъ нѣчто въ родѣ маннекена, котораго пружины приводятся въ дѣйствіе герцогомъ Бромли; затѣмъ—вызвать неизбѣжныя заявленія общественныхъ властей и публики въ такихъ мѣстностяхъ Франціи, которыя слывуть консервативными, дабы показать, что дѣйствительное настроеніе страны вполне соотвѣтствуетъ настроенію консервативнаго большинства въ національномъ собраніи.

Насколько была достигнута первая цѣль, судить нельзя; во всякомъ случаѣ населеніе Ле-Монса, Лавала, Бреста, Сень-Малѣ, Лилля, Бетюна, Арраса и т. д. видѣли, что глава государства самъ ходитъ и говоритъ; они могли замѣтить, что онъ человекъ набожный, такъ какъ онъ усердно посѣщалъ церкви, и это послѣднее обстоятельство, произведя благопріятное впечатлѣніе на духовенство, быть можетъ и представило важнѣйшій результатъ поѣздки въ Бретань. Что касается второй цѣли, то она рѣшительно достигнута не была. На пути президента чаще всѣхъ криковъ слышалось, разумѣется, привѣтствіе самому маршалу; но затѣмъ нерѣдко раздавался и крикъ „да здравствуетъ республика“. Въ привѣтственныхъ рѣчахъ общественныхъ представителей нѣсколько разъ выражалась необходимость установленія прочнаго правленія, и маршалъ постоянно отвѣчалъ на это заявленіемъ, что власть вручена ему національнымъ собраніемъ на 7-мъ лѣтъ неотмѣнно, что онъ сохранитъ эту власть, поддержитъ порядокъ и останется вѣренъ національному собранію. Сюрпризы въ родѣ рѣчей о необходимости окончательныхъ учрежденій были столь

непріятны герцогу Брольи и его одномышленникамъ, что при поѣздѣ въ Нормандію принято было системой подвергать привѣтственныя рѣчи предварительному просмотру. Въ результатѣ обнаружилось, что и въ консервативныхъ мѣстностяхъ Франціи общество недовольно нынѣшнимъ неопредѣленнымъ положеніемъ.

Выборы, бывшіе въ августѣ и сентябрѣ, дали національному собранію двухъ новыхъ членовъ: бонапартиста и республиканца. Въ нихъ оправдалось предсказаніе Тьера герцогу Брольи, во время преній въ маѣ 1873 г., что орлеанисты „поступать подъ покровительство имперіи“. Оказалось, что орлеанисты, которые несогласны пожертвовать графу Шамбору трехцвѣтное знамя и порою приходятъ въ страхъ передъ возрастающею силою бонапартизма, все-таки главными своими врагами считаютъ республиканцевъ и противъ республиканскаго кандидата готовы соединяться даже съ бонапартистами, видя въ нихъ все-таки „консерваторовъ“, хотя консерватизмъ имперіи, какъ извѣстно, выразился въ свое время арестованіемъ и изгнаніемъ орлеанистскихъ вождей и конфискаціею имуществъ орлеанскаго дома. На выборахъ въ Кальвадосѣ 16-го августа, кандидатъ бонапартистовъ Лепрово-де-Лонэ получилъ 41,099 голосовъ противъ 27,420, данныхъ республиканцу Обѣру; а такъ какъ при послѣднихъ выборахъ, въ томъ же департаментѣ, въ октябрѣ 1872 г., республиканскій кандидатъ получилъ также около 27 т. голосовъ, то изъ этого было ясно, что республиканская партія не ослабѣла; но бонапартистскій кандидатъ восторжествовалъ теперь вслѣдствіе того, что орлеанисты не выставили своего кандидата и подавали голоса не за республиканца и не за легитимиста, но за приверженца имперіи. Легитимистскій кандидатъ де-Фонтеттъ получилъ только 9,058 голосовъ. На выборахъ 13-го сентября въ департаментѣ Мэна-и-Луары кандидатами здѣсь являлись республиканецъ Малльѣ, приверженецъ сентенната Брюа и бонапартистъ Бержѣ: Малльѣ получилъ 45,187, Брюа 26,025 и Бержѣ 25,420 голосовъ. Такъ какъ для законности избранія требуется большинство всѣхъ поданныхъ голосовъ, то-есть болѣе половины ихъ, то сдѣлалось необходимо вторичное избраніе. Тѣмъ не менѣе побѣда республиканскаго кандидата уже на первыхъ выборахъ имѣла немалое значеніе. Департаментъ Мэна-и-Луары на выборахъ 1871 года послалъ въ собраніе 11-ть роялистскихъ депутатовъ, избранныхъ громаднымъ большинствомъ: отъ 90 до 100 тысячъ голосовъ на каждого. Нынѣшній министръ просвѣщенія де-Клюмонъ былъ избранъ тогда и получилъ хотя менѣе голосовъ, чѣмъ его товарищи, но все-таки свыше 90 тысячъ; теперь же во главѣ списка сталъ республиканецъ; республиканскія газеты имѣли поводъ торжествовать. Затѣмъ бонапартистскій

кандидатъ Бержé поступилъ весьма ловко: предвидя поражение и на вторичномъ производствѣ выборовъ, онъ предпочелъ удалиться съ арены, съ тѣмъ, чтобы сдѣлать неприятность министру внутреннихъ дѣлъ, генералу Шабб-Латуру. Дѣло въ томъ, что избирательный циркуляръ Бержé, рѣзко выражавшійся въ пользу имперіи, послужилъ предметомъ запроса въ постоянной комиссіи собранія, и генералъ Шабб-Латуръ сказалъ, что только уваженіе къ избирательной свободѣ заставило его не принять мѣръ противъ такого заявленія, что еслибы циркуляръ Бержé былъ газетною статьей, то онъ непременно былъ бы подвергнутъ преслѣдованію. Министръ сдѣлалъ это заявленіе, быть можетъ, нехотя, но не могъ не сдѣлать его въ виду той необыкновенной строгости, съ какою правительство относилось къ органамъ республиканскимъ. Тѣмъ не менѣе Бержé, отказавшись, вслѣдствіе выборнаго результата 13-го сентабря, отъ своей кандидатуры, напечаталъ свой циркуляръ въ провинціальной газетѣ и написалъ министру письмо, въ которомъ приглашалъ его начать преслѣдованіе, такъ какъ онъ, Бержé, пересталъ быть кандидатомъ на избраніе, а его циркуляръ обратился въ газетную статью. Но министръ угрозы своей не привелъ въ исполненіе, такъ какъ это могло повліять на окончательный результатъ выборовъ, и бонапартисты могли подать голоса противъ правительства. Дѣйствительно, выборы въ Мэнъ-и-Луарѣ были еще замѣчательны тѣмъ, что на нихъ какъ бы воскресла система официальныхъ кандидатуръ, столь много осуждаемая при имперіи: кандидатъ-септенналистъ считался кандидатомъ правительства и отчасти былъ имъ, такъ какъ республиканскіе органы не пользовались полною свободой. Результатъ вторичныхъ выборовъ былъ неблагоприятенъ для правительства: Брѣа получилъ 47,728 голосовъ, а Малльё получилъ 51,515 и объявленъ членомъ національнаго собранія. Пораженіе правительства было вполне заслуженное.

Дѣло въ томъ, что вопреки увѣреніямъ маршала Макъ-Магона, что нынѣшнее правленіе должно быть періодомъ успокоенія страны, перемиремъ между партіями и что онъ призываетъ къ содѣйствію себя всѣхъ умѣренныхъ людей, — септеннатъ въ дѣйствительности есть болѣе или менѣе прочная диктатура одной партіи, которая для укрѣпленія своей власти то опирается на нѣкоторыя другія партіи, то ихъ преслѣдуетъ, и преслѣдованія свои обращаетъ преимущественно на республиканскую партію, такъ какъ менѣе всего желаетъ упроченія республики. Случаевъ, въ которыхъ проявился такой образъ дѣйствій правительства септенната, какъ партіи, въ послѣднее время было не мало. Такъ, въ Марсели теперь, по прошествіи почти четырехъ лѣтъ, поднято дѣло о безпорядкахъ, бывшихъ въ концѣ 1870 и началѣ 1871 годовъ съ тою цѣлью, конечно, чтобы устранить отъ

участія въ общественномъ управленіи нѣкоторыхъ членовъ республиканской партіи. Преслѣдованія республиканскихъ газетъ, на основаніи осаднаго положенія, продолжаютъ съ бѣльшею противъ прежняго строгостью. Что америкальскій „Univers“ подвергся преслѣдованію за статью о правительствѣ Сerrano, это, конечно, не могло служить республиканцамъ утѣшеніемъ. Характеристично было официальное „сообщеніе“, присланное въ сентябрѣ въ „Journal des Débats“. Въ одной изъ статей этой газеты было сказано, что коалиція 24-го мая 1873 г. произвела въ странѣ безпокойство и еще, что „кто не за республику, тотъ, значить, за имперію“. Газетѣ было прислано „сообщеніе“, что правительство не можетъ допускать подобныхъ разсужденій и будетъ неминуемо преслѣдовать ихъ при повтореніи. Это было настоящимъ „предостереженіемъ“. Сверхъ того, это было очевиднымъ насиліемъ одной, правящей партіи надъ другою, находящеюся въ оппозиціи. Монархистскіе органы всѣхъ партій постоянно, и нисколько не стѣсняясь, проводятъ мысль, что кто за республику, тотъ за анархію, коммуну и т. д.; между тѣмъ „Journal de Débats“ хотѣлъ только сказать, что дѣло всѣхъ монархистовъ, кромѣ приверженцевъ имперіи, безнадежно, и что, въ виду возрастающей силы бонапартизма, надо или упрочить республику, или сознать впередъ, что, противясь ей, работаешь въ пользу имперіи. Сообщеніе данное „Journal de Débats“ вызвало запросъ правительству и оживленныя пренія въ постоянной комиссіи собранія. Министръ внутреннихъ дѣлъ, защищая свою мѣру, долженъ былъ показать видъ, будто правительство приняло на свой счетъ замѣчаніе, кто не за республику, тотъ за имперію. Но такъ какъ въ статьѣ оно вовсе не было отнесено къ правительству, то такое толкованіе было чистою придиркою и напоминало манеру цензоровъ реставраціи и второй имперіи. Еще болѣе характеристиченъ былъ поступокъ правительства съ мэромъ города Камбрѣ. Этотъ мэръ назначенъ былъ герцогомъ де-Брольи, въ силу новаго закона, на основаніи котораго произведено было „очищеніе“ мѣстной администраціи отъ республиканскихъ элементовъ въ виду будущихъ выборовъ, съ замѣною республиканцевъ въ значительной части—бонапартистами. Стало быть, не могло быть сомнѣнія, что этотъ мэръ во всякомъ случаѣ принадлежалъ къ числу всѣхъ „умѣренныхъ людей“, которыхъ маршалъ призывалъ къ содѣйствію своему правительству. Но онъ принялъ кандидатуру отъ республиканскаго избирательнаго комитета, и тотчасъ былъ уволенъ отъ должности.

Такое очевидное насиліе одной партіи надъ другою доказываетъ, что септеннатъ нисколько не похожъ на пресловутое „перемиріе“ партій. Такой характеръ предполагалъ бы одно изъ двухъ: или видѣть во всѣхъ партіяхъ, предрѣшающихъ такъ или иначе вопросъ

объ окончательномъ образѣ правленія, — нарушителей воли собранія, отсрочившаго этотъ вопросъ на 7 лѣтъ и, сообразно такому взгляду, преслѣдовать всякое заявленіе и всякое усиліе въ смыслѣ, предпрѣшающемъ этотъ вопросъ, въ чемъ бы они ни проявлялись: въ публичной рѣчи, газетной статьѣ, уличной демонстраціи или комитетѣ интригующихъ для той или другой реставраціи. Но эта система дѣйствій была бы неосуществима; нельзя себѣ представить въ настоящую минуту во Франціи такое министерство, которое стояло бы цѣликомъ внѣ партій; и изъ какихъ бы партій оно ни состояло, немислимо, чтобы оно стало преслѣдовать эти партіи. Затѣмъ оставалась бы только другая альтернатива: сохранять полную нейтральность, допускать полную свободу всякихъ заявленій и усилій, направленныхъ къ установленію, по истеченіи 7 лѣтъ, той или другой формы правленія, лишь бы эти дѣйствія не выходили изъ области дозволенныхъ общими законами. Но система септенната ничего не имѣетъ общаго съ такой системой; удерживая осадное положеніе и передѣлывая составъ мѣстной администраціи съ цѣлью доставить торжество „консерваторамъ“ при будущихъ выборахъ, онъ слѣдуетъ системѣ прямо противоположной, а стало быть, никакого перемирія между партіями онъ собой не представляетъ, но, наоборотъ, представляетъ то „правительство борьбы“, котораго требовала правая сторона національнаго собранія, когда ниспровергла Тьера.

Избирательная борьба должна была возобновиться въ большихъ размѣрахъ при назначенныхъ на 4-е октября выборахъ для возобновленія половины состава генеральныхъ совѣтовъ. По замѣчанію „Journal des Débats“ выборы эти будутъ прежде всего „репетиціею“ будущихъ выборовъ въ національное собраніе, и вотъ почему необходимо, чтобы республиканцы посвятили этой борьбѣ всѣ свои усилія. Понятно, что въ странѣ федеральной, каковы Соединенные Штаты, на мѣстныхъ выборахъ проявляется борьба тѣхъ же самыхъ политическихъ партій, которыя стремятся къ управленію дѣлами государства. Но какой смыслъ можетъ имѣть подобная борьба во Франціи при выборахъ въ генеральные совѣты, которые не только не имѣютъ политической власти, но даже и права выражать политическія желанія? Естественно ли такое положеніе дѣлъ, что для рѣшенія вопросовъ земскаго характера люди избираются не по степени личнаго довѣрія, ими внушаемаго, не по заслугамъ ихъ для мѣстности, не по познаніямъ и дѣловитости каждаго изъ нихъ, но по мѣрѣ того, что каждый изъ нихъ думаетъ о бѣломъ или трехцвѣтномъ знамени, о томъ, было ли законно или нѣтъ 4 сентября 1870 г., и о томъ, какой характеръ принадлежитъ септеннату — „личный“ или „безличный“? Между тѣмъ даже немислимо, чтобы въ совре-

менной Франціи могло быть иначе: политика въ ней насквозь проѣла всё отправленія общественной жизни, и даже въ жизни частной играетъ роль, которая неизвѣстна въ остальной Европѣ. Выборы въ генеральныя совѣты, учрежденія, не имѣющія политическаго характера, будутъ имѣть чисто-политическое значеніе, — но въ какомъ смыслѣ? — Именно какъ „репетиція“ только. Само это слово, случайно употребленное публицистомъ „Journal des Débats“, характеристично: французскій парламентаризмъ въ значительной степени превратился въ драматизмъ, политическое представительство въ театральное представленіе; выборы въ департаментскіе совѣты, предшествуя и предзнаменуюя собою выборы въ парламентъ, являются „репетиціею“. Если бы было иначе, то старыя партіи потеряли бы свой престижъ и замѣнились бы двумя новыми партіями консерваторовъ и либераловъ, которыя придавали бы болѣе значенія законамъ, обусловливающимъ общественную жизнь въ дѣйствительности, чѣмъ формѣ правленія и личностямъ президентовъ. Если въ странѣ было бы такое серьёзное настроеніе, то легитимисты и бонапартисты слились бы въ одну партію, консервативную или, лучше сказать, *autoritaire*, а орлеанисты и республиканцы въ другую партію — либеральную. Вопросъ о династіи, поставленный на задній планъ, былъ бы рѣшенъ новыми партіями легко. Консерваторы предпочли бы имперію потому, что она реальнѣе легитимизма, гораздо легче его можетъ быть восстановлена и прочнѣе его держаться, она современнѣе, болѣе соотвѣтствуетъ нравамъ. Что касается вопроса о происхожденіи правъ, то вотъ имъ-то именно и перестали бы заниматься. Не все ли равно, откуда ведется преемство власти, отъ Капета или отъ Наполеона, когда реальная сущность ея — та же, диктатура, въ союзѣ съ духовенствомъ, болѣе или менѣе смягченная представительными формами? Съ другой стороны, не все ли равно, какъ называлось бы правленіе либеральное, парламентское: орлеанскою монархіей или „консервативною республикой?“ Между этими формами такъ мало разницы, что знаменитѣйшія имена изъ исторіи іюльской монархіи можно найти нынѣ въ средѣ приверженцевъ республики: сынъ Казимира Перье старшаго, графъ Монталивэ, самъ Тьеръ — въ ихъ числѣ. Ошибочное опредѣленіе, которое было дано іюльской монархіи покойнымъ Гизо *le roi règne et gouverne sous la responsabilité de ses ministres*, опредѣленіе, при которомъ становилось непонятно, зачѣмъ же Людовикъ-Филиппъ смѣнилъ Карла X на престолѣ, — было опровергнуто революціею 1848 года. Нынѣ для орлеанской монархіи, какъ и для республики остались только тѣ формулы, которыя поочередно придумалъ для нихъ одинъ и тотъ же человекъ — Тьеръ: *le roi règne et ne gouverne pas* — для орлеанскаго правленія; *république conser-*

vative—для правленія республиканскаго. Но одно ли и то же самое выражается этими двумя формулами? Первая означает консервативную форму съ республиканскимъ духомъ, вторая — республиканскую форму съ консервативнымъ духомъ. Стоить ли бороться изъ-за такихъ призрачныхъ различій, и такъ какъ республика существует de facto, то либеральная партія, очевидно, должна была бы отдать предпочтеніе ей.

Между тѣмъ на дѣлѣ мы видимъ совсѣмъ иное: сходятся крайнія партіи, а ближайшія всѣхъ болѣе ненавидятъ другъ друга: легитимисты предпочитаютъ республику имперіи, орлеанисты вступаютъ въ союзъ съ приверженцами имперіи, лишь бы испровергнуть республику. Значить, сущность полагается въ словахъ и формахъ, а не въ законахъ, обуславливающихъ общественную жизнь; объ этихъ законахъ не заботятся; весь вопросъ въ томъ, чье имя, чье знамя, лиліи, орель, пѣтухъ или фригійская шапка будутъ эмблемою Франціи. Французское общество не слѣдуетъ примѣру лучшихъ своихъ людей, которые сознали призрачность внѣшнихъ различій и наименованій; оно увлекается именно наружными отличіями, увлекается отъ серьезнаго дѣла до такой степени что приходится сказать: политическія страсти проникли во Франціи всѣ сферы жизни, но политическій смыслъ, сознаніе политическихъ принциповъ не проникло доселѣ самихъ французовъ. Вотъ почему азартъ, непримиримость и рискованность, съ какими ведется во Франціи политическая борьба, напоминаютъ византійскія ристалища, на которыхъ цвѣтъ платья наѣздниковъ имѣлъ богословско-символическое значеніе, и изъ-за спора о значеніи дифтонга въ писаніи оставалось безъ вниманія приближеніе той грозы, которая положила конецъ не только ристалищамъ синихъ и бѣлыхъ, но и самому существованію государства.

Чѣмъ долѣе будетъ продолжаться такое положеніе дѣлъ, тѣмъ неизбежнѣе должна представиться слѣдующая альтернатива: установленіе прочной диктатуры, по всей вѣроятности бонапартистской, или паденіе Франціи. Не слѣдуетъ забывать, что въ то время, когда все вниманіе этой страны поглощено малѣйшими подробностями о какомъ-нибудь избирательномъ маневрѣ или обсужденіемъ циркуляра, и спорами о различныхъ значеніяхъ одного и того же слова во французскомъ языкѣ,—ежедневно можетъ представиться случай, въ которомъ Франціи пришлось бы, даже при самомъ прочномъ устройствѣ и полномъ единодушіи народа, напречъ всѣ свои силы для защиты *ни имѣть* разъ уже своего существованія. Достаточно было бы какого-нибудь рѣзкаго ультиматума со стороны Германіи, чтобы во Франціи *ничь* произошло взрывъ, который увлекъ бы правительство на новую *войну*, несмотря на смиреніе, нынѣ проповѣдуемое французскими га-

зетами. Надо надѣяться, что такого ультиматума предъявлено не будетъ; но каково же положеніе страны, которая предоставляет свою судьбу умѣренности вчерашняго побѣдителя?

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

24/12 сентября.

Министерскія исторіи въ Пруссіи.

Послѣ того какъ закрылись двери нашего парламента, за исключеніемъ киссингенскаго покушенія и испанской сумятицы, не происходило ровно ничего интереснаго, и газетамъ зачастую не хватало матеріала для удовлетворенія любопытства читателей. Тѣмъ не менѣе, политическое положеніе у насъ значительно измѣнилось въ эти четыре мѣсяца.

Важнѣйшимъ признакомъ этой перемѣны служитъ назначеніе второго вице-президента палаты депутатовъ, д-ра Фриденала, министромъ сельскаго хозяйства. Значеніе этого событія заслуживаетъ подробнаго объясненія, и я на немъ позволю себѣ остановиться. Исторія нашихъ министерствъ, въ ея связи съ парламентскою жизнью страны, едва ли знакома вашимъ читателямъ, между тѣмъ какъ въ ней много чрезвычайно любопытнаго.

Основаніемъ всей политической жизни въ Англіи служитъ обыкновеніе составлять правительство изъ членовъ большинства нижней палаты. „Чтобы установить гармонию и согласіе между правительствомъ и парламентомъ (говоритъ Тоддъ въ своемъ сочиненіи о парламентскомъ управленіи въ Англіи) и не играть при этомъ недостойной роли простаго орудія въ рукахъ демократическаго собранія, необходимо, чтобы министры находили сильную поддержку въ обѣихъ палатахъ и преимущественно въ палатѣ общинъ. Это преимущество обезпечивается за ними тѣмъ образомъ дѣйствій, какового держатся партіи. Какая бы политическая партія ни преобладала въ націи или въ законодательствѣ, она всегда избираетъ въ вожди и представители способнѣйшихъ изъ своихъ членовъ. Когда корона изберегъ изъ среды ихъ своихъ совѣтчиковъ и высшихъ чиновниковъ, то интересы партій, равно какъ и государства, требуютъ, чтобы парламентъ оказывалъ имъ самую энергическую поддержку и чтобы они въ свою очередь дѣятельно вліяли на совѣщанія парламента, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока пользуются довѣріемъ палаты общинъ. Полагаясь

на сужденіе и осмотрительность людей, которыми съ согласія какъ короны, такъ и парламента довѣрено управленіе государственными дѣлами, законодательныя палаты должны одобрять и благосклонно принимать всё мѣропріятія, какія министерство предлагаетъ имъ на утвержденіе. Онѣ не должны затруднять дѣятельность министровъ, и довольствуются лишь свободной критикою ихъ дѣйствій, составляющей ихъ прерогативу“.

Нельзя лучше опредѣлить сущность понятія о парламентскомъ министерствѣ, какъ приведенными здѣсь словами Тодда. Въ этомъ смыслѣ у Пруссіи нѣтъ до сихъ поръ и никогда не бывало парламентскаго министерства. Въ 1848 г. основное понятіе о необходимости единства въ министерствѣ было даже совсѣмъ незнакомо въ Пруссіи, подобному тому какъ оно было чуждо самой Англіи до конца XVIII-го столѣтія: „при Пантагенетахъ, Тюдорахъ и Стюартахъ (говорить Маколей въ началѣ XIV главы своей „Исторіи Англіи“) бывали министры, но не существовало министерства. Служители короны не были тѣсно связаны другъ съ другомъ, какъ теперь. Никто не требовалъ, чтобы они сходились во мнѣніяхъ даже по вопросамъ первѣйшей важности. Зачастую они бывали политическими и даже личными врагами и не скрывали своей вражды другъ къ другу. Тогда не считалось неприличнымъ для нихъ обвинять другъ друга въ преступленіяхъ и требовать казни одинъ другого. Между членами правительства существовала только одна точка соприкосновенія—ихъ общій глава, государь. Нація видѣла въ немъ настоящаго главу администраціи, и строго осуждала его, если онъ уступалъ свои высокія обязанности кому-нибудь изъ подданныхъ. Кларендонъ говоритъ намъ, что въ его время не было для англичанъ человѣка ненавистнѣе перваго министра. Они охотнѣе стануть повиноваться, говоритъ онъ, узурпатору, какъ Кромвель, который былъ на дѣлѣ, какъ и по имени, первымъ должностнымъ лицомъ въ странѣ, чѣмъ законному королю, который навязываетъ имъ великаго визиря“.

Читая это описаніе, не можешь не подивиться огромной переměнѣ въ воззрѣніяхъ англичанъ, совершившейся въ какія-нибудь полтора столѣтія, и поэтому неудивительно, что въ Пруссіи, гдѣ конституціонная жизнь существуетъ всего четверть столѣтія, переměна въ воззрѣніяхъ не такъ ощутительна, какъ въ Англіи. Но несомнѣнно, что переměна эта идетъ здѣсь болѣе быстрымъ ходомъ, чѣмъ въ Англіи въ былое время.

1848 г. подарилъ Пруссію цѣлымъ рядомъ министерствъ, которыя были частію созданы на конституціонный образецъ, но которыми не доставало связи съ парламентомъ; а въ этомъ послѣднемъ не было, да и не могло быть никакихъ крѣпко сплоченныхъ партій.

Первое министерство, имѣвшее характеръ единства, но наименѣе одушевленное парламентарско-конституціоннымъ духомъ, было министерство Бранденбургъ-Мантейфеля, вступившее въ дѣйствіе 9 ноября 1848 г. и остававшееся, за немногими измѣненіями (такъ, напр., черезъ нѣсколько лѣтъ умеръ графъ Бранденбургъ), во главѣ дѣлъ въ теченіи цѣлаго десятилѣтія. Новая эра помогла партіи, стоявшей въ оппозиціи въ періодъ реакціи, взять верхъ, и члены этой партіи: Ауэрсвальдъ, Шверинъ и т. д. были призваны въ новое министерство. Но традиція была слишкомъ сильна для того, чтобы министерство могло получить истинно-конституціонный и парламентскій характеръ. Въ теченіи цѣлаго десятилѣтія привыкли смотрѣть на каждого мало-мальски либеральнаго человѣка, и хотя бы на одномъ какомъ пунктѣ составлявшаго оппозицію правительству, какъ на личнаго врага короля, и обвинять его въ измѣнѣ.

Молодому, нынѣ живущему, поколѣнію неизвѣстны гнусности, какія позволяла себѣ партія, бывшая тогда въ силѣ, партія „Крестовой Газеты“. Одинъ изъ старѣйшихъ либераловъ Пруссіи, бреславльскій совѣтникъ юстиціи Фишеръ, въ слѣдующихъ чертахъ изображаетъ цвѣтущее время реакціи (1849 г.):

„Газеты были переполнены адресами, стихотвореніями, указаціями и нападками. Нѣкая г-жа Матильда фонъ-Л. и извѣстный почитатель женщинъ графъ Отто фонъ-Шлиппенбахъ состязались въ усердіи съ другими стихокропателями въ ругани противъ оппозиціи, и извѣстная пѣсня Меркеля: „Противъ демократовъ помогаютъ только солдаты“, разработывалась на всякій ладъ. Со всѣхъ сторонъ сыпались доносы на извѣстныхъ демократовъ, болѣею частью безъ подписи, но тѣмъ удобнѣе наполняемая клеветой и бранью. Въ Бреславлѣ, на другой день послѣ объявленія осаднаго положенія, прислано было болѣе ста доносовъ. Министерство Бранденбургъ-Мантейфеля обвинялось въ слишкомъ большой снисходительности и требовались казни для выдающихся членовъ демократіи. „Крестовая Газета“ напечатала даже однажды слѣдующее заявленіе: „Я бы желалъ быть теперь королемъ и именно королемъ прусскимъ. Я бы заплѣлъ иную пѣсенку народу. Конституція, которую бы я далъ, заключала бы только два параграфа: 1, король приказываетъ, 2, народъ повинуется. Ни съ какою другою нельзя управлять. Душой конституціи было бы правило: лучше обвинить десять невинныхъ, чѣмъ оставить безнаказаннымъ одного виновнаго. Всѣ вожди возстанія, которыхъ мы достаточно видимъ во всѣхъ кружкахъ, были бы объявлены виновными и повѣшены. Но такихъ людей, какъ Вальдекъ, я бы повѣсилъ за ноги, а головой воткнулъ бы въ муравейную кучу. Предварительный судъ надъ подобными людьми есть только карикатура на правосу-

діе. Школьныхъ учителей, крестовъ и писателей я бы стеръ съ лица земли“.

Подобныя воззрѣнія и желанія не были одиночнымъ явленіемъ, но высказывались громко съ различныхъ сторонъ. Всякій, кто только заподозрѣвался въ малѣйшемъ либерализмѣ, такъ-называемые демократы, къ которымъ причисляли и умѣренныхъ членовъ оппозиціи, были предоставляемы на произволь судьбы. Полиція и суды существовали лишь для защиты реакціонеровъ. Конечно, можно утверждать, что подобныя вещи не что иное, какъ крайности, всегда проявляющіяся въ неспокойныя времена, и что революція 1848 г. естественно должна была вызвать реакцію. Но этого объясненія недостаточно. Крайніе консерваторы, господствовавшіе тогда, и которые въ прусской исторіи всегда обозначаются по имени ихъ главнаго органа „Крестовой Газеты“; ихъ послѣдній корифей, престарѣлый фонъ-Герлахъ, ироніей судьбы поставленъ нынѣ въ положеніе обвиненнаго за брошюру о Бисмаркѣ и гражданскомъ бракѣ, онъ, бывшій самъ судьей въ теченіи 50-ти лѣтъ, — эти крайніе консерваторы рѣшительно не понимали своего времени и хотѣли уничтожить конституцію. Стремясь къ этой недостижимой цѣли, они потерпѣли крушеніе, и уже та эпоха была весьма поучительна для уразумѣнія значенія общественныхъ факторовъ и политическихъ потребностей. Эта конституція похожа была на дырявую и издерганную тряпичу; однимъ росчеркомъ пера она могла быть уничтожена, на чемъ настаивала вліятельная партія, и со всѣмъ тѣмъ этого не случилось.

Министерство новой эры съ самаго начала сдѣлало большую ошибку тѣмъ, что совсѣмъ отдѣлилось отъ своихъ прежнихъ политическихъ друзей. Англійскій министръ *долженъ* быть членомъ парламента, потому что въ противномъ случаѣ онъ не можетъ даже появиться въ палатахъ; въ теченіи всей своей министерской карьеры онъ находится въ тѣсной связи съ своей партіей, между тѣмъ какъ прусскій министръ съ того момента, какъ дѣлается министромъ, становится только превосходительствомъ и бюрократомъ. Отъ этого происходитъ то, что министръ и его прежніе сочлены все болѣе и болѣе отчуждаются другъ отъ друга, и періодъ новой эры далъ тому самое поразительное доказательство, потому что именно партія министерства, которая насчитывала громадное большинство въ палатѣ депутатовъ, оставила министерство безъ поддержки и допустила его паденіе. Это случилось тѣмъ скорѣе, что партія „Крестовой Газеты“, съ своей стороны, не дремала и назначеніемъ строго-консервативнаго фонъ-Роона военнымъ министромъ спибла съ ногъ министерство.

Въ эпоху реакціи, то-есть при министерствѣ Мантейфеля, мини-

стры смотрѣли на себя единственно, какъ на слугъ короля, не обращая никакого вниманія на палаты. Когда оппозиція слишкомъ досаждала Мантейфелю и онъ истощалъ всѣ свои ресурсы, то обыкновенно говаривалъ; „я остаюсь на своемъ постѣ только по приказанію короля, и покину его только по его приказанію“. Это очень удобный принципъ, только нельзя сказать, чтобы онъ былъ конституціоннымъ. Поэтому, въ конституціонномъ государствѣ онъ невѣренъ въ теоріи и пагубенъ на практикѣ. Онъ долженъ привести къ совершенному уничтоженію конституціонализма.

Въ жару столкновенія, проявившагося въ 1862 г., и при ослабленіи тогдашней оппозиціи, которая никакъ не могла понять истинныхъ цѣлей Бисмарка, его министерство считалось за крайне-реакціонное, стремившееся къ низложенію всякой конституціи, и съ нимъ обращались согласно этому. Между тѣмъ это воззрѣніе было вполне ошибочнымъ. Хотя программа министерская и не была обнародована, однако графъ Эйленбургъ, призванный въ министерство однимъ изъ послѣднихъ, далъ нѣсколько весьма интересныхъ поясненій, по случаю преній объ адресѣ въ палатѣ депутатовъ. Оппозиція постоянно упрекала тогда министерство въ томъ, что оно нарушило конституцію, и утверждало, что еслибы король убѣдился въ этомъ, то навѣрное распустилъ бы министерство. На подобный упрекъ графъ Эйленбургъ объявлялъ: „когда его величество приказалъ мнѣ принять министерство, я позволилъ себѣ попросить его величество сообщить мнѣ о его намѣреніяхъ, чтобы знать, могу ли я проводить эти намѣренія, не поступая наперекоръ своей совѣсти. Его величество сообщилъ мнѣ, что онъ желаетъ, чтобы реорганизація арміи была произведена конституціоннымъ путемъ, и чтобы ненормальное состояніе, въ какомъ мы находимся, было покончено, причѣмъ правительство признало бы за собой отвѣтственность за расходы, которые будутъ сдѣланы помимо утвержденного бюджета; что на одобреніе палаты депутатовъ будетъ представленъ бюджетъ, и все это подъ условіемъ отвѣтственности правительства. На этихъ условіяхъ я подчинился приказаніямъ короля и сдѣлался министромъ“.

Нельзя не сознаться, что такое поведеніе не только дѣлаетъ честь личному характеру министра (въ независимости котораго никогда, впрочемъ, никто и не сомнѣвался), но и соответствуетъ въ значительной мѣрѣ конституціоннымъ принципамъ. Въ той же самой рѣчи министръ сдѣлалъ еще одно весьма важное признаніе: „я вообще раздѣляю конституціонную теорію и признаю неосновательнымъ и неразумнымъ отождествлять министерство съ королемъ“.

Уже этихъ двухъ заявленій вполне достаточно для того, чтобы признать глубокую разницу въ принципахъ между министерствомъ

Бисмарка и министерствомъ Мантейфеля. Со всѣмъ тѣмъ и въ новомъ министерствѣ конституціонные зародыши были еще весьма слабы, и только время могло дать имъ развиться. Но прежде, чѣмъ перейти къ этому пункту, я долженъ коснуться одной характеристичной черты, выступившей при постепенномъ преобразованіи министерства и имѣющей особенно важное значеніе для Пруссіи. Министерство 1862 г. состояло исключительно изъ дворянъ. Въ нынѣшнемъ министерствѣ, послѣ назначенія д-ра Фриденала, засѣдаютъ пять бюргеровъ. Въ нашемъ языкѣ нѣтъ соотвѣтственнаго слова для передачи слова „бюргеръ“ — это есть лишь естественное слѣдствіе различнаго историческаго развитія обоихъ государствъ. Что въ Германіи слово „бюргерскій“ означаетъ не-дворянскій, происходитъ оттого, что въ прежнія времена одно дворянство занималось военнымъ дѣломъ, а не-дворяне предпочитали заниматься гражданскими дѣлами. Для ббльшей ясности прибавлю еще слѣдующее. Конечно, существуетъ разница между бюргеромъ и крестьяниномъ, но когда, напр.,—что прежде и бывало—человѣкъ выдѣлится изъ крестьянскаго сословія, сдѣлается министромъ или генераломъ, то всегда говорятъ „бюргерскій министр“, „бюргерскій генералъ“.

Само собой разумѣется, что я вовсе не намѣренъ излагать здѣсь трактатъ о дворянствѣ, исторія котораго давно уже написана. Прусское дворянство почти сплошь—дворянство военное. Послѣ того какъ старинные, поселившіеся въ бранденбургскомъ маркграфствѣ дворяне были обузданы желѣзной рукой курфирста, они поступили въ военную или въ придворную службу. Сыновья ихъ поступили точно также, и такъ какъ эти дворяне были крайне бѣдны, то они не могли совсѣмъ существовать помимо двора и помимо военной службы. Это своеобразное отношеніе имѣло свои хорошія и худшія стороны, какъ и все въ мірѣ. Дворянство было вполне предано королю и считало долгомъ, честью и единственнымъ назначеніемъ для себя военную службу. Что наследственность — не пустое слово, признавалось искони, и еще герои Гомера хвалились пуще всего своимъ происхожденіемъ. Даже ожесточеннѣйшіе враги дворянства не отрицаютъ, что послѣднее очень храбро. Юные офицеры, едва покинувшіе кадетскій корпусъ, почти еще мальчики, умѣютъ вселить уваженіе солдатамъ, которыми командуютъ, своей неустрашимостью и презрѣніемъ къ смерти. Далѣе, признано, что нравы сельскаго дворянства вообще были весьма строги и просты, и остались такими и до сихъ поръ, хотя произошли значительныя соціальныя перемѣны, коснувшіяся и землевладѣльцевъ. Расточительность, пьянство—почти не знакомы ему пороки. Помѣстья были малы, капиталы ничтожны, и поэтому самъ землевладѣлецъ и его жена занимались своимъ хозяйствомъ; рос-

кошъ была незнакома или недостижима; по праздникамъ — самое ббльшее, если подавалось на столъ легкое французское вино, стоившее тогда очень дешево. Женщины носили теани собственнаго издѣлія, и зачастую невѣста шила бблье для жениха изъ полотна, вытканнаго собственноручно. Семьи были, кромѣ того, весьма многочисленны, и поэтому подростаящіе сыновья, если не попадали по милости короля въ кадетскіе корпуса, то отсылались какъ можно скорѣе въ армію. Тамъ они служили за ничтожное жалованье, до тѣхъ поръ, пока не дѣлались инвалидами, если только счастье не особенно имъ благоприятствовало. Правильныхъ же пенсій въ тѣ времена не существовало.

За всѣ эти лишенія дворянство находило вознагражденіе въ сознаніи, что оно первое сословіе въ государствѣ, и съ чрезмѣрнымъ высокомѣріемъ относилось къ бюргерскому элементу, который уже съ половины прошлаго столѣтія, сознавъ свою силу и значеніе, началъ стремиться къ уравненію своихъ правъ съ правами дворянъ. Это движеніе получило сильное поощреніе въ несчастной войнѣ 1806 г. Такъ какъ въ ту эпоху армія исключительно командовалась офицерами-дворянами, то этихъ послѣднихъ признали виновниками катастрофы. Къ этому присоединилось еще то обстоятельство, что король долженъ былъ въ 1813 г. обратиться ко всему народу, и что усиленіе арміи посредствомъ ландвера потребовало слишкомъ большаго числа офицеровъ, такъ что дворяне не могли замѣстить всѣхъ офицерскихъ мѣстъ, и поэтому множество бюргеровъ произведены были въ офицеры и дрались такъ же храбро, какъ и любой офицеръ изъ дворянъ, и по окончаніи войны остались въ арміи. Но эпоха, послѣдовавшая непосредственно за войною, была крайне реакціонной: офицеры не-дворяне не получали никакого повышенія, оттирались на задній планъ и вышли въ отставку. Затѣмъ снова все вошло въ обычную колею. Но со всѣмъ тѣмъ отъ великой эпохи реформъ остались нетронутыми нѣкоторыя узаконенія, уничтожившія главнѣйшія изъ прежнихъ привилегій дворянства. Такъ, эдиктомъ отъ 1809 г. отмѣнено исключительное право дворянъ приобрѣтать дворянскія помѣстья; различныя узаконенія 1808 г. постановили, чтобы право на офицерское званіе давалось въ мирное время познаніями и образованіемъ, въ военное же—храбростью и отличіемъ, несмотря на происхожденіе, и что всѣ государственныя должности должны быть доступны лично способнымъ и достойнымъ людямъ. Конечно, на практикѣ эти узаконенія обходились, и не только высшія офицерскія мѣста, но и высшія гражданскія должности замѣщались исключительно дворянами. Далѣе, существовали еще оскорбительные остатки старыхъ законовъ, въ силу которыхъ оскорбле-

нія, нанесенныя дворянину, наказывались строже, чѣмъ оскорбленія, нанесенныя бюргеру; дворяне, совершившіе преступленіе, разжаловались въ бюргера, браки дворянъ съ лицами низшихъ сословій не считались законными.

Наступилъ 1848 г., и съ нимъ разразилась новая буря противъ дворянства. Въ проектѣ имперской конституціи, обсуждавшемся во франкфуртскомъ собраніи, равно какъ и въ проектѣ прусской конституціи, была статья, устанавливавшая права народа. Въ обѣихъ конституціяхъ постановлено равенство передъ закономъ. Во Франкфуртѣ національное собраніе слѣдующимъ образомъ выразило этотъ принципъ: „всѣ нѣмцы равны передъ закономъ; сословныя привилегіи не признаются“. Въ Пруссіи учредительное собраніе не захотѣло удовольствоваться такой мягкой формой. Оно рѣшило поэтому въ двухъ засѣданіяхъ, отъ 30-го и 31-го октября, принадлежавшихъ къ числу бурнѣйшихъ того года, упразднить совсѣмъ дворянство и монашескіе ордена. Тогда не нашлось защитника интересовъ дворянства, и ворифей лѣвой стороны соревновали другъ передъ другомъ въ грубѣйшихъ нападкахъ на все, что только напоминало какую-нибудь аристократію. Эти засѣданія и рѣшенія существенно содѣйствовали тому, чтобы ускорить неизбѣжную катастрофу.

Несмотря на то, правительство приняло во вниманіе законныя желанія, и въ дарованной конституціи статья 4-я гласила: „всѣ пруссаки равны передъ закономъ. Сословныхъ привилегій не существуетъ“. Общественныя должности доступны для всѣхъ, къ нимъ способныхъ. Конечно, многого недоставало для того; чтобы эти опредѣленія осуществились на фактѣ, и нѣкоторое предпочтеніе къ дворянству сохранилось и до сихъ поръ. Въ особенности, какъ это было упомянуто раньше, въ высшія военныя, какъ и гражданскія должности назначаются преимущественно дворяне, что служить источникомъ вѣчныхъ обвиненій оппозиціи.

Итакъ, министерство Бисмарка состояло первоначально только изъ дворянъ и даже рассказывается, какъ анекдотъ, что при образованіи министерства долгое время искали министра юстиціи изъ дворянъ, такъ какъ случайно не находилось ни одного дворянина изъ высшихъ судейскихъ сановниковъ, который бы пожелалъ вступить въ министерство. Наконецъ кто-то вспомнилъ про оберъ-прокурора, графа Липпе, жившаго до тѣхъ поръ въ безвѣстности и едвали мечтавшаго сдѣлаться когда-нибудь министромъ. Разумѣется, онъ не заставилъ себя просить. Онъ былъ первый, который по истеченіи семи лѣтъ (въ теченіи этого времени онъ подвергался жесточайшимъ нападкамъ и вполнѣ заявилъ о своей неспособности) вышелъ изъ министерства и былъ замѣщенъ г. Леонгардтомъ. Послѣдній, послѣ

весьма славной юридической дѣятельности въ Ганноверѣ, былъ назначенъ въ 1865 г. ганноверскимъ министромъ юстиціи и занималъ этотъ постъ до присоединенія этого королевства къ Пруссіи. Онъ скоро освоился съ новымъ порядкомъ вещей и былъ назначенъ вице-президентомъ высшаго аппеляціоннаго суда въ Целле. Съ 1-го сентября 1867 г. онъ былъ сдѣланъ первымъ президентомъ учрежденной въ Берлинѣ высшей судебной палаты для новыхъ провинцій и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, какъ уже сказано, назначенъ министромъ. Даже самые проникательные наблюдатели проглядѣли политическое значеніе этого событія. Леонгардтъ былъ, конечно, талантливый юристъ и доказалъ свой организаторскій талантъ участіемъ въ составленіи законовъ, заслужившихъ большія похвалы, о гражданскомъ и уголовномъ производствѣхъ, вступившихъ въ дѣйствіе въ 1852 г., но онъ всегда воздерживался отъ извѣстной конституціонной агитаціи въ Ганноверѣ. Въ палатѣ депутатовъ, гдѣ ему вскорѣ пришлось отстаивать бюджетъ своего министерства, онъ дѣйствовалъ также съ большою дипломатическою ловкостью. Порою дѣвая, порою правая находила случай рукоплескать ему. Словомъ, никакъ нельзя было сказать, что политическій характеръ министерства измѣнился. Нѣсколько иначе представлялось дѣло два года спустя, — когда 26-го октября 1869 г. Отто Кампгаузенъ замѣнилъ фонъ-деръ-Гейдте въ министерствѣ финансовъ. Поводомъ къ тому послужилъ, конечно, не политическій принципъ. Фонъ-деръ-Гейдтъ нѣсколько узко понималъ финансовое положеніе государства, и потому въ 1870 г. ожидался дефицитъ въ 5½ милліоновъ, для покрытія котораго предполагались новыя налоги, на которые ландтагъ не давалъ своего согласія. Фонъ-деръ-Гейдтъ не хотѣлъ уступить на этомъ пунктѣ и вышелъ въ отставку, между тѣмъ какъ Кампгаузенъ принесъ въ карманѣ яйцо Колумба, если можно такъ выразиться. Онъ предложилъ по-просту, безъ затѣй, покрыть дефицитъ сокращеніемъ погашенія долговъ. Это звучитъ почти какъ плохая шутка, но на самомъ дѣлѣ это была удачная мысль, высказанная въ удачное время. Такое предложеніе можно съ успѣхомъ выполнить лишь тогда, когда государство находится въ благопріятныхъ обстоятельствахъ и увѣрено, что его кредиторы останутся довольны пережѣной существующихъ условий. Затѣмъ, новый способъ представляетъ во всякомъ случаѣ значительныя преимущества, такъ какъ до сихъ поръ постоянно существовали дефициты; слѣдовательно, затыкали старыя дыры, чтобы сдѣлать новыя. Одни займы погашались, между тѣмъ какъ одновременно дѣлались другіе, при которыхъ естественно курсъ еще понизился. Единственные люди, выигрывавшіе отъ стараго способа, были банкиры, которые, конечно, наживались. Предложеніе Кампгаузена было принято

въ палатѣ депутатовъ съ одобреніемъ, и событія слѣдующихъ лѣтъ, съ ихъ приливомъ денегъ и усиленіемъ благосостоянія, вполне оправдали его.

Но, на ряду съ финансовой стороной назначеніе Кампгаузена имѣло еще и политическое значеніе. Кампгаузенъ былъ первый человѣкъ, проникнутый дѣйствительно конституціоннымъ духомъ, вступавшій въ кабинетъ. Другіе члены кабинета уважали, быть можетъ, конституцію и конституціонныя учрежденія, но ни особенной любви, ни особеннаго даже пониманія конституціи они не выказывали. Назначеніе Кампгаузена — этого нельзя было не признать — было первымъ шагомъ министерства на либеральномъ пути, и такъ какъ явилась возможность пробить брешь въ старомъ порядкѣ вещей, то нападки оппозиціи на министра просвѣщенія фонъ-Мюлера стали систематичнѣе и дѣйствительнѣе, но на этомъ пунктѣ министерство выказало удивительное упорство. Борьба, конечно, не была бы такъ продолжительна, еслибы постоянное развитіе сѣверо-германскаго союза не создавало гораздо болѣе важныхъ задачъ, чѣмъ паденіе того или другого прусскаго министра, которое должно было и безъ того рано или поздно воспослѣдовать. Въ это же самое время начались жалобы князя Бисмарка на тѣ препятствія, какія создаетъ ему составъ и коллегіальный характеръ министерства. Онъ высказывалъ ихъ какъ въ парламентѣ, такъ и на своихъ извѣстныхъ вечерахъ, и часто въ весьма рѣзкихъ выраженіяхъ. Настоящая цѣль этихъ заявленій оставалась неясной. Къ тому же времени относится открытіе „двухъ душъ“ у министерства: одной либеральной, другой — реакціонной. Такъ какъ умѣренные либералы считали князя Бисмарка стоящимъ внѣ партій, то нападки оппозиціи направлены были главнымъ образомъ на гг. фонъ-Мюлера, графа Эйленбурга и стараго графа Итценплитца, управлявшаго министерствомъ торговли. Изъ всѣхъ нихъ одинъ только графъ Эйленбургъ еще находится въ министерствѣ, и теперь онъ обезпеченъ отъ нападокъ, потому что, послѣ того, какъ онъ рѣшился высказаться за *окружное положеніе*, важное значеніе котораго признано всѣми, и сдѣлалъ это съ большой энергіей, устранивъ многія затрудненія, либеральная партія чувствуетъ къ нему за это большую благодарность. Но я забѣгаю впередъ. Министерство пережило войну, король выразилъ ему свою благодарность и одобреніе, и всѣ были увѣрены, что оно долго просуществуетъ въ этомъ составѣ, какъ вдругъ загорѣлась великая борьба между государствомъ и католической церковью. Каждый долженъ былъ признать, что фонъ-Мюлеръ, — потачки котораго содѣйствовали усиленію католическихъ притязаній, который смотрѣлъ сквозь пальцы на то, какъ католическое духовенство приготовлялось къ борьбѣ, котораго вынуж-

дено было начать слишкомъ рано, для успѣшности своихъ дѣйствій, что фонъ-Мюлеръ какъ разъ непригодный для этой борьбы человекъ. Но фонъ-Мюлеръ желалъ прежде всего сохранить свой портфель, и поэтому объявилъ, что готовъ принести всѣ жертвы, какія отъ него потребуются; онъ жертвовалъ католическимъ отдѣленіемъ министерства вѣроисповѣданій, откуда шли тѣ тонкія нити, которыми ультрамонтаны надѣялись опутать государство; онъ объявилъ даже, что готовъ выработать законопроектъ о гражданскомъ бракѣ. Всѣ были увѣрены, что фонъ-Мюлеръ, оставаясь на своемъ посту, станетъ ослаблять, искажать, задерживать всѣ мѣропріятія правительства. Но совершенно случайное обстоятельство вызвало паденіе фонъ-Мюлера, и на его мѣсто вступилъ второй бургерскій министръ, д-ръ Фалькъ, который въ палатѣ депутатовъ тяготѣлъ къ партіи свободныхъ консерваторовъ, занимающихъ, какъ извѣстно, среднее мѣсто между національ-либералами и настоящей консервативной партіей. Этимъ достигался тройной успѣхъ: во-первыхъ, явился новый бургерскій министръ (и теперь уже третій) въ кабинетѣ; во-вторыхъ, онъ вышелъ изъ среды депутатовъ, и въ-третьихъ, принадлежалъ къ извѣстной партіи въ палатѣ. Онъ, конечно, былъ все еще гораздо больше чиновникъ, чѣмъ парламентскій дѣятель, но тѣмъ не менѣе явились условія для болѣе тѣснаго сближенія между министерствомъ и парламентомъ. Противъ министра Фалька реакціонеры такъ усердно интриговали, что ему пришлось вначалѣ пережить большія затрудненія, и каждую минуту можно было опасаться его отставки. Со всѣмъ тѣмъ онъ выказалъ столько мудрости и энергіи, что положеніе его постепенно упрочилось, и въ ноябрѣ 1872 г. достигъ онъ принятія перваго изъ своихъ знаменитыхъ церковныхъ законовъ, про которые даже самые противники говорятъ, что они очень систематичны и дѣйствительны. Въ концѣ года князь Бисмаркъ, какъ извѣстно, отказался отъ предсѣдательства въ министерствѣ, которое было возложено на графа Роона. Событія того времени все еще не разъяснены вполне и я салоненъ думать—хотя это и много разъ опровергалось,—что первоначально графъ Роонъ имѣлъ намѣреніе придать нѣсколько консервативное направленіе ходу дѣлъ, но вскорѣ затѣмъ убѣдился въ невозможности этого и потому предоставилъ вещамъ идти своимъ ходомъ. Я сообщалъ вамъ въ свое время объ этомъ фазисѣ. Собственно говоря, время было вовсе неблагоприятное для реакціонной политики, потому что спустя нѣсколько недѣль послѣ перемѣны президентства въ министерствѣ, Ласкеръ сталъ жестоко нападать на злоупотребленія въ дѣлѣ концессій, даваемыхъ на желѣзныя дороги, за которыми въ скоромъ времени послѣдовало паденіе графа Итценплитца; послѣдній хотя лично

и вышелъ изъ дѣла чистъ, но допускалъ довольно странныя вещи, по всей вѣроятности, просто по неосмотрительности. На его мѣсто назначенъ былъ помощникъ статсъ-секретаря въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, д-ръ Ахенбахъ, опять изъ бюргеровъ, опять изъ парламентскихъ дѣятелей, потому что и онъ также засѣдалъ въ числѣ депутатовъ и принадлежалъ къ партіи свободныхъ консерваторовъ. Конечно, можно было также сказать, что всѣ названныя лица были призваны главнымъ образомъ потому, что отличались необыкновенными способностями и были дѣйствительно самыми талантливыми людьми, какихъ только можно было найти. Министерство 1862 г. составлено было не изъ способнѣйшихъ специалистовъ, но на основаніи политическихъ соображеній. Ума не требовалось для того, чтобы засѣдать тамъ; достаточно было неуклонно слѣдовать политикѣ, предначертанной Бисмаркомъ и графомъ Эйленбургомъ. Съ 1866 г. и со времени основанія сѣверо-германскаго союза порядокъ дѣлъ измѣнился. Теперь принялись всюду искать способнѣйшихъ людей и ими замѣщать важнѣйшіе посты. Если императоръ Вильгельмъ славится особеннымъ искусствомъ подыскивать себѣ совѣтчиковъ, то князю Бисмарку нужно отдать справедливость, что онъ привлекаетъ превосходнѣйшія силы, помимо всякихъ другихъ соображеній. Если бы я не боялся высказать гиперболу, грѣшашую противъ природы человѣческой, то сказалъ бы, что даже сами обобщенные должны каждый разъ сознаться въ правильности сдѣланнаго Бисмаркомъ выбора.

Графъ Роонъ удалился по причинѣ нездоровья, и Бисмаркъ снова принялъ на себя президентство съ Кампаузенемъ—въ качествѣ вице-президента. Министръ сельскаго хозяйства, графъ Кёнигсмаркъ, вышелъ въ отставку (хорошенько неизвѣстно почему именно; по всей вѣроятности потому, что министерство казалось ему слишкомъ либеральнымъ) 8-го декабря 1872 г., и его постъ оставался не замѣщеннымъ, что въ сущности не составляло большого несчастья, потому что, въ концѣ-концовъ, на министерство сельскаго хозяйства всегда смотрѣли, какъ на самое неважное, между тѣмъ какъ, или вѣрнѣе сказать *потому*, что сельское хозяйство является однимъ изъ важнѣйшихъ занятій народа, такъ какъ сельское хозяйство затрогиваетъ всѣ интересы государства и предпочтительно передъ всѣмъ остальнымъ требуетъ самостоятельности и самопомощи. Существуетъ, конечно, довольно значительная партія между сельскими хозяевами, такъ-называемые аграрные политики, которые на всѣ лады требуютъ государственной помощи и охотно желали бы имѣть въ министрѣ по сельскому хозяйству органъ для своихъ никогда не умолкающихъ жалобъ. Послушать этихъ господъ, такъ подумаешь, что

государство только и знаетъ, что притѣсняетъ сельское хозяйство и оказывается гораздо больше поощренія всякой другой дѣятельности.

Правда, время отъ времени распространялся слухъ о замѣщеніи министерства сельскаго хозяйства, и разъ даже слухъ этотъ сталъ особенно настойчивъ, а именно прошлой весной, во время парламентской сессіи, когда внезапно стали толковать, что депутатъ фонъ-Бланкенбургъ, одинъ изъ вождей правой стороны и личный другъ князя Бисмарка, назначается на этотъ постъ. Почему собственно не уладилось это дѣло—никому неизвѣстно; одно несомнѣнно, что назначеніе это было бы крайне непопулярнымъ и внесло бы въ кабинетъ дисгармонію и реакціонный элементъ. Самъ князь Бисмаркъ могъ спохватиться объ этомъ и не дать дальнѣйшаго хода этому дѣлу.

Но вотъ теперь назначили министромъ д-ра Фридентала, второго вице-президента палаты депутатовъ, вполне парламентскаго дѣятеля, хотя парламентская карьера его сравнительно кратко-временна, и вполне „бюргерскій“ министръ. Онъ родился въ 1827 году, учился въ университетахъ — бреславльскомъ, гейдельбергскомъ и берлинскомъ, получилъ степень доктора правъ, выступилъ затѣмъ на юридическое поприще, но вскорѣ снова повинулъ его, чтобы помочь отцу, который приобрѣлъ, благодаря удачнымъ спекуляціямъ, весьма значительное помѣстье и устроилъ въ немъ большую фабрику. Немного лѣтъ спустя, выбранъ былъ онъ въ ландраты округа Гротхау, въ которомъ лежитъ его помѣстье, и въ этой высшей административной школѣ пробылъ 6 лѣтъ, а затѣмъ оставилъ ее, чтобы окончательно посвятить себя (по смерти отца, бывшаго изъ евреевъ) управленію своими помѣстьями и большими фабриками, которыя подъ его управленіемъ пришли въ такое цвѣтущее состояніе, что въ настоящее время состояніе его опредѣляютъ въ 4—5 милліоновъ. До того времени онъ не привлекалъ на себя вниманія какъ политической дѣятель, и хотя въ періодъ новой эры пытался попасть въ министерство, но безуспѣшно, а позднѣе, въ эпоху внутренняго столкновенія, держался совсѣмъ вдали отъ политики. Впервые, при основаніи сѣверо-германскаго союза, выступилъ онъ на парламентское поприще и былъ выбранъ депутатомъ въ рейхстагъ. Въ первое время онъ не выдѣлялся изъ толпы депутатовъ, но его связи съ высшимъ силезскимъ дворянствомъ, съ тою частію по крайней мѣрѣ, которая не заражена ультрамонтанствомъ и поддерживаетъ политику Бисмарка, доставили ему почетное положеніе въ той небольшой, но вліятельной фракціи, которая занимаетъ мѣсто между національными либералами и старой консервативной партіей и въ палатѣ депутатовъ именуется свободно-кон-

сервативной партіей. Какъ это зачастую случается въ парламентѣ, его выдвинули впередъ не столько ораторскія способности, сколько отличное знаніе практической жизни и дипломатической талантъ, благодаря которымъ онъ умѣлъ находиться въ данныхъ обстоятельствахъ и съ энергіей стремиться къ достижимому. Такъ, ему главнымъ образомъ обязана партія, къ которой онъ принадлежалъ, что, не взирая на свою численную слабость, она играла важную, зачастую рѣшающую роль въ парламентѣ, и онъ доставилъ этой партіи славу насчитывать по преимуществу въ своихъ рядахъ государственныхъ людей. При этомъ успѣху его много способствовали мягкость его обращенія, и уже черезъ три года онъ занялъ такое положеніе въ парламентѣ, что осенью 1870 г. былъ въ числѣ немногихъ довѣренныхъ лицъ, которыхъ князь Бисмаркъ призывалъ въ Версаль, чтобы положить первыя основанія германской имперской конституціи. По окончаніи войны немедленно и съ энергіей возобновились труды по выработкѣ новаго окружного положенія, и здѣсь представилось поле для плодотворной дѣятельности. Тутъ дѣло шло не только объ обладаніи основательными знаніями, но и приходилось улаживать дѣло и дипломатизировать съ различныхъ сторонъ. Необходимо было, чтобы законъ, удобопримѣнимость котораго зависитъ отъ желанія образованныхъ классовъ приносить личныя жертвы, требуемая самоуправленіемъ, не былъ введенъ противъ воли, но съ содѣйствіемъ всѣхъ партій. Но такая попытка шла въ разрѣзъ со всѣми парламентскими традиціями Пруссіи, такъ какъ до сихъ поръ каждая партія такъ исключительно поклонялась своимъ собственнымъ догматамъ, что считала ужаснѣйшимъ грѣхомъ, предательствомъ самаго злостнаго характера—уступчивость и компромиссы. Что одна общая связь соединяетъ всѣхъ жителей страны, что различіе между партіями вовсе не такъ велико,—это никому и въ голову не приходило, хотя преподается во всѣхъ школахъ, и многіе считали честью заключить союзъ съ внѣшними врагами, чѣмъ сдѣлать малѣйшую уступку въ вопросѣ о принципахъ. При обсужденіи окружного положенія, впервые разсѣялся этотъ предрасудокъ. Тутъ дѣйствовали совмѣстно всѣ умѣренныя партіи, и четыре докладчика, выбранные при послѣднемъ обсужденіи *in plenum*, принадлежали тремъ различнымъ фракціямъ. Затѣмъ общій докладъ переданъ былъ д-ру Фриденталю, который (въ засѣданіи отъ 16-го марта 1872 г.) произнесъ мастерскую рѣчь, въ которой въ краткихъ чертахъ набросана была программа общаго самоуправленія. Эти усилія были, какъ извѣстно, увѣнчаны блистательнымъ успѣхомъ, потому что, въ концѣ-концовъ, только крайняя правая вотировала противъ окруж-

ного положенія, и неуспѣхъ ея политики вообще всего лучше доказывается пораженіемъ, постигшемъ ее на выборахъ.

Образъ дѣйствія, принятый при обсужденіи окружного положенія, съ успѣхомъ повторился позднѣе, во времена великаго кризиса, вызваннаго имперскимъ военнымъ закономъ; только тутъ посредниками между различными партіями были Беннигсенъ и Форкенбекъ, между тѣмъ какъ д-ръ Фриденталь, вмѣстѣ съ графомъ Бетузи, образовали небольшое консервативное меньшинство въ предварительныхъ засѣданіяхъ комиссіи, оставшихся безъ послѣдствій. Въ наступившую затѣмъ сессію палаты депутатовъ, Фриденталь внесъ еще проектъ окружного положенія для провинціи Познани, изъятой отъ дѣйствія окружного положенія 1872 г. На этомъ покончилась его дѣятельность. Уже раньше, при различныхъ обстоятельствахъ, о немъ говорили, какъ о будущемъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ. Нѣсколько недѣль спустя послѣ закрытія сессіи, въ Бреславлѣ стало извѣстно, что онъ продалъ свои большія фабрики, чтобы вполне посвятить себя политической жизни, и, натурально, при этомъ говорилось, что дѣло идетъ не объ одной только парламентской дѣятельности. Снова прошло нѣсколько недѣль; носились самые разнорѣчивые слухи, и, наконецъ, послѣдовало его назначеніе. Раньше, чѣмъ это случилось, газеты всѣхъ оттѣнковъ высказывали свое довольство такимъ выборомъ. Только „Крестовая Газета“ составила исключеніе, ссылаясь на то, что видѣть изъ этого выбора, что министерство либерально, а это, конечно, худшее преступленіе въ глазахъ этой газеты.

Въ сущности же настоящее министерство никакъ нельзя назвать либеральнымъ, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, какой обыкновенно связывается съ этимъ словомъ. Оно гораздо болѣе заслуживаетъ названіе консервативнаго, но вмѣстѣ съ этимъ оно проникнуто необходимостью дальнѣйшихъ реформъ, и прежде всего одушевлено дѣйствительно конституціоннымъ духомъ. Между теперешними министрами нѣтъ ни одного, который бы, подобно д-ру Фриденталю, при всякомъ случаѣ указывалъ на упроченіе и развитіе конституціи, какъ на основаніе политической дѣятельности, и вотъ почему ультра-консерваторы съ неудовольствіемъ видятъ упроченіе кабинета, въ которомъ нѣтъ ни одного дисгармоничнаго элемента. А между тѣмъ они только при столкновеніяхъ надѣются что-нибудь выиграть. У этой ультра-консервативной партіи нѣтъ никакой будущности. Мало-помалу она должна превратиться въ небольшую кучку людей безъ всякаго вліянія на ходъ политическихъ событій и остаться довольно интереснымъ памятникомъ прошедшаго, безвозвратно минувшаго.

Гораздо важнѣе отношеніе другихъ партій, и преимущественно національно-либеральной, къ новому министру. Органы ея привѣтствуютъ

дружески и повидимому совершенно искренно его повышение. Это, очевидно, большое самопожертваніе съ ихъ стороны, такъ какъ съ 1867 г. они постоянно враждовали съ министерствомъ, и заслугу соглашенія, состоявшагося относительно военнаго закона, исключительно слѣдуетъ приписать вождямъ правой стороны, Беннигсену и Форкенбеку, которые, такъ же какъ и теперешніе члены министерства, одарены всѣми признанными и большими способностями. Прусскій парламентаризмъ вообще отличался до сихъ поръ великой честностью: это не бездѣлица! Низкія, эгоистическія побужденія, омрачавшія лучшія страницы старой парламентской исторіи Англій, до сихъ поръ не играли ровно никакой роли въ Пруссіи. Люди, которые образовали оппозицію въ эпоху внутренняго столкновенія, были по большей части бѣдны: то были чиновники съ скуднымъ содержаніемъ,—но они предпочитали скорѣе всего лишиться, чѣмъ поступиться своими убѣжденіями. Погони за мѣстами никогда не существовало въ парламентскихъ кружкахъ. Со всѣмъ тѣмъ, при всемъ моемъ уваженіи къ національ-либеральной партіи, я готовъ приписать ей теперешній образъ дѣйствій не столько абсолютному отсутствію эгоизма, сколько мудрому политическому разсчету, который тоже чего-нибудь да стобитъ, тѣмъ болѣе, что теперешнее парламентское поколѣніе по всей вѣроятности, не насладится плодами своей политики. Чѣмъ болѣе я пытаюсь вывести, на основаніи послѣднихъ событій, заключеніе о руководящей мысли политики Бисмарка, по отношенію къ развитію внутренней политики, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что онъ постепенно проникся убѣжденіемъ, что при существующемъ положеніи дѣлъ въ Германіи, преимущественно въ Пруссіи, парламентское правленіе неизбежно и необходимо воспитаетъ въ партіяхъ правительственныя способности. Но эти способности будутъ чужды партіямъ до тѣхъ поръ, пока онѣ будутъ руководствоваться исключительно одними принципами и игнорировать все, что идетъ въ разрѣзъ съ этими принципами. Партіи въ Пруссіи пріобрѣли много опытности въ этомъ отношеніи въ послѣдніе годы, и къ концу нынѣшняго столѣтія конституціонная система здѣсь окончательно установится. Но, кромѣ вышеупомянутаго условія, необходимо еще, чтобы образовались двѣ большихъ партій, которыя, хотя и расходясь въ своихъ принципахъ, не видѣли бы враговъ одна въ другой: необходимо образованіе большой либеральной и большой консервативной партій. Бисмаркъ неоднократно говорилъ либераламъ, какъ будто въ шутиломъ тонѣ, что всѣ они перейдутъ со временемъ на сторону правительства. При вступленіи въ должность онъ тѣмъ же шутилымъ тономъ сказалъ въ палатѣ депутатовъ, что сорвалъ въ Авиньонѣ маслянную вѣтвь, которую привезъ какъ символъ примиренія (для больш-

шей точности замѣчу, что заявленіе это было сдѣлано въ засѣданіи комиссіи), и позднѣе всѣ убѣдились, что это было сказано совсѣмъ серьезно. A bon entendeur, salut! Такія вещи надо понимать и запоминать. Но если дѣйствительно руководящей мыслью политики Бисмарка является желаніе серьезнаго конституціоннаго развитія (не псевдо-конституціоннаго), то понятно, что онъ желаетъ видѣть во главѣ управленія сначала консервативную партію. Старая консервативная партія (партія „Крестовой Газеты“) отклонила предложенную ей роль. Съ 1866 г. она отдѣлилась отъ политики Бисмарка, и хотя вначалѣ не такъ рѣзко боролась противъ нея, какъ впоследствии, однако не захотѣла признать конституціонной системы. Это отдѣленіе партіи отъ министерства, родственнаго ей по происхожденію, нанесло существенный ущербъ консервативному дѣлу, и министерство было вынуждено гораздо тѣснѣе сблизиться съ лѣвой, чѣмъ намѣревалось вначалѣ. Численное преобладаніе либераловъ въ странѣ и въ парламентѣ проявляется съ каждымъ днемъ все сильнѣе и тѣмъ замѣтнѣе, что *старая* консервативная партія была настолько безумна, чтобы затѣять вражду съ правительствомъ, вмѣсто того, чтобы поддерживать его изъ всѣхъ силъ. Но хотя, конечно, вожди національ-либеральной партіи и не состоятъ членами кабинета въ настоящемъ и не будутъ ими въ ближайшемъ будущемъ, политическая опытность развивается въ массахъ, крайніе элементы теряютъ свою силу и образованіе большой, умѣренно-либеральной партіи совершается постепенно. Когда оно совершится окончательно, тогда министерскіе портфели могутъ перейти изъ рукъ свободныхъ консерваторовъ въ руки національ-либераловъ, не произведя никакого потрясенія въ государственной машинѣ. Тогда только *національные* либералы станутъ называться просто либералами, а *свободные* консерваторы просто консерваторами.

Обозначенный здѣсь процессъ ускоряется опасностью, грозящей со стороны ультрамонтанъ и демократовъ-соціалистовъ. Въ глазахъ демократовъ-соціалистовъ самый ревностный прогрессистъ такъ же мало симпатиченъ, какъ и національный либераль или консерваторъ. Они равно ненавистны въ его глазахъ, какъ „рабы капитала“, „эксплуататоры рабочаго“. То же самое можно сказать и объ ультрамонтанахъ, не придающихъ никакого значенія политическимъ принципамъ, подобно Протею, мѣняющихъ свою фізіономію и опасныя свойства которыхъ всѣми признаны. Въ Пруссіи демократическая партія въ послѣдніе годы постоянно отвергала, и самымъ рѣшительнымъ образомъ, всякую мысль о союзѣ съ ультрамонтанами. Недавно еще профессоръ Вирховъ, извѣстный и выдающійся вождь прогрессивной партіи, бросилъ перчатку, на бреславльскомъ собраніи

естествоиспытателей, ультрамонтанамъ и заклеилихъ ихъ попыткѣмъ подчинить народъ подъ иго суевѣрія. Прогрессивная партія прежде всего славится тѣмъ, что стремится распространить просвѣщеніе, и такъ какъ стремленіе это въ ней серьёзно, то она и не можетъ идти рука объ руку съ ультрамонтанами, какъ мы это видимъ въ Бельгій. Всѣ эти признаки указываютъ пока на мирное развитіе Германіи, которому можетъ помѣшать развѣ только какое-нибудь непредвидѣнное событіе...

К.

ЗАМѢТКА.

ПЕРВЫЯ РЕАЛЬНЫЯ ГИМНАЗИИ ВО ФРАНЦІИ.

Послѣднія политическія бѣдствія Франціи заставили многихъ въ этой странѣ подумать болѣе серьёзно о средствахъ къ возрожденію ея умственныхъ и нравственныхъ силъ. Одними злоупотребленіями павшаго правительства трудно объяснять себѣ все, такъ какъ тѣмъ же обусловливалась самая возможность подобныхъ злоупотребленій, какъ не низкимъ уровнемъ развитія умственныхъ и нравственныхъ общественныхъ силъ? Къ этому-то условію всѣхъ прочихъ условій гражданской и политической жизни и начали обращаться всѣ болѣе разсудительные люди во Франціи. Конечно, при этомъ вопросъ о школахъ, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, о господствовавшей вѣками системѣ народнаго образованія въ томъ, что здѣсь называется „университетомъ“, т. е. въ министерствѣ народнаго просвѣщенія—этотъ вопросъ долженъ былъ выступить на первый планъ. Дѣйствительно, это и случилось такъ, тотчасъ же по окончаніи бѣдственной войны. Французы, конечно еще въ ничтожномъ меньшинствѣ, начали мало-по-малу убѣждаться, что ихъ противникъ обнаружилъ не одно превосходство военнаго искусства надъ ними, что Франція съ своимъ риторскимъ и салоннымъ образованіемъ, основаннымъ до того времени на исключительномъ изученіи буквы древняго міра, только сама считала себя „свѣтомъ“ народовъ, но на дѣлѣ давно уже перестала быть имъ; что умственный и нравственный человѣкъ во Франціи скорѣе понизился за послѣднее время,—и французы начали въ первый разъ внимательнѣе всматриваться въ успѣхи нѣмецкой школы. Раздались, наконецъ, во Франціи, голоса такихъ людей, какъ Бреаль, Бенуа; они указывали на то, что въ Германіи школа ушла впередъ отъ прежняго прототипа, который остается неподвижнымъ во Фран-

ціи, что во Франціи „университетъ“ по своей системѣ стоитъ тамъ, гдѣ онъ стоялъ сотни лѣтъ тому назадъ. Послѣдняя мысль въ обществѣ нашла скоро себѣ отголосокъ и въ первомъ правительствѣ Тьера: глава французскаго „университета“ при немъ, Жюль Симонъ, первый рѣшился приступить къ реформѣ, сознавая, впрочемъ, что онъ найдетъ себѣ поддержку въ весьма небольшомъ кружкѣ, и что огромное большинство возстанетъ за старый порядокъ вещей. Въ прошломъ году, 24-го мая, пало правительство Тьера, и, къ сожалѣнію, новая реформа должна была погибнуть въ послѣдовавшемъ политическомъ круговоротѣ, не находящемъ себѣ конца и по настоящее время.

Съ 24-го мая во Франціи началась борьба вслѣдственныхъ знаменъ, партій, подчинившая себѣ даже и такой вопросъ, какъ вопросъ общественнаго образованія: и этотъ вопросъ сдѣлался вопросомъ политическимъ. Если, — такъ разсуждали противники Тьера и Ж.-Симона, — мы считаемъ ихъ самихъ и ихъ политику враждебною нашимъ идеалмъ, то и ихъ мѣры къ реформамъ по образованію юношества превратны и опасны для религіи и нравственности: онѣ ведутъ къ республикѣ, къ коммуниѣ и т. д.; и при этомъ легитимисты и бонапартисты, осуждавшіе такимъ образомъ, забывали, что такія же реформы давно сдѣланы въ Германіи и не привели тамъ ни къ республикѣ, ни къ коммуниѣ, а если привели къ чему опасному, то опасность обрушилась не на Германію, гдѣ эти реформы были сдѣланы, а на Францію, гдѣ и не помышляли дѣлами столѣтіями ни о какихъ реформахъ въ основной системѣ общественнаго образованія. Такъ-называемое „правительство борьбы“, смѣнившее правительство Тьера, однимъ почеркомъ пера уничтожило всѣ начинанія тьеровскаго министра народнаго просвѣщенія. Повидимому, новое правительство одержало побѣду, но на дѣлѣ оно только упустило изъ своихъ рукъ инициативу въ дѣлѣ чрезвычайной важности, и передало его въ частныя руки. По поводу этого обстоятельства одинъ изъ извѣстныхъ публицистовъ, Фр. Сарсэ, выступилъ съ весьма любопытною статью, подъ заглавіемъ: „Faisons nos réformes nous mêmes“ — начнемъ сами дѣлать преобразованія! Эта статья заслуживаетъ быть замѣченною.

Въ виду горькаго и свѣжаго опыта въ своей странѣ, и въ виду необычнаго успѣха частной инициативы, Фр. Сарсэ начинаетъ свою статью убѣжденіемъ, что „министерство народнаго просвѣщенія (l'Université) никогда не выполнитъ само всей реформы до конца, и даже не желательно, чтобы оно сдѣлало попытку въ этомъ смыслѣ. Ему можетъ быть предоставлено—и это наибольшее—видоизмѣнить нѣкоторыя подробности, внутреннюю регламентировку обученія“. Въ

оправданіе своей послѣдней мысли онъ приводитъ тотъ доводъ, что „министерство народнаго просвѣщенія представляетъ собою механизмъ весьма сложный и весьма могущественный, который движется издавна въ силу полученнаго имъ перваго толчка. Пережѣвивъ малѣйшее колесо, рискуютъ остановить все; особенно если при этомъ вдругъ обрываютъ все, отрѣзываютъ или начнутъ прибавлять одновременно со всѣхъ сторонъ. Такое большое тѣло, какъ министерство народнаго просвѣщенія, сдѣлано вовсе не для того, чтобы дѣлать надъ нимъ эксперименты. Помимо того, что его персоналъ всегда имѣетъ отвращеніе къ новымъ опытамъ, самые опыты, въ этомъ родѣ, стоятъ такъ дорого, что подобное дѣло представляетъ очевидную опасность. Подумайте: если въ реформѣ есть ошибка, вѣдь во всѣхъ лицехъ и гимназіяхъ будетъ разстроено вдругъ все преподаваніе, и въ замѣну его не окажется ничего лучшаго! Вѣдь цѣлое поколѣніе будетъ жертвою опыта! Вотъ почему я одобряю осторожность, съ которою министерство народнаго просвѣщенія принимаетъ всякую новую систему. Его роль скорѣе—ограждать неприкосновенными древнія преданія, и допускать нововведенія только тогда, когда ихъ требуетъ громко все общество, когда ихъ необходимость сдѣлается очевидною солнечнаго свѣта“.

Но все это одни общія разсужденія, съ послѣднимъ заключеніемъ которыхъ во всякомъ случаѣ нельзя не согласиться. Авторъ очень хорошо знаетъ, что во Франціи вовсе не одна осторожность руководила нѣкоторыми министерствами народнаго просвѣщенія въ ихъ враждѣ къ слишкомъ быстрымъ успѣхамъ просвѣщенія. „Нѣсколько министровъ,—говоритъ авторъ,—какъ они ни были привязаны къ старой методѣ преподаванія (т.е. классической) вслѣдствіе своего собственнаго образованія по этой методѣ, дѣлали однако попытки къ проведенію переменъ въ частяхъ: Вилльменъ, Сальванди, Гизо, которыхъ никто не обвинить въ революціонныхъ наклонностяхъ, не боялись однако коснуться программъ, не измѣняя, впрочемъ, общей экономіи среднихъ учебныхъ заведеній. Ж.-Симонъ былъ послѣднимъ министромъ, который внесъ цѣлый рядъ нововведеній въ наши гимназіи (colléges); но его реформы, хотя повидимому и не превышали мѣру возможнаго, но многіе изъ министерскихъ (d'universitaires) увидѣли въ нихъ чудовищное ниспроверженіе преподаванія, и министръ, послѣдовавшій за Ж.-Симономъ, успѣшилъ вычеркнуть ихъ однимъ разомъ“.

Главное состоитъ въ томъ, что, кромѣ упорства приверженцевъ старины въ нѣдрахъ самаго сословія обучающихъ, Ж.-Симонъ встрѣтилъ вражду со стороны „политическихъ“ противниковъ, которые заинтересовались вопросами педагогическими, какъ новымъ ору-

діемъ противъ ненавистнаго имъ правительства Тьера. И до сихъ поръ въ клерикальныхъ и бонапартистскихъ газетахъ съ ужасомъ вспоминають о реформахъ Ж.-Симона, и видать въ паденіи ихъ торжество религіи и нравственности:—легитимисты и бонапартисты имѣютъ всегда слабость смѣшивать свои личные интересы съ интересами религіи и нравственности, и выдавать первые за послѣдніе.

Итакъ, неудача реформъ Ж.-Симона, имѣвшая причины чисто-политическаго свойства, или, лучше сказать, которую погубили политическія интриги, не имѣющія ничего общаго съ педагогіею, — эта неудача только и могла заставитьъ Фр. Сарсэ осудить министерство почти на китайскую неподвижность и преувеличить значеніе частной инициативы въ дѣлѣ преуспѣянія и преобразованія господствующей системы обученія: „частной инициативѣ,—говорить онъ,—надлежитъ дѣлать попытки къ реформамъ, отъ которыхъ публичное преподаваніе и государство должны почти отказаться; частная инициатива должна идти впередъ на свой страхъ, открывать новые пути и подвергать ихъ пробы!“

Авторъ, говоря такъ, очевидно, возвелъ въ принципъ единичные факты изъ исторіи французскаго министерства народнаго просвѣщенія, которую никакъ нельзя признать нормальною, такъ какъ она была печальнымъ образомъ поставлена въ зависимость отъ исторіи политическихъ партій: методъ обученія во Франціи, въ противность здравому смыслу, дѣлался то легитимистскимъ, то бонапартистскимъ, но никогда не могъ быть тѣмъ, чѣмъ ему слѣдовало быть, то-есть педагогическимъ. Вотъ почему Сарсэ и дошелъ до безусловной теоріи — *laissez-faire, laissez-aller!* И онъ правъ въ томъ смыслѣ, что во Франціи — одно средство поставить педагогію внѣ политическихъ партій, это—отказывать правительству въ возможности дѣлать пожертвованія на перемѣны въ методѣ обученія: только тогда легитимисты не будутъ разрушать того, что сдѣлано бонапартистами, и наоборотъ. Теорія Сарсэ совершенно потому непримѣнима къ другимъ странамъ; гдѣ нѣтъ такой быстрой смѣны политическихъ партій или гдѣ политическихъ партій вовсе не существуетъ, тамъ правительство можетъ всегда смѣло предпринять всякую реформу, такъ какъ оно увѣрено въ своей будущности и знаетъ, что ему дано для опыта все время, а не нѣсколько мѣсяцевъ, какъ то было съ министерствомъ Ж.-Симона,—оно можетъ, слѣдовательно, и сѣять, и собирать плоды посѣяннаго, между тѣмъ какъ политической круговоротъ не дозволилъ Ж.-Симону кончить даже и посѣва.

Сарсэ былъ, кромѣ того, подкупленъ въ пользу своей теоріи силой, какою частная инициатива во Франціи обнаружила именно по этому вопросу; это обстоятельство опять не можетъ быть нормою

для всѣхъ странъ; даже и во Франціи энергія частныхъ лицъ была вызвана вспышкою патріотизма подъ ударомъ послѣдняго народнаго бѣдствія. Въ другихъ странахъ частная инициатива оказалась бы слабою для той роли, какую хочетъ придать ей Сарсэ; кромѣ того, въ другихъ странахъ частная инициатива такъ сильно регламентирована, что она не только не думаетъ, на свой рискъ и страхъ, идти новыми путями, но старается эксплуатировать старыя пути, которымъ слѣдуютъ правительственныя школы, съ цѣлью найти покровительство администраціи; однимъ словомъ, частная инициатива смотритъ на школу, какъ на одинъ изъ родовъ промысла и потому ищетъ привилегій у правительства, даже субсидій, и преслѣдуетъ одну цѣль, какъ обыкновенно выражаются, — „приготавливать воспитанниковъ“ въ правительственныя школы. Тутъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы частная инициатива, по идеалу Сарсэ, „открывала новые пути и подвергала ихъ пробѣ“. Именно этого-то она больше всего и боится, такъ какъ всякій новый путь, новый опытъ, увеличилъ бы только рискъ коммерческой стороны предпріятія. Если частная инициатива, при такихъ условіяхъ, покажетъ иногда видъ, что она будто бы желаетъ устроить образцовую школу, то она и при этомъ ограничится однимъ болѣе строгимъ возвращеніемъ къ старымъ методамъ и отличится отъ правительства только тѣмъ, что отступить еще далѣе его назадъ. Положимъ, въ данную минуту правительство поддерживаетъ древній классическій методъ обученія: въ такомъ случаѣ частная инициатива непремѣнно сдѣлаетъ опытъ въ этомъ же направленіи и отличится только тѣмъ, что устроитъ что-нибудь экстра-классическое; — наоборотъ, склонись правительство на сторону новаго, реальнаго метода обученія, эти люди устроятъ экстра-реальную школу. Однимъ словомъ, частная инициатива всегда найдетъ болѣе удобнымъ рисковать навѣрняка.

Не такъ, впрочемъ, это случилось во Франціи—послѣ войны; но до войны—и во Франціи было то же самое. Одна Германія можетъ похвалиться дѣйствительно нормальнымъ прогрессомъ въ методахъ обученія за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ: правительство оставалось, по идеалу Сарсэ, почти—но только почти—консервативнымъ, и съ трудомъ допускало всякое новаторство въ дѣлѣ обученія; но за то оно не только не подчиняло себѣ частной инициативы, но было довольно ея попытками отходить въ сторону и поддерживало ее материально—какъ бы противъ своей собственной системы. Такимъ образомъ, правительству новыя опыты стоили не такъ дорого, и частная инициатива становилась все сильнѣе и сильнѣе; когда же, по выраженію Сарсэ, все общество „громко потребовало новыхъ реформъ, когда ихъ необходимость сдѣлалась очевиднѣе солнечнаго свѣта“, только

тогда правительство въ Пруссіи смѣло ввело новый методъ обученія въ свою систему и овладѣло ею.

Разскажемъ теперь, со словъ Сарса, какъ во Франціи обнаружилась частная инициатива въ дѣлѣ усовершенствованія метода обученія, послѣ войны, и какіе она принесла результаты за послѣдніе— слѣдовательно, три или четыре года; какъ она овладѣла мыслью реформы Ж.-Симона, и какъ продолжаетъ дѣйствовать до сихъ поръ, оставаясь внѣ всякихъ политическихъ партій?

Годъ спустя послѣ войны, въ 1871 г., образовалось въ Парижѣ небольшое общество людей образованныхъ, по большей части изъ бывшихъ учениковъ Политехнической школы; они составили довольно значительную сумму и основали, въ улицѣ Шапталъ, новую школу— новую и по самому методу обученія, прямо противоположному методу „университетскому“, т.-е. господствующему въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія (классическому). Эта школа приобрѣла очень скоро большую извѣстность, подъ именемъ École Monge. Основатели опредѣлили отказаться отъ всякой матеріальной выгоды, и если окажется дивидендъ на затраченный капиталъ, то употребить весь доходъ на подобныя же учрежденія въ Парижѣ или въ провинціи.

Вотъ существенныя черты этой первой реальной гимназіи во Франціи. Въ низшихъ классахъ элементарное обученіе все основано на наглядности, это — наглядное обученіе, „leçons des choses“. Фр. Сарса объясняетъ подробно, въ чемъ именно состоитъ такое наглядное обученіе, такъ какъ, по его предположенію, только въ Сѣверной Америкѣ и въ Германіи такое объясненіе было бы излишне, но во Франціи это дѣло совершенно новое. Мы можемъ, впрочемъ, сказать, что и русское общество, интересующееся дѣломъ обученія, можетъ быть освобождено отъ комментарій автора. Къ наглядному обученію предметовъ, окружающихъ мальчика, присоединяется въ низшихъ классахъ географія и практическое ознакомленіе съ однимъ или двумя живыми языками. Въ слѣдующихъ классахъ появляется обученіе латинскому и греческому языку: „но имъ обучаютъ по методѣ, которую тщетно старался Ж.-Симонъ акклиматизировать въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, и на распространеніе которой истощали всѣ усилія Бреаль и многіе другіе; одинъ только успѣхъ можетъ примирить съ нею наше упирающееся министерство народнаго просвѣщенія (Université récalcitrante). Отечественная исторія служить основой историческаго образованія; глубокое изученіе роднаго языка составляетъ главный предметъ этихъ классовъ. Ученики, подготовленные и развитые начальнымъ обученіемъ, отлично справляются съ математическими и нравственными науками. Они и

туть продолжаютъ питать свой духъ болѣе путемъ зрѣнія, нежели слуха. Они должны отдавать себѣ отчетъ во всемъ; въ школахъ ихъ окружаютъ инструменты, препараты, однимъ словомъ—все, что можетъ поддерживать отвлеченную мысль. „Сущность всего этого новаго метода образованія, — заключаетъ Сарсэ, — состоитъ въ томъ, чтобы всегда выходить изъ факта и возвращаться къ факту; это—антиподъ министерскаго просвѣщенія“.

Въ нынѣшнемъ году къ этому опыту, сдѣланному три года тому назадъ, присоединяется новый, въ которомъ французы, при всей нелюбви ихъ къ нѣмецкому, близко подходятъ къ чисто-нѣмецкому типу реальной школы, такъ что Сарсэ, объясняя сущность ея программъ, не находитъ ничего лучшаго, какъ выразить ее нѣмецкимъ словомъ, правда, немного исковерканнымъ: „la pensée-mère, c'est de fonder une *real-schul* (*Real-Schule*)“. Эта новая школа, основанная годъ тому назадъ, названа Эльзасскою, *École alsacienne*, въ честь ея директора г. Ридера, уроженца эльзасскаго и бывшаго страсбургскаго профессора. Какъ первую школу основали бывшіе питомцы Политехнической школы, такъ основатели второй принадлежатъ въ большинствѣ знаменитой Нормальной школѣ, бывшей до сихъ поръ расадникомъ лучшихъ профессоровъ и учителей, и изъ которой вышло немало ученыхъ, литераторовъ, между прочими и Тэнъ. Г. Ридеръ, совѣщаясь съ г. Годаромъ, директоромъ школы Монжъ, сличилъ ея программу съ программой Эльзасской школы и нашелъ, что первая преувеличиваетъ, само по себѣ несомнѣнное, значеніе „факта“ въ дѣлѣ образованія, и потому необходимо въ ней сдѣлать поправку: дать мѣсто „идеальному“, которое дѣйствуетъ также на воображеніе, и развить въ учащихся способность отвлеченнаго мышленія. Сдѣланы также и частныя отступленія: на счетъ исключенныхъ древнихъ языковъ усилены исторія, отечественный языкъ, математика, живые языки и гимнастика.

Результаты всѣхъ этихъ новыхъ попытокъ лежать, конечно, въ будущемъ, ближайшемъ времени; но во всякомъ случаѣ, со стороны гг. Годара и Ридера почтенно уже то, что они не попали на мысль, болѣе простую, спокойную и вполнѣ безопасную въ экономическомъ отношеніи—а именно, сдѣлать „опытъ“ съ классическимъ методомъ, утвержденнымъ въ правительственныхъ школахъ, и который уже по одному тому вовсе не нуждается въ частныхъ опытахъ, и затратить нѣсколько десятковъ тысячъ на то дѣло, на которое правительство имѣетъ въ своемъ распоряженіи милліоны франковъ. Впрочемъ, частная инициатива во Франціи будетъ, какъ мы сказали, имѣть одно важное преимущество, но только въ виду современнаго политическаго положенія страны: она можетъ спокойнѣе продолжать свой

опытъ, не опасаясь паденія министерствъ; хотя, конечно, и частной инициативѣ можетъ угрожать пословица: „одинъ въ полѣ не воинъ“; наконецъ, во Франціи частная инициатива вовсе не имѣетъ для себя такой почвы, какъ, напр., въ Англии, и потребуетъ въ настоящемъ случаѣ чрезвычайной выдержки отъ своихъ предпринимателей въ той мирной, но упорной борьбѣ, какая имъ предстоитъ, и съ общественными правами, и съ интригами политическихъ партій. Фр. Сарсэ выражаетъ надежду, что черезъ десять лѣтъ вся Франція покроется школами, устроенными по образцу этихъ двухъ прототиповъ, этихъ, какъ онъ называетъ *real-schul*,—но едва ли эта надежда не слишкомъ смѣла. Французская революція оставила своей странѣ также и одно очень невыгодное наслѣдіе, это — стремленіе къ объединенію, къ централизациі во всемъ; вотъ почему, при всей прирожденной французу подвижности частнаго характера, въ общественномъ характерѣ страны и народа оригинальность, самобытность, попытка къ отысканію новыхъ путей далеко не находятъ для себя такихъ благоприятныхъ условий, какія мы видимъ въ англо-саксонской расѣ, и даже въ германской. Потому-то мы и не рискуемъ раздѣлять розовыя надежды Фр. Сарсэ на близкую и счастливую будущность новыхъ педагогическихъ попытокъ; ограничимся пожеланіемъ имъ успѣха.

Настоящая замѣтка была уже въ наборѣ, когда намъ попало случайно новое извѣстіе объ Эльзасской школѣ въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ „*Journal des Débats*“ (11 Septembre). Редакція этого журнала, какъ извѣстно, принадлежитъ скорѣе къ защитникамъ старыхъ системъ, но тѣмъ не менѣе, по поводу совершенія перваго года Эльзасской школы, и въ виду ея необыкновенныхъ успѣховъ, находитъ себя вынужденною признаться, „что по этой системѣ (т.-е. принятой въ Эльзасской школѣ и выше указанной нами) воспитанники получаютъ развитіе болѣе сильное и мыслящее, однимъ словомъ, болѣе существенное, нежели по системѣ соответствующихъ классовъ въ заведеніяхъ (т.-е. въ лицеяхъ), гдѣ примѣняются старыя программы“ ¹⁾. Пользуемся настоящимъ случаемъ, чтобы привести встатіи мнѣніе и нѣмецкихъ современныхъ педагоговъ о среднихъ учебныхъ заведеніяхъ во Франціи. Одно изъ такихъ мнѣній было выражено на-дняхъ въ „*Kölnische Zeitung*“ (4 September, III Blatt: „*Bemerkungen über das französische Unterrichtswesen*“), въ

¹⁾ ...Dans ce système les élèves recevrons une culture plus forte et plus raisonnée, en un mot, plus substantielle que celle qui leur est donnée dans les classes correspondantes des établissements où l'on applique encore les vieux programmes.

той самой „Кёльнской Газетѣ“, гдѣ высказывались не такъ давно прямо противоположныя убѣжденія, въ корреспонденціяхъ ея изъ Петербурга, по поводу нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній; въ сожалѣнію, какъ мы видимъ теперь и на этомъ дѣлѣ, нѣмецкая печать имѣетъ всегда особый аршинъ всякій разъ, когда дѣло идетъ о Россіи. Вотъ какъ разсуждаютъ въ „Кёльнской Газетѣ“ теперь о недостаткахъ классическихъ школъ во Франціи: „Что нужно преобразовать въ лицейскомъ (среднемъ) преподаваніи—это ясно: уничтоженіе или, по возможности, ограниченіе числа пансіонеровъ, ослабленіе системы класснаго преподаванія, лучшее раздѣленіе предметовъ обученія, введеніе педагогически болѣе рациональныхъ методовъ, вмѣсто зубренія, оставленіе въ классѣ слабыхъ учениковъ, *меньшее предпочтеніе латинскаго, и именно латинскихъ рѣчей, изученіе новѣйшихъ языковъ* и т. д. Между людьми, писавшими въ этомъ смыслѣ, М. Бреаль занимаетъ первое мѣсто, и Ж.-Симонъ (министръ народнаго просвѣщенія) въ своихъ реформахъ очевидно былъ вдохновленъ имъ. Главнымъ образомъ онъ предписалъ (циркуляръ 27-го декабря 1872): отмѣнить латинскую версификацію, отмѣнить (начиная съ четвертаго класса) переводы съ французскаго на латинскій и греческій и т. д. ¹⁾ Хотя авторъ и находитъ, что послѣднее, при благоразумномъ употребленіи, могло бы быть удержано съ пользою, но тѣмъ не менѣе, онъ отзывается вообще съ величайшею похвалою о реформѣ Ж.-Симона, самъ требуетъ, какъ мы видѣли, такой же реформы, и все это теперь печатаетъ „Кёльнская Газета“, забывъ свои петербургскія корреспонденціи, гдѣ все подобное реформѣ Ж.-Симона подверглось безусловному осужденію.

М. С.

Бухонъ, 16/28 августа.

¹⁾ Was am Lycealunterricht zu reformiren wäre, ist klar: Abschaffung oder möglichste Beschränkung des Internats, Abschwächung des Classenlehrersystems, bessere Trennung der Unterrichtsgegenstände, Einführung pädagogisch-rationaler Methoden statt des Auswendiglernens, „Sitzenbleiben“ für ungenügende Schüler, mindere Bevorzugung des Lateinischen und namentlich der lateinischen Reden, Erlernen der moderner Sprachen... Unter denen, welche in diesem Sinne geschrieben haben, steht M. Bréal oben an, und J. Simon hat sich in seinen Reformen von ihm augenscheinlich inspiriren lassen. Hauptsächlich schrieb er vor (Circular vom 27 December 1872): Abschaffung der lateinischen Verse, Abschaffung (von quatrième an) der Uebersetzungen aus dem Französischen ins Lateinische und Griechische...“

ИЗВѢСТІЯ

Общество для пособия нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Засѣданіе комитета 2-го, 16-го и 30-го іюля 1874 г.

1) Выдано 150 р. писателю, находящемуся временно въ затруднительномъ положеніи.

2) Положено отпускать въ теченіе трехъ лѣтъ по 300 р. на воспитаніе дѣтей покойнаго писателя.

3) Изъявлена благодарность Общества саратовскому губернатору, редакціи „Кавказъ“ и князю Н. Д. Чавчавадзе за содѣйствіе ихъ комитету, и А. Н. Нисченкову за пожертвованіе 170 р. 60 к., вырученныхъ отъ лекцій его въ Саратовѣ.

4) Выдано писателямъ, находящимся въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ—одному 100 р., и другому 25 р.

5) Выслано 80 р. больному писателю.

6) Выдано 150 р. больной писательницѣ на поѣздку къ морскимъ купаньямъ и вообще на леченіе.

7) Студенту харьковскаго университета Станиславу Раздольскому предоставлена стипендія Е. П. Ковалевскаго въ 150 р. и продолженъ на полгода отпускъ денегъ другому стипендіату Е. П. Ковалевскаго, Н. Черняву.

8) Отклонены ходатайства семи лицъ.

Отчетъ казначея за июнь.

Къ 1-му іюня въ кассѣ было 63,129 р. 46 к.; поступило: взносы 12 лицъ ¹⁾ 150 р.; отъ А. Н. Нисченкова 170 р. 60 к.; въ возвратъ части ссуды 25 р. Израсходовано: на пенсіи 160 р.; одновременно 8 лицамъ 555 р.; на стипендіи и воспитаніе 180 р.; на ссуды 1,025 р. Къ 1-му іюля въ кассѣ 61,555 р. 6 к.

Засѣданіе комитета 18-го августа 1874.

1) Выдано 50 р. въ пособіе писательницѣ, находящейся временно въ затруднительномъ положеніи.

2) Выдано 100 р. въ пособіе семейству больного и не имѣющаго никакихъ средствъ къ жизни писателя.

3) Отклонены ходатайства пяти лицъ о пособіи.

4) Отпущено 130 р. на воспитаніе дочери писателя.

5) Изъявлена благодарность Общества М. Д. Попову за доставленіе 73 р., завѣщанныхъ Обществу покойнымъ класснымъ топографомъ оренбургскаго военно-топографическаго отдѣла, коллежскимъ регистраторомъ Алексѣемъ Ивановичемъ Годелемъ. Изъ письма г. По-

¹⁾ За 1872—74 г. отъ А. К. Рихтера 80 р.; за 1873—74 г. отъ С. М. Неклюдова 20 р.; за 1874 г. отъ К. М. Гартевича, А. Д. Дурново, В. П. Илмова, Е. Е. Ковалевскаго, А. В. Креницина, В. О. Лыстыга, С. Г. Рехневской, В. В. Розена, Д. В. Стасова и А. Н. Труворова по 10 р.

пова между прочимъ видно, что А. И. Годель завѣщала Обществу изъ наличнаго капитала 65 р. и сколько окажется возможнымъ изъ суммы, вырученной отъ продажи его имущества, и что изъ этой суммы оказалось возможнымъ отдѣлить для Общества 8 р.

Отчетъ казначея за июль.

Къ 1-му июля въ кассѣ было 61,555 р. 6 к. Израсходовано: на пенсіи 530 р.; на единовременныя пособія 405 р. и на воспитаніе 15 р. Къ 1-му августа въ кассѣ 60,605 р. 6 к.

Засѣданіе комитета 27-го августа 1874 г.

- 1) Изъявлена благодарность Общества М. С. Сушинскому и Н. П. Наумову за содѣйствіе ихъ комитету.
- 2) Выдано 75 р. писателю, находящемуся въ бѣдности.
- 3) Положено отпускать, въ теченіе года, по 15 р. въ мѣсяць на воспитаніе сына писателя.
- 4) Отклонены ходатайства двухъ лицъ о пособіи.

Засѣданіе комитета 10-го сентября 1874 г.

- 1) Положено отпускать на воспитаніе дѣтей покойнаго писателя, въ теченіе пяти лѣтъ, по 60 р. въ годъ.
- 2) Отклонены ходатайства трехъ лицъ.
- 3) Выдано 150 р. больному писателю.
- 4) Выдано 25 р. писателю, находящемуся въ больницѣ.
- 5) Выдано 100 р. писательницѣ, поставленной болѣзнью дочери въ затруднительное положеніе.
- 6) Изъявлена благодарность Общества: а) Н. А. Ваганову и книжному магазину А. Черкесова и К^о за содѣйствіе ихъ комитету, и б) П. В. Синицыну за его пожертвованіе.

Отчетъ казначея за августъ.

Къ 1-му августа въ кассѣ было 60,605 р. 6 к.; вновь поступило 73 р. Израсходовано: на пенсіи 386 р.; на единовременныя пособія 225 руб. и на воспитаніе 330 руб. Къ 1-му сентября въ кассѣ 59,737 р. 6 к.

М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

П Я Т А Г О Т О М А

ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ

СЕНТЯБРЬ—ОКТАБРЬ 1874.

Книга девятая.—Сентябрь.

	стр.
Барчуки.—Картини и рассказы.—I-V.—ЕВГЕНІЯ МАРКОВА	5
Торговая политика Англии.—Историческій очеркъ.—М. ТЕРЕНТЬЕВА . . .	73
Изъ Петрарки.—Сонеты и канцона.—В. П. БУРЕНИНА	109
Гривоздовская Москва въ письмахъ М. А. Волковой къ В. И. Ланской.—1812— 1818 гг.—1818 г., июль—декабрь.—М. СВИСТУНОВОЙ	115
Соловки.—Воспоминанія и рассказы изъ поѣздки съ богомольцами.—XXI— XXXVII.—Окончаніе.—В. И. Н.—Д.	169
Ступи изъ Туркестанской походной жизни.—Рассказъ.—I-IV.—Н. ПОПОВА . .	235
Франческо Петрарка и его ювеналы.—I-III.—АНДЖЕЛО ДЕ-ГУБЕРНАТИСЬ .	251
Куй железо, пока горячо.—Новый англійскій романъ м-съ Брэддонъ.—LVIII— LXX.—Окончаніе.—А. Э.	294
Хроника.—Замѣтка о спосовѣ постройки желѣзныхъ дорогъ.—X.	369
Иностранное Овозраженіе.—Брюссельскій конгрессъ.—Соотношеніе силъ въ Европѣ.—Привнаніе испанскаго правительства.—Власть маршала Сер- рано.—Конча и Доррегаръ.—Особенности карлизма.—Общественное мнѣніе въ Германіи.—Германская дипломатія	403
Корреспонденція изъ Парижа.—Поѣздка маршала-президента и новыя усложненія въ иностранной политикѣ.—N.	420
Нѣсколько словъ въ отвѣтъ на „Нѣсколько словъ“ проф. Саченова.—К. КА- ВЕЛИНА.	435
Библиографическій Листокъ.	

Книга десятая. — Октябрь.

	СТР.
КОНЕЦЪ СТАРАГО РОМАНА.—I-V.—П. АЛЬМИНСКАГО.	441
В. Г. ВЬЛИНСКІЙ.—Опытъ біографіи.—IV. Гегелианство. Развитие мѣстной Бѣлинскаго и его отношенія въ средѣ московскаго кружка. 1837-39.—А. Н. ПЫПИНА	469
ГРИБОВОДСКАЯ МОСКВА въ письмахъ М. А. Волковой къ В. И. Ланской.—1812—1818 гг.—1814 г., январь—іюнь.—М. СВИСТУНОВОЙ.	542
СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКІЯ ОКРАИНЫ.—Поездка русскаго рабочаго въ Индіанъ-Территори.—I-II.—А. С. КУРВСКАГО.	590
ДЖОНЪ СТУАРТЪ МИЛЛЬ и его школа. — Статья восьмая.—ЮР. РОССЕЛЯ.	654
ВТОРАЯ ИМПЕРІЯ въ романѣ Эмиля Золя.—Статья четвертая.—Les Rougon-Macquart, par Em. Zola. T. IV: La conquête de Plassans.—А. Э.	685
ДВА ПИСЬМА ВОЕННАГО ТУРИСТА. — Севастополь-Константинополь. — М. И. БОГДАНОВИЧА.	792
РАЗДѢЛЪ ЗЕМЛИ.—Изъ Шиллера.—В. С. СОЛОВЬЕВА.	808
ХРОНИКА.—Вопросъ о въ улучшеніи судьямъ незаконнорожденнымъ.—А. И.	806
ВНУТРЕННЕЕ ОВОЗРѢНІЕ.—Преобразование мѣстныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ.—Учрежденіе мировыхъ посредниковъ и ихъ дѣятельность.—Поземельныя дѣла и крестьянское управленіе.—Характеръ новаго устройства.—Издержки земства. — Проектъ закона о работѣ малолѣтнихъ на фабрикахъ.—Преобразование квартирной повинности	817
ИНОСТРАННОЕ ОВОЗРѢНІЕ.—Кн. Бисмаркъ и испанскія дѣла. — Интересы германской политики.—Вопросъ о Шлезвигѣ.—Ходъ карлистской войны.—Поездка маршала Магъ-Магона.—Вопросы выборовъ.—Политика партій во Франціи.	841
КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.—Министерскія исторіи въ Пруссіи.—К.	857
ЗАМѢТКА.—Первыя реальныя гимназіи во Франціи.—М. С.	874
ИЗВѢСТІЯ.—Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ	883
БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.	

А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху. 1799—1826 гг. *П. Анненкова*. Спб. 1874. Стр. 334. Ц. 1 р. 75 к.

Нашимъ читателямъ известно новѣйшее изслѣдованіе П. В. Анненкова о Пушкинѣ: оно явилось въ первый разъ отдѣльными статьями въ нашемъ журналѣ и вызвало дѣльную бурю научнаго негодованія противъ автора въ одномъ литературномъ станѣ,—и странное дѣло!—всѣмъ родственномъ по своему духу тому стану, въ которомъ имя Пушкина не пользовалось большимъ почетомъ при жизни поэта. О томъ, какъ въ этомъ станѣ отнеслись бы къ Пушкину, еслибы онъ былъ живъ, можно судить, какъ оцѣнивается этими любителями „истинныхъ талантовъ“, напр., И. С. Тургеневъ. Авторъ съ достоинствомъ отвѣчаетъ въ предисловіи на всѣ выходы нашихъ фарисеевъ современной публицистики и протестуетъ противъ ихъ „расплывающаго ученія“, въ силу котораго и астрономъ, замѣтившій пятна на дискѣ солнца, долженъ молчать, водъ страхомъ обвиненія въ богохульствѣ. Но публика, безъ сомнѣній, найдетъ въ себѣ достаточно независимости, чтобы оцѣнить трудъ почтеннаго автора, помимо трезвона инимихъ почитателей памяти великаго поэта, которую можетъ высказать не дневной свѣтъ, а факельное освѣщеніе, требуемое противниками автора.

Историческія пѣсни малорусскаго народа, съ объясненіями *В. Антоновича* и *М. Драгоманова*. Кіевъ. 1874. Т. I. 336 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Издатели настоящаго сборника малорусскихъ народныхъ пѣсней назвали ихъ „историческими“ въ широкомъ смыслѣ этого слова, по ихъ общественному характеру, въ противоположность пѣснямъ образнымъ и бытовымъ. Полное собраніе составить пять частей, соответственно пяти переложимъ эпохамъ. Въ первый томъ вошли пѣсни вѣка дружиннаго и княжескаго, съ присоединеніемъ перваго отдѣла второй части, а именно, пѣсни о борьбѣ съ татарами и турками изъ вѣка казацкаго. Затѣмъ послѣдуетъ вѣкъ гайдамацкій, грѣшностной и современной, по освобожденіи крестьянъ въ 1861 г. Нѣтъ надобности прибавлять, какую важность могутъ имѣть подобныя сборники для исторической и этнографической науки, которую очевидно издатели имѣли главнымъ образомъ въ виду, такъ какъ они снабдили свое изданіе богатыми комментаріями, какихъ только можно ожидать отъ людей, взявшихся за трудъ съ большимъ знаніемъ дѣла, съ необыкновеннымъ трудолюбіемъ и величайшею добросовѣстностью.

Руководство къ общей патологіи, *Др. Э. Вилъра*. Перев. подъ ред. доцента Универс. св. Владиміра д-ра *Н. С. Афанасьева*. Спб. 1874. Стр. 976. Ц. 4 р.

О достоинствѣ этого труда и его оцѣнкѣ въ своемъ отечествѣ говорить уже одно то, что съ 1862 г. оно выдержало шесть изданій, несмотря на цѣнность книги, обуславливаемую громадною массою матеріала, занявшаго собою въ перелодѣ до тысячи страницъ самаго убогистаго шрифта. Весь трудъ раздѣленъ авторомъ на три главныя части: общія нозологія, этиологія и ученіе о

мѣстныхъ разстройствѣхъ циркуляціи и питанія. Изложеніе снабжено богатыми указаніями на литературу каждаго вопроса и оцѣты, публикованные въ различныхъ медицинскихъ журналахъ. Нѣтъ сомнѣній, что этотъ переводъ окажетъ большую услугу университетскимъ слушателямъ, освобождая ихъ отъ потери времени на составленіе записокъ; оцѣнку же достоинствъ перевода въ техническомъ отношеніи мы должны предоставить специалистамъ.

Курсъ политической экономіи. Сост. *Э. Вредена*. Спб. 1874. Стр. 679. Ц. 4 р.

Вотъ и еще одинъ трудъ, направленный прежде всего къ тому, чтобы освободить академическихъ слушателей отъ непроизводительной затраты времени на составленіе записокъ. Это обстоятельство слѣдуетъ прежде всего принять въ соображеніе при оцѣнкѣ самаго труда, который потому не во всѣхъ своихъ частяхъ одинаково разработанъ, а между тѣмъ практика требовала скорѣйшаго его осуществленія. Специальныя монографіи пр. Вредена извѣстны; они вошли теперь въ общій курсъ и по этой причинѣ соответствующія части курса преимущественно явились разработанными съ большою полнотою, какъ, напримѣръ, интересныя вопросы объ артеляхъ и акціонерныхъ предпріятіяхъ.

Сводъ матеріаловъ по кустарной промышленности въ Россіи. Составл. кн. *А. А. Мещерскимъ* и *К. Н. Модзалевскимъ*. Спб. 1874. Стр. 629.

Развитіе „кустарной“, мелочной промышленности въ селахъ имѣтъ прежде всего значеніе свидѣтельства о неудовлетворительномъ состояніи земледѣлія, плохо вознаграждающаго трудъ, или объ излишнемъ обремененіи рабочей земледѣльческой силы, такъ что земля, какова бы ни была ея обработка, не въ состояніи покрыть всѣхъ расходовъ земледѣльца. Какъ бы то ни было, по кустарной промыселъ является однако подспорьемъ земледѣлію и потому заслуживаетъ вниманія и заботы объ его улучшеніи. Съ дѣлью подсказать мѣры къ тому, Рус. Геогр. Общество и предприняло сдѣлать сводъ по кустарной промышленности въ Россіи, распредѣливъ ихъ на 41 отдѣлъ. По полнотѣ данныхъ и по системѣ настоящій сводъ превосходить всѣ предшествовавшія попытки въ этомъ родѣ.

Романы Вальтеръ-Скотта. Т. IV. Ровъ-Рой. Спб. 1874. Стр. 520. Съ 2-мя картинками, гравированными на стали и 50-ю полтинниками въ текстѣ. Ц. 3 р. 50 к.

Подростающее поколѣніе если знакомо съ романами Вальтеръ-Скотта, то развѣ по передѣлкамъ ихъ, изданнымъ г. Вольфомъ. Насколько художественное произведеніе поддается мипуляціи передѣлокъ—извѣстно. Переводы въ настоящемъ изданіи удовлетворительны, гравюры очень хороши, но вообще изданіе слишкомъ роскошно и потому мало доступно: цѣна отдѣльнаго романа такова, что за нее можно бы дать въ дешевомъ изданіи переводы всѣхъ лучшихъ романовъ Вальтеръ-Скотта, къ числу которыхъ относится безспорно „Ровъ-Рой“.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ВЪ 1875-МЪ ГОДУ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

С.-Петербургъ: 15 р. 50 коп. безъ доставки—16 р. съ доставкою на домъ.

Губерніи: 17 руб., съ пересылкою чрезъ Газетную Экспедицію.

За-границею: Германія и Австрія—19 р.; Бельгія, Нидерланды и Придунайскія княжества—20 р.; Франція и Данія—21 р.; Англія, Швеція, Испанія, Португалія, Турція и Греція—22 р.; Швейцарія и Италія—23 р.; Азія—24 р.; Америка—25 рублей.

Примѣчаніе. При перемѣнѣ адреса изъ С.-Петербурга въ губерніи доплачивается 1 р. 50 к.; а изъ губерніи въ С.-Петербургъ—50 к.; изъ Петербурга или изъ губерніи за-границу—недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ: Главная Контора «Вѣстника Европы», на Невскомъ пр., 30, при книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Вазунова.
» Одессѣ: Книжный магазинъ А. Черкесова и К^о, Преображенская улица, д. Великанова.

Въ Москвѣ: Книжный магазинъ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.
» Харьковѣ: Книжный магазинъ А. Черкесова и К^о, Московская улица, 6.

Примѣчаніе. Иногородние, высылая деньги по почтѣ, могутъ обращаться прямо въ Редацію «Вѣстника Европы», въ Сиб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допускается выдача газетъ и журналовъ.—*О перемѣнѣ адреса* просить извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣсто жительства.—*Жалобы* высылаются исключительно въ Редацію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продается

„ГОДЪ“

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

за 1872—73 гг.

Изданіе редакціи «Вѣстника Европы».

Томъ первый. Сиб. 1873. Стр. 552. Съ приложеніемъ документовъ и Каталогами книгъ русскихъ и иностранныхъ за 1873 г.

Цѣна ДВА рубля съ пересылкою.

Томъ второй, за 1873-74 гг.: готовится къ печати и выйдетъ въ концѣ декабря.

М. Стасюлевичъ. Издатель и отвѣтственный редакторъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Сиб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Невск. просп., 30.

3 2044 009 95

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

UNIVERSITY OF CALIFORNIA
LIBRARY
AUG 15 1983
79103

STALL-STUDY
CHARGE

